СОЛОВЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДЕНИЯ

И. М. ДУРОВ.

ОПЫТ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
РЫБОЛОВНОГО ПРОМЫСЛА
ПОМОРЬЯ

Под редакцией и с дополнениями
Н. ВИНОГРАДОВА.

О. Соловки
1929

СОЛОВЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ

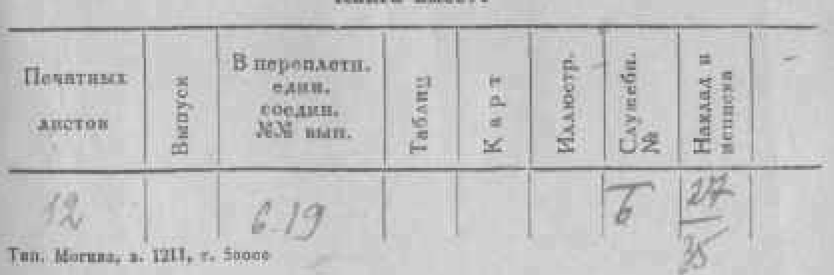
ВЫПУСК XIX.

О. Соловки
1929

И. М. ДУРОВ.

ОПЫТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РЫБОЛОВНОГО ПРОМЫСЛА ПОМОРЬЯ

Под редакцией и с дополнениями
Н. ВИНОГРАДОВА.



О. Соловки
1929

Типо-Литография
ЭКО УСЛОН ОГПУ
Тираж 200 экз.
Карлит 135
Зак. 671

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В 1926 г. член Общества, И. М. Дуров, представил составленный им опыт „промысловой терминологии Поморья". Учитывая большой практический интерес такой работы, О-во постановило напечатать труд И. М. Дурова. Но, ввиду того, что представленный материал обладал некоторыми недочетами, научный сотрудник О-ва Н. Н. Виноградов направлен был в длительную командировку в Поморье, втечение которой весь материал словаря был проработан заново совместно с автором, уточнен и дополнен более, чем на 40%. Результатом этой работы и является издаваемый ныне: „Опыт терминологического словаря".

Словарный материал, представленный в настоящем издании, является бытующим преимущественно в Карельском Поморье, от с. Кандалакши и до с. Нюхчи, включительно. Значительная часть слов и выражений, естественно, в ходу и на Мурманских промыслах. В некоторой степени затронут и словарный материал звероловного промысла.

Собиратель—местный уроженец, и „Опыт терминологического словаря" является результатом его более, чем пятнадцатилетнего наблюдения и изучения бытовой жизни Поморья. При составлении автор пользовался и печатным материалом. (Подвысоцкий А. — Словарь областного Архангельского наречия. СПБ. 1885. Разного рода материалы, статьи и заметки, помещенные в периодических и др. изданиях).

„Опыт терминологического словаря", при всех своих, возможных недостатках, все же, думается, будет иметь значение, как для местных краеведов, так и для научных работников, посещающих Поморье с целью изучения его быта и промыслов.

СОКРАЩЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИМЕН.

Вир. — с. Вирьма.

Канд. — с. Кандалакша.

Кем. — г. Кемь.

Колжм.— с. Колежма.

Нюх. — с. Нюхча.

Повс. — Повсеместно, употребляется во всем Поморье.

Сев. р.— Северный район, охватывающий селения: с. Поньгама, д. д. Летнерецкая, Кандалакша, Гридино, с. Кереть, д. Черная река, с. Княжгуба, с. Ковда, д. Колвица, с. Кандалакша.

Сор. — с. Сорока.

Сор. в.— Сорокская волость, в которую входят селения: Сорока, Шижня, Выг-остров, Сухнаволок и Сальнаволок.

Сум. — Сумской посад.

Южн., южн. р.— Южный район, охватывающий поселения: г. Кемь, с. с. Шуерецкое, Сорока, Выгостров, Шижня, Вирьма, Колежма, Нюхча, Сумской посад, выселок Сальнаволок, д. Сухнаволок.

Остальные сокращения обычны в работах словарного характера.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

Стрн.	стрк.	Следует читать:
17	3 сверху	— Колж.
31	11 снизу	— Выблин-трос. Веревка
32	14 „	— Ударение над словом „тони" лишнее.
34	3 сверху	— Вьюн морской.
38	15 снизу	— Горной, горнёй (чаще),
45	4 „	— Сшить
56	13 сверху	— Заледка Сумская — см. сельдь Сумская.
79	10 „	— Кубас — ударение на первом и на последнем слоге.
102	12 снизу	— На гребень
142	5 „	— Розводье
159	12 сверху	— Сумская заледка — см. сельдь Сумская.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Словарный материал из устных источников записывался фонетически.

Если, наряду с усеченной формой окончания прилагательных, отмечалось употребление и полной формы, то таковая поставлена рядом в скобках.

Два ударения над словом показывают, что оно в живой речи употребляется с различным ударением.

Отмечены слова, употребляемые только в единственном (ед.), или множественном (мн.) числе. В тех случаях, когда употребление слова во мн. ч. возможно, но не наблюдалось, падежи мн. ч. не отмечены.

По техническим условиям в словах, неоднократно повторяющихся, ударение поставлено лишь в одном случае. Не поставлено ударение и в тех словах, где оно приходится на звук ё.

А

Ара́ба, ы, ж. 1) Многолюдная артель рыбаков, состоящая из членов одного или нескольких, родственных между собою, семейств на промыслах.

2) Группа рыбаков во время лова сельди, об'единившихся на весенний период этого промысла в артель. *И больша же у вас араба, что нибудь да заловите.* Южн. р.

Ара́ба карба́сна — см. карбасна араба.

Ара́ва, ы, ж. То же, что и араба. Южн. р.

Арте́лка, и, ж. То же, что и артелька, 1, 3. Повс.

Арте́ль, и, ж. Группа рыбаков, об'единившихся на совместный промысел рыбы или зверя на паевых началах. Артель организуется в виде юридически оформленной или же бытовой на вере единицы. В состав участников артели входят промышленники, имеющие свои орудия лова и инвентарь, а также и физически здоровые люди, не имеющие собственного промыслового снаряжения, но участвующие своим трудом. Число членов в артели колеблется от 3 до 25 (редко более) человек.

Арте́ль зверобоев — группа промышленников, занимающихся преимущественно или же специально ловлею морского зверя: тюленя, нерпы, белухи, морского зайца и др. (ср. Артель). Повс.

Арте́лька, и, ж. 1) Уменьшительное от слова — артель.

2) В смысле: чрезмерно большая и не сработавшаяся для успешной и планомерной работы в промыслах артель.

Ну и артелька же у вас подобралась—народу много, а промысла не видно.

3) Насмешливое выражение об артели, как неорганизованной коллективной единице, преследующей цели индивидуальной выгоды ея членов. *Артелька же у вас, нечего сказать, собралась: кто с Москвы, кто с Вологды.* Пом.

Артельна, ной. Принадлежащая всей артели в целом. Есть поговорка: *артельна каша гуще кипит*, т. е. артельные промысловые удачи бывают куда как успешнее в сравнении с единичными делами промышленников. Пом.

Артельно, нар. Сообща, дружно, единодушно. *Уж очень у вас артельно живут рыбаки-то, оттого и промысел идет хороший. Артельно промышлять, меньше горя терпеть.* Южн. р

Артельной, ая, ое. 1) Общий, коллективный, принадлежащий в целом артели. Есть поговорка: *артельной котел гуще кипит.*

2) О человеке: общительный, сговорчивый, состоящий активным членом в артели. *Он у нас артельной парень, с ним промышлять можно.* Пом.

Артель покрутчиков (покручников)—группа промышленников, работающих из пая на промысле у самостоятельного хозяина-эксплоатетора, промышленника, где этот хозяин предоставляет в распоряжение членов артели, рабочих, орудия лова, промысловые суда, рабочую спецодежду и продовольствие на время сезона промыслов, за что от членов артели требуется их труд по ловле рыбы и зверя. Вся добыча от промысла, за исключением обусловленного пая в пользу членов артели, поступает в распоряжение хозяина, как его собственность.

Артель промысловая—группа людей, об'единившихся для совместного лова рыбы или зверя, имеющего промысловое значение. Пом.

Артель рыбацкая—группа рыбаков на рыбном промысле, занятая совместным ловом рыбы на началах коллективного труда, по паям. (см. Артель).

Артельщик, ка, м. Член артели. Обязанность в многолюдной артели, возлагаемая на одного из членов, по заведыванию продовольственно-хозяйственною частью для членов артели на промыслах. Сев. р.

Ахтерштевень—см. боран.

Б

Баба, бы, бы, аб, ж; иначе *вьюха*.—Деревянный трех- или четырех-ножник, или же столбик на крестообразной подставке снизу. В верхнем конце (головка) бабы утвержден железный (из прута) стержень, на котором свободно вращаются две, крестообразно скрепленные планки, длиною по 1—1,3 метра. По концам планок наглухо закреплено по одному (всего 4) колку, длиною по 18—20 *см.* На эти колки и накладывается (закрепляется) моток некрученой пряжи для сматывания ее в клубок, для употребления при изготовлении рыболовных сетей. Сум.

Бабка, ки, ки, ок, ж. Доска, служащая сиденьем в гребном судне. Иначе—лавка (см. Лавка). Пом.

Бабка кормовая—см. кормова бабка.

Бабка средня—см. средня бабка.

Базар, ра, ры, ов, м.—1) Сборище людей при взморье во время сельдяного промысла в весенний и осенний периоды года.

2) Скопище чаек и других морских птиц на прибрежных морских скалах и береговых утесах. Такого рода скопища птиц в особенности можно наблюдать на прибрежных скалах Мурмана, Новой Земли и других крупных островов Северного Ледовитого океана, а также у берегов Белого моря в периоды массового подхода селедки и корюшки. В данном случае название получилось, вероятно, от того, что крики этих птиц напоминают гул смешанного людского говора на базарах и ярмарках. Пом.

Баклан, на, аны, анов, м. Один из видов морской чайки, обитающей на Белом море и в Ледовитом океане.

Баклыш, ша, ши, шов, м. 1) Небольшой, с крутыми, скалистыми берегами островок среди моря, никогда не покрываемый приливом. Подобные островки не имеют на себе никакой растительности. На этих баклышах особенно любят гнездиться чайки—бакланы. Повс.

2) Колок, при помощи которого скручиваются веревки, связывающие задок у промысловых саней, чтобы составляющие его доски не раз'езжались.

3) Перекладина (колок), при помощи которой упряжь собаки прикрепляется к передку кережки. Вкладывается в особую петлю у передка кережи. (см. Кережа). Сум.

Балаган, ана, ны, ов, м. Шалаш, устраиваемый рыбаками из хвои, или шатер из парусов от своих карбасов, на берегу моря, во время ожидания лова, в периоды подхода рыбы— особенно весною. Повс.

Балан, ана, ны, ов, м. Весы с коромыслом, без скалок, употребляемые поморами для взвешивания тяжеловесных предметов и рыбы. Повс.

Баласной ящик—отделение для балласта в пустом промысловом судне, на дне его. При нагрузке ящик разбирается, и балласт выбрасывается. Повс.

Балка, ки, ки, ок, ж. Печень от рыбы, употребляемая у рыбаков на Мурмане в качестве приправы для придания более жирного привкуса ухе (сравн. Макса). Повс.

Баляс, су и сту, м., ед. Балласт—груз камней или других тяжеловесных предметов, которые поморы кладут в свои промысловые суда для большего их равновесия и устойчивости на воде, особенно во время шторма в море. Повс.

Барабан, ана, ны, ов, м. См. Барабанка.

Барабанка, ки, ки, ок, ж. Большой чан, в котором рыбаки на Мурмане разогревают тресковый жир. Южн. р.

Батары, ов. м.; мн. ч. Сапоги с длинными, почти до бедер, голенищами, сшитые с рантом, из лошадиной прочерненной кожи. Такие сапоги являются незаменимою обувью для рыбака-помора во все периоды его промыслов. Иначе—*бафилы* или *бахилы*. Повс.

Батюшко, ка, м., ед. Океан, север. В выражениях: *вздохнул батюшко* (см.). *Духами припадат батюшко.*

Бафилы, ил; мн., тоже, что—батары. Сор.

Бахилы, ил; мн., тоже, что—батары. Повс.

Бегать, аю, ал. Плавать быстро в каком-либо направлении. Южн. р.

Бежать, жу, жит, жат, жал, жи, гл. Плыть по ветру на всех распущенных парусах. Южн.

Белки, ов; ед. Белок—редко, м. Гребни волн в море, покрытые белой пеной—во время начинающегося шторма в море. Повс.

Белолапко, ка, м.; ед. См.—беля.

Белуга, ги, ух и уг, ж. Морской зверь белуха. Есть примета: *белуга заходила, знать будет морянка.* Южн.

Бель, ли, ж.; ед. Состояние моря, когда горизонт бывает покрыт дымкой стелющегося тумана. Повс.

Беля, нескл., м.; ед. Выражение употребляемое поморами во время плавания, когда стоит штиль, для того, чтобы вызвать попутный ветер. Согласно распространенному среди поморов поверью, во время полного на море штиля возможно вызвать легкий ветерок, переходящий в настоящий сильный ветер, позволяющий продолжать путь на парусах. Для этой цели один из находящихся на судне становится к мачте и, царапая ее ногтями пальцев рук, с присвистом начинает звать: *„Беля, беля, беля, белолапко!“* Это продолжается до тех пор, пока не почувствуется струя легкого дуновения ветра, и парус зарябит. Южн. р.

Берег, га, м.; ед. Часть Поморья в районе селений Сороки, Шижни, Сухого и Вирьмы, расположенных по берегу

Сорокской губы в Онежском заливе Белого моря. Этот район получил название „берег“ вероятно потому, что здесь селения, в противоположность прочим (Шуерецкое, Сумской Посад, Колежма, Нюхча и др.), расположены непосредственно по берегу моря при устье рек и ручьев, протекающих около них. Сум.

Берег грубой—см. грубой берег.

Береговой, ая, ое, ые. 1) Ближний от берега, возле берега, при береге. Повс.

2) О ветре:—дующий с материка или вообще с берега ветер. *Сегодня береговой ветер, можно выезжать в море на промысел без опаски.* Южн. р.

3) О рыбаке:—занимающийся местным (не отхожим) рыбным промыслом—преимущественно речным и озерным. Рыбак, занятый беломорским промыслом, не требующим далеких отлучек от берега, в своей губе, также называется береговым. Южн. р.

Береговой промысел, 1) Промысел рыбы в прибрежной полосе морского залива, возле берега, или у прибрежных островов в море.

2) Промысел рыбы,—вне морских вод, на речных и озерных тонях и заводях.

3) Промысел местного, беломорского значения, называемый так в отличие от океанского, Мурманского трескового промысла. Южн. р.

Бережана, ан; мн. Прозвище поморов—рыбаков селений: Сорока, Шижня и Сухой Наволок. Сум.

Береже, нареч.—Близко к берегу, невдалеке от берега. В противоположность слову *голоменне*.

Бережина, ины; ины, ин, ж. Отмель, идущая от берега в море. Южн.

Бережне, нар. Ближе к берегу, невдалеке от берега. Повс.

Бережник, ка; ки, ков; м. Тоже, что—бережной кубас. Южн.

Бережно, нареч. Близко к берегу, невдалеке от берега. Повс.

Бережной—тоже, что—береговой. Повс.

Бережной кубас—ближний к берегу; обычно с пафуркой (см.). Южн.

Бережной якорь—см. якорь бережной.

Береста, ты, ж.; ед. См. бересто.

Бересто, та; ср.; ед. Верхний слой коры от березы. Из бересты поморы изготовляют кибасы к ловушкам (мережам и неводам) и разные изделия домашнего рыбацкого обихода (кошели, плетенки, солонки и проч.). Повс.

Беспромыслица, цы, ж.; ед. 1) Период внезапного прекращения промыслов.

2) Скудость промысла (см. Промысел). Повс.

Бетать, (только в неопред. накл.) Ехать на перерез или вкось ветра, держаться парусом на ветер. *Надоть бетать, а то понесет обратно.* Повс.

Бетаться—тоже, что бетать. *Пора бетаться, а то нам не успеть добраться до берега.* Повс.

Беть, ти, ж.; ед. Утверждаемая для укрепления поставленной на шнеке, а иногда и на карбасе, мачты, доска над средней бабкой. Оба конца этой бети вставляются в вырезки, выдолбленные в порубнях обоих бортов промыслового судна. Южн.

Бецева, вы, ж. Тоже, что—бечева.

Бецевка, ки; ки, ок; ж. Тоже, что—бецева (уменьшит.).

Бечева, вы; мн.—бечевы, ов; ж. 1)Длинная веревка для буксировки против течения и по порогам, в реках, гребных судов там, где на веслах проезд невозможен. Обычно эта бечева одним концом привязывается за *коцет* около середины судна и притягивается к носу, где за носовой корг она закрепляется якорной петлей. На судне остается один или несколько человек (смотря по нагрузке и величине судна), с шестами в руках, которые направляют судно вдоль

берега, одновременно подталкивая его вперед и облегчая тем труд остальных людей идущих с бечевой. Склоняется также и как прилагат.: *без бечевой; нет бечевых.* Южн.

2) Не очень толстая, трехпрядная, в 12—18 ниток толщины, пеньковая веревка, необходимая: а) для рыболовных снастей, употребляемых при ловле наваги—мережным—и сельди—неводным способами (См. Походня); б) в хозяйстве—для подвязывания, связывания и привязок.

3) Способ тяги судов при помощи бечевы, самый процесс тяги. *Идти бечевой.* Повс.

Бизань, ня, м. Косой парус устанавливаемый на второй от носа мачте на судне, называемой „грот-мачта". Повс.

Бинет, та; ты, тов; м. Дополнительная полоса, приставляемая к нижней окраине паруса на ладье. Повс.

Блесна, ы, ж. 1) Вообще всякий блестящий предмет в воде.

2) Оловянная и всякая другая блестящая модель рыбки, прикрепляемая на леску вместо наживки при уженьи рыбы в проводку. Повс.

3) Зеркальная поверхность воды во время штиля на море. Южн.

4) Узкая полоса на горизонте моря, освещаемая закатом или восходом солнца. Сор., Сум.

Богата, то же что—богатая. Сум.

Богатая, ой, ые. Изобильная рыбой (селдью или навагой) морская губа (залив) у берегов Поморья. Сум.

Богатый, ая, ое.—См.—богатая. Употребляется чаще.

Бойник, или **Гарпунер**—работник на промысловом судне, бьющий острогой или железным гарпуном (копьем) рыбу или морского зверя. Повс.

В Суме употребляются лишь с ударением на последнем слове.

Боковая стойка—см. стойка боковая.

Боковые стенки—1) Части мережи, см. мережа. В един. ч.—оч. редко. Южн.

2) Стороны матицы в неводе, расположенные перпендикулярно к верхнице и нижнице (см. также—стенки боковые). Южн.

Боковые стойки—то же, что ручки у нерши (см.) Сум. Колш.

Больша, (ой,—ые) **вода**—см. полна вода.

Большая, (ой,—ые) **вода**—то же, что—больша вода.

Больша мачта—грот-мачта. Ставится только на парусных судах, а не на гребных. Сум.

Большой морской невод—то же, что большой невод.

Большой невод—Употребляется на Кандалакшских сельдяных промыслах для лова на тонях; вытягивают его на берег при помощи ворота. Сев.

Боран, ана; ны, ов, м. 1) Штевень, последний прямой шпангоут у судна; их два: идущий к носу—форштевень—называется носовой боран, а идущий к корме,—ахтерштевень—кормовой боран. Конец борана называется корг (см.).

2) Гребень морской волны, образующийся из белой пены,—в сильный ветер. *Ишь как бораны то расходились—быть дельцу в море.* Повс.

Боран кормовой—см. кормовой боран.

Боран носовой—см. носовой боран.

Борашко, ка; ки, ков, м. 1 (См.—боран, 2 знач.).

2) Мелкий вал прибоя около прибрежных морских скал. Повс.

Бот, та; ты, тов; м. Парусное промысловое судно с крытой палубой, с одной мачтой, типа—клипер. Повс.

Ботик, ка; ки, ов; м. Бот небольших размеров, часто особо тщательно отделанный, красивого устройства. Повс.

Боценок, нка; нки, нков; м. Боченок, бочка, вмещающая в себя не более 24,5 клгрм. (1½ пуда) соленой рыбы. Сев.

Боцецька, ки. ки, цек; ж. (бочечка).—Аккуратная по своим размерам, подручная по об'ему посудина типа бочки.

Боцька, ки; ки, цек; ж. 1) Всякая посуда неопределенной величины, пригодная и для рыбы, и для воды, и для прочих продуктов и жидкостей. Вмещает рыбы свежей от 2 до 25 пудов.

2) Средная часть мережи от 3 до 12-13 обручей (см. мережа). Южн.

Бочка, ки; ки, чек; ж. То же, что и—боцька. Повс.

Бочка двудонна,—см. двудонна бочка.

Бральщик, щика и бральщика, щики—щиков; м.
1) Скупщик наваги, сельди и прочей рыбы.
2) Помощник скупщика, набирающий для него рыбу. Сум

Бральщиця, цы; цы, щиц, ж. Женщина, набирающая для скупщика рыбу. Сум. Сор.

Братко, нареч. (от слова брать). Жадно, цепко (о рыбе, когда хорошо клюет). *А братко же сегодни клевала рыба на лесу.* Южн.

Брать в забор—1) Забирать товар у заготовителя под будущий промысел рыбы.

2) Получать в счет будущего заработка у хозяина—промышленника припасы и деньги для продовольствия семьи до начала промысла, или до окончательного расчета с хозяином по окончании промысла. Южн.

Бредни, ей; мн, м.—Сапоги с высокими голенищами. Повс.

Бредник, ка; ки, ков, м. 1) Мелкий, глубиною не выше колена, залив в море, который можно перейти в брод. Повс.

2) Отмель, поросшая водорослями, через которую можно перебродить. Южн.

Бродаки, ов; мн. м.—То же, что бредни. Повс.

Бродник, ка: ки, ков, м. То же, что бредник. Сек.

Броды, ов; мн. м.—То же, что бредник 2. Южн.

Брюга, ги; ги, юг, ж. Морская пристань, с под'емником или краном для тяжелых грузов, и большим баланом—весами для взвешивания груза тут же на пристани. Южн.

Буглин, на; ны, нов, м. Тоже, что—буглина. Повс.

Буглина, ны; ны, лин, (мн. ч. очень редко), ж. Веревка с железным крючком, идущая от середины паруса и посредством которой парус натягивается для того, чтобы не рябил при крутых параллельных носу карбаса ветрах. Для расширения паруса упирают в него шест, называемый буглинной шост. (См.) Повс.

Буглинка, ки; буглинки, буглинок, ж. Тоже, что буглина. Повс.

Буглинной шост—деревянный брусок, употребляемый для расширения полотна паруса (см. буглинка). Повс.

Бугор, ра; ры, ов, м. Голая скала на морском берегу, лишенная растительности. (Срв. Гледень, 2).

Будка, ки; ки, ок, ж. Каюта на корме, имеющаяся на всяком промысловом судне. (см. ела). Южн.

Буевка, ки; ки, ок; ж.—Веревка соединяющая промысловую снасть с буем. Южн.

Буек, ка; ки, ков; м. Буй небольших размеров, маленький буй. Повс.

Буй, я; и, ев; м.—Деревянный кругляш в 50-75 *см.* длины, с зарубкой на одном из концев его для завязыванья веревки (см. буевка), котерая другим концом соединяет снасть, якорь или вообще тяжесть, предмет, опускаемый на дно моря, реки или озера. Буй ставиться с целью определить место находящегося под водою предмета. Он подвязывается также к донным якорям, служит знаком, указывающим на соседство мели. Прикрепляется и к промысловым морским снастям. Повс.

Буксы,—букс, мн. ч. Норв.—Брюки, сшитые вместе с нагрудником и подтяжками (см. масленна одежда). Южн.

Бутко, наречие. Вертляво, неустойчиво. Там же.

Буткой, бутка, бутко. Ударение преимущественно на первом слоге. (О промысловом судне типа—ела, тройник,

бот, карбас) — вертлявый, неустойчивый на поверхности воды. *Ну и буткой же у тебя карбас, без балясу не выехать.* Сум. Сор. в.. Колж.

Бухмариться, итсч (безлично). Хмуриться, становиться пасмурной Говорится только о погоде, когда горизонт заволакивается тучами и туманом при резких переходах. Повс.

Бухмарно. Пасмурно, облачно. Повс.

Бухмарной, ая; ое, ые. Пасмурный, облачный. Повс.

Бухмарь, (только в ед. ч.). Быстрая перемена погоды на худшую. Тень от облаков, закрывших солнце в яркий день. Наступивший внезапно мрак. Повс.

Бухтина, ны; ны, ин; ж. Складка в парусе, во время ряби при затихании ветра или между порывами ветра. Повс.

В

Вал, а, ы, ов; м. 1. Морская раскатистая широкая волна с пенистым гребнем. *Кто на валу не бывал, тот и страху не видал. Кто валу брат, тот и черту сват,* — кто смог бороться с морской волной, тому ничто больше не страшно. *Вал в мори—всему голова,* т. е. самое опасное для парусного судна—морские бурные волны. Повс.

2. В пожеланиях: *Чтобы тебя с первого вала да на девятый*—пожелание сильного шторма во время пути по морю парусному или гребному судну.

Валки, ов,—см. валок.

Валок ,ка; ки, ков; м. Некрупная по размерам, но опасная для плавающих парусников и промысловых судов волна, преимущественно на отмелях в море. Говорится преимущественно в множ. числе.

Варака, ки; ж. (по обяснению А. И. Шренка, от финского слова: *ваари*, означающего—скала, гора, или лопарского—

гора с плоской вершиной. 1) Вообще же слово варака означает преимущественно скалу, скалистую лишенную древесной растительности гору. Повс.

2) Скалистый берег, скалистый остров в море. Таков, например: Немецкая варака — один из скалистых безлесных островов, носящих общее название Кузова, между Кемью и Соловками.

3) Лес на скалистом возвышенном берегу моря. Повс.

Варака Немецкая—см. Варака, 2.

Варвареньска сельдь—промышляемая в Сорокской губе около 6/19 декабря.

Варгаевська клуша. Род полярной морской чайки, обитающей у берегов гавани при г. Вардегуз в Норвегии. Южн.

Вардегуз. Город в Норвегии. См. Варгаевська клуша.

Варенец, ца, м. ед. Жир, добываемый путем вытапливания в котлах, низшего качества. См. Сыроток. Повс.

В берегу. 1) В районе поморских селений—Сороки и Шижни. Сум.

2) Около берега, вблизи от берега. *Ихни мережи стояли в берегу и много попало наваг.* Южн.

В голомя. Вдаль от берега, в открытое море (см. голомя) Повс.

В дреф ложиться,—см. ложиться в дреф.

Веденьевска сельдь—промышляемая в ноябре месяце в Сорокской и Сумской губах. Южн.

Веять, вею, веет, веют, ял; (о ветре)—дуть слегка, тихо, чуть заметно, когда чувствуется едва заметное легкое течение ветра, попутное промышленнику. Южн.

Веревка, ки; ки, ок; ж. Общее название для разнообразных, средней толщины, от 6 до 18 прядок, сплетений. Срвн. бецевка.

Веревоцька, ки; ки, ок; ж. 1) Небольшой обрывок веревки.

2) Тонкая бичевка, употребляемая рыбаками для посадки сетей.

Верста с гаком. Верста с лишним, расстояние больше версты на некоторую неопределенную величину.

Верхница, цы; цы, ниц, ж. Верхняя часть раз'езда, окаймленная тетивою. См. Мережа. Южн.

Верхняя тетива — см. Тетива.

Верхова вода, верховодка, верховодица. 1) Прибылая от дождя или от весеннего таяния снегов в реках и озерах вода. 2) Морская вода, поднявшаяся в реку с моря и несколько изменившая обычный свой вид и вкус. Такое явление наблюдается во время штормов и весенних больших морских приливов.

Верховодица, ы, ж.—тоже, что—верхова вода (см.).

Верховодка, ки, ед. ж. 1) Тоже, что—верхова вода (см.) 2) Редкое юро мелкой селедки в море, или плотвы в озерах, плавающей по поверхности воды на солнцепеке. Повс.

Весёлко, ка; ки, ср. Уменьшит. от весло. Карбас управляется веселком.

Весельцо, ца; цы, ец, ср. Уменьшит. и ласкат. от весло.

Весельщик, ика; ики, ков, м. 1) Работающий только на веслах рыбак—пайщик (в артели или у хозяина), или наемный рабочий во время трескового промысла на Мурмане—в шняке, еле или иного типа промысловом судне. 2) Постоянный гребец в гребном судне, морском карбасе. Южн.

Весёлышко, ка; ки, ок, ср.—ласкательное от весло. Повс.

Весло, а; а, ел, ср. Орудие, при помощи которого двигают гребное судно по воде. Оно состоит из следующих частей: ручка, мылица, голяшка и перо. По своему виду весло разделяется на гребное и кормовое или правильное. Весло бывает карбасное и шнёчное. Повс.

Весло правильное—см. правильное весло.

Весновальной карбас—см. креневой карбас.

Весновать, ую, ет, ют. Промышлять в море рыбу и зверя раннею весною, начиная с первых весенних оттепелей,

до летних промыслов. Веснуют на специальных весновальных карбасах (см.) в островах на море. Бьют тюленя, нерпу, белуху, а такжеи других зверей, промышляемых в весенний период времени. Промышленники, отправляясь на веснованье, забирают с собой все необходимое длял ромысла и хлеб с запасомна месяц или полтора, пока побережье моря не очистится окончательно от льда. *Кака стара, еще весновали сей год.* Повс.

Ветер—один из наиболее важных факторов в промыслах. Кроме общего значения встречается в специальных выражениях: 1) ветер духами (см.). 2) Горный ветер, ветер с горы (см. Гора). 3) Летней и летний ветер (см.). 4) Покосной ветер (см.). 5) Ветер на встречу: встретной, встречной, стретной, стречной ветер (см). 6) Ветер торокамн (см.). 7) Голомянной ветер (см. Голомя). 8) Меженной, меженной ветер (см.). 9) Относной ветер (см). 10) Сельдяной ветер (см.). 11) Солнце пришло на ветер (см. солнце). 12) Из-под ветра, из-под ветренной стороны (см.). 13) Ветер пал на встречу (см.), или на стречу—подул противный ветер (см. пасть).

Ветер в зубы—выражение о противном ветре, который при движении лодки приходится с носу на корму и как раз кормщику в лице, а гребцам, сидящим за веслами, в спину. *Коли ветер в зубы, дак сиди дома на печке.* Повс.

Ветер встретной—то же, что ветер на встречу.

Ветер встречной—то же, что ветер на встречу.

Ветер голомянной—см. голомянной ветер.

Ветер горней,—см. горней ветер.

Ветер духами. Порывистый, неровный, то стихающий, то усиливающийся ветер, дующий порывами. См. Дух. Повс.

Ветер летней—см. летней ветер.

Ветер меженной—см. меженной ветер.

Ветер меженной—см. меженной ветер.

Ветер на встречу—противный ветер, препятствующий ходу судна на парусах, неблагоприятный для парусного судна ветер. Повс.

Ветер относной—см. относной ветер

Ветер покосной—см. покосной ветер.

Ветер с горы—см. Гора. Тоже, что горный ветер.

Ветер сельдяной—см. сельдяной ветер.

Ветер с моря—см. Море.

Ветер стретной—тоже, что ветер на встречу.

Ветер стречкой—тоже, что ветер на встречу.

Ветер тороками—чрезвычайно сильный ветер на море, дующий неправильно, порывами; шквал порывами—см. Торок. Южн.

Ветер тороками припадает—см. ветер тороками.

Ветра выпало—см. выпало ветра.

Ветра много припало—см. припало много ветра.

Ветра припало—см. припало ветра.

Ветренница, цы; цы, ниц, ж.—Доска, составляющая обшивку бортов шняки с наружной и внутренней стороны.

Ветренно, нар.—Дует довольно сильный, холодный, пронизывающий насквозь ветер. Повс.

Ветренной, ая, ое. Идущий с ветром, прибывший с ветром, гонимый ветром. Также в выражениях: 1) Ветренной гость—говорят о прибывшем с моря, а не с сухого пути, госте. Ветренными гостями называются также ожидаемые семьею помора добычники-рыбаки, возвращающиеся с морских дальних промыслов—с берегов Мурмана и Новой Земли.

2) Ветренной корабль—парусной корабль океанско-морского плавания;

3) Ветренна(я) свинка—небольшое, весьма темное, гонимое сильным ветром и вследствие этого как бы в клочки разорванное облачко.

Ветрище, ща; ед., увелич. Очень сильный ветер.

Ветховой отжив. Движение рыбы при полном ущербе (последняя фаза) луны—см. отжив. Повс.

Веха, хи; хи, вех; ж. 1) Знак на фарватере для ограждения судов берегового плавания от подводных камней и отмелей. Устанавливается на опасных местах. Делается из тонкой длинной елки или сосны.

2) Знак, примета из связанных в пучек хвоек сосны или ели для опознавания места, где установлены по губе мережи или другия орудия лова на промысле. Повс.

Вечерия(я) вода. Уровень воды на море в вечерние часы. Так как морские отливы и приливы находятся в зависимости от фаз луны, то время их наступления втечение месяца постоянно изменяется, проходя все этапы суток, ежедневно передвигаясь на 2—3 часа в сутках, вода от воды. Таким образом на следующие сутки в часы настоящей воды стоит уже другая вода, наблюдается другой уровень воды.

Вешить, шу, ит, ат, ил. 1) Ставить вехи по фарватеру реки и на взморье, для указания правильного пути и опасных мест.

2) Забирать хвоей и хворостом стену для забора или убега (см.). Повс.

Вешка, ки; ки, ок; ж. Маленькая веха, состоящая из одной хвойки. Иначе—хвойка. Повс.

Вешна, ны, ед. 1) Отправка поморов на весенний трековый промысел на Мурманский берег.

2) Самый путь, который в старое время совершался пешком по Поморью и на оленях по Лапландии через тундры и болота Севера на 1000 с лишним верст. В настоящее время, благодаря железной дороге—Мурманке, этот тысячеверстный полуторамесячный тяжелый путь облегчился и значительно ускорился.

3) Весь период времени весеннего трескового промысла. Обычно отправка рыбаков, как прежде, так и теперь, на Мурман—в становища (где их ожидают летние, досчатые

домики—станы (см.) и в них свои снасти и орудия промысла), начинается, приблизительно, в половине марта месяца и заканчивается с открытием навигации. Южн.

Вешной промысел. 1) Весенний период ловли рыбы и зверя у берегов Белого моря, в реках и озерах Поморья.

2) Первый весенний тресковой улов у берегов Мурмана в Северном Ледовитом океане. Повс.

Вешняя, ей, ед. 1) То же, что вешной промысел.

2) Термин, определяющий качество весеннего улова сельди. *Вешняя сельдь хуже осенней.* Повс.

Вжар—кульминационный пункт морского прилива или отлива, самый его разгар, когда течение достигает наибольшей силы. (см. Вода 8). Повс.

Взводень—то же, что зводень.

Взглавы—выдавшаяся в море оконечность острова или материка. Сев.

Взглавье,—вья, ед.; ср.—то же, что и взглавы. Сев.

Вздохнул батюшко. 1) Выражение, определяющее переход от морского прилива к отливу и обратно. Сев.

2) Употребляется также при резком переходе в погоде от теплой, с южными ветрами, к внезапному холоду с северным ветром со стороны океана, приносящим обычно шторм на море. Повс.

Взморье, рья, ед.; ср. Морской берег около устья рек, в заливах моря, где вода от влияния речной становится более пресной.

Вилака, ки; ки, ак; ж. Тонкое длинное, около двух сажен, удилище из березового или из рябинового прута. Сор.

Вица, цы; цы, иц; ж. Перекрученный ствол тонкого, молодого деревца, употребляемый в качество веревки для скрепления и связывания. Вица приготовляется из молодых побегов черемухи, березы, ивы. Повс.

Вкось воды— 1) С таким расчетом, чтобы струя воды в установленную сеть била с боку, наискось, в соответствии с ходом юро рыбы.

2) Выражение, относящееся к струе воды морского или речного течения, бьющей в установленную в нее сеть сбоку, наискось, в соответствии с ходом юро рыбы. Южн. р.

3) В смысле: плыть на судне по воде, струя которой ударяется в бок (по борту) судна. Повс.

В обмет измерить—см. измерить в обмет.

Вода, ды; ды, вод; ж. 1) Период времени (около 12 часов), в продолжении которого совершается морской прилив и отлив. Так. обр. в сутках две воды. Замечая состояние воды во время прибрежных поездок, поморы определяют с достаточною верностью и употребленное на поездки время. *На палой воды вышли, а туда на другой сухой стали,* т. е. на поездку употребили 15 часов. Отсюда и продолжительность выезда в море на промыслы определяется словами: одна вода, две воды, на одну воду, на две воды и т. д. Повс.

2) Промежуток времени в шесть часов между приливом и отливом.

3) Направление движения воды во время приливов и отливов, примечаемое рыбаком на промысле во время установки орудий лова. Повс. Отсюда выражения: на палую воду, на прибылую воду,—т. е. устанавливается ловушка (мережа или невод и др.) с таким расчетом, чтобы вход у нея для идущей всегда вкось течения рыбы, был направлен по течению воды в период времени от воды до воды. По воды—по течению морской или речной струи, а встрет воды—значит, против ее течения.

4) Термин, обозначающий у помора время существования судна или промысловых орудий лова. Если, например, говорят: судно на пятой воды, судно трех вод, мережа по третьей воды, невод на седьмую воду, то это значит, что— судно служит пятый год, три года, мережа—два года-третий, невод—шесть лет на седьмой.

Вода больша(я)—см. полна вода.

Вода верхова(я)—см. верхова вода.

Вода вечерня(я)—см. вечерняя вода.

Вода вольна (я)—см. вольная вода.

Вода вперла—говорится, когда после малой воды начинается прилив, т. е. обратное движение воды. Срвн.—сувой.

Вода выпала—см. выпала вода.

Вода денная—см. денная вода.

Вода дневная—то же, что денная вода.

Вода жаркая—см. жаркая вода.

Вода живая—см. живая вода.

Вода зажила. Начался прилив, началась прибыль, повышение воды. Южн.

Вода заледная—см. заледная вода.

Вода запала—см, запала(я) вода.

Вода заприбыла(я)—см. заприбыла(я) вода.

Вода кротка—см. кротка вода.

Вода мала(я)—см. малая вода.

Вода меженная—см. меженная вода.

Вода ночная—см. ночная вода.

Вода пала—см. пала вода.

Вода пала(я)—см. палая вода.

Вода полна(я)—см. полна вода.

Вода пошла в жар—см. жаркая вода.

Вода прибыла(я)—см. полна вода.

Вода скротела—см. скротеть.

Вода стала кротеть—см. кротеть.

Вода сухая—см. сухая вода.

Вода темная—см. темная вода.

Вода тихая—см. тихая вода.

Вода утренняя—см. утренняя вода.

Вода целая—см. целая вода.

Водолей, ея; еи, ев; м. 1) Матрос или рабочий на паруснике, занимающийся отливаньем воды из судна ручным способом, при помощи насоса (помпы). Южн.

2) Облако на горизонте, в море, в виде клубов белого дыма (кучев. и под.). *По небу заходили водолеи—скоро дождю надо быть.* Повс.

Водопоймина, ны; ны, ин; ж. 1) Камни или отмели в море, покрываемые водою во время морского прилива и поэтому обманчивые даже для опытных мореходов.

2) Выдающаяся в море часть берега. Сор., Сев.

Водополье. Весенний разлив воды, высокий под'ем воды.

Водохошь, ши; ж., ед. 1) Многоводие, особенно весеннее (разлив), после ливней и осеннее.

2) Носящийся около торосов лед. Сев.

Водушка, ки; ки, шек; ж. 1) То же, что полая вода 2 (см.).

2) Свободная чистая вода,—открытое, среди сплошных льдов, водное пространство в море. Срвн. разводье. Южн.

Воды Иваньски—см. Иваньски воды.

Воды Иваньско-Петровски—см. Иваньско-Петровски воды.

Воды Петровски—см. Петровски воды.

Воды Успенски—см. Успенски воды.

Волна наберат гребень—см. гребень 2.

Волоха, хи; хи, ох; ж. Занесенное илом или песком устье реки. Сев.

Вольная вода—см. живая вода.

Вольной промысел. Промысел селедки неводами на свободных, не успевших еще замерзнуть с осени, или же освободившихся весною от плавающего льда водах побережья Белого моря. Повс.

Воронуха, хи; ж. 1) То же, что сувой (см.).

2) Подводный риф, отмель, где сталкиваются два противоположных течения, образуя сувой. Южн. Сум.

Ворот, та; та, ов; м. 1) Ручное, деревянное колесо, устанавливаемое рыбаками (вертикально, на стержне,—нижний конец в пятке, а верхний в перекладине между двух столбов, вкопанных в грунт берега на морской тоне) для тяги невода на берег во время лова сельди. Сев.

2) Вращающееся в горизонтальном положении на осях круглое дерево для наматывания цепей и канатов. Бывают и вертикальные ворота. Повс.

Ворота, от; мн. 1) Узкий морской пролив между островами или материком и островом, где наблюдаются особо сильные течения. Примеры: пролив между Соловецким и Б. Муксоломским островами. Узкий пролив между лудами в Онежской губе Белого моря, на пути от Сумского посада к с. Колежме, называемый Железны(е) ворота. Сум., Колж., Нюх., Вир., Сор. в.

2) То же, что завеска 1.

3) Отверстие в стене убега, шириною до 1-$1\frac{1}{2}$ метра для установки в нем, во время лова, нерши или мережки убежницы (см. Убег). Сум., Колж. Вир.

4) Отверстие в заборе, оставленное для прохода судов см. забор). Повс.

Воротца, тец; мн. 1) Пролив меньших размеров, сравнительно с воротами.

2) См. убег.

3) Проход в тайник завески, образуемый крыльями (см. завеска 1.) Повс.

Восемьнадцати-прядная стоянка—см. ярус.

Воюкса, сы; ед. ж. Жир от рыбы исключительно тресковых пород, вывариваемый из печени (максы) и внутренностей этих рыб на Мурмане. Южн.

Впереть, вопрет, вперла — о воде, когда она начинает прибывать во время прилива, после малой воды. Вода вперла—прилив.

Вперла вода—см. вода вперла. Сум.

В разрез воды. Перпендикулярно течению реки. Повс.

В соль—приготовить рыбу для посола; засолить рыбу. См. класть в соль. Южн.

В соль класть—см. солить.

В соль положить—см. солить.

Вспрыскивать, только **вспрыскиват** — то же, что прыщет. Южн.

В стамике. В высоту, в ширину, сверху до низу (о сети). *У нас перемет в стамике 2 метра будет.* Кем.

В стамики попасть—см. попасть в стамики. Повс.

Вcovering

Вток, ока; оки, ов; м. 1) Восток, страна света.

2) Восточный ветер, 9-й румб компаса. Солнце на этом румбе находится в 6 ч. пополуночи. Когда на этом румбе луна, вода в отливе на половину. *Надо ждать встоков.* Повс.

Всточный, ого; ые, ых. Восточный. Повс.

Всточный ветер—см. вcток 2.

Встрет воды. Против течения или движения воды. См. вода 3. Повс.

Встретной ветер—см. ветер навстречу.

Встречной—то же, что встретной.

Встрик—то же, что стрик.

Второе горло. Конусообразная сеть, вставляемая в мережу (см.) между 4—5 и 7—9 обручами. Южн.

Второй двор—см. двор второй.

Выбежать, гу, жит, гут, жал. Отплыть из бухты после шторма, при благоприятных условиях дальнейшего плавания до конечной цели следования судна. Южн.

Выблин. Трос, веревка от [illegible] и до 1 дм. толщины. Южн.

Выгребать, аю, ет, ют, ал. 1) Идти с трудом на веслах во время встречного ветра и волнения, или же против быстрого встречного течения; выбираться при помощи весел из водоворотов и сувоя.

2) В море—идти на веслах на ветер, чтобы получить возможность плыть далее под парусами. Повс.

Выгрести, бу, ет, ут, еб. Соверш. вид от—выгребать (см.).

Выгрохотить, чу, тит, тят, тал. Закончить отливанье наваги или сельди, отчистку ее от камней, снегу и др. примесей. Южн.

Вызудить, зужу, ит, ил. О погоде, когда сильный, резкий, пронизывающий, с дождем ветер прохватит человека насквозь; пробрать до костей. Сум., Сор.

Вылопатить, чу, ит, ят, ил. 1) То же, что выгрести.

2) Выбраться с судном при помощи весел на ветер, плывя против ветра, или же при ветре вкось, на парусах. Ср. покосить. Повс.

Вымёт, та; ты, ов; м. 1) Выброшенный волной на берег мертвый морской зверь. Выметом называется преимущественно раненый во время промысла, но успевший ускользнуть морской зверь, он не может долго плавать и вскоре издыхает. Мертвого его часто выкидывает волною на берег или кошку. По старинному обычаю, право собственности на вымёт, кто бы не ранил его, принадлежит нашедшему зверя. Из вымета так же вытапливается жир, который однако, не так чист, как из свежего зверя. Сев.

2) Выбрасывание невода в море для ловли рыбы.

3) Во время весеннего и осеннего (до замерзания губы) лова сельди неводом—период нахождения невода в воде, с начала его выметывания в море до окончания выборки из воды обратно в карбас или на берег тони,—смотря по расположению тони и условиям лова. Повс.

Выметать, чу, чет, чут, ал. Забросить невод в море для улова рыбы.

Вымётывать, аю, ет, ют, ал. Выбрасывать сети в море для получения улова рыбы или зверя. Выметывают сети в определенном строгом порядке.

Вымётываться, аюсь, ется, ются,ался. 1) Выбрасывать, закидывать невод на ходу карбаса. *Пора выметываться*—забрасывать сети. Повс.

2) О рыбе—выплывать на поверхность воды; см. прыскать. Южн.

Выпадать, ет, ют, ал. Сбывать, убывать, понижаться (относительно уровня воды). Повс.

Выпадка, ки; ки, ок; ж. Резкие перемены атмосферных явлений: снег, выпавший в период весеннего тепла; сильный дождь при северном ветре, пронесшемся ураганом над морем; сильные порывы ветра во время морского плавания судов, причиняющие неприятности и даже аварии в плавании и рыбакам на морских промыслах. Сум., Сор. в.

Выпадка воды. Понижение, упадок уровня, когда вода сбывает. Повс.

Выпала вода. Спала, сбыла—после весеннего разлива. Повс.

Выпало ветра. Начался сильный ветер. Повс.

Выпало много ветра. Подул сильный ветер, началась буря, шторм. Повс.

Выпасть, ду, ет, ут, ал. Совершенный вид от выпадать.

Выпёшивать, аю, ет, ют, ал. 1) Выдалбливать след пешней.

2) Выдалбливать изо льда вмерзший в него предмет или промысловую сеть, мережу и проч. Южн.

Выпокосить, ил, или. Выйти на ветер, путем предварительного лавирования. Ср. покосить. Повс.

Высачивать, аю, ет, ют, ал. Вынимать из проруби или ердани мелкий лед саком. Южн.

Высачить, чу, ит, ат, ил. Вытаскать саком мелкий лед из ердани или какой либо другой проруби. Южн.

Выть, ти; ти, ей; ж. 1) Время принятия пищи. У промышленников, когда они на море, две главные выти: первая, когда солнце придет к обеднику, т. е. в 9 часов утра, и вторая, когда солнце станет на шолоннике, т. е. в 15 часов дня.

2) Количество пищи потребной для насыщения одного человека за один раз. *Ешь, не ешь, а за выть почтут.*

Выхвоить, вою, оит, оят, оил. 1) Забрать из хвои стенку в море для убега. См. убег.

2) Выложить или заложить что-либо ветвями хвойного дерева. Сум., Колж., Нюх., Вир.

3) То же, что и захвоить (см.).

Вьюн, а; ны, ов; м. Хрящевая рыба змееобразной формы из породы миног.

Вюн морской—см. морской вьюн.

Вьюница, цы, цы, иц; ж. Снаряд для ловли миног в р. Суме (около водопадв в центре селения). Имеет вид маленькой нерши, обтянутой сверху рогожей или сетью с мелкой ячеей, взятой от наживочных Мурманских неводов. См. нерша. Сум.

Вьюха, хи; хи, юх; ж. Снаряд для разматывания мотков пряжи. То же, что баба. Сум.

Г

Гак, ка, м., ед. Термин, относящийся к мерам длины и веса неопределенной величины. Некоторый излишек против нормальной величины меры или веса. Отсюда выражения: верста с гаком—расстояние, заключающее в себе по предположениям полную в 500 сажен версту с излишком, который может быть и четверть и пол-версты, а иногда и больше. Этот излишек и составляет гак. Пуд с гаком — с довесом некоторой произвольной величины свыше пуда. Особенно большую роль играет гак среди рыбаков на промысле при определении веса выловленной рыбы до ея реализации. Южн.

Галадья, дьи; ед. Особенный мелкий вид сельди, промышляемой в Сорокской губе. В 1000 штук галадьи весу 24—33 кгр. (1½—2 пуда). Сор. в.

Галанить, ню, ит, ят, нил. Двигать шлюпку или карбас вперед по воде при помощи одного гребного весла с кормы, вращаемого винтообразно руками гребца; весло вставляется в специальную петлю из веревки, а у судна для этого делается выемка на корме, отчего оно двигается довольно быстро по воде вперед, качаясь с борта на борт. Качание карбаса происходит от того, что вращающий веслом с кормы всегда раскачивается всем своим туловищем из стороны в сторону при вращении веслом в воде. Южн.

Галдья, дьи; ед. То же, что галадья.

Галс—веревка, при помощи которой подтягивается наветренный угол паруса. Повс.

Галстушник-зуек—см. зуек.

Галь-яхта—судно парусное с двумя мачтами.

Гарба, ы; ж. (от норвежского слова garn — ставная сеть). Ставная для ловли семги сеть длиною от 10,5 до 21,3 метра, а глубиною (в высоту) в 2,1—3,5 метра, обнесенная сверху и снизу тетивою. К верхней тетиве прикрепляются деревянные (еловые) продолговатые, овальные и ромбодиальные, плоские поплавки, а к нижней — круглые кибасы (натуго заплетенные в бересту камни для того, чтобы они не проходили сквозь ячеи и не путались в сети.) Гарбы окрашиваются темно-коричневой, из ольховой коры, краской. Расставляются они в воде по несколько штук, параллельно, на небольшом друг от друга расстоянии, ребром к берегу на тонях природных или искусственно созданных рыбаками в виде заборов и стен из хвороста. Ячеи в гарвах делаются крупные в 10—20 с/м. Повс.

Гарва, вы; вы, рв; ж. То же, что гарба.

Гардель-фал—см. кардель.

Гарпулёр, ёра; ры, ров; м. То же, что бойник.

Гарпунёр, ра; ры, ров; м. То же, что бойник.

Гафель шхуна. Трехмачтовое парусное судно с косым снаряжением. Повс.

Гладуха, хи; хи, ух; ж. 1) Камень в море, обсыхающий в отлив. Повс.

2) Торос с ровною гладкою поверхностью. На таких гладухах любят располагаться нерпы. Здесь и подстерегают их зверобои-промышленники. См. наледница. Сев., Колж.

Гладца, цы; ед, ж. Гладкая ровная льдина на море или реке. Повс.

Гладь, ди; ди, ей; ж. То же, что гладца.

Глеветь, ею, ет, ют, ел. О рыбе—покрываться плесенью вследствие порчи и разложения. Южн.

Вьюн, а; ны, ов; м. Хрящевая рыба змееобразной формы из породы миног.

Вюн морской—см. морской вьюн.

Вьюница, цы, цы, иц; ж. Снаряд для ловли миног в р. Суме (около водопада в центре селения). Имеет вид маленькой нерши, обтянутой сверху рогожей или сетью с мелкой ячеей, взятой от наживочных Мурманских неводов. См. нерша. Сум.

Вьюха, хи; хи, юх; ж. Снаряд для разматывания мотков пряжи. То же, что баба. Сум.

Г

Гак, ка, м., ед. Термин, относящийся к мерам длины и веса неопределенной величины. Некоторый излишек против нормальной величины меры или веса. Отсюда выражения: верста с гаком—расстояние, заключающее в себе по предположениям полную в 500 сажен версту с излишком, который может быть и четверть и пол-версты, а иногда и больше. Этот излишек и составляет гак. Пуд с гаком—с довесом некоторой произвольной величины свыше пуда. Особенно большую роль играет гак среди рыбаков на промысле при определении веса выловленной рыбы до ея реализации. Южн.

Галадья, дьи; ед. Особенный мелкий вид сельди, промышляемой в Сорокской губе. В 1000 штук галадьи весу 24—33 кгр. ($1^1/_2$—2 пуда). Сор. в.

Галанить, ню, ит, ят, нил. Двигать шлюпку или карбас вперед по воде при помощи одного гребного весла с кормы, вращаемого винтообразно руками гребца; весло вставляется в специальную петлю из веревки, а у судна для этого делается выемка на корме, отчего оно двигается довольно быстро по воде вперед, качаясь с борта на борт. Качание карбаса происходит от того, что вращающий веслом с кормы всегда раскачивается всем своим туловищем из стороны в сторону при вращении веслом в воде. Южн.

Галдья, дьи; ед. То же, что галадья.

Галс—веревка, при помощи которой подтягивается наветренный угол паруса. Повс.

Галстушник-зуёк—см. зуек.

Галь-яхта—судно парусное с двумя мачтами.

Гарба, ы; ж. (от норвежского слова garn — ставная сеть). Ставная для ловли семги сеть длиною от 10,5 до 21,3 метра, а глубиною (в высоту) в 2,1—3,5 метра, обнесенная сверху и снизу тетивою. К верхней тетиве прикрепляются деревянные (еловые) продолговатые, овальные и ромбоидальные, плоские поплавки, а к нижней — круглые кибасы (натуго заплетенные в бересту камни для того, чтобы они не проходили сквозь ячеи и не путались в сети.) Гарбы окрашиваются темно-коричневой, из ольховой коры, краской. Расставляются они в воде по несколько штук, параллельно, на небольшом друг от друга расстоянии, ребром к берегу на тонях природных или искусственно созданных рыбаками в виде заборов и стен из хвороста. Ячеи в гарбах делаются крупные в 10—20 с/м. Повс.

Гарва, вы; вы, рв; ж. То же, что гарба.

Гардель-фал—см. кардель.

Гарпулёр, ёра; ры, ров; м. То же, что бойник.

Гарпунёр, ра; ры, ров; м. То же, что бойник.

Гафель шхуна. Трехмачтовое парусное судно с косым снаряжением. Повс.

Гладуха, хи; хи, ух; ж. 1) Камень в море, обсыхающий в отлив. Повс.

2) Торос с ровною гладкою поверхностью. На таких гладухах любят располагаться нерпы. Здесь и подстерегают их зверобои-промышленники. См. наледница. Сев., Колж.

Гладца, цы; ед. ж. Гладкая ровная льдина на море или реке. Повс.

Гладь, ди; ди, ей; ж. То же, что гладца.

Глеветь, ею, ет, ют, ел. О рыбе—покрываться плесенью вследствие порчи и разложения. Южн.

3*

Гледень, дня; дни, дней; м. 1) Знак в море для указания глубокого места между отмелями, ставится на границе фарватера.

2) Высокие утесы на берегу моря, совершенно лишенные растительности, встречаются на берегу Мурмана. Срв-бугор. Южн.

Глупыш зуёк—см. зуёк.

Глушить—Связывать очищенные от прокисшей наживки уды, привезенного с моря яруса, около зажубры через узел петлею из подлеска, прикрепленного к той же уде. Это делается для того, чтобы во время сушения ярус не запутывался удами между собою. Перед наживлением для лова яруса свежей наживкой узелок на уде развязывается. Южн.

Гойтян, на; ны, нов; м. 1) Веревка, стягивающая чупу.

2) Веревка, идущая от ловды к краю ердани; при помощи ее вытягивают мерёжу. Южн.

Голец, льца; льцы, цей и цёв; м. Рыба из семейства близкой к семге, но меньше и круглее семги, с теми же, как и семга, свойствами и привычками, весом 1—6 клгр. (2½—15 ф.), длиною до 0,5 метра. Водится в Северном Ледовитом океане у островов Новой Земли и Колгуева, а так же у Канинского берега. Сум., Сор. в.

Голова, вы; головы, ов; ж .1) См. нерша. Сум., Колж., Нюх.

1) Небольшое юро особенно крупной сельди, обнаруженной рыбаками на море во время лова, считается головой большого юра сельди, всегда следующей за своею головой в больших массах. Повс.

Голован, ана; ны, ов; м. 1) Тюлень или нерпа меньшей против обыкновенного величины, но отличающийся несоразмерно большой головой. Зверобои утверждают, что такие особи выростают из детенышей, рождаемых самками на прибрежных льдинах по пути следования юра (известно, что морские звери, совершая свои передвижения, никогда не отстают от юра и рождающие на пути самки бросают своих детенышей). Сев.

2) Деревянный чурбан, употребляемый в виде поплавка у рыболовной сети. Он удерживает сеть в горизонтальном положении и в то же время сам удерживается на одном месте каменным якорем.

Головка, ки; ок; ж. 1) Верхняя оконечность столбика у бабы, в которую вставляется железный стержень.

2) Лучший, отборный сорт наваги, наиболее крупная. Юж.

Головна, ой; ед. То же, что голова 2. Передовая стайка зверя или рыбы. Повс.

Головной, ого, ые. Самый опытный старый рыбак в юровом промысле на разгребе.

Головной карбас. Карбас, в котором находится головной рыбак идет всегда впереди—на разведках; называется головным карбасом разгреба (см.).

Головной разгреб. При лове в несколько разгребов головным называется разгреб, в котором идет головной карбас. Он составляется из наиболее опытных рыбаков. Южн. р. Сор. в., Сум.

Головной рыбак—см. головной.

Голоменная веха—см. голомя. Повс.

Голоменная рыба. Рыба, вылавливаемая на глуби, в открытом море. Южн.

Голомение. Вдали от берега, дальше от берега, морем.

Голоменник, ка; ки, ов; м. 1) То же, что побережник.

2) Крайний в открытом море кубас.

3) Якорь, придерживающий крайний в открытом море кубас. Южн.

Голоменник ветер—см. голоменной ветер.

Голоменник кубас—то же, что голоменник 2.

Голоменник якорь—то же, что голоменник 3.

Голоменно. Слишком далеко от берега, на просторе моря, на глуби. Повс.

Голоменно итти—см. итти голоменно.

голоменной, ая, ое. Находящийся в открытом море.

голоменной ветер. 1) То же, что побережник.

2) Ветер, дующий с открытого моря. Повс.

Голоменной кубас. То же, что голоменник 2.

Голоменной якорь. То же, что голоменник 3.

Голомя, ени; ед. Открытое море, даль морская. Повс.

Голыш, ша; ши, шей; м. 1)Мелкий беломорский корюх. Сум.

2) Камень в море, выходящий на поверхность воды. Повс.

Голышок, ка; ки, ков; м. То же что голыш 1. Сум.

Голяшка, ки; ки, ок; ж. Самая тонкая и длинная часть весла между мылицей и пером, находится наружу, за бортом гребного судна. Южн.

Гора. Термин, означающий материк. Когда дует ветер с материка, то говорится, в противоположность ветру, дующему с голомя—ветер с горы, горной ветер. Южн.

горло второе—см. второе горло.

горло первое—см. первое горло.

горло третье—см. третье горло.

Горной, Горней (чаще) **горный** (редко) **ветер**—ветер с горы, т. е. с материка. Повс.

Городки. Небольшие из брусков в 1 аршин длины и короче клеточки, являющиеся подставкою для промысловых, типа шнеки, судов во время их зимней стоянки на сухом берегу. Делаются городки для того, что бы не сгнивало дно от земли берега и не заливало судна приливом воды. Повс.

Городок, ка; ки, ков; м. Загородка из паруса или специально сшитая из мешковины завеска. Употребляется зимою рыболовами, удящими навагу на льду в губе для предохранения в от ветра, снега и проч. Городок вешается на колышках в виде заградительной сетки или иногда полупалатки. Сум., Колж., Нюхч.

горох морской—см. морской горох.

гость ветренной—см. ветренной гость.

Гребенка, ки; ки, ок; м. Широкая острога с большим количеством зубцов, зазубрины которых направлены в одну сторону (по одной на зубце). Для колотья крупной рыбы. Повс.

Гребень, ня; ни, ней; м. 1) Отделение в шняке, где помещаются смотанные тюки, до наживления их. Южн.

2) Верхушка морской волны, покрытая пеной, во время сильного ветра. Повс. Отсюда выражения: *волна набера(е)т гребень*—постепенно увеличиваясь и поднимаясь выше, вспенивается; *держать карбас на гребень*—держать все время направление (курс) в разрез волны, что считается наиболее безопасным при плавании во время шторма на море в мелкой промысловой посуде. Повс.

Гребное весло. Применяется исключительно во время греби на карбасе.

Гребной, ая, ое, ые. Передвигающийся по воде при помощи весел. Гребной карбас. Гребное суденышко. Повс.

Гребок, ка; ки, ков; м. Один взмах веслом во время передвижения судна на веслах. Повс.

Гребь, и; ед., ж. Способ передвижения по воде на карбасе, без парусов при помощи весел.

2) Спокойные воды моря или реки, позволяющие ехать на веслах в гребном карбасе или вообще на суденышке без особых затруднений для гребца.

3) Самый процесс передвижения при помощи весел. Срв. залопатить.

Гренуть, ну, нет, нут, ул. Один раз дружно в несколько весел сделать гребок.

Грести, гребу, ет, ут, греб. Работать веслом на гребном судне.

Грехать, ает, ало, (безлично). Выражение у поморов о чрезвычайно хорошем улове рыбы, о каком даже и сам рыбак не предполагал. Сор. в., Сум.

Грехнуть, ет, уло, (безлично). О неожиданно большом улове рыбы. *Грехнуло же тебе наважки—да и еще грехнет.*

Грот-мачта. Вторая на судне мачта, начиная от носа. Она устанавливается на судах в большинстве случаев крытых палубою. Повс.

Гротсель, ля; ля, лей; м. Парус от грот-мачты; то же, что и бизань. Косой парус. Повс.

Грохот, та: та, тов; м. Корзина из дранок, сплетенная с промежуточными скважинами. Размеры ее от 70 до 100 с/м. в квадрате, высота стенок от 15 до 20 с/м.; с двумя или с одной ручкой для отсеивания зимой от мерзлой наваги и сельди снега и других примесей, во время размораживания рыбы. Повс.

грохотить, чу, (щю), тит, тят, тил. Отсеивать снег, льдинки и сор от сельди или наваги во время размораживания. Южн.

Грубой берег. Крутой, скалистый морской берег. Сев.

груднее (о рыбе). Гораздо больше, количественно, был приход рыбы в сравнении с предыдущим в губу, где рыба обычно промышляется. Повс.

Грудно. Густо, кучно, в большом количестве. Говорят о большом юро сельди в море во время ее лова. Срвн: стулом. Повс.

Грудной (о рыбе). Массовый подход рыбы к берегам. *Сей год был грудной приход в нашу губу селедки*. Повс.

Грузиво, ва; ва, ив; ср. Грузило, тяжесть, груз на леске, удерживающий удочку на глуби. См. леса. Повс.

Грузовой карбас. Большой карбас с грузопод'емностью до 200 пудов, приспособленный специально для перевозки морем: бочек с рыбой, муки и проч. тяжеловесного и громоздкого груза. Южн.

Грумалан, на; ны, нов; м. Зимовавший на Шпицбергене промышленник. Сум., Сор. в., Кем.

Грумаланка, ки; ки, ок; ж. Ходившее на Шпицберген судно см. Грумант. Сум., Сор. в., Кем.

Грумант, нта, м. Старинное название в поморских селениях острова Шпицбергена. Сум., Сор. в., Кем.

Грядка, ки; ж. Тонкие строганые колышки, прикрепляемые к стенам и над очагом в избушке для просушки во время отдыха мокрого и обледеневшего на лову платья. Повс.

Грядочка—то же, что и грядка.

Губа, бы; бы, губ; ж. Залив моря, вдающийся вглубь материка, образуемый, в большинстве случаев, устьем впадающей в море реки. Почти всегда губа не отличается глубиною русла и прозрачностью воды. В большинстве случаев губа имеет на своем пространстве много небольших островов, подводных и надводных отмелей, с обилием около них морских водорослей. Вода в губах почти всегда мутная, вследствие мелководья и приносимых речною водою—песку, илу и проч.

В зимнее время, вследствие влияния пресной воды и сравнительно неглубокого бассейна, со многими островками и отмелями, губа покрывается льдом слоем от 70 до 140 с/м. толщины. На губе, которая имеется у каждого села в Поморье, промышляется сельдь, навага и др. рыба беломорских пород. Повс.

Губка, ки; ки, ок; ж. Образовавшиеся по низким берегам озер и рек небольшие заливчики с спокойным, почти стоячим и даже обратным течением воды. Срвн. заводь. Повс.

Гужок, ка; ки, ков; м. Ременная петля, прикрепляемая к концу пунды. См. поезд. Повс.

Гурей—рья. Слово, употребляемое для обозначения полного неулова на промысле, в выражениях: *„Гурья спробовал"*—т. е. ловил, потратил время, а ничего не добыл. Ничего не попало. *С Гурьем выехал, Гурья справил, с Гурьем вернулся*, и т. под.

Гурья справил—см. Гурей.

Гурья спробовал—см. Гурей. Повс.

Д

Два разгреба. Артель рыбаков на четырех карбасах, ловящая двумя неводами. Может быть и более разгребов в артели, но чаще всего—два. Сор. в., Сум.

Две воды. Период времени в 24 часа (сутки). См. вода 1. Повс.

Двенадцати-прядная стоянка—см. ярус.

Двор, ра; ры, ов; м. 1) Огороженное сетями пространство в море между островами для ловли белух обметными неводами. Осведомившись о месте появления белух, промышленники отправляются туда с соответственным числом карбасов, в которых везут ставные сети—невода, и, осторожно, чтобы не спугнуть зверя, окружают место нахождения зверя, обставляя его со всех сторон неводами, как бы стеною.

2) Обмет невода перед матицей (передняя его часть)—охваченное им пространство в 8,5 метров длины и ширины для ловли сельдей.

3) Часть мережи (см.). Повс.

Двор второй. Пространство внутри мережи, охватываемое приходами. См. мережа. Южн.

Двор первый. Пространство внутри мережи, охватываемое крыльями и раз'ездом. См. мережа. Южн.

Двувесельной, ого; ые, ых. Карбас-сельдяник, карбас, имеющий на каждом борту по два весла, или две пары весел. Повс.

Двудонна, ой; ые, ых. ж. Бочка, изготовляемая для засола рыбы, с двумя одинаковыми прочными днами. Повс.

Двусолок, ка; ед., соб. Рыба, подвергавшаяся вторичному засолу, вследствие недосола при первичном посоле ее в свежем виде. Повс.

Девята, ой; ед., ж. Девятый вал (в море). Повс.

Девятка, ки; ед., ж. Трехпрядная бечевка из 9-18 ниток. Срвн. стоянка, ярус. Южн.

Делать рыбу. Приготовлять рыбу после улова для засола: отрезывать головы и вынимать внутренности. При ином способе приготовления (см. лабардан)—и распластывать ее. (Говорится обычно о треске). Южн.

Делать тряску—то же, что тряску трясти. Южн.

Денна(я) вода. Уровень воды на море в дневные часы. Срвн. вечерняя вода. Сум., Сор. в.

Дер, дера; ед. м. Хороший клев рыбы при уженье ее, когда рыба хорошо берет наживку (приманку). Южн.

Держать карбас на гребень—см. гребень 2.

Димитриевска сельдь—промышляемая осенью около 26 октября в Сорокской губе. Южн.

Дневная вода—см. денная вода.

Днище, ща; ща, ищ; ср. Широкий полоз посредине дна кережи (см.). Сум.

Добычник, ка; м. Рыбак, умеющий изыскивать средства к существованию своей семьи, не заставляя ее голодать, хотя бы и жилось бедно. Сум.

Дождевой червь. Употребляется в качестве наживки, приманки при ловле рыбы на уду и продольником. Повс.

Дора, ры; ры, ор; ж. То же, что пашка. Южн.

Дрейфить, лю, ит, ят. ил. То же, что дрефить.

Дрек, ка; ки, ков; м. (мн. редко). Небольшой якорь о четырех лапах, употребляемый поморами для стоянки карбасов, а также для установки на Мурмане кубасов яруса, а на беломорском побережье—мереж в реках во время лова корюшки и др. рыбы, весною по вскрытии ото льда рек. Южн.

Дреф, фа; ед. Отклонение курса судна течением воды или ветра. Повс.

Дрефить, ит, ил, ило. Во время штиля на море, оставаясь под парусом, отдаваться на волю морского течения. Повс.

Дружиться к берегу. Плывя на паруснике держаться берега; итти около берега. Повс.

Дува́н, ана; ны, ов; м. (мн. редко). Дележка на промысле между пайщиками улова рыбы или же заработка от общего труда. Раздел совместно добытого.

Дува́нить, ню, ит, ят, ил. Устраивать сборище для дележки общей рыбы или общих денег; делить совместно добытое. Южн.

Ду́тыш, ша; ши, ей, ов; м. Отверстие во льду, сделанное морским зверем, через которое он может дышать, а также вылезать на поверхность льда в ясную солнечную погоду. Сор.

Дух, ха; хи́, хов; м. Порыв ветра. Южн. Отсюда: ветер духами. См. духами припадат батюшко (см.).

Духа́ми припада́т батюшко—дует самый порывистый ветер с моря, с океана. Шторм порывами с океана. Южн.

Душегу́бка, ки; ки, ок; ж. Маленькая, вертлявая на воде лодка. Сум.

Е

Его́рьевска сельдь. Мелкий сорт сельди, появляющейся у берегов Белого моря около 23 апреля по ст. ст. (Егорьев день—память св. Георгия Победоносца) с зрелою икрою и молоками. На 1 пуд ее (16 кгр.) идет 200—250 шт. Лов ее производится еще подо льдом. Сев.

Ездо́вой карбас. Легкая, не грузовая лодка для небольших переездов и поездок. См. карбас 1. Сум., Сор. в., Колж.

Езь, езя; ези, езей; м. Рыба язь; водится в озерах южной части Поморья, в Кемском уезде. Южн.

Е́ла, елы; е́лы, ел; ж., (слово Норвежское). Один из наиболее распространенных видов промыслового судна у рыбаков-поморов на тресковых промыслах. Ела строится по образцу норвежских морских лодок: на ней устанавливается одна мачта с штафок и кливер парусами, нос и корма очень заострены. Ела—судно гребное, на четыре весла; приспособлена она для промысла артелью в 3—4 рыбака. За последнее время в промысле вводится тип елы моторной, снабженной 5—6-ти сильным двигателем простейшей конструкции. На еле, как и на всяком промысловом судне, имеются: 1) будка-каюта, устроенная на корме, для отдыха рыбаков во время лежанки на ярусе и для защиты от непогоды во время шторма. 2) Баласный ящик—сюда, когда ела порожняя, для придачи ей устойчивости на воде обычно накладывают груз камней и проч. По мере нагрузки елы рыбой, груз этот выбрасывается. 3) Чердак с двумя отделениями для пойманной рыбы и для укладки снасти со всеми к ней принадлежностями. Южн.

Е́лой подниматься—см. подниматься елой.

Е́луница, цы; цы, ниц; ж. Вкопанные в землю (один или неск.) по промысловым становищам Мурмана столбы с прикрепленными к ним поперечными жердями (называемыми—палтухи). На эти жерди нанизывается для сушения посоленная треска. На них же развешиваются для просушки рыболовные снасти—тюки. Южн.

Е́луя, уи; уи, уй; ж. То же, что елуница.

Е́мега, ги; ги, ег; ж. 1) Шов в нерше для выемки пойманной рыбы. 2) Шов на сети, сделанный для придания ей конусообразной формы. 3) Шов, образующийся при сшивании вместе двух сетей с различною ячеею. Отсюда выражения: емежить, емежить на живую нитку.

4) Дыра в сети от разрыва двух, трех или более ячей, образовавшаяся по неосторожности или вследствие изношенности сети от времени. Сум.

Е́межить, жу, жит; жат, жил. Сшивать вместе два конца сети.

Е́межить на живую нитку. Вшить с таким расчетом, чтобы можно было без особого труда сеть расшить. Для сшивания сетей употребляется нитка более толстая, чем на сшиваемых сетях. Такая нитка называется—прищипка.

Ердан, ана; ны, ов; м. Большая прорубь (в большинстве случаев квадратная), выбиваемая во льду, в которую обычно запускается мережа, невод и прочие ловушки. Ердан является главной прорубью подледной установки ловушек на промысле. Через него, впоследствии, производится и осмотр их. Южн.

Есь, еся; есей, еси; м. То же, что езь. Сум.

Ж

Жар. Наиболее быстрое течение воды во время прилива или отлива. В выражении — *„вода пошла в жар"*, т. е. началось наиболее сильное ее движение.

Жаркая вода. Наиболее быстрое течение воды во время морского прилива или отлива. Так же называется и течение в реках во время весеннего и осеннего половодья. Отсюда выражение: *вода пошла в жар*. Повс.

Жарова, ой; овы, ых; ж. Летняя сельдь-верховодка, зачастую разгуливающая реденьким юро, играя (выпрыгивая) по поверхности моря в жаркие весенние и летние дни. Сев., Сум., Сор.

Жарова селедка—то же, что жарова сельдь. Сев.

Жарова сельдь. Слишком нежная, быстро портящаяся после улова, рыба.

Железны ворота—см. ворота. Сум., Колж., Вир.

Жердени́к, ика; м., соб. Нетолстые деревца (1—1½ вершка в диаметре), очищенные от ветвей, иногда и от коры, длиною 8—12 арш., употребляемые на устройство заборов в реках и на другие нужды промысла. Повс.

Живая вода, вольная вода. Настолько глубокое место, что и в малую воду судно стоит свободно, не обмелевая. Так же называется и открытая между льдами вода—см. разводье.

Жулик краеморский, см. краеморский жулик.

З

Забежа́ть, гу; жит, жат. 1) Случайно заплыть, спасаясь от шторма, промысловым судном в защищенную от непогоды бухту.

2) Выражение в смысле: опередить идущее рядом по морю однородного типа судно. Южн.

Забера́ть, аю; ет, ют. 1) Преждевременно вперед кредитоваться под продукты улова и работу деньгами и продуктами.

2) В смысле (о парусе, о сети)—подбирать руками. *Пора и заберать парус, вишь ветра не стало; надоть заберать сетку в карбас*. Южн.

Заберать реку. Устраивать поперек реки перегородку для ловли рыбы. См. забор 1. Повс.

Забера́тьце(ся)—то же, что и заберать 1. Южн.

За́берега, ги; ги, ег; ж. 1) Ледяная окраина, образующаяся у берега перед замерзанием и вскрытием вод. Южн.

2) Вода, выступающая на прибрежный лед во время морского прилива и перед вскрытием вод. Повс.

3) Заплесток (см.) на берегу моря после чрезвычайного под'ема воды, случающегося во время штормов в море. Южн.

За́бережье, жья; жья, жей; ср. 1) То же, что забереа 3. Южн.

2) Низменная подошва возвышенного, круто опускающегося морского берега, покрываемая в морской нормальный прилив водою и обсыхающая в отлив. Сев.

Забо́й, оя; ои, ев; м. 1) То же что заплески.

2) То же, что завой.

3) Прибитые морскими волнами к берегу и оставшиеся на нем разнообразные предметы (срв. прибой). Сум.

Забо́р, ра; ры, ров; м. 1) Перегородка, устраиваемая для ловли семги и тинды из жерденника в виде ломаной линии,—в местах (по руслу), где идет обычно семга (перегораживать таким образом реку называется—заберать реку). Во входящие углы ломаной линии вставляются ловушки: мережи,

тайники, лоскутья, нёрши. В средине забора, на фарватере реки, оставляются ворота с отверстием от 6,5 до 21 метра ширины (смотря по ширине и глубине русла реки) для прохода судов. Составляющие забор сваи (из более толстых жердей) вбиваются в дно реки двумя рядами, на расстоянии 1½—2 маховых сажен, в наклонном положении одна к другой (верхушки над водой сближены.) В верхней части эти сваи расщепляются, отчего их вершины и называются—расщепами (ращепами) или щипцами (щипец). В расщепы каждой пары стоящих друг против друга свай вкладывают горизонтально по толстой жерди или по тонкому бревну (перекладина). Затем края расщепа стягиваются веревкой или перевиваются вицей. В образуемые при связывании расщепов петли пропускаются справа и слева такой же толщины жерди, наз. подголовные колья. Они вбиваются в дно реки наклонно и составляют вместе с расщепами треножную подставку, наз. козлы. Таким образом весь забор из двух рядов козел, соединенных между собою перекладинами, образует ряд плоских арок, на которые вместо мостовин кладут с перекладины на перекладину ряд жердей. А на эти последние, главн. образом со стороны течения, накладывают камни. Вся верхняя горизонтальная поверхноcь забора наз. мосты. Но так как козлы расположены довольно далеко друг от друга, то между козлами верхняго (по течению) ряда вбивают еще от 5 до 10 пар кольев таким образом, что каждая пара кольев перекрещивается сверху с жердями моста, а отсюда колья расходятся вниз под углом и вбиваются в дно реки. Каждая пара кольев называется прижимом. К этому ряду кольев, стоящих против течения реки, привязывают в три ряда жерди: первый—у самого дна реки, второй—по средине глубины и третий—несколько выше поверхности воды. К ним, для того чтобы воспрепятствовать рыбе итти вверх, прислоняются особого рода решетки, наз. плетнями. Они делаются из тонких колышков или дранок, связанных между собою вицей и спускаются в реку по внешней стороне забора. Течение прижимает их к трем рядам горизонтально прикрепленных к прижимам жердей, так что они ничем не придерживаются. На дно реки, вдоль подножия плетня, навaливают валежник или хвою и придавливают его камнями, для того, чтобы рыба не могла пробираться между дном реки и плетнями. Такой забор обычно устраивается в местах с глубоким, быстрым, порожистым и широким течением реки. Сев., Кем., Сор.

2) На реках с более тихим течением, имеющих заводи и омуты, устраивается упрощенного вида забор. Здесь устраиваются из жердей козлы, вбиваемые в дно реки на протяжении от 4 до 10 метров (в зависимости от ширины русла и прохода рыбы по заводи или в омуте) от берега, в разрез течения реки. Эти козлы связываются между собою перекладинами из жердей, к которым, на расстоянии около 1,7 метра друг от друга, на одной линии с козлами вбиваются колышки; пролеты забираются ветвями еловой хвои, связанной в виде плетней — таким же образом, как и плетни в заборе 1. Посредине забора оставляется пролет в 1—1,5 метра ширины. Сюда ставится ловушка (мережа или нерша), а под забором, в образующейся вниз по течению заводи, устанавливаются сети. В эти заборы промышляется всякая речная рыба, начиная от семги и кончая плотвою и окунем. Повс. Иначе—запол. Нюхч., Шуя, Кемь.

3) В местах с очень сильным течением реки, в порогах и на водопадах, заборы имеют несколько иной вид. Здесь, обыкновенно, в реках бывают, сравнительно, не широкие русла (от 4 до 6,5 метра) в виде щелей и каменистых отмелей между скалистыми выступами дна. Вследствие этого, заборы устанавливаются небольших размеров; предназначаются они исключительно для ловли семги и тинды в сетяные нерши. Первоначально из чурбанов (отрезки бревна в 3—4 метра длины и 13—17 снт. в диаметре) устраиваются козлы на четырех ногах, врезывающихся попарно в оба конца чурбана для того, чтобы придать ему вид скамейки. Чтобы ноги козла не расшатывались, они скрепляются посредине поперечиной, сделанной из палки или рейки. Таких

козлов устраивают в заборе 2 или 3 (смотря по величине русла и силе течения воды в данном месте). Все козлы устанавливаются по одной линии поперек воды, от берега до берега, и укрепляются ногами между камнями дна с таким расчетом, чтобы их не могло снести вниз по течению. Для этого в ноги козла, обращенные вниз по течению, врезывают под углом упорки (или порки),—отрезки толстой жерди, метра в 4. Одним концом они закрепляются в дно реки, а другим в козел. На козлы стелются длинные доски—ломовки, 2—3 штуки в ряд. На концы козлов, обращенные вверх по течению, наглухо закрепляется на деревянные нагили (длинные гвозди) брус или половинка бревна. Для большей устойчивости забора на крайние береговые козлы, на доски, наваливаются тяжеловесные камни. Затем из жердей устраиваются пяла в форме четыреугольника размером: в длину всего забора по руслу реки, а в ширину—на высоту ног козлов. Эти пяла опускаются в воду с таким расчетом, чтобы нижняя продольная жердь, параллельная длине забора, плотно прилегала ко дну, опираясь на подводные концы ног козла. Верхняя же, параллельная нижней, жердь, совместно с боковыми стойками, плотно поджимается к брусу на гвозди. К верхнему брусу, посредине забора, параллельно между собою и боковым стойкам пял, на гвоздях прикрепляются две или более (смотря по числу нерш) стойки, на расстоянии 80—100 см. одна от другой. Нижние их концы касаются дна, опираясь на подводную жердь пял. Пространство между этими стойками до конца забора закрывается сделанными из тонких колышков плетнями, прикрепляемыми верхним концом к верхней жерди пял. Нижние их концы поджимаются течением воды к нижней жерди пял. По течению воды от боковых козлов делаются наискось воды, на 2—3 метра от забора, отводы из ветвей хвои, перевитых в толстую связку. Одним концом отвод подвязывается к надводной части ног козла, а другим погружается с камнем на дно. По окончании всех перечисленных работ, забор считается сделанным.

В отверстие по средине забора, называемое льяло, вставляется нерша, конусом против течения воды, с верхней стороны забора (той, к которой прикрепляется плетень). Свободное пространство льяла, между брусом и верхней перекладиной пял нерши, особенно при многоводье, закрывается водой. Чтобы семга не проходила этим путем сквозь забор, отверстие закрывается решеткой, сколоченной из дранок и называемой—решетиной. Сум., Сор. в.

4) Стенка из хвои, устраиваемая на реках для ограждения сетей от быстроты течения. Срв. заводь 4. Повс.

4) Действие, выражающее получку от хозяина (или организации, в которой работает или имеет промысловое дело рыбак) денег и продуктов в счет будущей у него работы или же под будущий промысел, предстоящий лов или в счет текущего лова рыбы. Южн.

Заборница кормова—см. кормова заборница.

Заборница носова(я)—см. носовая заборница.

Забочецьник, ка; ки, ков; м. Рабочий на карбасе при промысле морского зверя. В прежнее время, повидимому, это был рабочий, следивший за состоянием и приготовлением бочек. В настоящее время смысл этого слова утрачен. Сев.

Забрасопить, плю, ит, ят, ил. Поставить парус так, чтобы ветер его надувал. Повс.

Забурахмарить, ит, ило; безлич. Стало пасмурно, дождит, небо заволоклось облаками, погода испортилась. См. бухмарь. Повс.

Забурахмариться, ится, илось; безлич. То же, что забурахмарить.

Завал, ла; лы, ов; м. 1) Крутой обрыв края речной или морской отмели.

2) Глубокий омут среди отмелей на реке, озере или в море. Повс.

Завевать, аю, ает, ал. 1) То же, что задувать.

2) О ветре, когда он, имея на своем пути препятствие, заворачивает в сторону. *Ветер завевает из-за угла, должно быть идет к северу.* Южн.

Заведенье, нья; нья, ней; ср. Полное оборудованье рыбопромысловым инвентарем и орудиями лова—беломорскими, мурманскими или обоими вместе. В состав заведенья входят: комплект мереж на одну лошадь (см.), один или несколько неводов, карбас и полный комплект или набор промыслового инвентаря: норило, саки, пешни, походни, сани-пошевки, грохота и проч., относящееся к беломорским промыслам; ярусная снасть на посудину, посудина (карбас морской, ела, шнека, бот и проч.); стан и набор вспомогательного инвентаря: кубаса, палтуха, стоянка и проч. Повс.

Заведенье местяное—см. местяное заведенье. Повс.

Заведенье неполное. Заведенье, достаточное лишь для Мурманского промысла, или же для беломорского промысла, или же неполный комплект заведенья для мурманско-беломорских промыслов. Южн.

Заведенье полное. Имеющиеся у рыбака в достаточном количестве посуда, снасти, все орудия и инвентарь для лова на беломорско-мурманских промыслах. Южн.

Завеска, завеска, ки; ки, ок; ж. 1) Приспособление для ловли семги, наваги и камбалы в то время, когда они направляются из моря в реки для нереста. В устье реки, в избранном месте, поперек течения устраивается перегородка из вбиваемых в дно реки толстых жердей, называемых—заводные ноги. Для того, чтобы воспрепятствовать проходу рыбы, втыкаются ветки елки, скрепленные между собою тонкими колышками на подобие плетней так называемые заводные щиты. Затем у морского берега, вдоль которого направляется к реке рыба, расставляются ставные сети таким образом, что один ряд укрепленных на кольях сетей (назыв. стена) ставится перпендикулярно к первому ряду, следовательно параллельно к берегу. В конце заводи устраивается

т. наз. тайник—обращенная отверстием к стене ловушка-мережа. Доступ к тайнику сужен образуемым двумя сетями (назыв. крылье) проходом, назыв. воротца. Чтобы течением воды тайник не распирало, его в двух углах, подле самой стены, укрепляют кольями, называемыми—колье стоячее, колье мережное. Повс.

2) Японская ставная сеть, которая за последние годы (с 1922 года) применяется в промысле сельди в Кандалакшском заливе Белого моря и в Кемском уезде Карелии. Сев.

3) То же, что городок.

Заветерь, ри; ж., ед. Та сторона, откуда по известным приметам должен подуть ветер. По рыбачьей примете, в последнюю четверть луны рыба не идет в ловушки оттого, что уходит в заветерь. Повс.

Заветерье, ья; ср., ед. Морская бухта или залив, защищенные от ветров с голомени (с открытого моря) горами и скалами, с тихим движением воды во время шторма. Повс.

Заводные ноги. Толстые жерди, вбиваемые в дно реки для устройства завески (перегородки на реке).

Заводные щиты. Еловые ветки, скрепленные тонкими колышками, употребляемые для устройства завески (см. завеска 1.) Сев.

Заводь, ди; ди, ей; ж. 1) Залив реки, образуемый мысами или крутым заворотом берега.

2) Место у речного порога или между порогами, в быстром течении речного русла, где вода, ударяясь в изгибистый берег или же о встречные большие камни, принимает обратное направление при совершенно тихом течении.

3) То же, что губка (см.).

4) Глубокое место, прикрытое островом или мысом или же искусственно огражденное: в море—для уменьшения волнения, а в реке—для ослабления быстроты течения. В последнем случае, там, где расставлены сети, ставят для этой цели, в параллельном сетям направлении, выше по реке, забор из хвои. Повс.

5) Пространство завески, ограниченное двумя стенами заводных щитов. В конце заводи устраиваются, так называемые, тайники. Сев.

Завозник, ка; ки, ков; м. 1) Пеньковый трос, который, обыкновенно, при остановке судна невдалеке от берега, завозится с судна на берег, где конец завозника закрепляется на якорь или к вбитой в землю свае.

2) Якорь, вывозимый вместе с тросом и цепями для обеспечения стоянки судна.

3) Шлюпка судовая, на которой завозится трос. Повс.

Завой, оя; ои, ев; м. Употребляется в смысле: 1) сувой. Сум. 2) прибой. Южн. 3) заплесток. Повс.

Завязь, зи; ед., ж. 1) Первые две-три ячейки сети; начало пояска.

2) Приступ к изготовлению сети, начало изготовления сети. Срвн. провязь. Сум.

Заглушать, аю, ет, ют, ал. Очищать от прокисшей наживки ярус. См. глушить. Повс.

Заглушить, шу, ит, ат, ил. Очистить ярус от закисшей (оставшейся) наживки. См. глушить. Повс.

Заговенска сельдь. Промышляемая осенью в Сорокской губе около 14/27 ноября. Южн.

Загрёба, бы; бы, ж. 1) Последний в юро, отсталый зверь. Сев.

2) Отсталый рыбак, возвращающийся последним с промысла с губы. Сум.

Загребало, ала; лы, ал; ср. То же, что загреба. Сев.

Загребать, аю, ает, ют, ал. Двигать в воде ластами для собственного передвижения, грести (о звере). Сев.

Загребной, ого; ы, ых. То же, что загреба. Сев.

Загрева, вы; ед., ж. 1) Весенний и летний солнцепек на море во время промыслов. Повс.

2) То же, что угрев.

Задаваться (задаватьце), ался. Выдавать вперед заработную плату рабочему, нанятому на промысел, или матросам на судно. Южн.

Задаться (задатьце), амся, дался. См. задаваться. *И пособил мне денег задатьце Ивану. Уж успел задатьце, а не знаешь, какой с его толк будет.*

Задев, ва; вы, ов; м. Замытые в реке или в море и засоряющие дно деревья, коренья, камни и т. п. наносные предметы, препятствующие лову на крючки продольником, ярусом, или неводом, которые за них задевают. Повс.

Задева, вы; ж. То же, что задев. Во множ. числе пользуются падежами от—задев (см.). Повс.

Задрефить, лю, ит, ят, ил. То же, что и подрефить. Повс.

Задувать, вет, ал; (о ветре). Усиливаться. *Начинат опять задувать морянка-то.* Южн.

Заезной карбас. Каждый из двух крайних карбасов при сдвариваньи белухи. Управляются наиболее опытными промышленниками-зверобоями, которые руководят всей операцией обметывания зверя сетями. Сев.

Заец, ца; цы, ов; м. Один из видов тюленя в Белом море и в Ледовитом океане от 2 до 3,5 метра длины, с короткою шеей и круглою головой, с более длинною и пушистою шерстью, нежели у других видов тюленя. Повс.

Заец морской—то же, что заец.

Зажив, ва; вы, ов; м. Начало морского прилива. Повс.

Заживать, ат. О приливе—начинаться, повышаться, прибывать. *Заживат вода*—начался прилив.

Зажила вода—см. вода зажила.

Зажить, вет, ла. О воде—начать повышаться, прибывать. Южн.

Зажубра, ры; ры, бер и убр; ж. Надрез у рыболовного крючка около носка, зарубка, зазубрина. Сум.

Зазубра, ры; ры, бер и убр; ж. То же, что зажубра. Сум.

Закол, ла; лы, ов; м. 1) То же, что и забор 2. Сев., Кем., Сор.

2) Перегородка поперек течения реки, устраиваемая при помощи вбиваемых в дно ее кольев. Такие заколы устраиваются при производстве семужьего промысла. Они заколачиваются на самой быстрине реки (на струе, но не в порожистых местах), где преимущественно водится семга и тинда. Повс.

Закройка, ки; ед., соб. Средней величины, весом до 3 кгр., семга осеннего улова. Повс.

Заледка, ки; ед., соб. 1) Семга, промышляемая вскоре после вскрытия рек и побережья моря.

2) Так же изредка называют и сельдь заледного промысла.

Заледка Сумская—см. сельдь 6.

Заледная вода. Вторичная, после разлива, прибыль воды в реке, вследствие таяния внутри-материковых снегов и льдов и покровного льда на озерах, откуда вытекает большинство рек Поморья.

Заледная сельдь. Появляющаяся у побережья Белого моря, непосредственно после очищения его от льда, около половины мая. Повс.

Заледной промысел. Промысел рыбы и зверя, начинающийся непосредственно по вскрытии от льда побережья моря и впадающих в него рек.

Залежка, ки; ки, ек; ж. 1) Место на берегу моря или на прибрежных льдах, где залегают тюлени для отдыха после оплодотворения, или же для того, чтобы понежиться на солнце. Сев.

2) Стадо тюленей, отдыхающих на прибрежных льдах. Обыкновенно промышленники стараются подстеречь залежку во время сна, а о месте нахождения узнают на далеком расстоянии по сильному смердящему запаху, распространяемому в то время зверями. Сев.

3) То же, что лежанка. См. ярус. Южн.

Залежь, жи; жи, жей; ж. То же, что залежка 1 и 2. Сев.

Заливны луды—см. поемные луды. Повс.

Залопатить, чу, ит, ят, ил. Повернуть карбас, во время гребли, в ту или иную сторону с прямого пути его следования. Обыкновенно на поморских карбасах-сельдяниках, имеющих полукруглые нос и корму, нет руля, и карбас управляется веселком или лопатой. См. правильное весло. Южн.

Залопачивать, аю, ет, ют, ал. Поворачивать карбас в ту или иную сторону во время его следования на веслах. Южн.

Замет, та; ты, ов; м. То же, что вымет 2. Повс.

Заморозник, ика; ед., м. Ветер, дующий с северо-востока (5 румб компаса). То же, что полуночник. Южн.

Заморозники, ов; мн., м. Восточные ветры, дующие от северо-востока до востока. Иначе—межники и пр. ветры, дующие с 5 по 9 румб компаса. Самые холодные ветры. Повс.

Запад, (только в ед. ч., им. пад.). Начало убыли воды при отливе. Повс.

Запад, ада; ед., м. Западный ветер, 25 румб компаса. Солнце на этом румбе стоит ровно в 18 часов пополудни. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на половине. Повс.

Западать, аю, ет, ют, дал. Начало обратного течения воды после прилива, начало отлива.

Запала(я) вода. Отливное течение от берега в открытое море. См. заприбыла вода.

Запах—распространяемый тюленями во время лежки. См. залежка 2.

Запереть, пру, ет, ут, пер. Закрыть в губе, окружив со всех сторон сетями, юро рыбы или зверя, для того, чтобы вслед за тем ловить соответствующим способом: рыбу—неводами, а зверя бить из ружья или прочими зверобойными орудиями. Сев., Кем., Колж.

Запирать, аю, ет, ют, ал. Окружать сетями юро рыбы или зверя, чтобы не дать ему уйти. Затем начинается ловля рыбы и зверя соответствующим образом. Срвн. запереть.

Заплёски, ов; мн., м. Ил, частицы морских водорослей и другие наносные предметы, оставшиеся на берегу после отлива. Срвн. заплесток. Повс.

Заплёсток, ска; ски, сков; м. 1) Следы морского прилива на берегу после сильного шторма, загнавшего воду далеко на берег.

2) Остатки водорослей, ила, воды и т. под. на берегу после отлива.

3) То же, что заструга. Сев.

Запоездовать, дую, ет, ют, ал. 1) Выловить рыбу при помощи поезда (см.).

2) Начать ловлю рыбы поездом. Южн.

Запопадать, аю, ет, ют, ал. Ловиться, попадать (о рыбе). *Что то сижки запопадать перестали.* Сум.

Запопасть, ду, ет, ут, ал. Изловиться, попасть (о рыбе). *Еще неделька, да и не запопадет ни одной рыбки.* Сум.

Запорный невод. Размеры его в высоту до 25, в длину до 200 метров по об'мету. При помощи его запирают юро сельди в губе. См. невод 6. Сев.

Заправной, ого; ые, ых. Рыбак, имеющий полное оборудование своих рыбных промыслов и достаточное количество рабочей силы в семье. Южн.

Заправс(ь)кой, ого; ие, их. Коренной, настоящий, расторопный, удачливый в промыслах рыбак. Повс.

Заприбывать, ет, ют, ал. О воде—когда после отлива начинается обратное течение к берегу. *Заприбыват,* — начался прилив. Повс.

Заприбыла вода. Говорят, когда начался поворот течения в сторону прилива.

Заприбыть, дет, ла. Начался прилив. Вода пошла к берегу. Потянуло на берег. Повс.

Заранье, нья; нья, ньев; ср. Первое от ринд полотнище в неводе. Сев.

Зарацить—см. зароцить.

Зародыш, ша; ши, ов и ей; м. 1) Оплодотворившееся яичко рыбьей икры.

2) Мелкая рыбешка—малек. Повс.

Заропачить, ит, **заропацило** (безл.). Попасть между ропаками или на ропак, при чем раскатятся сани, или заденут, так что выехать трудно. См. ропак. Южн.

Зароцить, ит, цят, ил. 1) Задеть за что-нибудь.

2) Закрепить, привязать веревку в снастях во время движения судна по воде. Повс.

Зароциться, ится, ился. Зацепиться, задеть за что-либо во время передвижения на судне по воде. Повс.

Заруба, бы; ж. Выемка на бруске дерева или полена, приспособленном в качестве буя. Обычно вокруг выемки закрепляется конец веревки-буевки. Заруба делается около средины или на одном из концов бруска. Повс.

Зарябить, ит, ят, ило, ил. См. рябить. *Скоро парус зарябит, не пора ли, ребятушки, за весла вяться.* Повс.

Засеверка, ки; ед., ж. Холодная, при северном или северо-восточном ветре, погода; вообще холод, холода, холодное время. Повс.

Заструги, ов; мн., м. Песчаные гряды, образовавшиеся у морского берега от прибоя волн. Сев.

Захвоить, ою, ит, ят, ил. 1) Покрыть, застелить балаган ветвями от хвойного дерева: сосны, ели.

2) Забрать стену убега или забор ветками хвои. Южн.

Заходить, ит, ил. Говорят про зверя, когда он начнет быстро двигаться по поверхности воды, или же играть, купаясь в морской зыби. Повс.

Зацялить, лю, ит, ят, ил. Причалить, пристать, подойти, подтянуться на тросах к берегу. Сум.

Зацялиться, юсь, ится, ятся, ился. Прикрепиться к берегу на тросе. То же, что зацялить. Сум.

Защипивать, аю, ет, ют, ал. Сшивать сети, при помощи бечевки или ниток. См. прищипка. Южн.

Збой, ю; ед., м. Веревка на ярусе, признанная рыбаком непригодною для дальнейшего пользования, вследствие ее изношенности, и очищенная от навязанных на ее форшней с удами. Збой идет на тетиву мережных крыльев и для домашних надобностей в хозяйстве. Продается она дома (в Поморье), привозимая с Мурмана, по 3—8 коп. за маховую сажень. Сум.

Звериная сетка. Сеть, специально изготовляемая в кустарных заведениях и на пенькозо-прядильных фабриках (см. юзин), из ниток особенной выработки, для ловли белухи в море и на островах около Поморского побережья. Сеть изготовляется длиною от 100 до 200 метров и высотою от 4,25 до 10,50 метра. Она окаймляется тетивами точно также, как и сети, употребляемые на крыльё для мереж и неводов. Зверь, поджимаемый на лодках, при помощи такого рода сетей, в тесные между островами заводи, запирается со всех сторон сетями в несколько рядов. После таких предварительных приготовлений и начинается ловля зверя обычным порядком. Срвн. пролов 1, промет 1. Сев., Колж.

Зверино предено—то же, что юзин. Сев., Колж.

Зверобойная артель—то же, что артель зверобоев.

Зверь юровой—см. юровой зверь. Повс.

Зверя опущать из вида—см. опущать из вида зверя.

Зводень, ня; дни, ей; м. Морское волнение всяких размеров, большие и малые волны. Повс.

Зга, зги; ед., ж. Мгла, туман. Повс. Отсюда выражение: *зги не видать*, т. е. вследствие тумана или пасмурной погоды не видно ничего окружающего. Повс.

Згинуть, ну, ёт, ут, ул. Погибнуть, утонуть в море во время шторма. Повс.

Зеленуха, хи; хи, ух; ж. Особенно большая, высокая морская волна, катящаяся по направлению к судну и грозящая залить собою рыбацкие безпалубные суда (карбас, елу, шняку и т. под.). Южн.

Зимне(е)й промысе(ё)л. 1) Беломорский промысел сельди и наваги зимой по льду в губах Поморья, в Кемском уезде. Повс.

2) Удебный промысел трески в восточных становищах Мурмана, начинающийся обычно с марта месяца.

Знать воду. Знать время приливов и ветров. Хозяин судна обычно говорит кормщику во время плавания: „смотри по воды," т. е. наблюдай, прибывает или убывает вода и, сообразно с этим, занимайся промыслом.

Зуб, а; ы, ов; м. 1) Трещина во льду, образовавшаяся в реках от прибоя больших приливов и отливов, а в море—от морских течений и усиленного волнения воды во время штормов и зимних бурь на море. При этом часть льдины нередко отрывается ветром и уносится в голомя со всеми сетями и проч., причиняя значительные убытки рыбакам, промышляющим навагу и сельдь подледным способом. Южн.

2) Край треснувшей льдины, оставшейся у берега.

3) Поперечное бревно, прикрепляемое к форштевеню поднимаемого на городки судна. Оно служит опорою для рычагов. Повс.

Зубатка, ки; ки, ок; ж. Хищная рыба, водящаяся в Кандалакшской губе, в северной части Белого моря, и на Мурмане, в Ледовитом океане. Срвн. пеструха. Повс.

Зубатка-пеструха—см. пеструха.

Зубатка-синюха—см. синюха.

Зудить, ит, ил. Пронизывать до костей, подвергаться действию сильного холодного и пронизывающего ветра. Сум.

Зуёк, ка; ки, ов; м. 1) Старинное название маленькой птички, в роде чайки, водящейся у берегов Белого моря. Старики-поморы еще и тепер различают три вида этой птицы: зуек галстушник—ржанка чернозобик; зуек малой—ржанка речная; зуек глупыш—ржанка глупая.

2) Мальчик-подросток (в возрасте от 8 до 17 лет) на промыслах в становищах Мурмана, привозимый рыбаками для хозяйственно-промысловых мелких работ. Он приготов-

ляет пищу для возвращающихся с промысла с моря рыбаков (варит уху, кашу, чай), блюдет чистоту по стану, смотрит за порядком в промысловом хозяйстве, охраняя весь промысловый скарб и снасти. Главная его обязанность—отвивка и просушка промысловой снасти (тюков яруса), привозимой рыбаками с моря. Он также исполняет разные послуги для старших рыбаков по стану.

Название зуй и зуек есть, собственно, насмешливое, так как никакого участия в промысловом пае этим мальчикам ранее не предоставлялось, а пользовались они, подобно птице—зуйку, только подачкою от улова. За последние годы, когда зуек (из более великовозрастных мальчиков) стал изредка ездить вместе с рыбаками в море на ярус, заправными хозяевами и пайщиками-половинщиками в промысловой артели при найме назначается зуйку плата в виде одной бочки (шестерки или семерки) засоленной рыбы и деньгами от 10 до 35 рублей за весь промысловый сезон. Независимо от этого заработка, если нет в своей посудине и по стану работы, зуй прирабатывает и у других промысловых посудин, отвивая тюки, за которые обычно выплачивается 10—15 коп. с тюка или рыбой—что сколько даст, также с тюка. В промысловую горячку зуй, кроме указанных здесь обязанностей и работы, помогает на берегу старшим рыбакам по артели наживлять ярус. Вообще, поездки на промыслы в качестве зуйка являются необходимой подготовкой промышленника.

Зуек галстушник—см. зуек 1.

Зуек глупыш—см. зуек 1.

Зуек малой—см. зуек 1.

Зуй, я; и, ев; м. То же, что зуек 2.

Зыбать, аю, ет, ют, ал. Слегка покачиваться, поднимаясь и опускаясь, подобно как в люльке-колыбели, на поверхности моря, когда лежат на ярусе.

2) С трудом выгребать на веслах против течения или против ветра по зыби, особенно в дальнем расстоянии от берега. Повс.

Зыбь, би; ед., ж. Широкий, раскатистый, без гребней, вал после шторма в период успокоения моря, перед штилевой погодой. В северном океане наблюдается постоянная зыбь, хотя бы на море был и полный штиль. Повс.

Зюдвес (с норвежск.). Шляпа продолговатой формы с полями. См. масленна одежда. Южн.

И

Ивановска(я) сельдь—см. иваньска сельдь 3.

Иваньска(я) сельдь. Крупная сельдь, от 80 до 120 шт. в 16 клгрм., с икрою и молоками. Появляется она в губах Кандалакшского залива в начале июня (Иванов день—24 июня по ст. ст.).

Иваньски воды. На Мурмане отличаются особенно большим под'емом приливы на Иванов день (24 июня ст. ст.), а также на Петров день (29 июня ст. ст.) и на Успеньев день (15 авг. ст. ст.). Отсюда: *пришли Иваньско-Петровски (или Успенски) воды—снимут суда с обсушки.* Южн.

Иваньско-Петровски воды—см. Иваньски воды.

Изба промысловая—см. избушка.

Избушка, ки; ки, ек; ж. Промысловая изба, устраиваемая рыбаками на прибрежных островах или на материке, около берега моря, в губе, где промышляется сельдь, навага и зверь. Эта избушка служит приютом для рыбака безлошадника, промышляющего убегами, так как возвращение его на ночь домой в село сопряжено с большою затратой времени и трудностями (особенно осенью или весною, в распутицу), а потому он здесь проживает целыми неделями безвыездно. Устройство избушка имеет незатейливое: это—бревенчатое, теплое (мшоное) строение на четыре угла, в 4—5 кв. метров, с крышей на один скат, высотою около 2 метров до крыши от основания, с одним—двумя крохотными оконцами и одною выходною прямо на улицу дверью.

Внутри высота около 1½ метров. Внутреннее устройство ея заключается в нарах, прикрепляемых в 1—2 ряда вокруг стен; под потолком грядочки, сделанные из деревянных колышков для просушки мокрого и обледеневшего платья при возвращении рыбака с ловушек. В углу около двери сложен из булыжника и обломков щебня очаг для нагревания помещения, заменяющий печь. Дым во время топки выпускается через отверстие в потолке или крыше, прикрываемое по окончании топки ставнем. Вследствие такого способа топки стены и потолок внутри избушки всегда бывают покрыты толстым слоем сажи. На нарах, вместо тюфяков для спанья—толстый слой сена. Стол сколачивается из досок, устанавливаемых на обрубки бревен, вкопанных в землю или же на пнях деревьев, срубленных на месте постройки избушки (если таковая строится на лесном берегу). Повс.

Из вида отпущать зверя—см. опущать из вида зверя.

Изгрéбы, реб; ж., мн. Очески волокна, остающиеся на щетке при вычесывании (обделке) конопли, отбросы; плохое, короткое, спутанное волокно. Из этого материала прядутся нитки для изготовления стен и стоячих крыльев в мережах. Повс.

Измерить в обмéт. Подсчитать диаметр мережи или невода или длину обоих крыльев и, таким образом, определить размер охватываемого снастью водного пространства. Южн.

Из пая. 1) Участник промысла, работающий не по найму, а из части, из доли. Южн.

2) Часть из целого пая. *Получаю из пая четвертый рубль.* Повс.

Из-под вéтра. С той стороны, откуда дует ветер. Повс.

Из подветренной стороны—то же, что из-под ветра. Повс.

Из части ходить—см. ходить из части.

Итти, ду, дет, дут, шел. Плыть по воде. Южн.

Итти голоменно. Плыть в открытом море, вдали от берегов, на морском просторе. Повс.

Итти на гребкáх. Плыть на гребном судне: карбасе, шнеке и проч., работая веслами. Южн.

Итти под парусом, под парусами. Плыть на судне, гребном или специально парусном, при умеренном покосном или попутном ветре. Южн.

Итти с бечевой. Тащить, идя по берегу, судно за бечеву против течения по реке с порожистым руслом и быстрым течением воды, когда идти на веслах трудно или невозможно. См. бечева. Южн.

К

Кáболка, ки: ки, лок; ж. Прядь смоленой веревки от 17 до 35 см. длины. Каболкой, для большей прочности, привязываются плавки и кибасы к ловушкам. Ветхая, полугнилая каболка в горячей воде распускается на паклю, которой проконопачиваются новые и чинятся старые суда по спаям обшивки бортов.

Кáлежить, жу, ит, ат, ил. Ловить камбалу на отмелях в морской губе. Кем.

Камбýз, уза; зы, зов; м. То же, что поварня. Южн.

Кампáс и канпáс, са; сы, ов; м. Компас. Встречается далеко не на каждом промысловом судне.

Кандалакша, ши. Село, расположенное на берегу Кандалакшского залива, имеющее у своих берегов богатые сельдяные промыслы. Через Кандалакшу проходит линия Мурманской железной дороги, имеющей здесь большую станцию, соседство с которой и создало этот значительный промышленно-торговый центр северной Карелии.

Кандалакшской берег—см. Кандаласькой берег.

Кандаласькой берег. Часть западного берега Белого моря от с. Кандалакши до с. Варзуги. Повс.

Кандалуха, хи; ед., ж. 1) Местное название Кандалакшского берега и обширного у того же берега залива Белого моря. 2) Сельдь, промышляемая в Кандалакшском заливе.

Кара, ры; ры; ж. То же, что кормовая бабка. Южн.

Карасинка, ки; ки, ок; ж. Бочка из-под керосина, употребляемая после очистки от остатков керосина для посола трески и прочей рыбы Мурманского улова. Карасинка в обиходе промыслового рыбацкого хозяйства служит мерою для определения веса соленой рыбы в 15 пудов, (около 245 клгрм.) на круг. Южн.

Карбас, са; са, ов; м. Гребное судно для речного и прибрежного морского промысла, длиною от 3 до 6, 5 метр. Сидит в воде, смотря по величине, от 30 до 45 см.; грузопод'емность от 490 до 3275 клгр. (от 30 до 200 пудов). По своему устройству карбас имеет вид лодки, без палубы. Мелкие карбаса имеют почти одинакового устройства и формы, полукругло-выгнутые от киля до коржка, нос и корму. Руля у небольшого карбаса нет, он заменяется правильным веслом. Лишь большие карбаса, имеющие грузопод'емность свыше 1630 клгрм. (от 100 пудов) имеют устройство кормы, приспособленное для постановки руля, которым они и снабжены. Карбаса всех размеров снабжены парусом на вставной мачте. У малых карбасов парус поднимается на легонькой мачте, вставляемой в коржок самого носа; у карбаса средней величины мачта с парусом вставляется в первую от носа бабку. У больших карбасов бывает два одинаковой формы паруса, вставляемых—один в первую от носа, а другой—в среднюю (около средины карбаса) бабку.

Карбаса бывают: одновесельны, двувесельны, трехвесельны, т. е. имеющие приспособления для греби с каждого борта—для одного, двух и трех весел. Смотря по назначению есть разного рода и разных наименований карбаса.

Карбас в берегу. Находящийся возле берега материка или острова, приткнувшийся носом или кормой в грунт берега карбас, или же вытащенный на одну треть, половину, из воды на берег. Помс.

Карбас весновальной—см. креневой карбас.

Карбас грузовой—см. грузовой карбас.

Карбас двувесельной—см. двувесельный карбас или сельдяник.

Карбас ездовой (ездовый)—см. ездовой карбас.

Карбас заезной—см. заезной карбас.

Карбасина, ны; ны, ин; ж. Большой, неуклюжий, тяжелый карбас.

Карбас клецевой (клечевой)—то же, что заезной карбас.

Карбас коренной—см. коренной карбас.

Карбас корневой—см. корневой карбас.

Карбас креневой—см. креневой карбас.

Карбас ловецкой—см. ловецкой карбас.

Карбас морской—то же, что ловецкой карбас.

Карбасна араба. Группа карбасников-рыбаков на промысле. Южн.

Карбасник, ка; ки, ов; м. Рыбак, промышляющий в карбасе на Мурмане треску и имеющий в своем хозяйстве карбас, как наибольшую промысловую посудину.

Карбасничать, яю, ет, ют, ал. Иметь промысловое оборудование на Мурмане лишь для промысла в карбасе.

Карбасное весло. Весло, приспособленное для греби исключительно в карбасе с грузопод'емностью от 25 до 100 пудов; во время греби один человек может грести и двумя такими веслами, держа каждое из них отдельно в правой и левой руках. Помс.

Карбас одновесельный—см. одновесельный карбас.

Карбасок, ска; ски, сков; м. Аккуратно сработанный, небольшой, красивый по внешности карбас.

Карбас поездной—см. поездной карбас.

Карбас сельдяной—см. сельдяной карбас.

Карбас торосной—см. торосной карбас.

Карбас трехвесельный—см. трехвесельный карбас.

Карга, и; ж. Брошенное на берегу устья реки или в заливе моря старое судно, почти что разрушившееся от времени и морских прибоев. Непригодное для плавания, брошенное судно. Сум.

Каргала, лы; ж. То же, что карга. Сум.

Кардель, ля; ед. Гардель-фал. Веревка, на которой поднимается рея на парусном судне. Повс.

Каталаж, жа; ед. соб. Такелаж; подсобная веревочная снасть на парусном судне, необходимая во время под'ема, регулирования и спуска парусов. Повс.

Кателаж, жа. То же, что каталаж.

Кацька, ки; ж., ед. Морская болезнь во время шторма в море у находящихся на судне или на пароходе. Повс.

Качка—см. кацька.

К берегу держаться—см. держаться к берегу.

Кебрюшка, ки; ки, ек; ж. Трубочка из береста, вершка в два-три длиною, привязываемая в виде поплавка к верхней тетиве ставной сети (перемет, типежник, сиговик). Повс.

Кемское Поморье. Побережье Белого моря в пределах Кемского уезда АКССР. Повс.

Кемь-семга—см. семга-Кемь.

Кережа, жи; жи, еж; ж. Особенного устройства маленькие сани, в виде узкой лодочки с острым носом и широкою кормою. В общем, кережа имеет вид лодки, разрезанной пополам, с заделанным наглухо местом разреза. Вместо двух узких обыкновенных полозьев, у кережи один широкий по средине дна полоз, называемый днище, к которому прикрепляются в нескольких местах тонкие, березовые полуобручи, называемые лучки, а к этим, последним, как к ребрам, пришивается тонкая дранка для стенок. Размеры кережи следующие: в длину от 1,5 до 2 метров, высотою от 35 до 50 см. и шириною, по верху, с заднего конца до 53 см. Кережа употребляется исключительно для укладки в нее

наваги, доставляемой домой с места промысла рыбакомбезлошадником на себе, волоком, или на собаке, впрягаемой в кережу, подобно лошади. Сум.

Кережка, ки; ки, ек; ж. Маленькая аккуратно сделанная кережа.

Кережник, ка; ки, ов; м. Рыбак-безлошадник, промышляющий навагу или удебным способом или убегами. У него имеется кережа и собака с упряжью, приспособленною к этому своеобразному экипажу, свободно везущая груз от 65 до 80 клгр. (4—5 пуд.). Особенно развито кережничанье в Сумском посаде. Сум.

Кережничанье, нья; ед., ср. Промысел рыбаков-безлошадников, когда они, отправляясь на ловлю рыбы, пользуются кережей, которую везет собака или сам рыбак. Сум.

Керча, чи; ед., ж. Водящаяся в губах Белого моря рыба, величиною до 35 см., с большою, несоразмерною туловищу, костлявою головою и большим зубастым ртом. Она водится здесь двух видов. Поморы ее не едят, считая нечистой рыбой, а только кормят ею (сваренною в пойло) рогатый скот. Ловится она вместе с прочей рыбой в мережи и на лесу. Южн.

Керьця, ци; ед., ж. То же, что керча. Южн.

Кецькара, ы; ры, ар; ж. Морской песчаный берег-отмель, на котором нет каменных глыб и который в отлив обсыхает на большом протяжении. Южн. Срв. релка.

Кечкара, ры; ры, ар; ж. То же, что кецькара.

Кибас, са; сы, ов (чаще во множ. числе); м. Небольшой, от 9 до 18 см. в поперечнике, камень, обертываемый берестою и привязываемый в виде грузила, на расстоянии от 70 см. до 3 метров один от другого, к нижней тетиве мережных и неводных крыльев к стоячей сети, гарве и др. сетям. Южн.

Кибасье, сья; соб. ср. Употребляется чаще вместо множественного числа от кибас.

Кибрюшка, ки; ки, ек; ж. То же, что кебрюшка. Повс.

Кинцель, ля; ля, ей; м. Продольный над килем брус, накладываемый сверх шпангоутов судна. Повс.

Кипом кипит—говорят о массовом подходе в губу юро селедки или корюхи, играющего на поверхности воды. Повс.

Кишкоброд, да; ды, ов; м. Насмешливое *прозвище* рыбаков, промышляющих треску на Мурмане в становище Гаврилово. Здесь обычно, после потрошения рыбы, все внутренности и отбросы вываливаются на берег залива, около становища. С течением времени вся эта масса загнивает, распространяя на значительное расстояние нестерпимое зловоние. Рыбаки здесь совсем не заботятся об очистке берега от отбросов и, как бы не замечая их, бродят в кишках втечение целого промыслового сезона. Южн.

Кладь кормова(я)—см. кормова кладь.

Кладь носова(я)—см. носовая кладь.

Кладь рыбна(я)—см. рыбная кладь.

Класть в соль. Приготовлять в прок пойманную рыбу путем ее засола; пересыпать солью в бочках; засаливать рыбу. Южн.

Клев, ва; ед. м. 1) Момент, когда рыба во время уженья на удочку, берет наживку и попадается на крючек. Повс.

2) Хватка рыбою приманки. Отсюда—хороший клев, когда рыба обильно ловится; плохой клев, когда рыба не идет на уду. *Клев на уду*—пожелание хорошего лова.

Клевать, юет; вала. Брать наживку с крючка, заглатывать, забирать наживку в себя вместе с крючком (о рыбе). Повс.

Клеск, ку; ед., м. Рыбья чешуя. Повс.

Клетка, ки; ки, ок; ж. Сложенная из брусков подставка для судна. См. городки.

Клецева, вы; вы, ов; ж. 1) Всякая веревка, которая служит или может служить клечом (см.). Повс.

2) То же, что режак. Сев.

Клецева походия. То же, что клецева. См. также походия. Повс.

Клецевик, ика; ки, ов; м. То же, что клецевой камень. Южн.

Клецевой камень. Камень, обмотанный сетью, весом до 2 кгр., привязываемый к нижнему клечу. Южн.

Клецевой карбас. То же, что заезной карбас. См. двор 1. Сев.

Клець, ця; ци, цей; м. То же, что клеч.

Клеч, ча; чи, ей; м. 1) Веревка, прикрепляемая к концам верхней и нижней тетивы неводного крыла, за которую вытягивается невод на берег или в карбас во время лова. Повс. Отсюда: клецева, клецева походня.

2) Не длинная, от 2 до 4 метров, веревка, привязываемая к верхней и нижней тетиве мережного крылья для прикрепления верхницы к колу, втыкаемому в дно моря или реки, где ставится мережа—для того, чтобы конец крыла находился на поверхности и не сбивался течением с предназначенного для него шеста. К нижнему клечу привязывается камень весом до 2 кгр., обмотанный старой сетью, чтобы клеч не впутывался в сетку крыла и чтобы удобнее было к нему подвязаться; этот камень называется: клецевик или клецевой камень. Южн.

Клечева—см. клецева.

Кливер, ра; ра, ов; м. Парус в форме продолговато-узкого клина, устанавливаемый между мачтой (первой от носу) и носом судна. Кливер бывает на промысловом судне, имеющем не меньше двух мачт. Повс.

Клип, па; пы, ов; м. Подводный камень в море. Повс.

Клоп, па; пы, ов; м. Угол или петля на конце стоянки в ярусе, а иногда и у других веревок. Клоп делается для того, чтобы концы веревки не растрепывались, а при связываньи крепче держались. Южн.

Клоп морской—см. морской клоп.

Клуб пряжи. Нитки, смотанные, приблизительно, в форме шара, по окружности имеющего, в среднем до 40—50 см.

Обычно, на клуб помещается не свыше одного—двух (смотря по толщине нитки) мотков ниток. Повс.

Клуша, ши; ши, уш; ж. См. Варгаевьска клуша.

Клуша Варгаевьска—см. Варгаевьска клуша.

Кляп, па и па; пы, ов; м. То же, что ляп. Южн.

Кожа, жи; ед., ж. Плывущее в море или отдыхающее на прибрежном льду стадо морских зверей. Повс.

Кожье, жья; ед., ср. То же, что кожной зверь.

Кожной зверь. Мелкий морской зверь в губе, идущий за юром селедки. Сум., Вир.

Козел, ла; м. Каждая отдельная стойка в заборе (см.). Срв. козлы. Повс.

Козелок, ка; ки, ов; м. Козел небольших размеров в малом заборе. Повс.

Козлы, ов и зел; мн., м. Трехножная подставка, составляющая часть стенки забора. На нее кладется перекладина (см. забор). Повс.

Кок, ка; ки, ов; м. Мальчик-повар на парусном морском судне, готовящий для команды судна пищу. Повс.

Кол, ла; лья, ев; м. Отрезок елового ствола, длиною от 6,5 до 12,5 метров, толщиною в отрубе до 9 см., употребляемый для установки на промыслах, подо льдом и при талых водах, мереж и других однородных с ними ловушек. Повс. См. мережный кол, чуповой кол.

Колено, на; на, ен; ср. Изгиб берега реки. Срв. кривуля. Повс.

Колесо, а; ляса и лясья, ляс и сьев (последн. редко); ср. Деревянная машина-самопрялка, приводимая в движение ногой, употребляемая для ссучиванья (скручиванья) конопляной пряжи, из которой в Поморье изготовляются сетки для беломорских мереж, неводов и проч. орудий лова, а также и для мурманских наживочных неводов. Южн.

Колесо удебное—см. удебное колесо.

Колма, мы; ед., ж. Поверхностный слой обледеневшего снега, покрывающий лед, весною оттаивающий под действием весенних солнечных лучей и проламывающийся при проезде на лошади и т. под. Ломание колмы предвещает скорое очищение губы от льда.

Кол мережной—см. мережной кол.

Кол подголовной—см. подголовной кол.

Кол чуповой—см. чуповой кол.

Колье, лья; соб., ср. Комплект кольев, необходимый для установки ловушки. См. кол. Южн.

Колье мережное. То же, что колье стоячее. См. мережное колье. Южн.

Колье стоячее. Колья, которыми укрепляют тайник, подле стены. См. завеска. Сев.

Комар семужей—см. семужей комар.

Конец, ца; цы, ов; м. Небольшой кусок, обрывок веревки. Повс.

Конопель, ля; ед., ж. См. конопле.

Конопле, ля; ед., ср. Волокно конопли, пенька, из которой рыбаки плетут свои сети для орудий лова. Пряжа из конопляного волокна в ловушках для наваги считается рыбаками самым лучшим по прочности материалом, а кроме того оно гораздо дешевле льна. Повс.

Корабль ветренной—см. ветренной 2. Сор.

Корг, а; ги, гов; м. Передний конец носового борана и самые штевни, составляющие нос судна, загиб его основного бруса. Повс.

Корга, ги; ги, рог; ж. Подводная или надводная низменная отмель в море с песчаным или усеянным камнями грунтом. Срв. кошка 1. Повс.

Корги, ов; мн., м. Так называются оба конца судна, если оно имеет одинаковой формы нос и корму. Если же нос и корма неодинаковой формы, то бывает один только носовой корг. См. боран 1.

Корги Корешьи—см. корешьи корги.

Корговой, ая, ое. Прикрепленный к коргу или находящийся около него предмет. Повс.

Коренной карбас. Карбас, идущий впереди других при какой-либо промысловой операции. На нем находятся более опытные рыбаки. Повс.

Ко́рех, ха; хи, ов; м. Рыба корюшка, водящаяся в губах Белого моря, около устьев рек, впадающих в море. Южн.

Корешо́к, ка; ки, ов; ж. То же, что корех. *Дал бог два ушата корешков*. Южн.

Коре́шьи корги. Отмели с быстрым течением на реке Выг, между лесной биржей лесопильных заводов № 37-38 и частью с. Сороки—„Старчиной". На эти корги обыкновенно весною подходит густыми массами юро корюха для икрометания; здесь его и промышляют в мережи.

Коржок, ка; ки, ов; м. Носовая часть промыслового карбаса, где ставится второй парус. Повс.

Корма́, мы; мы, орм; ж. Задняя часть судна. Повс.

Кормова́ бабка. 1) Первая от кормы перегородка на большом промысловом судне (шняке, еле, тройнике), отделяющая рыбный чердак от других отделений.

2) Первая от кормы лавка (сиденье), устраиваемая для помещения гребцов во время работы веслами. Срвн. нашесть. Южн.

Кормова́(я) заборница Каюта для коршика в кормовой части шнеки. Южн.

Кормова(я) кладь. Общее название собачьего чердака и рыбного чердака на промысловом судне (шнеке, тройнике). Южн.

Кормова(я) покладь—То же, что кормова кладь.

Кормоватка, ки; ки, ок; ж. Шкафчик на шнеке, устраиваемый с правой стороны рыбной клади для хранения соли, ложек и т. под. Южн.

Кормово́е весло. Заменяет собою руль у гребного судна (преимущественно типа карбаса и лодки), не имеющего в большинстве случаев приспособления для руля. По своей форме кормовое весло отличается от обыкновенного гребного весла: оно имеет две части: ручку и перо. Перо здесь имеет вид продолговато-овальной лопатки шириною 25—30 см. и длиною от оконечности к ручке до 40 см. Ручка делается длиною до 1 метра и кончается небольшим расширением лопатообразной формы или перекладиной, для того, чтобы при управлении удобнее было вращать веслом. Повс.

Кормовой боран. Последний прямой шпангоут у судна идущий к корме—ахтерштевень. См. боран 1. Повс.

Кормовой те́лгас. Последний в судне щит настила (на корме). См. телгас. Южн.

Корневой карбас. Срединный карбас при сдвариваньи. Таких карбасов два. Они остаются при обходе становища зверя несколько позади. См. сдваривать. Повс.

Коромы́сло, ла; ла, ел; ср. Железный с кольцеобразными петлями, на обоих концах прут, длиною до 30 см. См. леса 2. Южн.

Ко́ршик, ка; ки, ков; м. Кормщик, рулевой. На мурманских судах самый опытный из рыбаков на судне, имеющий власть капитана. Повс.

Коцет, та; цета и цята, ов; м. Древесный сук, обделанный вместе с частью ствола. Сучком кверху эта поделка прикрепляется к бруску борта весельного судна вместо уключин и служит опорою или точкою опоры гребного весла. В высоту сук имеет обыкновенно от 9 до 14 см. На него надевается веревочное или свитое из вицы, в виде кольца, путцо, в которое и просовывается весло. Повс.

Коця́та. Множ. числ. от коцет. Обыкновенно употребляется гораздо чаще, чем коцет.

Ко́чет. То же, что коцет.

Кошельковой невод. Размером в 30×340 метров по об'мету. Употребляется для ловли сельди на глубоких тонях. Этот

вид невода в Беломорском Поморье появился недавно и впервые стал применяться „Севкорыбою" и „Госрыбтрестом" в губах Кандалакшского залива, в Кемском уезде.

Кошка, ки; ки, ек; ж. 1) Песчаная или из мелкого камня мель на взморье, обнажающаяся при отливе. Повс.

2) Последние в открытом море кубас и якорь яруса, соединяющиеся с промысловой посудиной посредством симки. Южн.

Краеморской жулик. Небольшая птичка из породы куликов, родственна зуйкам. Южн.

Крен, на; ед., м. Наклон судна одним бортом к воде. Повс.

Креневатой, ая, ое, ые. Неустойчивый, все время быстро падающий к воде, то одним, то другим бортом карбас, или другое судно. Повс.

Креневой, ая, ое, ые. Имеющий крен (о судне). Повс.

Креневой карбас. Карбас для весеннего (весновального) промысла на треску, а также и морского зверя у берегов Мурмана. Ко дну его прикрепляются, для более удобного вытаскивания на берег или на лед, два бруска в виде полозьев, на равном расстоянии от килевой части. Брусья эти называются крень, кренье. Иначе этот вид карбаса называется весновальным.

Кренек, ка; ки, ов; м. То же, что кренье, но меньших размеров. Повс.

Кренит (безличн.). Говорят о судне, имеющем наклон во время хода под парусами. Повс.

Кренить, ю, ит; ят, нл. Искусственно наклонять судно одним из бортов к воде, сваливая балласт на тот борт, который желательно наклонить. Повс.

Крень, ня; ни, ней; м. 1) Подкладка из смолистого дерева, подделываемая под киль промыслового судна для того, чтобы предупредить его повреждения при перетаскивании по земле или по льду. Сев.

2) Киль, выпукло выдавшийся поверх обшивки бортов на судне.

3) Брус в виде полоза, прикрепляемый снаружи ко дну весновального карбаса. Их бывает у карбаса два. См. креневой карбас.

Кренье, нья; ед., ср. 1) Два бруса, прикрепляемые снаружи вдоль дна весновального (креневого) карбаса. Повс.

2) Отдельные части креня, обыкновенно—три. Одна с носу, другая с кормы и третья по средине. Все три срощены вместе без промежутка. Повс.

3) Аккуратно изготовленные и не слишком массивные набоины на киль мелкой промысловой посуды.

Креньки, ов; мн., м. То же, что кренье.

Кривуля, ли; ли, уль; ж. Изгиб реки, имеющей в средине русла островки или корги, вследствие чего в этих местах образуется несколько извилистых разветвлений главного русла реки. Срв. колено. Повс.

Кротеть, еет. Говорят о воде прилива или отлива, когда сила ее течения начнет уменьшаться. *Вода стала кротеть.* Повс.

Кротка вода. Вода самого тихого течения, во время наибольшего ее понижения при отливе, а при приливе—во время наибольшего повышения. В таком случае говорят: *вода скротела, вода стала кротеть, кротцять.*

Кротцять и **кротчать**, ает. То же, что кротеть. *Вода стала кротцять.* Повс.

Крутить, чу, тишь, ит, ят. Нанимать, обязать условием, набирать, принимать рабочих-пайщиков на Мурманские рыбные и звериные промыслы на артельных началах с тою только особенностью, что необходимый для ведения дела капитал, снаряжение судна, заготовление орудий лова и с'естных припасов на все время промыслов относится на счет хозяина-предпринимателя, который мог участвовать или не участвовать в промысле своим личным трудом. Все же остальные, собственно, рабочие члены артели ничего не вносили в дело кроме своей рабочей силы. Термин, остав-

шийся от прошлого,—в настоящее время почти совсем не употребляется. Но такого рода пайщики являлись, в сущности, батраками хозяина-предпринимателя. Южн.

Крутиться, чусь, ится, ятся, ился. Наниматься, вступать в число рабочих-пайщиков, или батраков на время Мурманского трескового промысла. Крутились в покрутчики четырех родов рабочие: корщики, теглецы, весельщики и наживотчики; последние три вида рабочих назывались рядовыми покрутчиками. *Нет, на хозяев ни покрутился.* Южн.

Крутой ветер. 1) Внезапно появившийся из тучи порывистый ветер. *Какой крутой ветер-то пал, не успели и парусов-то подобрать.* Южн.

2) Вообще сильный, порывистый ветер. Срв. всток. Повс.

Крыло, ла; лья, льев; ср. 1) Часть сети в заводе, ведущая к тайнику. Два крыла образуют воротца. Тоже самое и у невода. См. завеска 1, невод.

2) Сеть, длиною 17—21 метр., прикрепляемая к боковым стенкам раз'езда мережи для охвата большего пространства. Срв. крылье. См. мережа. Повс.

Крылье, лья; ед. 1) Две сети в завеске, ведущие к тайнику и образующие воротца (см. завеска 1). Повс.

2) Передняя часть мережи, служащая для охвата возможно большего пространства воды. См. мережа. Южн.

3) Боковые сети у невода, прикрепляемые с обеих сторон к риндам. Южн.

Крылья прищипать—см. прищипать крылья.

Крышка, ки; ед. Весенний свободный лед на море, под которым находится, укрываясь от ловцов, юро сельди, слишком трудно улавливаемой в виду того, что этот лед течением воды носит по губе, что препятствует рыбакам свободно ловить рыбу неводом с карбасов. Сор., Сум.

Крюк, ка; ки, ов; м. 1) Округлый поворот реки или изгиб морского берега, равно в сторону залива или полуострова. Повс.

2) Шест, длиною от 4 до 6,5 метр., к которому прикрепляется, во время установки мережи под лед, крыло. В свою очередь, крюк посредством конца (отрывка) веревки, прикрепляется к мережному колу. Южн.

3) Тоненький шестик, около 2 метров длины, изогнутый в форме вопросительного знака. При помощи его продвигаются крылья мережи или невода подо льдом, во время их установки. Срв. норило. Сор., Сум.

Крюк норильный—то же, что крюк 3.

Кубас, са; са, ов; м. Большой поплавок, привязываемый бичевкою к ярусному якорю для обозначения места, где поставлен ярус. Кубас изготовляется (плетется) из древесного корня длиною от 85 см. до 1 метра; имеет форму груши или же узкогорлого кувшина. В поперечное (пробуравленное) отверстие закрепляется один конец длинной бичевки, привязанной другим концом к ярусному якорю. Тяжесть якоря, погружая в воду узкую часть кубаса, оставляет на поверхности воды днище широкой его части, в середину которого укрепляется (для обозначения места, где опущен начальный конец яруса) пафурка—метра в два длиною шест с махавкою на верху. (Естественное положение пафурки должно быть горизонтальным; но, так как вода в море почти не бывает без волнения или движения, то каждый плеск волны приподнимает кубас, так, что пафурка качается все время и ее, благодаря этому, видно за версту, а иногда и дальше). Этого рода кубас называется бережной. Так же называется и якорь (обыкновенно около ½ пуда весом), с которым он соединяется, как выше сказано, посредством бичевки. Бичевка же, которою кубас прикрепляется к ярусу, называется: нога яруса, стоянка, кубасная симка. Длина ее, смотря по глубине дна в данной местности, достигает метров 350 и более. Независимо от бережного кубаса и якоря, у каждого яруса бывает еще два вида кубасов и якорей: середники—в том месте, где выметана средняя часть яруса, и голоменник или кошка—на дальнем конце, в открытом море. К стоянке

этого последняго кубаса привязывается длинная, метров в 220, веревка, называемая симка; другой конец ее прикрепляется к носовому штевню посудины. Все эти кубаса имеют еще, сверх того, одно общее название: плавун. Южн.

Кубас бережной—см. бережной кубас.

Кубас голоменной—то же, что голоменник 2.

Кубасная симка—см. симка кубасная.

Кубас середней—см. середник.

Куде́лить, лю, ит, ят, ил. Прясть на нитки коноплю, смешанную с льняной куделей. Такие нитки идут для изготовления мереж и некоторых частей невода. Южн.

Куде́ля, ли; ед., ж. 1) Тонковолокнистый, мягкий лен.

2) Пучек волокна льна или пеньки, приготовленный для прядения из него ниток-пряжи. Повс.

Кузова—острова. См. варака 2.

Ку́йпога, ги; ед., ж. 1) Наибольшая убыль воды, самая низкая вода при морском отливе; последнее время отлива; состояние воды перед началом прилива, когда она стоит неподвижно и затем начинает прибыва́ть.

2) В более общем смысле словом ку́йпога обозначается вообще убыль воды во время морского отлива.

3) Обсохший, песчаный, плотный грунт морского берега во время отлива. Южн.

Кумжа, жи; жи, мж; ж. Рыба пеструшка, также и таймень, весом до 1 кгр., видом весьма похожа на форель. Водится в быстрых с чистою водою реках Поморья, куда, подобно семге, заходит из моря для метания икры. Южн.

Кумша—то же что кумжа.

Кут, та; ты, ов; м. 1) Сеть с очень частой ячеей (до 1 см. в квадрате), употребляема́я для морских неводов.

2) Часть мережи с мелкою ячеей, идущая от 12—13 обруча вплоть до последнего. Южн.

3) Крайняя, наиболее удаленная от крыльев часть матицы, в длину до четырех метров, с очень мелкой ячеей (до 5 мм.). Особенно част кут у мурманских неводов.

Куто́к, ка; ки, ов; м. То же, что кут.

Кут матичной (матицьной)—см. матичной кут.

Куток матицы—то же, что матичной кут.

Кухтыль, ля; ли, лей; м. Шар из простого зеленого стекла, 10—15 см. в диаметре. Такие шары изготовляются в Норвегии и употребляются рыбаками для сооружения особого рода кубаса на ярусе. Берется от 18 до 24 штук кухтылей, предварительно обвязанных в виде сетки бичевкою. Они связываются вместе в специальные четыреугольные пяла вокруг пафурки по 4—6 шт. со стороны. Кубас из кухтылей рыбаками считается более удобным, чем деревянный, так как он не намокает и, следовательно, всегда остается на поверхности моря и бывает приметен во время прилива, что облегчает труд рыбака в поисках выметанного в море яруса. Южн.

Л

Лабарда́н, ана; ед., м. Вяленая треска. При пластаньи из нее вынимают становой хребет и дают самый сильный засол, а потом, когда выйдет из нее вся влага, провяливают на солнце. Повс.

Лавиз, за; зы, ов; м. То же, что поварня. Южн.

Ла́йва, вы; ед., ж. 1) Струя ворвани, образующаяся из бросаемых промышленниками в воду отбросов звериного жира или воюксы.

2) Всякая маслянистая струя на воде. Повс.

Ла́йно. Спай или стык досок в обшивке с наружной стороны борта промысловой посудины, залитый смесью из смолы и пека при помощи раскаленного железного болта. Окунув болт в указанную смесь и нажимая им, несколько

раз проводят по спаю борта от кормы к носу и обратно с внешней, а иногда и с внутренней стороны посудины. Предварительно спай борта посыпают тонким слоем извести или мела. Южн.

Лапость, сти; сти, стей; ж. Ступня лапы морского зверя. Сев.

Лапось, сти; сти, стей; ж. То же, что лапость.

Ларь, ря; ри, рей; м. Ящик, в котором солят семгу и хранят соль. Срв. обрез. Повс.

Ласт, та; ты, стов; м. Лапа морского зверя. С помощью ластов, он гребет в воде, ползает по берегу и на льдинах. Слово употребляется чаще во множ. числе—ласты. Повс.

Ластебна, ны; ны, ных; ж. Стадо тюленей или другого зверя, собирающееся на прибрежных льдах к тому времени, когда самкам приходится рожать. Открыв такое юро, промышленники стараются бить зверя баграми, не допуская его уходить в море, так как зверь в эту пору худ и почти не имеет на себе жиру, поэтому, если и застрелить его на воде, то он не удержится на поверхности и потонет. Такой промысел, т. е. посредством битья баграми, называется ластебным промыслом. Сев.

Ластебный промысел—см. ластебна. Сев.

Ластега, ги; ги, ег; ж. Лучинная дранка, употребляемая для изготовления кережи. Сум.

Ластежить, жу, ит, ат, ил. Шить кузов кережи, прикрепляя бичевкою ластегу (дранку) к лучкам. Шьют кережу, начиная с днища. Сум.

Лежанка, ки; ки, ок; ж. Промежуток времени между двумя водами, между выметом яруса и выборкой его, когда судно стоит у яруса. Лежанка возможна лишь в хорошую погоду. Срв. лежать. Южн.

Лежать, жу, ит; ат, ал. Стоять у яруса между двумя водами, после вымета яруса до его выборки. Срв. лежанка. Южн.

Лежать на яруси—то же, что лежать.

Лекало, ла; ла, ал; ср. Модель, форма частей судна и проч. в натуральную величину. Сум.

Леса, сы; сы, ес; ж. Снаряд для ловли рыбы. На Белом море, в Поморье, на лесу ловят навагу, а в Северном океане, около берегов Мурмана, треску.

1) Для Беломорского лова наваги леса изготовляется домашним способом. Берется обычная леска, ссученная или сплетенная из черного или белого конского волоса, длиною 4—5 метров и толщиною в 8—15 волосков. К концу ее привязывается короткое и более тонкое, нежели сама леса, колено, называемое подлесок. На месте узла, соединяющего подлесок с лесой, прикрепляется свинцовое грузило в виде пластинки длиною около 6 см. и весом от 60 до 80 грамм. На конце подлеска, вместо крючка, делается петля, в которую и вкладывается наживка—главным образом свежее мясо корюха. А если его нет, то, в крайнем случае, корюх заменяется соленой треской. Таким образом снаряженная леса предназначается исключительно для зимней ловли наваги. Для ловли корюха и камбалы петля на подлеске заменяется рыболовным крючком. Сум., Колж., Нюх.

2) При ловле трески на Мурмане, леса делается из бельной (в три пряди) бечевки фабричного изготовления (преимущественно норвежской), от 100 до 130 метров длины, в 9—12 ниток толщины. К одному концу этой лесы прикрепляется грузило, называемое—пунда. Это железная четырехгранная (а иногда и круглая) продолговатая, весом до одного клгрм., гирька с ушком на одном из ее суженных концов. Вместе с пундой к тому же концу лески прикрепляется железный, на обоих концах с кольцеобразными петлями, прут, длиною до 30 см., называемый коромысло, которое, при спуске лесы в воду для уженья, имеет к ней перпендикулярное положение. В большинстве случаев коромысло привязывается к леске одним концом за петлю, а к другому концу, также при помощи петли, прикрепляется подлесок—колено несколько тоньше самой лески, длиною до 1 метра.

Иногда коромысло прикрепляется к леске срединою, имея на каждом конце по одному подлеску. К концу подлеска прикрепляется уда № 4, норвежского изготовления, облитая по стержню свинцом или оловом в форме рыбки. В редких случаях эту уду № 4 заменяет слитый в форме рыбки якорек из двух норвежских уд № 4, называемый поддев. Наживкою на уду служит кусочек рыбьей кожи или цветной (преимущественно красный) лоскут материи, прикрепляемый на крючок уды. Следует отметить, что удебная рыба около берегов Мурмана попадается на лесу всегда на поддев и наживка на уде является лишь приманкой для ее скопления около лесы. Способ уженья самый простой. Рыбак выезжает в море на карбасе или еле и, заметив юро рыбы (в прозрачной морской воде на глубине до 100 метров), спускает с борту в воду одну или две лесы и начинает при помощи ручной лебедки (называемой удебное колесо) потравливать лесу—то поднимая, то спуская ее в воду по борту судна до тех пор, пока не почувствуется в руке тяжесть подсеченной рыбы. Удебное колесо прикрепляется к борту судна затем, чтобы облегчить труд рыбака по травле лесы и вытаскиванию ее из воды с добычею. Южн.

Леса удебна—см. удебна леса.

Леска, ки; ки, ок; ж. Бичевка в 2—3 пряди, от 3 до 12 ниток толщиною, идущая на изготовление удебных лес для мурманского трескового промысла, а также на продольники и симки к мережам. Повс.

Летней, его; ие, их. Южный ветер. То же, что летник. Повс.

Летней ветер. Теплый южный ветер, дующий с 17 румба компаса (на 32 деления). Повс.

Летней подул. Начал дуть теплый, южный ветер; подул теплый ветер с юга. Повс.

Летник, ка; ки, ов; м. Рыбак, промышляющий рыбу в сезон летних промыслов на становищах у берегов Мурмана. Южн.

2) Южный ветер, дующий с 17 румба компаса. То же, что летней. Солнце на этом румбе находится ровно в полдень, т. е. в 12 часов дня. Когда на этом румбе стоит луна, то вода в море бывает в приливе на половине.

Летня, ей. Летний промысел рыбы и морского зверя на Белом море в Поморье. Повс.

Летовать, ую, ет, вал. Заниматься рыбною ловлею у себя дома, в своей губе или в реке около своего селения. То же, что полетовать.

Лещадь, ди; ди, ей; ж. 1) Ровная, состоящая из крупного песка, отмель в море. Сор.

2) Обсыхающая во время отлива каменистая прибрежная отмель. Сор.

3) Маленькое озерко среди каменистой местности. Повс.

Лещедь—то же, что лещадь.

Лещить(ся)це, ится, ился. Играть на поверхности моря (о морских зверях). Сев.

Линь-трос. Веревка толщиною до ¼ дюйма (см. трос). Южн.

Липочник, ка; ед., м. Сиг, промышляемый в реках Поморья исключительно при помощи удочки. Ловится на натуральную или искусственную мушку, таракана и липкуподенку. Ход сига-липочника бывает с моря в реку с конца июня и по июль месяц включительно. Сум.

Лов, лова; вы, ов; м. Период и самый процесс рыбного промысла во время подхода рыбы в губу моря и в устья рек, впадающих в Белое море. Повс.

Ловда, ды; ды, вд; ж. Поплавок, привязываемый к верхней тетиве матицы невода там, где сходятся ринды, и к верхнице раз'езда у мережи. Ловда делается обычно из еловой доски, около 4 см. толщиною, до 17 см. в ширину и около 25 см. в длину. На нем ножем вырезывается клеймо владельца и год изготовления ловушки. Ловда служит для обозначения средины невода, а также для того, чтобы матица лучше держалась на воде. Сев.

Ловденка, ки; ки, ок; ж. То же, что ловда.

Ловдес, а; ы, ов; м. Поплавок, сколоченный под прямым углом из окрашенных полукруглых досок, определяющий средину невода—для выравнивания крыльев при его тяге. Срв. ловда. Сев.

Ловец, ца; цы, ов; м. Промышленник, занимающийся ловлею рыбы. Повс.

Ловецкая снасть. Промысловая снасть. Повс.

Ловецкой, ая, ое; ие, их. Относящийся к ловле рыбы, к морским рыбным промыслам; свойственный, принадлежащий промышленникам. Повс.

Ловецькой карбас, иначе морской. Такой же формы, что и сельдяник, но больших размеров, употребляемый в становищах Мурмана рыбаками для ловли неводом наживки.

Ловить, лю, ит, ят, нл. Заниматься рыбным промыслом. Говорится о всех видах и способах лова.

Ловушка, ки; ки, ек; ж. Всякого рода снаряд или снасть, употребляемые для промысла рыбы и зверя на Белом море и у берегов Мурмана. Повс.

Ловы, ов; мн., м. Всякого рода и вида орудия промысла, всевозможные промысловые приспособления и снасти. Южн.

Лодья, и; и, ей; ж. Отживший и вымерший уже в настоящее время в Поморье тип большого мореходного палубного, плоскодонного судна. Лодью теперь заменяют палубные парусные суда типа: галь-яхты, гафель-шхуны и шхуны-барх. Повс.

Ложиться в дреф. Отдаваться на волю течения во время штиля; бездействовать, дожидаясь ветра.

Ломовка, ки; ки, ок; ж. Доска, толщиною 5—6,5 см. (2—2½ дюйма), длиною 6,5—8.5 мт. (9—12 арш.). Повс.

Лопата, ты; ты, ат; ж. То же, что правильное весло. Сор., Кем.

Лопатить, чу; ит, ят, нл. Круто поворачивать карбас или судно к ветру. Срв. залопатить. Повс.

Лосеть. Быть гладким, ровным, без всякого волнения (о поверхности моря).

Лоскут, та; м. Сеть для ловли ставным способом семги, тинды и кумжи. Срв. гарва и тинежник. Сор., Кем., Сев.

Лоскутье, я; ед., ср. То же, что лоскут.

Лосо. Гладкая, ровная поверхность моря при полном отсутствии ветра; штиль на море. Повс.

Лосяк, ка; ки, ов; м. Детеныш белухи. Так называется, пока окраска его шерсти не перешла из голубоватого в белый цвет. Сев.

Лотка, ки; ки, ток; ж. Лодка; судно, не имеющее промыслового значения в обиходе поморского хозяйства. Повс.

Лох, ха; м. Название семги во время одного из ее периодических изменений, когда она нерестится, при чем худеет и лишается жиру. Ежегодно семга направляется из моря в реки, где, с половины августа до начала сентября, самка мечет икру, а самец оплодотворяет ее молоками. В это время, вследствие сильного утомления и отощания, красноватое мясо семги делается белесоватым и дряблым, на поверхности кожи выступают красные пятна; на нижней оконечности челюсти выростает костяной крюк; цвет чешуи переходит из черноватого в серебристый; хвост тончает и тело теряет половину веса. В таком состоянии семга получает название—лох. Повс.

Лошанье, нья; ед., ср. Истощание семги во время осеннего нереста. Повс.

Лошать, ает, ла. Изменяться во время нереста, ухудшаться, истощаться, видоизменяться (о семге). См. лох. Повс.

Лошенье, нья; ед., ср. То же, что лошанье. Повс.

Луда, ы; ы, уд. ж. (По об'яснению А. И. Шренка, слово луда произведено от финского луто — небольшой остров, морская скала, мель). Низменный, надводный, в большинстве случаев, лишенный растительности небольшой, скалистый островок вблизи от берега. Каменистая прибрежная надводная мель. Южн.

луда поемна(я)—см. поемны луды.

лудушка, ки; ки, шек; ж. То же, что луда.

луды заливны(е). То же, что поемны луды.

луды поемны(е)—см. поемны луды.

луцек, ка; ки, ов; м. То же, что лучек.

лучек, ка; ки, ов; м. 1) Обшитая кожей палочка, посредством которой грузило рыболовной сети в поезде соединяется с находящейся в руках коршика веревкой. Сор., Кем., Сев.

2) Тонкий полуобруч из ствола молодой березки. Такие лучки прикрепляются к днищу кережи в нескольких местах для придания устойчивости стенкам кережи. Сум.

Лысун, а; ы, ов; м. Так называется водящийся в Северном океане гренландский тюлень, длиною в 1,7—2 метра, сала дает от 45 до 100 кгр. (3—6 пуд.) Южн.

Лысь, си; си, ей; ж. Общее у поморов название всех зверей тюленьей породы, к которым кроме лысуна принадлежат также нерпа и морской заяц. Южн.

Лыцянка, ки; ки, ок; ж. Веревка, скрученная из лыка. Повс.

Льяло, ла; ла, ял; ср. Отверстие по средине забора, в которое вставляется нерша. См. забор 3. Сум., Сор.

Ляп, па; ы, ов; м. Деревянная палка с расширенным концом или с насаженною на конце колотушкой, которою кротят пойманную на уду треску. На противоположной стороне колотушки вделан железный крючек, которым, зацепив рыбу, бросают ее в посудину. Южн.

Ляповище, ща; ща, ищ; ср. Рукоять ляпа. Южн.

М

Мазгара, ры; ж. Пасмурная, туманная погода на море, вследствие идущего мелкого дождя. Сум.

Майда, ды; ды, йд; ж. Больших размеров прорубь, выбитая пешней во льду и всегда поддерживаемая в незамерзающем виде. В майде зимою стоит судно. Сор., Сум.

Макоска, ки; ки, ок; ж. Небольших размеров печень белухи; маленькая макоска. Повс.

Макса, сы; сы, кс; ж. 1) То же, что балка. Южн.

2) Печень морского зверя белухи; представляет собою главный добываемый из нее продукт, идущий на вытопку жир. Повс.

Мала(я) вода—то же, что пала вода. Повс.

Малой зуек—см. зуек 1.

Малой межник, чаще **малые межники**—см. межник, межники и стрик.

Малой морской невод. Невод несколько меньших размеров, чем большой морской; вытягивается на берег ручным способом, без помощи ворота.

Марева—то же, что марево.

Марево, ва; ср. Летние от сильной жары испарения, поднимающиеся от земли, и происходящая от того тусклость неба и воздуха, непрозрачность, муть в воздухе и на горизонте. Повс.

Марит, ило; безличн. Воздух насыщен испарениями (во время летних жаров), непрозрачен, тускл; горизонт мутен, затуманен. Срв. марево, марь. Повс.

Марь, ри; ж.—см. марево.

Масленка, ки; ж. Полотняный, проолифленный специальным составом из олифы, воска и других веществ пиджак, норвежского изготовления. Рыбаки надевают его, находясь

на промысле, при выездах на ловлю. Особенно широкое употребление этот костюм имеет на Мурманских тресковых промыслах.

Масленна одежда. Полный костюм рыбака, состоящий: из шляпы продолговатой формы с полями (норвежск.— зюдвес), брюк с подтяжками и нагрудником (норвежск.— буксы) и пиджака. Южн.

Масло морское—см. морское масло.

Матица, матиця, цы; цы, иц; ж. Центральная часть невода, имеющая вид мешка. См. невод. Южн.

Матицьной (матичной) кут. Глухой суженный конец матицы с наиболее мелкими ячеями. См. невод. Южн.

Махавка, ки; ки, ок; ж. 1) Выставляемый для какой либо сигнализации или указания нужного пункта шест с привязанным на верхушке его пучком мочала, соломы, сена или какой либо ветошки. Повс.

2) Верхушка пафурки, сделанная заметной при помощи куска дерева, пучка сети, морской травы и проч. Южн.

Махалка, ки; ки, ок; ж. 1) То же, что махавка. Южн.

2) Флюгер на мачте для указания направления ветра. Повс.

Махлак, ка; ки, ов; м. Спекулянт, мелкий скупщик наловленной рыбы для перепродажи на сторону, во вторые руки—оптовику. Сор., Сум.

Махлачить, чу, ит, ат, ил. Заниматься покупкой у рыбаков рыбы по дешевке для перепродажи скупщику-оптовику. Сор., Сум.

Маховая сажень. Расстояние между концами раскинутых в стороны рук. Обыкновенно считается в 10 четвертей, т. е. в 2½ арш. (177—178 см.). Повс.

Меж встока обедник. Одиннадцатый румб компаса (ВЮВ); востоко-юго-восточный ветер — в пол-юго-востока к югу. Солнце на этом румбе стоит ровно в 7 ч. 30 м. пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на три четверти высоты. Повс.

Меж встока полуношник. Седьмой румб компаса (ВСВ); востоко-северо-восточный ветер — пол-северо-востока к востоку. Солнце на этом румбе стоит ровно в 4 ч. 30 м. пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на одну четверть высоты. Повс.

Меженка, ки; ед., ср. Семга, ловимая в меженное время. См. межень 3. Повс.

Меженна(я [1]) вода. Нормальная, установившаяся после весеннего разлива вода в реках. Нормальный летний уровень воды в реке. Срв. межень 2. Повс.

меженна(я [1]) пора. Летняя рабочая пора, средина лета, период летней страды. Повс.

меженник, ка; м. Средина лета, тихие летние дни, когда почти совсем не дуют ветры. Повс.

меженно время—то же, что меженник.

Меженной, [2]) ая, ное; ные, ых. Относящийся, свойственный летнему, меженному времени. Повс.

Меженной ветер. Летний непостоянный ветер.

меженной сиг—см. сиг. Сор.

Межень, ни; ед., ж. 1) Летнее время, средина, самый разгар лета. Повс.

2) Уровень воды в реках в меженное время, т. е. в течение летних жаров. Принимается за норму при исчислении высоты воды. Повс.

3) Направляющаяся из моря в реки в июле месяце мелкая, в 1,5—2,5 кгр. (4—6 фунтов) весом, нежирная и невкусная семга, преимущественно самцы с близкими к зрелости молоками. Эта семга называется также тинда. Повс.

Меж запада побережник. Двадцать седьмой румб компаса (ЗСЗ); западно-северо-западный ветер в пол-северо-запада к западу. Солнце на этом румбе стоит ровно в 19 ч. 30 м.

[1]) Ударение над е и над а.
[2]) Ударение над е и над о.

Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на три четверти высоты. Повс.

Меж запада шолонник. Двадцать третий румб компаса (ЗЮЗ); западно-юго-западный ветер в пол-юго-запада к западу. Солнце на этом румбе стоит ровно в 16 ч. 30 м. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на одну четверть высоты. Повс.

Меж лета обедник. Пятнадцатый румб компаса (ЮЮВ); юго-юго-восточный ветер в пол-юго-востока к югу. Солнце на этом румбе стоит ровно в 10 ч. 30 м. пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на одну четверть высоты. Повс.

Меж лета шолонник. Девятнадцатый румб компаса (ЮЮЗ); юго-юго-западный ветер, в пол-юго-запада к югу. Солнце на этом румбе стоит ровно в 13 ч. 30 м. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на три четверти высоты. овс.

Межник, ка; ки, ов; м. Общее название вторых восьми румбов компаса или соответствующих им ветров.

Из 32-х румбов компаса, обозначающих направление ветров и носящих название соответствующих стран света— восемь главных, по направлению от севера к востоку, не имеют у помора особого, общего наименования, а именно (считая по нумерам румбов компаса): 1-ый румб—север; 5-ый—полуношник, заморозник, рекостав; 9-ый—сток, всточной ветер; 13-ый—обедник; 17-ый—летней, летник, полуденной; 21-ый—шолонник; 25-ый—запад и 29-ый—побережник, голоменник (см. эти слова).

Вторые восемь румбов, по тому же направлению, находящиеся между упомянутыми главными, имеют следующие названия: 3-й румб—меж севера полуношник; 7-ой—меж встока полуношник; 11-ый—меж встока обедник; 15-ый—меж лета обедник; 19-ый—меж лета шолонник; 23-й—меж запада шолонник; 27-ой—меж запада побережник (см).

Остальные 16 румбов по тому же направлению, из которых каждый находится между главным румбом и межником, встарину (теперь все они уже утратили свои названия, отходящие в область преданий и известные лишь старым, уже отловившим рыбакам), имели особое общее название: малые межники или стриги (стрик), именно: 2-й румб—стрик севера к полуношнику; 4-й—стрик полуношника к северу; 6-й—стрик полуношника ко встоку; 8-й—стрик встока к полуношнику; 10-й—стрик встока к обеднику; 12-й—стрик обедника к встоку; 14-й—стрик обедника к лету; 16-й—стрик лета к обеднику; 18-й—стрик лета к шолоннику; 20-й—стрик шолонника к лету; 22-й—стрик шолонника к западу; 24-й—стрик запада к побережнику; 28-й—стрик побережника к западу; 30-й—стрик побережника к северу; 32-й—стрик севера к побережнику (см.). Повс.

Меж севера побережник. Тридцать первый румб компаса (ССЗ); северо-северо-западный ветер в пол-северо-запада к северу. Солнце на этом румбе стоит ровно в 22 ч. 30 м. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на одну четверть высоты. Повс.

Меж севера полуношник. Третий румб компаса (ССВ); северо-северо-восточный ветер, в пол-северо-востока к северу. Солнце на этом румбе стоит ровно в 1 ч. 30 м. пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на три четверти высоты. Повс.

Мелуза́га, ги; ед., соб. Мелкая рыба; рыбешка. Сев., Кем.

Мелуць, ци; ед., соб. Рыба малек, отсортированная и непригодная для продажи, а лишь для домашнего употребления. Этот сорт рыбы идет, главным образом, в пойло скоту. Сум.

Мелучь, чи; ед., соб. То же, что мелуць.

Менек, ка; ки, ов; м. Мелкий налим. См. мень.

Мень, меня; ед., соб. Налим, вылавливаемый преимущественно в озерах, вне поморского района, в зимнее время

и привозимый для продажи крестьянами в Поморье в мороженном виде. Сум.

Мережа, жи; жи, еж; ж. Ловецкая снасть, употребляемая в Поморье для ловли морской и речной рыбы во все сезоны года, как на открытой воде, так и подледным способом. Мережа изготовляется из чистой, тонкой, в 2—3 нитки скрученной, пеньковой или льняной пряжи и имеет вид конусообразной сети, растянутой на 7—15 обручах; каждый обруч отстоит от смежного на 1,25—1,5 метра, на протяжении всей сети. Расстояния между двумя смежными обручами сети называются промежками, счет которых ведется от первого у приходов (см. ниже) обруча. По своему устройству мережа разделяется на следующие части: приходы—внешняя широкая часть—первые два промежка, натянутые на первый, второй и третий обручи, наибольших размеров. Ячея сети на приходных промежках делается в два раза больше, чем на остальных промежках мережи. Здесь сеть изготовляется обязательно из более прочной, в 3 нитки, пряжи—преимущественно пеньковой. Приходы служат вторым, по входе рыбы в мережу, двором. Бочка—часть мережи, начиная с третьего и по 12—13 обруч. Здесь промежки изготовляются из отборной прочной тонкой пряжи с более частой, чем в приходах, ячеей. Кут—часть мережи от 13 до последнего обруча; промежки здесь изготовляются из одинаковой с бочкой пряжи, но с еще более мелкой ячеей. Чупа—последний промежуток, от крайнего самого узкого обруча; имеет вид конусообразного мешка, стягиваемого на конце веревкою, которая называется гойтяном. Распустив гойтян, можно вытрясти всю попавшую в мережу рыбу. Чупа делается в полтора раза длиннее последнего промежка, с мелкою, как и у кута, ячеей. Внутрь мережи вставляются и привязываются к ее обручам три воронкообразные сети, составляющие три горла (устраиваются они для того, чтобы попавшая в мережу рыба не могла выйти обратно).

Первое горло,—от 1 до 3 обруча, изготовляется из одинакового с приходами материала; обращено оно воронкою конуса внутрь мережи. Диаметр внешнего отверстия первого горла делается от 35 до 106 см., в зависимости от величины самой мережи. Для того, чтобы проход вдоль и сквозь горла был всегда открытым, отверстие конуса прикрепляется в 5—7 местах на тонкие бичевки, называемые симки, к третьему обручу.

Второе горло идет от 4 или 5 обруча до 7—9. Оно плетется из одинаковых с бочкою ниток, с одинаковым же размером ячеи. Диаметр его узкого отверстия от 13 до 18 см.; чтобы края не сходились, оно прикрепляется на 12—15 симок к 7—9 обручу.

Третье горло идет от 10-го к 12—13 обручам. Изготовляется оно таким же образом и порядком, как и второе горло.

Впереди первого обруча (к нему же) прикрепляется раз'езд—первый входной для рыбы в мережу двор. Раз'езд изготовляется из одинаковых с приходами прочных пеньковых ниток и с одинаковою же ячеею. Раз'езд делается двоякой формы: круглый, или с углами— в форме четыреугольника. Как в первом, так и во втором случае, он имеет четыре стороны; из них боковые стенки, или просто стенки,—занимают две равные противоположные по отношению друг к другу части: к ним прикрепляются крылья.

Другие две, также противоположные друг к другу части раз'езда, окаймленные тетивою, называются верхница и нижница. К верхнице прикрепляется ловда, которая поддерживает верхнюю сторону сети (от первого обруча) на поверхности воды, а к нижнице привязывают до пяти кибасов, которые погружают ко дну нижнюю часть сети. От ловды к первому обручу и до чупового (последнего) обруча прикрепляется сверху (проходя через каждый обруч приходов и бочки) бичевка, называемая помочь. Она предохраняет сеть на промежках от разрывов во время выта-

скивания мережи (особенно зимой—из подо льда через прорубь). Для того, чтобы захватить возможно большее пространство, из которого рыба (следуя по направлению сети) попадала бы внутрь мережи, к боковым стенкам раз'езда прикрепляются крылья, растягиваемые вправо и влево. Они имеют форму ставных сетей, длиною от 17 до 21 метра и высотою от 3,5 до 5,5 метр. Изготовляются из грубой и не столь уже прочной пеньковой пряжи, скрученной в 2—3 нитки. Верхняя сторона крыла окаймляется тетивою с навязанными на нее, на расстоянии друг от друга на 53—71 см., остроконечными плавками, а к нижней тетиве прикрепляются кибасы, подвязываемые, примерно, на таком же расстоянии друг от друга. Таким образом, крылья в воде имеют всегда стоячее вертикальное положение, образуя собою стены, направляющие рыбу прямо в мережу. Мережи, в зависимости от условий промысла, имеют несколько видов, а именно: сельденица, наважница, убежница.

Мережа наважница—см. наважница.

Мережа сельденица—см. сельденица.

Мережа сотенна—см. сотенна мережа.

Мережка, ки; ки, ек; ж. Маленькая мережа, мережа-убежница. Южн.

Мережка убежница. Маленьких размеров мережа.

Мережное колье. Колья, употребляемые для установки и укрепления мережи. Срвн. колье стоячее.

Мережной кол. Кол, употребляемый для установки мереж, сельдениц и наважниц. Южн.

Мережные крылья—см. мережа.

Мережу опущать—см. опущать мережу.

Местяное заведенье. Оборудование промысловым инвентарем, принадлежащее не одному лицу, а двум, трем или более; находящееся в совместном пользовании нескольких лиц по паям или по частям. Безразлично—Беломорское, Мурманское, или то и другое вместе. Южн.

Метанье, нья; ед., ср. То же, что вымет 2. Повс.

Метать, чу, ет, ут, ал. 1) Выбрасывать из карбаса, на ходу его, невод во время лова. Срв. вымет 2. Повс.

2) Спускать в море ярус из елы или шняки. Южн.

Метать икру. Выпускать, выбрасывать созревшую для оплодотворения молоками икру (о самках рыб). Повс.

Метаться, **метатьце**, ался. См. наметыватьце, наметатьце.

Михайловска(я) сельдь. Первый подход осенней сельди (с 6 сентября) к берегам Сорокской губы. Сор. в.

Моевна, ой; ед., ж. Рыба, попавшаяся на уду, наживленную мойвой. Южн.

Моевной невод. Мелкоячейный невод, для ловли мойвы. Срв. морской невод.

Мойва, вы; ж. Появляющаяся периодически в Северном океане у Мурманского берега маленькая рыбка, которою наживляют уды при ловле трески. Южн.

Мойвенный невод—см. моевный невод.

Молевина, ны; ны, ин; ж. То же, что мелуць. Повс.

Молёк, ка; ки, ов; м. 1) То же, что мелуць. Сум.

2) Маленькая рыбка, колюшка, водящаяся в реках Поморья. Повс.

Моль, ля; ли, лей (редко); м. То же, что мелуць. Сев., Кем.

Моржина, ны; ед., ж. Моржовая кожа. Сев.

Моржовина, ины; ед., ж. Моржовое мясо. Повс.

Моржовка, ки; ки, ок; ж. Широкоствольное, старинного образца, ружье, употреблявшееся для промысла на моржей и тюленей. Сев.

Морска(я) тура—то же, что тура. Южн.

Морска(я) цыньга. Известная болезнь цынга, поражающая поморов-рыбаков на Мурманском побережьи в период промыслов. Повс.

Морско(е) масло. Появляющиеся иногда в обилии в ясную тихую погоду на поверхности вод Белого моря медузы

(акалефы), имеющие вид студенистой массы, об'емом от чайного блюдца до тарелки, весом в 1—2 кгр. Повс.

Морско(е) сало. 1) То же, что морское масло. Повс.

2) Тонкий, режущий, стеклистый, свободно носимый течением, лед в море. Появляется преимущественно осенью в период замерзания водоемов. Сев., Кем., Сум.

Морской, ая, ое, ие, их. 1) Относящийся к морю, соприкасающийся с морем, находящийся на море, в море; живущий и обитающий на море, в море; происходящий от моря.

2) Мурманский, относящийся к Мурманскому берегу Ледовитого океана. Повс.

Морской ветер. Ветер с открытого моря, дующий по направлению к материку в противоположность ветру с горы. Повс.

Морской вьюн. Морская рыба из породы живородящих. Икры не мечет. Южн.

Морской горох. Один из видов морских водорослей с наростами в виде орешков. Повс.

Морской заец. Морской зверь из породы тюленей, плавающий группами; в погоне за стадами сельди направляется из океана в Белое море. Повс.

Морской карбас—то же, что ловецкой карбас. Южн.

Морской клоп. Паразит, водящийся на коже моржей и других морских зверей. Сев.

Морской мыш. Встречающийся в Северном океане зародыш ската. Повс.

Морской невод или **Мурманский**. Невод больших размеров (до 100 метров по крылью) с довольно частою ячеей в кутке. Употребляется для ловли наживки в губах Северного океана, около становищ Мурмана, отчего он еще называется наживочным. По степени и роду лова наживки, невод этот разделяется на песчаной (для ловли рыбки-песчанки) и мойвенной (для ловли наживки-мойвы), хотя,

в сущности, большой разницы между этими неводами и нет: лишь один побольше другого и ячея почаще.

морской паук—то же, что морской мыш.

морской сокол. Водящаяся у Кемского побережья в Поморье хищная птица, величиною с ястреба; крылья и хвост длинные. Гоняется за чайками и отнимает у них рыбную добычу. Кем., Сор.

морской цвет. Студенистое животное, свободно плавающее в море—медуза. Сев., Кем.

морской чай. Один из видов морской поросли в Северном океане. Повс.

морской червь. Употребляется в качестве наживки; приманка при ловле рыбы на уду и продольником. Повс.

моряна, ны; ед., ж. Ветер с моря. *Морянка задула; моряна дует*. Срв. морянка. Сев.

Морянка, ки; ки, ок; мн. (редко); ж. 1) Резкий ветер северных румбов, нагоняющий, особенно во время прилива, в устья рек морскую воду. Поморы примечают, что после морянки, всегда больше скопляется рыбы в устьях рек, впадающих в море. *Морянка подула, что-то нездоровитце*. Сум.

морянной, ая, ое; ые. 1) Идущий, дующий с моря, от моря.

2) То же, что морской 1. Повс.

моряноцька, ки; ки, цек; ж. Начинающийся, легкий северный холодный ветер.

Моски, ков; мн., м. Употребляется для обозначения всего настила в судне. Южн.

Мостовина, ны; ны, ин; ж. Отдельная жердь, употребленная на устройство мостов в заборе. Повс.

Мосток, ска; ски, сков; м. То же, что телгас. Южн.

Мосты, ов; мн., м. Верхняя горизонтальная площадка забора, застланная по перекладинам жердями. См. забор 1. Повс.

Мотовило, ла; ла, ил; ср. Деревянный с развилинами на обоих концах брусок для наматывания в мотки ниток, идущих на изготовление промысловых сетей. Сум.

Моток, ка; ки, ов; м. Пеньковая или льняная нитка (крученая и некрученая) в фабричной и кустарной укупорке, не свитая в клубок. Толщина нитки в мотке определяется особым номером, начинающимся от ноля для некрученой и кончающимся нолем для крученой. Мотки ниток, кроме суровых, не подразделяются на пасма, а составляют одно целое. Повс.

Мурман—см. Мурманский берег.

Мурманска страда. Весенний (самый тяжелый) период морских промыслов на зверя и рыбу у Мурманского берега. Отсюда значение — страдной, тяжкий, трудно дающийся промысел.

Мурманской, ая, ое; ие. Относящийся к Мурману, соприкасающийся с Мурманом, находящийся на Мурмане, обитающий или проживающий на Мурмане. Повс.

Мурманской берег. Часть побережья Северного Ледовитого Океана от мыса Святого Носа (у входа из Белого моря в Северный Ледовитый океан) до границы раньше Норвегии, а теперь Финляндии. На всем этом пространстве, кроме небольших колоний по побережью океана, приютившихся между береговых скал, в долинах горных речек и озер, устроены становища, посещаемые весною и летом рыбаками-промышленниками из Беломорских поморов. Они так и называются: Мурманскими промышленниками или Мурманщиками. Повс.

Мурманской невод—то же, что морской невод.

Мурманской промысел. Промысел рыбы, главным образом, тресковых пород в Северном Ледовитом океане у берегов Мурмана.

Мурманский промышленник — то же, что мурманьщик. Повс.

Мурманьщик, ка; ки, ков; м. Помор, промышляющий в Северном Ледовитом океане, на Мурмане. Повс.

Мылица, ци; цы, иц; ж. Утолщенная часть весла между ручкой и голяшкой. Эта часть весла во время греби находится внутри лодки, вне уключины, и является балансирующим регулятором при движении весла во время гребка и при взмахе его перед гребком. Чем увесистее мылица, тем грести веслом бывает легче. Повс.

Мыс, са; сы, ов; м. 1) Рыбья щека, а также голова рыбы палтус. Южн.

2) Выдающийся в море выступ берега. Повс.

Мысовина, ны; ны, ин; ж. Изгиб берега в море. Повс.

Мыш морской—см. морской мыш. Южн.

Н

Набежать, ит, жат и гут, ал. Во время хода судна под парусами (в шторм) попасть на рифы и корги, откуда бывает трудно благополучно выбраться. Южн.

Наберать гребень (о волне). Постепенно увеличиваться, подниматься выше, увенчиваться пенящимся гребнем. *Волна наберат гребень* — море разыгрывается, усиливается волнение. Повс.

Набои, ев; м. См. набой. Это слово чаще употребляется во множ. числе, как самостоятельное. Повс.

Набой, я; ои, ев; м. Доски, прибиваемые к бортам карбасов и других мелкого типа промысловых судов для поднятия их. Иначе—пришва. Повс.

Набойка, ки; ки, ек; ж. То же, что набоина. Повс.

Набоина, ны; ны, ин; ж. Доски, прибиваемые к борту судна для его поднятия. Иначе—набой. Повс.

Набор, ра; ед., м. Скупка рыбы для организации от рыбаков зимою в мерзлом виде скупщиками-наборщиками. В прежнее время набор делался для купцов-оптовиков. Повс.

Наборка, ки; ед., ж. Тоже, что набор. Южн.

Наборщик, ка; ки, ов; м. Скупщик рыбы, агент от организации, занимающийся скупкой от рыбаков рыбы и ведущий с ними расчеты. В прежнее время наборщик набирал рыбу для купца-оптовика. Повс.

(акалефы), имеющие вид студенистой массы, об'емом от чайного блюдца до тарелки, весом в 1—2 кгр. Повс.

Морско(е) сало. 1) То же, что морское масло. Повс.

2) Тонкий, режущий, стеклистый, свободно носимый течением, лед в море. Появляется преимущественно осенью в период замерзания водоемов. Сев., Кем., Сум.

Морской, ая, ое, ие, их. 1) Относящийся к морю, соприкасающийся с морем, находящийся на море, в море; живущий и обитающий на море, в море; происходящий от моря.

2) Мурманский, относящийся к Мурманскому берегу Ледовитого океана. Повс.

Морской ветер. Ветер с открытого моря, дующий по направлению к материку в противоположность ветру с горы. Повс.

Морской вьюн. Морская рыба из породы живородящих. Икры не мечет. Южн.

Морской горох. Один из видов морских водорослей с наростами в виде орешков. Повс.

Морской заец. Морской зверь из породы тюленей, плавающий группами; в погоне за стадами сельди направляется из океана в Белое море. Повс.

Морской карбас—то же, что ловецкой карбас. Южн.

Морской клоп. Паразит, водящийся на коже моржей и других морских зверей. Сев.

Морской мыш. Встречающийся в Северном океане зародыш ската. Повс.

Морской невод или **мурманский.** Невод больших размеров (до 100 метров по крылью) с довольно частою ячеей в кутке. Употребляется для ловли наживки в губах Северного океана, около становищ Мурмана, отчего он еще называется наживочным. По степени и роду лова наживки, невод этот разделяется на песчаночной (для ловли рыбки-песчанки) и мойвенной (для ловли наживки-мойвы), хотя,

в сущности, большой разницы между этими неводами и нет: *лишь один побольше другого и ячея почаще.*

морской паук—то же, что морской мыш.

морской сокол. Водящаяся у Кемского побережья в Поморье хищная птица, величиною с ястреба; крылья и хвост длинные. Гоняется за чайками и отнимает у них рыбную добычу. Кем., Сор.

морской цвет. Студенистое животное, свободно плавающее в море—медуза. Сев., Кем.

морской чай. Один из видов морской поросли в Северном океане. Повс.

морской червь. Употребляется в качестве наживки; приманка при ловле рыбы на уду и продольником. Повс.

моряна, ны; ед., ж. Ветер с моря. *Морянка задула; моряна дует.* Срв. морянка. Сев.

Морянка, ки; ки, ок; мн. (редко); ж. 1) Резкий ветер северных румбов, нагоняющий, особенно во время прилива, в устья рек морскую воду. Поморы примечают, что после морянки, всегда больше скопляется рыбы в устьях рек, впадающих в море. *Мо́рянка подула, что-то нездоровитце.* Сум.

морянной, ая, ое; ые. 1) Идущий, дующий с моря, от моря. 2) То же, что морской 1. Повс.

моряноцька, ки; ки, цек; ж. Начинающийся, легкий северный холодный ветер.

Моски, ков; мн., м. Употребляется для обозначения всего настила в судне. Южн.

Мостовина, ны; ны, ин; ж. Отдельная жердь, употребленная на устройство мостов в заборе. Повс.

Мосток, ска; ски, сков; м. То же, что телгас. Южн.

Мосты, ов; мн., м. Верхняя горизонтальная площадка забора, застланная по перекладинам жердями. См. забор 1. Повс.

Мотовило, ла; ла, ил; ср. Деревянный с развилинами на обоих концах брусок для наматыванья в мотки ниток, идущих на изготовление промысловых сетей. Сум.

Моток, ка; ки, ов; м. Пеньковая или льняная нитка (крученая и некрученая) в фабричной и кустарной укупорке, не свитая в клубок. Толщина нитки в мотке определяется особым номером, начинающимся от ноля для некрученой и кончающимся нолем для крученой. Мотки ниток, кроме суровых, не подразделяются на пасма, а составляют одно целое. Повс.

мурман—см. Мурманский берег.

Мурманска страда. Весенний (самый тяжелый) период морских промыслов на зверя и рыбу у Мурманского берега. Отсюда значение — страдной, тяжкий, трудно дающийся промысел.

Мурманской, ая, ое; ие. Относящийся к Мурману, соприкасающийся с Мурманом, находящийся на Мурмане, обитающий или проживающий на Мурмане. Повс.

Мурманской берег. Часть побережья Северного Ледовитого океана от мыса Святого Носа (у входа из Белого моря в Северный Ледовитый океан) до границы раньше Норвегии, а теперь Финляндии. На всем этом пространстве, кроме небольших колоний по побережью океана, приютившихся между береговых скал, в долинах горных речек и озер, устроены становища, посещаемые весною и летом рыбаками-промышленниками из Беломорских поморов. Они так и называются: Мурманскими промышленниками или Мурманщиками. Повс.

Мурманской невод—то же, что морской невод.

Мурманской промысел. Промысел рыбы, главным образом, тресковых пород в Северном Ледовитом океане у берегов Мурмана.

Мурманский промышленник — то же, что мурманьщик. Повс.

Мурманьщик, ка; ки, ков; м. Помор, промышляющий в Северном Ледовитом океане, на Мурмане. Повс.

Мылица, ци; цы, иц; ж. Утолщенная часть весла между ручкой и голяшкой. Эта часть весла во время гребли находится внутри лодки, вне уключины, и является балансирующим регулятором при движении весла во время гребка и при взмахе его перед гребком. Чем увесистее мылица, тем гресть веслом бывает легче. Повс.

Мыс, са; сы, ов; м. 1) Рыбья щека, а также голова рыбы палтус. Южн.

2) Выдающийся в море выступ берега. Повс.

мысовина, ны; ны, ин; ж. Изгиб берега в море. Повс.

мыш морской—см. морской мыш. Южн.

Н

Набежать, ит, жат и гут, ал. Во время хода судна под парусами (в шторм) попасть на рифы и корги, откуда бывает трудно благополучно выбраться. Южн.

Наберать гребень (о волне). Постепенно увеличиваться, подниматься выше, увенчиваться пенящимся гребнем. *Волна наберат гребень* — море разыгрывается, усиливается волнение. Повс.

Набои, ев; м. См. набой. Это слово чаще употребляется во множ. числе, как самостоятельное. Повс.

Набой, я; ои, ев; м. Доски, прибиваемые к бортам карбасов и других мелкого типа промысловых судов для поднятия их. Иначе—пришва. Повс.

Набойка, ки; ки, ек; ж. То же, что набоина. Повс.

Набоина, ны; ны, ин; ж. Доски, прибиваемые к борту судна для его поднятия. Иначе—набой. Повс.

Набор, ра; ед., м. Скупка рыбы для организации от рыбаков зимою в мерзлом виде скупщиками-наборщиками. В прежнее время набор делался для купцов-оптовиков. Повс.

Наборка, ки; ед., ж. Тоже, что набор. Южн.

Наборщик, ка; ки, ов; м. Скупщик рыбы, агент от организации, занимающийся скупкой от рыбаков рыбы и ведущий с ними расчеты. В прежнее время наборщик набирал рыбу для купца-оптовика. Повс.

Навага, ги; ед., ж. Беломорская рыба промыслового значения, водящаяся в водах южного района Кемского и Онежского Поморья. Для рыбаков указанного района она составляет основной вид зимнего промысла. Повс.

Наважей промысел. Время промысла наваги начинается (приблизительно) с 15 сентября и продолжается до 15 января.

Наважник, ка; ки, ов; м. Рыбак, занимающийся исключительно промыслом наваги.

Наважница, цы; цы, иц; ж. Мережа меньших размеров, чем сельденица и грубее изготовленная. Употребляется преимущественно для ловли наваги, корюха, а также и другой, кроме сельди, рыбы.

Наважья пора. Время, период ловли наваги. Южн.

Навевать, ват, вал. Слегка дуть. Говорится о легком ветре, за которым может последовать сильный ветер, вплоть до бури. *Ишь как ветерок-то навеват—как бы в погоду не разошолся.* Сум.

Навстречу ветер—см. ветер навстречу. Повс.

Нагиль, ля; ли, ей; м. Длинный деревянный гвоздь, обычно круглый, реже граненый; им прикрепляются брусья к козлам.

На гребень держать—см. гребень 2.

Нагрехать, аю, ает, ют, ал. Выловить чрезмерно много рыбы за один или несколько приемов лова. *Нагрехало ему сельди, да и еще нагрехат.* Сум., Сор. в.

Надбежать, гу, жит, гут, жал. 1) Подплыть быстрым ходом, в шторм или туман, незаметно для суденышка к защищенной бухте или становищу около морского берега, материка, или острова в море.

2) Нечаянно приблизиться к расставленным в море орудиям лова—ярусам, мережам, сетям и проч. Южн.

На два разгреба. Ловить селедку артелью в 4 карбаса. Сум., Сор.

На две воды. На время около 24 часов (на сутки). См. вода 1. Повс.

Надувать (о парусе). Наполнять ветром полотнище паруса, ускоряя ход судна. Повс.

Наживать, ет, ют, ал (о морском звере). Жиреть накапливать жир на залежке. Поморы говорят: *зверь наживает сало.* Сев., Колж.

Наживать сало—см. наживать. Сев., Колж.

Наживка, ки; ед., ж. 1) Приманка, насаживаемая на крючек или уду для ловли рыбы. По виду и роду лова наживка бывает: для уженья в реках и озерах—дождевой червь; для ловли морской рыбы, преимущественно камбалы и мелкой трески,—морской червь; для ловли ярусом трески наживкою служит мелкая рыбка мойва, песчанка, и лишь за неимением их—селедка и морской червь. Южн.

2) Процесс надевания приманки для рыбы на уды морского яруса или на крючки продольника. Южн.

Наживлять, яю, ет, ют, ял. Насаживать наживку на крючки снасти или уды. Южн.

Наживлять носок. Насаживать приманку на удочку. Южн.

Наживлять продольник. Насаживать приманку на удочки снасти. Приготовлять ее для рыбной ловли. Южн.

Наживлять тюк. Надевать приманку на крючки тюка. Южн.

Наживлять уду. Насаживать на уду наживку. Южн.

Наживлять ярус. Насаживать на крючки яруса приманку. Приготовлять его для промысла. Южн.

Наживотчик, ка; ки, ов; м. Работник на рыбацком промысловом судне, занимающийся специально наживкою и отвивкою тюков яруса, как на берегу, так и на море в судне. Обязанность наживотчика исправляет обычно подросток лет 12—17, который за это получает из 4-го или 5-го пая, или же его нанимают на срок промыслового судна за плату деньгами до 40 рублей и рыбой от 325 до 500 кгр. (20—30 пуд.). Южн.

Наживоцьница, цы; цы, иц; ж. Помещаемая на кормовой бабке в шнеке доска, на которой сидит корщик, когда управляет рулем. Во время стоянки на ярусе здесь производится наживка яруса. Южн.

Наживочный невод—то же, что морской невод. Южн.

На живую нитку. Сшивка вместе двух сетей ниткою, со скреплением узла чрез несколько ячей. Такая сшивка сетей делается наспех для временного пользования сетью, которую в любой момент без труда можно раз'единить и обратить в первоначальный их вид. Сум.

На живую нитку емежить—см. емежить на живую нитку.

Наледница, цы; цы, иц; ж. Сборище лысей, собравшихся на гладухах для деторождения. Сев.

Наледной промысел. Промысел морского зверя и рыбы по льду, зимою и ранней весной, в беломорских губах Поморья. Сев.

Наливанец, ца; м. Слой нового льда, намерзший сверху старого, коренного — после разлива воды на плесах рек между порогами, или на морском берегу после большого под'ема морской воды, вызванного зимним штормом на море. Повс.

Наметатьце, чусь, чутся, ался—см. наметываться.

Наметываться, ваюсь, ется, ются, ался. 1) Выбрасывать, выметывать невод в юро рыбы. Повс.

2) Забрасывать невод на валежник или каменистое неровное дно, откуда его трудно выбрать и где можно порвать сети. Южн.

3) Выметывать невод в таком месте, где его трудно вытащить. Южн.

Намоина, ны; ны, ин; ж. То же, что забой 2, завой, прибой, заплески. Повс.

На неводную. Неводом, при помощи невода. Повс.

На обсушке. Говорится о судне, когда оно стоит на мели во время отлива, зашедши сюда в большую воду.

На обсушке остаться—см. остаться на обсушке.

На обсушке стоять—то же, что остаться на обсушке.

На одну воду. На время около 12 часов (полсуток). См. вода 1. Повс.

На одну лошадь. Иметь промысловое оборудование, обслуживаемое в промысле, в зимний период времени, одною лошадью. Так полагается на обслуживание лошади от 5 до 25 мереж при двух рыбаках. Сум., Вир.

На осённу. Остаться на Мурмане на время 1—15 сентября, на осенний промысел трески, когда остальные рыбаки уже уехали, закончив летний промысел.

На палую, чаще на палу, воду. Когда ловушка ставится прямо против течения воды во время отлива. См. вода 3. Южн.

На плотик. Книзу, вниз—относительно спускания с мачты паруса. Южн.

На поветерь. 1) На попутный ветер, по ветру. *Выйти на поветерь, попасть на поветерь.*

2) Старинный обычай *„просить на поветерь"*. Когда у кого либо судно долго не приходит с моря, тогда молодежь вечером идет в дом и просит на поветерь, чтобы судно скорее вернулось из плаванья. Дают чего-либо съестного—пирогов и т. п. Верят, что в таком случае уехавшие скоро вернутся живыми и здоровыми. Южн.

На поводь. На быстрину, на фарватер, на быстрое течение реки. Повс.

На прибылую, чаще на прибылу, воду. Прямо против движения воды во время прилива (ставится ловушка). См. вода 3. Южн.

На пятой воды. Срок службы судна определяется числом вод. В данном случае, судно служит пятый год.

Нарожденье, нья; ед., ср. Первый отжив рыбы, новцовый, наиболее обильный. См. отжив. Повс.

Наропацить, ит, ило (безлично). Образовалось много куч льда около прорубей. См. ропак. Южн.

Нарос, та; м. Время, когда рыба приходит на отмель в берега губы или в устья рек для икрометания: нерест. Южн.

Наросницять, яю, ет, ют, цял. Видеть рыбу в большом юро в начале нереста.

Наростанье, нья; ед., ср. То же, что нарос—нерест, икрометанье.

Наростовать, ует, уют, вал. Оплодотворять молоками выметанную икру. О самцах рыбы. Южн.

Насадка, ки; ки, ок; ж. 1) То же, что наживка. Южн.
2) Привязыванье нитками сети к тетиве. См. садить. Сум.

На саду. Сеть, окаймленная тетивою, вследствие чего она уменьшилась в длину по провязи. Сум.

На седьмую воду. Седьмой год службы судна, или какой-либо рыболовной снасти. Повс.

Наслань, ни; ед., ж. Стелющиеся по воде водоросли. Морские водоросли, оставшиеся во время отлива на отмелых местах губы. Сев., Кем., Сор.

На стречу. Напротив, с противоположной стороны. *Ветер пал на стречу*—подул противный ветер, или с противоположной стороны. Повс.

На сухой воды стоять—то же, что остаться на обсушке.

Насыкать, аю, ет, ют, ал. Налетать, набегать на берег. Говорится о волнах во время шторма, рассыпающихся брызгами и пеной в прибое. Повс.

Насычка, ки; ки, ек; ж. Сильное волнение, крутые волны во время шторма—около корг, скалистых берегов, низменных островков и лудушек; морской прибой.

Нашва, вы; ж. То же, что набой. Южн.

Нашесть, сти; сти, стей; ж. Скамейка или лавка для гребцов на карбасе и вообще на любом гребном судне. Срв. бабка. Сор. в.

На яруси лежать—то же, что лежать. Южн.

Невод, да; ды, ов; м. Большая, по размерам, сеть в форме суженного мешка с длинными крыльями. Употребляется для ловли в Беломорских водах сельди, а на Мурмане—наживки. Изготовляется из прочной, в 3 нитки, крученой льняной или пеньковой пряжи. По своему устройству невод состоит из следующих частей:

Матица—мешкообразной формы сеть из двух полотнищ, размером по окружности, у крыльев, от 12,5 до 25,5 метров. Изготовляется она из прочной пряжи с довольно частою ячеей в 12—30 мм. Неотъемлемой частью матицы является кут, куток, матичной кут—крайняя, наиболее удаленная от крыльев часть матицы, в длину до 4 метров, с очень мелкою ячеей, около 5 мм. (особенно част кут у Мурманского невода). Пласть—каждое полотнище сети, предназначенной для матицы или кутка матицы. Верхница и нижница составляют устье матицы подобное раз'езду у мережи. Верхница окаймлена тетивою с ловдою или ловдесом для поддержания верхней половины невода на поверхности воды, а также для определения средины при выравнивании крыльев во время вытягивания невода. Нижница—с навязанными кибасами для более плотного прилегания устья матицы ко дну моря или реки (смотря по тому, где промышляют).

К боковым стенкам матицы (точно так же, как и у раз'езда мережи) прикрепляются ринды. Этим именем называется первое от матицы полотнище крыла, с более, крупной по сравнению с матицею, ячеею, длиною, по посадке по верхней тетиве, в 4—7 метров. Ринды изготовляются из прочного, грубоватой отделки, пенькового материала, толщина нитки № 8/3 или № 8/2.

К риндам с обеих сторон в свою очередь на емегу пришиваются крылья—полотнища сети, подобные мережным крыльям; длина их зависит от размера матицы, условий и места лова. У больших тяглых неводов, употребляемых в Северном районе, каждое крыло состоит еще из трех полотнищ, называемых: 1) заранье—первое от ринд полотнище, длиною по верхней тетиве до 7 метров, с ячеей в 20—25 мм.; 2) сельдяная сеть—полотнище, следующее

за заранием, длиною до 10,5 метра, при размерах ячей в 25—30 мм., и 3) режак (или клечева)—последнее полотнище крыла, длиною до 70—85 метр., с весьма редкою в 40—50 мм. ячеей. Крыло во всех его частях изготовляется из одинаковой с риндами пряжи.

К концам крыльев (к клечам полотнища) прикрепляются клечи, называемые в отличие саранцами; к ним во время лова привязываются длинные на 100 и более метров длины веревки толщиною на 15—18 прядей, называемые клечевые походни. Невода, применительно к условиям и месту лова, разделяются на несколько видов: 1) большой морской невод, 2) малой морской невод, 3) тяглой невод, 4) семужей невод, 5) сельдяной невод, 6) запорный невод, 7) кошельковый невод, 8) речной невод, 9) морской или мурманский невод, иначе называемый наживочным (в свою очередь может быть песчаночный и мойвенный). Повс.

Не вода. Встречная вода. Течение воды, не соответствующее желаниям рыбака. Прилив, когда нужно отливное течение, и наоборот. Особенно досадное обстоятельство во время промысловой горячки. Южн.

Невод большой—см. большой невод.

Невод большой морской—то же, что большой невод.

Невод запорной—см. запорной невод.

Неводить, жу, ит, ят, ил. Заниматься ловом рыбы при помощи невода. Повс.

Невод кошельковой—см. кошельковой невод.

Невод моевной—см. моевной невод.

Невод мойвенной—см. моевной невод.

Невод морской—см. морской невод.

Невод Мурманской—см. морской невод.

Неводна, ой. Процесс лова неводами в море. Повс.

Невод наживочный—морской невод.

Неводничать, аю, ет, ют, ал. Промышлять рыбу неводом, заниматься ловлею рыбы при помощи невода. Повс.

Неводной промысел. 1) Время, период ловли рыбы при помощи неводов.

2) Способ лова рыбы неводом. Повс.

Невод песчаночной—см. морской невод.

Невод речной—см. речной невод.

Невод сельдяной—см. сельдяной невод.

Невод семужей—см. семужей невод.

Невод частик—см. частик невод.

Немецкая Варака—см. варака 2.

Не по воды. Вкось воды, на встречу воде. Срв. не вода. Южн.

Не полное заведенье—см. заведенье неполное. Южн.

Нерес, ста; м. 1) Период икрометанья у рыбы.

2) Самый процесс икрометанья и оплодотворения молоками икры. Срв. нарос.

Нерпа, пы; пы, рп. Морской зверь тюленьей породы в 1,4—2 метра длины, покрытый желтоватою с черными крапинками шерстью; дает сала до 50 кгр. Повс.

Нерпецей, цья, цье, цьи. Относящийся к нерпе, добываемый из нерпы, изготовляемый из нерпичьей кожи и т. п. Повс.

Нерпецей промысел. Промысел нерпы, производящийся весною, по освобождении от льда побережья Белого моря.

Нерпецья шкура—кожа нерпы. Повс.

Нерша, ши; ши, ерш; ж. Снаряд для ловли забором и убегами рыбы—семги, сигов и наваги. Нерша состоит из небольших пял от 50 до 60 см. в квадрате с полуконусообразной, натянутой на деревянные, полукругом согнутые прутья, сетью, специально изготовленной из пеньковой, в 4—6 ниток, пряжи. Длина нерши от основания пял до вершины 2—2,5 метра. Внутри ее, на 15—20 см. от основания пял, устраивается конусообразное горло, состоящее из 4—5 деревянных (более тонких) прутьев с кольцом из вицы от 10 до 15 см. в диаметре. Прутяной конус обтягивается

такой же, как и сама нерша, сетью. Для удобства установки нерши в забор или убег, а также и для более легкого ее осмотра, боковые стойки пял делаются длиннее поперечных брусков на ½—1 метр и называются—ручками. Нерша в забор устанавливается всегда конусом встрет течения воды, а пялами (входом) на воду (вниз по течению воды). Поднимающаяся против течения воды рыба, заходит в отверстие нерши и неизбежно попадается в нее. Для выемки из нерши рыбы, на верхней от воды грани в сетке имеется шов, называемый емега, 18—35 см. длины, забранный тонкой бичевкой, которая при надобности распускается. Сум.

Нерьпа, пы; пы, рьп; ж. То же, что нерпа. Южн.

Нижница, цы; цы, иц; ж. Обращенная ко дну моря или реки, нижняя часть ставной сети, с навязанным на нее грузом кибасьев. Противополагается верхнице. См. мережа, невод, тетива. Повс.

Нижняя тетива—см. тетива. Повс.

Никольска(я) сельдь. Промышляемая в декабре месяце, около Николина дня (6 дек.), в губах от Сороки до Сумы. Южн.

Нилас, су; ед., м. Тонкий, не сплошной слой льда, носящийся осенью, во время замерзания вод, в реках и на взморье. Южн.

Ниласить, ит, ило. Мерзнет вода; поверхность воды начинает смерзаться, покрываться шугой. Южн.

Нильма, мы; мы, лем; ж. Рыба сиговой породы, водящаяся в реках Поморья, с более чистою и светлою водою; весом доходит до 4 кгр. Повс.

Новцевой отжив. Движение рыбы в губе на нарождение месяца, т. е. в начале первой четверти луны. См. отжив. Южн.

Нога, ги; ги, ог; ж. 1) Веревка, толщиною в 15—18 ниток, скрученная в 3 пряди из хорошей чесаной пеньковой пряжи. При помощи ноги, кубас привязывается к ярусу. Южн.

2) Ванта на судне. Южн.

3) Подпорка козел в заборе (см.). Сум., Сор.

Нога носовая. Штаг на судне. Южн.

Нога яруса. Веревка, соединяющая кубас с ярусом (при лове трески).

Нога ярусная—то же, что нога яруса. Южн.

Ноги заводные—см. заводные ноги.

Норило, ла; ла, ил; ср. Тонкий, длиною в 6—8 метров, вытесанный из жерди шест, при помощи которого ставят подо льдом мережи и невода. Делается это так: в облюбованном месте рыбак пробивает во льду в прямом направлении лунки, на расстоянии 4—6 метров одна от другой. Берется норило, к комлевому концу которого прикрепляется одним из концов походня, а к другому концу ее привязывается клеч крыла. Норило с походней запускается в ердан с таким расчетом, чтобы конец его проходил через следующую лунку—по течению воды. Если конца норила с походней в первой от ердана лунке не видно, то в эту последнюю запускается норильный крюк и, нащупывая подо льдом в воде норило, подводят его к отверстию лунки. Когда все норило (запущенное через ердан) исчезнет подо льдом, дальнейшее продвижение его в том же направлении производится от первой лунки к следующей путем подпихиванья его носком пешни через лунки. Норило постепенно проводится до конечной лунки, называемой пролуба. Когда здесь появится вершина норила, то его тем же норильным крюком вытягивают на лед, а затем вытаскивают и все норило вместе с походней. Тогда за походню затягивается под лед и подлежащая часть ловушки (крыло, чупа мережи, невод). Южн.

Норильный крюк—см. норило, крюк 3. Южн.

Норить, рю, ит, ят, ил. Запускать норило с походней под лед для проводки подо льдом сети. Южн.

Нос, са; сы, ов (редко во множ. ч.); м. Скалистый, выдающийся в море мыс. Повс.

Носова(я) заборница. Каюта для весельщика и тяглеца на носу шняки. Южн.

Носова(я) кладь. Два или три отделения на носу шняки вместе с гребнем. Южн.

Носовой боран—форштевень; см. боран. Южн.

Носовой телгас. Настил, щиты на дне в носовой части посуды (судна). Южн.

Нособщик, ка; ки, ов; м. Опытный рыбак, всегда находящийся на носу карбаса с шестом в руках, беспрестанно нащупывающий в воде сельдь, во время сельдяного лова неводом в губах Сорокского и Сумского районов. От его ловкости и уменья зависит удача в лове, так как он должен найти рыбу и определить, при помощи шеста, густоту юра и направление, по которому оно движется. При определении густоты и направления движения юра принимаются во внимание следующие данные: если шест, опущенный тонким концом (вершиной) в воду, отдает мелкую отрывистую дробь, то сельдь редкая. При частой дроби — сельди много и она идет впереди (шест бьет ее по головам) рыбаков, которые, в таком случае, продолжают гнаться за ней. Если под шестом чувствуется мягкий шелест, то рыба идет навстречу рыбаку (шест бьет по ее хвостам). А если шест с трудом продвигается, то рыба идет вкось воды (шест бьет по ее средине). Сум., Сор.

Носок, ка; ки, ов; м. 1) Оказавшаяся под шестом носовщика негустым юро сельдь, за которою обычно следует и все остальное юро. Сум., Сор.

2) Рыболовный крючек мелких удебных номеров. Сум.

3) Острога для битья морского зверя. Сев.

Нот, та (слово норвежское); м. Сеть для ловли сельди и сайды, располагаемая горизонтально, метров до 35 длины, с большим посадом на окаймляющих ее подборах и с грузилами, так что она образует собою мешок. Сеть эта бывает окрашенною в темно-коричневый цвет для того, чтобы она менее была заметна в воде. Южн.

Нотовое крылье. Крылья, изготовленные для мереж из сетей отслужившего нота. Южн.

Ночна(я) вода. Уровень воды в море в ночные часы. Срв. вечерняя вода.

Няша, ши; ши, яш (слово финское); ж. Тина, болото, трясина. Южн.

Няшевато. Топко, болотисто. Южн.

Няшеватой, ая, ое, ые, ых. Топкий, болотистый, вязкий, непроходимый, тинистый. Южн.

Няшенной, ая, ое; ые, ых. То же, что няшеватой. Южн.

О

Обедник, ка; ки, ов; м. Юго-восточный ветер; 13-ый румб компаса. Солнце на этом румбе стоит ровно в 9 часов пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на половине. *С утра пал обедник.* Повс.

Обедник меж встока—см. меж встока обедник.

Обедник меж лета—см. меж лета обедник.

Облошать, ет, ало. Похудеть, спустить жир во время осеннего нереста в реках (о семге). См. лошать. Повс.

Облошенье, нья; ед., ср.—То же, что лошанье. Повс.

Обмёт, та; ты, ов; м. 1) Все пространство воды между концами саранцей и устьем матицы, захваченное при забрасывании невода в воду: обмет бывает, смотря по величине невода, от 60 до 200 метров и более в ширину.

2) Пространство внутри невода, определяемое двумя его крыльями, матицей и прямой линией между клечами.

3) Участок моря, охваченный (обметанный) какими-либо сетями. Повс.

4) См. невод. Повс.

Срв. измерить в обмет.

Обметать, чу, чет, чут, ал. Окружить неводом или сетью известную часть водного пространства. Повс.

Обметатьце(ся), чусь, чутся. То же, что обметать. *Надо обметатьце.* Повс.

Обметный невод—тоже, что запорный невод.

Обрез, за; зы, ов; м. Плотно сколоченный из досок, в виде корыта, ящик, в котором предварительно до уборки в тару засаливается рыба. В обрез обычно помещается свежей рыбы от 60 до 80 кгр. Срв. ларь. Южн.

Оброн, на; ны, ов; м. Убыль воды при морском отливе. Южн.

Обруч чуповой—см. чуповой обруч.

Обручи прищипать—см. прищипать обручи.

Обсушка, ки; ки, ек; ж. Обмеление судна при отливе. Говорят: *судно осталось, стоит на обсушке*, т. е. обмелело, зашедши в данное место в большую воду.

Обсушное становище. Такое место, куда судно, зашедши в полную воду, при малой воде обсыхает и остается на мели.

Обхвоить, ою, ит, ят. ил. Забрать хвойками со всех сторон, кроме русла, в виде стен мережку или нершу, поставленную в море—без крыльев и сетяных стен. Сум.

Об'ячеиться, ится, илась. Запутываться в ячеях, попавши в сеть (о рыбе). Повс.

Овивака, овивка, ки; ед., ж. 1) Пеньковая нитка, которою привязывают уду к оростеге.

2) Толстые нитки (юзин), или тонкая бичевка, которою прикрепляются к мереже обручи. Южн.

Огибень, ня; ни, ей; м. Морская зыбь, заходящая в залив губы, или в заводь. Южн.

Одна вода. Период времени около 12 часов. Повс.

Одновесельной карбас. Карбас, имеющий одну пару весел. Повс.

Односолка, ки; ед., ж. Один раз посоленная, тотчас же после улова, треска и палтусина, без пересолу и без подсолу. Южн.

Оклюцина (оключина), ны; ны, ин; ж. Выемка, стержень или другое какое-либо приспособление для упора весел на бортах гребного промыслового судна. Повс.

Окротеть, еет, ела. О воде,—когда во время отлива сила течения ее уменьшается до предельной степени. Повс.

Окротить, чу, ит, ят, ил. Оглушить пойманную рыбу, ударив ее по голове ляпом (деревянным молотком), или, наоборот, ударом ее головою о твердый предмет—о камень, борт карбаса, о чурку и проч. Южн.

Оммет, та; ты, ов; м. То же, что обмет. Повс.

Оплавина, ны; ны, ин; ж. Обилие, множество (о рыбе). Южн.

Оплазно. Изобильно, много, очень много (о рыбе). Южн.

Опущать из вида зверя. Терять из виду. Утратить возможность видеть простым глазом юро зверя среди льдов. Повс.

Опущать мережу. Становить, закидывать в воду мережу для лова. Повс.

Оростега, ги; ги, ег; ж. Тонкая, ссученная в две нитки, длиною в 60—70 см., леска-бичевка, употребляемая для оснастки тюков яруса (называется иначе—форшень). К одному концу этой оростеги прикрепляется уда, а другим концом она привязывается к стоянке. Южн.

Осенна, ой; ны, ых; ж. Осенний промысел трески, с 1-го по 14 сентября, в становищах Мурмана. Южн.

Осенной промысел. Лов рыбы в осенний период времени у берегов Мурмана и на Белом море в Поморье. Повс.

Осенна(я) сельдь. Самая жирная сельдь, появляющаяся около Успеньева дня, почему и называемая иначе Успенскою. Сев.

Остаться, нется, лся (о судне). Обмелеть, стать на обсохшем во время отлива месте—там, где во время прилива можно было идти. *Карбас остался, стоит на обсушке.*

Остаться на обсушке. Обсохнуть при отливе там, где в прилив была достаточная глубина. Стоять с судном на обсохшем во время отлива месте. Южн.

Остаться на осенну. Остаться промышлять треску после летняго сезона промыслов, кончающагося около 1 сентября, когда большинство рыбаков прикончит промысел и, прибрав на зиму все свое промысловое снаряжение и инвентарь, направляется с специальным пароходом, или по железной дороге, в села Поморья. Срв. на осенну. Южн.

Осушка, ки; ж. То же, что обсушка. Южн.

Отбежать, гу, жит, ал. 1) Успеть благополучно, при быстром ходе судна под парусами, миновать опасности в районе, богатом рифами и коргами, особенно во время морского шторма.

2) Отплыть с места отправления к месту назначения на судне под парусами.

отбирать, аю, ет, ют, ал. Отсортировывать крупную рыбу от мелочи, разбирать рыбу по сортам. Повс.

отбор, ра; ры, ов; м. Разборка рыбы на крупную и мелкую, сортировка ее.

отвивать тюк. Очищать снасть от старой наживки, распутывать и глушить уды, также укладывать для просушки очищенные от наживки снасти (ярусный тюк). Это работа зуя. Южн.

отвизка, ки; ед., ж. Очистка, распутыванье и просушка снастей, привезенных с лова для того, чтобы их снова пустить в дело. Южн.

отвод, да; ды, ов; м. Переплет хвои, идущий от конца бокового козла на дно реки. Сум., Сор.

от воды до воды. 1) Период времени от прилива до прилива, или от отлива до отлива—около 12 час. Повс.

2) Период времени от прилива до отлива или от отлива до прилива—около 6 часов. Повс.

Отдуваться, юсь, ется, ются, лся. Выдерживать волнение, находясь в море, во время лова ярусом. Южн.

Отжив, ва; вы, ов; м. Движение рыбы в губе в соответствии с фазами луны (в момент ея нарождения, полнолуния, первой и последней четвертей). Поморы замечают, что в период наступления каждой из фаз луны, особенно при ея нарождении, рыба в губе трогается и в это время бывает ее лучший, сравнительно с остальными днями промыслового сезона, улов. Всех отживов четыре: новцевой, четвертовый, ущербной, ветховой.

Отживать, ат, ила (о рыбе). 1) Отходить с места стоянки в губе (в период фаз лунного движения) на другую, новую стоянку, вследствие чего улов ее начинает уменьшаться.

2) Значительно сокращаться в улове. Повс.

Отжив ветховой—см. ветховой отжив.

Отжив новцевой—см. новцевой отжив.

Отжив ущербный—см. ущербный отжив.

Отжив четвертовой—см. четвертовой отжив.

Отихнуть, нет, ихнул (о ветре). Стихнуть, притихнуть. Повс.

Отишеть, ишет, шел. То же, что отихнуть. Повс.

Открывать парус—то же, что забрасопить. Южн.

Открытая вода. Свободное между льдами пространство, открытое для прохода судов. Повс.

Отмелой, ая, ое; ые, ых. Мелкий, обмелевший, неглубокий; обсыхающий во время отлива. Сум.

Относ, са; сы, ов; м. 1) Всякого рода предмет, а также и промысловое судно, лишенное возможности двигаться свободно под парусом или на гребках, уносимое течением воды или ветром, вместе с прибрежным льдом, от берега вглубь моря.

2) Отход в море под напором отлива, воды и ветра прибрежных льдин, отрываемых от берега во время шторма и морского прилива. Повс.

Относной ветер. Сильный ветер, относящий звуки, не позволяющий их слышать. Ветер с берега в море.

Охоця, ци; м. В прежнее время—рыбак-бедняк, не имеющий орудий лова и идущий в становища Мурмана на-авось, с предложением своего труда, рабочей силы рыбакам-хозяевам или пайщикам-складчикам за определенную посезонную плату или из пая. *На охоцю*—на-авось, наудачу. Южн.

П

Падать, аю, ет, ют, ал. См. пасть.

Падун, на; ны, ов; м. Водопад: вода в реке, падающая с крутого обрыва, большей или меньшей высоты. Повс.

Падь, ди; ди, ей; ж. Глубокий омут, среди отмелей, в реке или на морской губе. Повс.

Паевой, ая, ое. Относящийся, принадлежащий к паю; общий, артельный. Повс.

Паевщик, ка; ки, ов; м. 1) То же, что пайщик. Повс.

2) Рыбак-рабочий на промысле во время зимнего лова сельди и наваги, работающий из пая и не имеющий в промысле своих орудий лова. Такой рыбак-паевщик получает обычно не свыше третинного пая, или даже пятую, шестую часть из промыслового рубля, на своих харчах. К его обязанностям относится: помогать хозяину-рыбаку ставить вместе с ним сети, осматривать их и перепускать на новое место. Обыкновенно берется один паевщик на одну лошадь (зимою) и на один карбас (весною и осенью). Сор. Сум., Вир.

Пай, я; и, ев; м. Часть, доля при разделе добычи или денег вырученных от промысла. Пай бывает—полный, половинный, третинный и т. д., смотря по условию. Повс.

Пайщик, ка; ки, ов; м. Рыбак, участник промысла, получающий за свой труд равный пай с остальными членами артели. Повс.

Пала(я) вода. Наиболее низкая, в конце морского отлива вода; наибольшее во время отлива понижение воды. Повс.

Пал ветер. Начался, поднялся ветер. Повс.

Палец, ца; цы, цей (ов); м. Деревянный, строганный (длиною в 15—20 см., в диаметре в 1—1¼ см.) брусок, вставляемый в отверстие обоих концов планки у бабы для сматывания ниток с мотка на клуб. См. баба. Сум.

Паллея, еи; еи, ей; ж. Рыба из семейства форелей (иначе пеструшка), водящаяся в порожистых с быстрым течением реках Поморья. Сор.

Пало поветерье—см. поветерье пало.

Палтас, са; сы, ов; м. Водящаяся у берегов Мурмана в Северном океане самая крупная рыба, из семейства камбалы, от 16 до 290 клгр. весом. Повс.

Палтасина, ины; ед., ж. Мясо рыбы палтуса; битый палтус. Повс.

Палтус—то же, что палтас. Повс.

Палтусина—то же, что палтасина. Повс.

Палтусок, ка; ки, ов; м. Небольшой палтусина. Повс.

Палтусья уда. Крючок особого вида, на какой ловят палтусов. Повс.

Палтух, ха; хи, ов; м. То же, что палтуха.

Палтуха, хи; хи, ух; ж. Жердь, прикрепленная перпендикулярно к елунице (см.). На такие жерди вешается для сушки посоленная треска, а также развешиваются для просушки рыболовные снасти. Южн.

Палья, льи; ж. То же, что паллея.

Парта, ты; ты, рт; ж. Отдельная прядь при витье веревки, заключающая в себе различное количество ниток. Южн.

Парусить, ит, ят, ил. Быстро плыть по воде на парусах. Повс.

Парус, са; са, ов; м. Приспособление для передвижения судна по воде во время попутного ветра. По своему виду и условиям употребления паруса разделяются на: прямой, штафок, кливер, тресель, бизань или гротсель, покосной парус. Повс.

Парус покосной. Косой парус, употребляемый для лавирования при боковом ветре. Южн.

Пасть, дет, дут, пал (о ветре). 1) Дуть, подуть, начать дуть. Повс.

Отсюда выражения: *ветер пал на стрету. С утра пал обедник. Ветры все горные нынечу падают*—теперь все дуют ветры с материка. *Поветерье пало; поветерь пала.*

2) О воде—сбыть, понизиться после разлива или подъема (от шторма, сильных дождей).

Паук морской—см. морской паук.

Пафурка, ки; ки, ок; ж. Тонкий, длиною около 2 метров, шест с махавкою на конце, вставляемый в дно кубáса. Южн.

Пацесы, ес (ов—редко); мн., м. Отчес пеньки, идущий на изготовление сетей для стен и заводей ловушек. Сум., Колж., Вир.

Пачесы—то же, что пацесы.

Пашка, ки; ки, ок; ж. Небольшая плоскодонная лодка с широкой, шлюпочного фасона, кормой. Она является вспомогательным средством передвижения около елы, бота, шнеки и проч. Употребляется во время удебного и ярусного лова на Мурмане. Южн.

Паюс, са; сы, ов; м. Плавательный пузырь рыбы и морского зверя. Повс.

Паюсок, ка; ки, ов; м. Уменьшит. от паюс.

Первое горло. Конусообразная сеть, вшиваемая внутрь мережи, в первый промежек (от 1 до 3 обруча). Южн.

Первый двор—см. двор первый.

Первосолок—то же, что и односолок. Южн.

Переборы, ов; мн., м. Косы и отмели, образовавшиеся поперек реки из наносных и намойных песков. Мелкие места на реке наносного образования. Повс.

Пережда́ть ветер. Выждать, пока стихнет или переменится ветер. Повс.

Переждать воду. Выждать, когда переменится течение воды. Повс.

Перекат, та; ты, ов; м. То же, что переборы. Повс.

Перекладина, ны; ны, ин; ж. Толстая жердь или тонкое бревно (слега), соединяющая верхушки двух противостоящих по течению реки свай в заборе. Сев., Кем., Сор.

Перекрой, оя; м. Начало ущерба луны, первые дни после новолуния. Южн.

Перемёт, та; ты, ов; м. 1) Ставная сеть для ловли в Кандалакшском заливе селедки, а в губах южного Поморья вообще всякой рыбы (преимущественно сига).

2) Также называется и сеть, которою загораживают обратный выход в море заходящим в губу белухам. Перемет на белуху составляется из нескольких сетей, сшитых между собою веревками. Каждая сеть, длиною в 50 метров, а высотою (или, как говорят промышленники — в стамике) до 20 метров, имеет только верхнюю тетиву с поплавками в 45—65 см. длиною и в 20 см. шириною; к нижней части сети прикрепляются непосредственно кибасья. Сев., Кем., Сор., Колж.

Перетишь, ши; ед., ж. Непродолжительное затишье между порывами ветра; переходное, непродолжительное безветерье в море. Южн.

Перетишье, шья; шья, шьев (во мн. числе оч. редко). То же, что перетишь.

Перо, ра; ср. Оконечность весла лопатообразной удлиненной формы, которою во время греби двигают по воде судно. Повс.

Перпяк, ка; ки, ов; м. Мелкий сиг, размером с селедку, водящийся в устьях рек, впадающих в Белое море. Кем.

Пертуй, уя; уи, ев; м. Мелкая, весом до $1^{1}/_{2}$ кгр., треска, которая солится рыбаками, в большинстве случаев, не в пластаном виде, а лишь отвернув голову и вытащив через образовавшееся отверстие внутренности. Реже разрезают брюхо. Южн.

Пестежить, жу, жит, жат, жил. Обвязывать веревками, опутывать кережу, наполненную рыбой для доставки ее домой с губы.

Пеструха, хи; хи, ух; ж. Зубатка, имеющая на своей шкуре темные пятна. Этот сорт зубатки жирнее и ценнее в продаже. Повс.

Пеструшка, ки; ки, шек; ж. См. паллея.

Песчаночной невод—см. морской невод. Южн.

Петелка, ки; ки, ок; ж. Загиб конца у рыболовного крючка в виде петли; к ней подвязывается подлесок. Повс.

Петить, чу, ит, ят, ил. Грести одним или двумя веслами в обратную сторону, двигая судно обратно кормою вперед. Южн.

Петля, ли; ли, ель; ж. Мера длины для веревок, употребляемая у Мурманских промышленников (из поморов). Размер ее определяется маховою саженью—расстояние между концами пальцев раскинутых рук, т. е. около $2^{1}/_{2}$ арш. Веревка складывается кольцами-петлями. Южн.

Петля якорная.—См. якорная петля. Южн.

Петровски воды.—См. Иваньски воды.

Пеховище, ща; ща, ищ; ср. Деревянная, в $^{3}/_{4}$—1 метр длины, рукоять пешни. Южн.

Пешанье, нья; ср. Работа пешней по долбленью льда.

Пешать. Работать пешней; долбить, колоть лед пешней. Повс.

Пешня, ни; ни; ж. Орудие, употребляемое рыбаками для долбления во льду прорубей. Оно состоит из железного, четырехгранного заостренного наконечника со стальным носком. Насаживается на деревянную рукоять с маковкой

на конце (делается для того, чтобы во время пешанья льда, пешня не могла выскользнуть из рук в воду), называемую: пеховище. Повс.

Пикша, ши; ед., ж. Водящаяся в Северном океане у берегов Мурмана рыба тресковой породы, но мельче и менее вкусная. Повс.

Пикшай, ея; еи, ев; м. То же, что пикша.

Пикшуй, уя; уи, ев; м. То же, что пикша.

Пинегор, ра; ры, ов; м. Рыба, водящаяся в Северном океане у Мурманского берега. В пищу эта рыба поморами не употребляется. Южн.

Плавная сеть. Сеть, при помощи которой лов рыбы производится путем передвижения ее в воде с места на место (невод, поезд.). Повс.

Плавник, ка; ед., м. Все, что плывет по морю или реке; все, что течение или прилив несет с собой: стволы деревьев, сучья, всякий хлам и пр. Повс.

Плавок, ка; ки, ов; м. Поплавок—еловая, в форме древесного березового листка, плоская дощечка, размером 10×18 см., толщиною в 1—1,5 см. Плавки привязываются к тетиве по сети на расстоянии 35—120 см друг от друга по верхнице крыльев и других сетей у невода и мережи. Южн.

Плавун, на; ны, ов; м. Общее название для всех кубасов выметанного яруса. Южн.

Плавуха, хи; хи, ух; ж. Плавающее на поверхности моря тело морского зверя или его шкура. Сев.

Пластать, аю, ет, ют, ал. Разрезать рыбу на части, потрошить рыбу. Повс.

Пластина, ны; ны, ин; ж. То же, что пласть. Южн.

Пласть, ти; ти, ей; ж. Одно полотнище сети, предназначенной для матицы или кутка матицы. Южн.

Плась, ти; ти, ей; ж. То же, что пласть.

Плица, ци; ци, иц; ж. Деревянный черпак в форме глубокого совка или большой ложки для выплескивания воды из карбаса. Южн.

Плетень, ня; ни, ней; м. Решетки из тонких колышков или дранок, спускаемые в реку со стороны забора, поставленные против течения для того, чтобы воспрепятствовать рыбе пробираться вверх по течению мимо ловушек. Повс.

2) Еловые ветви, скрепленные колышками (см. завеска 1). Сев.

Плотик, ка; м. 1) Лед, вплотную набившийся в губу от напора воды и ветра с открытого моря.

2) (О сельди)—густые массы (юро) сельди, запертые сетями в губе. Южн.

Побережина, ны; ны, ин; ж. То же, что бережина. Повс.

Побережник, ка; ки, ов; м. 29-ый румб компаса. Северо-западный ветер (С.З.). Солнце на этом румбе стоит ровно в 21 час. пополудни. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в полном отливе—самая низкая, последний час отлива—куйпога. Повс

Побережник меж запада—см. меж запада побережник.

Побережник меж севера—см. меж севера побережник.

Побережье, ья; ср. Береговая полоса Белого моря, обитаемая преимущественно рыбацким населением. Повс.

Поварня, ни; ни; ж. Место на промысловом судне, где приготовляется пища; кухня, очаг. Южн.

Поветерь, ри; ед., ж. Попутный ветер находящемуся в плавании судну. Повс.

Поветерье, рья; ед., ср. Противный ветер, встречный, супротивный.

Поветерье пало. Подул противный ветер. Повс.

Поветерь пала. Подул попутный ветер. Повс.

Поводно. Быстрина, быстрое течение, несущее по реке плавник. Повс.

Поводок, ка; ки, ов; м. То же, что фаглин. Сум., Сор.

По воды. 1) Вместе с приливом или отливом в море пользуясь силою течения.

2) По течению, вдоль течения, по струе реки. *По воды ехать—двойная льгота: наготово карбас несет. Поставили мережу по воды. Невод был выметан у нас в разгребе по воды.* Южн.

Поводь, ди; ж. 1) Естественное течение воды в реке.

2) Быстрое течение реки во время весеннего и осеннего половодья, когда уровень воды бывает несколько выше нормального.

Во время поводи считается весьма трудным и малоуспешным лов рыбы заборами. Повс.

Погнет, та; ты, ов; м. Решетка из дранок или из лучины, находящаяся в бочке с засоленной сельдью, с наложенными на нее для тяжести камнями, чтобы верхний слой рыбы не плесневел без рассола и не портился в течение теплого летнего времени—в том случае, если бочка не закупорена. Повс.

Погода, ды; ед., ж. Плохая, неблагоприятная погода; сильный ветер с атмосферными осадками; шторм на море при северном ветре. Срв. морянка. Повс.

Погодливо. Бурно, ветренно, непогодно; стоит непогодь. Повс.

Погодушка, ки; ед., ж. Сильная буря, шторм с дождем или снегом на море. Повс.

Погудало, ла; ла, ал; ср. Привязываемая к румпелю на промысловом судне (шнеке, еле) жердь, посредством которой кормщик правит рулем. Южн.

Подборы, ов; мн., м. Камни, прикрепляемые к нижней тетиве мережи для груза. Южн.

Подвевать, ает, ал (о ветре). Слегка поддувать попутно следованию судна под парусом. Сум.

Подвязь, зи; зи, ей; ж. Нижний край сиговика (два ряда ячей), связанный из более тонких ниток. Подвязь здесь служит вместо нижней тетивы. См. сиговик. Южн.

Подголовной кол. Жердь, вбиваемая в дно реки по обе стороны свай, для устройства стенок забора. Сев.

Поддёв, ва; вы, ов; м. Небольшой якорек из двух норвежских уд № 4, облитый свинцом, в виде маленькой рыбки. Южн.

Поддувать, ает, ал. То же, что и задувать, лишь с тою разницею, что этим выражением отмечается ветер с порывами. Повс.

Подерга, ги; ж. Подергивание веслом во время греби с частым перебрасыванием весел; гребь врозь, неправильная гребь. Южн.

Подлёдной промысел. Промысел сельди, наваги и другой рыбы зимою подо льдом. Повс.

Подлёсок, ка; ки, ов; м. Короткое и более тонкое, чем леса, волосяное колено, привязываемое к концу лесы. Повс.

Подмаривает, безличн. Мираж на горизонте; отражение в причудливой форме на горизонте и на поверхности моря островов, судов, городов, башен и проч. Повс.

Подниматься, юсь, ается, аются, ался. 1) Сниматься с якоря. Повс.

2) Улучшать, развивать промысловое хозяйство, обзаводиться промысловыми снастями, инвентарем и т. под. Южн.

Подниматься елой. Идти на Мурманский промысел самостоятельно, единоличным хозяином, с полным оборудованием снасти и орудий лова, на полную елу, принадлежащую самому рыбаку.

Подниматься полуелой. Идти на промысел вдвоем на одной еле, быть половинщиком, хозяином-пайщиком половины елы; выходить на промысел в складчину на равных паях, вдвоем на одной еле. Иначе сказать: иметь половину (окупленную) елы, половину полагающейся на промысле в еле снасти и проч. орудий лова, а так же в половинном

размере нести все расходы, сопряженные с наймом третьяго рыбака, зуя, ремонтом елы и проч. и проч., получая половину добычи. Южн.

Подниматься со своим. Идти на Мурманские тресковые промыслы самостоятельным рыбаком — со своей снастью и промысловой посудой; обзаводиться для промыслов (Беломорского и Мурманского) собственными орудиями лова и инвентарем.

Подрафить, флю, фит, фят, фил. Отклониться от курса, вследствие бокового течения или от ветра. Повс.

Подроцить (чить), цю, цит, цят, цил. Зацепить крючком или багром что-либо. Повс.

Подсада, ды; ед., ж. Очень мелкая сельдь или корюха, попадающаяся среди большого юро обыкновенной беломорской сельди и корюха.

Подсачивать, аю—см. сачить. Повс.

Подтоварка, ки; ж. Подстилка из досок на дне судна для предупреждения подмочки груза. Южн.

Подул летней—см. летней подул.

Поезд, да; да, ов и ов. Плавная сеть для ловли семги, тинды, нельмы и сигов, в 5—6 метров длиною, с двумя тетивами, не привязываемыми, как в гарве, а продеваемыми (как говорят—*бегом*) через ряды ячей, так что сеть по тетиве может свободно передвигаться. С боков поезд собран, также чрез ячеи, на тонкую, не длиннее 70 см. бичевку, называемую симка или емега, которая привязывается к концам обеих тетив, сближая их между собою, стягивая сеть и придавая ей мешкообразный вид. К каждому концу верхней тетивы привязывают по пеньковой, метров в 12—16 длиною, веревке—для тяги поезда в воде. К концам нижней тетивы привязывают служащие грузилом плоские, до килограмма весом, камни, называемые: пунда. Их обшивают кожей или парусиной, чтобы стук ими о каменистое

дно реки не пугал рыбы. На одном конце пунды делается ременная петля, называемая гужок, с продетым в нее ремнем, который привязывается к нижней тетиве, а к другому концу—обернутая кожей небольшая палочка, называемая—лучек, с прикрепленною к ней джутовою, метров в 12—13 длиною, веревкою, называемою—пунденница.

Ловят рыбу при помощи поезда следующим образом: два карбаса, выметавши поезд, плывут по течению, параллельно друг другу, на расстоянии поезда, и тянут его с собою за пеньковые веревки, привязанные одним концом к тетиве, а другим к бортам около кормы карбасов. Весельщик-гребец действует веслами, а корщик держит в руках, стоя в карбасе, пунденницу. Каждый раз, когда рыба попадается в сеть, пунденница в руках корщика вздрагивает; по качеству и силе этих вздрагиваний и судят о количестве попавшейся в поезд рыбы. Когда найдут, что рыбы попало достаточно, оба карбаса сближаются, вытягивают из воды поезд, отвязывают концы веревки от бортов карбаса и выбирают из поезда рыбу. Такая ловля, смотря по удаче лова, повторяется несколько раз в сутки. Для более крупной рыбы употребляется поезд с ячеей в 7—9 см., а для мелкой—так называемый поезд частик, с ячеями в 3—6 см. Южн.

Поездник, ка; ки, ов; м. То же, что поездной карбас. Южн.

Поездной, ая, ое; ые. Относящийся к поезду, к ловле рыбы поездом, принадлежащий к поезду. Южн.

Поездной карбас. Карбас вроде сельдянника, но более узкий, употребляемый при ловле рыбы поездом. Южн.

Поездованье, нья; нья, ньев; ср. Ловля рыбы поездом, при помощи поезда. Южн.

Поездовать, ал. Ловить рыбу поездом, при помощи поезда. Южн.

Поездовка, ки; ки, ок; ж. Ловля рыбы поездом. Южн.

Поезд-частик. Поезд (сеть) с мелкими ячеями, употребляемый для ловли мелкой рыбы. Южн.

Поемна луда. Отмель или низменный островок, покрывающийся водою во время морского прилива. Выражение чаще употребляется во множ. числе. Южн.

Пойма, мы; мы, ем; ж. То же, что водопоймина. Повс.

Пойти в жар. Говорится о течении воды. Усилиться, сделаться быстрым. *Вода пошла в жар*—началось ее быстрое течение в разгар отлива или прилива. Южн.

Пойти на ветер. Плыть по направлению ветра; выходить на ветер, если сначала судно шло не по ветру. Повс.

Поклады кормова(я)—см. кормова кладь.

Поклевка, ки; ки, ок; ж. То же, что и клев, но с меньшим успехом, не такой обильный. Повс.

Покосить, ит, ят, ил. Лавировать, поворачивать с одного галса на другой, идти по морю зигзагами, вследствие отсутствия попутного ветра. Повс.

Покосной ветер. Боковой ветер, ветер в бок судна, под тем или иным углом. Повс.

Покосной парус. Косой парус, дающий возможность пользоваться покосным ветром, идти лавируя. Повс.

Покрут, а; ы, ов; м. 1) Набор, подбор покрутчиков.
2) Артель покрутчиков, где хозяин предоставляет средства для промысла, а члены—труд.

Покрутиться, чусь, ится, ятся, ился. Поступить, наняться в число рабочих на период мурманского трескового промысла. *На хозяев сей год не покрутился.*

Покрутник, ка; ки, ов; м. Работник, поступивший из условленного пая на промысловое судно.

Покрутчик, ка; ки, ов; м. То же, что покрутник.

Покручиваться, аюсь, ется, аются, ался. Несовершенный вид от покрутиться.

Покручник, ка; ки, ов; м. То же, что покрутчик.

Пола(я) вода. 1) Весенний разлив рек, высокая во время весеннего разлива вода, скопляющаяся от таяния снега и от дождей.

2) Свободное от льда пространство на море, реке, озере, или совершенно очистившееся от льда плёсо. Повс.

Пол-воды. Половина прилива или отлива; период времени в 3 часа. Повс.

Полётовать, аю; ает, ал. Заниматься рыбною ловлею у себя дома, в своей губе или в реке около своего селения. Южн.

Полетовщик, ка; ки, ов; м. Рыбак, занимающийся дома близь своего селения речным ловом рыбы—семги, сига и проч.

Полквуха, хи; хи, ух; ж. Камень в море, возвышающийся почти в уровень с поверхностью воды. Над таким камнем бывает постоянно волнение, прибой и водовороты. Южн.

Полка, ки; ки, ок; ж. Отделение на шняке у правого борта кормовой бабки, где хранится наживка. Южн.

Полка вода. Последнее время прилива; наибольший во время прилива под'ем воды.

Полное заведенье—см. заведенье полное. Повс.

Полной пай. Вся добыча промысла делится на равные части, из которых каждая составляет полный пай. Участники промысла могут получать и более одного полного пая, и часть его.

Половинной пай. Половина полного пая. *Он получает на свою долю половинной пай из промысла.* Повс.

Половинной сад. Когда посаженная на тетиву сеть уменьшается в 2 раза, при чем ячеи ее растягиваются по вертикали, принимая фигуру ромбов.

Половинщик, ка; ки, ов; м. Рыбак-пайщик, получающий одинаковый пай с хозяином, если их артель составляется из двух хозяйств, вложивших в промысел поровну промысловый инвентарь и орудия лова. Сум

Половодье, дья; ср. 1) Наиболее высокая вода во время весеннего разлива.

2) Самые высокие из приливов. Особенно отмечаются большие воды (половодья) на Мурмане на Петров день и на Успенье. Отсюда выражения: *Пришли Иванско-Петровски или Успенски воды—снимут суда с обсушки.*

Полое море. 1) Открытое, свободное от льдов море.

2) Обширное морское пространство, на котором нет островов. Повс.

Полонья, и; и; ж. То же, что полынья. Повс.

Полуденной, ого. То же, что летник. Повс.

Полуелой подниматься—см. подниматься полуелой. Южн.

Полукорщик, ка; ки, ов; м. 1) Помощник корщика. В большом, на складчине, промысловом хозяйстве, обыкновенно, употребляются большие промысловые суда с числом рыбаков-рабочих до 10 и больше. В этом случае к ответственным по специальности рабочим назначаются помощники, как, например, к корщику. Южн.

Полуношник, ка; ки, ов; м. Северо-восточный ветер (СВ), пятый румб компаса. Солнце на этом румбе стоит ровно в 3 часа пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в полном приливе. Повс.

Полуношник меж встока—см. меж встока полуношник.

Полуношник меж севера—см. меж. севера полуношник.

Полуношница, цы; ед., ж. Вода, уровень воды в полночь, ночью. Повс.

Полуношной, ая, ое; ые. С полуночи, ночной (о ветре). Повс.

Полупромысел, сла; ы, ов; м. Половина, часть промыслового периода времени. Южн.

Полутрещанка, ки; ки, ок; ж. Бочка на половину (в 2 раза) меньше трещанки, вмещающая до 161 килограмма (10 пудов) соленой трески. Южн.

Помор, ра; ры, ов; м. Житель Поморья, занимающийся преимущественно рыболовством, звероловством и мореплаванием. Употребляется чаще во множ. числе—поморы.

Поморский берег. Прибрежная полоса Белого моря, побережье Белого моря от г. Онеги до Кандалакши. Повс.

Поморье, рья; ед., ср. В обширном смысле—все побережье Северного океана и Белого моря от Норвежско-Финской границы до Архангельска и далее до Сибирской границы. В тесном смысле—часть морского побережья от г. Онеги до Кандалакшского залива. Повс.

Поморье Кемское—см. Кемское поморье.

Помочь, чи; чи, чей; ж. Бичевка, проходящая чрез каждый обруч приходов и бочки, вплоть до чупового (последнего) обруча. Южн.

Поньгама семга—см. семга поньгама.

Попажа, жи; жи, аж; ж. Улов рыбы во время промысла. *В эту осень не было хороших попаж.* Сум.

Попас(т)ь в относ. Быть уносиму вглубь моря вместе с оторванною льдиною. Повс.

Попас(т)ь в стамики. Зайти в средину подводных рифов или отмелей; попасть между льдинами.

Попасть в обмет. Выметывать свой невод в обмет чужого невода по ошибке или с целью сорвать улов у других. Сор., Сум.

Поперечина, ны; ны, ин; ж. То же, что перекладина в заборе. Сум.

По подледью. Промысел сельди в Сорокской губе в начале зимы по талым водам, за береговыми льдами, намерзающими с берегов губы настолько толстым слоем, что по нему можно переправляться на лошадях с неводами и карбасами. Сор.

Поползуха, хи; хи, ух; ж. 2) Ячеи сети, не затянутые между собою в узел во время вязания сети ручным способом. 2) Пропущенная при вязании сети ячея в ряду других ячей сети. Сум.

По посадке. После посадки сети. См. садить. Сум.

Попутье, тья; ед., ср. Попутный ветер. Повс.

Пора наважья—см. наважья пора.

Порка, ки; ки, ок; ж. То же, что упорка. Сор., Сум.

Порог семга—см. семга порог.

Порог, га; ги, гов; м. Небольших размеров водопад. 2) Отмель, усеянная каменистыми выступами с быстрым и шумным течением по ней воды. Повс.

Порочка, ки; ки, чек; ж. Привязанное на веревке парусиновое ведро, которым достают из-за борта судна воду. Южн.

Порубень, ня; ни, ней; м. Брусок, идущий вокруг обоих бортов с внутренней стороны беспалубного судна (типа промысловых судов). Южн.

Посадка, ки; ки, ок; ж. Процесс прикрепления тетивы к сети (см. садить). Сум.

По седьмую воду. Идет седьмой год службы судна или снасти. Повс.

Посуда, ды; ед., ж. 1) Всякого рода промысловое судно, начиная с карбаса, кончая шнякой и парусным ботом. Южн.

2) Промысловые суда, сгруппировавшиеся в одном месте на промысле или в становище.

3) Тара для посола рыбы: сельдей и рыбы Мурманского улова. Повс.

Посудина, ны; ны, ин; ж. Всякое отдельное промысловое судно.

Посудиной ходить—то же, что подниматься елой.

Потише. Становится тише, делается тише, ослабевает ветер. Повс.

Потишеть, ет и еет, ело. Стихнуть, утихнуть, затихнуть (о ветре). Повс.

По третьей воды. Идет третий год (срок службы судна или снасти). Южн.

Потрох, а; преимущ. во мн. ч.—**потрохи**, ов; м. Внутренности, кишки промысловой рыбы. Южн.

Потрух, а; хи, ов; м. То же, что потрох.

Потянуло на берег. Начался прилив. Вода пошла на прибыль.

Походня, ни; ни, дён и ней; ж. Пеньковая, на 15—18 ниток, трехпрядная, прочная веревка, длиною от 90 до 100 метров. Употребляется на беломорских промыслах для установки мереж и неводов под лед во время лова (см. норить). Употребляется также для лова неводом при талых водах для вытяга на берег. Южн.

Походня клечевая—см. клецева.

Пошевни, ней; ж. Сани, специально приспособленные для промысловых целей. На обыкновенные дровни, о двух полозках, во всю длину их, из тонких досок делается кузов, высотою около аршина. В пошевнях насыпью возят с губы пойманную рыбу в мороженом виде. Сум.

Поясок, ка; ки, ов; м. То же, что провязь 1. Сум.

Правильно(е) весло. Весло, лопатообразной формы, заменяющее руль на небольшом беломорском промысловом карбасе. То же, что и кормовое весло. Южн.

Правым греби—левым табань. Команда рулевого, когда быстро нужно переменить направление судна влево. Повороту вправо соответствует обратная команда. Повс.

Прапуль, ля; ли, лей; м. Старинное название флюгера на мачте промыслового судна. Употребляется для определения направления ветра. Повс.

Прядено. Пеньковые нитки, скрученные ручным или машинным способом, идущие на изготовление рыболовных сетей. Южн.

Прядено зверино—см. юзин.

Прялица, цы; цы, иц; ж. Деревянная прялка для ручного пряденья льна и конопли. Сум.

Прибежать, гу, жит, жат и гут, жал и бег. Приплыть на промысловом судне в безопасное для стоянки убежище, быстро приплыть под парусами на промысловом судне. Южн.

Прибой, оя; он, ев; м. 1) Набегающие и разбивающиеся о берег волны.

2) Всякого рода предметы, начиная от песка, водорослей и кончая бревнами, принесенные и выброшенные волною на берег возле воды. Повс.

Прибыла(я) вода—см. полна вода. Повс.

Приглуб. Глубина в море или реке близь берега. Более глубокое место, по сравнению с окружающими отмелями. Яма, углубление в русле реки или в море среди мелкого места, особенно вблизи берега. Повс.

Приглубо. Глубоко у самого берега реки, озера или моря.

Приглубой, ая, ое; ые, ых. Глубокий, сравнительно с окружающим мелким местом. Более глубокий, чем соседнее русло или дно моря. Повс.

Пригрева, вы; ед., ж. То же, что угрев. Повс.

Прижим, ма; мы, ов; м. Обычно—прижимы. Пара кольев, укрепляющих и прижимающих книзу крайние верхние мостовины (жерди) забора. Сев., Кем., Сор.

Припадат духами. Налетает порывами (о ветре), дует прерывисто, с сильными порывами.

Припади-ко ветерка, у нас лодка не ходка. Поговорка, обращение помора-рыбака к ветру при полном штиле (безветрии). Верят, что, после такого обращения подует ветер. Повс.

Припало ветра. Подул ветер. Повс.

Припало много ветра. Подул сильный ветер. Повс.

Припало тихо. Наступило безветрие, тишина, перестал ветер. Повс.

Припасть, ду, дет, дут, ал.

Пристань, ни; ни, ей; ж. Деревянный помост на ряжах или козлах, устраиваемый с отмелого берега до приглубого места. Она устраивается для причала промысловых судов, а также и для удобства погрузки и выгрузки с судна про-

дуктов промысла и орудий лова. Для этого почти у каждой пристани сбоку ставится деревянный, в один—два яруса, амбар.

приходной, ая, ое, ые, ых. Относящийся к приходам (см.). Южн.

приходные промежки. Первые два наиболее широких промежка в мереже. Южн.

приходы, ов; мн., м. Первые два промежка, между первым и третьим обручами мережи. Южн.

Пришва, вы; вы, шов и шв; ж. То же, что набой. Южн.

Прищипать, плю, ет, ют, ал. Сшить отдельные части полотнища сети; зашить дыры, отверстия; привязать сеть к обручам. Сум.

прищипать крылье. Сшить емегой крыло с риндой невода или стенкой раз'езда мережи. Сум.

прищипать обручи. Привязать обручи к мереже, обвив бичевкою вокруг ячеи провязи.

Прищипка, ки; ки, ок; ж. 1) Материал (нитки, бечевка), которым сшиваются сети или привязываются к мереже обручи (срв. емега). Обычно прищипка несколько толще материала сетей.

2) Работа по сшиванию сетей и привязыванию обручей к мережам. Сум.

Прищипывать, ваю, ет, ют, ал.—см. прищипать. Сум.

Пробежать, гу, жит, гут, жал. Пройти мимо пристани или пункта остановки, вследствие тумана, шторма и т. под.; миновать нужное место.

2) Благополучно миновать в шторм или в тумане места, опасные для плавания судна в море. Южн.

Пробежка, ки; ки, ек; ж. 1)Быстро и удачно пройденный судном путь в известном районе на промыслах. Южн.

2) Ход судна под парусами при попутном ветре и благоприятных условиях плавания по морю. Повс.

Провязь, зи; зи, ей; ж. 1) Полоса сети, в две-три ячеи шириною, которую вяжут сначала во всю длину сети, какова бы она ни была. После того как провязь связана, забирают петли на рожень и продолжают вязать сеть уже по ее ширине (или глубине), какая только нужна рыбаку. Такая провязь иначе называется—поясок, так как по внешнему виду она похожа на узкий длинный пояс. Южн.

2) Две ячеи мережи, провязанные по всей окружности, между промежками, из более толстых ниток,—притом же несколько больших размеров, чем в промежках; к этой провязи обыкновенно прищипывается обруч. Сор., Сум., Колж., Нюх., Вир.

Продольник, ка; ки, ов; м. Небольшой, метров от 40 до 60 в длину, имеющий вид яруса, снаряд для ловли камбалы в устье рек, впадающих в Белое море. Продольник состоит из лески с прикрепленными к ней по длине, в расстоянии от 35 до 70 см. один от другого, рыболовными крючками на более тонких коленах, длиною в 25—35 см., называемых подлески. Рыболовные крючки употребляются, начиная с № 9 и мельче. Наживкою для продольника служит дождевой и морской червь-песчаник. Сум., Кем.

Продух, ха; хи, ов; м. 1) Отверстие во льду, образовавшееся вследствие весеннего таяния льда на реках, озерах и на взморье. Сум.

2) Отверстие, продутое во льду морским зверем.

Прождать целую воду. Выдержать промежуток времени в 6 часов—от прилива до отлива или наоборот. Повс.

Пролов, а; вы, ов; м. 1) То же, что звериная сетка. Южн.

2) Неудача в лове из-за неправильно выметанной метальщиком сети. То же, что промет. Сор., Сум.

Пролуба, бы; бы, уб, бей; ж. Прорубь во льду, сделанная для постановки под лед рыболовной снасти. Повс.

Промежки проходные—см. проходные промежки.

Промежок, ка; ки, ов; м. Расстояние между двумя соседними обручами мережи. Южн.

Промёт, та; ты, тов; м. 1) То же, что звериная сетка.

2) Неправильная выметка в воду невода, отчего не попадает в него рыба. Срв. пролов.

Про́мысел, сла; слы, ов; м. Независимо от своего обычного значения, словом этим обозначается у поморов весь известный, определенный период времени, в продолжении которого производится морской рыбный или звериный лов. Повс.

Промысёл вольной—см. вольной промысел.

Промысел заледной—см. заледной промысел.

Промысел зимней—см. зимней промысел.

Промысел ластебный—см. ластебна.

Промысел Мурманской—см. Мурманской промысел.

Промысел нава́жей—см. наважей промысел.

Промысел наледной—см. наледной промысел.

Промысел неводной—см. неводной промысел.

Промысел осенной—см. осенной промысел.

Промысел подледной—см. подледной промысел.

Промысел страдной—см. страдной промысел.

Промысел убежей—см. убежей промысел.

Промысел худой—см. худой промысел.

Промысел юровой—см. юровой промысел.

Промысловая артель—см. артель промысловая.

Промысловая изба, промысловая избушка—см. избушка.

Промысловая посуда—см. посуда.

Промышленник мурманской—см. мурманьщик.

Промышленницеть, цею, цеет, цеют, цял. Заниматься промыслом, находиться на промысле, промышлять. Повс.

Промышлять убегами, убегом—см. убегами промышлять.

Проно́рить, рю, рит, рят, ил. Провести походню подо льдом при помощи норила. Южн.

Проносной, ые. Лед на ходу, двигающиеся льды. Под напором ветра и быстрой струи льды обычно относятся через горло Белого моря в Северный океан. Благодаря их движению, образуются полыньи—разводье, где и производится звериный промысел. Повс.

Про́тив воды. Против течения, навстречу течению. *И тяжело же было выгребать против воды—насилу добрались до наволока.* Южн.

Проти́вна вода. Течение, противоположное движению судна, встречное течение в море. Повс.

Противной ветер—см. ветер навстречу. Повс.

Прыскать, щет, скала. Играть всем юром (о рыбе) на поверхности воды, выпрыгивая из нее—в тихую солнечную погоду. (Преимущественно о сельди). *Сельдь прыщет.* Южн.

Пря́жа, жи; ж. Всякого рода спряденная, машиной или ручным способом, нитка из сырца конопли или льна; крученая нитка из двух или более некрученых (пряденых) ниток. Она употребляется на изготовление всевозможных рыболовных сетей.

Прямой парус. Парус прямоугольной формы, устанавливаемый на промысловом судне, преимущественно типа шнеки, елы, на первой от носу мачте. Южн.

Пуд с гако́м. Пуд с походом, с довеском, с лишком; вес на некоторую неопределенную величину больше пуда (см. гак).

Пу́нда, ды; ды, нд; ж. 1) Грузило у лесы на треску—железная четырехгранная гирька (см. леса 2).

2) Грузило из камня у поезда. Южн.

Пунденница, цы; цы, иц; ж. Прикрепленная к лучку длинная веревка (см. поезд). Южн.

Пусти́ть икру—то же, что метать икру. Повс.

Пу́тки, ок; мн., ж. Внутренности сига, семги и всякой другой рыбы; горловина и желудок рыбы. Сор., Сум.

Пу́тцо, ца; ца; ср. Веревочное или др. кольцо для весла при уключине (см. коцет).

Пыли́ть, ит, ят, ил, или. Бурлить, рассыпать брызги мелкой пылью, пениться (при волнении на море или на порогах). Повс.

Пылко. Бурно, бурливо, с брызгами и с пеной.

Пылко́й, ая; ие. Сильный, бурный, порывистый, разводящий сильное волнение с пеной и брызгами (о морском ветре). Повс.

Пыль, ли; ед., ж. 1) Пена в море.

2) Внезапный более сильный порыв ветра, повторяющийся периодически во время вообще ветренной погоды. Повс.

Пяла, пял; мн., ср. Прямоугольник из жердей, устраиваемый применительно к размерам забора. Пяла устраиваются также и для нерши. Сум.

Пятнадцати-прядная стоянка—см. ярус.

Р

Разво́дье, дья; дья, дьев; ср. 1) Полынья, образовавшаяся в плавающих весною на море льдах. Здесь особенно удачно промышляется на неводную сеть селедка.

2) Вообще свободное между льдами в море место для прохода зверобойных, промысловых и грузового типа парусных судов. Повс.

Разглуша́ть, аю, ет, ют, ал. Снимать с уды петлю подлеска—перед наживлением яруса (срв. глушить). Южн.

Разгрёб, ёба; бы, ов; м Промысловая артель рыбаков в шесть человек на два карбаса и один невод, при ловле сельди по талым водам, весною и осенью в губах Сумского и Сорокского районов. В состав промышленников, об'единившихся в разгреб, входят: два носовщика, два середыша или весельщика и два метальщика-корщика—по одному на карбас. Сор., Сум.

Раздува́нить, ню, нит, нят, нил. Разделить по частям (на паи) улов рыбы, деньги, вырученные от продажи рыбы, имущество, приобретенное на совместные деньги. Сум.

Разъезд, да; ды, ов; м. Первый, входный для рыбы в мережу, двор. Южн.

Разморо́зить, жу, зят, зил. Хорошо заморозить, проморозить насквозь (о рыбе). *Надоть разморозить навагу-то, чтобы она не гнулась, а ломалась.* Южн.

Ра́кса, сы; сы, кс; ж. Остатки от сала-сырца морского зверя, после выварки его в котле на жир-варенец. Южн.

Ра́ньщина, ны; ны, ин; ж. Парусное морское судно старинного устройства (теперь уже вышедшее из употребления), вроде шнеки. На таких судах до появления на Белом море пароходов рыбаки направлялись на летние Мурманские промыслы, транспортировали свои рыбные грузы и возвращались осенью домой с этих промыслов. Южн.

Располи́ться, илась. Разлиться, выступить из берегов. Повс.

Расще́п, па; пы, ов; м. Расщепленная верхушка сваи, заколачиваемой в дно реки для устройства забора (срв. щипец). Сев., Кем., Сор.

Раще́п, па; пы, ов; м. То же, что расщеп.

Режак, ка; ки, ов; м. Крайнее снаружи полотнище крыла невода с очень редкими ячеями. См. невод. Сев.

Рей; реи, реями. Зигзаг в морском плавании, совершаемом на судне под парусом при почти встречном ветре. Повс.

Рейд, да; м. Место для стоянки судов и пароходов на якоре около берегов, защищенное от ветра и волнения. Повс.

Рекостав, ва; ед., м. То же, что полуношник. Холодный ветер. Южн.

Реку заберать—см. заберать реку.

Ре́лка, ки; ки, ок; ж. Обсохший, песчаный плотный грунт морского берега во время отлива. Срв. кецькара. Сум., Сор.

Рейки, ок; ж. Ряд обсохших прибрежных отмелей.

Рефы, еф; мн., м. Складки парусов. Повс.

Рефить, флю, ит, ил. Ронят, собирать парус.

Рехать, ает, ло. Везти, выпадать удаче, иметь в чем-либо счастье, посчастливиться. Обычно—в выражениях о слишком удачном и неоднократном улове рыбы у одного и того же рыбака во время промысла. Сум.

Речной невод. Невод того же типа, что и сельдяной; употребляется в реках южного района Поморья для ловли разной рыбы весной и осенью до ледостава. Лов производится при помощи одного лишь карбаса с вытягиваньем невода на берег. Южн.

Решотина, ны; ны, ин; ж. Сколоченная из дранок решетка. Ею закрывается свободное пространство льяла (см. забор 3). Сум.

Решотка, ки; ки, ок; ж. То же, что решотина.

Рея, еи; еи, ей; ж. Брусок, к которому прикрепляется парус на судне. Повс.

Реями идти. То же, что покосить (см. рей). Повс.

Ринда, ды; ды, нд; ж. Первое от матицы полотнище крыла невода с более крупными, чем в матице, ячеями. Южн.

Рожень, женя и жня; жни, жней; м. Тонкая, от 35 до 50 см. длины, выстроганная из куска дерева, палочка; с одного конца делается потолще. К этому концу привязывается бичевка для захлестки на другой конец. На рожень набирается первыми петлями ячеи провязь сети, для удобства (в отношении равной величины петель и одинакового размера рядов) вязания сети ручным способом. Сум., Вир.

Разводье—см. разводье.

Рокан, на; ны, ов; м. Парусиновое проолифленное пальто или пиджак. Повс.

Ропак, ка; ки, ов; м. Куча льда около ердана или других прорубей, накопившаяся от высачивания его саком

и лопатою, при замерзании прорубей в период от осмотра до осмотра ловушки (через 1—2 суток). Вообще груды льда на ровной поверхности реки или моря. Южн.

Роспирка, ки; ки, ок; ж. Обыкновенный кол, употребляемый рыбаками для расширения оконечностей крыльев по верхнице поставленной мережи для того, чтобы течением воды их не сбивало в кучу. Сор.

Рубан, на; ны, ов; м. Край примерзшего к берегу льда, от которого идет в голомя незамерзающая свободная вода. Южн.

Румпель, ля; ля, ей; м. Накладная ручка руля у промыслового судна. Повс.

Руской берег. Так называют поморы Мурманский берег, в отличие от принадлежащей Финляндии и Норвегии дальнейшей к северу его части. Южн.

Ручка, чки; чки, чек; ж. 1) Боковые стойки у пял нерши. Они делаются длиннее, для более удобного обращения с нершей. Сум.

2) Оконечность весла, более тонкая, за которую берут руками весло во время работы. Повс.

Рыба в берегу. Юро рыбы, плавающее на отмелых местах около берега, вблизи от берега. Подход рыбы в осенний и весенний рыбопромысловые сезоны в губах Белого моря для нереста к самому берегу, где она и промышляется рыбаками при помощи небольших сетей: мережки и нерши—убегами или неводом-сельдеником. Южн.

Рыбу делать—см. делать рыбу.

Рыбалка, ки; ки, ок; ж. 1) Место постоянного лова рыбы на губе в определенные рыбопромысловые сезоны.

2) Массовое скопище рыбаков во время сезонного промысла. Южн.

Рыба чердачна(я)—см. чердак 1.

Рыба юрова(я)—см. юрова рыба. Повс.

Рыбешка, ки; ед., ж. Мелкая или же недоброкачественная, попортившаяся рыба. Повс.

рыбна(я) кладь. Отделение на корме шнеки, где складывается пойманная в течение суток рыба. Южн.

рыбной чердак. То же, что рыбная кладь.

Рыболовная артель—см. артель рыбацкая.

Рябить, ит. 1) О воде—когда спокойная поверхность моря, реки или озера, под влиянием порывов ветра, превращается в неровную, волнующуюся, покрытую частой сетью мелких волн.

2) О парусе—когда при безветрии или на ветре, противном ходу лодки, парус начинает слегка колыхаться, переливаясь волнообразными складками по его полотнищу. Повс.

Рябь, би; ед., ж. Неспокойная поверхность воды под влиянием порывов мелкого ветерка.

Рябь в парусе. Морщины на полотнище паруса во время слабого ветра. Повс.

Рядовой покрутчик. Общее название для тяглецов, весельщиков и наживотчиков (кроме корщика). Южн.

С

Садик, ка; ки, ов; м. То же, что садок; маленький садок. Южн.

Садит садом—см. садом садит.

Садить, жу, дит, дил. Привязывать нитками полуячеей тетиву к сети. При посадке прикрепляемый край сети, обычно, укорачивается. Отсюда—если сеть по провязи имеет в длину 60 метров, то при посадке ее на тетиву половинным садом будет иметь 30 метров на саду; третинным—на $^1/_3$ меньше, т. е. около 40 метров на саду или по посадке. Сум.

Садится, ится, илась. Говорят о рыбе, когда она начнет попадать одновременно в нескольких местах по губе, сначала понемногу, а потом и больше—в мережи и невода (сельдь, навага, корюх). Это происходит в тот период, когда рыба отходит после икрометания от берегов вглубь Белого моря.

Садок, ка; ки, ов; м. Мережа без горла, приспособляемая или специально изготовленная для хранения наваги в воде на месте лова, осенью и зимою, во время оттепелей. Навага, как скоро портящаяся рыба, не может оставаться долгое время вне воды в свежем виде. Конечно, в таком садке качество наваги значительно ухудшается—вследствие того, что иногда она в большом количестве, по несколько тысяч штук, парится здесь целыми неделями в ожидании мороза. А когда таковой настанет, то зачастую половина и больше рыбы извлекается из садка замученной и испортившейся. Колж., Сум., Вир.

Садом садит—говорят о воде, когда она идет, в разгар морского прилива, в местах двух встречных течений (прилив и отлив), между островами залива. Повс.

Сад половинный—см. половинный сад.

Сад третинный—см. третинный сад.

Сайда, ды; ед., ж. Водящаяся в Северном океане у Мурмана и Норвежского берега рыба трескового семейства. Повс.

Сак, ка; ки, ов; м. 1) Неглубокий мешок из сети, в виде колпака на железном (из прута) круглом обруче, от 35 до 45 см. в диаметре, с деревянной, до 2-х метров, рукоятью. Саком рыбаки выбирают из невода и мережи попавшую рыбу, а также очищают от мелкого льда (зимою) проруби и ерданы на месте поставленных в воду ловушек.

2) Конусообразный мешок, сплетенный в виде сети из ниток, длиною около 2 метров, натянутый своей расширенной частью на полукруглом обруче, укрепленном на рукояти, длиною от 1,3 до 2 метров. Таким саком ловят в быстрых местах порожистых рек сига. Сак ставится для промысла следующим образом: параллельно основанию сака к обручу, на расстоянии 25—30 см. от основания, прикрепляется веревкою жердь; к концам бруска, куда вделываются концы обруча-полукруга, а так же и к верхушке этого обруча прикрепляются три конца (по 2—3 метра длиною) веревки, называемые симки, которые свободными концами стягиваются

в один общий узел. К этому узлу прикрепляется толстая веревка, закрепляемая свободным концом выше места установки сака на тоне за выступ берегового камня или за какой либо прочный, неподвижный, около берега в пороге реки, предмет. Снаряженный таким образом, сак становится в воду на струю под падун порога на ребро (бруском основания ко дну реки) с таким расчетом, чтобы струя воды била прямо в сак. На конец жерди, которой управляется и на которой устанавливается сак, наваливается груз камней, чтобы силой течения воды сак не сбивало с места его установки. Сиг, поднимающийся кверху по струе или опускающийся по течению реки вниз, обыкновенно сносится быстрым течением воды и неизбежно попадает в сак, откуда ему уже не выбраться. Сум.

Сало, ла; ед., ср. 1) То же, что шуга.

2) Звериный и рыбий, в частности, тресковый жир. Повс.

Салогрейная, ой; ые, ых; ж. Примитивно оборудованный завод для вытапливания жира. Повс.

Салогрейня, ни; ни, ен; ж. То же, что салогрейная. Повс.

Сало морское—см. морское сало.

Сало наживать—см. наживать.

Салотопная, ой; ые, ых; ж. То же, что салогрейная.

Салотопня, ни; ни, ен; ж. То же, что салогрейная.

Сальной зверь. Морской зверь, промышляемый для добычи из него сала. Повс.

Самоловка, ки; ки, ок; ж. Особая снасть для ловли щук в реках и озерах Поморья. Похожа на жерлицу. Повс.

Сани пошевни—см. пошевни.

Саранец, ца; цы, ов и цей; м. То же, что клеч. Южн.

Сачёк, ка; ки, ов; м. Уменьшительное от сак; маленький сак. Повс.

Сацить, сачить, чу, чит, ат, ил. Черпать рыбу сакои. Вытаскивать (очищая) лед из прорубей. Повс.

Сбой, ю; ед., м. То же, что збой. Сум.

Сбивать, аю; ают, ал. Отчищать веревку сети от привязанных к ней форшней, кибасов и т. под. Сум.

Сбревать сало. Срезывать сало с пойманного морского зверя. Сев.

Свая, аи; аи, ай; ж. Бревно, толщиною от 2 до 4 вершков, вбиваемое в дно реки или моря для устройства рыболовных заборов и проч.

Свинка ветренная см ветренной 3.

С гаком. С лишком, с наддачей, с прибавкой. Повс.

С голомени. С открытого моря. Повс.

С горы ветер—см. ветер с горы.

Сдвариванье, нья; ед., ср. Обход на карбасах определенного участка моря, сопровождаемый обметываньем его сетями для задержания находящегося там зверя или рыбы. Сев.

Сдваривать, аю, ет, ют. ал. Обходить известный определенный участок моря карбасами и обставлять его неводами для удержания на месте зверя. Сев.

Себря, ри; ри, ей; ж. То же, что разгреб.

Север, ра; ед., м. 1) Северный ветер. Первый румб компаса. Солнце на этом румбе находится ровно в полночь (24 часа). Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на половину.

2) Холод, мороз при северном ветре. Повс.

Селедка—то же, что и сельдь. Повс.

Сельденик, ка; м. Мелкий сиг, величиною с небольшую селедку. Южн.

Сельденица, цы; цы, иц; ж. Самая большая из мереж светлая на вид, что зависит от изготовления ее из тонкой, прочной, крученой в 2—3 нитки пряжи с довольно частою ячеей. Сельденица имеет в высоту (диаметр по первому обручу) до двух метров и в длину (на 15 обручей)—до 12—15 метров, не считая крыльев. Обыкновенно, в эту

мережу промышляется исключительно сельдь на глубоких с быстрым морским течением местах губы.

Сельдь, ди; ж. Промышляемая в Поморье сельдь различна по качеству. В зависимости от времени ее улова она носит различные названия (см. далее).

Сельдь Егорьевска(я). Мелкий сорт сельди, появляющийся в губах Кандалакшского залива около Егорьева дня (23 апр. ст. ст.) с зрелой икрой и молоками. На 16 клгрм. (1 пуд) ее идет от 200 до 250 шт. Ловля ее производится еще подо льдом.

Сельдь залёдна(я). Сельдь, появляющаяся в губах всего побережья Поморья, в особенности в Кандалакшской губе, тотчас же после вскрытия льда (около половины мая). Это, собственно, Егорьевская сельдь, только уже выметавшая икру (заледка).

Сельдь Ивановска(я). Сельдь крупная—с икрою и молоками, от 80 до 120 штук в 16 клгрм. (1 пуд), появляется она в губах Кандалакшского залива в июне.

Сельдь Иваньска(я)—то же, что сельдь Ивановская.

Сельдь Михайловска(я)—см. Михайловская сельдь.

Селбдь осенняя(я)—см. осенняя сельдь.

Сельдь сорокска(я) или **Сороцька(я).** Самый мелкий вид сельди (500—750 шт. в 16 клгрм.), появляющейся в Сорокской губе в период времени с конца октября по январь месяц.

Сельдь сумская (заледка). Таже сельдь, что и Сорокская, но появляющаяся весною в Сумской губе, при ея вскрытии от льда, во второй половине мая.

Сельдь Успенска(я)—см. осенняя сельдь.

Сельдь юрова(я),—см. юрова сельдь.

Сельдяная сеть. Второе полотнище крыла, следующее вслед за зараньем. См. невод. Сев.

Сельдяник, ка; ки, ов; м. То же, что сельдяной карбас. Сор., Сум.

Сельдянка, ки; ки, ок; ж. Боченок из сосновой клепки для укладки соленых сельдей, изготовляемый промышленниками Кандалакшского промыслового района. Наполненная сельдями сельдянка весит от 8 до 17 кгр.; сельдей же в ней помещается: Ивановских—от 50 до 100 штук, Егорьевских—200 — 250 шт. Бывают и большие по размерам сельдянки, в которых помещается от 150 до 500 шт. сельдей. Для сельди Сорокского и Сумского улова изготовляются сельдянки на вместимость в них сельди от 48 до 80 кгр.

Сельдяной ветер. Северный ветер, пригоняющий к берегам Поморья юрова сельдей. Повс.

Сельдяной карбас. Легкий, от 3 до 3,65 метра длины и грузопод'емностью около 490 кгр. (30 пуд.), карбас на два весла, употребляемый рыбаками во время весеннего и осеннего сельдяного промысла.

Сельдяной невод. Невод, сравнительно, небольших размеров, посильный для управления с ним небольшой артели рыбаков в 3—6 человек. Применяется для ловли сельди вручную с лодок (по открытым водам) весною и осенью, а зимою подо льдом в районе Южной части Кемского Поморья. Южн.

Семга закройка—см. закройка. Повс.

Семга заледка—см. заледка. Повс.

Семга Кемь. Один из лучших сортов семги, не уступающий сорту Порог. Промышляется по реке Кемь до Подужемского водопада и села Подужемье. Кемь.

Семга лох—см. лох. Повс.

Семга лошала(я)—то же, что лох.

Семга меженка—см. межень 3. Повс.

Семга меженна(я)—то же, что семга меженка.

Семга Поньгама. Один из худших сортов промышляемой в устье реки Поньгамы, близь д. Поньгамы, у Корельского берега Поморья. Сев., Кем.

Семга Порог. Семга, вылавливаемая в р. Онеге, в районе села Порог, в 17 верстах вверх по реке от г. Онеги. Повс.

Семёрка, ки; ки, ок; ж. Бочка из сосновых досок для засола и хранения в ней пикшуя и трески Мурманского улова. Семерка вмещает свежей рыбы до 128 кгр; она, обычно, служит для промышленника мерою веса для рыбы в соленом виде—112 кгр. (7 пудов). Южн.

Сёмужей комар. Комары, появляющиеся с июля месяца, длинноногие, крупной (раза в 3 больше обыкновенных северных) породы, не кусающие людей и животных. С появлением семужьего комара, как замечают промышленники, начинается ход в реку семги закройки. Южн.

Сёмужей невод. Употребляется для ловли семги в Кандалакшском заливе Белого моря и в устьх рек, в него впадающих. Сев.

Середней кубас—см. середник 1.

Середней якорь—см. середник 2.

Серёдник, ика; ки, ов; м. 1) Кубас на средней части выметанного яруса. Иногда ставится один кубас посредине, а если ярус велик, то укрепляется несколько кубасов. Южн.

2) Якорь, удерживающий середний кубас. Южн.

Серёдыш, ша; ши, шей; м. Весельщик на карбасе в артели (разгреб), об'единившейся для ловли сельди. Сор., Сум.

Сётка, ки; ки, ок; ж. Неполная рыболовная сеть, сетяное крыло, обвязанное тетивою, но без кибасьев и плавков, предназначенное для мережи или невода. Повс.

Сетка звериная—см. звериная сетка.

Сеть сельдяная—см. сельдяная сеть.

Сиг, га; ги, ов; м. Общеизвестная рыба. По времени лова и внешнему виду он называется: сиг липочник, меженной, сельденик и перпяк. Повс.

Сиговик, ка; ки, ов; м. Ставная для ловли сигов сеть, в 20—30 метров длины и до 1,6 метр. вышины (глубины), с одной только верхней тетивою. Вместо нижней тетивы служат два нижних ряда ячей, связанные из более тонких ниток и называемые подвязь. К верхней тетиве прикрепляются поплавки из берестовых трубочек—кебрюшки. Повс.

Сёмка, ки; ки, ок; ж. 1) Длинная веревка, привязываемая к стоянке голоменного кубаса. Южн.

2) В мереже симками прикрепляется отверстие горла к соответствующим обручам, чтобы был свободный вход для рыбы. См. мережа. Южн.

Симка кубасная. Бичевка, при помощи которой кубас прикрепляется к якорю. Южн.

Синюха, хи; хи, юх; ж. Особый вид рыбы зубатки с синеватою шкурой. Этот сорт зубатки менее жирен и более мелок, чем зубатка-пеструха. Повс.

Синюшка, ки; ки, ок; ж. Маленькая морская камбала, водящаяся в губах, у берегов Онежского залива, с синеватым оттенком ее кожи на спине и брюхе. Южн.

Складчик, а; ки, ков; м. Член артели промышленников-пайщиков (срв. складыня). Южн.

Складыня, ни; ни, дынь и ней; ж. Бытовая артель промышленников на паях, с передачей в промысел всех орудий лова и инвентаря, имеющихся у каждого из пайщиков-артельщиков. Паи распределяются по количеству орудий лова, по инвентарю и по рабочей силе. Так, один человек получает один пай, лошадь —1,5 пая, невод—1 пай, мережи, в количестве 6—8 штук, полагающихся на лошадь—1 пай (иногда, по договору, и каждая мережа—1 пай), карбас—1/2—1 пай. Южн.

Скротела вода. Вода в момент наибольшего ее понижения при отливе; самое тихое течение воды в отлив. Повс.

Скротеть, еет, ела. О воде прилива или отлива, когда течение уменьшается до минимума. *Вода скротела.*

Слосеть, ет, ло. Сразу стихнуть, затихнуть, утихнуть; сделаться гладким—о морском волнении. Повс.

Смотрѣть по воды. Для надобностей промысла наблюдать за временем прилива и отлива, за прибылью и убылью воды. Хозяин судна обычно говорит корщику во время плавания; *„смотри по воды"*.

Снасть; ти; ти, ей; ж. Орудие лова на рыбных промыслах. Южн.

Снасть ловецкая—см. ловецкая снасть.

Снась; ти; ти, тей; ж.—см. снасть.

Собачей чердак. Помещение на шнеке, в котором спит наживотчик. Южн.

Сокол морской—см. морской сокол.

Солить, лю, ит, ят, ил. Приготовлять рыбу в прок, пересыпать солью, засаливать рыбу. Иначе—класть в соль.

Солнце пришло на ветер. Солнце поравнялось с каким-либо из румбов компаса, определяющих то или иное направление ветра. Вследствие этого получается возможность определить точно время, так как каждый румб согласован с часами дня и ночи. Повс.

Сорокска(я) сельдь—см. сельдь Сорокская. Южн.

Сороцька сельдь—см. сельдь Сорокская. Южн.

Со своим подниматься—см. подниматься со своими.

Со своим ходить—то же, что подниматься со своим.

Сотенна, ой, ые. Мережа, имеющая по провязи бочки по третьему обручу 100 ячей в окружности. Южн.

Сотенница, цы; цы, иц; ж. То же, что сотенна. Южн.

С подсадой. Говорят, когда среди крупной сельди или корюшки попадается много мелких особей того же вида. Южн.

Спица, цы; цы, иц; ж. Железный заостренный наконечник-стержень на деревянной ручке, употребляемый для умерщвления пойманного в сети морского зверя, преимущественно белухи и тюленя. Южн.

Спиця—то же, что спица.

Средней телгас. Первый и второй щиты настила от носового телгаса. Южн.

Средня бабка. Перегородка и над ней лавка посредине гребного промыслового судна. В средине лавки сделан вырез для установки мачты. Повс.

Срос, та; ты, ов; м. Место соединения двух концов веревки, вплетенных один в другой, реже—связанных. Южн.

Срост, та; ты, ов; м. То же, что срос.

Сростить, щу, тят, ил. Сплести конец с концом, связать в узел снасть, напр., стоянку со стоянкой, для составления тюка. Южн.

Ставная сеть. 1) Всякая сеть, которая ставится во время лова на определенное место в воде в вертикальном положении, с целью преграждения пути рыбе или для ее вылова.

2) Подсобное приспособление, вроде стенки, для поставленной в воду ловушки. Повс.

Ставиться, ится, ятся. Становиться, замерзать, покрываться льдом (о реках, озерах и морских губах).

Стала кротеть. Начала уменьшаться сила течения воды при приливе или отливе. Повс.

Стала кротчать—то же, что стала кротеть. Повс.

Стамик, ка; ки, ов; м. 1) Носящаяся по морю обширная глыба льду, ледяная гора, льдина.

2) Скопляющийся вокруг луд и примерзающий к ним лед.

3) Подводная отмель, усеянная камнями-рифами, идущая мысом в море от островов.

Стан, а; на и ны, ов; м. Досчатый домик, в 1—2 комнаты с сенцами, построенный в становищах Мурмана для жилья рыбаков во время летних тресковых промыслов. Этот стан заготовляется обычно в селениях Поморья и в разобранном виде на судах или пароходах привозится на Мурман, где и собирается. Ряд таких домиков, приютившихся на берегу океана, у подножья скал и утесов, образующих целые промысловые поселки, называется: **становище**. Южн.

Становище, ща; щи, ищ; ср. 1) Рейд для стоянки судов; закрытая, огражденная от морского прибоя и сильных ветров бухта или залив.

2) Рыбацкий промысловый поселок на Мурмане, застроенный досчатыми (летними) домиками-станами и такими же амбарчиками. Почти что каждое такое становище на сезон летних промыслов имеет постоянные фактории заготовителей с принадлежащими им брюгами (пристань) и приемными, для принятия от промышленников рыбы, пунктами. Кроме того, имеются в каждом становище примитивные, кустарного типа, заводы для перетапливанья рыбьего жира. Эти заводы называются: салогрейна или салотопня. Повс.

Становой торос. Ровный, сплошной, в виде ледяного поля носящийся по морю на большом пространстве лед. Повс.

Старчина, ны; ж. Остров, часть с. Сороки. Весною ловится здесь в изобилии корюшка.

Стена, ы; ны, ен; ж. 1) Ряд укрепленных на кольях сетей. Повс.

2) Больших размеров стенка, устраиваемая в виде мола, защищающего суда во время шторма. Повс.

Стенка, ки; ки, ок; ж. 1) Боковая часть раз'езда мережи, к которой прикрепляется крыло. Южн.

2) Пристань, устраиваемая вдоль берега на деревянных ряжах или из камня, засыпаемого сверху землею. Около стенки останавливаются морские суда, парусники и пароходы, а также и промысловая посуда крупных размеров: бот, шнека, ела. Повс.

Стенки боковые. Две противоположные части раз'езда мережи, к которым прикрепляются крылья. Южн.

Стоеть, ою, ят, ял. То же, что стоять. Повс.

Стойка. ки; ки, ек; ж. Деревянный брусок (жердь), прикрепленная посредине пял перпендикулярно длинным сторонам. Количество стоек соответствует числу опускаемых нерш. Сум., Сор. в.

Стойка боковая. Короткая сторона пял, прикрепленная перпендикулярно к длинной жерди. Их в пялах две. Сорок. в., Сум.

Сток, ка; м. То же, что вsток. Повс.

Стойнка, ки; ки, ок; ж. 1) Бичевка, которою кубас прикрепляется к якорю. Южн.

2) Пребывание судна в неподвижном состоянии.

Стоять, ю, ят, ял. 1) То же, что лежать. Южн.

2) Отстаиваться на якоре во время морского шторма где-либо в бухте, губе.

3) О погоде—продолжаться, тянуться. *Теперь стоит хорошая погода, а неделю тому назад стояли такие шторма, что ни разу не удалось выехать в море на ярус.* Повс.

Стоять на обсушке—см. остаться на обсушке. Повс.

Стоять на стреже. Стоять с судном на достаточной глубине. Сор в., Кем., Сев.

Стоять на сухой воды. Стоять с судном на обсохшем в отлив месте.

Стоять целую воду. Стоять у яруса шесть часов, т. е. выждать время (при тресковом промысле на Мурмане), когда надо снимать пойманную рыбу, так как ярус с наживленными удами выметывается в малую воду (отлив), а снимают в следующую затем большую воду (прилив), чрез 6 часов.

Стоячее колье—см. колье стоячее. Сев.

Страда Мурманска(я)—см. Мурманска страда.

Страдной промысел—см. Мурманский промысел, Мурманска страда.

Стреж, жа; жи, жей; м. Русло, фарватер, достаточно глубокое место в море или реке для того, чтобы плыть судном или стоять на ярусе. Повс.

Стрета, ты; ед., ж. Противный ветер, противное течение. Повс.

Стретной ветер—то же, что ветер на встречу. Повс.

Стречной ветер—то же, что ветер на встречу. Повс.

Стриг, га; ги, ов; м. То же, что стрик. В таком произношении редко.

Стрик, ка; ки, ов; м. Так, с прибавлением более точного определения, ранее назывались ветры шестнадцати румбов, отмеченных на компасе между главными румбами и межниками. В настоящее время названия эти почти не употребляются.

Стрик встока к обеднику (на малу точку от встока к обеднику). Десятый румб компаса. Ветер В $101\frac{1}{4}^\circ$ Ю. Солнце на этом румбе стоит ровно в $6\frac{3}{4}$ часа пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на $\frac{5}{8}$ высоты.

Стрик встока к полуношнику (на малу точку от встока к полуношнику). Восьмой румб компаса. Ветер С $78\frac{3}{4}^\circ$ В. Солнце на этом румбе стоит ровно в $5\frac{1}{4}$ часа пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на $\frac{3}{8}$ высоты.

Стрик запада к побережнику (на малу точку от запада к побережнику). Двадцать шестой румб компаса. Ветер З $281\frac{1}{4}^\circ$ С. Солнце на этом румбе стоит ровно в $18\frac{3}{4}$ час. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на $\frac{3}{8}$ высоты.

Стрик запада к шолоннику (на малу точку от запада к шолоннику). Двадцать четвертый румб компаса. Ветер Ю $258\frac{3}{4}^\circ$ З. Солнце на этом румбе стоит ровно в $17\frac{1}{4}$ час. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на $\frac{1}{8}$ высоты.

Стрик летника к обеднику (на малу точку от летника к обеднику). Шестнадцатый румб компаса. Ветер В $168\frac{3}{4}^\circ$ Ю. Солнце на этом румбе стоит ровно в $11\frac{1}{4}$ час. пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на $\frac{3}{8}$ высоты.

Стрик летника к шолоннику—(на малу точку от летника к шолоннику). Восемнадцатый румб компаса. Ветер Ю $191\frac{1}{4}^\circ$ З. Солнце на этом румбе стоит ровно в $12\frac{3}{4}$ час. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на $\frac{3}{8}$ высоты.

Стрик обедника ко встоку—(на малу точку от обедника ко встоку). Двенадцатый румб компаса. Ветер В $123\frac{3}{4}^\circ$ Ю. Солнце на этом румбе стоит ровно в $8\frac{1}{4}$ час. пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на $\frac{7}{8}$ высоты.

Стрик обедника к летнему—(на малу точку от обедника к летнему). Четырнадцатый румб компаса. Ветер В $146\frac{1}{4}^\circ$ Ю. Солнце на этом румбе стоит ровно в $9\frac{3}{4}$ часа пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на $\frac{1}{8}$ высоты.

Стрик побережника к западу (на малу точку от побережника к западу). Двадцать восьмой румб компаса. Ветер З $303\frac{3}{4}^\circ$ С. Солнце на этом румбе стоит ровно в $20\frac{1}{4}$ час. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на $\frac{7}{8}$ высоты.

Стрик побережника к северу (на малу точку от побережника к северу). Тридцатый румб компаса. Ветер З $326\frac{1}{4}^\circ$ С. Солнце на этом румбе стоит ровно в $21\frac{3}{4}$ час. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на $\frac{1}{8}$ высоты.

Стрик полуношника ко встоку (на малу точку от полуношника к востоку). Шестой румб компаса. Ветер С $56\frac{1}{4}^\circ$ В. Солнце на этом румбе стоит ровно в $3\frac{3}{4}$ часа пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на $\frac{1}{8}$ высоты.

Стрик полуношника к северу (на малу точку от полуношника к северу). Четвертый румб компаса. Ветер С $33\frac{3}{4}^\circ$ В. Солнце на этом румбе стоит ровно в $2\frac{1}{4}$ часа пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на $\frac{7}{8}$ высоты.

Стрик севера к побережнику (на малу точку от севера к побережнику). Тридцать второй румб компаса. Ветер З $348\frac{3}{4}°$ С. Солнце на этом румбе стоит ровно в $23\frac{1}{4}$ часа. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на $\frac{3}{8}$ высоты.

Стрик севера к полуношнику (на малу точку от севера к полуношнику). Второй румб компаса. Ветер С $11\frac{1}{4}°$ В. Солнце на этом румбе стоит ровно в 45 минут первого часа пополуночи. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в приливе на $\frac{5}{8}$ высоты.

Стрик шолонника к западу (на малу точку от шолонника к западу). Двадцать второй румб компаса. Ветер Ю $236\frac{1}{4}°$ З. Солнце на этом румбе стоит ровно в $15\frac{3}{4}$ часов. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на $\frac{5}{8}$ высоты.

Стрик шолонника к летнему (на малу точку от шолонника к летнему). Двадцатый румб компаса. Ветер Ю $213\frac{3}{4}°$ З. Солнце на этом румбе стоит ровно в $14\frac{1}{4}$ часов. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в отливе на $\frac{1}{8}$ высоты.

Сту́жа, жи; ед., ж. Холод, мороз с ветром, холодный ветер. Повс.

Стулом. Выражение, определяющее массовой подход сельди в губу, массовое попадание в невод, вследствие чего последний в воде, от переполнения сельдью, как бы разбухает, превращаясь в одутловатый мешок. *Сельди в невод набилось стулом.* Сум., Сор.

Субо́й, оя; ои, ев; м. Волнение, буруны, толчея в море от столкновения двух встречных течений при начале прилива, по местному выражению поморов: *когда полная вода пойдет на малую* или *когда обе воды встретились* (полна с палой).

Такие субои наблюдаются особенно в проливах между материком и прибрежными островами. Повс.

Сувой, оя; ои, ев; м. То же, что субой.

Суде́нко, ка; ки, ок; ср. Уменьшительное от судно. Небольшое судно. Судно с малой грузопод'емностью. Повс.

Суде́нышко, ка; ки, ок; ср. Уменьшительное и ласкательное от судно.

1) Маленькое судно, лодка; судно с малой грузопод'емностью.

2) Красиво, ловко, изящно сделанное судно. Повс.

Су́дно, на; да, ов; ср. Всякая посуда непромыслового значения, на которой перевозят грузы. Повс.

судовая шлюпка—см. завозник 3.

сумская весенняя сельдь—то же, что Сумская заледка.

Сумская заледка—см. Сумская сельдь. Южн.

Сухая вода. Ме́сто, совершенно обсыхающее при полном отливе. Повс.

Сухая треска. Треска, высушенная посредством вяления на солнце. Ее для сушки не пластают, а только делают разрез вдоль брюха и очищают от внутренностей, после чего связывают по две рыбы, хвостами вместе, и вешают на па́дтухи для просушки. Сушка трески производится в становищах Мурмана в течение летнего промыслового периода, в солнечные сухие дни. Южн.

Сухие го́ловы. Сле́гка подсоленые тресковые головы, высушенные таким же образом, что и сухая треска. Южн.

Сухо. Появление большого юра сельди на отмелых местах промысловой губы, когда она густо заполняет своей массой большое пространство в заливе. *В губы сельди было сухо, да опоздали заметать.* Южн.

Су́щик, ка; ед., м. То же, что сущье. Повс.

Сущье́, ья; ед., ср. Мелкая, высушенная речного и озерного улова рыба; так же и морской корюх весеннего улова. Повс.

Сыроток, ка и ку; ед., м. Жир, самотеком вытекающий от действия лучей солнца из уложенных в обрез или бочку

кусков сала морских зверей. Дальнейшее добывание жира из того же материала производится уже посредством перетапливания в котлах. Добытый последним способом жир называется: варенец и уступает по качеству сыротку, который представляет собою высший сорт жира.

Т

Табанить, ню, ит, ят, ил. Грести веслом в обратную сторону, т. е. назад, в противоположную движению сторону. Когда руль плохо действует или когда нужно сделать быстрый на месте поворот, то корщик приказывает гребцам: *правым греби—левым табань*,—правым веслом гресть вперед, а левым в обратную сторону (или наоборот). Южн.

Таймень, ня; м. То же, что кумжа.

Тайник, ка; ки, ов; м. 1) В завеске—обращенная отверстием к стене ловушка-мережа. Повс.

2) Снаряд на подобие продольника для ловли налимов, но с грузом и меньшим числом крючков. Повс.

Такелаж—см. каталаж.

Теглец, ца; цы, ей и ов; м. Рыбак-рабочий, помещающийся на второй от носа скамье промысловой шнеки и наблюдающий за исправностью яруса; он же выбрасывает ярус с наживкою в море и вытягивает с уловом из моря, когда придет время. Южн.

Телгас, са; са, ов; м. Настил внутри судна в виде отдельных щитов, сколоченных из 1—1½ дюймовых досок, по размерам соответствующих расстоянию от упруга до упруга. В карбасах телгас называется вообще—мостками. Они разделяются на: носовой телгас—в самой носовой части

судна; середней телгас—первый и второй от носового; чердачной телгас—за середним, здесь хранится снасть и рыба; кормовой телгас—на корме. Южн.

Телгас кормовой—см. кормовой телгас.

Телгас носовой—см. носовой телгас.

Телгас середней—см. телгас.

Телгас чердачной—см. чердачной телгас.

Темная вода. Мутная вода в устьях впадающих в Белое море рек, резко отличающаяся от морской прозрачной воды, вследствие присутствия ила с верховьев и с берега. Повс.

Теплова, ой. Рыба, оттаявшая и вновь замороженная (преимущественно—о сельди и наваге). После такой операции рыба теряет свой естественный вид и вкус. Но такой продукт опытным рыбаком подделывается под первоначальный вид посредством просеивания в грохоте через снег, чем придается ей с первого взгляда довольно приличный вид. Но по вкусу и по качеству получается все же довольно плохой продукт. Южн.

Тетива, вы; вы, ив; ж. Веревка, окаймляющая сверху и снизу рыболовную сеть, преимущественно ярусная стоянка в 9—12—15 ниток. Тетива различается верхняя (верхница), и нижняя (нижница). Обыкновенно, нижница у сетей окаймляется веревкой в один ряд, в два—редко, а верхница в два ряда, как сторона, больше всего подвергающаяся порче от трения об лед и от подмораживания.

Тикшай, ея; еи, ев; м. То же, что пикша. Южн.

Тинда, ды; ды, нд; ж. Летняя мелкая семга. Южн.

Тинежник, ка; ки, ов; м. Ставная, для ловли тинды и кумжи, сеть такого же, как и гарба, устройства, только меньше ее в размерах и с более частою (мелкою) ячеей. Сор.-Кем.

Тиха(я) вода. 1) Самое тихое течение воды, перед приливом, в палую воду (куйпога) или перед отливом в полную воду (прибыла).

2) Стоячая вода в омутах и заводях — в реке и озерах. Повс.

Тихо. Безветрие, тишь в море. Повс.

Тихо припало — см. припало тихо. Повс.

Тишень, нескл. Полный штиль на море, безветрие; морская гладь. Повс.

Тишеть, еет, и ет. Стихать, утихать, затихать, становиться гладким (о состоянии моря). Повс.

Тишина, ны; ны, ин (в ед. ч. 2 удар.). То же, что тишень. Повс.

Тишинка, ки; ед., ж. То же, что тишень. Повс.

Толстик, ка; ки, ов; м. Крутой, возвышенный морской мыс. Повс.

Тоня, ни; ни, ней и онь; ж. Часть реки по руслу или омут, а также небольшие заливчики в губе моря, где обычно наблюдается скопление рыбы в промысловые сезоны года. Каждая из тонь имеет свое собственное название и ежегодно бывает местными органами власти сдаваема на годичный срок в аренду рыбацким артелям или индивидуально рыбакам-полетовщикам. Сдача в аренду тони производится с публичного торга. Тоня имеет свое промысловое значение для рыбака лишь в период весеннего, летнего и осеннего сезонов лова, и является в эти сезоны для него монопольным участком. Повс.

Тор, ра; ры, ов; м. Льды, наносимые северными ветрами в Белое море из океана. Сев.

Торбальный шест. Тонкая жердь, в 2—2½ метра длины. Таким шестом, пред осмотром в заборах ловушек, буравя вглубь воду, вспугивают рыбу, находящуюся перед входом в забор, чтобы она зашла в ловушку. Сум.

Торбать, аю, ет, ал. Вертеть в воде шестом около входа в ловушку, чтобы вспугнуть рыбу и загнать ее в сеть; взбудораживать воду до пены перед входом в ловушку. Сум.

Торок, ка; ка, ов; м. Сильный порыв ветра в море, шквал. *Ветер тороками припадает* — ветер дует сильными порывами. Повс.

Тороками ветер — см. ветер тороками.

Торос, оса и аса; са, ов; м. Большие по размерам льдины, нагроможденные одна на другую, на реке или в губе моря. Повс.

Торосняк, ка; ки, ов; м. Легкое, вроде карбаса судно, поднимающее до 300 пудов груза и могущее лавировать между торосами (небольшое по величине и грузоподъемности). Повс.

Торосной, ая, ое; ые. Относящийся к торосу, свойственный торосу и т. под. Повс.

Торосной карбас. Карбас с таким же приспособлением, как и креневой, употребляемый для весеннего лова зверя во льдах около берегов Белого моря. Сев.

Торосной лед — то же, что торос.

Торосной промысел. Весенний промысел на тюленей, производимый на торосных льдах у Терского берега в Белом море. Повс.

Торосоватой, ая, ое; ые. Покрытый торосами. Повс.

Торос становой — см. становой торос.

Тресель, ля; ля, ей; м. Косой парус, устанавливаемый на первой от носа судна мачте. Повс.

Треска, ки; ж. Известная промысловая рыба.

Треска сухая — см. сухая треска. Южн.

Третинной пай. Одна третья часть пая. *Промышляю из третинного пая.* Сум.

Третинной сад. Когда сеть при посадке на тетиву укорачивается на одну треть длины.

Треть воды. Третья часть прилива или отлива; период времени около 2-х часов. Повс.

Третье горло. Внутренняя конусообразная сеть, вставляемая в мережу между 10 и 12—13 обручами для задержки рыбы. Южн.

Трехвесельной (карбас). Карбас, имеющий приспособления для греби по каждому борту на три весла (всего 6 весел). Грузоподъемность такого карбаса бывает до 100 и больше пудов. Южн.

Трех вод. Судно, построенное тому назад три года. Пове.

Трещанка, ки; ки, ок; ж. Деревянная (из еловых досок) бочка, высотою до 106 см., в диаметре по дну от 70 до 80 см. Специально изготовляется для посола трески Мурманского улова. Она рассчитана на 410 клгрм. (25 пуд.) трески в свежем виде и служит промышленнику мерою веса для соленой рыбы тресковых пород в 327 клгрм. (20 пудов). Изготовляется трещанка не прочно, так что после засола в ней рассол не остается, а обычно вытекает. Южн.

Трещочка, ки; ж. Уменьшительное и ласкательное от треска. Звучит особенно ласково в устах помора, чрезвычайно любящего эту рыбу. Пове.

Трещина, ны; ж. Треска большой, сравнительно, величины; выдающийся, по размерам, экземпляр. Пове.

Тройник, ка; ки, ов; м. Промысловое судно, составляющее одну из разновидностей шнеки; оно упрощенного устройства и меньших размеров, чем шнека. Сум., Сор.

Трос, са; сы, ов; м. Средней толщины просмоленная веревка, сплетенная из 3—9 прядей. В промысловом обиходе употребляются следующие виды троса: линь-трос и выблин-трос. Пове.

Тряска, ки; ки, ок; ж. Улов рыбы, попавшей за один раз при осмотре яруса. Тряска по улову, обычно, бывает от 164 клгрм. (10 пудов) и до 2,458 клгрм. (150 пудов) за один выезд рыбаков в море на одну посудину. Южн.

Тряску делать—то же, что тряску трясти. Южн.

Тряску трясти. Осматривать ярус и снимать с крючков попавшую рыбу. Южн.

Тура, ры; ед., ж. Различные морские водоросли, выброшенные на берег прибоем морских волн. Южн.

Тура морска(я)—см. тура.

Тюк, ка; ки, ов; м. Часть яруса, состоящая из трех стоянок, длиною каждая, в среднем, по 90—100 метров—с прикрепленными на подлесках (форшнях) удами. Вообще рыбаки свою промысловую Мурманскую снасть считают на тюк: три тюка, пять тюков и т. д. Южн.

Тяглец, ца; цы, ов; м. Тоже, что теглец. Южн.

Тяглой невод. Больших размеров (таких же приблизительно, как и большой морской) невод для весеннего подледного и по открытым водам) лова сельди. Длина его по обмету равна 150—240 метров, при 10-метровой высоте крыльев. Такой невод обслуживается артелью рыбаков при весеннем промысле в 10—12, а осенью до 16—18 человек. Сев.

Тяглы вареги. Рукавицы, надеваемые рыбаком при вытягивании им из воды яруса. Южн.

Тяглы дельницы—то же, что тяглы вареги. Пове.

Тянуться бечевой. Передвигаться по воде в судне при помощи веревки, за которую тянут идущие по берегу люди, реже—лошадь.

У

Убег, га; ги, ов; м. Приспособление, имеющее форму забора, для подледного лова наваги на отмелях около морского берега губы. Обыкновенно, здесь рыбаками, под прямым углом к берегу, устраивается из еловой хвои или березовых веток, втыкаемых в грунт, стена-частокол высотою до 2 метров, а длиною, считая от берега вглубь моря, до 300—400 метров, причем принимается во внимание

твердость грунта, степень и движение морского отлива в данном месте. В устроенной таким образом стене, на расстоянии друг от друга в 20—30 метров, делаются ворота шириною не более 1—1,4 метра. Перед каждыми такими воротами в грунту морского дна, в большинстве случаев, выкапывается яма глубиною в 35—50 см., от 100 до 125 см. в ширину и до 1,3 метра длины, применительно к объему устанавливаемой в эту яму ловушки—мережки или нерши. Такое устройство ямы под ловушку объясняется тем, что лов наваги этим способом производится вплоть до покрытия губы льдом. Следовательно, не будь под ловушкой ямы, оседающий на дно лед во время морского отлива, может свободно смять сеть, в большинстве случаев имеющую деревянную оправу. Слово употребляется преимущественно во множественном числе. *Сколько убег у тебя стоит.* Сум., Колж., Нюх., Вир.

Убегами промышлять. Ловить навагу, в период с сентября по ноябрь месяцы, на отмелях у берега губы мелкими мережками и нершами при помощи убегов. Сум., Колж., Нюх., Вир.

Убежа́ть, гу, жит, гут, жал. 1) Быстро, поспешно уплыть на судне и скрыться из виду в море.

2) Успеть укрыться в защищенную бухту от надвигающегося морского шторма. Южн.

Убе́жей промысел. Промысел, производимый при помощи убегов в определенный (с сентября по ноябрь) период времени. Сум., Колж., Нюх., Вор.

Убежник, ка; ки, ов; м. Промышленник, производящий лов наваги при помощи убег. Сум., Колж., Нюх., Вир.

Убе́жница, цы; цы, иц; ж. Самая маленькая, на 6—8 обручей, мережа, длиною до 3 метров и в высоту (диаметр по первому обручу) в 50—70 см. Она имеет два горла и совсем не имеет разъезда и крыльев, которые заменяются убегом. В эту мережу промышляется исключительно навага на самых мелких местах губы около берега. Южн.

Убой, оя; ои, ев; м. Сильный, отмывающий береговые пласты, морской прибой. Сев., Сум.

Убыла(я) вода. Морской отлив. Повс.

Угрев, ва; вы, ов; м. То же, что угрева. Повс.

Угра́ва, вы; вы, ев; ж. Солнцепек, солнечная жара на море в заводях губы, где юро селедки под влиянием солнечной теплоты, поднимается из глубины омута на поверхность вод и, прыгая, играет своею серебристою чешуей на поверхности моря. Повс.

У́да, ды; ды, уд; ж. Стальной крючек, норвежского изготовления (№№ 4, 6 и 7), употребляемый для ловли рыбы на Мурмане на лесу и ярусом. Южн.

У́дбище, ща; ща, ищ и щев; ср. Место, где производится лов рыбы на лесу. Повс.

Уде́бна, ой; ны, ых; ж. 1) Промысел трески ранней весной у берегов Мурмана, в восточных губах океана. Начинается с марта месяца и ведется по май включительно. Орудием весеннего промысла трески для Кемских промышленников служит специально изготовленная леса.

2) Промысел наваги в губах Белого моря, в южной части Кемского Поморья, при помощи специально изготовленных лес, осенью, уже по льду, и весною, так же еще по льду. *Поехать на удебну.* Южн.

Уде́бна(я) леса. Снаряд, употребляемый на Беломорских и Мурманских промыслах для ловли рыбы на удочку. Южн.

Уде́бник, ка; ки, ов; м. Рыбак, занимающийся промыслом рыбы на лесу. Южн.

Уде́бно(е) колесо. Приспособление норвежского производства для уженья рыбы. Прикрепляется винтом или гвоздем к борту судна. Удебное колесо облегчает работу рыбака по подергиванию лесы, вытаскиванию ее из воды, и придает работе плавность. Южн.

Уде́бщик, ка; ки, ов; м. То же, что удебник. Южн.

Уклю́чина, ны; ны, ин. ж.—см. оклюцина. Повс.

Упорка, ки; ки, ок; ж. Отрезок толстой жерди, закрепленный одним концом в ногу козла, а другим в дно реки, чтобы козел не мог опрокинуться (см. забор 3). Сор., Сор. в.

Упромыслить, лю, ит, ят, ил. Поймать рыбу или зверя во время промысла. Повс.

Упромышлять, яю, ет, ют, ял. Ловить зверя или рыбу на промысле. Повс.

Упруг, га; ги, ов; м. Шпангоут у промыслового судна. В частности, у шнеки и тройника три середних упруга, между которыми утверждаются перегородки, разделяющие судно на отделы, называются бабками. Южн.

Успенска(я) сельдь—см. осенняя сельдь. Сев.

Успенски воды—см. Иваньски воды. *Придут Успенски воды, снимут суда с обсушки.* Южн.

Утренна(яя) вода. Уровень воды на море в утренние часы. Срв. вечерняя вода. Повс.

Ущербной отжив. Ход рыбы на последней четверти луны. Южн.

Ф

Фаглин, на; ны, ов; м. Поводок, конец веревки, длиною от 4 до 6 метров, привязываемый к носовому коргу карбаса (или иного типа промыслового гребного судна) для закрепления его на берегу или у пристани при временной остановке. Повс.

Фал гардель—см. кардель.

Флюгарка, ки; ки, ок; ж. Обычного типа флюгер, помещаемый на судне, на вершине мачты. Повс.

Форшень, шня; шни, ей; м. То же, что кростега. Южн. р.

Форштевень, вня; м. Носовой штевень (см.боран.) Повс.

Х

Харьюс, са; сы и са, ов; м. Водящаяся в Поморье, в реках с быстрым порожистым руслом, весьма вкусная, мелкочешуйчатая, до 2-х кгр. весом, рыба. Сор., Кем.

Хвоить, ою, ят, ил. Забирать стену убега или забора ветвами хвои. Южн.

Хвойка, ки; ки, ек; ж. Зеленая ветвь ели или сосны. Употребляются для устройства стены в убегах, а также для покрытия сверху балаганов. Южн.

Ходить, жу, дят, ил. 1) Плыть, двигаться средним ходом на судне под парусами. Повс.

2) Совершать путь водою или сухопутно на океанские Мурманские промыслы с Поморских берегов Белого моря. *Пора бы и тебе ходить на Мурман, да ловить треску, а не околачиваться дома около баб.* Южн.

3) Так же говорят о морском звере, когда он начинает юром плавать на поверхности моря. Повс.

Ходить из части. Промышлять в складчину из пая на Мурманских тресковых промыслах. Подниматься полуелой. Южн.

Ходить на море. Заниматься сезонным летним тресковым промыслом на Мурманском побережье Ледовитого океана. *С девяти лет начал ходить на море, а теперь, вот, уж шестьдесять минуло и все еще хожу.* Южн.

Ходить на песок. Добывать наживку для яруса. В становище Гаврилове, на Мурмане, производится ловля наживки, каковою является мелкая рыбка—песчанка. Ее ловят на отмелом песчаном берегу, невдалеке от становища, при помощи специальных песчаночных неводов, сообща—артелями. В виду незначительности (по пространству) тони все рыбаки не в состоянии производить лов песчанки одновременно, а поэтому между ними всегда, как правило, соблю-

дается устанавливаемая очередь, в соответствии с морским приливом. Отсюда, период времени, затрачиваемый артелью рыбаков на ходьбу туда и обратно, а также и на самый лов, определяется выражением ходить на песок. Южн.

Ходить посудиной. То же, что подниматься елой. Южн.

Ходить со своим. То же, что подниматься со своим. Южн.

Худой промысел. Скудный, плохой промысел, когда в сеть попадает мало рыбы или зверя. *Худой сей год промысел был.* Сум.

Ц

Цвет морской—см. морской цвет.

Цела(я) вода. Промежуток времени в 6 часов между приливом и отливом и обратно. *Стоять целую воду*—ждать 6 часов. Повс.

Цеплина, ны; ны, ин; ж. Распорка (верхняя и нижняя) у прямого паруса, употребляемого на Мурманском карбасе и однородных с ним промысловых судах. Южн.

Церввеница, цы; цы, иц; ж.—см. червяница. Южн.

Цердак—см. чердак. Южн.

Цердак собачей—см. чердак собачей. Южн.

Цердацьна рыба—см. чердачна рыба. Южн.

Цестик, ка; ки, ов; м. См. частик. Повс.

Цинега, ги; ед., ж. Мелкий, преимущественно, осенний, моросящий дождик в тихую пасмурную погоду. Сум.

Цинежить, ит, ило. Дождить, идти дождю, моросить. Сум., Сор.

Цистик, ка; ки, ов; м. См. чистик. Южн.

Цыньга морска(я)—см. морска цыньга.

Цюпа, пы; пы, уп; ж. См. чупа. Южн.

Цямра; ед., ж.—то же, что цинега. Южн.

Цямра погода. Пасмурная погода с мелким, моросящим дождем. Южн.

Ч

Чабар, ра; ры, ов; м. Цыпленок, птенец чайки, серого цвета. Белое оперение взрослой чайки получается лишь на второй год. Повс.

Чай морской—см. морской чай.

Чайка голоменная. Полярная чайка, крупная, белого цвета. Повс.

Чайка разбойная. Особый род чайки на Мурманском и Беломорском побережье. Имея весьма короткий клюв, она не может хватать рыбу из воды и, вследствие этого, отнимает ее у других морских птиц. В период сельдяного промысла она собирается во множестве около мест, где производится ловля сельдей. Повс.

Частик, ка; м. Рыболовная мелкоячейная сеть. Повс.

Частик невод. Сеть с мелкой ячеей, от 3 до 6 см. в квадрате. Южн.

Червеница,—см. червяница.

Червь морской. Употребляется, в крайнем случае, на Мурманских тресковых промыслах для наживки на ярус при недостаче мойвы и песчанки, а на Беломорских промыслах—для наживки продольника на камбалу. Червь этот длиною бывает от 4 до 25 см. Водится в песчаных и отмелых местах

у берегов Ледовитого океана и Белого моря, откуда выкапывают его во время отлива особым орудием, называемым червяница. Продвигаясь в песчаном дне моря, морской червь пропускает песок через свое тело и выбрасывает его через задний проход в виде червеобразных, толщиною в гусиное перо, клубков, по которым и узнают об его пребывании в известном месте. Южн.

Червянѝца, цы; цы, иц; ж. Вилы, прикрепленные к деревянной, довольно толстой, длинной рукояти с двумя—тремя толстыми заостренными, длиною от 25 до 35 см. зубьями (рогами). Южн.

Чердáк, ка; м. 1) Одно из отделений промыслового судна (шнеки, тройника, елы), куда складывают пойманную втечение суток рыбу (срв. чердачная рыба).

2) Рыба, складываемая в амбары становища на Мурмане, впредь до погрузки ее на судно для отправления в место назначения. Южн.

Чердак рыбной—то же, что рыбная кладь.

Чердак собачей—см. собачей чердак.

Чердачная рыба—см. чердак. Южн.

Чердачной телгас. Настил в судне, идущий вслед за средним телгасом (ближе к корме); здесь хранится снасть и рыба. Южн.

Четвертной отжѝв. Ход рыбы на первой четверти луны (после новолуния). Южн.

Чир, ра; ры, ов; м. Наст, тонкий лед, образующийся во время замерзания побережья моря и рек. При проезде по такому льду он прорезает („перешаркивая") иногда до дыр тонкие доски бортов карбаса на уровне воды. Повс.

Чирака, ки; ки, ак; ж. Общее название морской и речной птицы крачки. Повс.

Чирóк, ка; ки, ов; м. То же, что чирака. Повс.

Чѝстик, ка; ки, ов; м. Общее название трех видов птицы из семейства чаек, водящейся на островах и берегах Северного Ледовитого океана и Белого моря. Южн.

Чѝстить, щу, стят, тил. Удалять через разрез внутренности из рыбы. Повс.

Чýпа, пы; пы, уп; ж. Последний промежек, идущий от крайнего, наиболее узкого по диаметру обруча мережи. Южн.

Чуповой кол. Кол, прикрепляемый к чупе мережки во время ее установки. Южн.

Чуповóй обруч. Последний, самый узкий обруч в мереже. Южн.

Чурбáн, ана; ны, ов; м. Отрезок бревна длиною в 3—4 метра, 13—17 см. в диаметре; из таких чурбанов устраиваются козлы для забора. Сум., Сор. в.

Ш

Шагра, ы; мн. ч.—**шáгры**. Жабры у рыбы. Южн.

Шапýга, ги; ед., ж.—то же, что шуга.

Шарéй, ея; еи, еев; м. Густое, несущееся с моря облако, предвещающее сырую, холодную погоду. Повс.

Шáрка, ки; ед., ж. Беломорский вид акулы. Сев.

Шелегá ги; ед., ж. Сырое, срезанное с морского зверя сало. Сев.

Шелеха, хи; ед., ж.—то же, что шелега. Сев.

Шестéрка, ки; ки, ок; ж. Бочка из сосновых досок для засола и хранения рыбы тресковых пород Мурманского улова. Вместимость ее до 115 кгр. (7 пудов) свежей рыбы. Бочка шестерка служит у промышленников мерою веса для соленой рыбы из 98 кгр. (6 пудов). Южн.

Шеститьце, тюсь, ятся, ился. Идти по воде против течения или по отмели, где дно карбаса или шнеки касается грунта, не на веслах, а при помощи шеста, упираясь им в дно моря или реки. Повс.

Шильник, ка; м. Весенний лед, во время таяния, перед вскрытием воды. Повс.

Шкерать, аю, ют, ал. Разрезать рыбу ножом, вынимая из нее внутренности. Разрез этот делается всегда на спине, начиная от головы к хвосту у рыбы тресковых пород и вдоль брюха у прочей рыбы, в том числе и у семги. Южн.

Шкуна, ны; ны, ун; ж. 1) Морское парусное судно (шкуна-барх, гафель-шкуна). Повс.

2) Модель судна, являющаяся украшением поморского дома, в котором имеются свои морские или промысловые суда. Модели более простой отделки служат игрушками для детей.

Шкунка, ки; ки, ок; ж. То же, что шкуна 2. Повс.

Шлюпка судовая—см. завозник 3.

Шнека, ки; шнеки, ек; ж. Рыбопромышленное (главным образом, для лова трески), уже отживающее свой век судно, от 9 до 11,5 метров длины и 1,8—2,7 метра ширины; поднимает груза до 500 пудов. Рыбаков на шнеке полагается четверо: корщик, весельщик, тяглец и наживотчик. Шнека разделена перегородками на следующие отделы: кормовая заборница—каюта в кормовой части для корщика; собачей чердак—здесь спит наживотчик; рыбной чердак или рыбная кладь—здесь складывается пойманная втечение суток рыба, которую нередко тут же и солят, отчего она и называется: чердачной рыбой. Оба эти чердака вместе обозначаются термином—кормовая кладь, кормовая покладь. В средине шнеки имеется особое большое отделение, отграниченное от рыбного чердака перегородкою: это—кормова(я) бабка или кара. Здесь наживляют уды яруса, хранят, за особою

вдоль борта перегородкою, мойву или иную наживку, связывают в ярус и помещают до выметыванья в воду тюки с наживленными удами, укладывают вынутый из моря ярус, после снятия с уд попавшейся рыбы. У правого борта кормовой бабки находится полка—отгороженный низкою перегородкою отдел, где хранится наживка. С другого конца (ближе к носу судна) крайним пределом кормовой бабки служит, так называемая, средняя бабка—доска, в средине которой сделан обхватывающий мачту вырез. За кормовой бабкой следует отдел, называемый: гребень. Здесь помещаются смотанные тюки, и отсюда они передаются для наживления в кару. Кроме того, в шнеке имеются еще два, а иногда и три отделения, вместе с гребнем, определяемые общим названием: носовая кладь. Наконец, у самого носа находится каюта для весельщика и теглеца, называемая носовая заборница. Пойманною рыбою обыкновенно наполняют сперва кормовую кладь, потом носовую кладь, затем отдел для наживотчика; в крайнем же случае, если очень обилен улов, то и кару. Южн.

Шнечиницять, яю, ет, ют, ял. Промышлять самостоятельно, быть рыбаком-хозяином шнеки. Южн.

Шнечное весло. Весло, сравнительно, больших размеров, чем карбасное, исключительно применяемое на промысловом судне шнечного типа. Южн.

Шняка, ки; еки, ек; ж. То же, что шнека. Повс.

Шолонник, ка; м. Юго-западный ветер, 21 румб компаса. Солнце на этом румбе стоит ровно в 15 часов пополудни. Когда на этом румбе находится луна, то вода стоит в полном приливе. Повс.

Шолонник меж запада—см. меж запада шолонник.

Шолонник меж лета—см. меж лета шолонник.

Шост буглинной—см. буглинной шост. Повс.

Шост сельдяной. Тонкий, от 3½ до 5 метров длины, колышек, которым, прорезая воду, нащупывают в море присутствие и направление хода юро селедки. Южн.

Шпангоут, та; ты, ов; м. Брусок в виде распорки, поставленный поперек кузова судна. К шпангоуту прикрепляются доски, образующие борт судна. Повс.

Штаг (носовая нога). Снасть, соединяющая мачту с форштевенем. При помощи штага поднимается и опускается штафок (парус). Повс.

Штафок, ка; ки, ов; м. Парус в форме продолговато-узкого клина, устанавливаемый между мачтой (первой от носу) и носом судна—вторым после кливера. Повс.

Штевень, ня; ни, ей; м. То же, что и корг. Повс.

Шуга, ги; ед., ж. Носящийся по воде, в стадии ее замерзания, мелкий, рыхлый (после снежной метели) лед, смешанный со снегом. Южн.

Шугать, ет и ат. Замерзать, превращаться в смерзлую массу, в тонкий рыхлый лед. Южн.

Шуг, га; ед., м. То же, что шуга.

Шух, ха; ед., ж. То же, что шуга. Южн.

Шкуна-барх. Трехмачтовое судно, имеющее на двух мачтах (первой и 2-ой от носу) прямую парусность, а на третьей (кормовой)—косые паруса. Повс.

Щ

Щель, ли; ли, ей; ж. Узкое русло реки при пороге или водопаде, сжатое между скалистыми выступами берега и дна. Повс.

Щелья, льи; лье, лей. Невысокий морской берег из сплошной каменной породы, лишенный всякой растительности. Повс.

Щипец, ца; цы, ов; м. Расщепленная верхушка сваи, забитой в дно реки для устройства забора. Сев., Кем., Сор.

Щупальной шест. То же, что шест сельдяной. Южн.

Ю

Юзин, на; ед., м. Бичевка, специально изготовляемая из доброкачественной чесаной пеньки, ссученная в 3—4 нитки-пряди. Употребляется в суровом и просмоленом виде на изготовление звероловных сетей. Иначе—зверино прядено. Южн.

Юрик, ка; ки, ов (редко); м. Пристань у морского берега с приспособлениями для просушки рыболовных снастей. Повс.

Юрить, ит, ят, ила (о рыбе). Играть, резвиться в воде целым стадом. Повс.

Юро, ра; ед., м. Большое стадо рыбы или морского зверя. Повс.

Юрова(я) рыба. Рыба, плавающая большим стадом, массой. Повс.

Юрова(я) сельдь. Ровная, без подсады, селедка, попадающая массами, иногда в несколько десятков тысяч штук за раз в одну ловушку. Повс.

Юровец, ца; цы, ов; м. Стадящийся весною морской зверь. Повс.

Юровой, ая, ое; ые, ых. Находящийся в юро, относящийся к юро, к массовому подходу рыбы или зверя. Повс.

Юровой зверь. Морской зверь, плавающий в стаде, общей массой. Повс.

Юровой промысел. Массовый промысел рыбы или зверя, идущего юром—массой. Повс.

Юровщик, ка; ки, ов; ж. Промышленник-участник юрового лова. Повс.

Юрок, ка; ки, ов; м. Связка сырых шкур морского зверя, нанизанных на веревку или ремень из моржовой кожи.

12

В таком виде эти шкуры тянут по льду до берега или же буксируют по воде, привязав к кормовому коржку карбаса. Сев.

Я

Ягрȧ, ры; ед., ж. Выдающаяся в море и заливаемая во время прилива часть морского берега, с плотным песчанистым грунтом. Срв. кецкара. Повс.

Язык, ка; ки, ков; м. 1) Подводный ледяной, движущийся по морю, риф. Сев.

2) Стенки разъезда у мережи, окаймленные тетивою (верхница с ловденкой и нижница с кибасами). Южн.

Якорна(я) петля. Узел из двух петель веревки, охватывающий собою какой-либо предмет, напр.—брусок, столбик, стержень, прут и т. д.

Якорной узел. Петлеобразный узел, употребляемый для связывания двух концов веревки в одно целое. В момент связывания концы веревок имеют фигуру двух петель, помещенных одна в другой. Южн.

Я̀корь, ря; ря, ей; м. Употребляется в обычном значении слова. Приспособление для удержания на одном и том же месте судна, сети, промысловой мурманской снасти и буев. Якоря по своей внешней форме и устройству бывают—двухлапые, четырех-лапые, пяти-лапые—железные. Камень, обвязанный веревкою или вделанный в деревянный футляр, также называется якорем. Повс.

Якорь бережной. Якорь, удерживающий на месте бережной кубас с маховкой. Южн.

Якорь голоменной,—то же, что голоменник 3.

Якорь середней—см. середник.

Якорь ярусной—см. ярусной якорь.

Ярко. Быстро, стремительно (о течении воды). Повс.

Яро—то же, что ярко. Повс.

Я̀рус, са; са, ов; м. Снасть, которою промышленники ловят у Мурманского берега треску, пикшуя, зубатку и (частично) палтуса. Ярус представляет собою длинную бичевку с прикрепленными вдоль ее на орестегах удами. Ярус составляется из следующих частей:

Стоянка—трехпрядная из пеньковой пряжи бичевка, длиною 90—100 метров. Толщина ее бывает различная, смотря по глубине моря, где выметывается ярус по длине яруса и по величине промыслового судна: из 9 ниток—девятка, из 12 ниток—двенадцати-прядная, из 15—18 ниток—пятнадцати или восемнадцати-прядная. Оба конца стоянки завязываются в прочный узел или петлей—для той цели, чтобы не развивались пряди и не трепались концы. Это закрепление концов необходимо и для более прочной укладки стоянок в тюк.

Тюк, связываемый из трех стоянок, на протяжении которых навязывается до 130—160 штук форшней (или оростег) с прикрепляемыми к ним удами.

Полный ярус содержит в себе от 15 до 60 тюков, соединяемых в одно целое. Размер яруса зависит от мощности рыбацкого хозяйства, величины промыслового судна количества силы (рыбаков) и приспособлений на судне.

К оконечностям и средине яруса прикрепляются для удержания его на большой глубине, ярусные якоря (тяжеловесные камни, оплетенные толстою бичевкой, или заделанные в деревянные корневые пяла. Иногда—обыкновенный железный якорь). На поверхности моря от этих якорей на симках прикрепляются кубасы: бережник, середник (один или два, смотря по длине яруса) и голоменник.

Осматривать ярус и снимать с крючков попавшуюся рыбу называется: треску трясти, делать тряску. Выжидать, наблюдать пока окончится выбирание из моря яруса, после снятия с крючков пойманной рыбы, называется: лежанка,

залежка, лежать на ярусе, стоять. Насаживать на уды наживку перед выметом яруса в море, называется наживлять ярус. Южн.

Ярус наживлять—см. наживлять ярус.

Яруспая нога. Бичевка, которою кубас прикрепляется к ярусу, выметанному в море на время лова. Южн.

Ярусная снасть—то же, что ярус.

Ярусной якорь. Тяжеловесный камень, оплетенный толстою бичевкой или заделанный в деревянные корневые пяла. Реже—обыкновенный железный якорь. Южн.

Ясень, ни; ни, ей; ж. 1) Ясная, при безоблачном небе, погода.

2) Безоблачная на горизонте полоса неба на вечерней заре или перед утренней. Примечается: где на горизонте видна ясень, оттуда с утра будет и ветер. (Если видна ясень на севере, подует морской ветер, на северо-востоке—полуношник, и т. д.). Повс.

Ячей, еи; еи, ей; ж. Клетка звероловной и рыболовной сети, имеющая размер от 5 мм. до 25 см. в квадрате. Повс

25

Цена 2 р. 15 к.

Материалы Соловецкого Общества Краеведения.

Вып. I. **Материалы С.О.А.О.К.** Статьи: М. Д. Жукова, А. Захваткина, А. П. Иванова, Всев. Иванова, Н. Казнакова, Т. Н. Королева, М. Некрасова, В. Никольского, П. Петриева, А. Приклонского, Н. Н. Простосердова, А. Серебрякова, Ив. Хкладзе и К. Чуднова. 1926. **(1-е издание разошлось).**

Вып. II. **Вл. Як. Генерозов.** Ондатра—американская выхухоль—и ее акклиматизация на Соловецких островах. 1927. Ц. 1. р.

Вып. III. **Отчет** Соловецкого Отделения Архангельского Общества Краеведения за 1924—26 годы. 1927. Бесплатно.

Вып. IV. **Николай Виноградов.** Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников. 1927. Ц. 2 р.

Вып. V. **А. Глаголев и С. Шорыгин.** Особенности соловецкого климата. **С. Шорыгин.** О климате города Кеми и острова Попова. 1927. Ц. 1 р. 75 к.

Вып. VI. **А. П. Иванов.** Соловецкая монастырская тюрьма. 1927. Ц. 50 к.

Вып. VII. **К познанию фауны Соловецких островов.** Статьи: А. А. Захваткина, Е. Г. Шершевской и В. Н. Юрканского. Ц. 80 к.

Вып. VIII. **Из работ по прикладной ботанике.** Статьи: Д. Н. Матвеева и Б. А. Федулова. Ц. 1 р.

Вып. IX. **А. А. Захваткин.** Соловецкие озера. Краткий гидробиологический очерк. Ц. 2 р.

Вып. X. **Вс. Н. Иванов.** Почвенно-геологические исследования Соловецкого острова (по материалам 1924, 5 и 26 гг.).

Вып. XI. **В. П. Никольский.** Обозрение отдела христианских древностей Музея С.О.К. Отдел I—Иконы. Ц. 1 р. 25 к.

Вып. XII. **Николай Виноградов.** Новые лабиринты Соловецкого архипелага. (Лабиринты Б. Заяцкого острова). Ц. 50 к.

Вып. XIII. **Николай Виноградов.** Обозрение христианских древностей Музея С.О.К. Отдел II—Деревянная Андреевская церковь. 1927. Ц. 1 р. 80 к.

Вып. XIV. **Д. Н. Матвеев.** Земледелие на Соловках в прошлом и настоящем. Ц. 45 к.

Вып. XV. **А. П. Приклонский.** Пертоминский архив. Описание рукописей Преображенского Пертоминского монастыря 1620—1796 г.г. 1927. Ц. 4 р. 50 к.

Вып. XVI. **Материалы Соловецкого Отделения Архангельского О-ва Краеведения.** Вып. 1. Изд. 2-е. 1927. Ц. 1 р. 85 к.

Вып. XVII. **Из работ Криминологической Секции.** Статьи: Н. Виноградова, Б. Глубоковского, П. Иогалевича, П. Калинина, И. Половова, К. Троицкого, П. Шенберга. 1927. Ц. 2 р.

Вып. XVIII. **К познанию природы Соловецких островов.** Работа: А. Захваткина, Н. Сахарова и В. Юрканского. Ц. 1 р. 25 к.

Вып. XIX. **Терминологический словарь рыболовного промысла Поморья**

Вып. XX. **Г. И. Поляков.** К познанию орнитофауны Соловецких островов. Ц. 1 р. 10 к.

Вып. XXI. **А. Г. Санин.** Из работ Геофизического отделения.

Вып. XXII. **Н. Н. Виноградов.** Каталог доисторических сооружений о. Анзера. (Печатается).

Вып. XXIII. **Фенологические наблюдения на Соловецких островах.**

РУССКИЙ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Автор-составитель
Т. А. НОВИЧКОВА

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1995

ББК 83. 3Р1
Р 89

Редактор *И. С. КУЗЬМИЧЕВ*

Художник *Л. А. ЯЦЕНКО*

Р $\frac{5001000000 - 002}{083(02) - 95}$ Без объявл.

ISBN 5-265-02803-X

«Бога люби, а черта не дразни» — руководствуясь этим принципом, строили свою жизнь десятки поколений людей; культ злых сил развился и окреп рядом с почитанием единого христианского Бога. Имя черта всячески унижалось церковью, что немало укрепляло веру в его всесильность. Грешного на земле больше, чем святого, в царстве животных, растительности, среди людей — везде рассеяно злое дьявольское семя, требовавшее к себе самого осторожного и уважительного отношения.

Настоящая книга является опытом систематизации русских верований, связанных с домом, лесом, водой, земным, подземным и воздушным пространством. Она названа «Словарем» — отчасти в подражание старинной традиции именовать «словарями» и «лексиконами» обзоры народных поверий, изложенных в алфавитном порядке, отчасти — вследствие установки книги на непредвзятое отношение к фактам, на информативность, не скованную каким-либо методом, теорией или научной школой.

В основу содержания словарных статей положены мифологические рассказы (былички — повествования о столкновениях с нечистой силой самого рассказчика и бывальщины — воспоминания о контактах с нею кого-нибудь другого) и описания обрядов, обычаев, с помощью которых координировались взаимоотношения человека с населенным всевозможными сверхъестественными существами миром. Все эти материалы датируются, в основном, XIX — началом XX столетия, они извлечены из мало доступных широкому читателю источников: архивных рукописей, давно не переиздававшихся книг, старых газет и журналов.

Не претендуя на окончательную полноту информации, касающейся нечистого и колдовского мира, «Словарь» представляет веру в демонов в ее наиболее типичных проявлениях, как они были зафиксированы этнографами и собирателями фольклора в живой народной традиции XIX — начала XX века. Древнерусские книжные источники привлекаются только для сравнения. Ограниченно используется волшебная сказка: несмотря на обилие в ней всевозможных чудовищ, духов и оборотней, установка этого фольклорного жанра на вымысел («сказка — складка») затрудняет поиск истинных верований в ее текстах.

Проводниками воли нечистой силы, ее жрецами и жертвами, были ведьмы и колдуны, а также одержимые бесами кликуши, икоты, порченые. Статьи о них также вошли в состав «Словаря». В каждой волости славой колдунов пользовались иногда десятки человек, к ним обращались во всякую трудную минуту, когда ломался размеренный ритм жизни семьи, нарушенный тяжелой болезнью близких, домашними ссорами, пожаром, кражами, падежом скота. Поскольку в бедах и несчастьях видели происки злых духов, нужны были люди, умевшие с ними обращаться, служившие им как богам. Как и тысячу лет назад, когда на вопрос Яна Вышатича: «Какому богу веруете?» — ростовские волхвы ответили — Антихристу, что сидит в бездне, — принадлежность к сословию колдунов достигалась отречением от Бога, присягой Дьяволу.

Вера в демонов едва ли не в большей степени, чем в силы небесные, способствовала душевному равновесию и покою в семье. Приноравливаясь к нечистым духам, человек меньше грешил, боялся проклясть ребенка, поднять руку на родителя, выбраниться. У каждого смертного над правым плечом витает ангел-хранитель, который лишь порадуется, глядя на добрые дела, и поплачет, видя худые поступки; над левым плечом находится бес — воплощенная активность, он замечает каждый неосторожный шаг и пользуется им, чтобы погубить человека. Сел за трапезу не перекрестись — он помочится в блюдо и таким образом причинит болезнь; не подавил в себе ненависть к обидчику — бес натолкнул на то, чтобы взять в руки нож или тяжелый предмет. «Бес попутал» — так в народе объясняли все убийства, совершенные

в состоянии аффекта. Мать в раздражении послала ребенка к лешему — и проклятие исполняется, дитя пропадает, в лесу отыщет его только колдун. Не смели доводить себя до исступления, до самоубийства: на самоубийцах черти воду возят и подковывают их как коней. Самоубийцу не похоронят на общем кладбище, он «черту баран». Всегда помня о Божьем суде, по-настоящему боялись дьявольских пыток.

Исчислить всю эту таинственную бесовскую силу почти невозможно, так как у каждого места был свой «хозяин». Если путнику приходилось ночевать где-нибудь в пустынном и уединенном месте — на пожне, под елкой, в бане или овине, — то, чтобы не стало «блазнить» и «глумиться», просили защиты у хозяина: «Батюшко подъельник (банник, овинник), пусти меня ночевать на сегодняшнюю ночь!» Духи виделись старыми, древними как мир; помимо конкретных названий, которых у каждого из них было несколько, их всех именовали «дедушками». Потерянную вещь искали с поговоркой: «Дед, дед, поиграй, да отдай!» (или: «Черт, черт, поиграй, да отдай!»).

Нельзя заранее угадать место, где доведется встретиться с нечистой силой. Для постоянного жилья черти облюбовали себе омуты и болота, но появиться они могут где угодно. «Где подумаешь — тут и живут», — говорили в народе; дьявол так же легок, как человеческая мысль, и так же, как тяжелая дума, назойлив. Помимо непроходимых топей, бани, овины и церкви считались нечистыми местами, последние — преимущественно по ночам.

О происхождении нечистой силы рассказывали по-разному, считая ее то проклятыми людьми или умершими неестественной смертью, то низвергнутыми с небес ангелами, то некрещеными, проклятыми Богом при сотворении мира. Бог ударил кремнем о кремень — посыпались ангелы, архангелы, херувимы, серафимы. Черт ударил кремень о кремень — посыпались лешие, домовые, русалки, яги-бабы (Даль, 1984-2, 348). Или: Адам постеснялся показать Богу целую ораву своих детей и часть из них спрятал, эти дети стали темной силой — домовыми, лешими, водяными. Легенды о происхождении нечистой силы восходят к апокрифической литературе. В рукописных сборниках рассказывается о том, как Сатана

возгордился, и Бог низверг его; Сатана прошел сквозь землю и оказался в бездне, а часть его воинства осталась на земле и превратилась в бесов лесных и водяных, болотных, горных и полевых, в духов человеческого жилья и хозяйственных построек.

Деление на крестную и нечистую силу возникло вместе с принятием христианства, до этого времени существование всего окружающего мира объяснялось присутствием в нем таинственных жизненных сил, обнаруживающих себя в необычных и неожиданных формах — в действиях духов природы или умерших предков, которые нужно было вовремя заметить и верно истолковать, чтобы соответствующим образом отреагировать на проявление сверхъестественной воли.

К концу XIX столетия, при сохранении уважения к крестной силе, вера в силу нечистую стала падать; в народе поговаривали, что нынче люди стали хитрее черта — повыдумали железные дороги, машины всякие. В старину ничего этого не было, вот оттого-то нечисть и водилась. Теперь леса вырубают — куда же лешим деваться? Пропадают, а нет — уходят куда-нибудь. А что они были у нас, это верно.

Впервые интерес к народным верованиям в России возник в XVIII веке. До этого времени о них упоминала церковная литература, но только как о бесовских соблазнах. В Петровскую эпоху изменилось отношение ко многим ценностям, в частности разборчивее и осторожнее рассматривались дела о колдовстве. Если еще в XVII веке достаточно было намека на сношение подозреваемого с нечистой силой, чтобы подвергнуть его пыткам и заставить сознаться в кудесничестве, то теперь в колдунах, ведьмах и кликушах все чаще видели обманщиков или людей, попавших в ложную ситуацию. К концу XVIII столетия просвещенное общество искало в собраниях народных верований занимательного чтения, курьезов, отголосков варварской старины.

В 1767 году писатель, журналист и актер М. Д. Чулков издал «Краткий мифологический лексикон», где наряду с языческими Волосом, Даждьбогом и Перуном были домовые и лешие. В 1782 году вышел в свет «Словарь русских суеверий», названный Чулковым во втором издании (М.,

1787) «Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.» — здесь был собран обширный материал не только по русским поверьям, но и народов Сибири, Поволжья. Повторил и дополнил «Мифологический лексикон» Чулкова М. В. Попов, выпустивший в 1768 году «Краткое описание славянского баснословия». В 1804 году появляется «Славянская и русская мифология» А. С. Кайсарова (второе издание — 1810 г.), где были подобраны параллели к русским верованиям в мифологии других народов.

Много сведений по народным русским верованиям содержится в книгах ученых-этнографов 1830 — 1840-х годов [1], но это уже были работы описательные, характеризующие народную культуру в целом, специального интереса к мифологическим верованиям в них меньше, чем в «Словарях» и «Лексиконах» XVIII — начала XIX века.

К 1860-м годам относится расцвет мифологической школы в России, объяснявшей происхождение поэзии и обрядов в связи с древними мифами, в основу которых легло обожествление небесных явлений. Мифологи собрали огромное количество сведений по народным верованиям, систематизировав их применительно к культам земли, воды, огня, растительности и сопоставив русский материал с иноязычным [2].

В трактовке ученых мифологической школы восприятие мира умом язычника выглядит довольно гармоничным. То, в чем многие столетия видели «грех и соблазн», оказалось достаточно целостной и живучей культовой и религиозной сис-

---

[1] Сахаров И. П. Сказания русского народа. Ч. 1 — 3. М., 1836 — 1837; Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1 — 4. М., 1837; Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848.

[2] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1 — 3. М., 1865 — 1869; Потебня А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865; О купальских огнях и сродных с ними представлениях. М., 1867; Буслаев Ф. И. Народная поэзия. СПб., 1887.

темой. Христианство не отторгало язычества, оно придало ему ту оформленность, которая вряд ли существовала в нем изначально. О духах природы и домашнего очага перестали говорить как о демонах и языческих божках, но как об образах «хозяев» мира, со своей сферой приложения сил. В своем монументальном труде «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьев убедительно продемонстрировал спаянность самых разнообразных верований на основе взаимосвязи культов — усопших предков, могущественных стихий, мать-сырой земли, — именно здесь ему удалось за пестротой самых разноречивых сведений народного быта обнаружить ствол могучего древа жизни, питавшего своими соками пышную и сменявшуюся от века к веку листву всевозможных обычаев, поверий и предрассудков. В книге Афанасьева заложены начатки почти всех будущих концепций относительно происхождения и развития взглядов народной мифологии, изложенных в исследованиях конца XIX — начала XX века.

На фоне остальной фольклорно-этнографической литературы второй половины XIX века несколько особняком стоит сочинение В. И. Даля «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа» (2-е изд.: СПб. — М., 1880). Традиционен для своего времени принцип совмещения собрания фактов и исследования, необычен прием деления многих суеверий на ложные и истинные, т. е. на такие, которые не имеют под собой иного основания, кроме преднамеренного обмана или заблуждения, и такие, которые восходят к интуитивному постижению природы и тайн каких-то еще не познанных человеком сил. В этом направлении русские мифологические верования не изучаются и поныне.

С середины XIX века «Губернские ведомости», «Памятные книжки», местные сборники постоянно помещают описания старинных обычаев и верований, неизменно упоминая чертей, леших и домовых, — без них картина жизни сельских обитателей была бы неполной. Множество рукописей, обстоятельно освещающих быт русской провинции, поступало в Русское географическое общество, о поверьях шла речь почти в каждой из них. В конце XIX века появились журналы «Этнографическое обозрение» и «Живая старина» — мифологическая проблематика занимала в них самое почетное место. В 1890-х

годах князем В. Н. Тенишевым была разработана программа этнографических сведений о крестьянах центральной России — по ней работали учителя, врачи, священники, присылая с мест богатейший материал, который стекался в учрежденное Тенишевым этнографическое бюро. Привести рукописи в порядок и обобщить их информацию В. Н. Тенишев поручил С. В. Максимову. Последний на основе материалов бюро подготовил капитальный труд о языческих и христианских представлениях крестьянства, книга эта вышла уже после смерти писателя стараниями В. Н. Тенишева — «Нечистая, неведомая и крестная сила» (СПб., 1903). Хотя присланные тексты подверглись в ней значительной обработке, до сих пор она остается единственным в своем роде «сводом» народных знаний о светлых и темных духах, от которых зависела удача в любом предприятии.

К концу XIX столетия изменилась позиция ученых в вопросе взаимоотношений так называемой «низшей мифологии» и язычества. Мода искать древних богов в современных переживаниях, когда Одина толковали предшественником водяного, а Морфея — кикиморы (Снегирев), изжила себя; любование языческим пантеоном сменилось недоверием к развитости религиозных представлений накануне принятия христианства в Древней Руси. Е. В. Аничков, автор книги «Язычество и Древняя Русь», считал, что культы Перуна, Даждьбога, Хорса были официальными и не имели корней в народе, потому так быстро и исчезли, уступив место христианству и почти не оставив следов в летописях. Иное дело — верования в разных бесов — на переломе XIX века они были так же прочны, как и тысячу лет назад.

Демонологические представления все чаще стали рассматриваться на фоне культа предков и умерших. Д. К. Зеленин в «Очерках русской мифологии» (Пг., 1916) убедительно показал зависимость широкого круга воззрений на мертвецов и русалок от культа умерших неестественной и преждевременной смертью (заложных покойников).

Е. Г. Кагаров считал древнейшей ступенью славянской религии анимизм — своеобразное мировоззрение ранней стадии человеческой цивилизации, по которому вся природа оживлена, у каждого предмета есть дух, демон, требующий

уважения, поклонения и особых форм обращения с ним. Всех духов он подразделял на четыре группы: духи предметов и явлений природы (русалки, лешие, водяные и т. д.), духи — покровители отдельных областей материальной культуры: скотоводства, земледелия (полевик, житный дед); духи родовые или семейные (домовой, доманя) — возникли из поклонения душам предков и умерших; демоны болезней, кошмарных снов, безумия (смерть, лихорадки, икоты). С принятием христианства появились новые темные силы: черт, дьявол, сатана («Религия древних славян». М., 1918).

После 1917 года, когда несколько оживилась работа по собиранию и исследованию народного быта, этнографы и фольклористы оказались в исключительно трудном положении: материалом их работы стали не просто «пережитки» старины, но нечто подлежащее изживанию. Почти во всякой статье или собрании, содержащем былички, бывальщины, описания обычаев, связанных с почитанием лешего, домового и прочих духов, звучит извиняющаяся интонация в изложении фактов: это последнее, что удалось записать от стариков, молодежь не верит ни в сон, ни в чох, ученые всю реку перемерили, какой уж тут водяной [1].

Во многом сетования на упадок веры в духов были справедливы: после 1917 года с катастрофической быстротой ломался хорошо отлаженный механизм народного быта, с гибелью этого механизма умирали традиционные фольклорные жанры, обычаи, обряды, чертям тоже не оставалось места в советской действительности. С другой стороны, с двадцатых годов XX столетия на несколько десятилетий вперед растянулся негласный запрет на исследование и публикацию мифологической прозы, суеверных рассказов. Лишь со второй половины XX века начали появляться не отдельные небольшие работы, но специальные монографии по религиозным верованиям, разумеется, с обязательным упоминанием об их мрачной и отталкивающей стороне, отсталости мировоззрения дореволюционного крестьянства и т. д.

Сделав скидку на «дань времени», которую было необхо-

[1] Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1928. См. статьи А. М. Астаховой, И. В. Карнауховой.

димо заплатить, чтобы книга вышла в свет, можно заметить, что уже в монографии С. А. Токарева («Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века». М. — Л., 1957) наметилась тенденция к обобщению всего восточнославянского мифологического материала, к поиску общих корней в верованиях родственных народов, к сопоставлению фольклорно-этнографических данных с фактами истории, археологии, древнерусской литературы с целью изучения этнической истории славян. Это направление остается одним из ведущих в исследовании славянской мифологии и язычества [1]. В конечном счете оно ведет к реконструкции славянской и собственно русской духовной культуры в широком хронологическом диапазоне — от древнейших времен до наших дней.

В 1970 — 1980-е годы проблемам русской демонологии посвящают свои статьи и книги Э. В. Померанцева («Мифологические персонажи в русском фольклоре». М., 1975), О. А. Черепанова («Мифологическая лексика Русского Севера». Л., 1983). Впервые увидел свет научно подготовленный сборник быличек и бывальщин с текстами поздней записи («Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири». Составление В. П. Зиновьева. Новосибирск, 1987), к книге приложен указатель сюжетов мифологической прозы, составленный автором по образцу указателя С. Айвазян из вышеназванной монографии Э. В. Померанцевой.

Ныне мифологические воззрения рассматриваются едва ли не как тот материал, познание которого откроет путь к раскрытию тайн духовной жизни людей, поэзии, социальной психологии, языкознания, культуры, быта — самых разных сфер человеческой деятельности. Создаются фундаментальные энциклопедии, благодаря которым обозримым и доступно изложенным оказалось содержание мифов многих народов мира («Мифы народов мира». Энциклопедия. Т. 1—2. М., 1980;

[1] В этой области см. работы В. В. Иванова и В. Н. Топорова, Б. А. Успенского, Н. И. и С. М. Толстых и учеников школы Н. И. Толстого. Используется фольклорный материал в трудах Б. А. Рыбакова «Язычество древних славян» (М., 1981) и «Язычество Древней Руси» (М., 1987).

«Мифологический словарь», М., 1992). К сожалению, русские демоны крайне скупо представлены в новейших энциклопедических изданиях. Для того чтобы восполнить этот пробел, подготовлена настоящая книга, посвященная исключительно русским верованиям.

Названия статей даны преимущественно в единственном числе. К основному наименованию подобраны вариативные названия духов, известные в русской традиции. Ссылки на источники даны в тексте словарной статьи сокращенно (см. Список сокращений), сказки и мифологические рассказы даны в кратком пересказе. Широко использованы материалы архивов Русского географического общества и Русского этнографического музея, где хранятся рукописи этнографического бюро, основанного кн. В. Н. Тенишевым. При использовании информации архивных дел в тексте словарной статьи указывается место записи (напр.: Новгородская губ.). Все даты годовых календарных праздников приведены по старому стилю. Диалектные, устаревшие слова даны в переводе на современный русский литературный язык или сопровождаются необходимыми пояснениями в тексте словарной статьи.

Т. Новичкова

АНТИ́ХРИСТ Антей, антий, антип.

«Антихристами» называли всех противников Христа, в том числе *чертей, бесов,* безбожников. Антихрист явится перед концом мира и вторым пришествием Спасителя, он сосредоточит все зло, существующее на земле, для борьбы против христианской церкви, но будет побежден вновь явившимся на землю Христом.

Представление об Антихристе возникло в первохристианстве, прообразы его можно обнаружить в Ветхом завете в лице царей Антиоха, Эпифана, склонявших иудеев к язычеству; предсказание об Антихристе усматривали в пророчестве о Гоге и Магоге. Согласно учению апостола Павла, это будет человек зла, «сын погибельный», который отвратит людей от истинной веры, направив на путь

греха. В Апокалипсисе Антихрист представлен зверем, выходящим из моря, он поведет войну со святыми и победит их, получив власть над всеми племенами и народами, но после трех с половиной лет своего царствования он будет низвержен Богом.

Антихрист — живое воплощение Сатаны, хотя родится среди евреев из колена Данова, от незаконной связи. Признаками грядущего второго пришествия будут упадок веры и нравственности, необыкновенная сила боговраждебности и пришествие обличителей Антихриста — Ильи и Еноха. Характер царствования Антихриста изображен в одном из посланий к Фессалоникийцам, в Апокалипсисе и в Книге пророка Даниила, в седьмой главе. Антихрист будет обладать большими дарованиями, но употребит их лишь во зло людям. Его приход отметят знамения и ложные чудеса. Он будет ранен, но исцелится так, что удивится вся земля. Свои чудеса Антихрист совершит силой дьявола, который даст ему великую власть. В обольщении людей Антихристу поможет лжепророк, он низведет с неба огонь и сделает так, что всякий, кто не поклонится «образу зверя», будет узнан.

С сатанинской гордостью Антихрист сядет в храме как Бог и силой заставит почитать себя, ничего нельзя будет ни продать, ни купить без печати Антихриста на правой руке или челе. Иоанн Богослов видел, что с пришествием Христа схвачен был зверь и с ним лжепророк, и оба живыми брошены в огненное, горящее серой, озеро вместе с прельщавшим их дьяволом.

Учение Библии об Антихристе дало жизнь нескольким эсхатологическим апокрифам: «Прению Господа с дьяволом», «Вопросам Иоанна Богослова

Господу на горе Фаворской», «Слову Мефодия Патарского о царствовании язык последних времен». Согласно древнерусской эсхатологической литературе, лицо Антихриста мрачно, волосы на голове как стрелы, вид дьявольский; уста — в локоть, зубы — в пядь, персты как серпы, и на лице пишется «Антихрист». Родится он от жены-блудницы, монахини, которая откроет окно на голос сладкозвучного пения птицы, а та ударит ее крыльями по лицу, и в тот же час черница зачнет Антихриста. Боясь срама, она отдаст его на воспитание; выросши, он поступит на службу греческому царю Михаилу и начнет свое восхождение. Сначала он покажется благодетельным, кротким, смиренным, богобоязненным, нищелюбивым, защитником обиженных и почитателем стариков, вдов; не приемлющим блуда. Он сотворит чудеса, очистив прокаженных, помирит ссорящихся — за это его изберут царем.

После избрания его нрав переменится, он станет жестоким и немилостивым и сотворит новые чудеса: созовет словом гадов, птиц и зверей, сдвинет горы, пройдет по морю как по суше, войдет в Иерусалим и сядет в церкви подобно Богу. Тогда лето не даст дождя и наступит голод. Во время великого голода Антихрист соберет всех на поклонение себе, пообещает всем «вино и живот» и отметит пришедших своим знамением. Но он не оправдает надежд голодных, и люди горько разочаруются. При таком умножении скорби Господь пошлет угодников: Илью, Еноха и Иоанна Богослова на обличение Антихриста, но он убьет их.

Царство Антихриста кончится с приходом Сына Человеческого. Бог явится судьей, и будут принесены книги, а когда будет сломана седьмая печать, ад откроется и первыми предстанут на суд

Христос побеждает Антихриста. Ровинский-3, № 1016.

нечистые духи во главе с Антихристом, и пошлет их Господь во тьму кромешную — «глубина же ее дна не имеет». Такова судьба злых духов. На картинах Страшного суда в геенне сидит обыкновенно длиннобородый Сатана и держит маленького Иуду с кошельком; в стороне от него, справа, выглядывает Антихрист, как бы его двойник, осужденный на вечную муку (Рязановский, 120 — 124).

В соответствии с разными толкованиями Апокалипсиса, одни считали, что апокалиптические пророчества уже сбылись или исполняются, другие — что они должны сбыться в более или менее далеком будущем. С Антихристом отождествляли еретиков и гонителей христиан. Так, гонимые римскими правителями, первохристиане видели Антихриста в Нероне, считая возможным его возвращение в качестве посланника Сатаны вплоть до V века.

С XIII века в религиозных направлениях и сектах, отложившихся от папы, на него указывали как на Антихриста. Прихода Антихриста ждали в 1000 году, уповая на апостола Петра, который говорил: «У Господа один день как тысяча лет и тысяча лет как один день». В средние века русские люди были уверены, что Антихрист появится непременно на Западе, в римской церкви. В 1648 году в Москве появилась «Книга о вере» игумена Киево-Михайловского монастыря Нафанаила; она была истолкована как рассказ о наступлении последних времен и скором появлении предтечи Антихриста — папы, ибо его число — антихристово.

Антихристовым (звериным) числом было 666, под которым скрыто имя апокалиптического зверя (Откровение Иоанна, XIII, 18). Годом пришествия

Антихриста должен был стать 1666 год. Незадолго до этого, в 1654 году, патриарх Никон собрал собор, которым было постановлено править богослужебные книги по древним греческим и славянским рукописям. Исправление книг многими было сочтено отпадением в латинскую веру, знаком скорого прихода Антихриста.

Шестилетнее управление Никоном русской церковью (1652 — 1658) положило начало возникновению раскола как течения, оппозиционного церковной и государственной власти. Раскольники (Спиридон Потемкин, монах Феоктист, протопоп Аввакум, дьякон Федор, Ефрем Потемкин и другие) в своих сочинениях немало места отводили вопросу об Антихристе. Протопоп Аввакум около 1666 года писал, что видел Антихриста, «собаку бешеную», — «плоть у него вся смрад и зело дурна, огнем пышет изо рта, а из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит». Антихриста усматривали и в самом Никоне, а несколько позднее — в Петре Великом.

После 1666 года ждали конец мира с осени 1668 года, пришествия Антихриста — в 1669 году. Некоторые крестьянские семьи забросили поля, а с весны 1669 года стали покидать избы, причащаться, исповедоваться и ждать архангельской трубы. Когда и этот срок прошел, отсрочили гибель мира до 1702 года. К этому времени из-за границы вернулся Петр I, начал кровавую расправу со стрельцами; многие сочли его Антихристом, а его преобразования — антихристовым делом. Уже после смерти Петра, в первой половине XVIII века, в разрешенных к печати книжках сообщалось о рождении Антихриста от девицы и дьявола.

Время шло, архангельская труба все не звучала, и «звериное число» стали искать в именах

других исторических деятелей. Доказывали, что апокалиптический зверь — Наполеон I; в середине XIX века Антихриста стали угадывать в личностях некоторых тогдашних революционеров.

В устной народной традиции, легендах, религиозных песнях и духовных стихах содержится разное понимание роли Антихриста в истории человечества. С одной стороны, в легендах и духовных стихах может быть изображена не противоречащая в целом учению православной церкви картина Страшного суда, перед которым на землю явится Антихрист и объявит войну всему святому; с другой — во многих произведениях, особенно раскольничьих, отразилось представление об Антихристе как духе злобы, уже воцарившемся на земле.

Согласно легенде кубанских казаков, праведные Илья и Енох сойдут на землю за три года до Страшного суда. Они будут укреплять в вере людей и готовить их ко второму пришествию, предостерегая от козней Антихриста. Антихрист родится от блудницы и до тридцати лет будет жить в нищете и неизвестности, пока не явятся пророки. Тогда он тоже начнет проповедовать, уверяя людей, что он — Христос, станет показывать чудеса, обращая камни в хлебы, словом исцеляя болезни, воскрешая мертвых. Одним он покажется юношей, другим — старцем, третьим — царем, окруженным пышной свитой, соблазняющим людей богатством и роскошью. Всем уверовавшим в него он наложит печати на лоб и правую руку: на лоб — чтобы все видели последователя Антихриста, и на руку — чтобы человек не мог больше творить крестное знамение. Своим приверженцам он проколет мизинец правой руки и кровью из ранки впишет в свой список имена уверовавших в него.

Из своих последователей Антихрист составит целое войско, захватит в свои руки все богатства и хлебные запасы, голодом и всевозможными муками начнет истязать тех людей, которые не уверуют в него. Когда это не поможет, Антихрист будет всячески терзать непокорных, рубить им руки и ноги, уши, замучивать детей на глазах родителей, морить голодом и жаждой.

К концу трехлетнего срока Антихрист обойдет со своими войсками всю землю и настигнет Илью и Еноха. В эти последние дни люди, получившие антихристову печать, начнут испытывать лишения: их богатства обратятся в прах, пища — в лошадиный кал, питье — в мочу. Тогда отступники Христовой веры осознают свой грех, но им не будет прощения, так как печать, наложенная Антихристом, не может быть снята.

Антихрист убьет Илью и Еноха, и едва кровь пророков коснется грешной земли, как она мгновенно воспламенится и начнется Страшный суд. Реки, моря и океаны принесут на своих волнах человеческие кости, и все мертвецы явятся к Христу на Страшный суд. Праведников примут в лоно Господне, отмеченные антихристовой печатью пойдут в ад на вечные муки.

В это время явится Антихрист во всем величии, окруженный многочисленным войском. Голова его будет украшена двенадцатью рогами, в руках — длинные цепи. Этими цепями Антихрист станет вязать грешников и ввергать их в геенну огненную, и мукам грешников не будет конца (Сборник материалов-36, 141 — 144).

Согласно раскольничьим толкам, царство Антихриста уже наступило со времени исправления церковных книг. Особой склонностью к апокалиптической трактовке действительности отличались беспоповцы (около пятидесяти толков в середине XIX века), считавшие всякую духовную и светскую власть орудием Антихриста. По мнению многих, седьмой фиал апокалиптический уже пролился на землю и благодать взята на небо. В раскольничьих стихах люди не ведают о том, что мир опьянен Антихристом, а потому не могут освободиться от дурмана:

Народился дух нечистый,
Дух нечистый, сам Антихрист.
Наварил он пива много,
Напоил весь мир допьяна,
Что не может мир проспаться
До Христова до причастья.

В распространенной среди членов секты бегунов сатире «Газета с того света» утверждается, что «в нынешний век» «правда сгорела, истина охромела, добрую совесть закопали, смирение ногами попрали, и Сатана вершит суд над живыми и мертвыми». Отвергая гражданские документы как антихристово клеймо, бегуны сочиняли себе пародийные паспорта: «Отпустил мя, раба Божьего, великий господин града Вышнего, Святого уезда, пустынного стана... чтоб не задержали бесы раба Божьего нигде».

Во многих нововведениях усматривали козни Антихриста: след от привитой оспы называли «антиевой печатью», запрещая делать прививки от этой болезни взрослым и детям; «печатями Антихриста» называли печати на паспортах, клейма на мерах и весах. От Антихриста — народная перепись (для взимания дани с живых и мертвых) гражданская грамота, даже картофель, который в

побывальщинах оказывается вовсе не овощем, а собачьими яйцами, если их положить в теплое место — щенки выведутся.

Приход Антихриста подробно описывается в духовных стихах о Страшном суде:

И сойдет на землю бездушный бог,
Бездушный бог Антúхристос,
Он исколет святое пророчество.
От той-то от святой крови
Загорится матушка-сыра земля,
Со восхода загорится до запада,
С полудён загорится да дó ночи.
И выгорит горы со раздольями,
И выгорят лéсы темные,
И сошлет Господи потóпие
И на три дни, на три месяца,
И вымоет матушку-сыру землю
Аки хáратью белую,
Аки скорлупу яичную,
Аки девицу непорочную,
Аки вдовицу благочестивую.
И сойдет Михаил Архангел батюшка,
И утвердит престол среди земли,
Вострубит в трубоньку зóлоту:
«Вставайте вы, живые и мертвые,
Стáры и мáлы будьте в тридцать лет!»

Тогда по правую сторону к Царю Небесному пойдут праведные души, по левую — грешники (Бессонов-5, 122 — 124). В духовных стихах указываются разные сроки царствования Антихриста, вместе с его слугами — «ангелами-бесами темными» на Земле: три года, «пол четверта года»:

И в последнее время будет
Антихристово пришествие,
И будет его царства пол четверта года,
И велит Сатана сотворити дела своя,
Повелит своим угодникам,
И тогда наполнится земля беззакония,

Картины из Библии и Апокалипсиса. Картина 36.
Ровинский-3, № 810.

И снидут пророцы Божии,
И учнут христианам глаголати,
Чтобы не веровали антихристову учению,
И обличат зло его ухищрение,
И познают, что Антихрист — сын пагубный.
Тогда приступят бесы темные
И побиют пророков Божиих.
И после убиения пророческа
Загорится повелением Божиим
Вся земля за наше беззаконие.
Тогда же святии радуются радостью,
Угодивши праведнии
И все не приемши печати его,
Антихриста лукавого и нечестивого.
И ведом будет мучитель, связан от ангел
Со всеми демоны, пред судищи Христовы,
И ведомы будут вкупе с ним
Приемши печать его скверную,
И все грешницы и нечестивии связани,
И даст Царь на них осуждение,
Вечным мукам во огни негасимом.
И все иже не приемши печати антихристовы
И скрывшеся в вертепах и в пропастях
Радуются с Женихом, Сыном Божиим
И святыми его апостолы,
И с великими мученики,
И со всеми святыми Божиими.

(Бессонов-5, 143 — 144)

По новгородским поверьям, вся вода перед концом мира очутится во власти Антихриста, а на месте прежних рек и озер будет лежать золото и серебро. Как на Русском Севере, так и в южных губерниях России в конце XIX — начале XX столетия было распространено убеждение, что Антихрист явится, когда «весь мир заворует и Китай забунтует». Китай как убежище и место исхода Антихриста заменил Западную Европу, откуда ранее ждали Антихриста.

Толчком к распространению слухов о скором приходе Антихриста могли послужить видения некоторым избранным людям. В одной из слобод Курской губернии в полночь сторожа стали замечать огонь в церкви. Взглянули в окно и видят: свечи горят перед алтарем, Царские врата растворены, и из алтаря выходят один за другим три петуха: белый, красный и черный; вышли и стали кричать. Прокричали по три раза и ушли в алтарь; свечи потухли, и в церкви стало темно. Схимник одного из монастырей провел ночь в этой церкви; из алтаря к нему вышел старик (сам Бог) и объяснил видение: белый петух означает хороший урожай, красный — кровопролитную войну с Китаем, после которой города и селения будут сожжены, а те из русских, что останутся в живых, умрут от чумы — это возвещает черный петух (Иванов, 134).

«Терские ведомости» (1891) сообщали следующие толки: появлению Антихриста будут предшествовать знамения: земля не даст урожая, города и селения уменьшатся, и перед концом мира останется всего семьдесят семь городов во всем мире. В последние дни останется только семьдесят семь мальчиков, и они будут так слабы, что лишь сообща смогут зарезать одного барана и будут есть его целый день. Перед концом света подымется Китай, и никому несдобровать от этой великой и могучей силы. Предводительствовать ею будет Антихрист, он и теперь уже тайно служит у важного китайского сановника.

О конце света в связи с Китаем или, например, ожиданием кометы в 1899 году часто говорили местные грамотеи, знакомые со Священным писанием и по-своему толковавшие информацию газет и журналов.

АНЧУ́ТКА Антипка беспятый, анчутка беспятый.

Наименование *черта, беса*, производное от *«Антихрист»*; «антип»; название полевого духа, банного черта.

Полевые анчутки имеют вид маленьких женщин и мужчин. Среди них есть овсянники, ленники, конопельники, просонники, рожники, картофельники, дикушники и др. В каждом растении живет свой особый дух, носящий имя того растения, в котором находится (Калужская губ.). Все растительное царство представлялось воплощенным в духах природы. В летнюю пору на нивах обитают житные духи. Когда хлеб поспеет и крестьяне начнут жать или косить его, полевые духи бегут от людей и прячутся в тех последних колосьях, которые еще остаются на корню. С последним снопом такой дух попадает в руки жнеца, поэтому дожиночный сноп украшали и с почетом вносили в дом (Афанасьев-3, 771 — 774). С той же целью — почтить растительного духа — оставляли в поле несколько несрезанных колосьев, в саду — несорванных яблок, в поле — немного картофеля или нескошенной травы, в которых сохранятся рожники, картофельники и прочие полевые анчутки; не исполнившие этого обряда могут потерпеть убытки в урожае (см. *Полевик*).

Банные анчутки, *кикиморы* — духи неопределенного роста, мохнатые, с голыми (то ли лысыми, то ли гладко выбритыми) головами. Пугают стоном, помрачают людей в разуме. Одну девушку выдавали замуж, на девичник баню истопили. Зашли туда девушки, а спустя некоторое время все выскочили из бани нагишом на дорогу и давай безобразничать и беситься: кто пляшет и поет похабщину, кто друг на дружке катается верхом, кто

хрюкает по-меринячьи. Их перехватили, смирили, отпоили парным молоком с медом. Девки неделю хворали, жаловались на головную боль.

Один печник — сорвиголова, смельчак и кутила — решил попариться в бане, про которую все знали, что она — с анчутками. Поддал пару, подержал в пару веник, вытащил — а он весь в сосульках. Мужик голышом домой прибежал; сходили за его рубахой и штанами — они в клочья изорваны. Баню эту забросили. Но и в доме стало твориться неладное — что ни год, то покойник. Как весна наступит, видят: то утром, то в полдень, то вечером по саду бегает здоровенная нагая баба. Бросятся с дубьем ее ловить — она убежит в баню. Ищут, ищут — нет ее нигде. Пришлось и дом, и баню сломать и все перебрать заново, чтобы блазнить перестало (Садовников, № 69-г).

БА́БА-ЯГА́ Ага-гнишна, баба-ига, баба-ляга, баба-лягаба, баба-ога, баба-ягабова, баба-ягиба, баушка ляга, баушка ягишна, бура, дикая баба, егабовна, егибисна, егибинница, егибиха, егибишна, егидична, егишна, securityзализна (железная) баба, огабова, яга, яга-бура, ягабова, ягастая, яга-ягинишна, ягайя-баба, ягайя-бабица, ягицьна-бибицьна, яга-ягишна.

Образ бабы-яги встречается не только в волшебных сказках, но и мифологических рассказах. В сказках заметнее те черты, которые роднят бабу-ягу с духом смерти, в побывальщинах ягой может быть названа *ведьма, колдунья* или нечистый дух — *лешачиха, ржаница, полудница*. Живет в дремучих лесах в тесной кружащейся избушке на птичьих ногах, окруженной забором из человече-

Баба-яга дерется с крокодилом. Ровинский-I, № 37.

ских костей или тыном с воткнутыми на нем черепами. Баба-яга — колдунья может встретиться в любом селе, где она живет обычным домом, имеет детей, ведет хозяйство. Сказочная ягайя-баба — вечная старуха, никогда не была ни девицей, ни молодкой. Кости местами наружу выпирают, сосцы ниже пояса висят. По костяной ноге можно узнать в ней скелет, мертвеца. Одноногость бабы-яги — указание на ее змеиную породу (Лаушкин, 181 — 186). Подобно змею, баба-яга любит сосать белые груди красавиц, сторожит источники живой воды, прячет в своих кладовых мед, золото и серебро.

Баба-яга — пряха, ткет холсты, прядет и гоняется с железным гребнем за своими жертвами. Прядение бабы-яги — знак ее власти над судьбой, дара распознавать будущее. Из ее рук герои волшебной сказки получают клубок — путеводную нить, указывающую верную дорогу к цели.

Во Владимирской губернии говорили: баба-яга (ба́ба-ляга́), костяная нога, морда длинная, зубы точеные, позолоченные, живет с дочерью Маринушкой в лесу, в болоте, в избушке на курьих ножках, в хатке на куриных лапках, в домике на веретенной пятке; в омшаннике; в подполье. Лежит она на высокой кровати, нос в потолок врос, ездит верхом на палке или в ступе: пестом упирается, помелом сзади себя хлещет, чтобы прытче бежать. Сама дурная, большущая, рожа мохнатая, глаза по яйцу, космы распущенные, шелудивая. Одежда сшита из белого полосатого рваного платья или «одежа как на ели кожа», голова обвязана черным сукном или в рогатом повойнике. В пище у нее плавают человечьи пальцы. Детям дает кашу с человечьими соплями (Завойко, 110).

В пословицах обращено внимание на такие атрибуты ведьмы, как одна, железная или костяная, нога, один зуб, особый способ передвижения: «Баба-яга — порота (железна) нога»; «Баба-яга, железна нога, сторожит целющую воду»; «У яги-бабы один зуб, да и тот клык»; «Яга-баба — всем ведьмам на́большая»; «Баба-яга костяная нога, в ступе едет, пестом погоняет (упирает)»; «Нейди в горох, там железна баба сидит!»; «Там баба-яга сидит с большими грудями и сопливым носом!» (когда хотят отучить детей от беганья по огородам и нивам). Именем бабы-яги пользовались, если хотели выбранить старых, сварливых, злых и некрасивых женщин.

Когда ведьма — баба-яга летит над землей в железной ступе, внизу бывает страшная буря, все стонет, скот ревет, бывает мор и падеж. Кто увидит тогда бабу-ягу — онемеет (Афанасьев-3, 588 — 595). По преданиям начала XIX века, баба-яга — старшая над всеми ведьмами — постоянно живет в Киевских горах и вылетает оттуда по случаю чертовых свадеб, устраиваемых нечистой силой во время метелей. Когда летом в жару мелеют реки, нежить страдает от засух и перебирается ближе к Киеву, к бабе-яге. Некоторые утверждали, что баба-яга жила под Трубежем (река близ Рязани), около Переяславля Рязанского, где ей поклонялись (Макаров-1, 81; -2, 17 — 25).

В сказках баба-яга — приветливая людоедка, похищает детей и питается человеческим мясом. У старика со старухой была дочка, а у той дочки крестной — Яга-Ягинишна. Как-то на свои именины пошла девочка к крестной с угощением — пирогом. Приходит к воротам — ворота человеческой ногой заперты, взошла на двор — стоит в кадке кровь, взошла на крыльцо — валяются мертвые ребятишки; сени рукой заперты, на полу —

рука да нога, дверь заперта пальцем. Вышла ей навстречу Яга и спрашивает: «Не видала ли чего дорогой, как ко мне шла?» — «Видела, — отвечает девочка, — ворота ногой заперты». — «Это мой запор, это мой железный». — «Видела: на дворе в кадке кровь». — «Это мое сусло, это мое хорошее». — «Видела: на крыльце ребятишки лежат». — «Это мои поросятишка». — «Сени рукой заперты». — «Это мой запор, это мой золотой». — «Видела в избе мохнатую башку». — «Это мой веник, это мой кудрявый», — сказала Яга-Ягинишна, рассердилась на докучливую крестницу и съела ее. Мальчики (Жихорко, Ивашка, Ваня, Митошка) оказываются сообразительнее и хитростью изжаривают в печи не только бабу-ягу, но и ее дочерей или работниц.

Поскольку баба-яга — старшая над ведьмами и колдунами, она в свой срок берет себе на службу сыновей подчиненных ей чародеев. У одного колдуна-купца сыновей не было, только три дочери. Младшая, самая смелая, пошла служить за отца к бабе-яге, переодевшись мужчиной. Та почувствовала неладное и всячески испытывала девушку, но не сумела вызнать истинный пол нового слуги (Смирнов-1, № 151; -2, № 260).

Подобно лешему или водяному, баба-яга похищает людей, чтобы заставить их работать на себя. Когда ей понадобилась нянька, она украла у старика со старухой девочку Снегурочку и приказала своего ребенка качать. Снегурочка качает и поет:

А баю, баю, баю!
Шелудяк, пестяк!

Рассердилась баба-яга: «Не так, б...дь качаешь, не те слова говоришь, вот как надо:

А баю, баю, баю!
Вот боярский сын!
На ноженьке — сапоженьки,
На рученьке — перстенек!»

Он и уснул. Вышла Снегурочка на завалинку, видит — бычье стадо бежит. Подбежал к ней черный бык: «Что ты, Снегурочка, плачешь?» Пожаловалась девушка, что баба-яга домой не пускает. «Садись на меня, только ж...у соломой заткни». Бычок бежит, земля дрожит, а баба-яга в железной ступе догоняет. Бычок девушке наказывает: «Как будет тебя снимать, ты мне ж...у оттокни, я ее с ног до головы окачу!» Глаза ей залепил и в три шеи проводил. Вернулась Снегурочка к отцу с матерью (Садовников, № 20).

Баба-яга — богатырша, спит с мечом-кладенцом в изголовье и бьется с богатырями. На лубочных картинках она изображена дерущейся со стариком или с крокодилом. Избушка бабы-яги стоит то в лесу, то в чистом поле, а в северных русских сказках царство бабы-яги — глубоко под землей, чтобы туда попасть, нужно просесть под землю, сначала будет темно, потом светло. Сама баба-яга вылетает оттуда через дыру на чертовы свадьбы. В подземной кладовой бабы-яги живота — видимо-невидимо и даже дверь в широкую улицу с богатыми домами. Тот, кто бабу-ягу одолеет, тот все и получит (Ончуков, № 71, 73).

Сказочное представление о благах, сокровищах и знаниях, которыми располагает баба-яга, отразилось в загадках. «Бабой-ягой» названы важнейшие в крестьянском доме и хозяйстве вещи — печь и соха: «Баба-яга, вилами нога, весь мир кормит, сама голодна» (соха); «Стоит яга, во лбу рога» (печной столб с воронцами).

2 Заказ 1077

Баба-яга пляшет со стариком. Ровинский-1, № 39.

БА́ННИК Также: баенная нечисть, баенник, баенный, баенный жихарь, баенный шишок, баенок, баешник, байник, байничек-девятиугольничек, байнушко, банна жихоня, банные анчутки, банные лешие, банный апостол, баянник, баянный, дедушка банный, дядины ребята, жировик, жихарь, забаенник, ман, нечистик баенный, одёрышек, пастен баянный, полубаешник, хозяин баенный, черт, шашко байный, шишига, шишко, шишок. В женском роде: байниха, обдериха (Черепанова, 58 — 59; Подвысоцкий, 3).

Особая порода домовых духов. Поскольку у каждой семьи была своя баня, банник являлся также духом, связанным с конкретной семьей. Рассказы о банниках распространены там, где привыкли мыться в банях. В тех районах, где мылись в печах, о баннике вспоминали мало. В отличие от домового, банник преимущественно злой дух, не делающий добра людям. Живет в бане, за печью или под полком, откуда часто слышен его стон, хохот и вой.

Крестьяне не остаются в бане слишком поздно, потому что банник не любит тех, кто парится по ночам, душит таких смельчаков, особенно тех, кто моется без молитвы. В Смоленской губернии, всходя на полок париться, говорили: «Хрещеный на полок, нехрещеный с полка!», а выходя из бани, оставляли ведро воды и веник для банника, чтобы и он мог попариться (Афанасьев-2, 69 — 70). В Архангельской губернии не ходят в третий пар мыться, оставляя его байнушке, для него специально готовили воду и веники, благодарили при выходе из бани: «Спасибо тебе, байнушко, на парной баенке!» (Подвысоцкий, 3).

Девушка или женщина, посланная, чтобы приготовить баню, шла туда с замиранием сердца. В

банях не вешают образов и с грудным крестом в нее не входят (Харузин, 327). Пар в топящейся бане временно выживает банника, а в нетопленой он живет всегда. Показывается в виде черного человека с длинными волосами (Новгородская губ.). В Калужской губернии байник являлся в полночь в образе гиганта-урода, с грязным веником под мышкой. Мылся не чистой водой, а грязной, стекшей с тел мывшихся перед ним людей. Это вонючий дух: отворишь на следующий день после его мытья дверь в баню — и пахнет псиной, верный признак, что после людей мылся банник.

Тех, кто рискнет помыться в его очередь, банник пугает до полусмерти. Один торговец, поздно вернувшись в субботу домой, решил помыться. Налил в таз воды, влез на полок — а из-под полка вылез огромный страшный черный мужик с глазами с чайные блюдца: спиной уперся в потолок, а плечи, шея и голова повисли вниз. В руках он держал громадный веник. «Ты хочешь попариться?» — спросил банник торговца и наперекрест ударил его веником, так что торговец без памяти упал на пол, здесь и нашли его домашние: без языка, без движения.

В Олонецкой губернии верили, что банник — дух с огненными глазами, взъерошенными волосами, всегда босой, любит сдирать кожу с живых людей и давить их. Здесь его представляли мужичком небольшого роста, всегда находящегося в бане, поджидающего удобного случая задавить пьяного или моющегося в полночь, в четвертую смену (Георгиевский, 60). В Шенкурском уезде считали, что банник — оборотень и может пугать не только в бане, но и поблизости от нее. Пошли девки по ягоды и стали друг дружку шутя банником пугать. Он и явился белой коровой. Девки

Мучение адской баней. «Повесть о некотором немилостивом человеке, любителе века сего». Ровинский-3. № 726.

испугались, побежали, а когда оглянулись, видят — вместо коровы два человека стоят: нагие, волосы косматые — банник с банницей. И все сгинуло. А в соседней бане в это время девка сгорела.

Банник — оборотень, может принять вид кошки, собаки, белого зайца или человека. Подъезжает к избе барин, просит хозяина баньку стопить, а дело к ночи. Хозяин посылает свою жену приготовить баньку, вымыть барина и попарить. Ждут их, ждут — не дождутся. Не утерпел хозяин, заглянул в окошко байны, а там барин сидит на полку и с бабы кожу снимает. Хозяин закричал, побежал за народом. Прибежали: на окошке сто рублей денег, а на полку баба ободрана лежит; барина, кучера и тройки — как не бывало (Перетц, 10).

Видеть или слышать банника — всегда к несчастью. В Пасху крестьяне заметили, что в одной бане открыта дверь, и посреди пола сидит женщина — банник, волосы до полу, моется. В том же году баня сгорела. Или еще: одна молодица топила баню, а муж ее не любил. Вдруг слышит голос банника: «Топи жарчее, пойдет кожа ходчее». Приготовила баню, муж помылся, а крест забыл и послал молодую жену за крестом. Банник снял с нее кожу и насадил на полок, а на голову шайку положил (Богатырев, 58).

В одиночку в банях старались не париться из страха, что черти растерзают, кожу снимут и положат на каменку-печку. Банник боится креста, но его надо снять, перед тем как париться; не полагается также ходить в баню с молитвой. Впрочем, банные черти могут взять человека не всегда, а лишь в злые минуты (Завойко-1917, 35). К бане,

где балуется банник, страшно подойти: все там кто-то словно веником парится, особенно по ночам. Банник поднимает вихрь в бане, заставляет плясать веники (Владимирская губ.), сыплет на моющихся раскаленным песком и может совсем зашпарить, если не убежать умеючи — т. е. задом наперед.

Раз в такой бане, где баловался банник, мылись шесть баб. Одна уронила огромный, в фунт весом, кусок мыла. А пол в бане был чистый, добротный, как в избе. Смотрели, искали — нет мыла. На другой день нашли: лежит кусок посреди бани на самом видном месте, дедушка банный пошутил и отдал (Калужская губ.).

В одной бане может проживать целое семейство банных чертей, причем у хозяйки, баенной чертовки, в услужении про́клятые дети. Одному мужику, зашедшему в баню переночевать, чертовка дала в жены про́клятую девушку, с богатым приданым.

На ночлег банный пускает в том случае, если путник вежливо попросит у него позволения: «Хозяинушко-батюшко! Пусти ночевать!» Такого прохожего банный пастырь охраняет от всякой нечистой силы. Был случай, когда леший хотел однажды затаскать человека в бане, а банный пастырь не позволил: «Нет, нельзя, он у меня просился!» У банного хозяина спрашивают разрешения, когда желают истопить баню: «Банный хозяин, дай мне баню истопить» — так трижды. Входя в баню, отворяют дверь из предбанника и, как только за ручку двери возьмутся, три раза переговаривают: «Банный хозяин, пусти меня в баню попариться!» Уходя из бани, говорят: «Прости меня, пастырь! Оставайся, пастырь!» (Завойко-1917, 39). У банно-

го есть шапка-невидимка, которую он раз в году кладет сушить на каменку. В полночь ее можно взять, если заметишь (Георгиевский, 60).

В крестьянских семьях из-за тесноты в избе и просто по обычаю роды часто происходили в бане. По одним поверьям, банник родильниц не любит, покидать их в бане одних нельзя, особенно опасно оставить в бане молодую мать спящей. Во время сна нечистая сила может подменить младенца чертенком. По другим — он к ним благоволит и пускает пожить три—шесть дней. В Новгородской губернии считали даже, что банник поселяется в бане после того, как в ней побывает роженица (Перетц, 10).

О болезни, неизвестно отчего прикинувшейся, говорили: «из бани вынес». От баенной нечисти, болезни, напущенной обдерихой, лечили только знахари с помощью особых заговоров. Например, такого содержания: «Вставал благословясь и пошел перекрестясь из избы дверьми, со двора воротьми, вышел в чистое поле. Есть в том поле сухая шалга, на той шалге трава не растет и цветы не цветут, и также у раба Божия (имярек) не было бы ни чирея, ни вереда, ни баенной нечисти».

Когда впервые идут мыться в новую баню, для банника, как и для домового, берут хлеб-соль и оставляют на полке в бане, чтобы банник не пугал моющихся и не травил их угаром. Но самое место, где когда-то стояла баня, считается нечистым. Баннища — места поганые и опасные, ни один хозяин не поставит там избу: либо клопы одолеют, либо мыши сгрызут весь домашний скарб, либо баенник передушит домашний скот. Не поможет ни закладка денег по углам избяного сруба, ни муравейник посреди двора.

Как место нечистое, баня использовалась в Святки для гаданий. Собрались на Святки девушки на беседу, а ребята рассердились на них и не пришли. Сделалось скучно, одна девка и говорит подругам: «Пойдемте, девки, слушать к бане, что нам баенник скажет». Пошли. Одна и говорит: «Сунь-ка руку в окно, банник насадит тебе золотых колец на пальцы». Та и сунула. Банник ее за руку схватил и колец насадил, да железных: все пальцы сковал в одно место, так что и разжать их нельзя было. Кое-как выдернула она из окна руку, прибежала в слезах домой, лица на ней нет от боли, руку показывает: «Вот, девушки, смотрите, каких колец банник насажал! Как же я буду жить с такой рукой? И банник-от страшный: весь мохнатый, рука-то у него такая большая и тоже мохнатая. Как насаживал мне кольца, я все ревела. Теперь уж не пойду к баням слушать». Обычно в банях гадали следующим образом: гадающий просовывает в двери бани голую спину, а баенник либо бьет его когтистой лапой — к беде, либо нежно гладит мохнатой и мягкой, словно шелковой, большой ладонью — к счастью (Максимов, 53 — 54).

БЕ́ЗЫМЕНЬ Следь, стень, *тень*.

Призрак-двойник, *привидение* перед *смертью*; *заложный* покойник (дух умершего неестественной смертью, убитого, утонувшего, *самоубийцы*). Во всем похож на человека, но своего лица не имеет и по безличью носит маску того, кем хочет показаться. Увидеть двойника — к смерти: «Увидела я следь свою, знать, к смерти»; «Следь моя, смерть моя!» (от «след» — отпечаток, знак); «Кто свою стень увидит — скоро помрет» (от «ст[illegible]»).

Стень безымянная — призрак, образ человека, вызванный в зеркале во время гадания. «Она жениха своего доныне в глаза сроду не видывала, а стень его в зеркале видела, и говорит, что человека, как глянула, — узнала по стени» (Даль-1, 80; -4, 228, 351). Гадание в зеркале совершается лунными святочными вечерами, лучше — в полночь. В уединенной комнате ставят два зеркала: одно, большое, на столе, против него второе, маленькое. Перед зеркалом ставят свечи, гадающая садится напротив и смотрит в него. В это время в большом зеркале показываются, одно за другим, двенадцать зеркал. Как только зеркала будут наведены, в последнем из них появляется загадываемый предмет (суженый). Хорошенько рассмотрев его лицо и платье, гадающая кричит: «Чур сего места!» — и привидение исчезает. Если не зачураться, привидение сядет за стол и может даже оставить какую-нибудь вещь; впоследствии выяснится, что именно ее когда-то потерял жених (Сахаров, 121).

В заговорах к помощи безыменя обращались колдуны, желая испортить человека. В лесу у осины, обратившись лицом на запад, колдун просил «умерших, убитых, заблудящих, некрещеных и безыменных» встать и повредить такому-то (Мансикка, 9).

БЕ́ЛАЯ БА́БА, *белая девка*

Носительница болезни, близкая *лихорадке*; дух судьбы, образ *смерти*. Чтобы белая баба не вошла в дом и не причинила несчастья, в Вологодской губернии под крыльцом зарывали кобылью голову, вешали косу над воротами или на верхнем косяке дверей, втыкали под матицей можжевеловую ветку, приколачивали к порогу подкову. Здесь рас-

Гаданіе въ зеркало.

Гадание с зеркалом. Иллюстрация-2. № 1. С. 12—13.

сказывали, что белая баба жила у моста через реку Крутец и пугала по ночам людей (Зеленин-Очерки, 113).

Перед кончиной умирающий иногда видел смерть в образе женщины, одетой в белое. Странница в белом — вестница судьбы; по рассказам семидесятых годов XX века, ее видели у дороги, она останавливала машину и просила привезти белой ткани из города, а получив заказ, обещала исполнить любую просьбу, предсказывала, будет ли война (Зиновьев, № 418, 419).

БЕРЕГИ́НЯ, *берегу́ша*. Русалка, фараонка.

Этимологически название «берегиня» сближается с именем Перуна и со старославянским «пръгыня» (холм, поросший лесом), позднее произошло сближение со словом «берег», что повлияло на представление о берегинях как русалках, женских водяных духах. В летописи отмечено, что язычники приносили жертвы упырям и берегиням, но в дохристианское время представления о берегине, очевидно, отличались от сложившегося к XIX веку образа *полуженщины-полурыбы*, красавицы с длинными волосами и чешуйчатым хвостом. Берегини и фараонки — излюбленный мотив русской домовой резьбы; их изображения встречались и на домовой утвари.

БЕС Блазнитель, вельзевул, ворог, вражья сила, *демон*, *дьявол*, змий, игрец, князь тьмы, кромешный, лукавый, луканька, ляхой, *мара*, *морока*, недобрый, недруг, неистовый, неключимая сила, некошный, неладный, нелегкий, ненавистник рода человеческого, не-наш, *нечистая сила*, нечистый, *Сатана*, соблазнитель, царь ада, царь тьмы, черная сила, черный шут, *черт*, шайтан, *шут*.

Название всякой нечистой силы; наименование черта, постоянно обитающего под землей, в аду, и временно — на земле: в болотах, омутах, заброшенных домах и кузницах, мельницах, даже в развалинах древних городов. На берегу реки Камы недалеко от города Казани находилось Бесовское городище, где некогда в храме стоял идол — бес, требовавший пожертвований от всех, кто проходил мимо капища; если кто-нибудь миновал беса не принеся никакой жертвы, дьявол опрокидывал ладьи и топил таких путешественников (Чулков, 67).

Согласно легенде, бесы произошли от ангелов, восставших против Бога и пожелавших устроить свое царство. Бог Саваоф велел добрым ангелам прогнать их с небес. Была война, архангел Михаил метал в непокорных молниеносные стрелы, и, теснимые к краю неба, злые ангелы стали падать вниз. Одни из них со своим начальником *Сатаной* упали в ад, другие — на землю. Павшие в ад назвались бесами, *чертями*, *дьяволами*, павшие на землю стали *лешими*, *водяными*, *домовыми* и прочей *нечистой силой*.

Ад, где обитают бесы, — абсолютно темное и холодное место с огромной огненной рекой и котлами с кипящей смолой, со всевозможными орудиями пыток. Бесы занимаются здесь тем, что наказывают грешников соответственно их поступкам: за воровство вешают за руки и за ноги спиной к огню (ноги ходили красть, руки крали, спина носила); за убийство вешают за ноги головой в огонь (голову сгубил, голова и мучиться будет).

Глава бесов — Сатана — представляется великаном. Он бьет подчиненных ему чертей, обрывает им хвосты, жарит на сковородах, бросает о стены ада, а потому много бесов есть с разными

Мучение в адском колодце. «Повесть о некотором немилостивом человеке, любителе века сего». Ровинский-3, № 726.

увечьями: хромых, слепых, безухих, с укороченными хвостами. Сатана направляет бесов на землю, определяя каждому время для исполнения худого дела. Вернувшись, бес рассказывает о содеянном и либо получает вознаграждение, либо возвращается на землю с еще более трудным заданием. Сатана не учит чертей, у него положено, чтобы они сами до всего доходили. Ни один бес не смеет спросить совета у Сатаны, а если не сумеет справиться с возложенным на него поручением, то советуется с другими бесами, которые слетаются для встречи в какое-нибудь нечистое место в лесу, на болоте.

Бесы имеют тело, более тяжелое, чем светлые ангелы, но тоже невидимое для людей. Рост беса — немного ниже человеческого. У всех бесов есть рога, руки, ноги, крылья, хвост, на руках и ногах большие когти. Хвост можно заметить всегда, какой бы вид ни принимал на себя бес-оборотень. В своем настоящем виде бесы редко показываются людям, поскольку они так безобразны, что, взглянув на них, человек либо умер бы от страха, либо перестал бы грешить, а это бесам совсем не нужно. Поэтому бес старается действовать невидимкой, чтобы человек не ощущал его присутствия (Георгиевский, 53 — 54).

У каждого человека имеется ангел-хранитель, оберегающий его от всякого зла; он невидимо находится по правую сторону человека, радуется добрым поступкам и записывает их в свою книгу; есть и бес, толкающий его на зло, — он всегда по левую сторону. Осторожный человек никогда не плюнет направо, чтобы не осквернить ангела, а только налево, в сторону дьявола.

Война Бога со слугами Сатаны — бесами — никогда не прекращается. Во время грозы Илья

Пророк или Михаил Архангел стремятся молниями испепелить бесов, которые прячутся в домах под видом мелких животных — черных кошек, собак, на человеке — под видом насекомых. Уничтожая беса, молния может поразить и человека. Громоверженец — сраженный молнией — считается угодным Богу, так как бес, прячась на человеке, предпочитает праведных людей. С уважением относились и к Божьему огню — пожару, произошедшему от удара молнии в строение: его можно было тушить только молоком, причем некоторые считали, что от черной коровы.

Бес стремится войти в человека, поселиться в его теле. Опасно пить воду из реки или ручья прямо ртом: невзначай проглотишь беса; редко встретишь такого забывчивого человека, который, зевнувши, не перекрестил бы рта: бес вскочит. Чаще всего этот злой демон проникает в непокрытые и неблагословенные напитки и кушанья. Так, бес входит в непокрытый сосуд с водой, принесенной из реки, такую воду крестят рукой, а часть ее выливают в другой сосуд, после этого она пригодна для питья. Повсеместно распространенная русская легенда повествует, что некий святой подвижник (по преданиям Поволжья — Андрей Блаженный) встретил беса, всего выпачканного, и посоветовал ему обмыться речной водой. Бес ответил: «К реке меня не пускает ангел, а велит идти в ту первую избу, где стоит непокрытая кадка с водой и где она не ограждена крестным знамением. Туда я и иду. Мы все там всегда и обмываемся» (Максимов, 5).

Существует множество запретов, приемов, цель которых — уберечься от беса во время еды. Начиная трапезу, делают ложкой крест на похлебке, при почине каравая хозяин делает крест на его ребре; крест делают на напитке, чтобы из него выскочил бес. Полночь — бесовское время, когда есть вообще нельзя, так как нет возможности оградить пищу от употребления бесом. «В полночь есть — нечистого кормить», — говорили крестьяне. За едой нельзя смеяться, детям, балующимся за столом, говорили: «Полно, неслухи, смеяться! Бес в блюдо насерет!» Напакостит бес незаметно, так что человек, съевший его помет, об этом поначалу знать не будет. Нельзя отказать в угощении страннику, дабы власть над столом не перешла к дьяволу и тогда хлеба в семье будут съедать гораздо больше, чем прежде. От покушений бесов на еду спасает скатерть, без скатерти грех трапезовать: в алтаре престол накрыт, а стол — тот же престол, скатерть стелешь благословясь, вот бесуто на нее уже и не сесть. Вообще бесу легче войти в того человека, который отвык от молитвы или часто поминает его в разговоре, злобен и много бранится, огорчен или охвачен «думой», тяжелой мыслью, который привык есть на ходу; проникает он и с вихрем, воздухом — по навету злых людей (Калужская губ.).

Овладев телом человека, демон лишает его рассудка, мучает сильными болями, заставляет кричать и метаться в исступлении. Одержимых истерическими припадками — бесноватых, *кликуш* — священники и *колдуны* лечили изгнанием бесов. Во время припадка порченые сами определяли число бесов, гложущих их животы, иногда называли имя того колдуна или колдуньи, которые испортили их. Изгоняющий бесов общается, собственно, не с больным, он отдает приказания нечистому духу, сидящему в его теле. Дви-

Бесы поят грешника горящей серой. «Повесть о некотором немилостивом человеке, любителе века сего».

жение беса внутри телесной оболочки направлено к тому месту, куда он вошел. Один священник стал читать молитвы над одержимым, и бес спросил у него: «Где мне выйти?» Священник ответил: «Откуда зашел, там и выходи». Пока священник читал молитву, больной весь опух, постепенно опухоль сошла с лица, с тела, с ног и, наконец, с большого пальца ноги — здесь и зашел бес в одержимого. Поскольку бес боится креста и молитвы, порченых заставляют читать молитвы самостоятельно, привязывают рукописную молитву к нательному кресту, кладут ее под голову во время сна.

Далеко не все колдуны могли изгонять бесов из одержимых, это было под силу только тем из них, кто сам «насадил» бесов в обратившегося за помощью больного или кто был колдуном с рождения, а не выучился этому ремеслу, продав душу бесу. Один такой колдун, обладавший недостаточной силой чар, долго мучил одержимую: плевками и заклинаниями он пытался заставить беса выйти из ее тела, указывая то на глаза, то на руки, то на живот несчастной женщины. Руки пухли, глаза вздувались, живот ходил ходуном, бесноватая страшно кричала, но бес не вышел из нее, напротив, к старому добавился новый. Больная только тогда освободилась от них, когда ее отвели к природному колдуну (по воззрениям терских казаков, родившемуся «с зубами»), тот сначала изгнал большого беса, направив его в реку, а потом маленького (Терские ведомости, 1891).

Колдуны, вступившие в договор с дьяволом, после разного рода церемоний приобретения чародейской силы, получают в услужение бесов и пользуются последними во вред людям, насылая на них болезни, доводя до самоубийства и разоре-

ния. Никаких добрых дел бесы совершать не могут, невольными помощниками они становятся лишь в том случае, если человеку удастся их обмануть, например при отыскании заклятых *кладов*, которые сторожат бесы.

Бесы мучают и колдунов, постоянно требуя себе работы. Чтобы иметь некоторый покой, колдуны посылают их собрать рассеянную по ветру муку, пересчитать иглы на елках, свить веревку из песка и т. д. Пожелав избавиться от бесов, колдуны запирают их в каком-нибудь предмете, обычно отмеченном знаком креста. Один путник дошел до перекрестка дорог, где стоял придорожный деревянный крест, и снял с креста палку — подпираться. Только дотронулся до нее, как увидел трех бесенков. «Что тебе нужно, господин?» — спросили они. Это колдун не мог совладать с бесами, посадил их на палку и бросил на крест, а от креста бесы уйти не могли (Новгородская губ.).

Бесов нет на земле только в светлый день Пасхи, когда они удаляются в преисподнюю, и человек свободен от искушений (Ярославские губ. вед., 1888). Зато на время Святок (с 24 декабря по 6 января) им дана полная воля. Бесы участвуют в святочных гаданиях и ряжении. Парни и девушки в полночь уходили на перекрестки, здесь кружились, обводили себя кругом и читали волшебный отговор:

Эй ты, сатанинская сила!
Скажи мне, что я заслужила?
Если замуж пойду — в колокольчик звени,
А если умру — голосом плачь,
В девках останусь — мимо иди,
В солдаты сдадут — в ружье стрели.

Бесы радуются, когда человек не истово крестится. ИРЛИ, оп. 23, № 258.

Если казалось, что кто-то приближается, кричали: «Чур — полно, чур — полно, чур — полно!»; вышедший из круга становился жертвой бесов, лишался рассудка, языка или жизни. Обычай ходить ряжеными или «кудесами» в Новгородской губернии назывался «ходить бесами». Переодевались: девушки — в мужскую одежду, парни — в женскую, рядили «покойника» и отпевали его, кадя табаком, конским пометом и горячими угольями вместо ладана (см. *Кудеса*).

Ряженье как бесовское действо — в связи с оборотнической природой этого злого духа. Искушая людей, черти-бесы принимают разные личины. К тоскующим по ушедшему на заработки или умершему мужу женщинам бесы летают огненным змеем: рассыплется такой змей над трубой, а в избе обернется милым супругом (см. *Огненный змей*), к пьяному бес напросится в провожатые под видом кума или свата, пригласит в кабачок или в гости, а очнется захмелевший человек у проруби или в колодце (Максимов, 18 — 20, 25).

Слово «бесы» — того же корня, что слово «бояться», в древнеславянских языческих религиозно-мифологических представлениях — злые духи; из языческой терминологии слово попало в христианскую традицию, где было использовано для перевода греческого слова «демоны». В старых церковных поучениях против язычества слово «бесы» продолжало использоваться в первоначальном значении — «злой дух». Следы такого употребления можно обнаружить в заговорах, пословицах и поговорках, в словах, производных от «бес». Бесовщина, бесовство — всякого рода колдовство, неистовство, а также дьявольское наваждение, соблазнительное видение; бесная — падучая болезнь, в происхождении которой повинен бес, вошедший в больного — бесовника или бесовницу. Крик беса — крик филина, который считался вестником несчастья (если филин сядет на крышу дома — к пожару или покойнику): «бес вадивьял в филине» — бес взвыл, дико вскричал филином. Хотя «никто беса не видит, а всяк его ругает», сила беса безгранична: «Силен бес, и горами качает, а людьми что вениками трясет».

С другой стороны, в пословицах и поговорках XIX века с упоминанием беса характеризуются дурные черты человеческой природы, острые, критические ситуации; с бесом сравнивается или его именем называется злой, коварный человек. О ссоре говорили: «Все бесы в воду, да и пузырья вверх». О лукавых, приносящих беду людям: «Не надо и беса, коли ты здеся»; «Дьяволом подложен, бесом опушен»; «Бес беса и хвалит»; «Навели на беса, а бес на болото»; «Попался, как бес в перевес». Свойства беса — льстивость: «мелким бесом рассыпаться»; дурашливость, смешливость, кривляние — «беса тешить» (качать за столом ногами, плясать до упаду); непостоянство, подвижность — «бесогон», т. е. непоседа, беспокойный человек, «бесомыга», «бесомыжница», т. е. гуляка, праздный шатун; «бесово ребро играет» — о впавшем в соблазн.

Пьянство и неподобающее поведение в старости особенно угодны бесу: «Седина в бороду (в голову), а бес в ребро»; «На седину бес падок»; «Старого черта да подпер бес»; «Вина напиться — бесу предаться»; «В пьяном бес волен». Для беса нет большего удовольствия, чем осквернение святого, ошибка праведника, искушение монаха: «Радостен бес, что отпущен инок в лес»; «Как бес под келью подлез».

Преподобный Макарий Египетский и бес в тыквах. Ровинский-3, № 1532.

Спасительными против бесовской силы средствами, помимо креста, являются: ладанка (ее носят на шее, это небольшой мешочек с ватой и ладаном, взятым от какой-нибудь особенно чтимой иконы), молитва «Да воскреснет Бог» и специальные заговоры «от дьявола». Молитва может включать в себя заговорные элементы: «Да воскреснет Господь Бог твой, да расточатся враги твои на море-океане, на острове Кургане, где сам Иисус Христос крестился, на небеса возносился, ангелы Божии ризами укрывали от темной ночи, от грозной тучи, от бури-ветра, от врага-супостата, от зла человека-ненавистника и от напраслинных слов. Чур наше место! Чур наше место! Чур наше место!» (Колчин, 17).

БЛА́ЗНА, *бла́зня* Ман, мана, *морока*.

Наваждение, призрак. Может показаться в любом месте — дома, в лесу, в поле; может вызвать внешне беспричинное движение предметов. Ни одна блазня не обходится без участия нечистых духов, которые помрачают разум человека, заставляя видеть то, чего нет на самом деле. Понимая, что перед ним видение, мираж, человек все же не может отделаться от навязчивого образа, в таком случае говорят: «Блазнит меня нечистый, в другой раз привиделся»; «Тут блазнит по ночам, нечисто»; «Сижу я без огня, вдруг мне что-то побла́знило. Никак вошел кто? Нет, это мне блазнит»; «Мне блазнилось в эту ночь, будто мы горим»; «Ему всё мертвецы блазнятся» («его мертвецы блазнят»).

Блазней называли призрак неопределенного облика, бесшумно появляющийся и исчезающий. Забыли чугун в бане, хозяин пошел за чугуном, а он, недоросток, под ним стоял у каменки (печ-

ки) — вскочил, а не стукнул. От блазней большого вреда нет, кроме испуга, нервного потрясения, недоумения или беспокойства. Две дороги были расположены одна над другой. Прохожий шел по нижней и слышал, как по той, что повыше, идут два путника и разговаривают. Он было обрадовался попутчикам, а вышел на верхнюю дорогу — никого нет, это была блазня.

Блазня — неожиданное движение предметов, иногда вызванное злой волей колдуна. Блазни бывают в домах, где произошла ссора. После того как хозяин дома рассорится с кем-нибудь, блазня начинает кидать на стол палки, кринки, помет и со стола все скидывает.

Блазней может быть клад-оборотень (см. *Клады*). В одном доме на чердаке жил клад. Лишь ночь наступит, начнет говорить: «Валюсь, разобьюсь». Никто не знал, как этот клад выжить. Зашел в тот дом старик-странник; хозяева — три брата — сказали ему, что не знают, как избавиться от блазни. Старик взялся расколдовать дом. Наступила ночь, и опять заблазнило: «Валюсь, разобьюсь», а прохожий и скажи: «Валяйся, растягайся!» Вдруг с потолка валится клад — много золота и серебра, старик полные сумки набрал и карманы (Богатырев, 46 — 48).

БЛУД Манило, водка.

Дух, родственный лешему, заманивает в лес и заставляет блуждать, водит под видом знакомого человека. Говорили: «Манило, он в лес манит»; «Корову водка увел, ищем — нет ее» (Черепанова, 30). Блуд — производное от «блуждать», «блудить», т. е. скитаться, сбившись с дороги. Блудячий огонь — болотные блуждающие огоньки, горят над кладами. Блуждающие, болотные и

светящиеся на могилах огни считали душами усопших, умерших неестественной смертью (см. *Заложные, Мертвецы*). Общеславянское поверье, сходное с германским верованием в способность душ, лишенных небесного царства, блуждать ночью по полям и лугам огненными видениями. Путников, которые принимают их за деревенские огни, они сбивают с дороги, заманивая в топкие болота и чащобы (Афанасьев-3, 197 — 198).

БОЛО́ТНИК Анцибал, багник, болотный леший, болото, болотяник, вировник, кочечный, лозатый, лозник, лозовик, нетеца, оржавинник, царь болотный (Черепанова, 31).

Дух — хозяин болота, родственный лешему и водяному. Болотница — то же, что и болотник, является в образе молодой или старой женщины. В Поморье верили в существование болотной бабы — царицы тундры, живущей в болоте у опушки леса (Цейтлин, 158). Болотник, как и леший, обходит и заводит в свои топи путников. В царстве болотника множество чертей, но подчиняются ли они ему, об этом не говорится ни в пословицах, ни в побывальщинах: «Было бы болото, а черти будут»; «В болоте не без черта»; «В тихом болоте черти водятся»; «Всякому черту вольно в своем болоте бродить».

БОРОВИ́К То же, что *леший*.

Дух бора, рощи. По владимирским поверьям, имеет вид громадного медведя, но без хвоста, чем и отличается от настоящего зверя. Питается животными, хотя иногда заедает и людей. Подобно лешему, пугает, щекочет путников, заводит их в непроходимые места. По-вологодски боровики — маленькие старички, вершка в два, заведуют гри-

бами, груздями, рыжиками и живут под ними. В Олонецкой губернии боровики, как моховики и лесовые, считались подчиненными лесного царя, управителя леса (Харузин, 308). Во Владимирской губернии, когда хотели увидеть борового, чтобы договориться с ним о благополучном выпасе скота, о том, чтобы он вернул пропавшее в лесу существо (человека или скотину), излечил от вынесенной из бора болезни, — брали в лес кошку и начинали ее душить. Боровик, заслышав кошачье мяуканье, выходил к вызывающему и вступал с ним в переговоры.

БУ́КА Букан, буканай, буканко, букарица, букарка, букач, букусетка, букушка.

Наименование демона, не имеющего определенного облика; в разных местностях соответствует *лешему, домовому, овиннику* и прочим духам. В XIX — XX веках главным предназначением буки стало устрашение малых детей: «Не ходи — бука съест», «Спи, не то бука возьмет» и т. д. Отсюда — бранное букан, буконя (о нелюдимом человеке), глядеть букой — об угрюмом, недоверчивом взгляде. Помимо этого, наиболее распространенного словоупотребления, букой называли: 1. Лешего. «Отец болел, сон видел. Пошел он в лес. Вдруг как закричит по лесу: „Ягод-то надо? Красненькие, беленькие". Бука и был». 2. Домового-дворового, живущего в подполье, на конюшне, в бане. 3. Привидение, пугающее в пустых строениях, монастырях (Черепанова, 115 — 117). 4. Овинника. Буко́нька в овине живет, весь в белом. В саване, накинутом на голову, вроде покойника в смертной одежде. Живет также и в голбце, мохнатый (Завойко-1917, 39). Происхождение образа этого духа остается невыясненным. Разнообразие функций, близость домовому, неясность облика и привычка хватать людей, унося их неведомо куда, роднят русского буку с одним из духов фольклора кельтских наречий. Pиса — оборотень, способный принять вид любого животного или чудовища, соединяющего признаки разных зверей в одном фантастическом образе. Он так же может, как домовой, выполнять за хозяина незавершенную работу; подобно лешему, хватает ночных прохожих и носит их на своей спине до первых петухов, а затем сбрасывает в омут (Maria Leach ed., Dictionary of Folklore Mythology and Legend, vol. 1, 1949. P. 202).

ВАМПИ́Р Живой мертвец. См. *Мертвецы*, *Упырь*.

Нечистая сила по смерти колдуна овладевала его телом, оживший таким образом труп отсасывал по ночам кровь спящих людей, обернувшись летучей мышью, кошкой или другим зверьком. Вампир должен вернуться в могилу с криком первого петуха. Помимо колдунов, вампирами могли стать люди, умершие неестественной смертью: самоубийцы, утопленники, укушенные вампирами, а также убийцы, преступники. Не прожив полностью свой век, они питались человеческой кровью. Тела их в могилах не разлагались, на щеках играл румянец. Вампира, нечистого покойника, навсегда обездвиживали, раскрыв его могилу и вбив между лопатками осиновый кол, при этом труп перево-

рачивали вниз лицом. Реже — отрубали голову, подрезали жилы. Если ночные вылазки вампиров все же продолжались, то труп сжигали, а пепел бросали в воду. Оберегами от вампиров считались лук, чеснок, железо, колокольный звон.

ВАСИЛИ́СК

Царь змей, *огненный змей*, все убивающий своим взглядом и дыханием. Рождается из яйца, снесенного черным семигодовалым петухом и зарытого в горячий навоз. Представляется с короной (петушиным гребнем) на голове. Из опасения, что петух снесет яйцо, из которого выведется василиск, черных петухов больше семи лет в доме не держат. Впрочем, говорят также, что не каждый семигодовалый петух может снести такое яйцо, а лишь один какой-нибудь раз в сто лет. Хозяином василиска может стать колдун, который возьмет такое петушиное яйцо и проносит его шесть недель под мышкой. Рожденный таким образом змей выполняет все приказания колдуна (Афанасьев-1, 532 — 533; Материалы, 198). По сведениям В. И. Даля, петушиным считалось в народе яйцо необычной формы: маленькое, круглое, снесенное курицей, когда она перестает нестись. Если девушка проносит его шесть недель под мышкой, то из него вылупится василиск, который во всем будет слушаться свою хозяйку: приносить ей золото, мстить за нее тем, на кого она в обиде, сообщать ей разные тайны. Василиск — *оборотень* и может невидимо жить в своем хозяине — колдуне или колдунье (Даль-1880, 126 — 127). Рассказы и предания о василиске мало распространены у русских, которым он стал известен в основном благодаря азбуковникам, заимствовавшим образ василиска у византийских «физиологов».

ВЕ́ДЬМА Бесиха, бесовка, ведунья, вещунья, вещица (в мужском роде: ведьмак, ведун, вещун). См. *Колдуны и колдуньи*.

Особая категория людей, состоящих в родстве или договоре с нечистой силой, которая наделяет их сверхъестественными способностями и выполняет разные поручения. Ведьмы понимают язык животных и птиц, умеют отыскать нужные в колдовстве и лечении болезней растения, знают рецепты приготовления магических зелий, средства к оборотничеству, летают по воздуху, могут стать невидимками. Свои чары используют во вред людям, насылая на них порчу, болезни; по ночам, обернувшись свиньей, кошкой, собакой или другим зверем, проникают в чужие дворы и выдаивают коров, устраивают в полях прожины и заломы, причиняющие страшные беды хозяевам полей.

Заломы устраивались ведьмами в полях, засеянных рожью, овсом, ячменем. Кто сожнет залом — иссохнет и умрет, кто съест хлеб, в котором будет содержаться мука из зерен колосьев залома, — умрет, пустит солому на подстилку — скот околеет. Заломы делали только ведьмы, мужчины-колдуны не могли. Ведьма выходила на залом в одной рубахе без пояса около полуночи, приступая к залому, сбрасывала и рубаху. Если кто-нибудь увидит ведьму идущей на залом, колдовство не выйдет, возвращающейся с поля — умрет тот, кого она встретит. Избавиться от смерти можно было только убив ведьму. В одной новгородской деревне ведьму за устройство залома казнили так: ее руки и ноги притянули к спине наподобие залома и задушили. Залом выглядел следующим образом: хлебные колосья, растущие в круге диаметром 30 — 35 см, спутаны, их стебли надломлены и согнуты к центру круга, в середине

которого оставлено десятка два несломанных колосьев.

Повсеместно было распространено убеждение, что ведьмы — виновницы засух и гибели урожаев; они крадут дождевые тучи или отмахивают их своим передником; могут украсть росу, устроить ночью кромешную тьму, спрятав месяц за облаками. Ведьма — воплощение греха, все ее злодеяния подробно изложены в духовном стихе о расставании с телом души великой грешницы:

В полюшках душа много хаживала,
Не по-праведну землю разделивала:
Я межку через межу перекладывала
С чужой нивы земли украдывала,
В соломах я заломы заламывала,
Со всякого хлеба спор отнимывала, —
В этих во грехах Богу не каялась.
Еще душа Богу согрешила:
Из коровушек молоки я выкликивала,
Во сырое коренье я выдаивала;
Смалешеньку дитя своего проклинывала,
Во белых во грудях его я засыпывала,
Во утробы младенца запорчивала, —
В этих во грехах Богу не каялась.
Еще душа Богу согрешила:
Мужа с женой поразваживала,
Золотые венцы поразлучивала;
По улицам душа много хаживала,
По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу: слышала,
Хоть не видела, скажу: видела;
По свадьбам душа много хаживала,
Свадьбы зверьями оборачивала;
По игрищам душа много хаживала,
Под всякие игры много плясывала, —
В этих во грехах Богу не каялась.
Напилася душа зеленого вина,
От зеленого вина душа пьяна была,
Померла эта душа без покаянья,
Без того ли без попа, без духовного
Провалилася душа в преисподний ад.

(Летописи, 154)

3 Заказ 1077

Лицевое изображение сто третьего псалма Давидова. Ровинский-3. № 1019.

Перед смертью ведьмы испытывают страшные муки, в конвульсиях и судорогах они пытаются передать кому-нибудь свои чары, и горе человеку, который возьмет из рук умирающей ведьмы любую вещь, — вместе с предметом она передаст свой страшный дар. После смерти душа ведьмы отправляется в ад, а ее тело попадает в полное распоряжение нечистой силы, которая как бы входит в оболочку ее трупа. Мертвая ведьма едва ли не опаснее живой: по ночам она насмерть заедает людей или сосет человеческую кровь. Ее любимая кровь — детская, реже — кровь стариков, она отсасывает ее из ушей. Худые, изможденные люди часто сами верили, что по ночам их кровь сосут ведьмы: это может быть, например, кровь старика, которую высасывает увлекавшаяся им в молодости женщина (Терские ведомости, 1891).

После смерти ведьмы мстят тем, кто их обидел при жизни. Один поп отказался исповедать ведьму, так как она не раскаялась. Ведьма умерла, ее гроб поставили в церкви. Обернувшись пономарем, мертвая ведьма пошла к попу звать его служить заутреню. Поп пришел в церковь, и она заела его до смерти. На следующий день ее похоронили как ведьму, подрезав ей жилы, а через три дня сожгли и пепел спустили в реку (Новгородская губ., Белозерский уезд, вторая половина XIX в.). На реке Пинеге рассказывали про одного киевского попа, который заметил, что из окошка дома вдовы часто вылетали две сороки. Он понял, что это ведьмы, зашел в избу и видит: сидят две женщины и едят зажаренного младенца. Одна родила, и они его погубили. Вскоре ведьма, у которой был ребенок, умерла: к ней позвали перед смертью попа, она покаялась в своем прошлом

грехе. Гроб с телом отнесли в церковь. Ночью поп слышит — колокола ударили, пошел посмотреть, что случилось. В церкви ведьма набросилась на него и выгрызла нос, уши, заела бы и насмерть, если бы поп не взмолился соловецким угодникам, — тут она па́ла. С тех пор киевского попа, постоянно закрывавшего лицо шелковой сеткой, часто видели в Соловецком монастыре.

Враждебное отношение к ведьмам сочеталось с суеверным страхом перед ними. Возможно, в языческую пору они пользовались бо́льшим почетом и уважением, слова «ведун», «ведьма», «ве́щица» происходят от корня «вед», «вещ» и означают вещих людей, наделенных даром предвидения и пророчества, колдовства и врачевания. Областные говоры и летописи предлагают несколько синонимов для обозначения ведьмы и ведуна, называя их чародеями, кудесниками, вещими женками, чарбвницами, бабами-кудесницами, волхитками, волхатками, — все эти имена напоминают о ниспосланных свыше жреческих дарованиях. Но, будучи хранителями языческих традиций, ведьмы и ведуны в средние века, с распространением христианства, оказались на службе у нечистой силы, стали посредниками между людьми и демонами.

Вера в то, что от них зависит изобилие земли, плодовитость скота и здоровье людей, приводила к гибели многих ведьм. На них указывали как на виновниц голода, эпидемий, стихийных бедствий. По указанию волхвов в 1024 году в Суздале народ растерзал ведунов, которые держали «гобино» (обилие, достаток). В 1071 году два волхва из Ярославля шли по Волге и по погостам называли имена лучших жен из богатых семей, которые держали рыбу, мед, жито, так что ни рыбакам не было улова, ни охотникам — дичи, ни в по-

лях — урожая. Родные и близкие обвиненных в колдовстве женщин сами выдавали сестер и жен на суд толпы.

Православная церковь, не поощряя, разумеется, колдовства, в то же время осуждала расправы над ведьмами. В XIII веке Серапион, епископ Владимирский, порицал суеверных, сжигавших или топивших ведьм в случае засух и неурожаев. Он писал, что на смерть можно осудить человека только имея веские доказательства его вины, достоверные показания очевидцев — «послухов»: «Вы же воду послухом поставите и глаголете: аще утопати начнет — неповинна есть, аще ли поплывет — волковь есть». Обычай проверки заподозренных в колдовстве ведьм водою сохранялся вплоть до XIX века. Во время засух предполагаемым ведьмам скручивали руки веревками, привязывали им на шею тяжелые камни и бросали в глубокие омуты. Неповинные в чародействе тотчас погружались на дно, а ведьмы плавали по воде вместе с камнем, вода их не принимала. Первых вытаскивали и отпускали на свободу, вторых забивали насмерть и топили силой (Афанасьев-3, 427 — 511). При коллективной расправе над ведьмами убийц невозможно было отыскать, и дело обычно устраивали так, что убитая как бы погибала от несчастного случая.

Как и колдуны, ведьмы бывают «природные» и «ученые». Первые родились от ведьм или от женщин, имевших связь с чертом. Некоторые думают, что ведьмы и ведьмаки могут родиться и у обычных женщин, но в определенном колене, например ведьма рождается «от двенадцати девок одного поколения тринадцатыми», или если в семье родилось девять девочек, то десятая будет ведьмой,

отличительная особенность которой — хвостик. У молодых ведьм он не больше вершка, а к сорока — пятидесяти годам достигает длины в пять вершков. Хвост этот не пропадает ни при каких превращениях и немного загнут, как у болонской собачки. Говорят, что природные ведьмы добрее ученых. Ученые ведьмы переняли чары у ведьм или вступили в сговор с нечистой силой самостоятельно. Кто хочет стать ведьмой, должен отказаться от отца и матери и от всего рода до двенадцатого колена; отрекаясь, надо стоять на иконе, положенной ликом вниз, на перекрестке или где-нибудь в другом месте, где много чертей. После слов отречения будущая ведьма или колдун увидят чудовищных размеров собаку (лягушку) с разинутой пастью, в которую необходимо влезть. Не выдержавшая этого последнего испытания ведьма если и вернется домой, то иссохнет и умрет.

Иногда учеными ведьмами становятся невольно. Над одним оврагом под Курском стояла ветхая избушка, в ней долго жила ученая ведьма, некогда обычная женщина, случайно где-то в лесу подобравшая кота. Кот оказался чертом, старуха стала его кормить и поить вместе с собою, а он научил ее колдовству. Но под конец черт измучил старуху, она сделалась бешеная и злая, как зверь. Очевидцы так описывали ее смерть: раз она соскочила с кровати и растянулась посреди избы, потом полезла под печку и оттуда брехала по-собачьи, мяукала, а под утро вылезла из-под печи и легла на пол. Тотчас же на ее груди собралось несметное число змей и ящериц, одни лезли в рот, другие в уши, а старуха только мотала головой и поминутно высовывала язык. Когда она перестала дышать, народ собрался на сход и решено

было сжечь старухину избу. Страшный шум и крик, собачий лай и человеческие голоса слышались во время пожара, после которого на том месте, где стояла избушка, образовалась глубокая яма со множеством ядовитых змей на дне ее (Колчин, 42 — 43, 35 — 36).

Ученые ведьмы считались женами чертей, если у них бывают дети, то они принадлежат черту. Но чаще всего ведьмы бездетны. Их обучение «словам», колдовству и оборотничеству происходит в Иванов день (Богатырев, 60 — 61).

Сведения о ведьмаках очень противоречивы: ведьмак — природный колдун, рожденный от связи женщины с чертом (Орловская губ.); в южных областях России ведьмак — надзиратель за ведьмами во время их оргий в банях и чуланах; это либо колдун, либо упырь-кровосос, живой труп, который ходит после смерти морить людей. Но было и другое мнение, что ведьмак, напротив, мешает делать зло ведьмам, дерется с мертвецами-упырями на могилах (Максимов, 136).

Есть несколько способов распознать ведьму. Ее хорошо чуют собаки и кошки-первыши, т. е. первенцы, они вообще сразу узнают нечистую силу: ведьма не скроется от них даже под видом свиньи или сороки. Но таких щенят и котят трудно вырастить, так как колдуны стараются как можно скорее их погубить. Первышей иногда прячут под бороны на ночь: борона вся состоит из «крестов», которых нечистая сила боится. Можно узнать ведьмин дом по дыму: он идет из трубы против ветра (Потанин, 190). Ведьм и колдунов узнают по особому взгляду — с огненными струйками в зрачках; по тени — их две у тех, кто знается с нечистой силой.

Труднее распознать ведьму, когда она обернется сорокой, собакой, свиньей, черной кошкой или курой, наконец, просто клубком, подкатывающимся под ноги. Свой облик ведьма меняет, перескакивая через рябину, нож (12 ножей) или пень с воткнутыми в него ножами. У ведьмы можно навсегда отбить охоту к оборотничеству, если умеючи ударить ее наотмашь (не больше одного раза) липовой палкой, с которой снята кора, или просто кулаком, но обязательно до крови. Один солдат рассказывал: «Мы пойдем на караул, а ведьма сядет на спину — и носи ее. Спугнули палкой с дыркой, так что глаз вышибли. А она: „Мне глазу не жалко, а слова-то не пристанут, не оборотиться мне больше"» (Богатырев, 60 — 61). Обычно после расправы с оборотившейся ведьмой на следующий день в селе находят избитую или раненную в то место, куда пришелся удар по оборотню, ведьму-женщину.

Для ночных полетов ведьме нужно специальное зелье, которое она варит, используя нож, шалфей, руту, шкуру, кровь и когти черной кошки, убитой на перекрестке, траву тирлич. Мазью натирали все тело или только мазали под мышками. По старинному поверью, у ведьм хранится вода, вскипяченная вместе с пеплом купальского костра: обрызгав себя этой водой, она тотчас поднимается в воздух и мчится, куда вздумает (Афанасьев-3, 458).

Распустив волосы, с лицом, вымазанным сажей, в одной белой рубахе верхом на помеле, венике или ухвате ведьма вылетает через трубу либо на Лысую гору или в другое место для встречи с нечистой силой, либо на бесовскую свадьбу, либо портить людей и выдаивать коров, оборачивать мужчин и женщин в диких зверей.

Ведьма. Картинка из лубочной книги XIX в.

Охотники не раз, сняв шкуру с убитой волчицы или медведицы, находили под нею не звериную тушу, а бабу в сарафане.

Главная ведьма (по некоторым поверьям — *баба-яга*) живет на Лысой горе близ Киева. Путников, направляющихся в Киев, ведьмы сопровождают в образах птиц и зверей. Мимо стоявших лагерем в двух верстах от Киева солдат ведьмы ходили каждую ночь: первую линию бегут кошкой, вторую — собакой, третью — свиньей (Соколовы, 296). Ведьмы приставали к идущим в Киев богомольцам, но проседали сквозь землю на подходе к монастырю (Садовников, № 73). У ведьм под Киевом еженедельно в полночь устраиваются шабаши. Вообще-то Лысых гор на Руси много, и, если какую-нибудь из них облюбует нечистая сила, человек там не скоро поселится. В незапамятные времена на большой московской дороге селение Лысые горы часто кувыркалось кубарем и навсегда бы провалилось под землю, если бы не молитвы праведников, заклинаниями превращавших ведьм в сорок и заставлявших их разлетаться (Макаров-2, 111).

Бесовские потехи, на которые слетаются ведьмы со всех сторон ради любви с демонами и совета, как ловчее портить людей, отличались особым разгулом трижды в году: зимой, на Коляду; весной, на Благовещенье (25 марта) и в Юрьев день (23 апреля); и в ночь Ивана Купалы. В эти праздники крестьяне оберегали своих лошадей, чтобы ведьмы и нечистые духи не захватили их и не измучили в быстром полете. Полеты совершались в темные, грозовые, бурные ночи, известные в народе под именем «воробьиных» (Афанасьев-3, 470). Согласно народному дневнику И. П. Сахарова, зимние потехи ведьм начинаются

26 декабря, к 3 января они возвращаются и задаивают коров и до 18 января лежат без памяти от излишеств шабаша. К 18 января, к афанасьевским морозам, приурочивается изгнание ведьм, ослабленных ночными оргиями. В тех домах, где по соседству завелась ведьма, знахарь в полночь заговаривает трубу — забивает клинья под князек, сыплет золу из семи печек по загнетке и несет к западной изгороди двора, так как известно, что ведьмы летят на юг, а возвращаются на запад (Сахаров, 235). На Лысой горе ведьмы также справляют масленицу — в первую неделю поста или накануне Воскресения Христова.

Ведьмы, обитавшие среди терских казаков, натеревшись мазью, летали на метлах и кочергах на гору Бештау, где под предводительством самой старой чертовки готовили себе еду и устраивали пир. По воздуху летает не сама ведьма, так считали в казачестве, а ее дух, который может принимать причудливые очертания: от бесформенной белой массы до облака в виде человека в белой одежде, постоянно менявшего размеры. Распространенным повсеместно было убеждение, что дух ведьмы может оседлать спящего человека, извлечь из него душу и использовать в качестве коня; к утру такой человек ничего не помнит, но чувствует себя совершенно разбитым (Афанасьев-3, 520).

Ведьмы питаются коровьим молоком, смешанным с человеческой кровью. Доят коров, когда стадо вечером возвращается с поля или ночью, до прихода в хлев хозяйки. Видеть, как ведьмы доят коров или пьют его, могут колдуны или те, кому колдуны покажут. Один казак не верил, что ведьмы пьют кровь с молоком. «Как врут? — возразил колдун. — Хочешь, покажу тебе дерево, куда

они собирают кровь и молоко, — около этого дерева ведьмы постоянно вертятся». Колдун подошел к стоящему в стороне от других, на возвышенности, дереву, сделал какие-то жесты, произнес несколько непонятных слов, ударил кинжалом по дереву, и казак увидел, что из порубка брызнула густая масса рыжеватого цвета; десятки ведьм закружились около него, с жадностью подхватывая падающие брызги (Терские ведомости, 1891).

Очевидно, меньше всего ведьм в Москве, так как там, кажется, совсем нет сорок — излюбленного ведьмовского обличья. «По этому поводу ходит много разных преданий: говорят, что сорока выдала боярина Кучку, убитого в лесу на том месте, где теперь Москва, и что сорока за это проклята была умирающим; другие рассказывают, что митрополит св. Алексий запретил сорокам летать на Москву потому именно, что под видом сорок залетали туда ведьмы; и наконец, есть предание, будто они прокляты за то, что у одного благочестивого мужа унесли с окна последний кусок сыра, которым он питался» (Даль-1880, 63 — 64).

Севернорусские и южнорусские ведьмы разнятся примерно так же, как северные и южные русалки. Севернорусская ведьма — безобразная старуха, иногда толстая, как кадушка, с растрепанными седыми космами, костлявыми руками и синим носом. Южнорусская ведьма может быть молодой и привлекательной, хотя ее молодость, и красота порой только личина: старуха лет непамятных, ведьма лишь оборачивается красавицей, когда кого-нибудь полюбит и летает к своему избраннику огненным змеем. Красноватые пятна на коже, неизвестно отчего появившиеся, могут быть ожогом от искры огненного змея, такие пятна не исчезают до самой смерти.

Любимцы ведьм становились счастливыми и богатыми, но их счастье не было прочным: быть любовником ведьмы — «купиться на погибель», так как она часто меняет свои привязанности. Одного переславль-залесского подьячего ведьма озолотила, обогатила всячески; он вдруг стал секретарем, земским заседателем, исправником. Но как-то приревновал милую и от обиды женился на богатой купеческой дочке. Ведьма утопила обоих и отправила подьячего служить где-то домовым (Макаров-2, 103 — 111).

Девки-ведьмы, если парень на них не женится, умирают и стараются утащить на тот свет милого, договорившись с ним перед смертью, что он будет три ночи читать у ее гроба псалтырь. Одному парню, отправившемуся читать псалтырь по покойнице-ведьме, встретился странник, который указал ему места, где можно спрятаться от ведьмы, чтобы она ночью не съела. Так прошло две ночи, на третью в избу, где лежал гроб, слетелось множество ведьм, и одна из них, впорхнувшая сорокой, увидела парня. Ведьмы разорвали бы его, но ангел-хранитель несчастного запел по-петушиному и распугал ведьм (Колчин, 40 — 41).

Во второй половине XIX века ведьмами считали знахарок и ворожеек. «В старину ведьм много водилось, — говорили крестьяне, — теперешняя ведьма чаще всего сводня», ее ведовство применялось в бабьем царстве для улаживания любовных дел. Загляделся муж на чужую бабу, жена просит совета, и ведьма рекомендует: «Посматривай на дворе, где петухи дерутся, на том месте возьми земельки и посыпь ее на постель своей разлучницы, станет она с твоим мужем вздорить, и он опять полюбит законную жену». Богатый купец

обманул девушку, ведьма советует: «Ты только принеси мне лоскут от его рубахи, я отдам церковному сторожу, чтобы он, как станет звонить, навязал на веревку этот клок, тогда купец от тоски не будет знать куда деться и сам к тебе придет». Всякому обещанию ведьмы верят и всякое приказание исполняют: подкладывают молодым ребятам голик под сани, чтобы в этом году не женился, сжигают волосы, чтобы парень целый год ходил как потерянный, пачкают ему шубу бараньей кровью, тогда его и вовсе никто любить не будет. Для присухи девиц ведьмы советуют вынашивать под левой мышкой в течение нескольких дней баранки, пряники и яблоки, прежде снабженные заговорами, в которых и заключена главнейшая, тайно действующая сила. Умелые, знающие ведьмы заговорные слова не болтают на ветер, а закладывают их в наговоренные вещи, только такие слова будут «печатать» чужое сердце и запирать его на «замок» (Максимов, 143 — 146).

ВЕСНУ́ХА

Один из духов болезни — *лихорадки* (см.) (вар.: чахотки), перемежающегося типа. Олонецкое: «Ни веснухи не вышло» — то же, что «Ни черта не удалось» (Куликовский).

ВЕ́ТЕР

Существует множество обозначений ветров, указывающих их силу и направления. Си́льный ветер: ураган, варга́н, бора́ (кавказское), шторм, буря; голомяни́стый, шквалистый, вихрь, заверть и др. В устьях рек различали два главных вида ветров: морской, моря́на, наго́н, низовой и береговой, матеро́й, горы́ч, сухме́нь, сгон, вы́гон, верхово́й. По направлению ветры различались: 1. Северные: си́вер, север (Белое море), продольный, сто́лбище (Онега), северяк (на Ильмене), гора (на Байкале), полночь (на Дунае), белозер (в Вологодском крае). 2. Южные: лето, летний, летник (на Белом море), русский ветер, с Руси (Архангельский край), ребровский (Онега), полу́ден (Селигер), полуде́нник (Псковское озеро и Байкал), полуденка (Дунай), хилок или сладимый (Волга). 3. Восточные: вслок (Белое море, Селигер, Онега, Байкал), зимняк (Ильмень), тепли́к (Псковское озеро), обаза́ (Дунай). 4. Западные: русский ветер, с Руси (Сибирь), запад (Белое море, Селигер, Псковское озеро), средний (Онега), мокря́к (Ильмень), култук (Байкал). 5. Северо-восточные: полу́ночник, заморо́зник, рекостав (Белое море), подсе́веряк (Ильмень), межни́к (Селигер), сточе́й (Псковское озеро), моряна, луговой (Волга), баргузин (Байкал). 6. Юго-восточные: обедник (Белое море), галицкие ерши (Онега), зимня́к (Селигер), вешня́к (Волга), шело́ник (Байкал). 7. Северо-западные: глубни́к, голоме́нник (Белое море), крестовый запад (Селигер), горы́ч, горы́ня (Байкал). 8. Юго-западные: шалоник (Белое море, Онега, Ильмень), па́ужник (Мезень), мокри́к (Селигер, Псковское озеро), горы́ч, гнилой, нагорный (Волга), глубни́к (Байкал), кара́сль (Дунай).

О благоприятных ветрах говорили, что это — «ангелы Господни» (Богатырев, 65), что дуновение ветерка — дыхание Бога. Рыбаки Астраханского края называли погожий ветер «воздухом» и, садясь в ладью, просили: «Святой воздух, помоги нам!» Ветер, воздух здесь то же, что дух, сверхъестественная сила (Афанасьев-1, 310, 418). Теплый, благодатный ветер производит ангел, дующий в трубу (Вологодская губ.). Такой ветер слу-

жит людям, это доброе существо, живущее в горах или лесах и оттуда совершающее свои прогулки.

Вихри, буйные ветры — злые демоны, духи, по воле Бога прикованные к скалам. Иногда они рвут цепи и вымещают свою злобу на людях, срывая крыши с домов и переворачивая лодки. Они буйствуют до тех пор, пока ангелы не схватят их и не посадят снова на цепь. В Апокалипсисе говорится об ангеле водном и об ангелах, стоящих на четырех углах земли и держащих четыре земных ветра, чтобы ни один из них не дул ни на землю, ни на море, ни на какое-либо дерево (Рязановский, 108). На русских лубочных картинках ветер и «дух бурен», приносящий снег и град, изображены в виде окрыленных человеческих голов, дующих из облаков (например, на картинке к сказке о мужике, у которого ветер развеял муку).

По новгородским рассказам, на противоположных концах земли — северном и южном — живут два седых старика, они дуют по очереди и производят ветер. Северный ветер прокладывает себе дорогу к югу, замораживая реки, озера и болота, а когда путь станет достаточно прочным, старик идет по нему, постукивая дубинкой, пока не дойдет до владений южного старика. Тот посылает своего слугу — южный ветер — гнать непро́шеного гостя вон, до границ вечных снегов. Поединок северного ветра с южным нескончаем, он повторяется каждый год. В Вологодском крае рассказывали о двенадцати ветрах (варганах), прикованных к скале на острове посреди океана; о Касьяне немилостивом, который держит ветры на двенадцати цепях, и в его власти спустить их на народы и скот, тогда начнутся поветрия —

эпидемии. На людей Касьян зол потому, что его празднуют один раз в четыре года, 29 февраля, только в високосные годы, которые считаются тяжелыми: падеж скота, неурожаи, повальные болезни, раздоры обычны для них. Образ Касьяна — стражника поветрий, насылающих болезни, произошел, вероятно, от распространенного представления о Касьяне — стражнике ада, которого Господь отпускает на отдых раз в четыре года (Калинский, 369).

В злых ветрах — Буре, Метели и Вьюге — жители Тамбовской губернии видели трех сестер, у которых есть старший брат — Вихрь. На них катаются черти во время чертовых свадеб, они носят ведьм в хлевы выдаивать чужих коров, они заметают следы нечистой силы от Ильи Пророка, когда он в грозу избивает молниями нечистое воинство. Живут среди скал на острове Буяне и вылетают оттуда по очереди (Звонков, 75 — 76). В Калужской губернии говорили, что ветер — леший с крыльями, если разыграется и начнет кружиться — производит вихрь; бросишь в вихревой клуб нож или острое шило — и увидишь лешего, которого можно таким образом поранить. Но лучше держаться подальше от вихревых столбов, чтобы не получить неожиданной болезни или не стать кликушей.

Главных ветров — четыре, они сидят по углам края света, прикованные цепями, и обычно дуют слегка; от сильного дуновения ветров происходят буреломы; сильный ветер показывается самоваром-тучей, по которой сходят на землю из воздуха шуты — нечистая сила — и под видом знакомых уводят путников в лесные чащобы. Ветры-оборотни могут также обращаться в птиц, лошадей, коз и т. д. (Колчин, 15 — 16).

Есть ведьмы и колдуны, которые умеют управлять ветрами. Чаще всего ветры — нечистую силу — колдуны насылают по просьбе богачей на рожь, овес, ячмень с целью, чтобы в той местности, куда посланы ветры, не было урожая: пострадавшие от бесхлебицы будут покупать хлеб у зажиточных крестьян по высоким ценам.

Согласно олонецким поверьям, ветры — духи, от которых зависела удача рыбаков. Человеческий облик принимают суровые ветры, прежде всего северик. На Водлозере лов идет хорошо в тихую погоду, а северик подует — «из котла рыбку повынет». Северик показывается стариком, другие ветры — скачущими на тройках мужиками, которые дуют то попутный, то встречный ветер. Если попутный ветер слишком вял, к нему обращались со словами:

Сивушки-бурушки,
Вещие воронюшки,
Пособите, дружки, помогите,
Как моего дедушку слухали,
Как моего батюшку слухали,
Послужите и мне
Верою-правдою, силою крепкою.

Если попутный ветер слишком силен, то его просят дуть потише, а если не уймется, снимают шапку и грозят кулаком: «Говорят тебе, перестань! Не смей!» (Харузин, 317 — 318).

Женщины обращались к ветрам с молитвой, прося их успокоиться, если мужья должны были вернуться из дальнего похода. Подобное обращение, наряду с молитвами к реке и солнцу, находим в словах Ярославны, жены князя Игоря: «О ветре, ветрило! Чему, господине, насильно веешн?» В XIX веке жены архангельских промысловиков, если мужья долго не возвращались с моря, выходили на берег вечером «молить ветер», а на следующий день отправлялись к берегу реки или ручья, мыли там котлы, били помелом флюгер, чтобы «тянул» попутный ветер (Подвысоцкий).

После этого старались припомнить и насчитать двадцать семь плешивых из знакомых своей волости, вспомнив каждого, делали зарубку на лучине, последняя зарубка — в виде креста. С этими лучинами женщины выходили на задворки домов и выкрикивали нараспев:

Всток да обедник, пора потянуть!
Запад да шалоник, пора покидать!
Тридевять плешей, все сосчитанные,
Пересчитанные,
Встокова плешь наперед пошла, —

с этими словами бросали лучинку через голову, обратясь лицом к востоку, и припевали:

Встоку да обеднику каши наварю
И блинов напеку,
А западу, шалонику спину оголю,
У встока да обедника жена хороша,
А у запада, шалоника жена померла!

С окончанием припевка спешили посмотреть на кинутую лучинку: в которую сторону она легла крестом, с той стороны надо ждать ветер. Если ветер выпадет неблагоприятный, прибегают к последнему старинному средству: сажают на щепку таракана и спускают его в воду, приговаривая: «Поди, таракан, на воду, подними, таракан, севера» (Максимов, 200 — 201).

От неожиданных несчастий, которые может принести ветер, заговаривались молитвой: «Да воскреснет Господь Бог твой, да расточатся враги

твои на море-океане, на острове Кургане, где сам Инсус Христос крестился, на небеса возносился, ангелы Божии ризами укрывали от темной ночи, от грозной тучи, от бури-ветра, от врага-супостата, от зла человека-ненавистника и от напраслинных слов. Чур наше место! Чур наше место! Чур наше место!» (Колчин, 17).

Русские заговоры наполнены обращениями к ветрам о помощи. Ветрам молились с целью навеять любовную тоску в сердце милого (милой): «Встану я, раб Божий, и пойду в чистое поле под восточную сторону. Навстречу мне семь братьев, семь ветров буйных. Откуда вы, семь братьев, семь ветров буйных, идете? Куда пошли? Пошли мы в чистые поля, в широкие раздолья сушить травы скошенные, леса порубленные, земли вспаханные. Подите вы, семь братьев, семь ветров буйных, соберите тоски тоскучие со всего света белого, понесите к красной девице в ретивое сердце, просеките булатным топором ретивое ее сердце, посадите в него тоску тоскучую, сухоту сухотучую».

В сказках ветер оказывается сильнее солнца и мороза: один крестьянин встретил Ветер, Солнце и Мороз в образах трех степенных мужиков и поклонился каждому из них, а Ветру отдал еще один поклон, особо. Рассерженное Солнце пригрозило сжечь мужика, но Ветер молвил: «Я повею холодом и умерю жар»; обиженный Мороз пообещал заморозить крестьянина, но Ветер предупредил: «Я повею теплом и не допущу тебя».

Зимние ветры отождествлялись с Морозом. Дуновение Мороза Трескуна производит стужу, иней и сосульки представляются его слюнями, а снежные облака — волосами. В поверьях злые духи зимою вылетают на белый свет, бегают по полям

и от холода дуют себе в кулак. От такой бесовской прогулки снег трещит под ногами, деревья покрываются инеем, поднимаются бураны и метели.

Речь или песня ветра представлялась свистом:

Что гнались-то, гнались за тем добрым молодцем
Ветры полевые,
Что свистят-то, свистят в уши разудалому
Про его разбои.

У моряков считалось, что свистом можно накликать бурю, а при стихающем попутном ветре надо, напротив, свистеть «по ветер» (Афанасьев-1, 308 — 330).

В пословицах ветер — барин с норовом, ему нельзя верить, а перечить — опасно: «Огонь — царь, вода — царица, земля — матушка, небо — отец, ветер — господин, дождь — кормилец, солнце — князь, луна — княгиня»; «Выше ветра головы не носи»; «Против ветра не надуешься»; «С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь»; «Вей по ветру, а впротив — глаза запорошишь»; ветер — разбойник и разоритель: «Ветры дули, шапку сдули, кафтан сняли, рукавицы сами спали»; «Ветер взбесится — и с бобыльей избы крышу сорвет».

О ненадежном, непостоянном, непоседливом человеке говорили: «ветром подбитый»; об угодливом: «откуда ветер дует»; о промотавшемся: «все на ветер спустил».

В загадках ветер предстаёт конем или тощим, длинным великаном, воином без рук и без ног: «Что выше леса, а тоньше волоса?»; «Без рук, без ног, а воюет?»; «Без рук, без ног, — под окном стучит, в избу просится?»; «Без рук, без ног, а на гору ползет?». О земле, дороге и ветре: «Ма-

тушкиной коробьи не подымешь, братова кушака не скатаешь, батюшкина коня не изловишь». О земле, снеге и ветре: «Отцова сундука не подымешь, матушкина столечника не скатаешь, братнина коня не обуздаешь».

Болезнь, неизвестно откуда прикинувшаяся, казалась пущенной на ветер колдунами, чтобы от нее избавиться, говорили: «С ветра пришло, на ветер и пошло». «Ветреной болезнью» называли вздутие живота, стрелы (колотье). С холодным ветром сравнивали жестокость, человеческую холодность, с теплым — милосердие: «Не подуйте на нас холодным ветром», т. е. будьте к нам милостивы (Даль, 1984-1; -2; Даль-1, 334, 335).

ВЕ́ЩИЦА Или: вещунья, вещуйка. В муж. р.: вещец, вещель, вещун. Так называли *ведьм* и *колдунов* (ср.: вещба — заговор).

Вещица кладет свое тело под ступу, а сама сорокой улетает в трубу. Поэтому и саму сороку могли называть вещицей, как ворона — вещуном, ворону — вещуньей. Вещица выкрадывала ребенка из утробы спящей матери, разводила огонь на шестке, жарила и съедала его, а взамен похищенного дитяти клала в утробу голик, головню или краюшку хлеба. Беременные женщины, чтобы вещица не подменила ребенка, в отсутствие мужей ложились спать, надев на себя что-нибудь из мужниной одежды или подпоясавшись мужниным поясом (Афанасьев-3, 586).

«Вещицами» иногда называли также демонов судьбы, духов, предсказывающих беды и несчастья.

ВИХРЬ Вехорь, вихорь, ветер-крышешник, дедушка безрукий, заверть, кружалка; вихорный, вихровой, вихрик.

Дух, находящийся в вихре. Духи вихря вредят человеку, попавшему в вихревую заверть: причиняют болезни, нервные расстройства. По тамбовским поверьям, Вихрь — брат трех сестер: Бури, Метели и Вьюги. Живут они в скалах на острове Буяне и носят на себе свадьбы злых духов (Звонков, 75 — 76). Во Владимирской губернии считали Ураган отцом всех ветров, а Бурю — матерью. В Ярославской сильный, разрушительный ветер называли крышешником: здесь он иногда проносился весной, срывая крыши с домов и амбаров. В этом вихре во главе с дедушкой безруким переносилась с места на место нечистая сила. «Дедушка безрукий пошел крыши ломать!» — испуганно говорили жители и крестились (Костоловский, 138).

В виде вихревых столбов являлись людям бесовские свадьбы: столб пыли поднимали невидимые для людей пляшущие ведьмы и черти. Если в такой столб бросить острый предмет, он упадет на землю, испачканный их нечистой кровью. Освященным ножом можно даже пригвоздить беса к земле. Один крестьянин бросил такой нож в столб пыли: тут же вихрь унялся и перед ним явился приколотый к земле в ногу дьявол, предложивший мужику любые сокровища в награду за свою свободу.

Вихри устраивают ведьмы или баба-яга, когда они летают на свои сборища, заметая помелом следы. Особое значение придавали в народе «вихоревым гнездам» — тонким высохшим веточкам березы или ветлы, спутанным клубком во время вихря. Среднее «деревце» из такого гнезда брали, когда шли на суд или на прием к великим мира сего, или на поле брани: его тайно держали в сапоге для удачи в деле или битве. Подобно раз-

рыв-траве, вихорево гнездо могло разрушить любое вражеское оружие своим прикосновением (Афанасьев-1, 291, 330 — 331; Афанасьев-2, 275).

Когда сильный вихрь поднимался на лугу или в поле, женщины, убирающие сено, зааминивали его: «Аминь! Аминь!», а граблями в это время поддерживали сено в копнах. Зааминенный вихрь скоро утихал. Вихрями пользовались колдуны, чтобы с ними переслать людям порчу, болезни; поэтому во время вихря советовали держать рот плотно закрытым (Завойко, 114).

В русских заговорах произносится заклятие против «черта страшного, вихоря буйного, лешего одноглазого, злого водяного, ведьмы киевской и змея летучего», а в свадебных песнях о заботливой матери жениха поется:

Сберегла тебя матушка
И от ветра, и от вихоря,
И от Божьей тебя милости.

Здесь: Божьей милости — грозы.

ВОДЯНА́Я ДЕ́ВА Водяная женщина, водяница, водяная шутовка, чертовка. См. *Русалка, Лобоста, Водяной.*

Древность верования в водяных дев засвидетельствована греческим историком Прокопием Кесарийским (VI в.), который в своей хронике замечает, что славяне поклонялись речным нимфам. В сказочном и песенно-эпическом фольклоре водяные женщины — олицетворения рек, жены, дочери или наложницы водяных царей. В былине о Садко Водяница — жена царя Водяника, девицей изображена река Чернава. Девушку-реку выдают замуж за героя. Волга — сестра Ильмень-озера, Садко передает от нее поклон брату. В старинной

балладе о молодце и реке Смородине река разговаривает девичьим голосом и топит молодца за насмешки над ней. В сказках водяные девы плавают в морских и речных водах то белыми лебедями, то золотыми рыбками, кинутся наземь — и обращаются в девушек.

В поверьях гнезда водяных дев находятся в омутах, котловинах, под речными порогами, они сделаны из соломы и перьев, собранных по деревням во время русальной недели. Иные думали, что водяные женщины живут в подводных хрустальных дворцах, украшенных золотом, серебром, алмазами, яхонтами, жемчугом и разноцветными раковинами и кораллами. Водяные девы выходят на поверхность вод, плещутся, играют с волнами, садятся на мельничные колеса и вертятся вместе с ними, а потом с криком «ку-ку» ныряют под мельницу. Они проказничают, путая сети рыбаков и зацепляя их за речную траву, помогают водяному деду ломать плотины и мосты, заливать водой окрестные села. О морских водяных девах-великаншах (см. *Лобоста*) рассказывали, что они, поднимаясь из воды, вызывали бурю и качали корабли.

Лицо озерной, речной девы, омутницы, исполнено несказанной красоты, всегда распущенные черные, русые или зеленые волосы ниспадают по спине и плечам ниже колен, стан стройный, глаза — голубые или черные с длинными пушистыми ресницами, но, вместе с тем, «во всем ее теле замечается что-то воздушно-прозрачное, бескровное, бледное» (Афанасьев-3, 121 — 123, 126).

По происхождению водяные женщины — утопленницы или про́клятые, шутовки. Портной обругал как-то жену в злую минуту, послал ее к шутам. Около полуночи баба вышла во двор и пропала, неделю искали — не нашли. Прошло

много времени, вдруг в полночь подкатывает к дому портного телега и что-то с треском падает с нее. На шум вышли хозяева, смотрят, а это — пропавшая женщина, худая, измученная. Она рассказала, что, как только муж обругал ее непригожими словами, она вышла во двор, где ее окружила какая-то неведомая сила, понесла к реке и затянула в воду, в гнездо шутовок. Живут они как люди, в избе, едят, стряпают, прядут и шьют, но живут артелью, одни шутовки, без мужчин. По ночам ходят по деревням и заходят в дома, где за стол садятся без молитвы, бросают еду, смеются и разговаривают во время трапез, здесь они достают себе пищу, а по ночам воют по избам, уводят детей, проклятых родителями, и взрослых, которые им предназначены. Сначала с новой шутовкой водяные женщины обращались хорошо, но, как только родственники стали молиться за нее и подавать милостыню, принялись озорничать над ней и морить голодом, пока, наконец, не отдали назад, в семью (Смирнов, 73 — 74).

Много рассказов о водяных женщинах пришло в русский фольклор с Груманта — островов Шпицберген, куда русские промышленники вместе с норвежскими отправлялись на лов тюленей, бой китов. Некоторые промысловики даже жили здесь постоянно, по нескольку лет, иные приезжали только для промысла. О прожившем долго на Груманте говорили, что он слюбился с водяной царицей, был случай, когда водяница бросила в лодку милому, отправившемуся назад, на Большую землю, прижитых с ним детей.

Грумантскую водяную деву можно было вызвать музыкой. Молодой промышленник остался зимовать на Груманте. Каждый вечер он играл в гусли на своей гальете (малой галере), и как толь-

Русалки. Рисунок Ковригина. Иллюстрация-2. № 19.

ко заиграет — слышит, как кто-то невидимкой пляшет перед ним, только платье шумит, зажжет огонь — никого. Товарищ его научил: зажги сальную свечку и накрой ее черепком, а сам играй, услышишь, как платье зашумит, — в ту же минуту открой свечку и увидишь, кто пляшет. Парень все так и сделал, перед ним стояла девица красоты неописанной. «Ну, добрый молодец, — сказала она, — догадался ты меня подсмотреть, буду ж я тебя любить по правде».

С той поры она приходила к нему каждый вечер, и жили они в любви целых три года. Под конец третьего года говорит девица: «Недолго осталось нам с тобой в любви жить, отдают меня замуж, в Питер, под Калинкин мост, за черта». — «Что ж ты, тоже чертовка?» — «Нет, я родилась в большом, славном городе, отец у меня был богатый купец. А попала я к нечистым оттого, что отец меня проклял. Как была я малых лет, подавала ему в один жаркий день стакан меду, да нечаянно уронила стакан на пол; отец осерчал, прикрикнул на меня: „Экая дурища безрукая! Хоть бы черт тебя взял!" Только вымолвил он это слово, в ту же минуту очутилась я в морской глубине, в каменном доме, у чертей под началом».

На прощание водяная дева дала парню узорчатую ширинку: нападет грусть, взглянешь на нее — все как рукой снимет. Протекло с год времени. Сказал он про ширинку своему товарищу, тот и украл ее, и такая тоска напала на молодца, что поехал он в Питер, пришел на Калинкин мост и бросился в воду. Очутился в подводном царстве: кругом — зеленые поля, сады, рощи. Идет дальше — стоит большой каменный дом, в окно смотрит купеческая дочь; выбежала к нему навстречу: «Здравствуй, голубчик, уж и видеть тебя не чаяла!» Начала его целовать-миловать, всякими закусками и напитками угощать, а после спрятала в особую горницу и говорит: «Скоро мой муж придет, станет тебя спрашивать, зачем явился, ты до двух раз молчи, а на третий раз скажи: „Что в зыбке у тебя, то мое!" Черт станет тебе давать за ребенка деньги, ты не бери, проси жару кулек».

Так все и вышло, как сказала купеческая дочь. Притащил черт кулек жару, посадил парня на плечо, вихрем вынес его на Русь, посадил на Калинкин мост. Очнулся молодец — рядом кулек с золотом. Разбогатев, парень женился на хорошей девушке и зажил счастливо. А польстился бы он на деньги, черт, наверно, обманул бы его: вместо денег насыпал бы конского помету и всякой дряни (Афанасьев, Сказки-2, № 228).

Водяные девы иногда становятся женами простых смертных, если крещеный человек сумеет снять с нее заклятие. Отправился добрый молодец вечером ловить рыбу за Онего, в дальнюю губу, и задержал его в пути встречный ветер. Стало светать, видит молодец: прилетели три лебедушки, ударились оземь, обернулись красными девицами и стали купаться в губе, а на берегу у них оставлены птичьи шкурки. Молодец подкрался потихоньку и захватил одну шкурку. Две девушки выкупались, надели шкурки и полетели лебедушками, а третья девка шкурки найти не может. Тут к ней подошел молодец: «Что дашь за шкурку?» — «Хочешь несчетной казны?» — «А не надо мне казны, выйди за меня замуж». Дали они друг другу заклятье, стали мужем и женой. К вечеру ветер стих. Как им надо садиться в лодку, молодец и подай шкурку жене: «На, — говорит, — спрячь, чтобы не замокла». А жена наки-

нула ее на себя и полетела лебедью, на прощанье прокричала мужу: «Не видать тебе меня три года, а как исполнится три года, приходи к озеру Ильменю, увидишь на плоту женщину-портомойницу, она тебя проведет ко мне».

Исполнилось срочное время, пришел он вечером к Ильменю, видит: стоит на плоту женщина и манит его к себе. Повела она его берегом, а дорога все ниже спускается, холодом повеяло. Говорит ему вожатая: «Как войдешь в избу — не молись». Пришли они в большое село, в богатый дом, встретил их в избе хозяин, голова, борода — все седое. «Долго, — говорит, — зятек, ждали мы тебя». И вышла тут красавица, за руку вывела ребеночка по третьему году — смотри, мол, Иванушка, какой у тебя сыночек подрос. «А пусть его растет, — говорит дед, — нам это добро надобно». Поздоровался молодец с женой, и стали они жить ладком (Рыбников-3, 190).

Подобно русалке, находящейся в подводном царстве не более трех-четырех лет, водяная шутовка может вернуть себе людскую судьбу, если добрый человек наденет ей крест на шею. Далеко не везде водяные девы считались красавицами. Во Владимирской губернии их, женщин и девочек, видели стоящими по пояс в воде — только греха не видно, — лица без румянца, руки тощие и холодные, у взрослых шутовок — большущие груди, волосы длинные, они их чешут гребнем спереди назад, так что блестки сыплются; любят подолгу глядеться в зеркало, ловят и едят живых рыб и раков, нагими выходят на берег прогуляться. Видели их и в банях, где они со смехом парятся и плещутся водой. Когда крестьяне начинали сушить хлеб, замерзшие, все во льду, русалки приходили погреться и ложились на теплину (Завойко, 100 — 102).

ВОДЯНО́Й Водовик, водяной дедушка, водяник, водяной шут, речной барин, хозяинушко вод, царь водяной, чортух.

Злой дух, хозяин вод и всех водных богатств, барин над утопленниками, известен всем славянам в облике мужчины с некоторыми чертами животного. По русским поверьям, водяник, как и прочая нежить, ведет свое происхождение или от восставших против Бога ангелов, низринутых с неба, или от детей, спрятанных от Бога стыдливым Адамом, или от проклятых людей, заложных покойников, трупы которых нередко сбрасывали в воды озер и омутов.

Последняя версия происхождения водяных, очевидно, древнейшая. Известно, что суздальский князь Андрей Боголюбский, устроитель залесской стороны, в ночь на 29 июня 1174 года был убит заговорщиками. Брат князя Михаил сбросил в коробах тела казненных убийц в озеро, которое с тех пор неспокойно, а короба с гниющими телами убитых в виде мшистых зеленых кочек колыхались на воде между берегами. Такие озера приобретали названия «поганых». Худой славой пользовались также чистые, но глубокие озера, вровень с берегами наполненные водой, изобиловавшие подземными ключами, воронкообразными углублениями дна, где образовывались пучины и воды выбивались из бездны и поглощались ею. По преданиям, такие пучины сообщались с Мировым океаном, и разбойники-колдуны попадали через них в любое море или реку вместе со своими шайками. Сдавленный хохот, хлопанье, шепот — признаки существования нечисти — чудились по ночам в темных озерах, наполненных мутной железистой водой (Максимов, 81 — 82).

Водяной показывается людям перед несчастьем, как бы предупреждая, что здесь купаться опасно. Крестьянин пошел за лошадью к реке и у воды увидел какую-то животину: сам черный, не разобрать — то ли одежда, то ли шерсть, лицом похож на человека, только глаза красные, большие, с ладонь величиной, нос — как сапог, не меньше. Крикнул крестьянин: «Господи, спаси!» — и нечистый ушел под воду без всплеска, лишь волны пошли по воде. Решил выкупаться, но только залез в реку — водяной схватил его за руку и потащил ко дну, и утопил бы, если бы молитва не спасла. На руке остались синяки — следы от пятерни водяного (Вологодская губ.). Такие синяки часто обнаруживали на телах утопленников, к гибели которых были причастны водяные.

Водяной показывается стариком, покрытым мхом и болотной травой или в серой одежде. Ростом он больше человека, оброс волосами, постоянно расчесывает их, сидя на камне, иногда играет на поверхности воды, любит отдыхать у речных запруд. Можно заметить его ползущим по дну. На дне озер и омутов у водяных роскошные жилища, полные несметных сокровищ, со стенами, унизанными драгоценными камнями. У водяных есть жены (водяные шутовки, водяны) и дети, которые, бывает, попадаются в сети рыбакам. Однажды мужички из деревни Починки изловили клуб бересты, а он оказался живой, покатился и проговорил человеческим голосом: «Отпустите меня! Надо к дедушку идти!» Рыбаки бросили клуб обратно в воду. Водяных часто видят спасатели: нырнет человек в воду и пойдет ко дну, товарищи бросятся его спасать — а над тонущим склонились водяные, добычу сторожат. Вечером в боль-

Чудо морское. Ровинский-2, № 309.

ших омутах особенно заметно присутствие водяных. Есть озера, в которые бросишь камень, а его выбросит обратно нечистая сила, или озера, где всегда ходят громадные волны, всегда слышны брань, шум и крики (Вологодская губ.). Во Владимирской губернии рассказывали, что водяной является людям не только стариком, но и нагим мальчишкой, прыгающим прямо в расставленные рыбаками сети. В этом месте оказывается огромная дыра, будто прожег кто.

На дне озер у водяного пасутся стада коров, летом он выгоняет их на берег. Близ Никольска есть озеро Кожаево, некогда из него выходили пестрые коровы. Священник обошел их с крестом, и некоторых удалось захватить, приплод от них был во многих крестьянских дворах (Потанин, 194). Олончане рассказывали, что дедушка сам пасет коров на берегу реки. Коровы у водяного черные, гладкие.

Водяной — оборотень, может принять образ животного, например черной собаки, но чаще — рыбы, даже крылатой. В одном озере видели крылатую щуку, покрытую мхом, свои крылья она получила от ястреба, который бросился на нее с воздуха и вонзил когти в спину щуке, но та сразу ушла на глубину, так что ястреб не успел вытащить когти, да так и застыл у нее на спине, подарив чудесной рыбе свои крылья (Вологодская губ.). Рыбаки с большой осторожностью пользовались острогой, боясь попасть в водяного. Никогда не били рыбы, которая стоит по воде, в ней сидит водяной и потопит лодку, мстя за рану (Владимирская губ.). Людям показывается прозрачным, словно из льда, голым, с кожей цвета налимьей шкуры (Зеленин-1914, 263). В Ярославской области считали, что налим служит пищей водяному,

во Владимирской видели водяного катающимся на соме, поэтому сома здесь не употребляли в пищу, так же как налимов, угрей и раков — их едят водяные. В многочисленных озерах Олонецкого края водяной являлся рыбакам щукой огромной величины и необыкновенно увертливой. Немало рассказов ходило здесь о том, как спящая щука — т. е. спящий водяной, — будучи уколота острогой, топит и рыбака и лодку или является ночью к рыбаку с требованием вынуть из спины острогу (Куликовский). В Тамбовской губернии боялись по ночам ловить рыбу с подсветкой: водяной этого не любит и переворачивает лодки, боялись глубоко опускать невод: порвет и уведет за собой всю рыбу. Здесь полагали, что водяной живет на значительной глубине в реках, озерах и болотах, под колодиной. По воде днем плавает в образе сома, а ночью вылезает отдыхать стариком с длинной зеленовато-седой бородой. Днем не показывается, опасаясь святого Ильи, который, если увидит водяного, поразит насмерть. В начале весны водяной любит пошутить с рыбаками — поднимет нос или корму лодки и со смехом уйдет под воду. Или: едут рыбаки по течению реки и задремлют. Водяной незаметно влезет в лодку, оборотится мертвецом и лежит среди них. Проснутся, сотворят крестное знамение — он исчезнет (Звонков, 72 — 73).

Роскошное жилище водяного, его царство, — в бездонных глубоких озерах, образовавшихся на месте провалившихся городов и селений (Вятская губ.). В Муромском уезде Владимирской губернии вблизи села Дедова находилось когда-то богатое село, провалившееся за грехи и беззакония жителей вместе с церковью, отчего это озеро получило название «святого», несмотря на то что в расска-

зах о нем говорится о черте как хозяине затопленного места. Вода этого озера черна, как деготь, ее не употребляют ни в питье, ни для стирки белья, жители неохотно едят рыбу, выловленную в этом озере. Местный рыбак однажды выехал на середину озера, забросил удочку и зацепил за что-то твердое. Начал тащить добычу, но веревка все удлинялась, и конец не показывался, вся лодка уже была заполнена веревкой. «Да что за черт засел там!» — воскликнул мужик, вытянул крест и в ту же минуту исчез в озере вместе с лодкой (Добрынкина).

В таких озерах живут водяные царьки, тогда как в обычных водоемах — просто водяные. Последние стоят в тех же отношениях к водяному, как лесовики — к лесному царю. Водяному царю подвластны духи рек и ручьев, втекающих в озеро, сам он управляет озером; подчиняются ему водяные более мелких озер, сообщающихся с большими посредством рек и ручьев. Водяного царя почти никто никогда не видел, он не покидает своих палат.

В одном озере могут жить сразу несколько водяных. Например: в Водлозере (Пудожье) один водяной жил у Пречистенского погоста, а другой — у Ильинского (по числу двух приходов и двух церквей по берегам Водлозера), поэтому и водяных звали: одного — Пречистенским, другого — Ильинским. Сами церкви, возможно, выстроены на местах поклонения священным рощам, с их сооружением связано много легенд. Так, лес для возведения церквей оказался перенесенным сюда неведомой силой, что послужило знаком, указанием на место, угодное для постройки.

Водяные, живущие в одном озере, то дружат, то враждуют между собой, могут и породниться.

Дочь Ильинского водяного замужем за Пречистенским. Когда к ней сватался Кенозерский водяной из соседнего озера, которое ранее соединялось с Водлозером, Ильинский водяной дочь не отдал, и жених-кенозерец с обиды засыпал к себе дорогу камнями, с тех пор Кенозеро не сообщается более с Водлозером. Ильинский водяной дал богатое приданое за дочерью: золото, драгоценности и целый остров, который вдруг переместился по Водлозеру, ведомый вещим петухом. Проезжая через проливы, в которых живут водяные, рыбаки отвешивают глубокие поклоны водяному царю, снимают шапку и радостно крестятся, когда благополучно минуют опасное место (Харузин, 320 — 322).

По ключевой воде гадали о здоровье, обращаясь к водяному царю. Придут к целебному ключу и раздумаются о больном: выздоровеет или умрет. Если вода стоит как стеклышко — светлая, чистая — к выздоровлению, если забьют ключи, засыскакивает вода с песком — к смерти. Когда из ключа черпали воду, говорили: «Царь водяной, царь земляной, царица водяница, царица земляная, дайте мне водицы на доброе здоровье рабу Божьему (имярек)». Больного окачивали этой водой, после чего он либо быстро поправлялся, либо умирал (Новгородская губ.).

Подобно многим другим духам природы, водяные на зиму уходят из воды в подземные жилища. Ход в эти жилища открыт для всякой нежити. Водяной уходит туда через отверстие в русле реки, таинственные эти отверстия бывают во всяком озере. Они ведут прямо в подземное царство, куда вместе с водяными на зиму собираются русалки. В это царство попадают и утопленники — люди, утащенные в воду русалками. Им оттуда никогда не вернуться, если не отслужить сорок

обеден святым Зосиме и Савватию: тогда покойник всплывет и его можно похоронить по христианскому обряду. У водяного сто одиннадцать красавиц дочерей, все злые, любят тиранить попавших к ним людей. Одна лишь младшая дочь добра и приветлива. С суши ход в подземное царство открыт через пропасти, трущобы и расселины, через все нечистые места на земле: провалы, клады, болота. Об этих местах ходит дурная слава. Так на берегу реки Мокши недалеко от Пятницкого яра есть глубокий провал, заросший кустарником и полный мутной воды. Здесь зарыл сокровища Степан Разин, но как только его прокляли, клад провалился в преисподнюю, а место стало нечистым: рыба в воде провала не живет, птица — близко не сядет, по ночам только бесы купаются (Звонков, 74). От зимнего сна водяной просыпается в апреле, голодный и сердитый. Чтобы его умилостивить, в некоторых селах было принято топить в реке лошадь в жертву водяному, предварительно обмазав ей голову медом и привязав к шее два жернова (Афанасьев-1, 635).

Водяным нужны жертвы. Устойчивое представление о том, что почти всякая смерть на воде вызвана желанием водяных заполучить этого человека, породило множество рассказов об утопленниках — обитателях подводного царства и живущих там на положении слуг, рабов, наложниц, водяных духов. Эти рассказы могут принимать различную форму: от бывальщины до былины, волшебной сказки или предания. Они подкреплены традицией. Древние славяне приносили в жертву водяному людей: по свидетельству Льва Диакона, воины Святослава после погребения павших в битве товарищей погружали в волны Дуная петухов и младенцев; Нестор говорит о язычниках — по-

лянах, «жруще езером и кладезем», в Густынской летописи сказано об обычае топить людей в жертву водяным духам (Афанасьев-2, 206 — 207).

В бывальщинах и сказках жертвами водяному обычно служат дети и женщины; из былины о Садко известно, что водяной, морской царь, требовал с корабельщиков мужчин, давая знать о своем желании по брошенным в воду жребиям. В обычае моряков было избавляться от людей, наделенных способностью приносить несчастье, в балладе о бессчастном молодце его высаживают с корабля на остров, обрекая гибели. В известной песне о Стеньке Разине атаман приносит в дар волжскому водяному красавицу княжну. Водяному вообще известны судьбы людей, на этом убеждении строятся многочисленные способы гадания по воде, в частности — о жизни и смерти. В былине о Волхе он набирает дружину из тех воинов, чьи жребии, брошенные в воду, остались на поверхности воды, поэтому войско его оказывалось неуязвимым; в балладе о рекрутском наборе, о выборе из трех сыновей одного — в рекруты, спор между братьями решается водой: чей жребий потонул, тому и идти в солдаты.

Не предназначенного ему человека водяной не возьмет. Слуги водяного хозяина подстерегают людей, идущих мимо воды с дурными намерениями: воровать, пьянствовать, погулять втайне. Говорят, что мельники, зная об этом, чтобы водяной помогал содержать мельницу в порядке и не ломал плотины, подталкивали и сбрасывали в воду захмелевших, поздно возвращавшихся из кабака прохожих. Водяные топят чаще всего в полдень и в полночь. Даже хорошие ныряльщики в это время не возьмутся вытащить тело утопленника из воды, когда увидят, как под водою над утоплен-

ником сидит белая лебедь, она бьет крыльями спасателей, гоня их прочь от своей жертвы. Спасти можно лишь тех, кто водяному не нужен.

Один мальчик было утонул, но родителям скоро удалось вытащить его и откачать. Мальчик рассказал после, что на дне пруда его встретил седой старик с рогами и приказал подождать, пока он сходит в свой дом. Мальчик остался сидеть, вокруг него поднялся крик, шум, гам, играла музыка, чертенята кричали, что мальчик — их, но старик вышел из избы и ответил, что мальчик им не принадлежит, ему не должно быть утопленником (Колчин, 25).

Девочки, попавшие к водяному, взрослеют в подводном царстве так же, как на земле. Водяной может забрать их к себе после неосторожной мысли, высказывания или после проклятия родителей. Летом в лодке по Онежскому озеру ехали две девочки. Младшая стала сказки рассказывать, а старшая и проговорись: «Ишь, как у них хорошо в подводном царстве! Хоть бы одним глазком поглядеть на хрустальные палаты!» Не было ни ветра, ни волны, вдруг заколебалась вода, и поднялся черный мужик, волосы взъерошенные, — схватил девку за руку и, как она ни билась, утащил под воду.

В сказках водяной иногда дарит таких девочек уже невестами избранным людям (см. *Русалка*). Около Сандал-озера жил бессчастный старик со старухой. Пришла пора женить сына, но никто не хотел отдать за него дочь. «Пойду посватаюсь хоть к водянику», — решил старик и отправился к озеру. Навстречу — дюжий молодец: «Ты у нас свататься задумал? Невеста твоему сыну готова хорошая, не мешкая приезжай за ней поездом». Ударили сваты по рукам, и отправился старик домой.

Взял сына, дружку, бояр и брюдг, колдунью-соседку и вернулся к озеру со свадебным поездом. От берега появилась дорога прямо к хрустальным палатам водяного. Вывели невесту под фатой, соседка шепчет: «Смотри, дедушка, обманывают, это не настоящая невеста». Видят водяные — делать нечего, дали настоящую невесту, в приданое — золота и серебра, парчи и всякого имения. А соседка-колдунья шепчет: «Проси у свата саней с персидским ковром, рыженьких лошадок, синий сарафан с золотыми пуговицами, шапку соболью и перстень с самоцветным яхонтом». Воротился старик богачом домой. Сноха у него оказалась смирная, работящая. Месяца два спустя после свадьбы говорит она свекру: «Запряги, батюшка, рыженьких лошадок в сани с персидским ковром, надень соболью шапку и перстень с яхонтом и поезжай в Новгород. Есть там купец — у него сорок лавок и сорок домов, просись к нему ночевать». Старик послушался снохи, снарядился и поехал в Новгород. Долго не пускали его в дом богача, наконец, выглянула в окно купчиха: что за чудо — их лошади и санки у ворот стоят. Пустили старика в дом — а на нем купцовый кафтан и шапка, и перстень на руке. Стал купец старика спрашивать, как к нему его добро попало. Старик объяснил. Понял купец, что старикова сноха — его дочь, которая пропала у него пятнадцать лет назад (Рыбников, 188 — 189).

У водяного на земле могут быть любовницы, детей, рожденных от них, он считает своими и уносит в свое царство сразу после рождения. Одна вдова пошла на реку за водой. В зеркальной поверхности озера увидела свое лицо и подумала: «Какая я красавица! А мужа у меня нет», — и прокляла свое вдовье житье. Вернулась домой,

ночью видит во сне покойного мужа и вскоре чувствует себя беременной. Пришло время родить. Догадываясь, в чем дело, она сразу окрестила младенца, чтобы он не достался водяному, но ребенок к ночи умер. Труп положили на стол, перед иконой. Мать заснула, задремала и сидевшая рядом с нею старушка. Вдруг дверь отворилась, и кто-то подошел к младенцу. Лампадка погасла, а когда женщины зажгли огонь, то в ужасе увидели, что у младенца нет всего лица и левой половины тела. Если бы ребенок не был крещен, водяной унес бы его целиком (Георгиевский, 58).

Водяные любят музыку и пение, но песни и наигрыши не должны быть быстрыми, плясовыми, иначе разразится буря. Известен обычай северных сказителей усмирять былинами разбушевавшуюся водную стихию; многие былины заканчиваются словами: «Синему морю на тишину, добрым людям на послушанье». Садко пришлось порвать струны гусель, чтобы прекратить пляску морского царя, танец водяных стоил жизни многим морякам.

Водяной не пошлет рыбы ловцам, ведущим себя шумно, неосторожно, без должного уважения к хозяевам вод, будь то летом или зимой, когда озера и реки замерзают. Приехали новгородские рыбаки на глухое озеро (а их предупреждали, что там «шутить гораздо»). Ничего не опасаясь, они стали ходить по озеру, громко перекрикиваясь друг с другом. Стали клюшить — сеть так тяжело идет, думали, что полная рыбы. Вытащили матицу, а она полная вениками. Атаман рыбацкой ватаги разбранился на водяного: «Глухая ты собака, проклятый черт! Где ты такую ахинею веников взял? Давайте, — говорит, — ребята, еще тоньку закинем». Пока вторую тоню не вытянули — всё шепотом говорили. И на этот раз тоня шла тяжело, как дошли до матицы — а она полная плотвы, насилу вытащили (Белозерский уезд Новгородской губ.).

Рыбаки вступали с водяным в договор, дарили ему подарки, бросали табачок со словами: «На тебе табачку, дай мне рыбку!» Весной, в первый раз выходя на рыбную ловлю, кидали водяному ковригу хлеба. Первую выловленную рыбу выпускали обратно. Если рыбак не даст оброка водяному, тот, рассердившись, не принесет рыбы и порвет снасти. На Онежском озере сложился обряд умилостивления водяного рыбаками. Каждый год накануне Николы Зимнего (6 декабря) перед всенощной из рыбацких семей к известному месту собирались старики. На берегу они делали из соломы чучело человека, сажали его в дырявую лодку и спускали в озеро, где она тонула. Старики пели песню, прося Онего взять соломенное чучело в портах и рубахе, без жены и детей, без материнских слез и причитаний (Зеленин-Этнографические работы, 160).

В особых отношениях с водяным пчеловоды. По преданию, все пчелы отроились от лошади, заезженной водяным и брошенной в болото. Рыболовы опустили невода в это болото, но вместо рыбы вытащили улей с пчелами. От этого улья развелись пчелы по всему свету. В пчельном деле дедам-пасечникам помогали колдуны, знахари, которым известны магические способы охраны пчел. Сама матка, как первород пчел, была выкуплена чародеем за тридцать знахарских голов у нечистой силы. Этот колдун из ненависти к людям научил матку жалить людей, а матка обучила всех других пчел. Когда пчельник устраивает пасеку, то ради медового обилия жертвует водяному дедушке са-

мый лучший улей, либо оставляя его на пасеке (тогда водяной охраняет ее), либо бросая его в трясинное место в болоте (тогда водяной содействует размножению пчел и заставляет их летать на чужую пасеку похищать мед) (Сахаров, 98).

Любовь водяного к пчелам, возможно, объясняется его пристрастием к меду — древнему опьяняющему напитку, — поскольку все водяные, как и многие другие духи (лешие, черти, кабачные кикиморы), страшные пьяницы. Народ представлял водяного голым стариком с большим одутловатым брюхом, опухшим лицом, в боярской шапке, свитой из болотной травы. Водяные с чертями любили собираться в шинках, проводя время в попойках и игре в кости и карты на рыбу своих рек и озер, после чего она то появлялась, то исчезала в тех или иных водоемах. В людях, когда водяной обернется человеком, его узнают по левой поле одежды — постоянно мокрой, а также по тому месту, где он сидел, — оно тоже всегда оказывается мокрым. Чтобы у водяного всегда в достатке был мед, пчеловод первый отроившийся рой собирал в мешок и, привязав к нему камень, топил в реке или в пруду. В день святых Зосимы и Савватия, праздник меда (19 сентября), пасечники вынимали из улья сот и в 12 часов ночи отправлялись к мельнице, где с заклятием погружали его в воду (Афанасьев-2, 238, 240).

С водяным связано появление первой мельницы. Захотел один черт отличиться и стал думать, что бы такое устроить для завлечения людей в свои сети. Видя, что люди с трудом размельчают зерно, дьявол решил построить мельницу. Запрудил плотину, поставил ставы, соорудил само здание, осталось сделать колесо. Вот тут-то нечистый задумался: для основания нужен крест, а креста

он не мог сделать. Сидит черт чуть не плачет. Мимо шел благочестивый человек. «Ты о чем тоскуешь?» — спрашивает. «Да вот, — отвечает черт, — строил-строил мельницу, столько труда потратил, а теперь приходится бросать. Не могу колеса сделать, крест нужен». — «Я тебе помогу», — пообещал прохожий. Сделал он крест, а потом вместе с дьяволом и колесо сработали: готова мельница. Нечистый просит своей части за труд. Порешили так: всякая краденая часть идет дьяволу, а сам черт будет жить под мельницей — так появился первый водяной (Терские ведомости, 1891).

На каждую мельницу приходится по одному водяному и более: всякий водовик заведует своим колесом. Когда колесо в ходу и вертится с необыкновенной быстротой, водяной сидит наверху и брызжет водой. Если мельник не будет водить с ним дружбы, то мельница то и дело будет останавливаться, а весною, устроив сильный разлив вод, водяной совсем разорит постройку. Водяной для мельницы — то же, что домовой у дома. Закладка мельницы совершается на чью-либо голову. Причем не обязательно топить жертву сразу, достаточно положить зарок, а водяной сам найдет случай утопить в воде посуленное ему.

Строительство мельницы затрудняет ход рыбы, течения, и это сердит водяного. Чтобы злой дух не разорил плотину, ему раз в год приносят в дар откормленную черную свинью (Афанасьев-2, 230 и сл.), овцу или небольшого теленка дают при каждой починке мельницы. Дружба мельника с водяным заходила так далеко, что, согласно некоторым поверьям, мельник на ночь нырял в воду и спал у водяного (Ушаков, 160 — 161). Если все же водяной постоянно ломает плотину, так

что мельнику приходится неделю работать, а месяц — чинить мельницу, то он приносит оброк: ковригу хлеба, соль и овцу. Все это он кладет под средним вешняком, сам один в полночь входит в мельницу и вызывает водяного: «Дедушка водяной! Возьми от меня в оброк себе овцу, ковригу хлеба и соль, что лежат у среднего вешняка». Если водяной возьмет оброк, то больше вредить не будет.

В отличие от лешего, водяной не учит колдовству, он требует жертв. С водяным (морским царем) связан распространенный сюжет сказки «Обещанный сын», когда герой вынужден послать водяному сына по договору, согласно которому он должен отдать то, чего дома не знает, но вовсе не в учение, а на вечное жительство под водой.

У водяного есть враги, прежде всего это чужие омутники и лешие. Если предстояла борьба с ними, водяной мог обратиться за помощью к людям. Омутник из Кривого омута реки Пчевжи явился как-то к будогощским крестьянам: «Помогите мне чужого омутника избыть», наказал всем взять палки и бросать в водяные валы, в то время как он на дне будет с чужим водяным драться. Сообща прогнали находника-омутника, а свой в благодарность за помощь принес много серебра, только мужики не польстились: все равно деньги от водяного превратятся в черепки. Гораздо важнее оказалась другая услуга водяного: больше он никого не топил на перевозе (Перетц, 9).

Следы ужасных побоищ порой обнаруживались в лесу, возле озер и рек: это лешие дрались с водяными. Борьба вспыхивает из-за сфер влияния — водяной хочет быть полновластным хозяином земли, примыкающей к озеру. Разыгрался однажды лесной с зайцами и волками и погнал их по лесам и полям, болотам и озерам. На шум и гам выскочил водяной из озера, заспорил с лешим, дело дошло до драки. Плохо пришлось бедняге водяному, на берегу — не в воде, осилил его лесной хозяин, так что водяной еле-еле убрался в свое озеро. В озере сил у него прибыло, стал он в лешего камнями кидать, чем дальше — тем больше. В ответ леший начал в озеро деревья валить, вырос над озером холм от одного берега до другого. Поджег леший деревья, и закипела вода в озере. Запросил пощады водяной, сошлись они с лесным на мировой, чтобы наперед жить дружно, не мешать друг другу пугать и губить людей одному — в глухих чащах, сузёмах, другому — в глубоких водах (Вологодская губ.). Но все равно то и дело в реках, текущих через густые еловые леса, можно заметить самородные плотины из упавших деревьев — следы непрекращающейся распри этих духов, в омутах близ таких плотин водятся крупные сомы и щуки — рыбы, любимые водяным, в которых он сам привык обращаться.

Запреты и обычаи, относящиеся к культу воды, связаны с верой в водяного духа, они объяснялись волей водяника, его желаниями и капризами. Главным предохранительным средством против козней водяного являлась осторожность в поведении на воде. В тех местах, где, по слухам, он пошаливал, т. е. топил людей, при переправах взбирался на спину скоту, подламывал корове или лошади спину и утаскивал животное на дно, — в таких местах не купались и старались вообще обходить их стороной. При этом водяной пытался заманить человека именно в такие места. Например, подстрелит охотник утку, и она упадет туда, куда нужно водяному. Охотник полезет в воду,

Водяной черт. Картинка из лубочной книги XIX в.

чтобы достать ее, здесь-то он и попадает в лапы водяного черта.

В обычае водяных было пользоваться только душой утопленника, тела их он выбрасывал. Чтобы отыскать труп утонувшего, люди спускали на воду горшок с ладаном, деревянную чашку с тремя восковыми свечами, прикрепленными по краям. Такой горшок, проплывая над местом, где находится труп утонувшего, начнет совершать круговращательные движения. Во всяком случае, как скоро ладан и свечи будут спущены на воду, тело обязательно отыщется.

Не купались без шейного креста и после заката: ночь — время активности водяного. «Какое теперь купанье, — говорили старики с наступлением сумерек, — теперь водяной зажил!» Ночью водяной может «зажить» даже в воде, принесенной в дом, поэтому ночью старались не пить воду, чтобы не приключилась «водяная хворь». Наиболее опасной для купания была неделя Ильи Пророка (около 20 июля), в это время водяной играет. В ночную грозовую пору дерется с лешим и другими омутниками, отчего по лесу раздается грохот и шум падающих деревьев, по воде — гулкое хлопанье плещущих волн. Во время дождя, идущего днем, при солнечном освещении, водяной выходит из воды и греется на берегу. Некоторые утверждают, что его облик зависит от фаз луны: на молодую луну он молод, на старую — выглядит стариком. В ночном сумраке он выплывает поверх воды и расчесывает гребнем волосы, хлопает по воде ладонями, ныряет с необыкновенной быстротой: в полной тишине вдруг заклубится и запенится вода, из нее выскочит водяное чудо и вмиг скроется, чтобы тотчас показаться вновь в полуверсте от этого места.

Помимо тех жертв, которые приносили водяному рыбаки, пчеловоды и мельники, каждый домохозяин, державший водоплавающую птицу, осенью должен был отблагодарить дедушку водяного за то, что он охранял уток и гусей в течение всего лета. С приближением зимы, в середине сентября, в дар водяному приносили гуся.

Зимой водяной не страшен, одни считали, что он спит в своих чертогах, другие — что уходит в подземное царство, куда собираются на зиму духи — демоны природы. Разбужены бывают водяные черти во время водосвятия, когда бесчисленное множество их после освящения воды выскакивает из проруби, и все это нечистое воинство рвется во всякую дверь, всякое окно. В предупреждение проникновения в дом водяных, на всех дверях и окнах углем и мелом чертили кресты (Зеленин-1914, 224).

Убить или ранить водяного можно солдатской пуговицей: никакая пуля его не берет. Однажды черт решил подшутить над солдатами, явился перед ними и заявил, что, сколько в него ни стреляй из ружья дробью, ему ничего не будет. Выстрелит солдат в водяного, а он дробь в пригоршню соберет и отдает обратно. Один солдат вздумал взять солдатскую пуговицу: разрезал ее на части и пустил в черта. От его выстрела черт перевернулся, заохал, собрал куски пуговицы и со стонами пустился домой, в омут (Колчин, 28).

ВОЛКОДЛА́К Или: волколак, вовкулак, вурдалак. *Оборотень*-волк.

Волкодлаком может стать: 1. Колдун или ведьма, по ночам оборачивающиеся волками, чтобы заедать насмерть или пугать спящих людей. 2. Человек, против своей воли обращенный в волка чародеем. 3. Дух некрещеного младенца или самоубийцы, ставший *упырем (вампиром)*. 4. Дух мертвой ведьмы или колдуна.

Древнейшее свидетельство о вовкулаках есть у Геродота, который упоминал, что невры — предки славян — почитались у греков и скифов чародеями, умеющими хотя бы раз в году на несколько дней обращаться волками. Временем такого обращения, очевидно, была зима. У поляков, сербов и русских еще в XIX веке было распространено убеждение, что волки-оборотни особенно опасны в период Святок, посреди зимы; в это же время устраивались шабаши ведьм и нечистой силы на Лысых горах (см. *Ведьмы*).

В Древней Руси, согласно указаниям Кормчей книги, люди думали, что волкодлаки, обернувшись тучами, закрывали луну и солнце («влъкодлаци лоуну изъедоша или слънце»). Способностью превращаться в волков наделялись многие эпические герои: легендарный князь Всеслав, историческим прототипом которого был князь Полоцкий (XI в.); былинный Волх Всеславьевич; сербский Змей Огненный Волк и др. На этой мифологической основе в средневековой Европе возник особый вид умопомешательства — ликантропия: больные этой болезнью воображали себя волками.

По мнению А. Н. Афанасьева, «волкодлак» состоит из слов: «волк» и «длака» — шерсть, руно, клок волос (Афанасьев-3, 527). Человека-волкодлака можно было узнать по шерсти, растущей у него под языком. Рассказы о волкодлаках распространены преимущественно в центральных и южных районах России, для Русского Севера этот образ не типичен.

Волкодлаки — ведьмы и колдуны, заедающие спящих людей, особенно опасны в Святки: сме-

шавшись с толпой ряженых, они принимают вид парней и девушек, скоморохов и проникают таким образом в любой дом. Волкодлаки подкрадываются к гадающим девушкам и также заедают их насмерть. Оборотни задают девушкам на Святки трудные задачи во время святочных игр, о судьбе тех, кто их не разгадает, ничего не известно (Вологодская губ.).

Невольный волкодлак — человек, по злобе колдуна превращенный в волка на определенный срок или до тех пор, пока чародей не пожелает вернуть своей жертве прежний облик, — часто бродит возле родного дома, не боясь людей, заглядывает им в глаза. Брошенный кусок мяса такой волкодлак не берет, но с жадностью ест хлеб.

Колдуны иногда обращают в волков целые свадебные поезда, набрасывая на людей волчьи шкуры или опоясывая их наговоренными мочалами или ремнями. Есть рассказ, как на охотничьей облаве убили трех волков, а когда стали снимать с них шкуры, то под первой нашли жениха, под второй — невесту в венчальном уборе, под третьей — музыканта со скрипкою. Если волкодлак обращен с помощью пояса, которым колдуну удалось обвязать человека на свадьбе, то он вернет себе человеческий облик не раньше, чем изотрется и лопнет чародейный пояс (Афанасьев-1, 736; -3, 527 — 532, 549 — 553).

Для защиты от волкодлаков в народе использовались разные средства. Чтобы ночью волкодлак не заел спящего, рекомендовали расстегивать ворот рубахи, крестить подушку и класть возле нее Евангелие, Часовник или другую книгу духовного содержания; трижды перекрестить постель. Женщины не снимали головного убора (чепца, повойника), а девушки на ночь повязывали платок. Перед сном читали следующую молитву, которая вообще хорошо действовала против нечистых духов: «Господи Иисусе Христе! Благослови меня на сон грядущий. Пресвятая Богородица, защити меня. Все святые, молитесь за меня. Простите меня, все четыре стороны, прости меня, мать-сыра земля, прости меня, красно солнышко и светел месяц, простите меня, часты звездочки, прости меня, зоря ясная, простите меня, леса темные, реки быстрые, болота непроходные, простите меня, поля широкие, дороги дальние. Простите меня, все други и недруги» (Владимирская губ.).

ВОЛОСЕ́НЬ

1. Дух болезни «костоеды». Мучает женщин, прявших под Новый год. Отъедает палец, и из него выпадает нечистая кость. Наказывает прях, взявшихся за работу в пятницу или накануне ее (см. *Пятница*) (Бондаренко, 120). 2. *Черт, леший, водяной* — любой дух, заросший волосами; иначе: волосатик, волосеник (Черепанова, 28, 66).

ВСТРЕ́ЧНИК

Злой дух, который в виде воздушной полосы мчится стрелой по проезжим дорогам за душой умирающего грешника, особенно самоубийцы. Встречаясь на дороге с путником, чаще на перекрестках или поворотах дорог, он своей «окаянной силой» почти мгновенно убивает попадающееся ему на пути живое существо, обычно — лошадь, реже — человека. Во Владимирской губернии, чтобы предохранить лошадь от встречника, когда ее впрягали, повод уздечки продевали в кольцо при дуге «по ходу», т. е. вперед, а не назад. Если

встречник причинит путнику какую-нибудь болезнь, то от хвори излечивались, прощаясь с землей: «Прости, матушка-сырая земля, раба Божия (имярек)». Так говорят, стоя на коленях, на все четыре стороны с четырьмя земными поклонами (Завойко, 109 — 110). В Псковской губернии верили, что сильная буря, ветер, мчащийся по дорогам, — знак того, что кто-то погиб неестественной смертью. Довольно распространенным было убеждение, что буря — к «голове»: случается, когда где-нибудь произошло убийство. Встречного беса, по связи его с перекрестками дорог, называли также «крестовым», «кресным» (Черепанова, 32).

ГАДЮКИ

В народе существует поверье о семи братьях-гадюках. Если убить одного из них, то остальные шесть непременно отыщут убийцу и отомстят ему: ужалят так, что смерть наступит мгновенно. Детеныши гадюки появляются не из яиц, по мнению ейчан, а уже живыми змейками. Во время разрешения от бремени гадюка обвивается вокруг дерева хвостом вверх и старается пожрать своих падающих вниз детенышей. Немногим счастливчикам удается спастись от зубов матери. С первых дней существования ожесточенные своей матерью, гадюки до самой смерти приносят одно зло. Поэтому убить гадюку — доброе дело, за которое сорок грехов снимается с человека. Отвар из убитой гадюки использовали в колдовских целях: если полить этим отваром любую пищу и съесть ее, то

можно приобрести дар понимать язык животных и птиц. Высушенная голова первой увиденной весною и убитой гадюки, если ее повесить на шею, излечивала любую *лихорадку*. От укушения гадюки в заговорах обращались к Царице-гаднице: «На синем море есть остров, на острове груша, на той груше гнездо, а в том гнезде Царица-гадница. Царица-гадница, собери ты своих цариц-гадниц степовых, полевых, водяных, гноевых; единицу, двойни́цу, третьяку́, четвертаку́, пятаку́, семику́, восьмику́, девятку́, десятку́. Единица, выйми ты зубы-зубища, жало-жалище!» Или: «На море на океане, на острове Буяне сидит Царица-гадница, она сидит и говорит: „Я не укушу, а отверну свои гады водяные, лесовые, степовые и все гады подкоморные от раба Божия (имярек)"» (Сборник материалов-29, 22 — 23, 28, 43 — 44). См. также *Змеи*.

ГЛУХА́РЬ

Вещая птица, которую, в отличие от обычного глухаря, никто никогда не видел. Кубанские казаки рассказывали, что глухарь, подобно домовому, предсказывает судьбу хозяевам дома, прилетая только к тем семьям, в которых вскоре должно случиться большое несчастье или радостное событие. Глухарь садился на дымовую трубу и кричал до тех пор, пока его не услышат хозяева. Если глухарю не удастся разбудить своим криком людей в первую ночь, то он прилетает во вторую и кричит еще громче. Чтобы узнать, что предрекает птица, нужно спросить: «К добру или к худу?» Но если хозяева дома пожелали бы остаться в неведении относительно своего будущего, им следует убить глухаря (Сборник материалов-36, 146 — 147). В Вологодской области «на страшно́й неделе *гоностáря* слушать ходили. Он пел от великого четверга до Христова дня, только два дня. Что за птица, никто не видал» (Черепанова, 17).

ГНЕ́ДКЕ

1. Гнетеница, гнетке, гнеток, гнютеница, заженик, намной.

Дух, давящий по ночам спящих и мучающий их кошмарами. Одной породы с *домовым* (см.). Ночью наваливается на мужчин и женщин: горячий, маленький, весь в шерсти. Ясно его не видел никто. Людям от него нет ни худа, ни добра, но говорят, что давленный им когда-нибудь разбогатеет (Георгиевский, 60). 2. Гнетеница, гнетуха — одна из сестер-*лихорадок* (см.).

ГО́СТЬЯ О́спа (см. *Оспа Ивановна*).

Дух этой болезни. Во время эпидемии говорят: «Гостья ходит» или: «Гостьица Ивановна ходит» (Куликовский).

ГУМЕ́ННИК См. также *Овинник, Подовинник*.

Дух, родственный домовому-дворовому, обитающий в овине на гумне. Овины выстраивали на задворках жилых изб для просушки хлеба. Задымленный и почернелый как уголь, овин напоминал «лютого волчища, у него выхвачен бочище, не дышит, а пышет», как подсказывает загадка, сложенная о нем. Поскольку без огня овина не высушишь, а сухие снопы — что порох, то и суждено овинам гореть. В пожарах, уничтожавших хлебные запасы старого и нового сборов, винили злых духов, сидевших в яминах под садилами для снопов. Гуменник сжигал овин в тех случаях, когда с ним непочтительно обращались или работали в его владениях в неурочные дни, например на Воздви-

женье (14 сентября) или Покров (1 октября). Начинать работу в овине надо было с 24 сентября, с дня святой мученицы Феклы, которую звали в народе Заревницею. В старину почти весь этот день бывали песни и забавы, и только с полуночи зажигали огонь и при нем начинали молотьбу в овине. Овин издавна пользовался большим религиозным почетом. Церковный устав святого Владимира в числе других языческих предрассудков называл моление под овином. В слове Христолюбца есть указание — «еже молятся огневи под овином». В Орловской губернии вплоть до конца XIX века 4 сентября под овином резали кур перед началом молотьбы, в других местах уцелел обычай резать петуха 1 ноября (Калинский, 297). Гуменник (овинник, подовинник), заставлявший почитать свои «именинные» дни, был, вероятно, прямым потомком того овинного духа, которого почитали язычники Древней Руси.

Опытные и догадливые люди, собравшись топить овин, просили позволения у «хозяина»; вологжане, после того как сбросят последний сноп с овина, обращались лицом к овину, снимали шапки и с низким поклоном говорили: «Спасибо, батюшко овинник, послужил ты нынешней осенью верой и правдой!»

Гуменник наказывал работающих в неурочные дни не только в период просушки хлеба и молотьбы, но и в другое время года. Одна женщина отправилась трепать лен в ригу в чистый понедельник, ее сопровождала подруга. Только они вошли, как кто-то затопал, захохотал так, что ее товарка кинулась бежать, а смелая баба осталась трепать лен. Ее не было так долго, что домашние пошли за нею, но нигде не могли найти. Лишь спустя несколько дней заметили на гребне висящую ко-

жу, начали вглядываться — и испугались: это была кожа той женщины, вся целая, так что можно было различить лицо, волосы, следы пальцев на руках и ногах (Максимов, 56 — 60).

Гуменник — вещун, предсказатель. На Новый год ходили к гуменному хозяину слушать: звук подгребающей метлы — к добру, звук метлы, которой будто бы что-то разметают, — к бедности, к худу (Черепанова, 29). В Васильев вечер на гумно ходили гадать девушки о своем замужестве. Гадающая поднимала на голову платье и становилась задом к окну сушила: если гуменник погладит мохнатой рукой — будет жить богато, голой — бедно. Некоторые протягивали руку и следили, как до нее дотронется гуменник. Также гадали в банях, у банника.

В Архангельском крае загадывали на гумне о будущем урожае. Крестьяне в Новый год собирались на гумно, брали с собою нож и парус, садились на середину гумна, ограждали себя круговой линией, прочерченной ножом, и накрывались парусом. Если послышится шум бросаемых снопов и стук молотильных цепов — наступающий год будет изобильным, и, наоборот, тишина предвещала неурожай. Молотили в это время духи, и, если бы кто-нибудь из гадающих не досидел в круге до окончания демонской работы, они закололи бы такого смельчака ножом (Афанасьев-1, 289).

ДВОРО́ВО́Й См. *Домовой.*

ДЕД В ИЗО́РВАННОЙ ША́ПКЕ
Повелитель северо-западного ветра в устье Волги. Берет с собою дождь, но не сеет разрушений, как буря — *Маряна.* Его шапка изорвана в поединке с Маряной, которая одержала верх над Дедом. Когда бьются Маряна с Дедом, морские волны столбом поднимаются к небу и крутят и топят морские суда. Затем гнев Маряны переносится на леса: она с треском ломает деревья, вырывает их с корнем и бросает в море (Саратовский справочный листок, 1878).

ДИ́ВЬИ ЛЮ́ДИ Дивовища, дикие люди, оплетаи, песиголовцы, получеловеки.

Люди дивии, найденные царем Александром Македонским. Ровинский-2, № 298.

«Дивьи» — от «диво», «чудо», т. е. чудовища. Диковинные, удивительные народы, живущие в далеких землях, уроды с песьими головами и хвостами, одноглазые, с лицом на груди, с одной ногой, с большими ушами, которыми они закрываются как покрывалом, обычно исполинского роста, реже — карлики. Вера в существование дивовищ зародилась в глубокой древности из представлений о вражеских племенах, далеких народах, отличавшихся нравами, обычаями, одеждой, не похожими на свои, привычные.

В Россию рассказы о дивьих людях проникали с Запада, через Византию, позднее — Польшу, из западных космографий, книги о Христе Козьмы Индикоплова, «Александрий» (повестей о завоевательных походах Александра Македонского), «Луцидария» («Просветителя»), о них писали в «Азбуковниках». Образы дивовищ встречаются в христианских легендах, например о Гоге и Магоге, заключенных Македонским, но в будущем они освободятся специально для того, чтобы в конце мира принять участие в истреблении человечества.

Расширение связей России с другими народами, торговые путешествия и завоевательные экспедиции способствовали распространению слухов и толков о дивьих людях, которых усматривали, например, в «самояди» — поедающей себя, со ртом на темени, о людях, ходящих с огнем под землей, в «зверообразных» племенах Сибири, в чудесных лекарях (возможно, шаманах), в пигмеях (может быть, низкорослых лопарях) и т. д. Некоторые образы дивовищ возникли на основе своеобразно истолкованной информации о далеких экзотических странах, их флоре и фауне. Обычай африканских племен протыкать уши и ноздри, вдевая в них огромные кольца, мог дать толчок

рассказам о необыкновенно больших ушах, висячих носах; известия об орангутангах приводили к появлению толков о живых сатирах — полулюдях, поросших волосами, как их и изображали на лубочных картинках. Классическая мифология, легенды о кентаврах, фавнах, циклопах, проникавшие в народную культуру XVII — XVIII веков, создавала почву для возникновения фантастических образов, например сказочно-лубочного Полкана (полуконя).

Русские книжники упоминали разные горы как место обитания нечестивых дивних народов: в Угорской земле на излучине моря есть скалы высотой до небес, в них слышен крик, говор и стон, те, кто там заключены, секут гору, стремясь освободиться, но просекли они малое оконце, сквозь которое просят себе железа. К тому месту дорога непроходимая, занесена снегом, поросла лесом и изрыта пропастями. В путешествии Василия Гагары (1634) говорится о дивиих зверях, Гоге и Магоге, загнанных Александром Македонским в ущелья грузинских гор.

На основе древнерусских переводных повестей об Александре Македонском появились лубочные картинки и устные пересказы, в которых покорение завоевателем разных народов и государств заканчивается победой над дивиими людьми. Покорил царь Александр все царства земные и зашел на край света, где были такие народы, что, как ни храбр был Македонский, ужаснулся их: «...свирепы пуще лютых зверей и едят живых людей; у иного из них один глаз, и тот во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бегают они так быстро, как летит из лука стрела. Имя этих народов было: Гоги и Магоги». Долго вел с ними войну Александр, и побежали

дивьи народы, загнал их царь в трущобы, пропасти и горы, свел над ними одну гору с другой сводом, поставил на своде трубу и ушел назад в свою землю. Подуют ветры в трубу, подымется страшный вой, а дивьи люди думают: «О, видно, еще жив Александр Македонский!» (Афанасьев, Сказки-3, № 318).

Из летописных указаний можно догадаться, что в древности представление о дивьих народах соединялось с иноплеменниками, половцами и татарами, которые неведомо откуда явились воевать русскую землю. В Западной Европе также существовало убеждение, что татары вышли из тартара, а в гуннах видели великанов, рожденных от браков ведьм с лешими и колдунами. В русских былинах образы уродов, близкие дивовищам, свойственны врагам богатырей — татарам, Идолищу (голова с пивной котел, руки — грабли, ростом с большой бугор), Тугарину Змеевичу на крылатом коне, получеловеку-полуптице Соловью-разбойнику, Одихмантьеву сыну.

Иногда лешего называли «диким мужиком», а лешачих — «дивоженами», «дикими людьми» называли одолеваемых жаждой битв великанов, переходящих вброд глубокие моря. Голова такого сраженного великана была подобна громадному холму. По преданиям, Степан Разин обречен на вечные муки: к нему, заключенному в горе, летает змей и сосет его за сердце. Вместе с Разиным в пещере живут получеловеки об одном глазе, одной руке и одной ноге, чтобы передвигаться, они складываются по двое и тогда бегают очень быстро. Плодятся, выделывая себе подобных из железа. Дым и смрад, исходящий из их кузниц, разносят по ветру повальные болезни: мор, оспу, лихорадки (Афанасьев-2, 454 — 455, 618).

ДИ́КАЯ БА́БА

Помощница ведьмы или сама *ведьма*. Колдуны посылали их к людям, чтобы они делали им разные пакости. Роженицам, молодым матерям они подменивали детей собственными ведьминками, которые не жили дольше семи лет и были очень злы и глупы. Дикие бабы сосут кровь из грудей маленьких детей, отчего дети бледнеют и хиреют. Дикая баба — летун, является во сне или наяву молодым мужчинам златокудрой красавицей, очаровывает она и женатых, так что они уходят от своих жен, и, пока летавица сама не оставит мужчину, никакая сила не вернет его жене. Летает с помощью сапог-скороходов, если их снять, она теряет сверхъестественную силу, послушно идет за человеком, укравшим ее сапоги, и верно ему служит. Застать дикую бабу можно в поле или на огороде, где растет горох, до которого она большая охотница (Яворский, 439 — 441).

ДИ́КИНЬКИЕ МУЖИЧКИ́

Сродни *лешим*, жили в старину в Хоперских лесах Саратовской губернии: существа небольшого роста с огромной длинной бородой и хвостом. Бродили по лесу, перекликаясь в глухую полночь страшными голосами, нападали на людей, с хохотом щекотали их по всему телу костяными пальцами, пока они не умирали в их руках (Зеленин-1916, 1259).

ДОМА́НЯ Жена *домового* (см.).

Ее муж живет на брусу (средней балке, матице, в крестьянской избе), она сама — в подполье. Если домовой заканчивает недоделанные дела за

5 Заказ 1077

хозяев-мужчин, то она — за хозяек. Доманя, невзлюбившая хозяев, тупила топоры, путала пряжу, разбрасывала посуду. Домового обычно звали Иваном, доманю — Марьей, их облик сходен с внешним видом домовладельцев. В новый дом зазывали и домового, и доманю: «Иван да Марья, идите с нами на новый двор!» — так говорили трижды, пятясь задом из старого дома, а в воротах нового говорили: «Домовой, дворовой, милости просим с нами на новый дом, мы дорогой, а ты стороной», стоя лицом к улице. Доманя знается с лесаней, женой лешего. Один путник заблудился в лесу и вышел к огромному дому. Заглянул в окно, видит: в комнате идет большой плач, посреди комнаты — покойник. Постучался, ему открыли, дали проводника-мальчика и попросили передать домане, что лесаня умерла. Приходит мужичок домой и все рассказывает жене, и только дошел до того места, что лесаня умерла, — кто-то как заревет у него под печью, да вон из избы, бежит да ревет, так и убежала в лес. Доманя предсказывает смерть хозяйки. Один крестьянин, возвращаясь домой, увидел, как его жена с веревкой в руках лезет на чердак: «Ты куда?» А в него оттуда: бух! кирпичом. Вошел в избу — баба дома сидит. А через три дня повесилась (Владимирская губ.).

ДОМОВО́Й Иначе: батанушко, батько, батюшка, батюшка-домовой, большак, большачек, вещун, дворной, дворовой, дворовик, дедушка-атаманушко, дедушка-соседушко, доброжил, доброхот, домовик, домовитой, домовитушко, доможил, доможир, доможирушко, другая половина, жировик, избенный большак, карноухий, конюшник, кормилец, кормильчик, лизун, набольший, нежить, некошный, он, отаманушко, постен, сам, сараяшник, соседушко Потапушко, старик, сусед, суседко, суседушко-дворовый, табунник, хлевник, хозяин-батюшка, царь дворовый.

Домашний дух. В его ведении жилые и хозяйственные помещения дома. Из всех демонических существ домовой пользуется у людей наибольшей любовью. Домовые — предки рода, проклятые Богом на определенный срок, не принятые землей. Домовой обречен служить нескольким поколениям своих потомков, причем каждый раз со смертью хозяина он принимает образ покойного (Звонков, 76 — 77). Это дух домашнего очага, заменивший языческого Рода или Чура. После смерти хозяина он долго воет по ночам, оплакивая его.

Людям показывается в разных образах: монахом, предсказывающим спящим судьбу (Чулков, 190 — 191), свиньей, катающейся по двору на лошади, страшилищем, покрытым грубой шерстью, седым стариком с длинными волосами и бородой, одетым в свитку ярко-желтого цвета, зимой и летом в мохнатой шапке (Владимирская губ.), маленьким дедушкой с большой белой бородой, верхом на лошади (Терские ведомости, 1891), высоким черноволосым мужчиной, похожим на хозяина дома, мужиком, кормящим скотину или лежащим на перемете — поперечной балке сарая или конюшни, откуда он длинной хворостиной щекочет какое-нибудь животное и улыбается, когда оно прижимает к земле то одно, то другое ухо. Домовой неуклюж, как медведь, у него толстые руки и ноги, всё в шерсти, голова человечья, но с маленькими рожками, сзади — хвостик. По цвету шерсти может быть рыжим, черным или белым (Колчин, 29 — 34). Домовой — оборотень, он может привидеться охапкой сена, собакой, га-

дюкой, кошкой, но чаще всего — кем-нибудь из членов семьи, например самым старшим — дедом или бабкой (Костоловский, 137).

Часто домового видят отдыхающие люди, потому что и домовой, после всех трудов на дворе, любит отдохнуть и погреться в доме. Грелся раз мужик вдоль печки, вдруг кто-то входит в избу и идет прямо к печи: а на печи уже лежит человек, ему пройти нельзя. Он и сказал мужику: «Ну-ка, пусти меня погреться, я на дворе горазно озяб». Мужик отвернулся и пустил его на печку, а он лег и руки за голову положил; мужик потрогал руки — а они у него шоршнатые, будто овчиной поволочены, тут он и узнал домового. Домовой погрелся и ушел из избы.

Молоденькую девушку домовой согнал с лежанки, обернувшись ее отцом, девушка рассказывала: «Сплю я на лежанке. В головах у меня ничего не было. Пришел ко мне тятя и будит меня: «Таня, Таня, пусти-ко меня, девушка, на лежанку!» Я пробудилась и говорю: «Тятя, да у меня ведь в головах-то нет ничего!» А он говорит: «А вот у меня своя подушка есть». Я погляжу, а он и вбыль с подушкой стоит. Я слезла с лежанки: «Ну, коли есть подушка, так ступай, ложись». Он и лег. Я того же часу в горницу сошла, а тятя спит на постели. Тут я и подумала, что это был домовой» (Новгородская губ.).

Домовой показывается людям перед несчастьем, иногда прямо указывает на близкую смерть кого-либо из домашних, являясь его двойником. Так, например, перед смертью хозяина он садится на его место, выполняет его работу, надевает его шапку (Даль-1880, 15). Вышла девушка на поветь дать корм коровам и видит: вместо нее уже сидит женщина вся в белом. Через пять дней девушка

умерла (Богатырев, 57 — 58). Домовой знает судьбу каждого из членов семьи, но одних любит больше, других — меньше, и не всех предупреждает об опасности, не о каждом тоскует и плачет. В одной семье в неге и холе жила девушка, единственная дочка родителей. Нашли ей богатого парня по сердцу, стали готовиться к свадьбе. Все бы хорошо, а матери по ночам слышатся причитания дочери, глухо, как в подушку: «Зачем, матушка, на срам отдаешь?» Мать зажгла свечу, видит — дочь спит спокойно, улыбается. Тосковал по ней «хозяин», беду пророчил. Вышла девка замуж, а через год свекровь умерла. Свекор был еще молод и стал докучать ухаживаниями жене сына. Сын как-то застал жену в объятиях старика-отца, избил обоих и скрылся, с тех пор о нем ни слуху ни духу, а дочка домой вернулась; истаяла, как свечка, вскоре ее и похоронили (Калужская губ.).

Говорит домовой редко, сообщая о будущем звуками, жестами, а если и речью, то похожей на шелест листьев или завывания ветра. Спящих домовой щиплет до синяков. Иные, если смогут опамятоваться, спрашивают: к добру или к худу? любя или не любя? — и удостаиваются ответа: домовой погладит мохнатой рукой, скажет ласковое слово, засмеется — к счастью, выбранит, заплачет, продолжает зло щипаться — к худу. Иногда вскочит сонному коленями на грудь и душит человека, впрочем, никогда до смерти. При этом домовой бранится по-русски грубым, глухим голосом, раздающимся как будто со всех сторон сразу. Когда он душит, то отогнать его можно только такой же русской бранью, и это верно: если в припадке удушья сможешь заговорить, то всегда опомнишься и проснешься. Иные в это вре-

мя спрашивают: к добру или к худу? — и дедушка глухо завывает: к ху-у-ду! (Даль-1880, 15).

Домовой будит спящих во время бедствий. Хозяин дома спал ночью на печи, вдруг к нему привалился кто-то холодный и говорит: «Подвинься, я лошадь убрал». Соскочил крестьянин на пол, глянул в окно, а там — заревище, едва успел спасти от пожара людей и животных (Калужская губ.). Потянет за руки или за ноги дремлющего: вставай, в доме непорядок, во дворе воры, коней уводят. Домовой сообщает и хорошие новости, но гораздо реже, чем плохие. Покажется хозяйке давно ушедшим на заработки супругом — и тот скоро вернется.

Чудесное спасение ребенка, оставшегося во дворе без присмотра, может быть также делом рук домового. В одном доме хозяева задумали подправить сруб глубокого колодца. Плотники разобрали наземную часть сруба, а образовавшуюся «пасть» не закрыли досками, пошли обедать. Пятилетний ребенок, желая посмотреть, что там, в глубине, нагнулся над колодцем и упал вниз. Вскоре родители хватились мальчика и увидели открытую пасть колодца. Сейчас же один работник спустился туда и, к великому изумлению родителей, вытащил целого и невредимого мальчика, который даже не ушибся. Ребенок рассказал, что, как только он упал, его подхватил на руки дедушка — «похож на нашего дедушку» — и вместе с ним опустился в колодец. Там он положил мальчика на ладонь, а сам стал на дно и держал его поверх воды, пока за ним не спустился рабочий. «Он велел мне не кричать, не болтать ногами и не креститься!», — сказал мальчик, из последнего домашние вывели, что это был домовой (Калужская губ.).

Похожая легенда есть в Прологе о святом Иулиане. Однажды преподобный Иулиан остановился у одной богобоязненной жены, имевшей единственного сына. Когда она прислуживала святому во время трапезы, дитя упало в колодец. Чтобы не прерывать трапезы святого, мать закрыла колодец. Когда его открыли, то увидели ребенка играющим поверх воды, святой подал ему руку и извлек из колодца (Калинский, 304 — 305).

Далеко не все действия домового нужно принимать всерьез, это один из самых озорных демонов, суседко любит проказничать, шутить; его легко обидеть, и тогда он бьет посуду по ночам, срывает со спящих одеяло, сбрасывает их на пол, стучит в подызбице, щекочет спящих, наваливается косматой грудью на молодых. Следы проказ домового нередко видны днем; например, посуда вся очутится за ночь в поганом ушате, сковородники сняты с древка и надеты на рога ухвата, столы, скамья, стулья переломаны или свалены все в одну кучу (Даль-1880, 15). Впрочем, говорят, что домовой проказит больше в тех домах, где в семье живут недружно, постоянно бывают драки и ссоры, там, где семейство живет ладно, согласно, домовой не беспокоит жильцов, помогает ухаживать за скотом, ночью доделывает за хозяев брошенную работу. В таком случае говорят: домовой «по двору».

О том, где живет домовой, судить трудно, но чаще всего указывают на печь как на его излюбленное местонахождение: около дымовой трубы, на чердаке, где он устраивает себе постель (Владимирская губ.). Некоторые считают, что жить на чердаке он стал лишь в последнее время, а раньше жил в избе, лежал на лавке-казенке, пристраиваемой вдоль печи специально для домового, до

сих пор казенка — нечистое место, на нее не кладут ни хлеба, ни креста.

Известно, что бес в образе огненного змея ходит к солдаткам и вдовам через печь — рассыплется над домом снопом искр, а в избе оборачивается умершим или уехавшим мужем. Тут-то и происходит ожесточенный поединок между бесом и домовым, но змей обычно остается победителем, так как домовой боится огня (Звонков, 76 — 77). Живет домовой и под печным столбом. В свадебных приговорах дружки есть выражение: «Жених с невестой за дубовым столом, а старик со старухой за печным столбом» (Завойко-1917, 40).

Под печку ставят угощение для домового, например маленькие хлебцы и даже водку. Однажды, сидя в компании, хозяин угощал гостей водкой; гости пили и желали хозяину здоровья. Вдруг у всех на виду из-под печки высунулась голова вроде кошачьей и глухим голосом попросила: «И мне дайте». Хозяин налил в черепок водки и поставил его в подпечник. Когда через некоторое время хозяин и гости осмотрели черепок, то нашли его опорожненным (Сборник материалов-16, 61 — 62). Как-то раз путник, олончанин, зашел в брошенную нежилую избу, закусил, а чего не съел — положил на печь. Домовой принял это за угощение и проговорил тихим голосом: «Благодарствуешь, кормилец, на памяти, обогрейся себе и ничего не бойся», — и всю ночь охранял постояльца от нечистой силы, которая в нежилой избе беспокоила многих путников (Рыбников-3, 191).

В Томской губернии в сочельник накануне Крещения кладут под голубец (деревянная пристройка к печи с ходом в подполье) маленькие булочки и лепешки, нарочно для домового испеченные. В других местах хозяйка оставляет ему

Трапеза благочестивых и нечестивых. (Трапеза нечестивцев). Ровинский-3, № 757.

на загнетке (передпечье) горшок каши 28 января: ровно в полночь домовой выходит из-под печи и ужинает. Если в этот день хозяйка забудет угостить домового, то он из доброго сделается лихим: люди начинают заболевать в доме, скот худеть, в полях — неурожай, со всех сторон — напасти (Афанасьев-2, 105).

Помимо печи, указывают на темные углы (под веником), верх потолка, подполье и хлевы как на жилище домового; видели его на чердаках, в чуланах (Максимов, 37). По-видимому, у домового есть семья, хотя многие утверждают, что он совершенно одинок. Жители Новгородской губернии считали, что домовой, имея вид хозяина, женат и у его супруги — домани — столько же детей, сколько у хозяина. В некоторых местностях Поморья, на Русском Севере, женщина, перед тем как лечь спать, говорит: «Хозяин, хозяюшка с малыми деточками, благословите нас на всю ночку спать!» (Цейтлин, 158). В Олонецкой губернии, где домашнего духа обычно называли «дворовым», «избенным большаком», он вместе с семьей живет в подполье. Живут как обыкновенные люди: едят, пьют, женятся и время проводят так же, как и крестьянская семья в своей избе. Что домовой-большак прикажет, то все и делают. По внешнему виду они совсем как люди, только чуть темнее лицом. В подполье им холодно, и ночью они приходят погреться в избу, но света они боятся. В деревне Авдеевской Олонецкой губернии в избу ночью вошла баба с зыбкою, повесила зыбку и стала качать ее, греясь у печки. Услышав шум, хозяин дома зажег спичку, она — сейчас в дверь и зыбку взяла с собой. Хозяин лег, но тут вошел сам дворовой и стал его укорять: «Жалко тебе избы, что ли? Не пустил бабу погреться!» Хозяин

вновь зажег спичку — все исчезло (Харузин, 323 — 324).

Крестьяне Тульской губернии говорили, что у домового нет семьи, а есть подчиненные, которые живут в надворных постройках: сараях, ригах — и во всем ему подчиняются. Сам же домовой, если в доме есть лошади, все время проводит с ними, а если нет, то сидит за трубой на чердаке или спит в сенном сарае. На зиму переходит в избу: под печку, под порог или угол избы (Колчин, 29 — 30). На Русском Севере дворовой — хозяин каждой лесной избушки, построенной специально для охотников и путешественников, вынужденных заночевать в лесу. При входе в лесную избушку к нему обращаются с молитвой: «Большачок и большушка, благословите ночевать и постоять раба Божия (имярек)». Людей, отдавшихся под его покровительство, дворовой охраняет от нечистой силы, отказывая в помощи тем, кто вошел, не спросив его разрешения. Последних пугает леший, греющийся у печки. Домовой не пустил бы лешего, если б постоялец прочел молитву (Харузин, 323 — 324).

У домового проложены дороги в избе, в амбаре, в бане и в хлеве. Никто не ляжет в избе на тропе домового: на пути к двери, например, — из боязни загородить ему дорогу, когда ночью домовой будет осматривать свое хозяйство. На человека, легшего спать у него на пути, домовой может напустить хворь, измучить ночными кошмарами, удушьем. Спать обычно ложатся головами к передней стенке, где иконы, и никогда — к переднему углу ногами (Костоловский, 137).

Подобно всем демонам, домовой склонен к блуду, и если кого полюбит — соперников не потерпит. Любовница домового не сможет выйти за-

муж, домовой задушит ее из ревности. В 1880-х годах в деревне Куровской Кадниковского уезда Вологодской губернии жила старая девка Ольга, к ней дворовушко ходил спать по ночам и всякий раз ей косу заплетал с наказом: «Если будешь ее расплетать да чесать, то я тебя задавлю». Так она и жила нечёсой до тридцати пяти годов: и головы не мыла, и гребня у себя не держала. Но вот задумала она выйти замуж. Настал девичник, пошли девки в баню и Ольгу, невесту, взяли. В бане стали ее мыть, косу долго не могли расчесать: так круто закрепил ее дворовушко. На другое утро надо было венчаться. Пришли к невесте, а она мертвая лежит в постели, и вся черная: дворовушко-то ее и задавил (Максимов, 46).

Но подлинная страсть домового — лошади. По всей России, от берегов Белого моря и Онежского озера до казачьих поселений юга, домовой известен прежде всего как хозяин хлевов, скотных дворов. Это вполне согласуется с распространенным представлением о том, что баба да кошка должны быть в избе, а мужик да собака — на дворе, что от хозяина должно пахнуть ветром так же, как от хозяйки — дымом (Даль, 1984-1, 290). Покровительство домового выражается в том, что домашний скот сыт и здоров, шерсть у лошади гладкая, лоснящаяся. Любимую лошадь домовой по ночам поит, кормит, подгребает ей ближе к морде сено, которое порой даже ворует у соседнего дворового-домового, чистит скребницей, заплетает гриву и хвост, подстригает уши и щетки. Казаки находили вплетенными в гриву лошади золотые и серебряные кольца и подвески и не снимали украшений во избежание того, чтобы домовой не разлюбил лошади (Сборник материалов-16, 63).

Мешать домовому в уходе за скотом ни в коем случае нельзя: доведет до разорения. У одного тульского крестьянина были хорошие лошади, и он все хотел посмотреть, как домовой за ними ухаживает. Составил он бороны шалашиком, спрятался туда и видит, как домовой взял домашнюю кадку и поехал за водой. А воду из этой кадки вся семья пила, тошно стало хозяину, что он от нечистого воду пьет, и на следующий день, прежде чем лечь спать, хозяин выбил дно у кадки, чтобы домовой не смог набрать в нее воды. Домовой, как обычно, погладил, приласкал лошадок и поехал с кадкой к колодцу. Лил-лил воду, а она все выливалась. Рассердился домовой, растрепал сани с бочкой, перебил на дворе весь скот, всех лошадей, все переломал. Взвыл хозяин благим матом, да сделанного не воротишь! (Колчин, 29 — 34).

Если лошадь домовому не полюбится, то он ее обижает, есть не дает, из-под морды корм отгребает, ухватит за голову и мотает из стороны в сторону, сбивает гриву в колтуны, которые остригать опасно, а расчесать невозможно; а то сядет на лошадь и катается, к утру приведет всю в мыле. Такая лошадь скоро спадает с тела и погибнет, если вовремя ее не сбыть с рук. Осерчав на лошадь, домовой может перебить у нее зад, протащить в подворотню, забить под ясли, даже закинуть в ясли вверх ногами (Даль-1880, 12 — 13).

Как и лешего, домового можно увидеть через три бороны, составленных вместе шалашиком так, чтобы человек находился внутри. Борона вся состоит из крестов, а кресты отпугивают нечистых духов, и они не трогают человека. Можно также надеть на себя хомут и — непременно в пасхальную ночь — покрыться сверху бороной зубьями на себя, спрятавшись между лошадьми, которых

он особенно любит. Но говорят также, что если домовой увидит человека, за ним таким образом подсматривающего, то может до смерти забить любознательного; лошади начинают бить задом по бороне, а им крест не страшен (Максимов, 34).

Впрочем, сведущий хозяин найдет управу на домового, если увидит, что тот вгоняет в пот лошадей. Было это в Олонецкой губернии, в Петрозаводском уезде. Заметил хозяин шалости домового на скотном дворе, купил новый кнут и ночью забрался под ясли караулить. Видит: бежит по двору свинюшка и — прямо к лошади. Вскочила на спину, похрюкивает да ножками лошадь топочет. Вылез хозяин из-под яслей и ударил свинюшку кончиком кнута, не задев лошади. Свинюшка так испугалась, что соскочила с лошади и стала бегать по двору, а хозяин — за ней, да и дерет ее кнутом. До того свинюшку бил, что она легла на спину и только ножками шевелит. Хозяин прекратил экзекуцию, повесил кнут на стене, и с тех пор домовой не смел трогать лошади. Кнут для такого случая обязательно должен быть новым и не мазанным дегтем (Георгиевский, 59 — 60).

Во Владимирской губернии, чтобы домовой не мучил лошадь, к ней привязывали кнут и рукавицы, а в крещенский сочельник метили мелом кресты на хлевах. У казаков хозяин в полночь шел нагим в конюшню, брал чекушу (вид большого деревянного молотка) и бил ею в яслях и по углам (Сборник материалов-16, 63). По вологодским местам, обезумевшие от злых проказ домовых, крестьяне кололи навозными вилами нижние бревна двора с приговором: «Вот тебе, вот тебе за то-то и вот это»; в Новгородской губернии догадливый хозяин запасался ниткой из савана мертвеца, вплетал ее в трехцветную ременную

плеть и залеплял воском. В самую полночь, засветив эту нитку и держа ее в левой руке, он шел во двор и бил плетью по всем углам хлева и под яслями: авось как-нибудь попадет в виновного (Максимов, 45 — 46).

Наконец, можно было просто оговорить домового, он посердится, но шалить перестанет. В одном доме домовой бил кошек, бросая в них чем попадя. Раз ухватил он кошку и бросил наземь, а баба тем часом оговорила: «Зачем бросаешь? Разве это хозяйство? Нам без кошки прожить нельзя: хорош хозяин!» С той поры домовой перестал бить кошек. Мужик как-то увидел, что домовой гоняет по двору на пегашке, ажно вся в мыле, сердечная. «Зачем лошадей заезжаешь, кто тебя просил?!» — оговорил он; вместо ответа домовой пустил в него поленом, а все-таки перестал мучить пегашку (Афанасьев-2, 99).

Иногда приходилось приглашать колдуна, чтобы он унял домового. Колдун в полночь резал петуха, выпускал его кровь на голик и этим голиком выметал все углы в доме и во дворе, с соответствующими заклятиями.

С целью усмирить домового, крестьяне кропили святой водой все углы избы и двора, вешали в конюшне медвежью голову, убитого ястреба или сороку, зарывали перед жильем череп козла, окуривали дом и хлев медвежьей или козьей шерстью, затыкали в щели дома козью шерсть или чертополох.

Стремясь поладить с домовым, порой искали встречи с ним, чтобы заключить договор о дружбе. Происходило это следующим образом. В глубокую полночь домохозяин выходил во двор, вставал лицом к месяцу и произносил: «Хозяин, стань передо мной, как лист перед травой, ни черен, ни

зелен, но таков, каков я. Я принес тебе красное яичко». Домовой являлся в человеческом образе и, получив красное яйцо, становился спокойным. Или: с яйцом и с зажженною свечкою, оставшеюся от пасхальной заутрени, крестьянин вставал ночью, до петухов, перед растворенной дверью хлева и говорил: «Дядя дворовой! Приходи ко мне ни зелен, как дубравный лист, ни синь, как речной вал, приходи — каков я. Я тебе христовское яичко дам!» Тогда домовой выйдет из хлева — точь-в-точь похожий на того, кто его вызывал. О свидании с ним он требует хранить тайну; если мужик проболтается, то домовой доведет его до самоубийства или сожжет избу. Вместо красного яйца могли взять следующие снадобья: к поясу привязывали корень травы плакуна, на шею — змеиную головку с озимью, взятую с трех полей, в одно ухо вкладывали клочок козьей шерсти, в другое — клочок летнины (кудели, которую бросает баба, допрявши шерсть). Затем ночью шли в хлев, затворяли за собою дверь и говорили: «Суседушко-домоседушко! Раб к тебе идет, низко голову несет, не томи его напрасно, а заведи с ним приятство, покажись ему в своем облике, заведи с ним дружбу да служи ему легку службу». Вслед за тем послышится легкий шорох, явится домовой и заключит с мужиком договор, по которому он обязуется помогать хозяину во всех делах, а мужик дает обещание держать на дворе козу и давать домовому по восковой свече на каждую ночь (Афанасьев-2, 108 — 109).

Добрый домовой — идеал хозяина, как понимал его русский человек, — днем и ночью хлопотал, чтобы все было в порядке, замечал всякую мелочь, надзирал за овинами и амбарами, огородом и хлевом, за скотом и птицей, помогал рас-

торговаться. Мужику, который сумеет угодить домовому, — удача за удачей: покупает он дешевле всех, продает с прибылью, рожь его цветет невредимо в то самое время, как у соседей побита градом. На Руси верили, что от домового можно получить даже неразменный рубль (см. *Клады*): в чистый четверг наливали миску борща с кашею, брали хлеб и все это оставляли на чердаке. Если домовой воспользуется угощением, то в уплату за него оставит неразменный рубль (Афанасьев-2, 69).

Поэтому большинство домохозяев стремилось не запугать, а угодить домовому. Зная его слабость к лошадям (а у белорусов, например, домового даже представляли с конскими ушами и копытами), подбирали масть скотинки под цвет шерсти домового. Масть угадывали по цвету волос домохозяина, так как домовой — его двойник; смотрели также, какого цвета голуби водятся во дворе, — такая масть больше нравится домовому. Кто умеет слушать, тому домовой сам, своим голосом скажет, какую надо покупать скотину. В Меленках Владимирской губернии один домохозяин спрятался в яслях и увидел, как домовой соскочил с сушила, подошел к лошади и давай плевать ей в морду, а левой лапой у ней корм выгребать. Выгребает и ворчит про себя: «Купил бы кобылку пегоньку, задок беленькой!» Послушались его и купили. Домовой ночью обошел лошадь, осмотрел ее и сказал: «Вот это лошадь! Эту стоит кормить, а то купил какую-то клячу», — стал ее гладить, заплел косу на гриве, под самую морду овса ей подгреб (Максимов, 38 — 39). Перед покупкой скота клали кусок хлеба на перемет во дворе и смотрели: если хлеб будет съеден или уронен, то дедушка коровку или лошадку одобрит. Чтобы домовой полюбил скотинку, пригоняя ее с

базара, проводили во двор через овчинную шубу, разостланную в воротах мехом вверх; по четырем углам хлева клали насоленные ломти хлеба со словами: «Хозяин-батюшко, вот тебе хлеб да соль да добрый живот, пой да корми, да нас животом дари!» Если хлеб исчезнет — дворовой полюбит скотинку. Держа в доме скотину, старались, чтобы она не попала на ходы домового, т. е. на его постоянные пути во дворе: скотину, находившуюся у него на дороге, домовой бил до крови, оставляя ссадины на теле. Тогда хозяину приходилось в продолжение девяти или двенадцати зорей становиться на крышу над скотным двором и, обратясь лицом к востоку, просить: «Хозяин-батюшко, прости живота, чем он тебе досадил». После каждого заговора дуют и плюют через левое плечо (Балов, 85 — 86).

Домовой большой охотник до табака. В Вологодской губернии в уплату за табак домовой помогал ворожить одной колдунье, подсказывая ей из-под печи имена воров, места пропаж, угадывая будущее тем, кто к ней приходил ворожить. Табак разбрасывали во дворе со словами: «Домовой-суседушко, люби мою скотинушку, голубь и ласкай».

В Смоленской губернии на заговенье, перед постом, хорошие хозяева оставляли домовому накрытый стол, выносили на скотный двор часть кушаний и ставили их на топор, врубленный плашмя в левую верею ворот, и говорили: «Хозяинушка-батюшка, хлеб-соль прими, скотинку води». Во многих местах России прибегали к амулетам: над стойлом вешали камень с дырой — «лошадиного бога», а на курином насесте — горлышко от кувшина, «куриного бога». Баловали домового мелкими подарками: старинной копейкой с изображением Егория, разноцветными лоскутками, мишурой, блестками.

В каждом доме всегда один домовой, но иногда их оказывается больше: двое, трое. Это происходит в двух случаях: во-первых, когда колдун по чьей-либо злой воле напустит в дом чужого домового; во-вторых, когда, переезжая в новый дом, возьмут с собой своего домового, а там уже есть старый домовой. Иногда злой соседский домовой, завидуя доброму дворовушке, потихоньку прокрадывается во двор и чем может вредит соседу. От драк и ссор домовых падает скот, болеют люди, бывают пожары. Примирить домовых почти невозможно, чужой — всегда враг; спасая себя от несчастий, домохозяин должен выгнать чужих, оставив только своего. Услышав шум драки или ссоры, хозяин выходит во двор и бьет метлой по стене избы, приговаривая: «Бей наш чужого», бросает дугу туда, где слышится шум, с теми же словами. Свой домовой, как более сильный, всегда выгонит чужого (Колчин, 29 — 34). Изгнанием чужого домового занимались колдуны. Задача приглашенного колдуна состояла в том, чтобы обнаружить местонахождение насланной нечистой силы. В станице Червленой (Терской губ.) колдун проделал это следующим образом: он попросил яйцо, произнес над ним какие-то заклинания, попросил хозяев плюнуть на яйцо, завернул его в платок и положил на печь. Через некоторое время попросил подать яйцо, развязал платок, вынул его оттуда и разбил; очевидцы рассказывали, что из яйца выскочил омерзительный юркий червяк. «Вот он, злодей», — сказал колдун, взял его рукой, дунул, и червяк исчез. За работу колдун запросил десять рублей денег, восемь пудов хлеба и два ведра вина (Терские ведомости, 1891).

Знай себе указывай в своем доме. Ровинский-1, № 97.

Есть период, когда на буйство домового не стоит обращать внимания. Раз в году, 30 марта, с утренней зари до полуночи, до первых петухов, домовой бесится. В это время он не узнает никого из домашних, поэтому 30 марта боятся подходить к окнам, а скот и птицу запирают с солнечным закатом. Домовой тоскует и злится так, что готов весь дом сокрушить: собак перекусает, хозяину под ноги подкатывается, утварь разбросает; крестьяне объясняли временное бешенство (чуму) домового тем, что с него спадает старая шкура или что ему хочется жениться на ведьме (Афанасьев-2, 104).

Нет хуже горя и для людей и для домового, чем пожар. В Орловской губернии после пожара целой деревни домовые так тосковали, что ночами были слышны их плач и стоны. Чтобы как-нибудь их утешить, крестьяне вынуждены были сколотить на скорую руку временные шалашики, разбросать подле них посоленного хлеба и пригласить домовых на временное жительство: «Хозяин-дворовой, иди покель на спокой, не отбивайся от двора своего».

Если при переходе из прежней рассыпавшейся избы во вновь отстроенную не сумеют переманить старого домового, то он не задумается остаться на старом пепелище среди трухи развалин. Оставшийся из упрямства или по забывчивости хозяев, доможил будет страдать, томясь и скучая в полном одиночестве, даже без соседства мышей и тараканов. В Чембарском уезде Пензенской губернии домовых зазывали в мешок и в нем переносили на новое место, в Ярославской губернии их переманивали горшком каши, оставленным на загнетке (Максимов, 37). В Казанской губернии при переходе в новый дом из-под печки в лапоть на-

сыпали золы и приговаривали: «Домовой, домовой, не оставайся тут, а иди с нашей семьей»; вологжане: «Дедушка-соседушка, иди к нам», в Московской губернии, когда ломали старую избу, брали икону, хлеб и вызывали домового: «Батюшка-домовой, выходи домой!» Те же обычаи соблюдались повсеместно на Руси.

В Пермской губернии переход на новоселье происходил ночью, после первых петухов. Хозяйка покрывала в старой избе стол скатертью, ставила на него хлеб-соль, хозяин затепливал свечу перед образами, все молились Богу, затем хозяин снимал икону с божницы, прятал за пазуху, подходил к голбцу, открывал дверь в подполье и говорил: «Суседушко-братанушко, пойдем в новый дом! Как жили в старом доме хорошо и благо, так будем жить и в новом, ты люби мой скот и семейство!» Хозяин брал в руки петуха и курицу, хозяйка — хлеб-соль и квашню, прочие члены семьи забирали другие вещи и все отправлялись к новому дому. В новую избу прежде пускали петуха с курицей и ждали, пока петух пропоет, затем в дом входил хозяин и ставил икону на божницу и, открывая ход в подполье, говорил: «Проходи-ко, суседушко-братанушко!» После общей семейной молитвы хозяйка накрывала на стол, ставила на него хлеб-соль и принималась за стряпню.

В новый дом из старого всегда прежде всего вносили: икону, непочатый хлеб с горстью соли или квашню с растворенным тестом, петуха, курицу и кошку. Впуская в дом кошку, говорили: «Вот тебе, хозяин, мохнатый зверь на богатый двор!» Затем входили домочадцы и молились на икону, перед которой горела восковая свеча. Петух должен пропеть в новопостроенном доме; если он молчит, то, наверное, хозяев ждет здесь какое-нибудь горе. В Тверской губернии петуха в пер-

вую ночь после переселения оставляли в избе, чтобы крик его обязательно огласил жилище (Афанасьев-2, 116 — 119).

Несколько сложнее обстояло дело, когда в старый дом въезжали другие жильцы или в нем оставалась часть семьи, последнее случалось при разделе имущества. В казачестве, например, существовал обычай зазывать домового в ночь под Иоанна Постного (29 июня), когда хозяин, надев белье и платье наизнанку, шел в хлев, читал молитву Богородице, вынимал из старых ясель кол и говорил: «Мой домовой, пойдем со мной домой». В новом доме хозяин втыкал кол в ясли и шел переодеваться, затем возвращался в хлев смотреть приведенного домового, которого будто бы и находил лежащим в яслях в виде маленького теленка (Сборник материалов-16, 62). Но в той же губернии было распространено мнение, что перезывают домового только злые люди и обычно тайком, поэтому процедура переезда домового упрощалась: хозяева брали немного земли с навозом с прежнего жилища и переносили ее на новое место жительства. Если такая проделка будет замечена, то между прежними жильцами и новыми закипала жестокая ссора (Терские ведомости, 1891).

Что город, то норов; что деревня, то обрядня; что двор, то говор. В отношении поверий о домовом эта пословица верна в том смысле, что действительно, несмотря на явную общность традиций почитания домового по всей России, в каждой области, в каждом местечке были свои, особенные приемы обращения с этим духом, свои названия для него. На северо-западе, например, дворовой был отличным от домового духом, тогда как в других местах это одно и то же. В Псковской и Архангельской областях его любили назы-

вать «подпечником», в Вологодской — «лизуном»: «Не плачь, лизун тебя съест. Лизун-то в подполе живет», — пугали детей. В Новгородской, Вологодской и Ярославской домовой часто виделся призраком, *тенью*, за что ему и дали имя — «стень», «пастень».

Одна из наиболее замечательных черт этого духа — его необыкновенная живучесть. Домовой не только наследовал некоторые признаки древних языческих божеств — покровителей рода, домашнего очага, скота, он сам, в свою очередь, стал родоначальником множества более мелких, местных духов. Чаще всего это происходило оттого, что какое-нибудь имя-характеристика домового начинало мыслиться как обозначение самостоятельного существа. Так появились лизун (по склонности домового облизывать скотину, отчего у нее больной, неухоженный вид), гнеток, гнетеница, жмара, намной (за обычай давить во сне спящих), хлевник — маленькое белое животное, мучающее скот по ночам (Черепанова, 24 — 25), облом (за буйный характер).

У каждого домового был свой норов: есть домовые-одиночки, есть сдружливые, пускающие во двор гуменника, сарайника, конюшника (Даль, 1984-2, 349). Говорили, что домовой лешему ворог, а полевой знается и с домовым, и с лешим.

Всевозможные неожиданные явления в доме было принято рассматривать как знаки, которые подает домовой, знаки, требовавшие самого пристального внимания, поскольку их верное истолкование могло уберечь от большой беды или, по крайней мере, сделать ее менее неожиданной. Со зрительными ощущениями были связаны следующие приметы: если домовой покажется уже умершим членом семьи — к благополучию, явится двойником — к скорой смерти того, в чьем обра-

зе он показался (см. *Безымень*); если в чистый четверг покажется мохнатым — к добру, голым — к худу; покажется кому-нибудь в шапке — к худу; покажет, как дворовые («черные мужики») вносят гроб и ставят его в переднем углу, — к покойнику; но по большей части все сходились во мнении, что видеть домового — вообще к беде или к смерти.

Немало примет основывалось на слуховых ощущениях: если домовой скачет, песни играет, пляшет, подыгрывая себе на гребенке, — быть свадьбе; если плачет, стонет, охает в избе, особенно в переднем углу, — к покойнику, к смерти хозяина. Перед чумой, пожаром и войной домовые выходят из села и воют на выгонах. Если трещит передний угол или матица — хозяину грозит беда или в скором времени в доме будет покойник, вообще стук в доме от неизвестной причины — к покойнику, треск в заднем углу избы — домовой кого-то выживает; постоянные удары, стоны, стук с разных сторон — к разорению, несчастью, выселению хозяина из дома. Если домовой заиграет на крыше в заслонку — будет суд из-за какого-нибудь дела или обиды; если застучит посудой в поставце — искра выскочит или головешка упадет.

Оставаясь неслышимым и невидимым, домовой мог предупредить об опасности какими-то действиями, чаще всего щипками, толчками. Если домовой часто щиплет домашних животных и птиц, искривляет курам шеи, путает гривы лошадям, сбрасывает хозяев с саней или телеги, стаскивает с постели, душит до синих пятен, мешает во всякой работе — значит, домовой не по двору, выживает из дома. К неприятностям — дергает за бороду мужчину или за волосы — женщину (к ссорам). К болезни — обмочит кого-нибудь

ночью. Если ночью потянет за ноги или за руки — нужно вставать без промедления, в доме что-то неладно, это предупреждение об опасности. Если при отсутствии сквозняков задует у хозяина, когда он один, свечу — к смерти хозяина. Ночью погладит теплой, мохнатой рукой — к счастью и добру, к гостям; голой и холодной — к худу. Особенно часто домовой гнетет, душит, щиплет спящих. В таком случае советовали спросить его: «К добру или к худу?» Прямого ответа домовой может и не дать, но спросившему станет либо легко (к добру), либо тяжело (к худу). Если домовой часто и сильно наваливается по ночам — перед несчастьем, смертью, пожаром, болезнью скота или людей. Щиплет до синяков — к болезни или несчастью, щиплет чувствительно, но без следов — к семейным ссорам и разладу.

Домовой отдает приказания собакам и кошкам, чтобы те необычным поведением предупредили хозяев об опасности: собаки посреди двора начинают рыть ямы и выть, без видимой причины начинают беспокоиться кошки.

Домовой был опасен молодым матерям, родильницам: мог обменять у матери ребенка в течение первых шести недель после рождения, положить чурку вместо младенца. Чтобы вернуть ребенку прежний вид, его клали на порог и легонько ударяли березовым веником, поленом.

Но любые контакты с нечистой силой небезопасны. Когда шли на жительство в новый дом, домового перезывали с собой, но просили идти стороной. Хозяин, держа в одной руке икону, в другой ломоть хлеба с солью, говорил: «Дедушка домовой! Прошу твою милость с нами на новожитье! Прими нашу хлеб-соль, мы тебе рады, только мы пойдем дорогой, а ты стороной!»

ДЬЯ́ВОЛ Diabolo.

Клеветник, обольститель. Согласно учению церкви, дьяволы были некогда созданы Творцом, первоначально — как добрые духи. Они по своей воле отпали от Бога и стали падшими ангелами, духами злобы и тьмы. Все, враждебное христианству, признавалось дьявольским по происхождению (злые помыслы, языческие верования, ереси и пр.). Средневековые изображения дьявола были разнообразны: дракон, змей, полузверь-получеловек с бычьей головой и рогами, с копытами кабана или свиньи, с признаками льва как рыкающего зверя, способного проглотить жертву, с фигурой обезьяны или когтями хищной птицы. Ужасный дьявольский облик с конца XVI века постепенно превращается в карикатурный, сатирический.

В древнерусских повестях дьявол появляется в разных обличьях: в образе змея, летающего к женщинам, невидимого духа, вселяющего злобу в сердца людей («Повесть о муромском князе Петре и супруге его Февронии»), в образах родных и близких, искушающих кающегося («Легенда о покаянии князя»); в образе воина дьявол прельщает инока и толкает его на преступление («Легенда о прельщенном иноке»); прикинувшись игроком, дьявол обыгрывает воина и протаскивает его тело сквозь крышу дома, так что жене остается похоронить лишь внутренности мертвого мужа-игрока («Легенда об игроке»); приняв облик земляка, чудом отыскавшегося в чужой стране, дьявол соблазняет Савву Грудцына подписать богоотметное письмо ради любви замужней женщины («Повесть о Савве Грудцыне»). В старинных русских повестях употребление наименований «дьявол», «демон» и «сатана» довольно произвольно, сатана мо-

Дьяволы приводят грешника к престолу сатаны. «Повесть о некотором немилостивом человеке, любителе века сего». Ровинский-3, № 726.

жет быть назван дьяволом, дьявол — демоном, бесовским князем («О бесовском князе Лазионе»), но все эти злые духи представляются главенствующими над бесами, которые, по-видимому, ниже по рангу и младше по возрасту.

В одной из басен о царе Соломоне рассказывается, как Соломон заклял бесов, превратив их в мак, и заключил в бочку, но обманутый дьяволом царь Ирод выпустил их оттуда, и они вылетели с дымом и смрадом — так дьявол освободил бесов.

О происхождении дьяволов в народных легендах толкуется по-разному. Согласно версии, близкой учению церкви, дьяволы — это падшие ангелы. Сначала Бог творил мир невидимый — ангелов, которые ему во всем беспрекословно подчинялись, но с течением времени они возгордились и стали требовать для себя особого суда. Бог прогнал от себя непокорных, но не лишил их силы, вложенной при их творении. Отверженные ангелы стали спорить о власти между собой, и одному из них удалось стать во главе осужденных на вечное скитание, отверженных Богом духов. Изгоняя их от своего престола, Бог приказал им творить мир из хаоса, выделить воду, сушу, воздух, при этом Господь лишил их звания добрых духов — так явилось дьявольское воинство во главе с Сатаной.

Под руководством Сатаны злые духи выделили из хаоса песок и построили из него мосты, где устроились на жительство. Но Господь рассеял песок в пространстве, и в тех местах, куда он падал, образовалась земная твердь, сотворенная Богом, она поднялась выше тех мостов, которые строили черти. Вода с земной тверди стала скатываться прямо на мосты злых духов — так образовались океаны, моря, топи, озера и болота.

Сатана, полетев за Богом, решил подражать ему в работе творения. Он подбирал рассеянный Богом песок и прятал его во рту, временами выплевывая: так образовались горы. Бог стал размечать место для рая и здесь одним своим словом создал всевозможные растения, плодовые деревья, луга с зеленой травой испестрил цветами. Сатана сотворил одно дерево — яблоню, древо познания добра и зла. Цветы не понравились Сатане, и между ними он посеял сорные травы — плевелы, которые стали их душить. Ползучие плевелы обвивали стволы плодовых деревьев, пили сок из них, мешая росту. Сатаной были посеяны ядовитые растения и осина, на которой после удавился Иуда. Из рая растительная жизнь распространилась по земле. Затем Господь из желтой глины сотворил четвероногих (а дьявол в это время — пресмыкающихся и насекомых со множеством ног, единственной четвероногой тварью, которую сотворил Сатана, был козел), из красной глины Бог вылепил человека, вдохнул в него жизнь и назвал Адамом.

В это время Сатана спустился в болото к сброшенным с небес дьяволам и чертям и стал уговаривать их отнять у Бога старшинство. Злые духи раскололись на две партии: одни отказывались, другие поддерживали Сатану. Противоположную Сатане партию злых духов возглавила Смерть, которая говорила, что дьявольской силе не одолеть могущества Бога. Некоторые нечистые духи вообще не участвовали в этом споре, но тоже имели своих предводителей: Кривду, Грех и других.

Дьяволы под предводительством Сатаны взлетели вверх выше ангелов и престола Бога и там образовали свое царство. Господь, все время пребывавший в раю, не знал о случившемся, но, когда он вернулся в свое лоно, ангелы ему доложили, что злые духи разместились над ними.

Бог немедленно послал шестикрылого архистратига Михаила, начальника небесного воинства, повелев ему изгнать отступников с небес, но черти-дьяволы сами изгнали его огненными мечами. Тогда Бог, собрав все свое воинство, поднялся над Сатаной, — видя это, злые духи поднялись еще выше, и так повторялось несколько раз, пока не образовалось шесть небес. Тогда Господь сказал архистратигу Михаилу: «Довольно! Возьми с собою эту вещь и взлети выше злых духов. То, что я даю тебе в руку, держи подальше от себя». Господь вручил архистратигу орудие, производящее грозу, — его он и направил на злых духов седьмого, последнего, неба. Небесные стрелы сбили сатанинскую силу с небес: одни провалились в болота, другие — в провалы и кручи, а сам Сатана был загнан в пропасть, или преисподнюю. Преисподняя образовалась от того, что Сатана упал близ рая, земля здесь не выдержала такого великого грешника и дала ужасную трещину, куда и был увлечен Сатана. Преисподняя находилась поблизости от того места, где впоследствии был выстроен Иерусалим. В том месте, где образовалась трещина от падения Сатаны, всегда слышен шум, наводящий ужас на путешественников (Сборник материалов-36, 130 — 140).

По другой распространенной версии, дьяволы — не падшие ангелы, некогда сотворенные Богом, но творение самого Сатаны. Было два царства: царство тьмы и царство света, первое было на земле — здесь сидел сильный и богатый царь Сатанаил; второе было на небе, где был воздвигнут трон Божий. Сатанаил с Богом постоянно спорили между собой: кто из них сильнее, в ходе

этой борьбы возникли две рати: сначала — Божье воинство, от взмаха чудесного жезла, затем — Сатанаилово, от свиста царя тьмы. Семьдесят семь дней сражались дьяволы с небесной силой, наконец Бог победил Сатанаила, упал он и провалился в тартарары со всей демонской ратью. С тех пор дьяволы вместе с Сатаной обитают во тьме кромешной. Чтобы нечистая сила не осмелилась покинуть подземное царство, Бог повесил над землей свой меч — солнце. Поэтому демоны выходят из-под земли ночью, когда солнце не светит.

Люди сотворены Богом, но Сатанаил однажды явился к нему и стал просить человека на испытание, утверждая, что совратит праведников. Бог согласился и приставил к каждому человеку по ангелу-хранителю, заповедовав людям любовь к себе. В ответ Сатанаил приставил к человеку демона-соблазнителя, а сам ушел в тартарары. Таким образом борьба двух сил, добра и зла, продолжается на земле за души людей между ангелами и дьяволами, ни Бог, ни Сатана на землю не сходят. Последняя их встреча произойдет во время светопреставления, когда они поделят между собой праведников и грешников: кого будет больше, тот и одержит верх. Между тем человек все чаще поддается дьявольским искушениям, ангелы отлетают на небо, а как отлетят все — тут и конец миру. Выйдет Сатана из кромешного царства вместе с демонами и воссядет на земле, на прежнем своем седалище. Но лишь три дня допустит Бог господство Сатаны на земле: снимет вновь свой огненный меч и поразит всю дьявольскую силу (Звонков, 64 — 67).

К циклу легенд дуалистического типа о происхождении мира в результате борьбы двух начал: злого и доброго, принадлежит следующий рассказ. До сотворения земли была тьма, а кругом — вода. Над водой летали два духа: светлый и темный. Светлый сказал: «Пусть будет свет», а темному оставил ночь. От слова Белого духа произошло небо, земля, воздух, вода, светила, животные, растения. Белый дух — Господь Бог, но все, что он сотворил, было сделано при участии Темного духа. Самостоятельно Бог сотворил только светлых духов, ангелов (последним архангела Михаила), которые появились от ударов Божьего огненного меча по камню. Когда Белый дух спал, Темный украл его меч и насек им великое множество злых духов, дьяволов. Он стал во главе их и отказался от Белого духа. Тогда Белый дух проклял их и назвал дьяволами, а Темного духа — Сатаною, с помощью архангела Михаила Бог отогнал дьявольскую силу от своего престола, и злые духи попадали на землю; те, кто упал в леса, стали лешими, в воду — водяными, на воздухе остались огненные змеи, а дьяволы, черти, провалились сквозь землю. После того как Господь сотворил первых людей, дьяволы занялись искушением человеков. Благодаря дьявольским козням Адам и Ева были изгнаны из рая, Каин убил Авеля и произошло смешение языков. Это было так: у Адама и Евы родилось два сына; дьявол научил Каина убить Авеля и забыть имя Божье. От Каина произошло нечестивое потомство, которому дьявол показал, как выстроить башню от земли до неба, чтоб можно было туда взойти. Господь не допустил завершения работы: он смешал языки, люди перестали понимать друг друга и начали поклоняться идолам (Колчин, 53 — 60).

Разнящиеся в подробностях, легенды о происхождении мира сходны в одном: дьяволы, после

6 Заказ 1077

победы, одержанной Богом над злыми духами, стали адскими жителями и продолжили свою борьбу с небесными силами на земле за души людей. Ангел-хранитель посылается Богом человеку со дня его рождения для направления его души к добру и для предупреждения дурных и не угодных Богу мыслей, желаний и деяний, т. е. для предотвращения всех тех поступков, к которым склоняет человека дьявол. Ангел-хранитель всегда сопутствует человеку и находится по правую его сторону или сидит на правом плече. Дьявол также постоянно находится возле человека, только по левую его сторону и несколько дальше, чем ангел-хранитель. Наставляя человека на добрые дела, ангел-хранитель отдаляется и проливает горькие слезы, если человек подчиняется влиянию дьявола и грешит. При раскаянии в грехах ангел-хранитель вновь приближается, восторженно улыбается и возносит свои молитвы к Богу о прощении и помиловании человека (Сборник материалов-16, 61).

В связи с размещением злого и доброго духов по правую и левую сторону от человека сложились многие поверья и обычаи, благодаря которым оказывалось уважение ангелу-хранителю и унижался дьявол. Левая рука, например, считалась менее праведной, чем правая, левая служит «от чресл до долу», тогда как правая — «от чресл до главы», поэтому есть нужно только правой рукой. Следует надевать левый сапог раньше правого, так как лучше сначала быть грешным, а потом праведным. Ни в коем случае нельзя плевать через правое плечо, а только — налево, в сторону дьявола.

Дьяволы устраивают торги с ангелами за душу умирающего. Как только человек начинает испускать дух, за его душой являются ангелы, но лукавые духи их предупреждают. Ангелы спрашивают: «Зачем вы, архары черные, явились? Зачем вы душу пугаете?» Дьяволы начинают доказывать свои права на душу умирающего. Умирающий оправдывается, но если он грешник, то у него отнимается язык, и он не может говорить. Пока идут торги, человек не умирает. Если душу берут ангелы, то они носят ее по всем местам, где прежде бывал человек, показывают его злые и добрые дела. В сороковой день священник отпускает душу, и она отправляется в уготованное для нее место, в темницу, где и сидит до Страшного суда, не претерпевая никаких страданий, но и не радуясь свету вследствие своей слепоты (Завойко, 89).

В духовном стихе о двух Лазарях подробно изображается изымание души великого грешника, богатого Лазаря, дьяволами или «аггелями», «пекельниками» (или «грозными ангелами»). Душу праведника, бедного Лазаря, милостивые ангелы вынимают через сахарные уста, кладут ее на белую пелену и под правым крылом несут в светлый рай. За душой грешника прилетают крылатые пекельники: они выламывают левое ребро и крючьями сквозь темя вытаскивают душу. Насадив ее на копье, они поднимаются с нею ввысь, чтобы оттуда низринуть душу в ад, в геенский огонь, в кипящую смолу, огненную реку на вечную муку (Бессонов-1, № 27).

В народных легендах дьявол появляется там, где присутствует мотив искушения, соблазна. В известной притче о хромце и слепце, — которые сторожили яблоневый сад, — встречающейся в списках XIII — XVI столетий, фантастический элемент обычно отсутствует, в народной легенде на этот сюжет появляется дьявол как противник

Притча о богатом и убогом Лазаре. Ровинский-3, № 686.

Бога, таким образом и весь рассказ подключается к теме вечного спора светлых и темных сил. Заставил Господь слепого и безрукого караулить сад: безрукий яблок не достанет, а слепой не найдет. Поспели яблоки. Пошли духи сладкие. Слепой сел верхом на безрукого, тот его подвез к яблоне, и слепой нарвал за пазуху яблок. В это время к саду подошел Бог, безрукий бросился бежать, слепой упал, и оба чуть не разбились. Поставил их Господь к воротам сад караулить. Мимо ворот шел дьявол: «Что ж вы яблок не едите?» — «Как же нам их есть? У меня рук нет, а у него — глаз». — «Пойди, безрукий, ударься об яблоню, а слепой подбери». По совету дьявола они обтрясли все яблони, и Бог выгнал их из сада навечно, а сам решил сделать нового, праведного человека — Ноя. Но и тут ему напакостил дьявол. Бог вылепил Ноя и приставил к нему караульщиком голую, без шерсти, собаку. Подходит к собаке дьявол: «Пусти меня Ноя праведного посмотреть! Я тебе за это шубу дам, и на руки, и на ноги». Допустила собака дьявола посмотреть на Ноя, тут дьявол его всего оплевал, стал Ной синий, зеленый, дурной. Вернулся Бог, осудил собаку, все дьявольские плевки Ною в середку сунул, из ребра праведника сотворил Еву, но, после того как они съели яблок с древа познания добра и зла, выгнал их огненными прутьями вон из своего сада. Напоследок предупредил Господь Ноя, что через три года на земле будет потоп и чтобы он за эти три года выстроил ковчег, никого не посвящая в тайну своей работы.

Дьявол явился к Ною и стал спрашивать, что он делает, но Ной не ответил. Тогда дьявол научил Еву наварить хмелю и дать попить мужу, он

все и расскажет. Напился Ной квасу с хмелем, лег отдыхать. «Ной праведный! — говорит Ева. — Два года ходишь, мне правды не сказываешь! Что это такое ты работаешь?» Ной и проговорился, что через полгода, первого мая, начнется потоп. Отдохнувши, пришел Ной к ковчегу, а ковчег весь дьявол разметал. Шесть месяцев собирал Ной ковчег заново: не пил, не ел и домой не отлучался. Собрал Ной в ковчег зверей, птиц, плодов разных. Дьявол спрашивает у Евы: «Как бы мне с тобой в ковчег залезть?» И придумал: «Начнется потоп, а ты не всходи в ковчег, пока муж не крикнет: «Иди, окаянная, а то утонешь!» Как только он тебя окаянной назовет — я с тобой влезу». Все так и вышло, как задумал нечистый. Вспрыгнул он мышью в ковчег и стал дыру в нем прогрызать. Уж эту дыру головой закрыл. Плыли они одиннадцать суток, на двенадцатый день вода стала спадать, приплыли они к пристани. Господь их встречает: «Что вы, живы ли все? Выходите!» Все вышли, а напоследок и дьявол прошмыгнул: «Вот, Господи, хотел меня утопить, а я — вот он, я тебе большой враг!» — «Коли ты мне большой враг, возьми меня за руку», — сказал Бог. Не мог дьявол Божьей руки поймать. Тогда Господь схватил его за руку и так сжал, что дьявол закричал: «Ой, ой, буду тебе меньшим братом!»

Приказал Бог дьяволу нырнуть на дно моря, достать горсть земли; взял Господь эту землю, перекрестил и кинул на три стороны — появились по взморью луга, леса, рощи. «Господи, а что ж за мои труды, какое будет угожение?» — спросил дьявол. «Насадили мы белый свет, может, тебя будут хвалить, меня поминать, я и тем буду доволен», — ответил Господь (Афанасьев-Легенды, № 14).

С тех пор дьявола часто вспоминают, но никто не хвалит. Злой дух не прекращает охоты за душами людей, считая самой ценной добычей для себя — душу праведника. Один пустынник молился тридцать три года, и видит — к царю на обед дьяволы ходят: кричат, пляшут, скачут и песни поют. Как-то отстал от них хромой дьявол, пустынник его и спросил, как это они к царской трапезе попадают. Дьявол объяснил, что в том дворце стряпухи не набожны: готовят еду без благословения, а неблагословенными кушаньями дьявол пользуется. Старик-пустынник известил царя о незваных гостях, царь приставил к стряпне людей набожных, за что ни возьмутся, всё говорят: «Господи, благослови». Видит пустынник: идут дьяволы из дворца печальные, а хромой нечистый дух грозится старцу: «Ужо, мы тебе отплатим!»

Через некоторое время приходит к пустыннику набожная женщина. Он к ней с расспросами — кто да откуда, стали винцо попивать и договорились венчаться. Пришло время венцы надеть: тут пустынник перекрестился, и дьяволы отступились от него, а перед ним не венец, а петля (там же, № 20-а).

В полночь в доме одного саратовского священника на кухне и в покоях раздался стук и шум: зашли к нему нечистые и стали требовать дочь Александру. Испугался священник и просит дьяволов прийти на следующую ночь, а сам обратился с молитвами к Господу Богу и Николе Чудотворцу. Никола Чудотворец вложил в него счастливую мысль — дать дьяволам такую работу, которую они справить не могут. И приказал священник нечистым выстроить к рассвету церковь: не ус-

пели дьяволы храм достроить, петух пропел, и исчезло дьявольское наваждение (Ончуков, № 173).

По убеждению многих, зло и неурядицы совершаются по вражьему наущению, и чем скандальнее происшествие, тем убедительнее участие в нем дьяволов. В царствование Алексея Михайловича в Москве в нищепитательнице патриаршей на Куличках, что за Варшавскими воротами, по действу некоего чародея поселился демон и творил разные пакости: ночью стучал, гремел, кричал, никому не давал уснуть, всех обличал и стыдил, раскрывая тайные грехи каждого. Благочестивый царь повелел преподобному Илариону вместе с двумя монахами изгнать демонов из богадельни. Уже на вечернем пении дьявол начал стучать на полатях и кричать: «Уж не ты ли, калугере, пришел выгонять меня? Поди ко мне, переведаемся со мной!» Ночью преподобный продолжал читать молитвы, а дьявол стучал на полатях и издевался: «Эй, калугере! Еще ты и в потемках расплакался!» Дьявол оборачивался черным котом и подскакивал под колени преподобному всякий раз, как он поклонится в землю. Но Иларион был незлобив и отбрасывал кота в сторону, сотворив поклон. Стоило Илариону выйти, как дьявол кинул в люльку бабу вместо ребенка, начал Иларион святить воду — дьявол стал кидать камни; заснул монах не перекрестясь — дьявол поцеловал его в губы; окаянный научил баб воровству и ссорам. Только через месяц и одну неделю молитвами и святой водой удалось изгнать дьявола Илариону.

Дьявол — привидение, кознь бесовская в образе человека, он толкает к самоубийству и вкладывает нож в руки отчаявшегося. В 26-й главе Соловецкого патерика рассказывается, как муж, решив наказать жену за какой-то проступок, связал ей руки и вышел, ища, чем бы побить несчастную. Тотчас явился перед ней дьявол в человеческом образе и сказал: «Возьми этот нож и зарежь себя, потому что муж твой сильно разгневался и хочет тебя без милости мучить». Вражьим наваждением она развязала себе руки, схватила нож и стала резать себя по горлу и животу. Муж нашел ее всю в крови, почти без дыхания и решил сбросить ее в реку. Женщина чудом осталась жива (Буслаев-1881, 8 — 11).

Самоубийца — «дьяволу каша»; согласно распространенному мнению, на том свете самоубийцы несут у Сатаны тяжелую солдатскую службу или, превращенные в коней, возят Сатану с дьяволами, Сатана сидит на почетном месте, а дьявол — на козлах. Помимо самоубийц в распоряжение дьяволов поступают бесноватые — люди, в которых вошел дьявол. Бесноватых отличают от сумасшедших: безумие последних постоянно, бесноватые выходят из себя при приближении священных предметов: креста, иконы и других. Они произносят кощунства, богохульные слова и стараются плюнуть на святыни. Бесноватыми чаще становятся женщины, чем мужчины, но во время припадка женщину не могут удержать пять-шесть здоровых мужчин: такую силу придает ее телу дьявол (см. *Бесы*).

Дьявол входит в человека при следующих обстоятельствах: от думы и огорчения, злобы и брани черным словом, по навету злых людей, во время еды, когда ешь на ходу или переступая порог. Дьявол овладевает проклятыми людьми. Мать в сердцах скажет сыну или дочери: «Чтоб тебя паралич расшиб, окаянная сила!» — и обречет тем ребенка черту. Такие дети живут недолго, а после смерти их души отходят дьяволу.

К изобретениям дьявола относятся многие могущественные средства совращения людей, прежде всего вино, водка, табак (см. *Черт*). Зеркало, согласно раскольничьим легендам, также придумано дьяволом. О происхождении зеркала рассказывают так. Некоторый монах, спасаясь в пустыне, прочитал в Священном писании: «Просите и дастся вам». Желая удостовериться, действительно ли он сможет получить все, что захочет, пошел к некоему царю просить его дочь себе в невесты. Царь, подивившись такому требованию, сказал о странном женихе своей дочери, которая, также подивившись, ответила отцу: «Так как дело это чрезвычайное, то должно, чтобы монах, ежели хочет получить меня в жены, принес бы мне в подарок вещь, в которую бы я всю себя видеть могла». А сие происходило еще тогда, когда зеркало выдумано не было. Монах пошел искать такую вещь. Долго бродил он по лесам, пока не набрел на необитаемую пустыньку (заброшенное жилье отшельника). Он посидел в ней некоторое время и вдруг услышал тяжкий стон: «Почтенный монах, сжалься над моим страданием! Уже несколько лет я заключен в этом рукомойнике некогда обитавшим здесь монахом. Выпусти меня из темницы, и я услужу тебе всем, чем ты пожелаешь». Монах, пользуясь случаем, и рассказал ему о той вещи, которую просила царская дочь. Дьявол (а именно он был заключен в рукомойнике) пообещал достать ему диковину, монах снял с рукомойника крест и выпустил нечистого духа. В скором времени дьявол принес ему зеркало, которому монах, видя его впервые, чрезвычайно удивился и отнес к царю; однако от брачного союза он отказался, а отправился молить Господа, чтобы он простил

Евангельская притча о богаче и бедном Лазаре. (Фрагмент). ИРЛИ, оп. 23, № 258-12.

пели дьяволы храм достроить, петух пропел, и исчезло дьявольское наваждение (Ончуков, № 173).

По убеждению многих, зло и неурядицы совершаются по вражьему наущению, и чем скандальнее происшествие, тем убедительнее участие в нем дьяволов. В царствование Алексея Михайловича в Москве в нищепитательнице патриаршей на Куличках, что за Варшавскими воротами, по действу некоего чародея поселился демон и творил разные пакости: ночью стучал, гремел, кричал, никому не давал уснуть, всех обличал и стыдил, раскрывая тайные грехи каждого. Благочестивый царь повелел преподобному Илариону вместе с двумя монахами изгнать демонов из богадельни. Уже на вечернем пении дьявол начал стучать на полатях и кричать: «Уж не ты ли, калугере, пришел выгонять меня? Поди ко мне, переведаемся со мной!» Ночью преподобный продолжал читать молитвы, а дьявол стучал на полатях и издевался: «Эй, калугере! Еще ты и в потемках расплакался!» Дьявол оборачивался черным котом и подскакивал под колени преподобному всякий раз, как он поклонится в землю. Но Иларион был незлобив и отбрасывал кота в сторону, сотворив поклон. Стоило Илариону выйти, как дьявол кинул в люльку бабу вместо ребенка, начал Иларион святить воду — дьявол стал кидать камни; заснул монах не перекрестясь — дьявол поцеловал его в губы; окаянный научил баб воровству и ссорам. Только через месяц и одну неделю молитвами и святой водой удалось изгнать дьявола Илариону.

Дьявол — привидение, кознь бесовская в образе человека, он толкает к самоубийству и вкладывает нож в руки отчаявшегося. В 26-й главе Соловецкого патерика рассказывается, как муж, решив наказать жену за какой-то проступок, связал ей руки и вышел, ища, чем бы побить несчастную. Тотчас явился перед ней дьявол в человеческом образе и сказал: «Возьми этот нож и зарежь себя, потому что муж твой сильно разгневался и хочет тебя без милости мучить». Вражьим наваждением она развязала себе руки, схватила нож и стала резать себя по горлу и животу. Муж нашел ее всю в крови, почти без дыхания и решил сбросить ее в реку. Женщина чудом осталась жива (Буслаев-1881, 8 — 11).

Самоубийца — «дьяволу каша»; согласно распространенному мнению, на том свете самоубийцы несут у Сатаны тяжелую солдатскую службу или, превращенные в коней, возят Сатану с дьяволами, Сатана сидит на почетном месте, а дьявол — на козлах. Помимо самоубийц в распоряжение дьяволов поступают бесноватые — люди, в которых вошел дьявол. Бесноватых отличают от сумасшедших: безумие последних постоянно, бесноватые выходят из себя при приближении священных предметов: креста, иконы и других. Они произносят кощунства, богохульные слова и стараются плюнуть на святыни. Бесноватыми чаще становятся женщины, чем мужчины, но во время припадка женщину не могут удержать пять-шесть здоровых мужчин: такую силу придает ее телу дьявол (см. *Бесы*).

Дьявол входит в человека при следующих обстоятельствах: от думы и огорчения, злобы и брани черным словом, по навету злых людей, во время еды, когда ешь на ходу или переступая порог. Дьявол овладевает прóклятыми людьми. Мать в сердцах скажет сыну или дочери: «Чтоб тебя пралич расшиб, окаянная сила!» — и обречет тем ребенка черту. Такие дети живут недолго, а после смерти их души отходят дьяволу.

ему грех сомнения в словах Священного писания. Итак, поскольку зеркало досталось людям от дьявола, то раскольники в зеркало никогда не глядятся, и в их домах ни единого не отыщешь, кроме как разве у светских раскольников, которые между ними встречаются (Чулков, 199 — 201).

Дьявольское изобретение — зеркало — оказалось весьма кстати во время святочных гаданий: в него можно увидеть не только себя, но и суженого, как в этом не раз убеждались гадающие девушки. На Святки (25 декабря — 6 января) девушка одна приходила в пустую комнату, взяв с собой два прибора, зеркало и свечу. Все эти предметы расставляются на столе, девушка садится напротив зеркала и произносит тихонько: «Суженой-ряженой, приди ко мне ужинать». Минут за пять перед его приходом зеркало начинает тускнеть, и девушка протирает его заранее приготовленным полотенцем. Наконец придет некто и посмотрит через ее плечо в зеркало. Как только невеста рассмотрит отчетливо черты будущего жениха, она крикнет: «Чур сего места!», и дьявол, принявший на себя образ суженого, сядет за стол, вынет из кармана перстень, ножичек или другой какой-нибудь предмет и положит его на стол. Девушка снова зачурает, тогда положенная на стол вещь останется ей в добычу. Как многие уверяют, после свадьбы обнаруживается, что эта вещь действительно была похищена некогда у жениха (Чулков, 148— 149). Гадающие девушки вызывают дьявола в образе суженого и иным способом. Ложась спать, они кладут под голову гребень, загадывая: «Суженой-ряженой, причеши мне голову». Во сне явится дьявол в образе будущего жениха и станет расчесывать волосы (там же, 153).

Впрочем, во время гаданий общаются вообще с нечистой силой, называя «дьяволом» всякого злого духа. Расплывчатость в употреблении наименования «дьявол», «черт», «демон» усугублялась тем, что прямо этих злых духов старались не называть, заменяя конкретное обозначение описательным: лукавый, оглашенный, нечистый, нехороший и проч.

Некоторые различия между чертом, дьяволом, бесом и сатаной отмечались в пословицах: «Черт чертом, а дьявол сам по себе»; «Черт смущает, бес подстрекает, дьявол нудит, а сатана знамение творит». Если среди чертей есть маленькие чертенята, то дьявол по большей части стар и одинок: «Дьявол стар, да празднества ему нет». Дьявол держится в некотором отдалении от человека, наблюдая за ним как бы со стороны, оставляя радость непосредственных контактов с людьми бесам и чертям. «Всех чертей знаю, одного дьявола не знаю» — так бывалый человек характеризует свой житейский опыт, говоря о дьяволе как о мало доступном восприятию человека духе.

Помимо креста, молитвы и поста от дьявольских козней спасали заговоры и чуранья. По преданью, Чур у древних славян был богом-хранителем межей, полей, пашен и властителем над черной силой. Выражение «Чур меня!» в играх или во время опасности ограждало от дьявола.

Заговор от дьявола: «Отыди дьяволе от храму и от дому сего, от дверей и от всех четырех углов. Нет тебе, дьяволе, части и участия, места и покою, здесь крест Господень, Матерь Христова, Пресвятая Богородица, святой Петр, святые Евангелисты Иоанн, Лука, Марк, Матфей, святой архангел Михаил, Гаврил, Рафаил, Уриил, Угаси-

ил, Егудиил, Варахаил. Силы небесные ликовствуют, здесь святые херувимы и серафимы, святой Михаил ныне по всей вселенной, по них же полки держит святой Петр палицу держа, здесь Рождество Предтечи, здесь тебе, дьяволе, нет части и участия, места и покою, не делай пакости, дьяволе, всему месту и дому, и человеку, и скоту, и всем рабам Божиим, беги отсюда во ад кромешный, где твой настоящий приют, и тамо да обретайся. Слово мое крепко, яко камень, аминь, аминь, аминь» (Забылин, 281, 322).

ЕРЕТНИ́К, *еретни́ца* Иначе: ерестун, еретик, клохтун, *хлоптун*, шептун.

Дух, входящий в тело *колдуна* после его смерти и делающий его упырем, живым мертвецом. Когда колдун, заключивший договор с нечистой силой, умирает, возле него собираются черти и рвут на части его тело, пожирают мясо; затем в кожу колдуна влезает черт и лежит под видом мертвеца. В одной семье умер старик-колдун, а в этом доме случайно остановился странник, он посоветовал сыновьям вскипятить два чугуна воды и облить ею мертвое тело. Так они и сделали. После второго чугуна черт выскочил из колдуновской кожи и пустился бежать, но попал не в дверь, а вышиб простенок, чтоб уйти из избы. Сыновья закопали одну отцовскую кожу у себя на задворках.

По обычаю, колдунов и ведьм, как и всех покойников, умерших неестественной смертью (самоубийц, опойц, утопленников), хоронили за пределами кладбища, в крайнем случае — у самой ограды, в углу, или тела их сжигали.

Черти являлись к колдуну перед смертью в образах черных ворон или кошек с горящими как угли глазами. В Олонецком крае черти (лембои), сделавшись ерестунами после смерти колдуна, ждали минуты, когда скорая смеретушка подойдет к обычному человеку, непричастному чародейству, чтобы, чуть только душа его расстанется с телом, войти в тело покойника, а затем по ночам являться в эту семью и заедать живых.

Есть ерестуны-оборотни, они принимают обличье какого-нибудь человека и подбиваются в семью, свою или чужую. Живет ерестун у всех на виду как добрый крестьянин, а из деревни начинают пропадать люди один за другим: это их ерестун поедает. Чтобы извести такого оборотня, надо взять плетку от нелегченого коня и ударить ерестуна наотмашь, тогда до могилы он не оживет, а чтоб опять не ожил в гробу, ему вбивали осиновый кол в спину промеж плеч (Рыбников-3, 184). Осиновый кол незаменим в этом случае, поскольку осина — проклятое дерево, на ней удавился Иуда. Оттого на осине даже без ветра колышутся листья (Чулков, 264).

В отличие от ерестуна, еретница — не мертвая оболочка колдуна, заполненная нечистым духом, но женщина, заживо продавшая душу черту. Днем еретницы ходят в виде безобразных оборванных старух, к вечеру собираются в поганых оврагах, а ночью уходят в провалившиеся могилы и спят там в гробах нечестивых людей. Могильные провалы, встречающиеся на кладбищах, считаются

логовами еретниц: упадешь туда по пояс — иссохнешь, а увидишь там еретницу — умрешь. В Темиреве Тамбовской губернии у крестьянина умерла дочь, и он попросил кума вырыть для нее могилу. Во хмелю тот побрел на кладбище. Нашел могильный провал, опустился в него и стал рыть могилу. Вдруг лопата стукнула о гроб, и через гнилой сучок кум увидел глаз еретницы. Выпрыгнул мужик, прибежал домой, полез на печь — а там еретница лежит и смотрит на него злым глазом; он опрометью во двор, к яслям — еретница лежит в яслях и заливается демонским хохотом. С той поры кум стал сохнуть, и ни молебны, ни святая вода не помогли — умер. Среди людей еретницы бродят весной и поздней осенью, а когда не могут попасть в могилы — влезают в бани через трубу, громко там плещутся, скачут и пляшут под свист нечисти. От одной из таких еретниц когда-нибудь родится Антихрист (Звонков, 77 — 78).

Чтобы увидеть еретиков, надо найти траву адамова голова, которая растет кустами возле озер и рек, высотой — до пояса взрослого человека, цветет яркими желтыми кувшинцами, листов на ней бывает шесть, восемь и двенадцать, — эту траву надо сорвать на утренней заре под Ивана Купалу, пронять через золотую или серебряную цепочку, из стеблей сделать отвар и пить, а корень освятить водою и положить в церкви на престол на сорок дней, потом взять и носить при себе: увидишь воздушных и водяных демонов и еретиков (Пошехонский уезд Ярославской губ.).

ЖАРЕНИ́ЦА

1. Злой дух, живет в подовине у печки, показывается в огненном сиянии; вся горит и светится. 2. Жареник и жареница — духи полей и огородов. Жареник пугает ребят, чтобы не рвали гороху (Черепанова, 28). См. *Полудница*.

ЖЕЛТЕ́Я Жолтица.

Одна из сестер-*лихорадок* (см.), дочерей царя Ирода (Соломона). Способ лечения — гипнотический, желтею изгоняли в щуку: больного заставляли смотреть на рыбу до тех пор, пока она не уснет и не пожелтеет, т. е. воспримет болезнь.

ЖЕРДЯ́Й

Уличный дух. Шатается ночью вблизи человеческого жилья, заглядывает в окна, греет руки в трубах, пугает людей. Предлинный и претонький. Особой опасности не представляет. Возможно, вера в нечистого духа — жердяя возникла на основе сказок о Кащее Бессмертном: образ волшебной сказки трансформировался в ночное привидение, кошмар. Чтобы подобная чертовщина не могла проникнуть в дом, советовали ставить дом воротами на север. Отличным средством от нечистых служила также молитва, пост, свечка, оставленная со страстной недели (с пятницы), которой коптили крест на притолоке в дверях (Даль-1880, 54).

ЖИРОВИ́К

Дух — хозяин дома, *домовой* (см.). От «жи́ра» — жилье, изба и имущество (Куликовский).

ЖИ́ХАРЬ, *жихорь*

1. *Домовой* (см.). 2. *Банный* дух. Весь черный, страшный: «жихорь-пахарь, костяна борода». Очень зол, любимая забава — сдирать с людей кожу, когда они поздно моются в бане, и растягивать ее сушиться на банную печь — каменку (Цейтлин, 159). 3. Злой дух, живущий в доме, но где в точности — неизвестно. Особенно опасен для молодых матерей, в отсутствие которых он крадет детей из зыбки. Если мать бывает вынуждена уйти из избы, то для предохранения от покушений жихаря она кладет в зыбку ножницы и веретенный (надеваемый для тяжести на веретено) камень, а под зыбку на пол — старый веник.

Жихарь бессилен что-либо сделать, если ребенок находится под защитой этих предметов (Харузин, 326 — 327).

ЖМА Жма́ра, заженик, намной.

Нечистый дух, мучающий людей по ночам: гнетет спящих, жмет, наваливается, душит. Один из образов *домового* (см.), *гнедке* (см.).

ЗА́КЛЯТЫ́Е

Люди, животные, предметы, растения, обреченные злым духам. На них лежит проклятие, колдовство, порча, и вследствие этого они опасны для всего незачарованного мира. См. также *Про́клятые*. Мать, в недобрый час сказавшая дочери: «Унеси тебя леший!» или: «Возьми тебя вихорь!», отдавала ребенка нечистой силе. Проклятье отца не приносило такого вреда. Жители Заонежья считали, что заклятые люди пропадают из дома и переносятся чертями на Мянь-гору и Ишь-гору. Возвратить их домой можно с помощью чар над осиновым листом, поэтому в Заонежье говорили, что заклятого человека от дома отделяет один осиновый лист (Куликовский).

Особенно боялись заклятия странников, проезжих людей. П. Н. Рыбников, известный собиратель фольклора Олонецкого края, рассказывал о случившемся с ним в дороге неприятном происшествии: его дорожную сумку помогала нести ветхая старушка и уронила ее ненароком с моста в воду. «Эх, унеси тебя!» — невольно сорвалось с языка. Старуха чуть не расплакалась: «Ты зачем это выговорил? Дорожному человеку неличе кликать лембоя» (черта). Местные проводники рассказали Рыбникову о причине пропажи ряпушки в заливе около Кижей: рыба была заклята дорожным человеком. Случилось это следующим образом. Сидели рыбаки у костра, хлебали уху. Подошел к ним приезжий, они ему место у костра дали, а ухой не угостили. Смотрел-смотрел на них путник, да и сказал: «Видно, рыбки-то у вас мало ставится, так и будет». С той поры приходится рыбакам ездить за ряпушкой в большое Онего (Рыбников-1, 57).

Много рассказов ходило повсюду о заклятых кладах, зарытых, преимущественно разбойниками, с известным заклятием на конкретного человека с какими-нибудь характерными приметами и на определенный срок (см. *Клады*). Заклятыми могут быть камни, растения, имеющие удивительную форму или загадочное происхождение, о них рассказывали легенды, к ним боялись прикоснуться, опасаясь их вредоносного действия. Близ Великого Устюга, например, росла заклятая сосна на могиле в одночасье погибшего семейства. Пьяный Заумарко зарезал жену и маленького ребенка, а сам сгорел от вина. Все семейство было похоронено без отпевания в одной могиле, а на могильном кургане, по тогдашнему обычаю, посадили сосну, которая стала считаться заклятой (Зеленин-1914, 201). Заклятые предметы имели обыкновение искать себе новых жертв, так, например, были заклятые клады, положенные «на три головы молодецкие».

ЗАЛО́ЖНЫЕ

Покойники, опасные для живых, умершие неестественной смертью — убитые, *самоубийцы*, опойцы, утопленники, погибшие неожиданно, вследствие какого-то несчастного случая, до срока, предназначенного при рождении. Они постоянно являются живым, пугают, покушаются на их жизни. Привидения заложных покойников показываются в полдень и в полночь, они ощутимы лошадям. Чаще всего заложных хоронили в оврагах, болотах, бросали в воду, но не совершали над ними обычного обряда погребения, принятого для большинства умерших, покоящихся на кладбищах. Д. К. Зеленин считает название «заложные» — севернорусским, восходящим к слову «заложенные», т. е. прикрытые сучьями, а не похороненные в земле (Зеленин-1991, 352), которая не примет нечистого трупа. Самоубийцы, опойцы считались слугами дьяволов («дьяволу свечка»), их черти обращали в лошадей, мучая бешеной скачкой. Гнев земли, оскорбленной нечистым трупом (если заложного все же хоронили на кладбище), выражался весенними холодами и заморозками, пагубными для посевов, голодом и неурожаями. В случае засух тела опойц вырывали из могил и топили в реках и болотах, чтобы они не испытывали жажды и не пили росу и дожди.

Убитых старались похоронить на том месте,

Изображение пьянственной страсти. Ровинский-1, № 108.

где случилась их гибель. Богатырь Пашко из села Юромы Мезенского края с товарищем Тропою (их именами впоследствии были названы поселения, где они жили) расправились с шайкой разбойников, самого атамана Пашко убил закрещенной стрелой; окаянное место убийства, рядом с исщепленным стрелами дубом, вблизи соединения реки Мезени с Печорой, известно всем проезжающим, которые не забывают бросить охапку хвороста на проклятое место (Максимов-1, 505). В Волынской губернии могилы утопленников и удавленников устраивали при дорогах, на перекрестках, проезжающие бросали на них пучки соломы со своих возов (Зеленин-1914, 294). В Псковской губернии при устье впадавшего в реку Оку безымянного ручья находится возвышенное место — «сопка богатыря», мимо которой не пройдет ни один крстьянин, чтобы перекрестясь не бросить на курган клочка сена, а проезжий верхом сходит с коня и бросает на возвышение сорванную траву. Если кто-нибудь, проходя мимо могилы, не положит жертвы, то ночью богатырь явится всадником необычайного роста и заслонит путнику дорогу. К весне на сопке накапливается много сена, но никто не отважится взять его для своих нужд. В Торопецком уезде между реками Торопой и Двиной есть несколько курганов, оставшихся, по преданию, после битвы Руси с Литвой. Возле самой дороги почитается место, где пал жертвой собственной храбрости могучий витязь: каждый из окрестных жителей, минуя это место, бросает на могилу сучок дерева. В продолжение двух лет накапливается большая куча, которая на третий год сгорает от неведомой причины (Зеленин-1916, 1128 — 1129).

Душу не похороненного человека, заложенного, на тот свет не пускают. Иные считали, что душа такого мертвеца живет около тела, просит у проходящих мимо путников погребения, но все же может попасть на тот свет, если звери и птицы растащат весь труп, до последней косточки (Новгородская губ.); некоторые полагали, что души заложных обречены скитаться в пространстве до самого Страшного суда. Чтобы избежать несчастий от заложных покойников, по ним устраивали общие поминки в семик — на седьмой четверг после Пасхи. Идя на компромисс, деятели церкви устраивали особые сооружения, известные в старой Москве как убогие дома, скудельницы, буйвища — своеобразные общественные морги для трупов нечистых покойников. Это были большие ямы, выкопанные на краю города или за городской чертой, над которыми возводилась легкая надстройка. Всю зиму сюда свозили тела убитых, самоубийц, умерших от чумы, бродяг, иноверцев. Трупы клали без гробов и без отпевания, покрывали рогожей. Общее захоронение (иногда в этой же яме) происходило в семик. В городах Московского государства убогие дома просуществовали с XVI до конца XVIII века (Зеленин-1991, 353 — 354).

ЗАПЕ́ЧЕ́ЛЬНИЦА Запечельная мара.

Злой домашний дух, портит неблагословенные предметы в доме. Родственный мужской образ: запечник, дух вроде домового. Живет за печкой, большой охотник до разных шуток с домашней утварью — прячет ухваты у хозяек, бьет посуду (Олонецкая губ.). Для запечника (иначе: подпеч-

Картины из Библии и Апокалипсиса. (Убийство Авеля). Ровинский-3, № 810.

ника) оставляли часть приготовленной еды, чтобы он не озоровал и был добр к хозяевам.

ЗЛЫДНИ

В русской демонологии воспоминания о злыднях как злых духах, носителях горя и бедствий, сохранились в пословицах и поговорках. В украинско-белорусских поверьях вера в злыдней — маленьких невидимых злых духов, живущих за печкой и приносящих несчастье в дом, — была довольно распространенной. В Витебской губернии о происхождении злыдней — маленьких женщин-невидимок, без языка, глаз и ушей, — рассказывали следующее. Давным-давно в одном болоте жила змея. Однажды она обвила за шею черта и стала его кусать. На крик черта выскочил Люцифер и бросил черта вместе со змеей в кипящую смолу. Поднялся жуткий смрад, Люцифер вытащил змею, ударил ею себе по заднице, и стала змея злыдней. Вместо души у нее черт с горшком, внутри которого разные мерзости — их-то злыдня и раздает людям (Зеленин-1914, 135).

Дому, где поселятся злыдни, грозит большое зло: как бы ни было велико богатство хозяина, оно быстро сгниет и вместо довольства наступит страшная нищета. Крохотным ростом и неутомимым характером они напоминают домовых карликов, злых эльфов, кобольдов, кикимор. В отличие от домовых, живущих в домах поодиночке и ведущих борьбу с чужими домовыми, злыдни живут сообществами: по два и более демонов в одном месте, за печью. Поскольку они невидимы, распознают их по разговорам. Один крестьянин разбогател благодаря счастливой случайности. Выстроил новый дом, справил новоселье, а старую избушку заколотил наглухо. Как-то разговорился с женой про свое прежнее убожество: тут жена и вспомнила, что в старой избушке они оставили жернова. «Неладно мы сделали, — сказала она, — ведь они нас кормили при бедности, а теперь, как ненадобны стали, — мы и забыли про них!» Поехал Иван за жерновами: покинутое жилье полынью заросло, а слышатся ему голоса из старой избушки: «Злодей Иван! Стал богат — нас покинул, запер тут на долгую муку!» — «Да вы кто такие?» — спрашивает Иван. «Мы — твои злыдни!» — «Бог с вами, мне вас не надобно!» — «Нет уж, мы от тебя не отстанем!» Тут Иван и придумал, как отделаться от злыдней. «Хорошо, — говорит, — возьму вас, но с уговором, что вы мне поможете донести жернова на своих плечах». Припутал к ним тяжелые жернова и заставил идти впереди себя. Надо было переходить глубокую реку по мосту; мужик собрался с силой, да как толкнет — и пошли злыдни как ключ ко дну. Подобное предание рассказывается в Германии о кобольдах. Хозяевам не давали покоя домовые карлики, и они построили себе новые избы. Когда вся утварь была вынесена, служанки взяли веники. «Куда ты?» — спросила одна другую, и множество голосов ответило: «Мы перебираемся!» Испуганные служанки бросили веники в пруд, оттуда послышалось: «Мы перебрались!», а вскоре в пруду подохла вся рыба (Афанасьев-3, 404 — 409).

В сказках Злыдни — спутники Журбы (Горя) и слепого, как и злыдни, Лиха (или одноглазого). Слепота духов — носителей беды и печали объ-

ясняет их неразборчивость в жертвах: они не ищут ни правых, ни виноватых, привязываются ко всякому, кто окажется поблизости, наказывают тех, кто по собственной воле ищет горя. Жил да был человек и не знал, что есть на свете Лихо. Слышит — люди часто его поминают, и решил с ним увидеться. Шел-шел, под лесом стоит железный замок, кругом частокол из человечьих костей, черепа воткнуты сверху. Вошел в горницу — а там лежит громадный тучный великан, голова на покути (в переднем углу), ноги на печке; ложе под ним — людские кости. Это Лихо, а вокруг него сидят Злыдни и Журба. Само Лихо — слепое, гостей ловит на слух и ест (Афанасьев, Сказки-3, № 572).

В пословицах подчеркивается неожиданность и навязчивость прихода злыдней: несчастье, которое они приносят, кажется случайным, кратковременным, а длится годы. «Пришли злыдни погостить три дни, а выжили целый век»; «Упросились злыдни на три дни, да черт их выкурит»; «Ходил три дни, принес злыдни».

Злыдни льнут к беднякам и обходят богатые дома: «Деньги идут к богатому, а злыдни — к убогому»; «Злыдни скачут, неволя учит, а чужие хлебы спать не дают»; «На всякое ремесло по злыдням».

В разговоре слово «злыдни» обозначало тяжкое, бедовое время, нужду, бедность, голод; злыднями также называли людей, не пригодных ни к какому делу, ленивых и бедствующих, находящихся в горе и нужде.

ЗМЕ́И

Облик змеи принимали разные духи, как добрые, так и злые, но чаще — враги человеческого рода, демоны. Реальным змеям, ядовитым пресмыкающимся, также приписывали возможности духов; сбрасывание змеей своей шкурки, некоторые повадки (например, заглатывание и выплевывание детенышей в случае опасности) наводили на мысль об оборотничестве, перевоплощении змей.

Происхождение змей-духов, оборотней, как и прочей нечистой силы, относится ко временам великой битвы Бога и архистратига Михаила со злыми непокорными ангелами, которые оказались побежденными в этой войне и попадали с неба на землю. Часть из них осталась на воздухе — летучие змеи, другие стали ползать по земле, третьи спустились под землю. Среди ползающих змей есть «жировые» — вроде домовых духов. Все змеи отлично плавают, во рту всегда держат траву-лом, обладающую чудесным свойством: прикосновение этой травы сокрушает самые крепкие железные замки́ (Зеленин-1914, 51). Старшая над всеми змеями — белая змея; по русскому поверью, кто поймает белую змею и, убивши, натопит из нее сала, а потом вымажет этим салом свои глаза, тот получит дар видеть скрытые под землей клады (по сходному чешскому поверью, если у белой змеи отсечь голову и в ее правый глаз вложить горошину, то вырастет чудесный стручок, кто станет носить его при себе — будет невидимкою; в немецкой сказке мудрый царь, вкусив мяса белой змеи, стал понимать речь животных и птиц) (Афанасьев-2, 550, 573 — 574). Царем змей считали *василиска* (см.), хотя рассказов о нем у русских было мало. К змеям не относили *ужа* (см.), но почитали его едва ли не больше, чем других

Лицевое изображение сто третьего псалма Давидова. Ровинский-3, № 1019.

змей, ужом могли называть и василиска, и *огненного змея* (см.).

В преданиях рассказывалось об огромных, исчезнувших с лица земли змеях, устроителях земного ландшафта, прожорливых людоедах, выпивающих реки. Земляные валы, на десятки и сотни верст охватывающие в южнорусском крае целые округи и уезды, назывались «Змиевыми валами», книжники еще в XVII веке именовали их также «Трояновыми валами», т. е. появившимися в самое отдаленное время, в эпоху римского императора Траяна (II в.). У этих валов есть рвы, обычно на стороне, противоположной Киеву (у переяславских валов — противоположной Переяславлю), они были возведены для защиты страны от степняков, но в народной памяти сохранилась иная, легендарная, версия их происхождения. Вблизи Киева у Днепра залег огромный, страшный змей, причинявший жителям многие бедствия. Он требовал дани детьми, и все семьи посылали девиц и мальчиков на съедение чудовищу. Очередь дошла до княжеской дочери, она полюбилась змею, и он оставил ее у себя. Девушка выпытала у змея, кто в состоянии его убить, и сообщила эту тайну отцу. На борьбу со змеем отправляется Кирило Кожемяка. О победе богатыря рассказывается по-разному. В одном из вариантов легенды Кузьма и Демьян сковали герою огромный плуг, в который он впряг змея и заставил его пахать. Выкинутая плугом борозда образовала Змиев вал. Утомленный работой змей, мучимый жаждой, выпил реку и тотчас окаменел в страшных мучениях, а оставшаяся вода получила название реки Стугны («стоны» змея) (Антонович, 353 — 370).

Основание многих городов русской земли было связано, прямо или косвенно, со змеями, которые

7 Заказ 1077

залегали на месте будущего города. На берегу Волхова, согласно поздней легенде (XVII в.), поблизости от города Словенска Великого (позже — Новгорода), старший сын князя Словена — Волхов, — оборотясь в лютого зверя «крокодила», залег водный путь по реке и всех, кто не поклонялся ему, пожирал или топил. На месте города Казани «до построения оного было гнездо змеино. Обитал тут змей велик и страшен и имел две головы: одну змеиную, а другую воловую, одною пожирал человеков, зверей и скотов, а другою всякое былие; и при нем множество других змей гнездилось, так что и пути мимо того места иметь никому было не можно. Когда для преизящества места оного хан Сайн вознамерился построить на оном город, то изыскавшийся волшебник за великую плату оных гадов вредных истребил. Оный помощью дьявольского наваждения собрал всех змиев в кучу и очертил оную волшебным своим прутом, чтоб ни один гад из оной не выполз, и, оклав их хворостом, серою и смолою, всех сожег; и будто от произошедшего от оных смраду многие из воинства Сайнова люди, кони и верблюды издохли» (Чулков, 216).

В сказках змей опоясывает город, охраняя его (исторически ту же роль выполняли Змиевы валы — укрепления для защиты от вражеских набегов). «Пошел Федор Бурмаков с товарищем на гору, увидели Вавилон-город. Приходят ко городу — обтянулся вокруг городу огненный змей, хвост-голова на воротах. Надо бы зайти в город, а зайти некак. Говорит Федор Бурмаков: «Змей, раздвинься!» Змей раздвинулся, из гортани хвост выпустил; Федор Бурмаков в город прошел». Но змей-сторож по своей природе всегда остается чудовищем, пожирателем людей и скота. Вавилонский царь приказал написать на всех предметах в городе змей, и кругом городской стены тоже был написан змей. Привезли мехи, стали его надувать, и он ожил, а вместе с ним — все гады на ложках, чашках и прочей утвари. Эти змеи источили всех в городе, осталась одна царевна — туловище человеческое, а хвост змеиный (Ончуков, № 48, 282) (источник сказки — Сказание о Вавилоне, распространенное в многочисленных списках XV — XX вв.).

Образ змея, опоясывающего город, восходит к его древней, космической функции мирового змея, держащего или окружающего землю: змей Шеша в древнеиндийской мифологии, Ёрмунганд — в скандинавской, Мехента — египетской. В XIX веке сохранялась вера в другое, не менее важное, значение змея как начала животворного, водного и оплодотворяющего. Повсеместно было распространено убеждение, что радуга — это змея, которая, опустив свое жало в воду, вбирает ее в себя, а после выпускает, отчего идет дождь. На концах радуги повешено по котелку с древними золотыми монетами (Зеленин-1915, 869).

Представление о необычайной производительной способности змей отразилось в многочисленных мотивах сказок и бывальщин о связях их с женщинами, об их многочисленном потомстве — змеенышах, которые сосут груди красных девиц, унесенных пещерскими змеями в свои жилища. На лубочных картинках с изображениями мучений грешников змеи и змееныши обычно наказывают распутниц. Бес летает к тоскующим вдовам в образе змея, рассыпающегося звездами над крышей дома несчастной женщины. Змей-любовник — традиционный образ старинных эпических песен — былин: Змей Тугарин покушается на

честь жены князя Владимира, Опраксии, держит руки у нее в пазухе на виду у всех, за пиршественным столом; милый друг Маринки-потравницы, известной всему Киеву гетеры, — Тугарин Змеёвич; от лютого змея рождает молодая княжна могучего богатыря — Вольха Всеславьевича:

По саду, саду по зеленому
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна.
Она с каменю скочила на лютого на змея,
Обвивается лютой змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила:
А и на небе просветя светел месяц —
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молоды Вольх Всеславьевич.

(Кирша Данилов, № 6)

По месту обитания и способу передвижения змеи делятся на летающих (драконов — Змеев Горынычей; летунов, несунов, пара — огненных змеев) и ползающих по земле или под землей. Драконы, трех-, двенадцатиглавые (реже — более) змеи, живут в норах или пещерах гор, они могут быть как мужского, так и женского пола (Змея Горынчата), в сказках такие змеи являются обладателями царств и дворцов где-то на краю земли или под землей. Горынычи питаются человеческим мясом, их тайные пещеры полны пленниками и пленницами, захваченными в разных странах.

Наметив себе жертву, Змей Горыныч прежде всего стремится обжечь ее искрами, опалить огненным дыханием; затем, взяв в когти человеческое тело, он несет его (обычно над морем) в свое логово. Герой, вступивший в схватку с чудовищем, должен обязательно отрубить ему все головы или обессилить его с помощью особых приемов: он избивает Змея прутьями или плеткой, засыпает ему глаза песком, бьет монашеским колпаком (шапкой земли греческой) («Добрыня и Змей»).

Воспоминание о многоглавых драконах сохранилось, в основном, только в сказках, былинах и духовных стихах; живым поверьем XX века был бес — огненный змей, являющийся тоскующим людям в образе милого человека. Он носил в дом деньги и сокровища; посторонним полет беса кажется падением и сгоранием метеора над крышей какого-нибудь дома.

Ползающие, «подземельные» змеи владеют нижним миром, они охраняют сокровища, находящиеся в земле: клады, золото, драгоценные камни. Пищей им служат тела мертвых, покойников: «Там ходила змея ведь подземельная, А ела ведь тела она мертвые» (былина о По́тыке-богатыре). «Змея» — от «земли». Под землей змеи преодолевают любые преграды, благодаря необыкновенному языку, которым они могут пролизывать камни (в заговорах змеи лижут мифический камень Алатырь), железо и дерево (пролизывая стенки гроба, змея проникает внутрь, к мертвому телу). По новгородским поверьям, змея поселяется в горле умершего на страстной неделе. Змеи гнездятся там, где скупые прячут свои сокровища. Один богатый старик перед смертью, чтобы его деньги никому не достались, положил их в онучи. Его так и погребли. Спустя некоторое время сыновья, искавшие наследство, догадались разрыть могилу и увидели, что ноги старика обвили большие чер-

ные змеи (Новгородская губ.). На Онежском озере есть Мат-остров, где водится множество змей. В народе говорили, что там спрятан большой клад, потому что «змей без свету не живет: что ему делать в темной норке, как бы там не было золота и драгоценных камней?» (Куликовский-1902, 63). На Урале ходило много рассказов о Великом Полозе — хранителе горных сокровищ и рудных богатств. Вот один из них. Старик Леонтий, всю жизнь проработавший в шахтах и на казенных приисках, ослаб настолько, что его отпустили на вольную работу. Услышал он, что в верховьях речки Рябиновки стало попадаться золото, облюбовал место, сделал заявку и стал работать. Только сил у него мало, живо намахался, устал — еле жив сидит. А с ним ребятишки были: мал мала меньше, какие они помощники. Поработали с неделю, видит Леонтий: пустяк дело, на хлеб не сходится. В субботу пошел в контору сдавать золотишко, какое намыл, а ребятам наказал: «Вы тут побудьте, инструмент покараульте». Остались ребята караульщиками у шалаша. Старший сбегал на реку, порыбачил, надергал окунишков, и давай они себе уху варить. Костер разожгли, а дело к вечеру, боязно ребятам стало.

Вдруг видят — подходит к костру старик, из заводских, Семенычем звали. Двадцать пять лет в солдатах был, вернулся уже стариком, родные все у него умерли, избушка заколочена стояла. Семеныч подправил ее кое-как и жил в ней один-одинешенек. Только стали соседи замечать: работы у него нет, а деньжонки водятся. Над книжками каждый вечер сидит. Бывало, кой-кому и ссуды давал, и чудно так: иной просит-просит, заклад дает, надбавку обещает, а он не даст. А к другому сам придет: возьми, мол, Иван, на корову, ребятишки у тебя маленькие, а подняться не можешь. Чертознаем его считали: за книжки больше.

Вот подошел этот Семеныч к костру, ребята радехоньки: «Садись, дедушко, похлебай с нами ухи!» Он давай уху нахваливать, а сам из сумы мягкого хлеба достал, ломоточками разрезал и перед ребятами разложил. Ребята под разговор наелись как следует, а старик знай похмыкивает: «Давно так-то не едал». Стал старик расспрашивать про их дела. Они все рассказали по порядку, как отцу от работы отказали, как они тут золото стали мыть. Семеныч головой покачал и спросил: «Сколько намыли?» Ребята говорят: «Золотник». Старик встал: «Ладно, ребята, надо помочь вам. Только вы помалкивайте, ни одной живой душе — ни слова». И так Семеныч на ребят поглядел — ровно и не он вовсе: «Вы тут сидите у костра, а я схожу, поклонюсь, кому надо. Может, он вам поможет. Только не бойтесь, а то все дело пропадет».

Сидят ребята, дожидаются, а уж ночь совсем. Набросали они в костер хвои, испуг и прошел. Вдруг подходят к огню двое: один — Семеныч, а другой — незнакомый, одет странно: кафтан на нем, штаны — всё из золотой парчи, поверх кафтана широкий пояс с узорами и кистями, парчовый, с зеленью, шапка желтая, а справа и слева по ней красные зазорины, и сапожки тоже красные. Лицо желтое, в окладистой бороде, а борода вся в тугие кольца завилась; глаза зеленые и светят, как у кошки, ростом с Семеныча, не толстый, а грузный — на том месте, где он стоял, у него под ногами земля вдавилась. Сказал он Семенычу: «Это твои вольные старатели? А не испортим мы с тобой ребятишек-то? Все люди на одну колодку:

пока в нужде и бедности, ровно бы и ничего, а как за мое охвостье поймаются — так откуда на них всякой погани нальнет! Ну ладно, малолетки, может, лучше окажутся. Смотрите, ребята, хорошенько. Замечайте, куда след пойдет, по этому следу и копайте».

Видят ребята — человека того уже нет. Которое место до пояса — все это голова стала, а от пояса — шея. Голова точь-в-точь такая, как была, только большая, глаза стали — по голубиному яйцу, а шея змеиная. И вот из-под земли стало выкатываться тулово преогромного змея. Голова поднялась выше лесу. Потом тулово выгнулось прямо на костер, вытянулось по земле и поползло к Рябиновке, а из земли всё кольца выходят, ровно конца им нет. Костер потух, а на поляне светло как днем, только свет не как от солнца: холодный.

Дошел змей до Рябиновки и пополз в воду, перешел на другой берег, дотянулся до старой березы и крикнул: «Заметили? Тут вот и копайте. Хватит вам по сиротскому делу». Сказал так и словно растаял. Вода в реке опять зашумела, костер загорелся, только траву будто иней прихватил. Семеныч объяснил ребятам: «Это Великий Полоз. Все золото в его власти. Где он пройдет — туда оно и подбежит. А ходить он может и по земле, и под землей, и места может окружить, сколько хочет. Оттого вот и бывает: найдут, например, люди хорошую жилку, а случится у них обман или драка, и жилка потеряется: Полоз отвел золото. Или найдут старатели хорошее рассыпное золото, а контора вдруг объявит: уходите, это место берем за казну, сами добывать будем. Навезут машин, народу нагонят — а золота нет. Это Полоз окружил все то место, пролежал так

Святой мученик Георгий Победоносец поражает змея. ИРЛИ, оп. 23, № 258-19.

ночку — золото и стянулось по его кольцу». На следующий день братья стали копать на том месте, где костер был, — и сразу две золотые жужелки нашли (по сказке сказителя Хмелина, записанной П. Бажовым в 1936 г. — В кн.: Тайные сказы, № 19).

В библейских и церковных символах змея, дракон — изображение дьявола, антихриста, язычества, атрибут многих святых. Например, в иконописи святой Георгий Победоносец поражает змея; в духовных стихах святой Егорий, утверждая святую веру на земле, минует разные «заставы», среди них — лютый огненный змей, которого он одним словом превращает в подземельных змеенышей: «Рассыпься, змей, в части мелкие, И войди ж ты, змей, во сыру землю, Пей ты, ешь, из сырой земли» (Бессонов-2, 465). Горные и подводные, пещерные змеи, чудовища-людоеды, казались гораздо более опасными для человеческого рода, чем те, что ползали по земле. Победа над таким чудовищем одерживается с помощью чуда, святого слова. Георгий продергивает пояс в ноздри змею, и освобожденная от дракона Елизавета ведет его на поясе в Рахлейское царство, чтобы, под страхом угрозы быть съеденными змеем, язычники выстроили бы три христианские церкви (Бессонов-2, 513).

В народной легенде о змее-искусителе племянник Сатаны Леонид проник в рай по водам реки, увидел древо познания добра и зла (яблоню), сотворенное некогда Сатаной, вошел в змею, лежащую под яблоней, и обвился вокруг ствола. Злой дух человеческим голосом убедил Еву попробовать плодов с дерева, но едва Ева вкусила от плода, как разразилась страшная гроза; Адам понял, что они нарушили Божью заповедь, хотел выплюнуть

кусок яблока, но он навечно застрял у него в горле (от этого кусочка образовалось адамово яблоко). Бог молнией поразил змея (Сборник материалов-36, 138 — 140).

Символикой змея — врага человеческого рода — отмечены многие народные легенды и предания, иногда они отталкивались от скульптурных, живописных изображений змея. В олонецком предании (XIX в.) значение знаменитой статуи Петра I (скульптор Э.-М. Фальконе) раскрывается следующим образом. Верхом на коне Петр I пришел на берег Невы и сказал: «Если я перескочу на коне через реку, то весь мир будет мой!» Но как только царь захотел перепрыгнуть через Неву, река обратилась змеей и ужалила коня в ногу. Так Петр и не перескочил через реку.

На практике символика змеиных образов преобразовывалась в конкретные рекомендации обращения с природными змеями. Согласно одному из вариантов легенды о потопе, кошка съела дьявола в образе мыши, когда он прогрызал дыру в Ноевом ковчеге. Поэтому шкурка кошки у вятчан считалась прекрасным предохранительным средством от укушения змеи: эту шкурку носили за пазухой, если шли туда, где водятся змеи; ее клали на грудь, ложась спать, чтобы не ужалила змея.

Встречу со змеей или ее необычное поведение считали знаком, предзнаменованием каких-то событий. Увидеть змею, ползущей вон со двора, — быть беде, вползающую во двор — к радости. В этом случае змея отождествляется с духом дома, домовым-дворовым. Любую змею, увиденную в пределах человеческого жилья (на дворе, на улице), признавали домовым, которого нельзя ни гнать, ни убивать, чтобы он не отомстил несчастьем (пожаром, смертью детей и проч.). Зато

встреченную вне селения змею обязательно убивали и несли домой. Опытные люди приготовляли из нее лекарство, в частности — от глазных болезней (змею варили в котле, заставляя больного держать голову над паром; вываренную змею не выбрасывали на улицу, а сжигали) (Цейтлин, 163 — 164). Вкушение змеиного мяса сообщало мудрость; в рассказах о колдунах чародеи варили змей для приготовлений волшебных зелий: от первого отвара выгорала трава, второй отвар был смертоносным ядом, третий давал знание языка птиц и зверей. Магическими свойствами наделялась змеиная шкурка. Змеиная высушенная кожа, прикрепленная к шнурку шейного креста, помогала от лихорадки, от лихих людей, носящий ее будет любим и благословляем всеми (Новгородская губ.).

Многие уверяли, что змеи входят во внутренности человека. «Ежели спящему на поле грезилось, что он пил весьма студеную воду, если ему тошнится по утрам, ежели мерещится, что у него ворочается или раздувается живот, то никто уже не смеет сомневаться, что у него в желудке обитает змея. Такого поят парным и наговоренным коровьим молоком, смешанным с конопляным маслом, столько, сколько желудок его вместить может, потом привязывают его за ноги в жарко натопленной бане к потолку и держат до тех пор, пока не вырвет из него, как говорят, «черенки»; с которою рвотою, по уверению их, и змея выходит» (Чулков, 201 — 202). В конце XIX века в Енисейской губернии с той же целью женщину, подозревающую, что у нее во внутренностях находится змея, поили мочой сильно перепотевшей лошади, парили в так жарко натопленной бане, как только можно было вытерпеть.

Убить змею не считалось грехом: это все равно что к обедне сходить, можно после этого шесть недель в церковь не ходить. И не только потому, что змея — излюбленный облик дьявола. Змеи и ящерицы пьют солнце, когда, раскрыв рот, сидят на камнях и греются: а сосать солнце — большое преступление (Завойко, 130). Полагалось убивать змею, укусившую человека, но что с нею делать дальше — мнения расходились. Одни советовали повесить ее на осине, другие, напротив, считали, что повешенная на осине змея очнется и ужалит своего убийцу (Даль, 1984-2, 346, 353). Распространенным было поверье, что, ужалив человека, змея ползет в воду полоскать жало. Надо успеть добежать до воды раньше гада, тогда действие яда приостановится и гадина пропадет. Или нужно было убить змею, а получившееся из нее «мокрецо» приложить к ранке. Змеиное жало клали в подошву сапога, чтобы никакая сила не могла одолеть обладателя такого талисмана. Тело мертвой змеи иногда вносили в дом с наговором: «Змея в дом, клопы вон» и вешали его близко к полу. Если змею повесить выше глаз человека, то хозяева дома ослепнут (Зеленин-1916, 1012).

Для предотвращения змеиных укусов пользовались предметами, которых боятся змеи. Помимо кошачьих шкурок — веревками из конского волоса. Волосяное ужище помещали в том месте, где собирались провести ночь: змеи не любят конского запаха и не приблизятся к спящему (Макаренко, 57 — 91).

Как и всякую другую напасть, укушение змеи предотвращали заговорами, заговоры и молитвы читали также после укуса: «Змея Македоница! Зачем ты, всем змеям старшая и бóльшая, делаешь такие изъяны, кусаешь добрых людей. Собери ты своих теток и дядей, сестер и братьев, всех родных и чужих, вынь свое жало из греховного тела

у раба такого-то; а если ты не вынешь своего жала, то нашлю на тебя грозную тучу, каменьем побьет, молнией пожжет. От грозной тучи нигде ты не укроешься: ни под землей, ни под межой, ни в поле, ни под колодой, ни в траве, ни в сырых борах, ни в темных лесах, ни в оврагах, ни в ямах, ни в дубах, ни в норах. Сниму я с тебя двенадцать шкур с разными шкурами, сожгу самою тебя, развею по чистому полю. Слово мое не прейдет ни в век, ни вовек!» (Сахаров, 52).

В молитвах звали не помощь святых: «Молитв ради Пречистыя твоея Матери благодатный свет мира, отступи от меня, нечестивый, змея злая, подколодная, гадина люта, снедающая людей и скот: яко комары от облаков растекаются, тако-ти ты, опухоль злая, разойдись, растянись от раба Божьего (имярек). Все святые и все монастырские братья, иноки, отшельники, постники и сухоядцы, чудовые святые лики, станьте мне на помощь, яко в дни, тако и в нощи, во всяком месте рабу Божьему (имярек). Аминь» (Даль-1880, 37 — 38).

Укушенное место натирали осиновой корой — корой дерева, широко использовавшегося в народе как универсальное средство против всякого рода чар (например, осиновым колом пробивали тело упыря, чтобы мертвец по ночам не вставал из могилы; согласно легенде, на осине удавился Иуда, оттого листы ее дрожат и тогда, когда нет ветра), — затем над осиновой корой трижды читали следующий заговор: «Шереса, росица, шересперь, поди-ка сюда! От чего это стало? Стало это от таля — черья земляного. Ой же ты таль! Возьми свою ять, а не возьмешь свою ять, не пустит тя ни вода, ни земля, ни пень, ни колода и ни липовый куст. А возьмешь свою ять, примет тя и вода, и земля, и липовый куст» (ять — яд; Новгородская губ.).

ИГО́ША

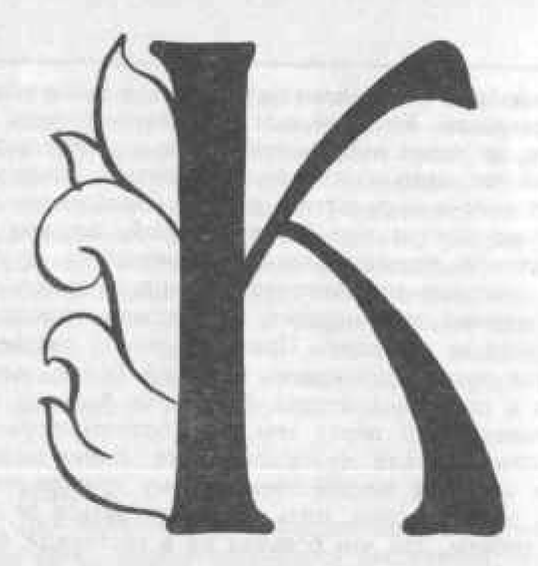
Дух младенца, умершего некрещеным. Уродец без рук и без ног. Проживает в разных местах дома, проказит, как кикиморы или домовые, мстит тем, кто не хочет признать его за домового и не кладет игоше за столом ложки и ломтя хлеба, в морозы не выкидывает ему из окна шапки и рукавиц. Дух мертворожденного ребенка, недоноска. Поверье, вероятно, обязанное своим происхождением обычаю хоронить мертворожденных или умерших во младенчестве детей (до полугода) в пределах своего жилья, во дворе, под порогом (Афанасьев-2, 102; -3, 237, 241, 317). Повитухи уверяли, что выжить может только ребенок, родившийся не ранее чем за четыре—шесть недель до срока. Недоноска клали в рукав шубы и остав-

ляли в теплом месте, на печи; мать несколько раз в день капала ему в рот грудного молока. Когда дитя «доходило» до положенного срока, с ним обращались как с обычным младенцем, но такие случаи были редки, дети, родившиеся до срока, выживали не часто. Дух младенца, умершего без крещения, считался очень беспокойным — он постоянно носился вблизи человеческого жилья и требовал себе креста и имени, нужно было угадать его имя (вернее — пол, т. е. назвать соответствующее его полу мужское или женское имя), и привидение покидало свою жертву.

ИКО́ТА

Дух болезни икоты, вызывающий истерические припадки, сопровождающиеся бессвязной, не контролируемой сознанием речью, которую часто принимали за пророчество. Болели икотой преимущественно женщины-северянки, особенно жительницы Мезенского, Пинежского, Печорского краев. Голос, которым говорила больная, непристойно бранясь, выкрикивая непонятные фразы или называя имена известных ей людей (которых в связи с этим начинали считать колдунами и порченниками, «икотниками»), признавали за голос самого духа болезни. Одной из разновидностей икот была «немуха», лишавшая больного дара речи. Чтобы вылечить «немуху», больного вели к икотнице-говорухе, и в ее присутствии временно онемевший начинал говорить.

Духа икоты почти невозможно было изгнать из тела страдающего ею. Со смертью больного икота не умирала, а вселялась в очередную жертву из круга знакомых и родственников больного, не в добрый час помянувшую черта в присутствии умирающего. Колдуны-икотники наговаривали болезнь на какой-нибудь предмет и клали его так, чтобы тот, кого нужно было испортить, споткнулся об него и выругался с досады. Снять порчу мог этот же колдун или более сильный, поэтому окружающие внимательно прислушивались к именам, которые произносила икотница, думая, что она назовет того чародея, к которому нужно обратиться за помощью. Приступы икоты сопровождаются головокружением, головной болью, слабостью и потерей аппетита. Некоторые больные рассказывали, что перед тем, как болезнь поразила их, они слышали жужжание мухи. Икота вызывала в человеке несвойственные ему прежде желания: есть пряники, пить вино, отказаться от всякой работы, так что больная не в состоянии была даже застегнуть или пришить пуговицы на одежде. Икотниц иначе называли *кликушами* (см.) (Дмитриева, 87 — 90).



КИКИ́МОРА Кика, кикимор, кикимра, кыка, шишимора, шушимора. Ср. др.-рус. «качица».

Кикиморы соответствуют немецким ночным эльфам, которые по ночам путают конские гривы и волосы у спящих людей; сербским и черногорским, польским и чешским марам и морам — крошечным демонам, мучающим людей ночными кошмарами. В болгарском языке кикимора — женский злой дух, оборотень; в сербохорватском — страшный призрак. Названия «кикимора» нет в родственных русскому украинском и белорусском языках, но в Киевской губернии были известны мифические существа «ничкн» — ночные духи, они выпрядали лен по ночам, шумели и стучали в избах, особенно по пятницам.

«Кикимора», «шишимора» — сложные слова,

восходят к «кикать», «кыкать» — кричать, пищать, издавать резкие звуки (в «Слове о полку Игореве» Ярославна кукушкою «кычет»), или к «кика» — женский головной убор с рогами; к «шиш», «шишко» — черт, нечистый дух; вторая часть слова соотносится с «мара» или «мора» — привидение, дьявольское наваждение.

Кикимора имеет вид крохотной безобразной старушки. Днем она сидит за печкой, а по ночам выходит проказить с прялкой, веретеном и начатой пряжей. Прядет, подпрыгивая, чаще всего на голбце — лавке у печи, свист веретена, звук сворачивающейся с прялки кудели можно услышать ночью, сама же кикимора остается обычно невидимой. Если кто-нибудь захочет оставить в доме кикимору навсегда или убедиться в том, что она — из проклятых в прошлом или умерших некрещеными детей, то накидывает на кикимору крест, она тут и останется. Видеть кикимору — к несчастью или к смерти кого-либо из домашних. Для прядения она берет пряжу, оставленную без благословения на ночь, прялку, оставленную на любимом месте кикиморы — воронце (полке — доске, укрепленной вдоль и посреди всей избы). О ленивых пряхах говорили: «Спи, кикимора за тебя спрядет!»

О происхождении кикимор рассказывали поразному. Некоторые полагали, что кикиморы — женщины, унесенные во младенчестве чертями и посаженные колдунами в чей-нибудь дом, наводя на хозяев великий страх своим «неугомонством»; реже — мужчины, украденные чертями от матерей в детском возрасте и воспитанные нечистой силой. Помимо колдунов, кикимор в дом могут посадить плотники, если им не заплатят за работу надлежащим образом. Насыльные кикиморы особенно беспокойны, ломают вещи в доме, шумят и стучат, выживая хозяев. От всего этого плотники

могут избавить хозяев, получив сполна за работу (Чулков, 189 — 190, 268 — 269). В вологодской быличке кикимора во время ужина и других трапез кидала на стол разные вещи. Дом пришлось продать, и купивший избу стал разбирать ее для перевозки на новое место. В переднем углу в пазу между бревен нашли тряпочку и куклу, смоченную кровью: это была кикимора, подброшенная плотниками (Черепанова, 126 — 127).

Чтобы избавить дом от насланной кикиморы, знахари обметали печь и все углы избы с заклятием: «Кикимора домовая! Выходи из горюнина дома скорее, а не то задерут тебя каменными прутьями, сожгут огнем-полымем, зальют черной смолою» (Афанасьев-2, 106). В случае, если кикимора происходит от умершего некрещеным младенца, она часто поселяется в тех домах, где когда-нибудь был убит ребенок, а труп скрыт. Если у такой кикиморы крестообразно вырезать прядь волос, она станет человеком и будет расти, как дитя, но обязательно с каким-нибудь уродством (Зеленин-Очерки, 25).

Кикиморы боятся медведей, в прошлом медведчиков — вожаков медведей — вообще часто приглашали с просьбой прогнать из дома ту или иную нечистую силу. В одном доме кикимора мешала хозяевам: по ночам ходила, стучала, била посуду. Наконец, хозяева вынуждены были оставить дом. Так и стоял дом пустой. Мимо него вели раз мужички ученого медведя, не было им места, где остановиться, поэтому они с медведем разместились в доме, где жила кикимора. Медведя привязали, а сами легли спать. Ночью кикимора начала проказить да и набрела на медведя. Началась борьба: сильно помял мишка кикимору. Она заревела и убежала из дому. После этого не стало манить (пугать) в доме, и прежние хозяева смогли

вернуться в прежнее жилье. Через месяц подходит к этому дому какая-то женщина и спрашивает у ребят: ушла ли от вас кошка? А дети действительно держали кошку, которая к тому времени и котят принесла, поэтому они ответили: «Кошка жива, и с котятами!» Повернулась женщина и пошла прочь от этого дома. «Беда, — думает кикимора, — у них и прежде кошка была злая, одна, без котят, а с котятами еще злее будет». Больше кикимора не возвращалась (Вологодская губ.).

Существовало также представление о кикиморе-скотнице: она ухаживает за домашними животными, кормит их и пересчитывает, но считать умеет только до трех. Рассердившись за что-либо на хозяев, она стрижет овец и из их шерсти делает постели для скота. Обижалась кикимора, так же как и все демоны, на недостаток уважения и пренебрежительное отношение к ее слабостям. Например, нельзя в дом вносить траву чертополох, которую очень не любят все домовые духи. Скотница-кикимора постоянно живет по скотным дворам, кормовым сараям или на пустых чердаках; на улицу не выходит, из боязни, что ее, крошечную старушку, унесет ветром (Зеленин-1914, 263).

Подобно дворовому, кикимора ночью гоняет вокруг яслей лошадей, так что утром они все взмылены. Один хозяин решил за это наказать кикимору, подстеречь ее ночью. Явилась около полуночи женщина невысокого роста в головном уборе — самшуре, села на лошадь и стала ее гонять вокруг яслей. Изловчился хозяин и ударил кикимору плетью по голове: самшура упала, а кикимора соскочила на землю, обиженно вопя: «Не ушиб, не ушиб, только самшурку сшиб!» — и бросилась бежать. После этого никто больше лошадей по ночам не мучил.

У кур кикиморы выщипывают перья. Для пре-

дохранения птиц от злых духов крестьяне вешали на нашесте красные лоскутки, рыльце от разбитого глиняного умывальника, горлышко от бутылки или камень с дыркой. Такой оберег называли «куриным богом».

Довольно распространенным было мнение, что кикимора — жена домового, скрюченная, безобразная, нищенски одетая старушка или маленького роста женщина с распущенными волосами в простом будничном платье. Живет она, как и домовой, в подполье, в правом от входа углу у печи, куда сметают мусор, или в голбце возле печки. Выходит ночью прясть, т. е. доделывает брошенную женскую работу, так же как домовой — мужскую. Услышав ночью стук посуды, звон разбитых горшков или свист веретена, домашние догадывались, что это хозяйничает кикимора.

В Тотемском уезде Вологодской губернии кикимору почитали за хранительницу домового очага и верили, что она может уберечь дом от пожара. Это верование воплотилось в обрядовую форму: как только девушки кончали трепать лен и у них накапливалось достаточное количество отбросов (костицы), парни собирали их, выносили на поле за деревню и зажигали. Когда костица хорошо разгорится, под кучу подсовывали палки и подбрасывали ее вверх — получалось очень большое пламя и целый сноп искр. Молодежь бегала вокруг этого пламени с возгласами: «Кикимора на бабку! Кикимора на бабку!», веря, что после этого заклинания нечего бояться пожаров от искр. «Бабкой» называли огонь, а также загнету, загнетку, т. е. то место в печи, куда сгребают жар, горящие угли (Зеленин-Этнографические работы, 159).

Сравнительно редко указывали на гумно, как жилье кикиморы, где она находилась до Святок, а после уходила. Кикиморами могли также называть демонов женского рода независимо от того, жили ли они в домах или вне дома: лешачих, русалок, болезней-лихорадок, водяных женщин, полудниц. Кикимора-полудница, например, в летнее время сторожила горох, она ходила вокруг горохового поля с раскаленной железной сковородой в руках и изжаривала на ней любителей полакомиться чужим горохом. Впрочем, в отличие от полудницы, кикиморы сторожили горох по ночам.

Именование «кикиморами» всех злых женских духов связано со словоупотреблением «кикимора» в качестве бранного прозвища неряшливых, неопрятных, злых женщин или людей с какими-нибудь недостатками (домоседов, замкнутых и угрюмых или, напротив, юрких, беспокойных, неуживчивых людей; худосочных; хитрых и настойчивых, но невзрачной наружности и т. д.) (Черепанова, 127).

Помимо жилых домов, кикимора может занять пустующий дом или кабак. В Самарском крае бытовала сказка про кабачную кикимору. К краю оврага лепился кабак, поблизости находилось село, где были большие базары по понедельникам и пятницам, и в кабаке шла бойкая торговля вином, но ни один целовальник не мог долго усидеть в кабаке — постоянно проторговывался и разорялся. Все целовальники рассказывали, что ровно в полночь кто-то у них вино цедит, а когда зажигали свечку, то видели хомяка, который скрывался в нору под полом. Тот кабак никто не решался брать на откуп, пока не предложили его одному моту и пьянице, уличенному несколько раз в сокрытии краденных вещей. Был он человек семейный, неглупый и отчаянная голова и взял кабак, хотя и слышал о нем много страшных рассказов.

В первую же ночь новый кабатчик приготовил свечку, спичек, положил топор на стойку, выпил полштофа вина и лег спать. «Теперь, — гово-

рит, — хоть сам черт приходи, никого не боюсь!» Вдруг слышит: кто-то вино из бочки цедит. Зажег свечу, взял топор, подошел к бочке, осмотрел ее и видит, что все печати на ней целы, а кран полуотворен. Постукал топором по бочке и по звуку определил, что вина стало много меньше. Выругался кабатчик: «Черт ли отлил! Покорись мне! Ведь я чертей не боюсь, до чертиков-то я раз десять напивался, не привыкать мне вашего брата видеть!» Тут он услыхал под полом треск: стала поворачиваться половица и из-под пола вырастать странного вида дерево. Оно все росло и росло, закрыв ветвями чуть не весь кабак, листья зашумели над головой кабатчика, но он не испугался, взмахнул топором и стал рубить дерево. Но топор его будто во что-то воткнулся, будто могучая рука удерживала его. «Пусти, — говорит целовальник, — я знаю, ты — черт, а все-таки буду рубить!» В это время слышит над головой тихий и кроткий голос: «Послушай, любезный, не руби меня, не руби ты дерево, ведь это — я. Ты со мной уживешься, мы будем с тобой друзьями, и ты будешь счастлив». — «Пусти топор, — ответил целовальник, — я хочу и выпить». — «Поднеси и мне», — попросил дух. Целовальник налил два стакана и видит: стакан сам собой поднялся в воздух и опрокинулся, будто его кто выпил. «Ну, брат, спасибо за угощение, — сказал голос. — Слушай! Я — сын богатых родителей, сын купеческий, проклятый еще в утробе матери, и вот теперь скитаюсь по свету около тридцати лет. Отец меня проклял ни с того ни с сего, а мать поклялась своей утробой в нечестивом деле: они с отцом душу человеческую сгубили, отравили родного брата, чтобы воспользоваться его богатством. Так вот кто я такой! Теперь слушай дальше. Ставь каждый день в двенадцать часов дня и ночи

в чело печи за заслонку по стакану вина и пресной на меду лепешке; этим я буду кормиться, а ты торгуй — не бойся ни поверенных, ни подсыльных. Я тебе о них сообщу еще за десять верст, так что ты будешь знать, кого подослали, чтобы тебя поймать в разливе вина. Образов не заводи и молебнов не служи, а как я уйду отсюда через год, так и ты уходи, а то худо будет тебе. А теперь ложись и спи». Целовальник выпил еще вина и лег спать, видит — дерево становится все ниже и ниже, скрылось под полом, и половица опять легла на свое место.

Поутру он встал рано и увидал, что у него открылась хорошая торговля, целый день он ни в чем не обсчитался, к вечеру проверил выручку и смекнул, что торговля шла на удивленье. С тех пор он никогда не попадался ни под какой штраф, хотя постоянно продавал рассиропленное вино, и всегда знал, кто из поверенных приедет его ревизовать. Все удивлялись его ловкости и аккуратности, а больше всего тому, что целовальник, несмотря на то что пил вино без меры, пьян никогда не напивался.

Прошел год. Наступила полночь. Целовальник, по обыкновению, спал на стойке, как вдруг услышал голос: «Ну, прощай, брат! Я ухожу. Ты же завтра откажись от кабака и прекрати торговлю». «Покажись мне!» — попросил целовальник. «Возьми ведро воды и смотри в него». Целовальник взял ведро воды и свечку и стал смотреть на воду; и увидал он в ведре свое лицо, а с левого плеча — другое лицо: красивого человека средних лет, чернобрового, черноглазого, на щеках будто розовые лепестки вырезаны. «Какой ты красавец!» Но кабачная кикимора вздохнул: «Не родись ни хорош, ни пригож, а родись счастлив» — и все пропало. В печной трубе раздался страшный вой и плач.

Целовальник все же не послушался брата и на другой день хотел еще зашибить копейку, но тут же был оштрафован на двести пятьдесят рублей. Тогда он сдал должность и навечно отказался от торговли вином; перестал пить, купил себе постоялый двор и сделался набожным человеком (Садовников, № 70).

В сатирических сказках образ кикиморы используется для повествований о плутах и обманутых мужьях. Бедняк продал шкуру последней коровы и вырядил у купца к оплате еще стакан водки. Купец послал его к своей жене, а у купчихи в это время был любовник. Пока она угощала водкой мужика, продавшего шкуру, вернулся домой муж, и ей пришлось прятать обоих гостей в подполье. Купец явился с товарищем, приказал поставить самовар, принести вина и закусок. Вскоре товарищ затянул песню. Бедняк, сидевший в подполье и успевший изрядно захмелеть после стакана водки, сказал любовнику купчихи: «Это песня родителя-батюшки, сейчас подхвачу!» Купчихин дружок стал просить молчать и дал денег. Наверху затянули новую песню, мужик опять: «Это матушкина песня, сейчас подхвачу!» Любовник еще больше заплатил за молчание. Надоело мужику сидеть под полом: «Я есть хочу, — говорит, — до каких пор мы будем здесь сидеть? Попроси у хозяйки подушку и ведро смолы». Любовник отворил западню и потихоньку сказал: «Дай ведро смолы и подушку с перьями». Купчиха все им принесла, мужик вылил смолу на ее дружка, обвалял в перьях, сел на него верхом и вывел в комнаты. Купец испугался, а купчиха говорит мужу: «Разве я неправду тебе рассказывала, что в подполье у нас кикиморы живут? Вот кто у нас деньги таскает!» Отворили дверь, кикиморы и выехали на улицу (Смирнов-2, № 350).

КЛА́ДЫ

Согласно народным рассказам, клады — это не только спрятанные где-либо ценности, но духи сокровищ, которые то ищут себе новых хозяев, то, наоборот, прячутся от кладоискателей. Каждый клад охраняет нечистая сила, являющаяся людям в самых разных образах: от предметов до чудищ необыкновенных размеров. Поверья о кладах особенно распространены там, где много рассказов о первопоселенцах или аборигенах края (например, о чуди на Русском Севере), о разбойниках, некогда промышлявших в данной местности, об интервентах-захватчиках, которые либо сами зарывали сокровища, либо это делали богатые хозяева, боявшиеся ограбления и прятавшие свое добро с каким-либо заклятием, заговором, чтобы клад нельзя было не только выкопать, но и достать: сила заговора делала клад живым существом, способным уходить от преследователей, духом-оборотнем.

Поверья о кладах существовали еще в Киевской Руси. В Киево-Печерском Патерике (сборнике произведений об истории Киево-Печерского монастыря и его первых подвижниках) рассказывается о монахе Федоре, из богатых бояр, как он жил в пещерах и был мучим бесом, являвшимся к нему в образе знакомого старца Василия, который увещевал монаха найти в пещере клад, якобы ниспосланный Богом ему в награду. Федор отказался от соблазна. Тогда бес явился к князю Мстиславу Святополковичу и рассказал о тайне клада, хранящегося в Варяжской пещере, где жили Федор и Василий. Князь потребовал добыть клад, но монахи Федор и Василий приняли мученическую смерть, не предав сокровищ на зло и корысть людям (Аничков, 354 — 355).

Клады бывают двух видов: 1. Живой клад. Яв-

Клад. Картинка из лубочной книги XIX в.

дяется своему избраннику или избраннице, т. е. предполагаемому новому хозяину, в виде человека или животного. Такой клад не нужно ни искать, ни откапывать из земли, стоит только ударить его левой рукой наотмашь один раз, сказав: «Аминь, аминь, рассыпься!», как он рассыплется на золотые и серебряные деньги. 2. Некретимый (от «кретать» или «крятать» — сдвигать, стронуть с места, шевелить) клад — из земли въявь выйти не может. Показывается людям обычно во сне и сообщает о месте своего нахождения; иногда дает знать о себе знаками: горящими огоньками, свечами, видениями. Например, может присниться в образе пастуха, пасущего большое стадо коров вблизи трех сосен (где он зарыт). Когда придут охотники добыть клад, он, как и «живой» клад, может обернуться белой тетеркой, павшим теленком, которого найдут в выкопанной яме. От удара наотмашь клады-оборотни рассыпаются на деньги. Будет ли клад «живым» или «некретимым», зависит от воли того человека, который его закапывает; т. е. от того заклятия, которое он положит на клад.

Живой клад сам дается в руки человеку, важно только не растеряться и угадать в нем оборотня, а угадав, вовремя ударить наотмашь. У одного крестьянина клад жил в подполье. Однажды клад вошел в избу стариком, мужик ударил его наотмашь — с тех пор его потомки ни в чем не знают нужды. Живой клад ищет себе честного, славящегося набожностью и добродетельным поведением, хозяина, но такие люди часто сами отказываются от него, почитая эти сокровища нечистыми. Среди крестьян ходило много рассказов о видевших клады, но не решившихся их взять. Кто-то, выйдя в полночь, чтобы бросить лошадям

сена, видит чужую белую лошадь, всю в серебряных пятаках, между своими лошадьми, кто-то — белого барашка или теленка и даже серебряный кузов. Вероятно, золотое яичко всем известной курочки-рябы также не что иное, как клад, с которым надо было обращаться умеючи, чтобы он не пропал.

В Симбирске один дворовый человек нанялся чистить сад. Работали под горой, а обедать ходили наверх, к амбарам. Раз он приходит — вдруг из-под амбара к нему козленок кинулся. Он его взял, положил на плечо и стал гладить: «Бяшка, бяшка!» А козленок ему в ответ: «Бяшка! Бяшка!» Работник испугался, схватил козленка за задние ноги и ударил об землю. Смотрит — а козленок опять под амбаром скрылся: это ему клад давался. С тех пор работник захворал и скоро умер.

Бывают и счастливые столкновения с живыми кладами. Один богатый человек решил посмеяться над своим бедным братом. Ночью поднял на улице дохлую собаку и бросил ему в окно со словами: «На те, проклятый, одолел ты меня, попрошайка!» А вышло, что дохлая собака в избе бедняка рассыпалась золотом. Бедный брат проснулся от звона, услышал братнину ругань, встал и, увидав груду золота, поблагодарил брата за помощь. С того времени они поменялись судьбами: бедняк разбогател, а богач промотался (Садовников, 362, 364).

Поверий и рассказов о некретимых кладах гораздо больше, чем о живых. Кладоискателей на Руси было так же много, как и «Росписей о кладах» — тетрадок, писанных, как всегда сообщалось в конце, «со старинной бумаги». В кла́довых «Росписях» перечислялись те места, в которых, по преданиям, были зарыты клады. Несмотря на по-

рой самые подробные и точные указания, где находятся сокровища, достать их было почти невозможно, поскольку все они «заклятые» и в руки человеку так просто не даются.

Известный собиратель фольклора П. И. Якушкин получил, например, от новгородского дьячка бумагу, где было перечислено тридцать пять местонахождений кладов. Вот некоторые, наиболее типичные, из них: у Богатырских ворот на юрке — котел серебра и меди; там же, в бору, найдешь каменный крест на сопке, вышина креста два аршина, под ним сундук в кресте медном; под церковью в погребе двенадцать бочек серебра и церковной утвари; не доходя Флора и Лавра десять сажен, там лежит камень белый, на нем выбит поднос, под ним котел; близ Нарвы на двадцать пять верст, близ почты, лежит камень, на нем набит крест: отмерь от него на полдень семь сажен — найдешь три сундука с деньгами; за Варламьевыми воротами близ красной сосны отмерь четыре сажени, и там котел. Там же на восход отмерь семнадцать сажен и найдешь клад; на бойнице найди малую рель на островке, под сей релью в корню — котел; там же близ ключей найдешь два камня, на них набито по кресту — между ними деньги опущены; на зимней дороге, не доходя Поклонной горки, близ кривой сосны в березнике между сопками есть бочонок с деньгами; на старинной Порховской дороге за вторым домом по левую сторону забора найдешь две сопки, как сенные копны, между ними две бочки медных пятаков.

Церкви, заброшенные строения, придорожные камни с какими-либо приметами («следовики»), сопки, старые сосны, островки — все это традиционные кладовые места. Были счастливчики, ко-

торым удавалось достать клад по известным приметам. У Замковой горы близ Судогости Черниговской губернии стоял столб, и все знали, что тут лежит клад. Кто только ни пробовал тот клад отрывать: весь столб подкопали кругом так, что он еле держался, но клада никто не достал. Один мальчик пас монастырский скот возле того столба, солнце было на закате, и пастушок стал копать не рядом со столбом, а у самого конца его тени. Копнул раз-другой и наткнулся на жерновный камень, а под ним — золото (Якушкин, 60 — 63, 276 — 277).

В Олонецкой губернии встречались «Росписи о кладах» времен Литвы, т. е. польско-литовской интервенции начала XVII века, когда либо хозяева прятали нажитое, либо грабители не могли всего унести с собой, пряча добычу в надежде когда-нибудь за ней вернуться. На реке Хворосне есть погост, называемый Николой Лапотным, и второй погост — Егорий, от Николы виден. При том погосте Николы есть топи, где люди не ходят. Пониже топи — земляной вал, в концах вала лежат по камню серых, под теми камнями по кубку денег серебряных. При том же погосте Николы есть колодец с кипучей водой, в него спущено десять пудов церковной серебряной посуды и закрыто дубовой доской. При том же погосте есть два красных камня, на них выбиты петухи: один на другого глядят, под ними — по кубу денег золотых. При том же погосте на поле есть три пруда, один — кру́гом да велик, а другой — челноком. С круглого в челноковый сделан водотек, и по тому водотеку опущено в землю двенадцать кубов, куб от куба по сажени, и между ними во уши пропущена железная цепь. За одним все найдешь. С полторы версты от того погоста есть три сопки: в

одной — ружья, в другой — кости человеческие, в третьей — куб серебряных денег (Криничная, 84 — 85).

Типичные кладовые места — сосны, камни на перекрестках, колодцы, топи, где никто не ходил, придорожные столбы, сопки над могилами — в то же время считались типичными местами обитания нечистой силы, чертей, бесов, которые порой становились «кладохранами», стражами кладов.

Разбойники зарывали клады, обеспечивая их сохранность духами мертвецов, оказавшихся жертвами во время сокрытия драгоценностей. В конце XVIII — начале XIX века в окрестностях села Домнина Меленковского уезда Владимирской губернии атаманом шайки разбойников колдуном Рощиным было зарыто много кладов. К каждому Рощин приставил по сторожу и заклял их. Сторожу Рощин отрубал голову и клал ее на крышку сундука с золотом, духи этих людей становились кладохранами.

Бо́льшая часть кладов вообще зарыта на чью-либо голову. Жертва не обязательно должна быть принесена первым хозяином клада, ею может стать искатель клада спустя много лет после того, как он был зарыт. В сказках героям удается порой избежать роковой опасности благодаря чуду или неожиданному совпадению. Один бедный мужик слыхал, что в одном месте есть клад. Копал он там не однажды, но ничего не находил. Как вдруг слышит голос: «Что ты, мужичок, трудишься понапрасну! Клад ты можешь получить, если дашь мне голову». Пошел мужик домой и думает, какую голову отдать кладу, — в доме у него, кроме жены и сына, никого не было. Решил принести голову сына. Обсказал все своей старухе и гово-

8 Заказ 1077

рит: «Испеки мне рыбничек, я завтра с сынком пойду рыбу удить». Баба испекла ему пирог с мелкой рыбой, мужик с сыном и отправились к тому месту, где был клад. Жаль было сына, да и клад надо достать. Сели пообедать, мужик достал рыбник, сам ест и сыну дает. В рыбнике рыбки все мелкие, он у них головы отвертывал и кидал в сторону. Вдруг слышит знакомый голос: «Довольно мне, мужик, твоих голов, бери клад и иди домой». Обрадовался мужик, взял клад, в котором нашел золото, и пошел домой (Ончуков, № 72).

Зарывая клад, хозяин может положить на него любое заклятье, например: «Не достанься мой клад никому, кроме того, кто сто петухов зарежет», или: «кто в тридцати трех монастырях побывал», или: «кто трех сирот воспитал» и т. д. С момента заклятия клад становится оборотнем, духом, ищущим нового хозяина. Один очень скупой старик, чувствуя скорую смерть, зарыл клад с наговором: «Чьи руки зароют, те руки и отроют». Сноха все это видела, и, когда старик умер, она стащила его мертвого в подполье и давай его руками клад отрывать, да приговаривает: «Чьими руками зароется, теми и отроется!» Клад ей и дался.

В селе Красная Река Самарской губернии недалеко от леса в пещере есть клад: лодки и кадушки с деньгами. Дверь в пещеру отворяется накануне первого дня Пасхи. Клад может взять тот, кто матерно не ругался. Сокровища до сих пор не тронуты, так как такого человека не нашлось.

Обряд положения заклятия на клад не безопасен для кладозарывателя. Заклятие должно предусматривать какого-то возможного хозяина сокровищ в будущем и появление жертв — кладоискателей. Один татарин решил зарыть клад у себя во дворе навечно с таким приговором: «Как стрела высоко

улетит, так пусть клад в землю уйдет!» Вдруг будто его кто на этом месте по голове ударил — час он лежал без памяти и с тех пор ходил согнутым в турий рог.

Кладохраны любыми способами пытаются помешать найти клад. Недалеко от Конной слободы в Симбирске на валу две женщины искали клад. Вырыли уже пистолет и кинжал, как вдруг от храма Иоанна Предтечи пошел сильный гул: тройка лихих коней скакала с горы во весь опор и с шумом выехала на Большую Московскую дорогу. Тройкой правил красивый кучер в бархатной безрукавке и бархатных штанах, в поярковой шляпе с красными лентами. Рядом на козлах сидел красавец казачок, а в коляске — важный барин. Выехав на дорогу, тройка остановилась, барин слез с коляски, казачок спрыгнул с козел и пошел вдоль дороги плясать вприсядку, а кучер шагом поехал за ними. Казачок так лихо и чудно плясал, что кладоискательницы на него засмотрелись; испугались и барина. Когда тройка поравнялась с ними, из реки Свияги вылез страшного вида солдат, подошел к казачку, схватил его на руки и как игрушку понес в омут под водяную мельницу. Барин сел в коляску, кучер ударил по всем трем вожжами, гаркнул на них, и тройка полетела вдоль столбовой дороги. Солдат дошел с казачком до омута, бросился туда и пропал. Все это представление так испугало кладоискательниц, что они бросили свое занятие и с молитвой вернулись домой.

После этого женщины пошли к колдуну, который по черной книге прочитал им, чтобы они отправились рыть клад на Пасху, между заутреней и обедней, взяли бы с собой по яичку и, кто бы им ни встретился на валу, с тем бы похристосо-

вались. В Пасху кладоискательницы пришли на вал, начали рыть клад и спустя короткое время стали задевать заступом за чугунную доску. Тут пошел гул, рев, зык, и видят — по валу идет к ним медведь — не медведь, человек — не человек: глаза как плошки и горят как свечи, рот до ушей, нос кривой, руки как грабли, рыло на сторону скошено. Идет это чудище и с ревом кривляется так, что земля под ним стонет и гудит. Встали рядом кладоискательницы и яички приготовили — похристосоваться с чудищем-кладом. Чудовище подошло, да как рявкнет: «Вот я вас, шкуры барабанные, так тут-то вы ребятишек зарываете!», подняло над ними страшный кулачище — бросились от него женщины бежать что есть духу, а чудовище все топало да кричало: «Вот я вас!» После чернокнижник объяснил им, что этого клада им больше не найти, что он ушел в землю и теперь не дастся в руки.

Кладохраны являются в виде свиньи, собаки, коровы, особенно часто — черной кошки. Недалеко от Чердаклов (Самарской губ.) под дубом мужики рыли клад. С полуночи около дуба кру́гом начали ходить черные кошки — глаз от них не отвести. От сильного головокружения попадали мужики наземь, очнулись, хотели рыть — а кошки опять хороводятся, то вправо, то влево. Так и бросили. Говорили, что на этом дубе повесился тот, кто клад зарыл (Садовников, № 112). Кошкой может показаться и живой клад, но, в отличие от кладохранов — нечистой силы, стерегущей сокровища, сами клады-оборотни имеют цвет белый (серебро), красный (золото), рыжий или желтый. Зашел путник ночевать в пустую избушку, только начал засыпать — как выскочила рыжая кошка и стала бегать по избе, сама светится словно золото,

где хвостом ударит, там деньгами звякнет. Мужик поймал ее, трижды проговорил: «Аминь, аминь, рассыпься!», и кошка рассыпалась на червонцы.

Клад дает знать о себе горящими огоньками, свечками, некоторые считали, что огнем горит голова клада, когда он выходит из-под земли, и, если бросить на то место что-нибудь из одежды или шапку, клад не уйдет под землю, а так и останется наверху. Клад-оборотень также можно узнать по светящимся глазам: это горит золото, переливаются и сияют драгоценные камни, заключенные в нем. Белорусы считали владельцем и распорядителем кладов «Деда»: он ходит по дорогам с сумою в виде нищего с красными огненными глазами и рыжей бородой, а встретив несчастного бедняка, одаривает его деньгами. В одном рассказе бедняк пошел просить огня у соседей на Пасху, хотел затеплить свечу перед образами, но никто не дал ему огня, так как, согласно обычаю, в этот день огнем делиться нельзя. Вышел бедняк в поле, видит — огонек светится, думает: «Верно, чумаки остановились, спрошу у них». Подошел к костру, поклонился чумакам: «Христос Воскресе!», попросил жару. Те насыпали ему в полу свитки. Когда бедняк воротился домой и высыпал жар в печку — горячие угли превратились в золото. Представление сокровищ жаром, горящим огнем, породило и обратный мотив: жадный и скупой человек, отрывши клад и наполнив сумы драгоценностями и деньгами, приносит домой одни угли. Отсюда поверье о наказании ростовщиков на том свете: они будут в аду загребать руками жар, как при жизни загребали золото.

Клады обнаруживаются обычно в начале весны (на Пасху) и на Ивана Купалу. На Пасху, между заутреней и обедней, и на Иванов день земля рас-

крывается и клады просушиваются, тогда в глубоких провалах и погребах можно увидеть висящие на железных цепях огромные бочки и котлы, полные золота и серебра, по краям котлов горят свечи — все это тут же исчезает, едва подойдешь поближе или станешь творить молитву.

Только в Светлое Христово Воскресение кладозарыватели — душегубцы и разбойники — могут получить прощение: их мучения прекратятся вместе с открытием клада и пожертвованием его части на церковь, а до тех пор хозяева кладов, собравшие свои сокровища грабежом и разбоем, вынуждены находиться возле своего золота и принимать страшные мучения по ночам от змеев, птиц и чудовищ, терзающих их тела. В народе бытовали предания о разбойниках, ждущих своих избавителей-кладоискателей, но встречи с живыми мертвецами (или так называемыми «заложными» покойниками) не сулят смельчакам ничего хорошего.

По берегам Волги, где некогда гулял Стенька Разин, некоторые холмы называются: Стол, Шапка, Бугры Стеньки Разина. В Буграх он спрятал свои сокровища, положив на них заклятие. Сам Стенька сидит в горе, стережет клад и мучается из-за того, что мать-земля не захотела принять его тело. Перед концом света он явится в мир и примет на себя роль антихриста, а до тех пор два змея каждый день прилетают с полудня и полуночи сосать его за сердце. По рассказам, есть где-то змеиный остров, со змеиной пещерой на том острове, в ней скрываются знаменитые разбойники: не только Степан Разин, но и Гришка Отрепьев, Ванька Каин и Емелька Пугачев. Вздумала как-то одна девушка спасаться в пещере, но вечером явился перед ней худой, обросший волосами Стенька Разин и прогнал ее. «Эта пещера моя, — сказал он, — здесь хранятся награбленные мною

сокровища». При выходе из пещеры девушка увидела бочки, наполненные золотом (Афанасьев-1, 202 — 203; -2, 361 — 371).

В Орловской губернии есть местечко Веселый верх, а возле него котловина. Ночью с Веселого верха нечистая сила смотрит одним глазом, а сбившемуся с пути путнику кажется, что там горит огонек. Так черт заманивает людей на Городище, где в прежние времена гнездились разбойники, круглый год пировали, потому и прозвали свой холм в дремучем лесу «Веселым верхом». Но за пролитую человеческую кровь Бог наказал разбойников: их логово провалилось сквозь землю, а на его месте образовалось бездонное озеро. Провалилось и награбленное ими добро. Только их атаман Кудеяр остался жив: земля не приняла его костей. Кудеяр дряхлым старцем живет в лесной избушке. Каждую ночь к нему прилетают двенадцать змеев, бьют его крыльями, пьют его кровь и бросают, посиневшего, на постель. К утру силы возвращаются к Кудеяру, но он будет так мучиться до тех пор, пока кто-нибудь не побоится в Светлое Христово Воскресение прийти на Городище, что раскроется тогда на две половины и покажется внутри золото, которое достанется смельчаку.

Кудеяров клад часто показывается людям и просит взять его, но он так велик, что если и найдется охотник, всего унести не сможет. Этот клад видели пастухи: в Веселом верху показалась большая собака, с блестящей как золото рыжей шерстью. Смирная и ласковая, она зашла прямо в стадо, пастухи бросились на нее с палками, а она привела их на Городище и там пропала. Часто на Городище видели человека в белой одежде и шляпе. В Пасху он стоит с горящей свечой в руках, ожидая кладоискателей. Один из них дошел до свечи: растворились клады, он набрал полные

карманы золота и хотел бежать, а старик держит его за руку, не пускает: «Бери, друг, бери больше, тут много!» Вырвался мужичок, побежал, а гора — за ним, хочет навалиться, задавить. Принес мужик золото домой; семья его с тех пор жила богато, а сам он скоро умер. Другой кладоискатель в Пасху нашел свечу на Городище и наполнил золотом мешок, закопал его в своем погребе и умер. Дети его выросли, но никто из них не знал, где отец спрятал сокровища, пока младший сын не пошел в погреб, ступенька под ним обломилась, он попал ногой под лестницу, стал вытаскивать, а нога вязнет; смотрит — золото. Так и нашли клад, но младший сын скоро повесился (Иванов, 72 — 78).

Клады искали, запасаясь чудесной травой или цветком папоротника. Цветовая почка папоротника с треском разрывается и распускается золотым пламенным цветком в ночь на Светлое Христово Воскресение или на Ивана Купалу. Цветет папоротник всего один миг: листочки его сразу осыпаются и растаскиваются нечистыми духами. Кто хочет добыть цветок папоротника, должен накануне Светлого праздника отправиться в лес, взяв с собою скатерть, на которой хотя бы раз святили пасху, и нож, которым ее разрезали. Найдя куст папоротника, надо очертить его вокруг ножом, расстелить скатерть и, сидя в круговой черте, не сводить глаз с растения. Как только цветок загорится, тотчас нужно сорвать его и спешить домой, накрыв себя скатертью. Дома разрезать палец или ладонь руки и в рану вложить цветок. Тогда все тайные клады будут видны такому человеку. Круг можно обвести также страстной четверговой свечой, принесенной из церкви зажженной, рябиновой палочкой или остатком первой лучины, горевшей накануне Нового года. Чертя круг, нужно чи-

Клад. Картинка из лубочной книги XIX в.

тать молитву «Да воскреснет Бог», все эти предосторожности необходимы, так как нечистая сила сторожит цветение папоротника, — оборотившись змеями и чудовищами, бесы лежат вокруг него и наводят на человека, пришедшего за цветком, непробудный сон или страх. Едва он сорвет цветок, земля заколеблется у него под ногами, завоет ветер, загремит гром, блеснет молния, послышатся ужасные крики, стрельба, дьявольский хохот и свист хлыстов, которыми нечистая сила будет бить по земле, человека обдаст адским пламенем, перед ним явятся звероподобные чудища с высунутыми огненными языками, концами которых они пронижут человека до самого сердца. В это время нельзя покинуть круговой черты или оглянуться, черти разорвут на части. Сорвав цветок, нужно крепко сжать его в руке и без оглядки бежать домой, оглянешься — цветок исчезнет из руки. Некоторые считали, что в круге следует находиться до утра, до первых петухов. В рукописном травнике о цвете папоротника сказано: «Цвет папороти, когда отцветет, осыплется на то, что постлано, и ты тот цвет смети перушком в одно место бережно и залепи воском (от свечи, горевшей у запрестольного образа Богородицы); тот цвет завсегда цел будет. А если не залепишь, то нечистые унесут у тебя; для того людям не дают его взять, что он очень им противен и всю их силу разрушает. Если кто его возьмет, то никакой дьявол, и ворожея, и грешник укрыться не может, и дьявольская сила вся ему будет видна и знатна и ни с какой своей пакостию от него не укроется... Тот цвет носи на лбу: узнаешь и увидишь, где какая поклажа (клад) лежит, и как что положено и сколь глубоко, и можешь взять без всякого вреда и остановки — для того, что ты уже демонов увидишь, а с ним тебя жестоко бояться станут, и

когда ты куда ни поедешь, если нечистые тут на месте есть, то они отходить с того места станут, и можешь всякие поклажи с тем цветом получить — не заперто!.. А сия трава самая насильнейшая над кладами — царь над цветами, трава — папороть» (Афанасьев-2, 380 — 382).

Действием, подобным цветку папоротника, обладают другие чародейские травы: плакун, скакун и разрыв-трава. Без них никакого заклятого клада не выроешь. Если приложить одну из этих трав к замку, запертому входу, то они тотчас отопрутся (Чулков, 273 — 274). О разрыв-траве рассказывают, что цветет она также в Иванов день в полночь и держит цвет столько времени, что успеешь лишь прочитать «Отче наш», «Богородицу» и «Верую». Находят разрыв-траву случайно, во время косьбы: на этой траве в Иванову ночь коса переламывается (Даль, 1984-2, 349). Листья ее имеют форму крестиков, цвет подобен огню. Воры, добыв траву, вкладывают ее в разрез на пальце, дают ране срастись и отмыкают затем этим пальцем любые запоры. Косить нужно в полночь накануне Иванова дня где-нибудь в диком пустыре. В том месте, где упадет коса, нужно собрать всю траву и бросить в реку по течению: разрыв-трава поплывет не вниз, а вверх, против течения. Иначе ее называют также скакун-трава, спрыг-трава — по способности быстро переноситься с одного места на другое. Разрыв-трава отпирает подземные погреба, входы в горные сокровищницы. Такое же поверье существует о траве петров крест, которая, согласно старинному травнику, «ростом в локоть, цвет багров, растет кусточками, корень весь крест-на-крест» — с нею отыскивают клады и спасаются от нечистой силы (Афанасьев-2, 397 — 399, 412).

В Иванов день добывают цвет и корень плакун-травы, под которой подразумевают часто раз-

ные растения (медуницу, иван-чай, иванов цвет и другие). Она заставляет плакать нечистых духов и открывает доступ к заклятым кладам, которые стерегут черти. Трава эта зарождается «на обидящем месте», т. е. на крови, на месте преступления. С этой травой осуществляется поиск кладов следующим образом: берут немого петуха, привязывают ему на шею плакун-траву и спускают на землю. Как только петух встанет на то место, где под землей скрыт клад, тотчас закричит (Афанасьев-2, 413). С петухом ходили также за цветком папоротника: сорвав цветок, заставляли петуха запеть, чтобы не задушила нечистая сила (Зеленин-1915, 832).

Наконец, и сам заклятый клад удобнее всего добывать под вечер на Ивана Купалу. Узнав заранее, где лежит такой клад, запасались свечами «от покойника» (теми, что раздавались мирянам во время панихиды над усопшим), ладонкой; место клада окуривали до трех раз, вынимали из ладоницы уголь, клали его на землю и вздували огонь, от которого зажигали восковую свечу. Как покажется огонек — над ним держали ломы, щупы, лопаты, которыми начинали рыть клад. Место клада легче было разыскать с одним из вышеназванных цветков, врезанных в ладонь правой руки, — тогда можно узнать все, что находится в земле на глубине трех аршин.

Любой клад может рано или поздно истощиться, поэтому самым большим богатством считали неразменный рубль. По калужским поверьям, им владеет сам Сатана и выпускает один раз под Новый год. Отличительное свойство неразменного рубля заключается в том, что сколько бы его ни тратил, если останется хоть копейка сдачи, то едва выйдешь из лавки — рубль снова в кармане. У того, кто забудет взять сдачу, рубль исчезает:

он возвращается к Сатане. Достать неразменный рубль можно в ночь под Новый год. Для этого необходимо посадить в мешок черного кота, а на мешке, из него самого, завязать семь узлов и выйти в полночь на перекресток. К человеку с мешком подойдет дьявол и будет просить продать кота, предлагать баснословные суммы, но продавец должен просить только неразменный рубль. Когда черт даст монету, продавец должен без оглядки бежать домой, так, чтобы успеть достичь порога, пока дьявол не развяжет все семь узлов. Если ему не удастся хотя бы коснуться рукой ручки двери своего дома, дьявол разорвет в куски. Существовало также поверье, что неразменный рубль имеется у домового, а получить его можно следующим образом: в чистый четверг налить миску борща с кашей, взять хлеб и все это отнести на чердак «хозяину». Если домовой воспользуется предложенным угощением, то в уплату оставит неразменный рубль.

Помимо чертей, оборотней, живых мертвецов, клады хранят *змеи* (см.). Общеславянское поверье приписывает *огненному змею* (*летуну*, несаку) способность носить деньги в избранный им дом. Неожиданно разбогатевшего человека считали облагодетельствованным таким змеем. За огненного змея принимали падающие звезды, в том месте, куда они упадут, можно найти под землей клады. Кто увидит змей, свившихся в клубок, а между ними царя змей, и бросит в них камнем, найдет вместо змей золото. У царя змей на голове золотая корона или золотые рожки. Царем змей и огненным змеем считали также *василиска* (см.), рожденного из петушиного яйца. Старшей над всеми змеями считается белая змея: кто убьет ее и натопит из нее сала, а затем помажет им глаза, увидит скрытые под землей клады (Афанасьев-2,

69, 541 — 550). На Урале ходили рассказы о Великом Полозе, стягивающем в кольцо подземное золото и указывающем редким избранникам золотые жилки. Согласно многочисленным историям о скупцах, перед смертью прятавших накопленное добро в подушку или одежду так, чтобы оно оказалось в гробу вместе с покойником, наследники, в поисках исчезнувших богатств вскрывавшие гробы с телом усопшего родственника, вместо денег находили змей, лежащих на том месте, где скупой скрыл свое добро.

КЛИКУ́ШИ Порченые, одержимые бесом, шутом, бесноватые.

Кликушество — нервное расстройство, сопровождающееся судорогами, пеной у рта, искажением лица. В народе причиной кликания — истерического припадка, прерывистого крика с корчами — считали порчу *колдуном* (см. также *Икота*). Множество сыскных дел о колдунах было начато в Московской Руси из-за «показаний» кликуш, которые выкрикивали имена чародеев во время своих беснований, в иных случаях намеренно называя тех людей, которым хотели отомстить. По наговору кликуш мнимых преступников пытали и заключали в тюрьмы, а они обращались в Москву к государю с жалобой на несправедливые истязания. Кликуши служили порой орудием достижения корыстолюбивых целей дьяков и воевод, которые специально указывали кликушам имена богатых людей, чтобы те во время конвульсий обвинили их в колдовстве, а потом, пользуясь обвинением, обирали чужое добро. Широкий размах приняла такая практика против богатых посадских людей в Шуе в середине XVII столетия. Петр I указом 1715 года повелел приводить кликуш в приказы для розыска — действительно ли они

больны, или, притворяясь порчеными, нарочно обвиняют своих недругов. Но несмотря на этот указ, многие страдали от поклепов порченых еще в конце XVIII века. Так в 1770 году из Яренского уезда в Вологду были привезены оговоренные в чародействе и под плетьми признали себя колдунами и колдуньями. От одной из «преступниц» потребовали доказательств того, как она по ветру насылала порчу на людей, она предъявила судьям «червей», которые оказались мушиными личинками. За невежество Сенат освободил городские власти от занимаемых должностей, а кликуш за ложные обвинения приговорил к наказанию плетьми (Афанасьев-3, 635 — 637).

Указом от 13 мая 1773 года Святейший Синод запретил духовенству петь молебны и читать слово Божие (отчитывать) над кликушами, так как порченых надо было рассматривать только как обманщиц и лентяек, не желающих работать (Минх, 166 — 167).

Такой взгляд на кликуш не выдержал проверки временем, кликушество было массовым явлением (особенно на Русском Севере) вплоть до начала XX века. В XIX столетии кликушами были почти исключительно женщины, в основном красивые и молодые. Они не выносили пения херувимской песни, дико беснуясь в это время; выведенные из храма, кусали землю, плевались, дразнились языком, ругались непристойными словами (Зеленин-1915, 802). Криком и бранью разражались кликуши во время крестных ходов, тосковали и волновались накануне праздников, особенно перед Рождеством и Пасхой. В церкви припадки усиливались при приближении священника. Несмотря на запрет, многие священники брались за излечение кликуш, читали над ними молитвы, изложен-

ные в большом требнике. Чаще всего кликуш отчитывали молитвами Святому Духу и «Отче наш». Когда припадок случался дома, кликушу с головой накрывали салфеткой со стола, вспрыскивали водой и крепко прижимали рукой мизинец ее левой руки. Заранее запасались в церкви херувимским ладаном, т. е. остатками ладана из кадила, которым курили во время херувимского пения, лоскутками священнической епитрахили — всем этим окуривали кликушу. Помимо ладана и молитв, пользовались разными способами, обычными при изгнании бесов из тела человека. Кормили петушиными потрохами, так как черти боятся петухов, водили «под колокола», поскольку их звона бесы не выносят; купали в проруби в Крещенье, прижигали им пятки раскаленным железом, привязывали к ногам лошадиные подковы, сжигали нательные рубашки.

Свое заболевание кликуши объясняли тем, что где-то, например в церкви или во время свадьбы, колдун возложил на ее плечо свою руку или что она проглотила беса в виде водяного жучка из кувшина с водой, стакана с вином, квасом и т. д.; что порча пришла к ней по ветру. Зная наперечет местных колдунов, женщины старались не допустить их прикосновений, а при питье любого напитка не забывали перекреститься, от чего бес, посаженный колдуном, должен был лопнуть. Без помощи колдуна, испортившего женщину, вылечить ее почти невозможно, разве что прибегнуть к чарам более могущественного мага. Чтобы узнать имя колдуна, посадившего беса в несчастную, на кликушу надевали хомут и спрашивали, кто ее отец. Одержимая называла имя испортившего ее колдуна. Крестьяне приводили этого человека к больной, которая слезно просила у него

прощения, умоляя изгнать беса. Редкий колдун согласится на такое, поскольку, вылечив ее, он должен был погибнуть сам. Так до самой смерти больная оставалась бесноватой.

Можно было отвести ее к более могущественному чародею, чего очень боялся колдун — виновник порчи. Узнав о готовящемся визите к другому колдуну, он начинал испытывать страх, шел в дом своей жертвы и выпрашивал что-нибудь, например луку, хлеба или соли. Давать ничего нельзя, иначе порчу не снять. Кликуши неохотно ездят отговариваться, но если отговор удастся, то колдун, испортивший ее, гибнет. Когда знахарь или знахарка изгоняют нечистую силу, она движется внутри тела от места своего первоначального обитания к тому выходу, который предусмотрен отговором. Перемещения злого духа заметны для наблюдающих. Например, у одной кликуши сперва задрожала рука, затем заломило большой палец и из него вышел нечистый в виде большой бесхвостой крысы, которая убежала в подпечье.

Естественными причинами кликушества — и об этом тоже знали в народе — являлись нервные потрясения, состояние угнетения и тоски, наследственная предрасположенность. У матерей-кликуш дочери, войдя в возраст, начинали кликать. Кликушами могли стать женщины, перенесшие тяжелые роды. У одной владимирской крестьянки одержимость шутом возникла после того, как в груди «разлилось молоко»: по ночам она уходила из дому, взяв с собой малолетних детей, причем именно в те места, которые считались традиционными для нечистой силы, — в овин, лес, в баню. Ее посадили на цепь, она успокоилась, речь ее обрела смысл и здравость. Женщину отпустили, но при посещении церкви

каждую обедню она кричала в голос, богохульствовала и бранила священника. Кликушу отвезли к чудотворной иконе, отслужили молебен, заставили к ней приложиться, после чего она упала в беспамятстве перед иконой и пролежала около часа; несчастную кропили святой водой, читали Евангелие и отчитали: припадки больше не возвращались, больная очнулась здоровой.

Кликуши пользовались славой провидцев. В определенных случаях кликушу возбуждали намеренно, чтобы вызвать в ней состояние ясновидения и узнать от нее какую-нибудь тайну. Некоторые кликуши умело пользовались своим даром сами. Например, когда нужно было узнать имя поджигателя, из мести спалившего чей-то дом, к ней обращались за помощью пострадавшие, кликуша будила в себе темного духа следующим образом: она снимала с божницы икону, принесенную из Киева, и крест из Иерусалима и, бросив их, начинала говорить. Бывали, конечно, случаи откровенного притворства. Женится парень на девушке, обманув прежнюю любовницу, и та насылает порчу на молодую жену; молодка делается кликушей и в припадках все время выкрикивает имя соперницы, которую односельчане начинают считать ведьмой, тем самым серьезно осложняя ей жизнь.

Если кликушество не исчезает до самой смерти, то бес выходит из порченой вместе с ее последним вздохом. Дочь кликуши рассказывала, как перед смертью у матери вздулся живот и началась черная рвота, вместе с нею выскочил черный лохматый червячок с палец толщиной и в четыре вершка длиной. Едва он успел скрыться под печью, как матушка скончалась (Калужская губ.).

КОЛДУНЫ́ и *колду́ньи*. Волховники, волховницы, ворожеи, еретики, обавники, опасные, порченники, чаровники, чародеи, *чернокнижники*.

В отличие от *ведьм* и ведьмаков, колдуны не находятся в родстве с нечистой силой, не имеют хвостов, свой дар получают по собственному решению или, в детском возрасте, по неопытности: находясь рядом с умирающим родственником-колдуном, они неосторожно берут что-нибудь из его рук и сами становятся после этого чародеями. Чтобы стать колдуном, нужно пройти серьезные испытания, а иногда и обучиться чарам и заключить договор с дьяволом, согласно которому сатана передает в распоряжение колдуна или колдуньи бесов, нечистую силу, которая во всем будет служить чародею, но после смерти и тело, и душа колдуна поступают во власть бесов.

Есть много способов узнать колдунов по их внешности, поведению, особым приметам их домашнего быта. В разговоре колдун никогда не смотрит прямо в глаза человеку, а только в землю. Если собеседнику удастся заглянуть в глаза чародею, то в его зрачках он не увидит отражения своего лица, они будут оставаться темными (Владимирская губ.). В Тульской губернии говорили, что если смотреть в глаза колдуну, то увидишь, что в зрачках у него люди отражаются вверх ногами. Некоторые замечали огненные струйки в зрачках колдунов. Их отличает также слишком резкий или тихий голос, манера говорить вслух с самим собой. Мимо бормочущего человека полагалось проходить молча, прикрыв рот ладонью и не отвечая на его вопросы. Дом колдуна можно было узнать по особенному дыму: он вьется около трубы с завихрениями — это колдун, вынужденный постоянно давать слугам-чер-

Заключение договора с дьяволом. Картинка из лубочной книги XIX в.

тям работу, заставляет их «весить дым», вить из пыли веревку (Зеленин-1916, 1249 — 1250).

Узнавали колдунов на общественных сходках, во время праздников, т. е. во время собрания большого количества людей, когда колдуны обнаруживали свою непохожесть на остальных, выдавали себя некоторыми повадками и прежде всего отношением к святыням. Один тульский староста разгонял на сходках колдунов следующим образом: когда соберутся крестьяне, он трижды про себя читал «Да воскреснет Бог», и все чародеи брали шапки и один за другим покидали сход.

В пасхальную заутреню свечи у колдунов постоянно гаснут. В эту службу колдунов узнавали с помощью яйца, в первый раз снесенного молодой курицей. Яйцо окрашивали в красный цвет и клали в карман, затем вместе с крестным ходом обходили вокруг церкви, а когда священник в первый раз скажет: «Христос воскресе!», — вынимали яйцо и смотрели поверх голов собравшихся: все колдуны будут стоять спиной к иконам, а на головах у них будут рога. По поведению в церкви узнать колдуна трудно: здесь они самые богомольные люди, стоят у самых икон, кланяются в землю, любят ставить свечи к иконам, только свечи у них плохо горят и все время падают (Колчин, 52).

Удобным временем для распознания колдунов являются все дни страстной недели. В первый день в печи топят одно полено, во второй — два и т. д. Таким образом, в Светлое Воскресение должно быть сожжено семь поленьев. Пока они горят, колдун находится в страшной тоске, он идет в ту избу, где топится печь, просит какую-нибудь мелочь или заходит по другому незначительному поводу. После того как будут сожжены все по-

ленья, колдун заболевает и в скором времени должен умереть (Владимирская губ.).

Волхвы, чародейники, кудесники (ср. рязанское «окудник» — колдун, кудесы — ряженье и ряженые на Святки), кобники были известны на Руси с глубокой древности. В Святославовом Изборнике (1073) осуждается волшба, ворожейство, заговоры («баяй»), чары («дивы»); Кормчая книга запрещает творить «кобн» («коб» в старинных рукописях — волшебство, а в современных говорах — зло, худое дело) и «дивы». У Нестора в рассказе о смерти Олега «волхв» и «кудесник» — синонимы, это вещие люди, предсказывающие смерть Олегу.

В древнерусских памятниках часто говорится об обращении к волхвам и чародеям за помощью в случае болезней (особенно детских) или при необходимости опоить кого-нибудь питьем, зельем, над которым произнесены заклятия. Большой популярностью пользовались колдовские амулеты («наузы», «наюзы» — узлы, привязки), состоявшие из сушеных трав и других снадобий (высушенное крыло летучей мыши, уголь, соль, сера, змеиная голова или кожа) или бумажки с заговором, прикреплявшейся к нательному кресту. Такую наузу советовали навязать ребенку — Всеславу (1044) из-за того, что на голове у него «знамя язвено — яма». Волхвов, умеющих изготовить наузы, называли наузниками или узольниками. Постепенно эти амулеты из колдовских средств превращались в предохранительные от чар: в употребление вошли ладан и ладанка как обереговая привязка, носимая на шее. Но еще в XVII веке людей, у которых были обнаружены привязки с корешками и травками, обвиняли в колдовстве и публично наказывали.

Славянская Кормчая и Домострой называют чародеев «облакопрогонниками», т. е. видят в них чародеев, управляющих тучами, ветрами. В XVI веке ходила молва, что в 1552 году во время осады Казани татарские колдуны, стоя на городских стенах, махали одеждами на русское войско и посылали на него дожди и ветры («Сказания князя Курбского»). Брошенный в вихревой столб нож мог ранить колдуна, дух которого летает вместе с ветром. Рассказывали также о поездках колдунов верхом на волках; в актах XVII столетия встречается обвинение, возведенное на одного попа, будто он ездил на медведе. Наидревнейшим свидетельством о чародейских возможностях невров (народа славянского племени) является указание Геродота, что у греков и скифов невры почитались оборотнями и что каждый из них хотя бы раз в году мог на несколько дней превращаться в волка. В былине о Волхе Всеславьевиче, в которой не без оснований видят отражение каких-то преданий о Всеславе Полоцком, князь по темным лесам летит черным вороном, по полю скачет серым волком, по горам бежит белым горностаем, по морям плывет серой уткой (Афанасьев-3, 423 и сл.).

Более или менее подробные сведения о процессе превращения обычного человека в колдуна дошли до нас от XIX столетия. Кто хочет стать ведьмой или колдуном, должен отказаться от отца и матери и от всего рода до двенадцатого колена. Отрекаясь, стоять на иконе, положенной вниз ликом, на перекрестке дорог или в другом нечистом месте. Один человек, встав на икону, услышал позади голос: «Лезь сюда», он обернулся и увидел огромную собаку с разинутой пастью. «Да, Господи, куда же я полезу?!» — воскликнул он, и со-

бака тотчас провалилась, а неудачливый колдун с тех пор стал чахнуть и через год умер.

Есть очень сильные колдуны, выдержавшие особые испытания в обряде посвящения. В Тульской губернии пользовался славой могущественного чародея, способного уморить или вылечить кого угодно, оборотить в любое существо, крестьянин, который выстоял в полночь на Ивана Купалу рядом с папоротником, держа в руках свечу из человеческого сала, и, когда папоротник расцвел, сам Сатана со своего трона подал ему цветок и приказал зашить в ладонь правой руки (Колчин, 35 — 36; 49 — 50). Выбрать папоротник, который может расцвести в Иванову ночь, не так просто. По распространенному поверью, в горизонтальном срезе одной из пород папоротника, обладающей чудесными свойствами, видна фигура орла, это растение с большими перистыми листьями, напоминающее птицу (Потебня, 178 — 179).

Ученые колдуны, кажется, слабее тех, кто получил чары непосредственно от нечистой силы. Вот рассказ, присланный в бюро кн. В. Н. Тенишева в конце XIX века, который передавали как истинное происшествие. Одному молодому парню захотелось выучиться колдовать, и он пошел к своему дяде, известному в округе чародею. Пошли они учиться в баню, ночью. Отец с матерью догадались, зачем сын с дядей ходят в баню, встали ночью и пошли подслушивать, чему их сына дядя-колдун учит. Подошли к бане и слышат, как дядя говорит: «Ты перво-наперво отрекись от отца с матерью и прокляни их. Прокляни небо, солнце, луну и звезды. Не веруй в Бога и не читай Священного писания. По праздникам работай, в церкву ходи ради близиру, чтобы люди не могли догадаться, что ты настоящий колдун. Теперь иди и

испорти отца или мать — кто первый отопрет ворота, а если ты не испортишь никого из домашних, тебя черти разорвут в мелкие куски».

Родители как услыхали, что их сын отрекся от них и от Бога, пошли домой, заперли ворота и легли спать. Подходит сын к воротам, стучался-стучался: никто не слышит. Стал кричать: «Батюшка с матушкой, отоприте!» А отец с матерью ему отвечают: «Ты от нас отрекся, теперь ты — сын нечистого. Ступай к своему учителю, а мы тебя знать не знаем». Только они так пробаяли, как сын их страшно закричал возле ворот: «Батюшки, смерть моя!» Отец с матерью вышли к воротам, глядят — а сын их весь по частям разорван: где голова, где рука валяется, все разбросано куда попало. Махнули родители рукой: «Такая ему дорога!» (Владимирская губ., Меленковский уезд).

Были люди, учившиеся колдовать самостоятельно, следуя приемам, о которых они знали только понаслышке. Иногда — удачно. В той же губернии и уезде в прошлом веке жил колдун Ермак. Решив стать чародеем, он добыл черную кошку и пошел в полночь варить ее в баню. Затопил печь, положил кошку в котел, вдруг слышит голос: «Ты чего тут варишь?» — «Ребенка». Черт ему и говорит: «Ты так никогда не выучишься колдовать. Продай мне свою душу, я тебя научу». Ермак согласился. Черт приказывает: «Выпусти из правой руки крови и этой кровью напиши расписку, что ты продал мне свою душу за то, что я выучил тебя колдовать и портить людей». Ермак написал и подал черту, а дьявол вынул у Ермака глаза и вставил ему другие: «Теперь иди и порти, кого знаешь». С той поры Ермак сделался колдуном и перепортил много народу. Сам же помер

недоброй смертью. Баба его топила печку, дрова в ней почти прогорели, остались одни угли. Она ушла за водой, а колдуну, должно быть, показалось, что в печи не угли, а золото блестит. Залез в печь, да и сгорел. Баба приходит с водой, глядит — а Ермак лежит в печи, пылает. Сбегала за народом, вытащили его из печи, а он черный, как уголь, глаза лопнули. Схоронили колдуна на коровьем кладбище.

Колдунами стремились стать бедные люди в надежде, что, продав душу черту, они получат верный достаток. Народные притчи показывают, что дьявольское богатство не принесет счастья и душевного покоя. Один корабельник, в молодости ходивший на бусах (лодках-однодеревках) по Оке, вспоминал, как чуть было не стал колдуном. Плавал с ними колдун с Рязанщины Гришка. Бывало, пристанут к городу или к богатому селу, Гришка ни за что не останется на бусяне: пойдет в город, на базар, лавки обойдет, наберет всякой всячины без денег и возвращается. «Возьми меня с собой!» — напросился матрос. Пришли в лавку на пристани, Гришка набрал кренделей, конфет, пряников, орехов и еще много кое-чего, а денег не отдает: подошел к лавочнику, постоял немного и говорит: «Давай, господин лавочник, сдачу». Лавочник вынул целковый и отдал Гришке. Вышел колдун с товарищем из лавки, матрос просится: «Выучи этому искусству! Ведь этим ремеслом можно большие деньги нажить». — «Да, можно. Вот придем на бусяну, я тебе покажу, что должно вперед сделать, коли тебе это понравится, то и учиться можно».

Вернулись на лодку, взял Гришка кусок хлеба и товарищу велел взять. «Бросай, — говорит, — хлеб в воду». Бросил матрос, подплыла рыбка и

стала тормошить его. «А теперь гляди, — говорит Гришка, — как я брошу» — и бросил свой кусок. Откуда ни возьмись — великое множество гадов, змей и ужей, стали рвать хлеб на части. «Так будут терзать они мою душу на том свете, — сказал колдун. — А твою — так же как твой кусок. Хочешь ли теперь продавать свою душу черту? Мое-то уж такое дело, мне колдовство передал дед, когда я еще глуп был, а ты если жалеешь свою душу, то не учись» (там же).

В сказках родители отдают сына в ученье колдунам от безденежья. Ученик колдуна постигает премудрость оборотничества и вскоре превосходит в этом искусстве своего учителя, который не хочет возвращать родителям сына. Оборачиваясь разными животными, сын просит отца продать его (в образе мерина) и получить деньги, но продавать нужно без узды. Покупателем обычно становится прежний учитель-колдун, заставляющий отдать лошадь с уздой, после чего побег из дома колдуна становится почти невозможным, так как узда не дает оборачиваться (Смирнов-1, № 24; Афанасьев, Сказки-2, № 249 — 253).

В бывальщинах иногда рассказывается о не выдержавших курса обучения колдовству — люди не могут вынести страшных испытаний, связанных с принятием в себя дьявола, с посвящением Сатане, но обратного пути для них нет, они умирают, так и не став колдунами. Одну женщину нашли лежащей в избе в одной рубашке с раскоряченными ногами и лягушкой во рту. Все знали, что она хотела стать колдуньей. Прохворав некоторое время, женщина умерла.

Помимо обеспеченности, в положении колдуна привлекал тот почет, которым пользовались чародеи. Во время свадеб их сажали в передний угол,

так что даже жених с невестой занимали уже второе по значению место. К колдунам обращались во всех сложных, запутанных ситуациях, их боялись и уважали.

Колдуньи колдовали более по хозяйству: они умели устроить так, чтобы свой петух бил чужого или чужое молоко выдаивали на свой двор, напускали или лечили женские и детские болезни. Мужчины-колдуны портили людей, расстраивали свадьбы. И те и другие могли насылать порчу, сделать залом или прожин на поле, лишая его урожайности, могли приворожить, занимались лечением. Отличие колдунов от знахарей состоит в том, что знахари лечат с помощью трав, колдун снимает или напускает болезнь, порчу с помощью нечистой силы. Когда больной приходит к колдуну, тот не спрашивает о недуге, а сразу говорит: «Эге, сколько их в тебя насажено!» или: «Эх, какой в тебе насажен!» — и изгоняет болезнь посредством изгнания бесов из тела больного, при этом лечащийся обычно видит вышедшего беса в образе насекомого, зверька, рыбки, червяка и т. д. Колдун дает больной питье, воду, на которую предварительно нашептывает, после чего вместе со рвотой извергается бес. Если у молодой женщины пухнет живот, но настоящая беременность не наступает, значит в ее чреве — дьявол; колдун изгоняет его, заставляя молодую стоять над дымом или сажая ее на ведро с водой. В ведре находят после плавающую рыбу — это и есть черт. Болезнями от порчи колдунов считали боли в животе, под ложечкой, опухоли — килы. Два первых недуга передавались колдунами в напитках, килы, в основном, пускали по ветру. С помощью особых «слов», черных заговоров, действенную силу которым может придать только колдун (обычный че-

ловек, даже зная заговор, не может им воспользоваться, так как у него нет связи с нечистым), порча направляется по ветру и пристает к первому встречному. Килы пускают на лес, в таком случае они пристают к стволам деревьев в виде наплывов шарообразной формы. Иногда колдуны посылают в дома порчу в образе воробья, во избежание несчастья боязливые хозяева разрывали воробья и бросали в печной огонь, прежде чем будут туда поставлены горшки.

Если колдун хотя бы раз в день (по иным поверьям — в месяц, в неделю) кого-нибудь не испортит, он теряет чары, хиреет и умирает. Чтобы укрепить чары, олонецкие колдуны и колдуньи ежедневно пускали по ветру щетины, — выходя на крыльцо рано утром, они бросали на ветер пригоршни мелких щепочек, стриженой шерсти, мусора. Все это должно было попасть в людей и вызвать болезнь, она чаще приставала к детям, чем ко взрослым. Это накожное заболевание, которое снимали в бане. Ребенка терли лепешкой на красном меду, непременно троекратно, щетины должны были пристать к меду; терли деревянным маслом перед ярко горящей печью (Куликовский). По ветру пускали и гораздо более страшные болезни, эпидемические, которые так и назывались «поветрием»: сибирскую язву, холеру. Одна женщина призналась, что вырезала у петухов из хвостов перья и сжигала их. В той стороне, куда она пускала порошок из перьев, умирал народ или появлялась холера (Зеленин-1915, 780).

Распространенным средством порчи среди колдунов было напускание хомута. Из нитки или гашника с наговором плетут кольца и бросают на то место, где должен пройти человек. Достаточно перешагнуть через этот «плетень», имеющий сход-

ство с обыкновенным хомутом, или взять его в руки, чтобы захворать. Снять хомут могут только колдуны. Чаще всего болезнь выражается в распухании детородного члена (у мужчин), а у женщин — резями внутри матки и мочевого пузыря. Временное облегчение вызывалось окуриванием половых органов мохом, пили также сок конопляного семени (чистым или в слабой смеси с нашатырем) (Макаренко, 75). Хомутника или хомутницу, в свою очередь, можно было извести чарами на след, например, заметив, куда ступала нога колдуньи, воткнуть в след три иголки остриями вверх — через год-два отмщение совершится.

Жители Сибири весьма страдали от колдовства со змеями. Местные чародеи, держа обиду на сельчан, делали невозможными покосы: под ногами у косцов неожиданно появлялись тысячи змей, приходилось бросать луга с прекрасной травой и уходить на другое место. В то же время колдуны змей совершенно не боялись: змеи обвивались вокруг шеи колдуна, жили в его доме, со змеями играли дети чародея. Когда измученные «червями» крестьяне обращались за помощью к колдунам, те обычно собирали змей в клубок с помощью небольшой жерди в палец толщиной: ее втыкали в землю, и десятки гадов свивались вокруг нее, а после уползали куда-то (Зиновьев, 230 — 244).

Наиболее распространенным видом колдовства были заломы, куклы и прожины в поле. Кукла или закрутка в хлебе — это несколько стеблей ржи, скрученных вместе на корню с произнесением известных заклинаний. Закрутка отнимает «спорынью», «спорость» у хлеба, плодородие поля. Хорошая полоса хлеба дает мало груд, и с этих груд намолотится меньше обычного, хлеб будет «не умолотен». Да и расходоваться хлеб с такой

полосы будет чрезвычайно быстро. Залом — то же, что закрутка, но считается сильнее ее, снять его может только колдун и тоже с соответствующими заклинаниями. Прожин — узенькие полоски выжатой ржи, вершка в полтора (около семи см) в ширину и во всю полосу или во все поле длиной. На том поле, где сделан прожин, никогда не будет урожая. Возле прожина хлеб не помят, будто кто сделал его, летая по воздуху, поэтому многие думали, что, чтобы сделать прожин, колдун подвязывает к ноге святую икону и едет на ней по полю как на лыже (Балов, 190, 112). Куклы и прожины нужны колдунам, чтобы у них было больше хлеба с того загона, где колдун сделал прожин или куклу, нечистая сила по зернам натаскивает им полные закрома. Черненькие букашки, что ползают в узле куклы, и есть нечистая сила.

Прожины и кукол опасно уничтожать самому, хотя говорят, что куклу в хлебе можно снять кочергой, вынести за загон или тут же сжечь, не выдергивая. С помощью этой куклы можно извести колдуна: вставить ее в расщепленное дерево и сжать — у колдуна заболит поясница; положить между спицами колеса — тотчас прибежат спросить, что ты делаешь. Решив самостоятельно наказать колдуна, хозяин полосы должен быть очень внимательным с того момента, как он сорвет куклу. У старухи-матери был единственный сын, прилежный хозяин, и дела шли у них хорошо, пока однажды он не нашел в поле куклу, завязанную во ржи. Сорвал он куклу и повесил в амбарчике под коньком, чтобы, когда колдун придет за куклой, хорошенько наказать его. Но прошло лето, наступила осень, и никто не являлся. Сын совсем забыл про куклу. Однажды к ним за-

шел путник, будто бы полюбоваться амбарчиком, увидел куклу, схватил ее и — опрометью вон. Парень было бросился за ним, но не догнал. На следующий день он заболел, а на четвертый умер. Поэтому срывать и срезать куклы жители Тульской губернии советовали только при священнике, который в это время обходил загон, читал Евангелие (Колчин, 43).

Заломы на полях, засеянных рожью, овсом, ячменем (круг около 30 см в диаметре из спутанных хлебных колосьев, стебли которых на середине сломаны вершками к центру), устраивали женщины-колдуньи. В Новгородской губернии верили, что кто сожнет такой залом — высохнет и умрет, съест в хлебе — умрет, пойдет солома на подстилку — скот передохнет. К полуночи, до пения петухов, колдунья выходила из дома в одной рубахе без пояса, а когда приступала к залому, то снимала и рубаху, оставаясь голой. Кто увидит ее идущей на залом — колдовство не выйдет, возвращающейся — сам помрет. В последнем случае избавиться от смерти можно было только убив колдунью. Как только залом будет обнаружен, около него выставляли сторожа, чтобы скот не съел и не передох после этого. Ликвидировать залом обычно просили тоже колдунью, уплатив ей за это 3 — 5 рублей.

Женщины иногда становились колдуньями после смерти колдуна-мужа: кормиться надо, и они начинали пользоваться славой покойного супруга, брали без отдачи муку, продукты, корить их этим никто не смел, опасались порчи. Но чем шире слава колдуньи, тем сильнее ненависть к ней со стороны окружающих, вскоре все местные беды начинают связывать с ее именем. Все заломы, смерти, пожары, болезни приписывали ее чарам.

Колдунья. Картинка из лубочной книги XIX в.

и однажды колдунью могли найти убитой, со связанными и притянутыми к спине ногами, наподобие залома на полосе. Очень часто колдунов и колдуний сжигали в их собственных домах — скоро такое место становилось заповедным, заклятым, здесь не брали сучьев, не рвали травы, ягод, вообще из опасения, что будет «манить», старались обходить пепелище стороной.

Колдуны и колдуньи если и оказывают помощь людям, то в тех случаях, когда причиной беспокойства является нечистая сила, с нею чародей может договориться. Например, колдуна призывали, чтобы унять лихого домового: он резал петуха, выпускал его кровь на голик и выметал им все углы в избе и во дворе с необходимыми заклинаниями (Афанасьев-2, 106). В Вологодской губернии были колдуны, которые давали пастухам приводы для скота. Пастух обращался к колдуну, тот давал ему зверька-оборотня, черта, с тем, чтобы пастух каждое утро выпускал его на то место, где должны пастись коровы. При этом нельзя никому говорить о своем нечистом помощнике. У одного пастуха был заяц, который пас за него все стадо, однажды пастух показал его, решив похвастаться своим чудом. С этого момента начались разные несчастья: заяц перебил посуду в доме, перестал стеречь стадо, водил пастуха по незнакомым дорогам, а дома постоянно просил работы.

Как отсушить, снять любовную тоску, знают знахари и бабки, но присуха дается только колдунам, любовь — болезнь, чтобы заронить ее, нужно иметь дело с нечистой силой. Присушки редко имеют традиционный зачин белых заговоров «Встану я благословясь, выйду перекрестясь» или «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», — как правило, они начинаются либо сразу с основной

части: «Выйду я на улицу на Божий свет, посмотрю в чисто поле. В чистом поле есть 77 медных светлых каленых печей, на 77 на медных на светлых каленых печах по 77 яги-баб, у тех у 77 яги-баб по 77 дочерей...» Дочерей бабы-яги просят присушить рабу Божию (имя), как жарко горят их печи, так чтоб пылало сердце девушки; либо в начале заговора специально произносят: «Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь из избы не дворами, из двора не воротами в чисто поле», в том поле — океан, на океане камень Алатырь, на камне от земли до неба столб огненный, под столбом жгучая змея. «Я той змее поклонюсь и покорюсь», чтобы змея разожгла белое тело, ретивое сердце, черную печень и горячую кровь у милой девицы. Заговор колдун может наговорить на пряник, который нужно отдать возлюбленной; на соль, пиво, вино (Забылин, 305 — 315).

Колдуньи могут устроить встречу с женихом-мертвецом. У девушки утонул жених, она все горевала и плакала, пока не рассказала о своем горе колдунье. Та научила ее: «Поди в новолуние на то место, где утонул твой любимый, и разведи огонь. Выйдет сначала много водяных, ты с ними не разговаривай, а после выйдет один — с ним и говори». Дала корешок, с которым можно отыскать мертвецов. Девушка пошла к реке, набрала хворосту и развела огонь. Пропели петухи, вода зашумела, забурлила, вышло много водяных и говорят: «Еще душа прибыла». Потом все они ушли и явился один, просится погреться у костра, спрашивает: «Чего, девица, ищешь?» — «Ищу места, куда бы поступить в услужение». — «Если хочешь, пойди ко мне убирать дом». Девка пошла за ним: он был холодный, как лед, и пах мертвецом. Пришли в хрустальный дворец, стала она

там жить. Как-то раз ушел водяной, девушка взяла корешок, с которым утопленников разыскивают, нашла в одной комнате своего возлюбленного и увела домой. Стали они венчаться — вдруг в церковь хлынула вода, затопила жениха и унесла с собой опять в реку (Владимирская губ.).

Самый большой вред колдуны приносят во время свадеб. Все свадебные неурядицы, болезни молодых всецело относят к проделкам колдунов. Соберутся венчаться, запрягут несколько пар, а кони — ни с места; или вдруг в пути дуга лопнет, или на свадебном пиру в окно нож влетит; жених с невестой занемогут, прохворают некоторое время и умрут; гости расползутся по дому и лают по-собачьи; вдруг невеста покажется жениху, бравшему девушку по любви, рябой уродиной, он закричит в голос, ни пить, ни есть не может; портили жениха нестонхой, так что он никакого греха с невестой сделать не может.

Колдуны могут всю свадьбу оборотить волками. Приехали от венца поезжане — человек двенадцать — и только сели за стол, как тут же оборотились волками и бросились из-за стола: кто в дверь, кто в окно выпрыгнул. Все двенадцать человек были заколдованы на семь лет, но через семь лет домой вернулись только три мужика, остальных настоящие волки разорвали. Один волк-оборотень повадился ходить к риге и лежать там. Домашние подумали: «Не наш ли это, сердечный?» — и кормили его хлебом, который оборотни предпочитают мясу. Прошло семь лет, волчья шкура треснула и соскочила, волк стал человеком, и крест как был на шее, так и остался, только клок серой шерсти на груди, возле сердца, напоминал о пережитом оборотничестве (Колчин, 38).

Во время свадьбы колдун не в силах не вредить, даже если венчаются его собственные дети, сын или дочь. Один колдун выдавал дочку замуж и, чтобы ее не испортить, попросил сноху запереть его в чулане на то время, когда приедут за невестой от жениха. Увезли невесту к венцу, открыли чулан — на полу лежал мертвый отец-колдун. Существует роковая необходимость для колдуна помешать семейному счастью, и он останавливает свадебные поезда, но может и отпустить их (Ушаков, 168 — 171).

В XIX веке колдунов было много, по нескольку десятков на волость, в начале XX столетия жители называли одно-два имени «черных колдунов», знающихся с нечистой силой. Например, в двадцатых годах на Пинеге, славящейся заговорным искусством, уже были районы, где вообще не могли указать имен колдунов и вспоминали в этой связи только умерших старников, но рассказов о чародеях ходило множество. Их отличало от знахарей ведовство, «знатьё», благодаря которому они предсказывали будущее и умели найти пропажи. У крестьянина пропала корова, он обратился за помощью к колдуну. Колдун наговорил на соль и приказал хозяину: брось соль в трубу, закричи: «Пестронюшка, приди!» — и отправляйся искать. Как дойдешь до колодца, увидишь ее следы. Все так и случилось. По шерсти с пропавшей скотины колдун мог найти вора, если ее украли. Колдун может устроить так, что человек, если пролезет сквозь расколотую сосну, увидит то, что ему надо (Астахова, 38 — 39). На Русском Севере считали колдунами удачливых охотников и рыболовов: им нечистый помогает. Вообще на удачливых людей, пренебрегавших моралью и принципами ради бо-

гатства, положения, достатка, смотрели с недоверием, ища в их успехах заслугу бесов.

Несметные сокровища разбойников служили постоянным предметом слухов и толков (см. *Клады*), а сами они слыли могущественными колдунами. «Окаянные» помогали Стеньке Разину обыгрывать в карты купцов, убегать от преследований: расстелет на воде ковер и поплывет. Заключат Разина в тюрьму, а он возьмет уголь, нарисует на стене лодку на сколько захочет весел, три раза перевернется на пятке, свистнет — и пошла лодка, сам на корму вспрыгнет, да прямо к судну, какое попадется, да все до денежки и оберет. В Астраханском крае змеи не кусаются: их Стенька заговорил, если бы все сбросились, дали ему по денежке, он бы и комаров заговорил (Зеленин-1914, 65).

Чем известнее имя разбойника, тем чаще о нем рассказывают как о колдуне, заговоренном от пуль и заговорившем своих товарищей. Добыча дается им легко:

Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистенем махнем — караван собьем,
Мы рукой махнем — девицу возьмем.

В атаманы Степана Разина выбрали потому, что он, подняв шашку, заставил лес себе поклониться. Раз Стенька сам начальству сдался; руки протянул, заковали его в железы, начали пытать: иголками кололи, били — ничего не берет, Стенька знай себе хохочет. Выискался знающий человек: «Вы не Стеньку бьете, не он у вас в кандалах, а чурбан!» Глядит начальство — впрямь

чурбан! В стычках — из шайки все живы, а стрельцы так и валятся. Один сержант догадался, выстрелил в Стенькиного есаула крестом из пищали и ранил. За Волгой на Синих горах при самой дороге лежит Стенькина трубка. Кто ту трубку покурит, станет заговоренный и клады ему все дадутся, будет сам словно Стенька. Только такого смелого человека не выискивается до сей поры (Садовников, 332 — 348).

В Вологодской губернии сохранилась память об атамане Блохе, получившем свое прозвище от того, что сам умел оборачиваться в это насекомое и всю свою шайку блохами оборачивал. Поселок, где жили эти разбойники, до сих пор носит название Блохино Раменье. В бассейне Белого моря, к югу от Соловецких островов, есть каменный остров Калгуев, далее, к югу, остров Жогжин (близ Летнего берега), а невдалеке от него мысок на берегу — Кончаков наволок. Все три названия напоминают о трех братьях-разбойниках: Калге, Жогже и Кончаке. Они не пропускали промысловиков с рыбой, не взяв у них доли в свою пользу. Имели они один топор и котелок, так что перебрасывали их с острова на остров при надобности (Криничная, 126, 136).

В Пермском крае сложился культ Ермака, в каждом зажиточном доме можно было найти его портрет, рисованный на железе, его именем освящали старинное оружие, приобретавшее особую ценность от того, что оно — «ермаково» (Богословский, 77).

Сверхъестественные способности, присущие колдунам, — оборотничество, умение тайно мстить врагам через дьявольские наваждения, заговорить оружие, превратить любую вещь в сред-

ство достижения своей цели (кошку — в лодку, воду из стакана — в речной поток) — приписывались главарям разбойничьих вольниц, именно они были колдунами, иногда приобщая чарам есаулов, остальные члены шайки находились под их охраной, например Стенька Разин заговорил своих товарищей от пуль, убить их можно было только, как и всех колдунов, пулей, отлитой из креста, или медной солдатской пуговицей.

После смерти разбойники становились живыми мертвецами и охраняли свои клады, принимая страшные мучения от бесов, являвшихся в виде птиц или змеев по ночам, чтобы пить их кровь и выклевывать печень. Бесы всю жизнь служили колдуну, помогая ему портить людей, и мучили его, постоянно требуя работы, поэтому чародеи, чтобы иметь какой-то отдых, посылали их считать иголки на соснах, считать песчинки, отрезать у мышей хвосты и т. д. Колдун не может умереть, пока не передаст своих бесов кому-нибудь другому или не наделит ими какой-нибудь предмет (палку, веник). О смерти колдунов рассказывали множество историй. В одной казачьей семье умирал колдун, никто не подходил к нему, боясь, как бы он не отдал бесов. Старик пустился на хитрость: попросил семилетнюю внучку передать ему веник. Девочка успела лишь подать ему веник, как вошла мать и оттащила ее от колдуна. Колдун бросил веник, и он закружился, стал летать по хате; после этого старик успокоился и умер. Черти вытрясли его кости из кожи и съели, а вместо мяса и костей в кожу влез дьявол. В конце XIX века, несмотря на то что, по поверьям, тела колдунов принадлежат чертям, их все же хоронили на кладбищах, как и остальных людей, но в могилу вбивали осиновый кол (Терские ведомости, 1891).

В Орловской губернии считали, что если колдун умрет, никому не передав своих тайн, то он ходит оборотнем, свиньей и делает разные пакости людям. Колдун встает из могилы также тогда, когда умирает раньше окончания срока договора с чертом, на земле живым мертвецом он доживает положенные ему годы, тело его не принимает земля. В Саратовской губернии черти сдирали с колдунов кожу и облекались в нее или залезали в рот покойнику при смерти. Колдуны, встающие из могил, выдаивают коров, так что из вымени течет кровь, а если молоко и вернется, то навсегда делается нежирным и невкусным, бьют скотину, приносят болезни домашним, прячут оставленные ими деньги. Чтобы прекратить ночные хождения чародея, его перекладывали в другую могилу, подрезали ему пятки и насыпали туда мелкой щетины; вбивали в могилу осиновый кол (Зеленин. Очерки, 27). В Тульской губернии в доме, где умирал колдун, остановился прохожий, который указал семье способ избавиться от живого мертвеца. Зная об обычае чертей проникать в кожу колдунов после смерти, он посоветовал сыновьям старика вскипятить два чугуна воды и вылить их на мертвое тело. После второго чугуна черт выскочил из кожи и кинулся к двери, но попал в простенок и вышиб его, чтобы убежать из избы. Сыновья закопали одну кожу колдуна у себя на задворках.

Местные священники отказываются отпевать в церкви колдунов; крестьяне не дают похоронить тело чародея на кладбище, разве что в самом углу, близ ограды. Как и всех заложных покойников

(см. *Мертвецы*), их хоронят отдельно от остальных православных или сжигают. Считали, что колдун после смерти ходит в семью просить еды, а оставшись голодным, бьет посуду. В случае ночных посещений мертвецов, могилу колдуна раскапывали и находили его обычно лежащим лицом вниз. Священник читал Евангелие, держа в руке крест, а сельчане, получив благословение батюшки, отесывали осиновый кол и забивали его обухом в спину колдуна, против сердца, находя при этом труп живым: кровь брызгала из-под кола, мертвец бился, брыкался и стонал (Колчин, 46 — 47).

Забить осиновый кол в спину колдуна — значит проклясть его, поскольку осина — про́клятое дерево, на нем, по преданию, удавился Иуда; после своего предательства он решил повеситься, думая, что попадет в пекло, а Христос, когда будет вызволять из ада души грешников, освободит и его. Но к какому бы дереву ни подошел Иуда, ветви его тотчас же поднимались, перекинет веревку — ветки опустятся и веревка соскользнет. Так повторялось каждый раз, пока Иуда не дошел до осины, на ней и повесился (иные утверждают, что до бузины, оттого ее считают негодной для построек и жильем дьявола) (Афанасьев-2, 307). На про́клятой осине листья всегда трепещут, хотя бы не было никакого ветра.

Посторонние не видят бесов, мучающих колдуна перед смертью, так как им черти показываются в виде вороны или черной кошки, в таком же образе и колдун после смерти приходит в прежнее жилище. Чтобы колдун поскорее скончался, открывают трубу, вынимают потолочную балку. Когда никто не соглашается принять чары, колдун велит поднять на избе желоб, принести меру песку, которую он рассыпает пригоршнями на все стороны, заставляя нечистых собирать песок; как только черти справятся с этой работой, они тащат колдуна за язык, за ноги, умудряются протащить его тело сквозь маленькие дырочки в подпол и там замучивают до смерти. Избавить от бесов ребенка, если колдун сумел обмануть его и передал вместе с каким-нибудь предметом свои чары, очень трудно, это под силу тоже колдуну или знахарю. Последний задает бесам работу, но абсолютно невыполнимую. Один знахарь излечил мальчика, испорченного колдуном, тем, что заставил бесов собрать мешок муки, развеянной по полю; другой — тем, что приказал чертям носить воду зааминенным решетом. Во время похорон колдуна, когда зарывают его могилу, земли все время не хватает, чтобы засыпать яму.

Предохранительных средств от порчи колдунов довольно много, все они, главным образом, основываются на отсутствии чувства страха перед ними или на преданности молитве, Богу. Во избежание порчи на перекрестках, куда чаще всего колдуны по ветру пускают порчу, читают молитвы, крестятся или плюют. В Витебской губернии верили, что в ночь на 24 июня ведьмы и чародеи вылетают из своих пещер и дворов для выдаивания коров, порчи скотины, хлеба в амбарах, заговора трав, становящихся вредными для здоровья, овощей и т. д. Девушки и парни не спят в эту ночь, ходят от деревни к деревне, жгут костры и прыгают через них. Колдуны боятся огня, особенно разожженного трением («живого»), и через такой костер не будут прыгать. Во Владимирской губернии сборище колдунов и всякой нечистой

силы происходило каждый год возле березы Фомут, но из простых людей никто не знает, где она растет.

Колдуны портили людей при встрече в дверях или в воротах тем, что ударяли человека рукой по плечу. Избавиться от порчи можно было таким же способом, ударив в ответ колдуна, причем с большей силой; хорошим средством было троекратное сплевывание после сомнительных похвал колдуна. Некоторые считали, что испорченный человек может избавиться от недуга, до крови ударив колдуна или откусив ему нос, выбив зуб, обозвав еретиком или опоив водой после стирки брачной женской рубашки, ударив палкой с тремя дырочками, пробив осиновым колом его тень на земле. Насмерть убить колдуна можно тележной осью, после этого живым мертвецом, упырем, он стать не сможет.

Существовали травы, предохранявшие от порчи и колдовства. Одолень-трава: растет в сырых местах, невысокая, цвет голубой. Ее нужно рвать 9 мая, а на ее место положить куриное яйцо. В случае порчи давать пить в отваре и носить с собой сушеной (Балов, 114). Плакун-трава: от порчи и злобы; растет в стрелу, цвет багровый, корень рогатый. Из корня делают крест и носят при себе, рвут траву 2 августа. Конский щавель с особым корнем с тремя наростами (черьяками): первый — красный, от нечистой силы, второй — белый, для чистоты глаз; третий — черный, для успеха в торговле. Адамова голова — растет у рек и озер кустами, цвет грубо желтый, кувшинцами, бывает в шесть, восемь и двенадцать листов. Эту траву вырвать на Ивана Купалу на вечерней или утренней заре, пронять ее сквозь золотую или серебряную цепочку и носить корень при себе: хранит Господь от всякой порчи. Кто хочет видеть дьявола или колдуна — пить настой из этой травы, корень освятить водой и положить в церкви на престол на сорок дней. Носить при себе, и увидишь еретиков, воздушных и водяных демонов (Ярославская губ., Пошехонский уезд).

Хорошими предохранительными средствами от чар являются лук, чеснок, редька, хрен, соль, горчица, полынь, калган. Последние травы настаивают на водке. Лук, чеснок, хрен используют как приправы к пище. Носят при себе янтарь, льняное семя. Из действий — помогает переодевание: снимают верхнюю одежду, встряхивают, переодевают обувь с левой ноги на правую. Можно лишить колдуна чар на какое-то время (например, чтобы он не испортил молодых): большим пальцем левой руки зажать сучок на столе или лавке и читать молитву «Да воскреснет Бог» — в течение нескольких часов колдун останется неподвижным, а потом запросит отпуска у человека, который его остановил (Владимирская губ.).

Наиболее распространенным средством от порчи является игла, которую всегда носят при себе. Чтобы обессилить колдуна, достаточно проткнуть его одежду иглой, а если, продернув иглу сквозь одежду колдуна, вынуть ее и воткнуть ушком кверху в дверь того здания, куда он вошел, колдун не сможет выйти из дома, пока игла будет находиться в двери, а если и выйдет, то не повредив дому.

Все колдуны во вражде друг с другом, это свойство часто использовали в борьбе с порчей, избавляясь от нее с помощью другого, более сильного колдуна. Чтобы колдун не испортил молодых,

приглашали на свадьбу дружку, который обычно славился в округе и как знаток свадебной церемонии, и как колдун. На свадьбах иногда разыгрывались состязания в колдовстве между дружкой и пришлым, неприглашенным колдуном, задумавшим испортить свадьбу. Нередко дружка и колдун были разными лицами, тогда приглашенного колдуна усаживали на самое почетное место за столом и всячески ублажали, а он уж знал, где увидеть порчу и как ее снять. Чаще всего колдуны останавливают свадебные поезда, вредят коням, поэтому дружка внимательно следит за дорогой, убирая всякие подозрительные предметы, обходит весь свадебный поезд перед выездом в церковь к венчанию со специальными свадебными заговорами, на всех поворотах улиц и перекрестках кричит «Христос воскресе!», по приезде в дом жениха проводит молодых по овчине, расстеленной при входе мехом вверх. Собирая к венцу невесту, зашпиливают ее платья иглами со всех сторон, закладывают иголки в подол и рукава, а когда после венца она въезжает в ворота к новому мужу, иглы вынимают, переламывают надвое и бросают на обе стороны, для того, чтобы ведьма не перекинулась через эти иглы. В обувь жениху и невесте сыплют мак, — если колдун захочет испортить молодых и начнет перечислять то, что на них надето, маковые зерна ему не перечесть. Колдун не прикоснется к молодым, если их перепоясать сеточкой, обыкновенной рыболовной, так как навязанные узлы с глубокой древности почитались отличным способом избежать порчи.

КОЛОКО́ЛЬНЫЙ МЕРТВЕ́Ц Колокольный ман, колокольный мужик, церковник.

Нечистый дух, вселившийся в тело мертвого колдуна, из тех, кого не принимает земля после смерти. Если в полночь забраться на колокольню, можно увидеть его сидящим в углу, в белом колпаке, сорвешь с него колпак — будешь маяться всю жизнь, каждую ночь колокольный мертвец будет ходить под окнами, прося надеть колпак, а станешь надевать — тут и придушит злой колдун (Звонков, 77). Привидение, боящееся колокольного звона и падающее с колокольни во время трех первых ударов колокола, — поэтому многие осеняли себя крестным знамением только при четвертом ударе. Заслыша звон колокола, нечистые духи и ведьмы улетают как можно дальше, иначе звон охватит их своими звуками, как волнами, и завертит в страшном вихре, словно легкую лодочку в водовороте. В Нижегородской губернии, когда в окрестностях появлялась холера или другое поветрие, одна из девиц забиралась в полночь на колокольню тайком от всех и била в колокол тревогу: жители в испуге выбегали из домов, а она так же незаметно возвращалась домой. Делалось это с целью прогнать ведьму, посылающую мор. Кликуш, больных лихорадкой ставили под колокол во время звона, дабы изгнать бесов болезней из их тела. В представлениях о колокольных нечистиках отразилась вера в вечную борьбу Бога с дьяволом и взгляд на церковные здания как арену этой борьбы. Церкви, часовни, колокольни ночью служили прибежищем упырей, живых мертвецов и чертей, исчезающих с первым криком петуха. Шел мужик ночью мимо церкви, видит: служба идет, двери растворены, он вошел и стал молиться, а вокруг были нечистые, догадался прохожий,

но не побежал, а стал пятиться к двери задом и так же, задом, вышел из церкви; кинулись за ним вдогонку нечистые, а обратно — ни одного следа нет, только в церковь. Поискали человека и бросили. Епитимья, наложенная на мать, заспавшую ребенка, заключалась в стоянии в церкви возле детского гроба в течение трех ночей, в это время черти мучают мать всяческими видениями, заставляя выйти из круга, который она должна очертить вокруг себя, оставаясь в нем всю ночь. Власть темных сил распространяется на церковь только ночью.

Безумцы или дерзкие смельчаки отважатся в это время посетить колокольню. В одном селе жил мужичок с дочкой-девицей, которая считалась полудурочкой. Однажды отец зазвал швецов в дом для починки и шитья одежды. Шили они несколько дней. Как-то вечером швецы стали подшучивать над девушкой, мол, не сходить ей, трусихе, ночью на колокольню. Она заспорила, что сходит и даже позвонит. Дело было к полуночи: оделась девушка и ушла. Приходит сначала на кладбище, приближается к колокольне, входит на первую лестницу и видит, что кто-то там сидит в колпаке. Она и подумала, что это — ман или покойник. «Пусти, — говорит, — меня на колокольню!» Ман отвечает: «Не пущу!» Она ему с угрозой: «Я с тебя красный колпак сорву!» — сдернула с него колпак и побежала домой. Заходит в избу и хвалится: «Поглядите, я была на колокольне, даже колпак с кого-то сорвала». Швецы переглянулись: «Ай да девка, молодец!»

Вдруг под окном раздался голос: «Отдай мой красный колпак! Отдай мой красный колпак!» Швецы и хозяин бросились кто на печку, кто на полати, притаились и шепчут оттуда: «Отдай, дура, колпак, а то нам всем худо будет». Девушка вышла в сени, потом на крыльцо, протянула руку с колпаком — ман схватил ее за руку, вытащил и разорвал поперек надвое. Ни швецы, ни отец не посмели ночью выйти, а утром нашли ее возле крыльца разорванную пополам (Смирнов-1, № 74).

КОРО́ВЬЯ СМЕРТЬ

Дух повальных болезней рогатого скота. По народному поверью, всякое живое существо, первым заболевшее эпидемической болезнью, является проводником этого духа — от него зараза распространяется на других животных, поскольку оно носит на себе демона смерти, распространяющего своим дыханием скотскую чуму. Первые павшие животные подвергались очистительному обряду сожжения, потопления или погребения в земле. В некоторых деревнях на том месте, где пала первая зачумленная скотина, приготовляют яму и в ней зарывают павшее животное, привязав к его хвосту живых собаку, кошку и петуха. В Нижегородской губернии от сибирской язвы вбивали на перекрестках осиновые колы и посыпали пеплом сожженной по этому случаю собаки (Афанасьев-3, 523). Коровью Смерть искали следующим образом: весь скот сгоняли на один двор, запирали ворота и караулили здесь до утра, а с рассветом разбирали скот, выпуская его поодиночке. Если останется хоть одна корова неизвестного хозяина, то ее принимали за Коровью Смерть, взваливали на поленницу и сжигали.

Коровья Смерть — оборотень, может показаться женщиной, собакой; незаметно, с попутной подводой, она проникает в село, и начинается мор. Поздней порой ехал мужик с мельницы, видит — плетется по дороге старуха, просит: «Под-

вези меня, дедушка!» — «А кто ж ты, бабушка?» — «Лечейка, родимый, коров лечу. Вот, лечила у Истоминой, да там все переколели. Поздно привезли, я не успела захватить». Мужик посадил ее на воз и поехал. Доехали до перекрестка: снял мужик шапку, перекрестился, оглянулся — а бабы как не бывало. Оборотившись черной собакой, она бежала в село, а на другой день в крайнем дворе пало три коровы — мужик привез Коровью Смерть (Потебня, 224).

Чтобы узнать ведьму, которая занесла Коровью Смерть, добывают треннем живой огонь: на большой камень кладут кусок сухого дерева, и двое начинают водить по дереву канатом, пока оно не загорится. Всех женщин заставляют прыгать через камень, та, что откажется прыгать сквозь живой огонь, — ведьма. Против ведьм, переносчиков болезни, как и против самого духа, Коровьей Смерти, устраивают опахивание села. Старуха-повещалка, большей частью вдова, в полночь, в одной рубахе, собирает женщин и девушек в глубокой тайне. Все идут в белых рубахах с распущенными волосами. Мужчины не участвуют в опахивании. В руках у женщин — печные заслонки, сковороды, ухваты, а также икона, свечи, ладан в кадиле или горшок с раскаленными углями. Нерожавшая замужняя женщина, или девушка, или вдова впрягается в соху. При опахивании соха отбрасывает землю в сторону, противоположную селу, на перекрестках прочерчивают сохой крест. Остальные участницы обряда стучат в сковороды, заслонки, устраивая страшный шум, в конце опахивания закапывают живьем в землю собаку, кошку или черного петуха. Если опахивающие встречают на пути какое-нибудь живое существо, оно считается Коровьей Смертью и его разрывают на куски (если это животное) или избивают до полусмерти (если человек). Поют заунывные погребальные песни:

Девять девок, три вдовы,
Со ладаном, со свечьми,
Со горячей со золой!
Мы огнем тебя сожжем,
Кочергой загребем,
Помелом заметем,
Пепелом забьем,
Выйди вон! *(2 раза)*

Очерченный сохой магический круг вокруг деревни преграждает путь эпидемии (Зеленин-1991, 96 — 97).

КОЩЕ́Й (Кащей) Бессмертный.

Сказочный персонаж, в побывальщинах о нечистой силе не упоминается. Злой колдун, похищающий женщин — жен и невест сказочных героев. Имя «Кощей» соотносится с древнерусским «кощь», «кошть», что указывает на сухость, худобу тела; также со словом «кощей» — узник, пленник (например, в «Слове о полку Игореве» князь, попав в плен, пересел из золотого седла — в «кощиево»; от тюркского «кос» — пленник). В русском языке «умереть» и «окостенеть» — синонимы, Кощей был одним из образов Смерти, которую изображали обычно в виде скелета. Смерть никогда не умирает, отсюда прозвище Кощея: «Бессмертный». Только в сказках герой может победить Смерть, спрятать ее в кисет, обманом заманить в табакерку, коробочку. Кощей бессмертен потому, что его смерть находится очень далеко, она надежно спрятана: на море-океане есть остров, на острове Буяне растет дуб, под дубом зарыт

железный сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо; стоит сжать это яйцо, как Кощей начнет испытывать страшные мучения, раздавить его — и он умрет. О местонахождении Кощеевой смерти герой узнает обычно от своей суженой, украденной Кощеем, или от Кощеевой дочери. Дворец Кощея, как и избушка Бабы-яги (костеногой), находится чаще всего в глухом лесу. К Кощею иногда ходят за диковинками, например за шубой, в которой летом холодно, а зимой жарко (Ончуков, № 107). Добыть Кощееву смерть герою помогают благодарные животные (медведь, волк, ястреб, щука). Образ Кощея может быть замещен змеем: он также похищает женщин и гибнет от раздавленного яйца — камня, вынутого из яичного желтка и брошенного змею в лоб (Афанасьев-2, 598 — 599).

КУДЕ́СА́ Кудесы, бесы.

Название ряженых, ходивших по беседам и избам с 6 декабря по 4 января, на Святки — с 24 декабря по 6 января. Один из древнейших международных обычаев празднования перелома зимы, поворота на постепенное прибывание дневного времени, начала нового года; включал в себя маскирование, переодевание, связанное с идеей перевоплощения, оборотничества, которое отождествлялось с кудесничеством, чародейством. Церковнославянское «коудесьник» — маг и «коудешьник» — мим указывает на сближение мима со жрецом, волхвом. По грамотам Алексея Михайловича 1648 и 1649 годов можно сделать вывод о том, что накануне Рождества Христова и Васильева дня (1 января) кудесники кликали Коледу и Таусень, а в Богоявление Господне — Плугу,

т. е. исполняли заклинательные песни с соответствующим припевом (Веселовский, 107, 133, 184). Архимандрит Киево-Печерской лавры Гизель, говоря о Коляде, замечает: «нецыи памяти беса Коляды и доселе не перестают обновляти, наченше от самого Рождества Христова, по вся святыя дни собирающеся на богомерзкие игралища, песни поют, и в них, аще и о Рождестве Христовом воспоминают, но зде же беззаконно и Коляду, ветхую прелесть диавольскую, много повторяюще, присовокупляют». Слово «Коляда» есть измененное латинское «kalendae» — «календа», так называлось первое в каждом месяце число, затем оно стало употребляться для обозначения январских календ (с 14 декабря по 1 января включительно) как исхода года; в средние века оно закрепилось за игрищами этого периода. Кормчая книга по списку 1282 года, запрещая колядские обряды, поясняет: «Каланды соуть первые в коемждо месяце дни, в них же обычаи бе Елином творити жертвы» — и добавляет, что святые отцы запрещают христианам в Святки переодеваться мужчинам — в женскую одежду, а женщинам — в мужскую, возлагать на себя косматые личины — козлиные и «сатоурьские» (Калинский, 344 — 345).

В конце XIX — начале XX века в Сибири молодежь маскировалась в старую одежду, используя платье местных народов — тунгусов, бурят, хантов. Водят «козу» (овчинный тулуп мехом наружу, в руках палка с изображенной из дерева головой козы, с козлиной бородой и т. д.). У русских на Новый год целиком зажаривали поросенка, пекли фигурные хлебцы: «ягнят», «овечек», «пастуха». В песнях угрожали: «А не дашь пирога — мы корову за рога» (Календарно-обрядовая поэзия сибиряков, 20, 26).

Маскирование, одевание «личин» подразумевало допуск ряжеными в себя бесов. В Новгородской губернии их так и называли «бесами». Помимо обычного переодевания в одежду другого пола, устраивали представление «в покойника», требовавшее особых костюмов и грима. «Покойника» изображал молодой парень, с лицом, вымазанным мелом, в лаптях и белой рубахе. Он ложился на скамейку, все остальные были «попами» в ризах из рогож и половиков. «Покойника» вносили в избу, где была беседа, и клали под образа. «Попы» читали: «Дивное чудо, в монастыре жить худо, игумны — безумны, строители — грабители, архимандриты — сердиты, послушники — косушники» — и кадили вместо ладана — табаком и конским пометом с горящими углями, затем прикладывались, после чего «покойник» вставал и уходил. Там же существовал обычай рядиться на Святки «воеводой». Один из мужиков, знавший все тайные дела парней, делал себе большое брюхо из соломы, обвязывал соломой колени, надевал на голову соломенный колпак, это был «воевода», остальные кудесники рядились кто «кобылой», кто слугами. Все входили в избу, где шли посиделки, и тотчас запирали за собой двери, чтоб ни один из парней не ушел. Воевода усаживался посреди избы на табурете, к его ногам ложилась «кобыла», и начинался суд. Воевода приказывал: «Привести такого-то», воины хватали парня и клали на «кобылу», а воевода перечислял все его грехи (гулял с золовкой, обманул девку и т. д.). Девицы рядились цыганками и ходили гадать под окошками.

В Череповецком уезде Новгородской губернии «кудесами» ходили с Николина дня, с 6 декабря. Рядились не только молодые, но и степенные мужики и бабы. Мужики одевались нищими: в рваные кафтаны, старые сапоги, прикрепляли бороды из кудели и с корзинками и батожками отправлялись по избам просить милостыню — яичек, кренделей; хлеба не брали. Когда накопится достаточно подаяния, останавливались у кого-нибудь и устраивали «яичницу», за которой в компании с приятелями распивали бутылочку-другую.

Молодежь собиралась для ряженья на беседы, парни переодевались в женскую одежду, девушки — в мужскую. Один из парней изображал медведя: надевал тулуп мехом наружу, просовывал ноги в рукава, подбирал его у ворота, а на голову натягивал овчину. Медведя запрягали в санки, на которых сидела девушка, вырядившаяся гусем. Вся ватага человек в двадцать отправлялась на беседу в другую деревню и устраивала там страшный переполох: медведь ревет, гусь гогочет, остальные поют, смеются. Устанет и уймется одна ватага — в избу вваливается новая артель, тут несут покойника: кудеса-попы отпевают, доктор с пузырьками кричит, что вылечит больного. Среди всеобщего шума из гроба раздается: «Как Кузькина мать собиралась помирать, помирает и глядит, протянется зап...дит» — и живой мертвец в белом балахоне выскакивает из гроба, стараясь кого-нибудь поймать. На удивление и восхищение деревенской публике кудеса порой устраивали целые представления с царем Максимилианом и его непокорным сыном Адольфом.

Очень распространенным сюжетом была продажа лошади: двое ребят прятались под попоной, передний держал бумажную лошадиную голову на палке («лошадь»), третий — «цыган» — ее продавал. Рядились вожаком и медведем. В Васильев вечер, накануне Нового года, переодевались практически все девушки и ребята, собираясь в сня-

Музыка. Ровинский-1, № 100.

тую по случаю праздника избу. Поочередно после песен и плясок выходили и возвращались — нищими, стариками, покойниками и т. д. Лица закрывали платками.

В Олонецкой губернии делали специальные маски — личины из белой бумаги с прорезями для глаз. Помимо уже названных сюжетов представлений, здесь играли также «убой быка», которого устраивали примерно так же, как лошадь. Бык мычал, упирался, но его вводили в избу, и вожак ударял его обухом по голове — горшку, который разбивался на мелкие осколки. Подобное поведение в любое другое время года осуждалось бы как страшное кощунство. Кудеса святочных ряжений изгоняли из себя бесов купанием в проруби — Иордани — в день Богоявления Господня, 6 января.

Церковные процессии для водосвятия на реки воспринимались в народе за выходы в Иордань. Многие верили, что в Богоявленскую ночь открывается небо, а потому она считается самым удобным временем для молитвы и просьбы о прощении. В основу этого поверья легло сказание Евангелия об отверстии небес при крещении Спасителя и о гласе Бога Отца из отверстых небес. Кудеса, усердствовавшие в маскировании и дьявольских играх на Святки, часто даже с опасностью для здоровья кидались в проруби после водоосвящения для того, чтобы очистить себя от грехов. Об этом обычае упоминал еще в XVI веке барон Герберштейн, а также другие иностранцы, посещавшие Россию в XVI — XVIII веках. Впрочем, купание с целью очищения от скверны игрищ могло иметь место и в языческую пору, но с принятием христианства оно превратилось в омовение в Иордани (Калинский, 353 — 354).

КУ́МО́ХА́ Кумаха, кумушка.

Болезнь — *лихорадка* (см.), вообще «беда». От «кума», «кумиться» — состоять в духовном родстве с кем-либо после совершения соответствующего обряда. «Кумоха» в значении «нечистая сила» употребляется в вопросах: «Какой тебе кумо́хи?» вместо: «Что тебе нужно?»; «Какая у тебя кумоха?» вместо: «Что у тебя за надобность?».

Кумаху приносят двенадцать дочерей царя Ирода (Соломона): отец проклял их, и, скитаясь по белу свету и мучаясь от проклятия, они и людям причиняют одни мучения. В Енисейской губернии кумушка являлась людям в образе плохо одетой, старой безобразной женщины, единственным наслаждением которой было видеть страдания и смерть людей. Кумушка носится по белу свету *«стенью» — тенью*, призраком и сеет исподтишка порчу, незаметно для встретившегося с нею. Затем кумушка трясет каждый день больного, иногда давая ему передышки; то падет на грудь, то ломит руки и ноги, то ляжет на сердце или стучит в голову и кружит, жжет пятки и тело, кидается в поясницу: «На двенадцать манеров кумушка берет людей».

Кумушка каждоденна кидает то в жар, то в холод, человек теряет аппетит и слабеет. Перед приходом лихорадки советовали сесть на смирного коня и ехать в поле: кумушка кинется в погоню, станет зверем бросаться на коня, реветь, оборачиваться по-всякому. Все это надо вытерпеть молча и ехать, ни на что не обращая внимания, тогда она отстанет от больного.

От каждоденной кумушки прятались под чан, залезали в печь: если вытерпеть, когда она будет душить под печью, давить ею или представляться кем-нибудь, — она бросит и уйдет.

Маловременная красота мира сего. Ровинский-3, № 741.

Больному не дают есть пищу, какой ему хочется, так как это не его желание, а кумушки, напротив, заставляют силой есть именно то, что ему больше всего не по душе.

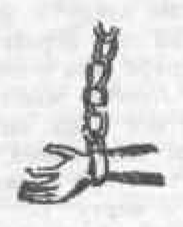
Кумушка поденна — перемежающаяся лихорадка, с приступами через день — два. Помимо уже названного лечения, пьют настои из трав (полыни, троелистки, горькой травы), пьют в том числе и с целью изгнать кумушку, так как после первого же приема настоя кумушка сразу приходит и начинает трясти. По зорям водят больного на реку для наговоров — в течение тридевяти зорь. От кумушки вяжут на крест воск со свечей, оставшихся со страстной недели, выползки змеиной кожи.

При первом громе берут земли из-под пятки больного, смешивают ее с квасом, так, чтобы больной об этом не знал, кумушка больше не вернется. Чтобы убить лихорадку, прибегают к ядам: мышьяку, стрихнину. Доброжелательные знахари, неумело обращавшиеся с таким порошком, могли отправить не только кумушку, но и больного на тот свет (Макаренко, 62 — 64).

КУРИ́НЫЙ БОГ Курячий бог, курячий поп.

Камень-оберег, в котором заключался дух — хранитель кур. Его подвешивали на насесте в уголке, чтобы куры утром, слетая вниз, могли молиться своему богу. Камень охранял кур главным образом от злых домовых и кикимор, которые любили давить птиц и выщипывать у них перья. Изредка изображением куриного бога служило бутылочное горлышко, но, как правило, это был случайно найденный камешек с одним или несколькими отверстиями. Один из таких камней был доставлен в Московское Археологическое общество в середине XIX века: он носил на себе следы явной искусственной обработки в виде головы с намеченными на ней глазами, ушами, носом и просверленными дырочками для ноздрей (Афанасьев-3, 800).

Петух слывет в народе за великую птицу: он оповещает о наступлении вечера или полночи и никогда не проспит зорю. Когда куры сядут на насест, петух запоет первым, а куры кудахчут около куриного бога — камушка. Нечистая сила не подступится к петуху, так как на нем «ангельский чин», а гребень у него на голове — корона. В Вязниковском уезде Владимирской губернии в удельной лесной сторожке во дворе на насесте для кур лесной сторож положил куриного бога в виде человеческой фигурки. В эту сторожку вскоре был назначен новый сторож, который случайно уронил бога. Спустя некоторое время у него издохли бык и телка. Свое несчастье сторож приписал куриному богу, которого невзначай обидел. Желая избавиться от колдовства, исходившего от куриного бога, хозяин схватил его рукавицей, чтоб не прикасаться голыми руками, и забросил как можно дальше за забор (Завойко, 126 — 127).



ЛЕ́МБОИ (олонецкое). То же, что *черти* (см.).

В Заонежье лембоев отличали и от природных духов (леших, водяных), и от дьявола («черт чертом, а дьявол сам по себе»). Водятся везде, но любимые жилища имеют на Ишь-горах и Мянь-горах (в Толвуе, Кижах и на Пудожском берегу). По преданию, там когда-то жили сестры, пекли блины и с горы на гору перебрасывали. У лембоев на этих горах теперь села с переселками и города с пригородками. Лембои женятся между собой и плодятся, но им все мало: они похищают детей, которые прокляты родителями, а иногда и взрослых людей. Стоит матери послать ребенка сгоряча в недобрый час к черту: «А, унеси тебя!» — и дитя попадает к заклятым. У лембоев заклятые в

слугах: им поручают красть пищу, оставленную без креста, из жилищ крестьян.

Известны десятки случаев, когда проклятые люди попадали к лембоям, иногда их удавалось возвращать домой, но чаще они пропадали навсегда. На Толвуе у жены пропал муж. Стала она просить колдуна помочь отыскать его. Накануне Иванова дня колдун вместе с женщиной отправился в полночь к Ишь-горе, сам остался внизу, а ей велел подняться. Поднялась она — а там вместо ночи — белый день: на улицах пляски, игры, столы расставлены, яствам и питьям счету нет. Окружили черти женщину, стали спрашивать, зачем она пришла к ним. «Я-де мужа разыскиваю». Встали лембои рядами (а их не меньше тысячи) — у всех платья точно с одного плеча, и ни по волосу, ни по голосу, ни по взгляду, ни по походке одного от другого отличить нельзя. Так бы и не признала баба между ними своего мужа, если б не заметила: у всех платье застегнуто с левой стороны и в лице — ни кровинки, а у мужа правая пола вверху и кровь на щеках так и играет. Указала она мужа, и лембои с честью отпустили их домой. Пока они шли до колдуна, жена не выпускала из рук руки супруга.

Некогда в Заонежье жил старик, оба сына у него умерли, и он кормился охотой. Была у него отличная охотничья собака. Раз попался ему навстречу человек. «Продай, — говорит, — мне собаку и приходи завтра ко мне на Мянь-гору за расчетом». Старик отдал собаку и на другой день пошел на гору, видит — большой город. Указали ему дом того человека, но хозяина дома не было. Пока старик ждал лембоя — его напоили, накормили и в бане выпарили. Парильщиком дали ему доброго молодца. Тот и пал в ноги старику: «Не

бери за собаку денег, а проси меня!» Вернулись они в палаты, хозяин спрашивает: «Что тебе за собаку?» — «А не надо ни золота, ни серебра, дай доброго молодца: детей у меня нет, будет мне вместо сына». Нарядили молодца в лучшую одежду, козловые сапожки, на прощанье дали еще пятьсот рублей.

Вернулся старик с молодцем к себе домой, парень и говорит: «Ступай в Новгород и отыщи на улице Рогатице такого-то купца» — и научил, что нужно сказать купцу. Старик разыскал торговца, попросился к нему на ночлег, а за ужином спрашивает: «Были ли у тебя дети?» — «Был сын, да мать в сердцах выговорила ему: «Лембой тя возьми», он его и унес». — «А что дадите, если я верну его?» — «Где тебе вернуть! Сколько денег мы издержали, чтоб воротить сыночка, а не смогли». Старик позвал купца с собой в Заонежье, тот узнал в молодце сына и хотел наградить старика, а сын говорит: «Он мне второй отец, из лютой неволи вызволил. Нельзя его оставить». Так и стали жить все вместе (Рыбников-3, 182 — 184).

Существовало в Олонецкой губернии и более широкое воззрение на лембоев как всякую нечистую силу, обитающую не только на Мянь и Ишьгорах, но и на заболотье, в пустошах, у мельниц, в озерах, водоемах, в лесах. Памятуя, что водяные лембои не любят, когда бранят их воду, олончане всегда хвалили ее, если брали из озера. Рыбаки никогда не отвечали, куда идут, чтобы не было вреда от лембоев.

Лембоев, живших в лесах, звали шишками, подкустовниками, некрещеными, неблагословенными. Они прячут ягоды: покажут, нагнешься, захочешь сорвать — а они уже исчезли. Шишко питается кусками хлеба, положенными во время обе-

да на стол без благословения. Если приходится ночевать в лесу, надо испросить позволения у шишко, иначе лембои выгонят с ночлега.

Лембоями называют «жировиков» — домовых, банников. Лембои, живущие в воде, — водяные. Водяной царь — небольшого роста с седыми распущенными волосами, с длинными руками и короткими ногами. Иногда выходит на сушу. Очень зол в пору созревания ржи, в это время маленьких детей не пускают купаться, так как водяные нерестятся, свадебничают. Свадьбы лембоев иногда приводят к сильным наводнениям, уносящим дома, сараи, разрушающим плотины. Свадебные поезда водяных лембоев направляются в просторные озера, где их молодым будет свободнее жить. Человеку эти свадьбы не видны из-за песку и глины, которые несет вода. Дома и сараи лембои уносят в приданое молодым. Гул и шум потока — свадебная музыка, пляски и песни.

Водяного лембоя можно поймать тем неводом, который никогда не был чинен или вязан в праздники. В Бесовом ручье у бывшего Лачиновского завода однажды вытащили таким образом лембоя-недоростка: волосы пестрые, весь истыкан. Спросили его: «Тебя на сушу?» — «Не-не». — «В воду?» — «Да-да!» И стал проситься в воду. Ловцы сжалились, отпустили его в Бесов ручей, так он им потом много рыбы нагнал.

Лембои иногда борются между собой за власть в своем водяном царстве, порой даже обращаются за помощью к людям, чтобы победить соперника. Один водяной лембой явился как-то к попу и просит «одну вещь», а точно назвать ее не может, обещал только за нее насыпать полную шапку золота. Священник догадался, что нужно черту, взял крест с божницы и отправился с лембоем к

10 Заказ 1877

озеру. Пришли на самую середину озера и спустились в подводное царство. Тут лембой указал попу на крест и велел выпустить его из рук. Поп отпустил крест: поднялся рык, шум, гам, загорелось все водяное царство и сгорело дотла. Разбежались все тамошние жители. Лембой велел попу взять крест, вывел его на берег, дал шапку золота и сказал: «Ну, спасибо тебе. Тутошние совсем было выжили меня из своего жилища — они переселились сюда из соседнего озера. Сжег ты все их водяное царство, а я новое построю и буду в нем царствовать. Если тебе что понадобится — приходи на это место, вызови меня, а я буду тебе вечным слугой. Прощай».

Есть лембои — хранители кладов, они показываются древними стариками. Достать клад, охраняемый лембоем, трудно, потому что все они — заклятые, положены с заклятием на определенное лицо. Говорят, что лембоя-кладохрана могут обмануть три Ивана, в один и тот же день рожденные и крещенные, все три — племянники. Прийти им надо в урочное место перед Ивановым днем (24 июня) и угостить лембоя свинцовыми орехами, а пока он их будет разгрызать, трижды проговорить: «Отдай наше царское имение!» Он и отдаст.

Лембои часто заходят в кабаки, здесь их узнают по неправильно застегнутой одежде: левая пола всегда запахнута поверх правой (Барсов, 87 — 89).

Во второй половине XX столетия «лембой» стало преимущественно бранным словом: «Ну тебя к лембою!»; «Ах, лембей, совсем про рыбник забыла!». Большинство ученых считают это табуированное название черта заимствованием из финно-угорских языков, в частности — людиковского

диалекта карельского языка (lemboi), вепсского («лембей»), что значит «черт», «нечистый дух».

ЛЕТУ́Н Летучий, *огненный змей* (см.).

Дух-оборотень, являющийся тоскующим женщинам после смерти жениха или супруга. Вера в *летунов* была широко распространена не только в сельской, но и в городской местности. Синодальное дело Белгорода (XVII в.) содержит письмо, в котором автор уведомлял, что змей летает к жене белгородского президента О. С. Морозова, живет с ней блудно и носит к ней, летаючи, немалое богатство — деньги, золото, серебро, жемчуг, отчего Морозов разбогател. Влетая в дом, нечистая сила приводит мужа в состояние временного обмирания и оборачивается человеком для его жены (Никольский, 494 — 495). По происхождению летуны — падшие ангелы. Когда Бог наказал восставших против него ангелов, он низверг их с неба, и они попадали кто куда. Так в воде появились водяные, в лесу — лешие. Духи, оставшиеся в воздухе, на лету, стали летунами, летучими. Ростом они с гуся и меньше, полет их медленный, подобный колыханию, цвет — красный, как у раскаленных углей. Над тем местом, куда они летают, они рассыпаются звездами, за что некоторые зовут их не летунами, а «рассыпучими» (Зеленин-1915, 784).

Летуны — умершие мужья — являются по ночам бабам на погибель, их посещения длятся до тех пор, пока вдова не умрет. Овдовела молодуха и начала тосковать. Куда к вечеру ни пойдет, а ее уже всюду муж ждет и учит: «Не говори нашим, молчи». По ночам начала она с кем-то шептаться, свекровь спрашивает, с кем она разговаривает, невестка отмалчивается. Пойдет во двор и

долго там остается. Выходит раз свекровь с огнем и видит, что та столб обнимает, думается ей, что это покойный муж. А сама хитрит, говорит, голова, мол, закружилась, вот на столб и оперлась. Раз ночью часов в одиннадцать начала она ставить самовар. Свекровь не дает, а молодуха и проговорилась: «Да что ты, матушка, разве не видишь, что Ваня пришел!»

Перестали класть бабу одну спать, на ночь уложат с ней ребенка, она его откидывает, не принимает. Ладаном окуривали — ничего не помогает, баба все худеет и хиреет. Пошла раз обирать яйца и не возвращается; смотрят, а она под настилом: вся скорчилась, посинела и не дышит — задушил ее шут.

Посещения летунов могут длиться по нескольку лет; реже они летают к тем, кто их не приваживает и рассказывает о наваждении другим людям. У молодой женщины умер муж. Вся деревня начала замечать, что по ночам огненный змей овчиной рассыпался над трубой ее избы. С бабой стало твориться неладное — бледнеет, тоскует, разговаривает с кем-то по ночам. Семья была большая, догадались, стали расспрашивать. Та рассказала, что по ночам к ней является мертвый супруг и носит гостинцы, на лежанке положены. Поглядели — а это овечий и лошадиный помет, она его ела вместе с мертвецом, когда он приходил к ней ночью.

Семейные взялись отвадить беса: стали класть невестку спать в другое место, с двумя женщинами по бокам, наняли вековушу читать псалтырь. Трое суток подряд в трубе раздавался по ночам вой и стук, по избе гулял ветер. В доме никто не спал, все ждали беса. Старик-свекор закричал бесу: «Я тебя, поганый, гашником задушу», сын

Злая жена. Ровинский-3, № 783.

бранил нечистого матерными словами. Все окна и двери в доме были зааминены — бес побился-побился в трубе и улетел. Гостинцы перестали появляться, а после третьей ночи и блазнить не стало.

Чем старше вдова, тем легче ей отвадить летуна. У женщины лет сорока умер муж. Пойдет во двор — слышит его голос: «Дуня». Баба рассказала домашним и всякий раз, как он ей померещится, бросит любое дело и уйдет к своим. Видя, что вдова его не приваживает, бес то лошадью обернется и чешется об угол дома, так что вся изба ходуном ходит, то в сенях заблеет овцой, то вихрем всю скотину распугает, то всю ночь стеклянную посуду бьет, а утром смотрят — все цело. По совету знающих людей, в избе все эти дни читали псалтырь, а двери и окна зааминивали. Бес ушел (Смирнов, 72 — 73).

ЛЕШАЧИ́ХА Лесаня, лесачиха, лешевица, лешовка.

Дух леса, воплощенный в женском образе, жена лешего. Кое-где так называют русалку, рассказывая о том, как лешачихи на берегу озера расчесывают длинные волосы большим железным гребнем. Лешачиха — жена лешего — некрасивая, неряшливая женщина. Неопрятных, уродливых женщин в Поморье дразнили «лешевицами». Вероятно, из-за непривлекательного вида супруги леший ухаживает за другими женщинами, часто вводя их в искушение, особенно летом, когда все мужское население находится на морских промыслах. Во время сенокоса можно увидеть, как женщина отгоняет лешего-соблазнителя: подняв сарафан, она бьет ладонью по голому телу, прикрикивая: «Н-н-а, леший! Ничего не получишь!»

(Цейтлин, 157 — 158). От лесачихи у лешего есть дети — лешевики, няньку для них леший часто добывает среди людей (см. *Леший*).

Леший посылает жену пасти скот, как собственный, так и людской, в случае, если пастух заключил с ним договор на этот счет. У одного крестьянина была земля, расположенная далеко в лесу, где он жил летом. Раз пустил он прохожего переночевать в своей избушке. Прохожий пообещал ему за гостеприимство поставить пастуха, так что скот к вечеру сам приходить будет. Прошло три года, крестьянину стало любопытно, кто же его скот пасет, пошел он искать свое стадо в лесу. Видит — с краю поляны стоит высокая старуха, опершись на палочку. Дряхлая такая, качается, будто дремлет. Мужик ее и оговорил: «Бабушка, ляг, отдохни!» А лесачиха: «Спасибо, кормилец, спасибо!» — стала все меньше и меньше и сгинула. С тех пор пришлось мужику пастуха нанимать (Перетц, 7 — 8).

По вологодским поверьям, лешачиха — высокая черноволосая женщина, она забирает в домах еду, оставленную без благословения, крадет проклятых детей, заставляя их на себя работать, тоже красть у людей пищу. Послала однажды мать дочку отнести отцу в поле обед, при этом она выругала ее: «Хоть бы леший тебя унес!» Идет девочка полем, попадает ей навстречу высокая черная толстая женщина, берет за руку и ведет за собой. Долго ходила девочка с тетей, которая посылала ее в дома снимать сметану с крынок. Девочка входила в избы, и никто ее не видел. После возвращения домой она указывала деревни и дома, в которых они побывали. У одного мужичка она попросила хлеба, он после узнал ее. Неблагословенное молоко черная женщина снимала сама и клала в громадный бурак. Спасли де-

вочку с помощью креста, который бросили на нее, когда она, водимая лешачихой, шла по воде через реку и не тонула.

На Русском Севере знали лесачих — лесных женщин, живущих одиноко и бравших себе в мужья и любовники лесных промышленников. Такие лесачихи очень опасны для обитателей лесных избушек. Под видом жен они посещают дроворубов, и у тех начинает «сменяться кровь»: человек чахнет, тоскует и скоро умирает. Чтобы избавиться от лесачихи, надо или надеть ей крест на шею, тогда она может превратиться в обыкновенную женщину, или отстегать ее рябиновой веткой. Один охотник часто тосковал по молодой жене, живя в лесной избушке. Вот и приходит — будто она. «Поди со мной жить», — говорит. Он понял, что это лесачиха, припас рябиновую ветку и стал ее бить. Смотрит — а в руках у него своя собака. Подгулявшие мужички, возвращавшиеся домой через лес, признавались, что, бывало, на телеги к ним подсаживались лесные девки со светящимися телами и зелеными волосами (Карнаухова, 86 — 87).

Изредка лешачихи уводили человека в лес навсегда, беря его себе в супруги. Во время рыбной ловли на виду у всех пропал девятнадцатилетний парень: его звали-кричали, а он все шел в противоположную от рыбаков сторону, пока не исчез из виду. Лет через пятнадцать узнали, что он живет в лесу с лешовкой и четырьмя детьми. Родители не пошли в гости к сыну, побоялись, так на Святой неделе, когда, по поверью, всякий пропащий может вернуться к родительскому дому, в стену избы стариков-родителей что-то как стукнет, видно, обиделся сын, что не пришли его проведать (Ончуков, № 292).

ЛЕ́ШИЙ Большой, вольной, гаркун, дикарь, дикинький мужичок, другая половина, ламан, лес, лес праведный, лесной хозяин, лесной царь, лесовик, лешак, ляд («Коего ляда?» — «Что тебе надо?»; «Ляд тебя побери!»), мужичок, негодный, он, честной лес, щекотун.

Хозяин всех лесных богатств, лесной флоры и фауны. Русскому лешему соответствуют греческие сатиры, римские фавны, сильваны, немецкие лесные люди, шведские скоугманы и др.

Об облике лешего существуют разноречивые мнения. Некоторые говорят, что видеть его вовсе нельзя, а только слышать, признак его присутствия — эхо, голос лешего, неожиданно поднявшийся ветер. Ауканьем он заводит путника в такую глушь, что человек гибнет в чащобе. Громкие крики, хохот, хлопанье в ладоши — все это проказы лесного хозяина, за что его и прозвали «гаркуном». В поверьях XVIII века лешие — существа как мужского, так и женского пола, огромного роста, вровень с деревьями, если ходят по лесу, и маленького — если бегают по траве. Верхняя половина тела человеческая, на голове — козьи уши, рога и борода. Ниже пояса — козлиное туловище. Аукает, обходя путников и таким образом заманивая в глубь леса. Заведя в свое жилище, леший защекочивает свою жертву до смерти, отделаться от него можно, повторяя: «чесноку» или: «гасника» (растение «буковица») (Попов, 196).

Из леших есть царьки с золотыми рожками, их видели в селе Городце, недалеко от Старой Рязани. Царьки любят подшучивать над людьми: могут выщипать полбороды или выкрасить тиной, свернуть в кольцо корову, запутав ее хвост на ее же рогах. В то же время лешие — радетели за проклятых и обиженных. Лешими могут стать не-

винноубиенные. В XVIII веке рассказывали, что под мостом при деревне Голыгиной каждую полночь жаловались и плакали души Хованских, казненных будто бы по домогательству царевны Софьи в селе Воздвиженском и потом затоптанных в гати под Голыгиной. Тени несчастных сына и отца Хованских видели на Голыгинской гати — они останавливали прохожих и требовали свидетелей к суду Божию на князя Василия Голицына, Хитрова, Хлопотова. Один из Хованских, кланяясь, снимал свою отрубленную голову как шапку. Спустя несколько лет после ужасного преступления тени страдальцев сменил стон лешего над Голыгинской гатью (Макаров-2, 128).

В Орловской губернии лесовой — великан, издали похож на человека, а вблизи вообще не виден. Одежда на нем белая, рост — семь метров (десять аршин) и более. По владимирским поверьям, лесовой показывается перед несчастьем. В заговорах лес постоянно именуется праведным, лесным царем является Мусаила-лес. С виду похож на человека, но синеобразен, так как кровь у него синяя. Мусаила-лес — царь только над всеми русскими лешими. Когда между государствами возникает война, войну между собой ведут и лешие этих государств: сходятся войска лесовых и зверей и дерутся до тех пор, пока не прекратится людская война. По народным приметам, перед войной всегда бывает передвижение зверей, например — белок. Это лешие формируют войска (Куликовский).

Один из леших жил в глухом буераке, он был храбрым воином во всех сражениях. Однажды он лишился правого глаза, случилось это в те времена, когда басурмане напали на Русь. Лешак свалился на противника как снег на голову: всю не-

Леший. Рисунок Коврнгина. Иллюстация-2. № 19.

сметную рать завалил дерном, камнями, валежником. Но одна вражеская стрела попала ему в глаз, и леший выдернул ее вместе с оком. С тех пор у него пропала охота воевать. У лешего был сын-силач, с двенадцати лет без труда ломал матерые ели. Прошло много лет, началась война с турками; враг осаждал русские села и города, и быть бы Руси под нехристью, если бы на бранное поле не явился богатырь, побивший басурманскую рать: то был тот самый лешачонок, сын старого лешего. Одноглазый отец долго не пускал его на войну, даже привязал к высокому дереву, да нашелся добрый человек, крестьянин, который отвязал лесового; тот на прощанье обещал услужить мужику.

В этой войне с турками участвовал солдат, некогда освободивший лешего. Решил богатырь-лешачонок отблагодарить своего спасителя: нашел его и пригласил в кабак, требует у чумаков ведро вина; солдату приказал стакан подать, спрашивает: «Знаешь ли, кто я?» — «Нет, батюшка, не знаю», — ответил солдат. «Я тот, которого ты от дерева отвязал». — «Что ж ты стал такой маленький? Или ты книзу растешь?» — «А я каким захочу, таким и могу быть, — ответил леший. — Знаешь ли, что твоя жена тебя забыла, за другого замуж собирается идти?» Солдат заплакал. «Садись, — говорит леший, — на меня, может, поспеем к тебе домой, сегодня у нее посиделки». Взял леший солдата под пазуху и полетел с ним так быстро, что волосы ветром с головы срывало. Шапка у солдата слетела, а леший кричит: подбирать не надо, она уж за тысячи верст осталась. Так по дороге всю амуницию в клочья разорвало. Прилетели как раз к свадебному пиру: жених и невеста за столом сидят, колдуна худобой забило, как увидел новых гостей. Лешак взял невесту за

руку, подвел к своему товарищу: «Вот твой жених!», а отставному жениху: «Здорово женился, да не с кем спать!» Запросил кадку пива, выпил до капли и захмелел. Солдат кремнем на заслонке играет, а леший так плясал, что чуть потолок головой не выломал (Смирнов-2, № 202).

Лешего видят иногда, когда ездят в ночное; они (лесные духи) очень любят светлые месячные ночи: сидит леший словно старый старик на пеньке, лапти плетет и на месяц поглядывает. Как месяц за тучку зайдет, ему темно станет, он голову поднимет и глухо проговорит: «Свети, светило!» (Садовников, № 68). Косари жили табором возле леса, ночью жгли костер. Вдруг из лесу к теплине вышла голая образина вроде лягушки, а ростом с человека. Подходит к огню, шлепает себя по брюху лапами, а брюхо все желтое, только пупок зеленый. От страха все онемели, а «он» стоит да хохочет возле костра, пока один мальчишка не догадался перекреститься. Леший ухнул, покатился с грохотом по лесу и пропал (Смирнов, 76).

В новгородских лесах видели лешего: огромного старика с длинной седой бородой, в белом, с широкими рукавами, балахоне, в широкополой шляпе, с растрепанными волосами. Леший — оборотень, может явиться зверем, птицей, поводырем, ямщиком, собакой, кошкой, козлом, грибом или кустом. Мужичком подсаживается к путникам на сани или телегу. Лошадь останавливается, и никакими усилиями кучера не могут сдвинуть ее с места, пока леший не сгинет (Ефименко, 153).

В своем настоящем виде, по тульским поверьям, черен, крылат, хвостат и покрыт шерстью, черной и блестящей. Голова кудрявенькая, с небольшими, загнутыми винтом рожками, на ногах копытца. Глядит ласково, как добрая черная соба-

ка. Ездит за водой с большущей бочкой, сидит на ней и правит лошадьми. Лошади у лешего — оборотни, пропавшие или заблудившиеся в лесу люди. В каждом, даже маленьком, лесу живет по лешему, а лесной царь — один, в аду прикован под землей цепями. Он бы их давно перегрыз, если бы цепи вновь не спаивались, когда в церкви поют «Иже херувимы».

Лешие живут семьями и на земле подчиняются своему атаману, который посылает их смущать людей. В полночь лешие выходят поиграть с атаманом: атаман выбирает самое высокое дерево в лесу, велит его пригнуть к земле и приказывает лешим вешаться на ветвях вниз головой, по очереди. Каждый работает весело и увертливо. С первыми петухами лешие разгибают дерево, а ко вторым петухам — шум, гам — все стихает.

Если леший встретится в образе человека, то распознать его можно по привычке одевать верхнюю одежду: левая пола кафтана запахнута на правую, а не наоборот, как обычно, правый лапоть надет на левую ногу, а левый — на правую. Глаза — как раскаленные угли, подпоясан красным кушаком. Сбив путника с дороги, леший оборачивается ямщиком и предлагает подвезти. Один путник заблудился в лесу. Его нагоняет кто-то на тройке и кричит: «Эй, приятель, садись!» Путник сел, и кони помчали так быстро, что трудно было дышать от встречного ветра. «Слезай, приятель!» — крикнул кучер, и путник обнаружил, что очутился в Аравии. Стал расспрашивать, как добраться до России, а ему посоветовали: ступай на то место, где тебя ссадил неизвестный. Глядит — едет тот же мужик; вновь попросился путник к нему в попутчики, и помчались быстрее прежнего. Седок слова не может выговорить, кричит: «Разбой!» — и цепляется за экипаж. А леший завез его прямо в избу и скрылся. Жена стоит рядом, окликает: «Иван, Иван, чего ты? Что с тобой?» А Иван уцепился за столб в избе, «Разбой!» — кричит. После, как муж пришел в себя, жена напомнила ему, что он обещался сходить в Новый Иерусалим Богу помолиться за то, что спас их от пожара, а до сих пор не сходил, вот леший и мучил его за невыполнение обета (Колчин, 19 — 20).

Лешие-оборотни часто показываются родственниками или знакомыми. Пойдут охотники в лес вдвоем, леший покажется одному их них двойником-товарищем. После захода солнца лучше никого в лесу громко не звать. Одна девушка принесла к лесной избушке ужин и позвала: «Филипп, Филипп, иди ужинать». А рядом река, ельник угрюмый. Из этого ельника вышел высокий мужик, глаза светлые, собачка на веревке. Упала девка на землю, а он над нею свистит, кричит, в ладони бьет. Пришел Филипп, а она чуть живая от страха. Если человек полесничает в одиночестве, лешие прикидываются знакомыми: бежишь за ними, слышишь, как они смеются, разговаривают, а догнать не можешь (Ончуков, № 198).

Иногда лесовые собираются в артели, дружины; в кафтанах и шляпах, они, словно люди, заходят в кабаки пить водку. Совместные пирушки леших — перед войной. Лесовой может франтом прийти на молодежную вечеринку, узнают его по способу запахивать кафтан так, что левая пола лежит поверх правой. Если вовремя не признать лешака на вечеринке — вся изба провалится сквозь землю (Олонецкая губ.).

О любви леших к выпивке ходило много рассказов. Стоял на краю деревни кабачок. Дело бы-

ло зимой, под вечер, часов в семь. Заходит в кабачок человек и, не перекрестясь и не помолившись, требует у хозяина ведро водки. Тот подал. Проситель швырнул ему деньги, взял деревянное ведро за ушки и выпил зараз. Хозяин, хоть был и не из робкого десятка, сильно струхнул, поняв, что дело нечисто. А посетитель, выпив водку, сразу вышел из кабака. Хозяин глянул в окно — а там, прямо возле дома, с полсотни волков. Леший всех их собрал вокруг себя и погнал по направлению к лесу (Вологодская губ.).

На зверье лешие играют в карты и, когда в пух проиграются другому лешаку, с досады идут в кабак. В Самарском крае рассказывали, как леший подогнал к кабаку целое стадо крыс и закричал целовальнику: «Отпирай, подай вина!» А была поздняя ночь, и целовальник отказал. Тогда леший взял, приподнял кабак за угол и кричит: «Давай четверть водки!» Тот испугался, поставил ему. Леший одним духом выпил, деньги отдал, кабак опять как надо поставил и погнал крыс дальше (Садовников, № 68). Некоторые видели лешего в солдатском мундире и кивере. Бровей и ресниц — нет (Зеленин-1916, 1011). Вологжане верили, что леший рыжеволос, добр, честен и простоват до глупости (Зеленин-1914, 263).

Взгляд на лешего как на дурня, которого можно запросто обмануть, сосуществует с представлением о лешем-людоеде. Лешие, как разбойники, могут жить без семей, вдвоем-втроем, копить серебро и золото и жестоко расправляться с людьми, которые забредут к ним в жилье. Жители реки Пинеги рассказывали такой случай. Одна девушка брала ягоды и заблудилась в лесу. Видит — далеко горит еле заметный огонек в избушке. Она и пошла на огонек. Добралась до избушки и так устала, что села отдохнуть под березку. Вдруг вышло что-то из дома — черное, волосатое, волосы по земле волочатся, курит, загурчало про себя и ушло. Девушка подставила полено и заглянула в окно: печка топится, а на печи трое, все волосатые, мохнатые. Она озябла, хотела в избу войти, да боязно леших, легла в сени, укрылась листьями. Один из леших почуял человечий запах и вышел в сени, наступил девушке на ногу, она и заплакала. Он заурчал, заругался, да и занес девушку в избу. Раздели ее там, хотели скипятить и съесть. К счастью, отец отыскал дочку, убил леших и нашел у них полные подвалы золота и серебра (Карнаухова, 86).

Давным-давно в Новгородчине, в глухом месте в лесу жил лесной сторож с женой. Однажды муж отлучился по делам, а ей пришло время родить. Родила она девочку, крестить некому. Вдруг подвернулся какой-то странник-старик, женщина и позвала его в «божатки». Тот согласился, и девочку домашним образом окрестили. Прощаясь с женщиной, старик сказал, где он живет и как его найти, и наказал послать к нему крестницу, когда подрастет. Выросла девочка и превратилась в настоящую красавицу невесту. Однажды спрашивает у матери: «Где живет мой крестный?» — и засобиралась в дорогу.

Долго шла девица, попадается ей навстречу обоз весь белый: лошади, телега, кладь, извозчики — все белое. Она спрашивает: «Откуда вы едете?» — «От твоего божатушки с кладью». Рассказали ей извозчики дорогу и уехали. Нашла девушка указанный дом, видит — дверь приперта человеческой ногой. Она ногу прочь отодвинула, вошла, а в доме никого нет. Попалась ей на глаза кадушечка, полная крови, смотрит на печку —

там повешены голова и руки человеческие, заглядывает в подполье и видит там брюшину и кишки, а в печке жарятся в плошке женские титьки. Тут вошел крестный, девушка к нему: «Здравствуй, божатушко!» — «Здорово, крестница». Девушка доверчиво к нему обращается: «А я без тебя все в доме высмотрела». — «Ну и ладно», — говорит старик. «А для чего это у тебя нога у двери?» Он отвечает: «Это золотой замочек». — «А кадушка с кровью?» — «Это у меня квасок». — «А голова и руки на печке?» — «Это у меня вялится говядина». — «А зачем брюшина в подполе?» — «Это солонина к лету». — «А титьки в печке зачем?» — «Это любимое мое жаркое на сегодняшний день, не хочешь ли и ты поесть?» Она согласилась. Стали есть: она осторожно, а он с жадностью. Съев все жаркое, он бросился на свою крестницу и начал глодать у нее груди, а потом съел ее всю живьем, не выходя из-за стола (Смирнов-2, № 73).

Происхождение леших толкуется по-разному: одни гипотезы восходят к библейским рассказам, другие — к поверьям о живых мертвецах и *заложных* (умерших необычной, неестественной смертью) покойниках. Наиболее распространена версия, согласно которой лесовые — восставшие против Бога ангелы, низринутые с неба на землю и в тартар. Кто упал в воду — превратился в водяного, в лес — лесного, в дом — домового хозяев. По другой версии, лесовые — проклятые люди. При сотворении мира их не было. Когда Моисей выводил евреев в прекрасные земли, им нужно было перейти море. Моисей разделил море на две части и провел евреев посуху, а за ними шли египетские народы, которые их догоняли. Моисей проклял египтян, и море залило их, но

не всех: кого залила вода, те превратились в водяных и русалок, а кто остался на берегу — в леших (Владимирская губ.).

По рассказам, живые мертвецы и про́клятые люди могут превращаться в леших. Довольно распространенным был на Руси обычай не хоронить на кладбищах самоубийц и опойц, вынося их трупы на болота, в лесные чащобы, сбрасывая в омуты. Вот как происходит обращение такого мертвеца в лешего. Молодые парни нашли в лесу гроб с телом знакомого мужика, пьяницы, из соседней деревни. Одни ребята ушли сообщать о находке, другие остались сторожить у гроба. Чтобы скоротать время, пели песни, играли на гармони, плясали и свистели. Вдруг мертвец, в которого уже вошел нечистый дух, встал из гроба да как засвистит, захохочет, так что деревья зашумели, с осин листья осыпались. Все перепугались, стали читать молитвы кто какие знал, и мертвец упал в гроб по-прежнему. Когда этого покойника хоронили, то вбили ему в спину осиновый кол, чтобы не вставал и не пугал людей (Вологодская губ.). Разумеется, из лешего с такой родословной выйдет только людоед. Он будет сбивать с дороги путника, чтобы, щекоча его, выгрызать у него бока, а потом и совсем заесть. Лешие-людоеды распределяют работу между собой: одни откармливают пойманных людей орехами, другие ездят на своих жертвах по делам как на лошадях, третьи занимаются только поимкой путников (Колчин, 21).

Наконец, еще одной распространенной версией происхождения леших является взгляд на них как на плод нечистой любви черта к женщине. От такой связи вообще рождаются разного вида злые духи, колдуны и оборотни. Наполовину человеческая природа лешего сделала его страстным по-

клонником женского пола. Бесчисленны рассказы о том, как лешие по договору или обманом уводят в свои жилища женщин и девушек, где они становятся настоящими лесачихами и производят многочисленное потомство лешенят. Бывает и так, что леший посещает любовницу в ее доме, носит ей гостинцы, которые к утру обращаются в лошадиный помет, а ночью кажутся лакомствами. Если у избранницы лешего родится ребенок, то он тут же исчезает, отец берет его к себе. Избавиться от посещений лешего можно, повесив над дверью, над постелью и положив под подушку траву чертополох или прострел. Спасает от лешего-оборотня молитва и крик петуха.

Жила старуха с невесткой, а сын был в солдатах. Раз ночью в солдатской форме он явился домой. Мать и жена радуются. Мать пошла к соседке за сковородой, решив угостить сына яичницей. Старуха-соседка и заподозрила: «Не сын к тебе пришел, а леший. Крещеный человек в самую полночь не приходит. Пойди домой и прочитай молитву «Да воскреснет Бог» и встань под куриный насест». Так мать и сделала: читает и потихоньку продвигается к насесту. Сын за ней, и около одной его ноги обвился черный хвост. Как только мать подошла к петуху — молитву дочитала и дернула кочета за хвост. Тот захлопал крыльями, закричал, а леший и говорит: «Счастлива ты, старая, что скоро спохватилась, ведь я бы тебя разорвал», — и провалился (Колчин, 21).

Пойдут в лес девушки за ягодами — и пропадают. Родители обращаются за помощью к колдунам. Пока колдун не расколдует, дочки и живут у лешего, он их живыми зайцами да белками кормит, они так исхудают, что краше в гроб кладут. Рассказывают: как колдун их отколдовал, леший

взял девок на плечи и отнес к реке — кого за ухо через реку перекинул, так что мочку перервал, кого вплавь на доске спустил. Две недели после пережитого ягодницы лежали, не могли ни есть, ни пить (Ончуков, № 179).

У леших оказываются девушки, если одна из компании ягодниц была проклята матерью. Например, уйдут девчонки в лес и долго не возвращаются. Чья-нибудь мать дома и скажет: «Черт их не унесет, ягодниц!» Тут же навстречу девушкам выходит дед, предлагает вывести из леса, а сам приводит в свой дом, где человек восемь сынов лешего — черных, худых, некрасивых. Поэтому об ушедших в лес боялись говорить плохо.

Если у лесного хозяина окажется мужчина, имеющий сестер на выданье, то они служат ему откупом от лешего. Заехал один охотник на остров, смотрит — дерутся два лесовика; только его увидели — бросили драться, схватили и говорят: «Если отдашь нам свою старшую сестру, так мы тебя отпустим, нет, так тут тебе и смерть. Придешь домой, пошли сестру за ягодами, мы ее возьмем». Парню делать нечего, пришел домой, отправил старшую сестру в лес за ягодами. Там ее схватили двенадцать медведей и увели. Через некоторое время опять случилось мужику быть на том острове, и все повторилось как в первый раз — отдал он им среднюю сестру, послав за водой. У озера ее взяли двенадцать ершей и увели. В третий раз пришлось отдать младшую сестру: послал ее брат ступени крыльца мести, налетели двенадцать лебедей и унесли девушку. Пришел молодец в четвертый раз на тот остров: дерутся два лесовика из-за находок — шапки-невидимки и кота-бархота. Взялся он их рассудить: кто первый камень принесет, тому и добро. Бросил мо-

лодец камень, а пока лесовики за камнем бегали, парень находки унес. В шапке-невидимке брат проникает в дома шуринов-леших: у каждой из сестер оказалось по двенадцать хозяев-оборотней, гулявших по белу свету в медвежьих, ершовых и лебединых шкурах, все девушки научились от них колдовать и подарили брату чудесные предметы — медвежью шерсть, ершовые колючки и лебяжьи перья. Стоит сжечь их, как тут же прилетят на выручку лебеди, приплывут ерши, прибегут медведи — лешие (Ончуков, № 167, 179, 198).

Волшебные сказки о леших могут иметь сложную, сочетающую мотивы разных сказок, композицию, «бывалошные» истории о леших короче, но и те и другие восходят к древним как мир сюжетам о похищении женщин злыми духами, сверхъестественными существами и о возможности их найти и освободить. В Самарском крае один охотник шел лесом. Собаки привели его к норе, а в нору леший девку затащил. Подошел охотник к норе, кричит: «Кто там?» — «Человек». — «Какой человек?» — «Такой же, как ты». — «Вылезай сюда!» — «Нельзя мне, я вся ободрана. Кинь одежду, я и вылезу». Охотник кинул из своей одежды, девка и вышла из норы: на ту пору лешего в норе не было (Садовников, № 68).

Лешовкам-женщинам нужны няньки и повитухи из человечьего мира. В одной деревне, в Поморье, жила старуха на веках. Раз пошла в лес и заблудилась. Пришел мужик: «Баба, что плачешь?» — «Заблудилась, дитятко, дом не знаю с которой стороны». — «Пойдем, я выведу на дорогу». Старуха и пошла, а лес все гуще и темней. Вывел ее старик на чистое место: дом стоит боль-

шой. «Дядюшка, куда ж ты меня привел? — спрашивает старуха. — Этот дом мне незнакомый». — «Пойдем, бабка, отдохнем, а после я тебя домой сведу». Зашли в избу — люлька висит. «На, женка, — говорит леший, — я тебе няньку привел». Женка у лешего была из русских утащена. Старуха обжилась, да через три года затосковала. Лешовка ее пожалела: «Ты от нас так просто не уйдешь; не ешь нашего хлеба, скажи, что не могу есть». Старуха не ест сутки, вторые, третьи. Тут жена мужа заругала: «Какую ты няньку привел! Ни лешего не ест, с ребенком водиться не умеет, отнеси ее домой». Леший взял старуху на плечи, притащил к ее двору и бросил, а она вся оборванная, старик еле ее узнал. После рассказывала: всем, мол, хорошо у лешего, всего наносит, да только скучно — один дом, не весело.

Когда придет время родов, леший для своей жены приводит повитуху. Одной бабке понадобилось обмыть ребенка, а посуды у лешего не было, чтобы воды погреть, она просит: принеси ведро. Лешие берут в домах людей все, что положено без благословения. В тот день снохи той повитухи как раз оставили, не благословив, подойник. Бабка смотрит — подойник будто ее. Сделала зарубку на ободке, обмыла лешачонка, запросила расплаты. Жена лешего ее предупредила: «Муж тебя рассчитывать будет, станет давать серебро, ты говори: «первый, первый, первый» (рубль), как скажешь «другой», он считать перестанет». Так повитуха и поступила — пока не набрала полные карманы и пазухи монет. Притащил леший старуху домой, она смотрит — в углу ее подойник стоит с той самой зарубкой, что она у лешего сделала. Тут повитуха заругалась на снох: «Ах вы, беспут-

ные! Все делаете не благословясь, вон наш подойник леший брал на родины» (Ончуков, № 234, 290).

Леший берет в жены про́клятых женщин. Однажды свекровь прокляла сноху, большак-лешачонок вскоре унес ее в лес. Муж долго искал пропавшую жену, но безуспешно. Года через три услышал он от своей умиравшей матери, что она прокляла его жену, созналась мать в тяжком грехе и умерла. После похорон сын отправился просить леших вернуть ему жену. Пошел в сузем — лесную чащу, куда редкий человек может пробраться. Вышел к глухому озеру и видит: его жена на берегу белье полощет. Обрадовалась она мужу: «Не за мной ли, дорогой мой, желанный? Только не добыть тебе меня, если не поклонишься лешим и не разжалобишь лесного большака! Приходи пораньше, к вечеру вон в тот дом, пока лешачата еще из походов не вернутся».

Так мужик и сделал. Спрятался в избе, а когда лешие собрались, пал в ноги большаку и рассказал о грехе своей матери. Видит леший, что не за свою вину увели жену у мужика, приказал отдать ее мужу вместе с прижитыми детьми (а у бабы от лесного хозяина родились двое детей, старшего она оставила с лешачатами, а младшего взяла домой) (Вологодская губ.).

Все про́клятое — женщины, дети, мужчины, еда, вещи — становится добычей нечистой силы, в том числе и леших. Собрались ребята в лес за грибами. Мальчишка пристал к матери, чтобы она дала ему кузовок или лукошко, а ей не до того было, она не вытерпела и обругала его: «Чтоб тебя леший взял!» Ушел в лес мальчик и пропал. Спохватилась мать, пошла к попу отчитывать, стала подавать милостыню. На третий день вошла в комнату, видит — висит чужой армяк, мохнатый, словно мохом оброс, темный, как дубовый, а под армяком — ее сынишка: бледный, голодный, ноги исцарапаны. От него мать насилу добилась, где он пропадал: встретил в лесу старика в этом армяке, тот запахнул его в армяк, и встали они возле корявого дуба — другие ребята шли мимо, а их не видели. Ночью бродили по лесу, искали ягоды, коренья и ели их, а днем старик становился под дерево и закрывал мальчика армяком, так что их никто видеть не мог. Хотела мать выбросить этот армяк, но ей посоветовали: «Не трогай до трех дней, а то снова уведет мальчишку». Через трое суток армяк пропал — леший забрал, а ребенка не тронул (Смирнов, 75 — 76).

Редкий рассказ взрослого человека, лично пережившего переход во власть лешего после отцовского проклятия, был записан в конце XIX века от костромского крестьянина: «Было мне лет двадцать пять, пять лет прошло, как уж женат был. Мы с отцом были на покосе возле реки Меи за селом. Я что-то сказал отцу насупротив, он осердился: «Хоть бы тебя леший унес, да нет, видно, не унесет!» Вдруг поднялся вихрь столбом, из этого вихря явился человек и позвал меня с собой. Я догадался и не пошел, а он сказал мне: «Тебя отец мне отдал, ты должен идти со мной». Я начал упираться, но он схватил за шнурок, на котором висел шейный крест, сорвал его и бросил на покос, подхватил меня на плечи и понес по деревням, покосам. Вижу — знакомые крестьяне сено гребут, хочу им крикнуть, а голоса нет. Семь дней мы так ходили. Он меня хотел накормить пищей, что в домах была оставлена без благосло-

вения, пробовал белку бить для меня — но я отказывался, ничего не ел. Для отца моего в тот же час, как он выговорил проклятие, я стал не виден. Собрал он людей на покосе, признался, что согрешил, отдал сына лешему. Искали меня двое суток — не нашли, стали служить молебны: Господу Иисусу, Пресвятой Богородице и Николаю Чудотворцу. Через некоторое время бросил меня леший на сеновал, там и нашли, у стены, ногами вверх. Трое суток слова вымолвить не мог».

Летом 1893 года в деревне Ямницы Новгородской губернии объявился мальчик, пропавший четыре года назад, когда ему было тринадцать лет. Мальчик был покрыт толстой, как кора, кожей, от одежды остался только ворот, говорить не умел и с трудом выучился. Все считали, что он был у лешего (Перетц, 8).

К лешему попадают те дети, родители которых не соблюдают речевой этикет — не чураются, не здравствуются, не упоминают имя Господа в известных бытовых ситуациях. Такие этикетные погрешности приводят к уводу лешим ребенка так же, как и проклятия в его адрес. Шел бедный человек по дороге, думал, где бы раздобыть еды себя и семью прокормить. Дорогой нагоняет его попутчик, спрашивает — хочешь ли, я тебе помогу поросенка раздобыть? Бедняк согласился, а попутчик научил: «Войдем мы в богатый дом, я на печку спрячусь, а тебя обедать пригласят. У них дите есть трехлетнее, станет ребенок чихать — если домашние не скажут: «Будь здорова, ангельская душенька!» до трех раз, то ребенок будет мой». Догадался мужик, что лешего повстречал, да делать нечего, с голодухи под ложечкой так и сосет. Зашли они в богатый дом, оглянулся он на

попутчика, а того уже и след простыл, на печку забрался. За ужином ребенок сошел на пол и чихнул. Домашние не заметили, никто ничего не сказал, один гость за столом: «Будь здоров, ангельская душенька!» — «Быча!» — донеслось с печи. Ребенок другой, третий раз чихнул, а мужик все свое: «Будь здоров!» Закричал, загоготал кто-то на печи, да в двери. Хозяева перепугались, а гость тут им все и рассказал. В благодарность за спасение дитяти бедняку на воз положили мешок муки, да еще десять рублей дали в придачу (Смирнов-2, № 63).

Поступки лешего непредсказуемы, в рассказах он является то злым, то добрым, у кого сворует ребенка, а у кого сбережет от лесных хищников. Жили в одной деревне молодые, муж и жена. Перед жнивом молодка родила первого ребеночка, которого они брали с собой в поле. Повесят зыбку за кустом, а сами жнут. Как-то раз забыла мать взять ребенка, муж увидел и тоже не взял, решил, что баба назло ему сделала, хотела, чтоб он принес. «Да не бывать тебе надо мной большухой!» — сказал он сам себе. Вернулись домой, когда стемнело, молодка глянула на пустой оцеп и взвыла — нет ребенка. Стала мужа просить с нею сходить за зыбкой — темно, а нива версты три от деревни. «Не надо, — говорит муж. — Поутру придешь, а ребеночек уже там, нет труда и носить». Какая мать оставит ребенка одного в лесу! Приходит она к ниве, а зыбка высоко на дереве висит, и нянька рядом — вровень с лесом — качает и приговаривает: «Бай, бай, дитятко, бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшко оставил!» Как подойти к лешему, чтобы отдал дитя? Подошла сторонкой и просит: «Куманек, кор-

милец! Отдай ты мне ребеночка!» Отбежал леший, в ладоши захлопал, закричал: «Ха-ха-ха! Шел да шел, да кумушку нашел». Гулко бежит по лесу и повторяет, любо ему стало, что куманьком назвали. Баба схватила ребенка и опрометью из лесу (Смирнов-2, № 62). О таких случаях рассказывали во многих северных деревнях, иногда лешие после «кумления» сосну наклонят, чтобы люльку удобнее снять было, а потом все лето пасут коров этой семьи. К вечеру гонят скот домой, слышен свист кнута, окрик: «Ксыте, кумовы коровы», — а видать никого не видно (Вологодская губ.).

Многие пастухи, охотники вступали в союз с лешим, заключая с ним договор. В отличие от черта, леший не всегда требовал душу человека, а только небольшой жертвы, например одну-две коровы за лето. Чтобы вызвать лешего, нужно сесть на сосновый пенек и трижды аукнуть (Владимирская губ.). В Калужской губернии существовал следующий способ добиться удачной охоты: во время обедни выйти в лес и, как только зазвонят, — зажмуриться и выстрелить в ту сторону, где церковь. Тогда ружье будет бить без промаха и дичь всегда найдется. Один охотник зажмурился, прицелился в ту сторону, где звон слышен, да вдруг подумал: дай посмотрю! Глядь — а перед ним крест, на кресте — Спаситель, а рядом стоит кто-то высокий, весь в зеленом: леший. Бросил парень ружье со страху, побежал домой, а леший вдогонку — комками, сучьями.

Леший — хозяин волчьих стад. Сам честной лес может принять образ белого волка. Как и святой Егорий, он то насылает волков на стада, то запрещает им нападать на животных. С просьбой о покровительстве пастухи обращались как к свя-

тому Егорию, так и к честному лесу, клали им приношения и относы, например оставляли в лесу на съедение овечку. Способность насылать волков на стада приписывалась также колдунам (Добровольский, 135).

В Архангельской губернии, чтобы вызвать лешего, произносили заговор: «Дядя леший, покажись не серым волком, не черным вороном, не елью жаровою, покажись таковым, каков я» (Ефименко, 153). В Тотемском уезде Вологодской губернии против проказ леших писали прошения главному лесному хозяину на огромных листах бересты углем, их приколачивали к деревьям и не смели ни трогать, ни глядеть на них. Такие прошения писали те, кого леший обошел и завел в непроходимую чащу, кто потерял в лесу лошадь или корову. Бывают крестьяне — друзья лешего: к одному домохозяину лесовой всегда ходил в гости в пивные праздники, и тот всегда оставлял для него котел ведер в пятнадцать. В полночь приходил леший, брал котел и выпивал в два приема (Потанин, 190).

Туляки, чтобы вызвать лешего, на ночь не молились Богу и перед сном думали о нем. Увидеть лешего можно было так же, как и домового: через три бороны, поставленных так, чтобы можно было сидеть в середине между ними. Через хомут глядели на лешего. В пути, если леший прикинется человеком, смотрели через правое ухо лошади, чтобы увидеть приметы лесного духа. Охотники и пастухи вступали в договор с лешим следующим образом: снимали нательный крест, приносили в лес «дарочки» (святые дары) от причастия, держа их за скулами, не глотая. Заделывали их в березку, вырубив в ней предварительно углубление, и

стреляли в дерево через плечо. После совершения этого обряда человек во всем ощущал подмогу от лесового (Колчин, 21 — 24). Новгородцы вызывали лешего так: выходя из дому, затворяли дверь левой рукой, придя в лес, разрывали муравейник левой ногой, срезали левой рукой вершину березы, после чего надо было крикнуть: «У-у-у!» Лесовой отзовется и явится. Другой способ: пойти вечером в лес, срубить осину, отрубить от нее чурку, произнеся громко: «А-у!» Он вдали откликнется. Затем также отрубить вторую чурку — он отзовется ближе; когда будет отрублена третья чурка, он явится и вступит в переговоры. Чтобы прекратить встречу и избавиться от лешего, надо запомнить первое произнесенное им слово и твердить его — леший исчезнет, не причинив вреда; если этого слова не запомнить, то уведет в лес. В Новгородчине считали также возможной встречу с лешим в великий четверг на страстной неделе. Рано утром надо прийти в лес, сесть на старую березу и громко крикнуть: «Царь лесовой, всем зверям батька, явись сюда!» — он явится и откроет многие тайны, предскажет будущее.

В Олонецком крае пользовались теми же приемами, вступая в сговор с лешим, но, чтобы избавиться от него, могли добавить: «Твоя жена тебе не верна», и он помчится по лесу так, что деревья и кусты на его пути вырвет с корнем, словно бурей. На Русском Севере сплавщики, отправляясь рубить лес, предохраняли себя, заклиная лесного хозяина. Известно, что леший боится рябины, так как у нее листья напоминают кресты, поэтому сплавщики отыскивали возвышенное место, поросшее молодыми деревьями, где водилась и рябина, срубали отросток и ветку, делали несколько рябиновых палочек и клали — одну против сердца, другие на спинной хребет с произнесением заговора, обращенного к царю Мусаилу, старшему над всеми русскими лешими. Если с кем-либо из артели случится несчастье в лесу, то винили в этом лешего и жаловались на него Мусаилу в особой грамотке, которую оставляли возле рябины, что-де имярек просит избавить его от лиха, иначе будет послана жалоба в Москву и московский царь пришлет стрельцов и донских казаков, которые вырубят этот лес в пень (Куликовский). В больших лесах Севера леших много, часто они ссорятся при дележе своих участков и бьют друг друга столетними деревьями, вырванными с корнем, стопудовыми камнями, отбитыми от скал, забрасывая их верст на пятьдесят и более, следы этих побоищ заметны и по сей день.

Заручиться поддержкой лешего стремились пастухи. Каждый пастух, когда погонит скот на пастбище, видит лешего — высокого мужика в серой сибирке и орешниковом армяке — или слышит, как он стрекочет сорокой, ржет жеребцом. Пастух приглашает лешего показаться, обещая красное яичко и спрашивая: «Каким манером тебе положить?» Относы, подарки кладут в лесу на пенек. За связь с лешим пастуха очень уважают — хорошо кормят, кладут спать на белом, чистом белье. Но женщины не должны показываться пастуху без платка, босыми или в рубахе без кофты, девушки не водят с пастухом хороводов — оберег скота пропадет. Если пастух угоден лешему, он все лето помогает ему пасти скот, но если он чем-нибудь не поглянется лесному хозяину, то приходится принимать такие меры, которые бы отпугивали лесового, например класть крест под

пятку. Теряют расположение леших те пастухи, которые бьют и ругают скотину или вследствие какой-нибудь случайности. Один хозяин как-то раз увел свою корову на ночь из стада. Лесовой вечером посчитал скотину: одной не хватает. Нашел подходящую и отдал взамен. А утром в стаде оказались две одинаковые коровы. Леший рассердился: «Скотина дома, а у меня столько трудов вышло! Я всю вселенную за ней обежал». Взял пастуха и засунул в расщепленное дерево (Богатырев, 51).

Главным пастушеским средством от козней лесовиков был заговор, «отпуск» скота, его читали около Николина дня (9 мая), когда начинали выгонять скот на пастбища. Тексты с отпусками переходили от пастуха к пастуху, пока окончательно не ветшали. Заговор прятали в пастушеской свирели, в шапке или в глубине дремучего леса вместе с шерстью, срезанной с головы каждой пасомой скотины. Рукописи хранили так, чтобы чужие руки их не касались. За определенную мзду можно было получить отпуск от колдуна. Заговоры на «оборону скоту» очень длинны и обращены к Христу, Богородице, всем святым и чудотворцам. Здесь же, в рукописи, обычно даны и наставления относительно обереговых действий, которые должен был выполнить пастух: трижды прочитать рукопись, кругом обходя стадо, собрать со всякой головы шерсти, добавить муку, соскрести роговицы с копыт каждого животного, соскрести меди с церковного колокола, все испечь, в мякушку закатать воск. Воск с мякушкой зарыть в землю там, где люди не могли бы найти. Обходить стадо нужно с деревянным крестом и образом Егория, волоча по земле топор и нож и держа вырванное с

корнем рябиновое дерево, которое следует посадить в землю после отпуска (Рыбников-3, 219 — 225).

Некоторые пастухи помимо заговора-отпуска скота заключают договор с лесным царем, которому обещают отдать одну-две коровы, если леший пожелает. За это лесовик оберегает стадо. Если какая-нибудь скотина пропадет, пастух зовет колдуна, умеющего вызвать лешего. Тот отправляется в лес, становится на перекрестке и свищет. На свист выходит леший, у которого узнают, взял ли он обещанную ему по договору скотину или пропажа произошла случайно, по вине недобрых людей и т. д. Если исчезла пожертвованная лесному духу корова, то хозяин примиряется с потерей и больше ее не ищет, если нет — продолжает поиски. Берет завернутое в тряпку яйцо, идет в лес на перекресток лесных дорог и, положив яйцо (или ржаные лепешки) в левую руку, произносит: «Кто этому месту житель, кто настоятель, кто содержавец, тот возьмите дар! Возьмите и домой скотинку пустите, нигде не задержите, ни за реками, ни за ручьями и ни за водами». Гостинец остается на перекрестке для лесного царя, который вернет пропавшее животное (Харузин, 310 — 313). Иногда вместо яйца и лепешек на перекрестке кладется крест из лучин, а рядом на дерево — краюшка хлеба, щепотка чая и несколько кусков сахара (Георгиевский, 56 — 57).

Леший предлагает пастухов-чертей в Ильин день, пригоняя пастуху-человеку целое стадо вражонков, советует: бери этого, кривого. Вражонок схватит лозину, как крикнет — так и повалит скот по дороге. В обращении с духами-пастушатами соблюдали некоторые тонкости, например, за-

11 Заказ 1077

гоняя скот, шли по следу, а не навстречу стаду (Перетц, 7), никому не рассказывали о чудесном помощнике, чтобы не рассеялись чары, не вступали в разговор с вражонком-пастухом, который мог принять любой облик: зайца, дряхлой старухи или оставаться невидимым.

С прошениями к лешему обращались также в случае болезни, если знали, что причиной недуга являлось какое-нибудь происшествие в лесу. Чаще всего вред здоровью человека наносило пересечение следа лешего. Поскольку главным признаком передвижения лесного духа считали вихрь, сильный ветер, ломающий деревья по обе стороны от несущегося лесового, то угадать, где проложены тропы лесного хозяина, было не трудно. Чтобы умилостивить лешего, в дар ему несли ломоть хлеба и щепотку соли в чистой тряпочке. Придя в лес, больной молился над хлебом-солью, оставлял свой дар на пеньке и возвращался домой. Если угощение будет тронуто, больной выздоровеет (Афанасьев-2, 342). Купание в лесном пруду, питье воды из лесного водоема могли стать причиной болезни. В Онежском крае под земледельческие культуры расчищали куски леса — лядины, выкорчевывая пни, сжигая дерево на участке. В жаркий летний день, утомившись от «чищобы», одна женщина выкупалась в лесном пруду и вскоре заболела. Ни знахарь, ни врач не смогли помочь ей. Баба отправилась к тому самому прудику «прощаться», трижды произнеся заклятие, которому ее научила колдунья: «Царь лесо́вой и царица лесо́вая и лесо́вые малые детушки! Простите меня, в чем я согрешила». После каждого раза она клала земной поклон. В третий раз возле них послышался шум, словно выстрел. В скором времени

знахарке удалось вылечить больную. Так же как и пастухи, больные оставляли лесовику относы — красное яйцо — на перекрестках, в заговоре к «настоятелю» тех мест просили его простить согрешившего во всех грехах перед лесом и дать здоровья.

Неожиданное слабоумие, временную потерю рассудка связывали со столкновением заболевшего с лесовиковой свадьбой. Но по мнению некоторых, зря лесовой не пошутит, ни в чем не виноватого перед ним он оборонит от несчастья. Девушка-крестьянка рассказывала о том, как она повстречала лесовикову свадьбу: «Едет их много, как люди точно, только что почернее наших будут. Старик соскочил с поезда и отвел мою лошадь в сторону, так и держал, пока они ехали. Кто помоложе из лесовиков — зашучивали, теребили. А как проехали все, старик вывел мою лошадь на дорогу и уехал» (Харузин, 307 — 310). Возможно, представления о шумных свадьбах, справляемых лесными духами, — отголосок древнерусских брачных языческих обычаев, когда девиц умыкали у воды, молились рощам, а венчались, подобно богатырю Дунаю с богатыршей Настасьей, «вкруг ракитова куста». Еще в XIX веке у раскольников сохранялся обычай, согласно которому молодой парень, сговорившись с девушкой, отправлялся с нею к заветному дубу и объезжал его кругом трижды, после чего союз считался заключенным. Стенька Разин, захватив власть на Дону, запретил богослужение в православных храмах и желающих венчаться, вступить в брак приказал венчать около верб (Афанасьев-2, 324 — 325).

Убеждение в том, что с лешим можно вступить в союз, умилостивить его подарками, что ле-

совику нужны люди: для продолжения рода, для проказ, для работы по дому, — наглядно проявилось в сказочных сюжетах об учениках леших, которые становятся колдунами, оборотнями. Не каждый способен выдержать курс обучения у лесного хозяина. Посредником между человеком, пожелавшим стать учеником лешего, и самим духом был колдун. Одному мужичку очень хотелось знаться с лешим. Колдун повел его в лес для знакомства. Стали они у большой ели, колдун говорит: «Смотри, братан, не убойся, как придет леший». Сильно засвистел колдун — и пошел большой вихрь, так что ели стали гнуться до земли. С вихрем пришел леший и стал перед колдуном как человек, в белой рубахе, в лаптях, с растрепанными длинными волосами, большой, как холм. Он спросил у колдуна: «Чего тебе надо от меня?» А колдун ему в ответ: «Да вот я к тебе, царь лесной, привел знакомить человека». Леший поглядел на мужика и говорит: «Этот мне не знаком. Что из него выйдет, если он вихря боится!» Тот и вправду лежал на земле от страха. Так он и не сделался колдуном (Новгородская губ.).

Одновременно с поверьем в лесового — учителя магии — бытовали сказки на сюжет «Хитрая наука» (Афанасьев, Сказки-2, № 249 — 253), в которых учителем-колдуном был леший. У одного крестьянина был сын, отдал он его дедушке лесовому в науку. У лесового было три дочери, вот он и говорит: «Первая дочушка, истопи избушку калено-на-калено». Истопила лешовка печку, и бросил дед мальчика прямо в печь — тот там вертелся, изгибался, пока дед его не вытащил; спрашивает: «Ну, знаешь ли чего?» — «Нет, — отвечает мальчик, — ничего не знаю». Вторая,

затем третья дочки калят печь, и лишь после третьего обжига ученик сказал: «Больше твоего знаю, дедушка». Так окончилось учение у лесового. Пришел отец забрать сына домой, а дедушка поставил его меж другими двенадцатью паренькамн. Все платочки вынимают из правого кармана, а один из левого, на него отец и указал, догадался. Пришлось лесовому отпустить ученика. Идут они с отцом через лес, на гумне ворона каркает, батька и спрашивает: «Ты теперь все знаешь, о чем ворона граег?» Мальчик не хотел отвечать: «Ты осердишься, если я скажу». — «Нет, скажи». — «Она на своем языке говорит, что будет время, когда мне придется ноги мыть, а тебе ту воду пить». Отец разгневался, сын ему посоветовал: «Если ты на меня сердишься, продай меня жеребчиком, только узду не отдавай». Пришли на ярмарку, откуда ни возьмись покупатель: продай да продай ему жеребца с уздой. Отец узды не сумел вырядить и отдал сына с обратью. Покупателем был дедушка-лесовой: уж он гонял, гонял жеребчика, всего запарил, ни одной шерстинки сухой не осталось. Идет мимо царева дочь, жеребчик и просит: «Вылей на меня ведро воды, очень я запарился». Вылила девушка воду на жеребца, он оборотился рыбкой — ершом — и в родник, а леший за ним щукой, только хотел схватить — ерш оборотился кольцом и — на руку царевой дочке. Она днем носит кольцо, а ночью спит с молодцом. Дед-лесовой пришел к царскому дворцу, стал на рожке играть. Царь зазвал его в палаты и приказывает: «Сыграй обо всем, что есть в моем царстве и в моем доме нового». Дед и сыграл о любви царской дочери к молодцу-колдуну, оборотню. А молодец из кольца шепчет: «Сейчас отец

потребует снять колечко, а ты брось его на пол, оно рассыплется на пять частей, одна частичка тебе под ногу подкатится, ты на нее наступи». Все так и произошло. Дед-лесовой обернулся петухом, все частички склевал, а пятой не заметил. Так молодец вскоре женился на царской дочке. Прошло много времени. Довелось отцу того молодца проходить мимо дворца, и сын подал ему милостыню, оставил на ночлег. Старик лег на печь, да ночью жажда его одолела, слез он с печи, видит — в сенях вода стоит, он взял этой водицы и попил. Утром сын его спрашивает: «Не ты ли, дедушка, ночью ходил воду пить?» — «Верно, кормилец», — ответил странник. «Ведь ты, дедушка, мне отец, а я тебе сын. Помнишь, когда ты взял меня из ученья от лесового, ворона каркала, и я все тебе предсказал, что сейчас случилось. Оставайся в моем доме». Так вот сколь умен и мудрен лесовой дедушка: захочешь — всему научит, а прозеваешь — кожу слупит (Смирнов-1, № 72).

Представление о лешем-благодетеле, платящем добром за оказанную услугу или просто из непредсказуемой симпатии (известно, например, что лешие любят немых и горбатых, подводят их к грибным и ягодным местам, к роям диких пчел, муравейникам с чистым муравьиным маслом в пузырях; любят они и некоторых охотников, подводят им под выстрелы лучшую дичь, даже открывают клады) (Калужская губ.), воплотилось тоже двояким образом: в поверьях, сообразуясь с которыми человек старался не приносить вреда лесу и лесному зверью тогда, когда это было возможно, и в сказках, бывальщинах о лесовых — помощниках людей.

Шел путник по лесу, видит: затягивает болото лешего. С виду он на человека похож: в желтом зипуне, красной шапке, молодой, без бороды. Просит леший прохожего: «Мужичок, сходи к моей хозяйке и скажи: большая лумпа на большом болоте с сохатым, со зверем, да с медведем утонул». Пошел мужик по указанной дороге, видит — стоит большая изба, крыта кожами, все сказал, как велел лесовой. Жена выбежала из дома, а потом воротилась, ведут: она — медведя, леший — сохатого. Мужичка за услугу угостили, а на прощанье лесовой ему в подарок от своего кафтана рукав отодрал, так мужик из этого рукава сшил себе кафтан и пять колпаков (Ончуков, № 227).

Известно, что все колдуны, все нечистые духи находятся во вражде между собой. Лесовые чаще всего ссорятся с чертями, с водяными и с домашними духами. Если человек поможет лешему одержать победу, он хорошо отблагодарит его за это. Однажды вышел водяной на берег драться с лешим. Он одолел дедушку и повесил его на дереве. Висит леший на березе, качается. Мимо шел крестьянин, Кузьмой звали. «Освободи, — просит лесовой, — меня из петли, что хочешь для тебя сделаю». Кузьма вынул его из петли, тут лесовой ему и предсказал, что скоро набор будет, так он за него в солдаты пойдет. Вот слышно, царь на войну собирается, леший за Кузьму в ратники пошел, просит: «Сходи к моему отцу, Иван Ванычу, в нашу деревню — там всего девять домов, все каменные, и передай, что меня не будет двенадцать лет, пока война идет». Пошел Кузьма в лес, видит — перекресток. Как его леший научил, он взял налево, задом повернулся и пошел. Точно: девять домов стоят, все каменные. Показали ему, где Иван Ваныч живет. Тот за столом сидит, ни-

где никаких образов, одни шишки еловые торчат. «Вот, — говорит, — сын ваш за меня в солдаты пошел, я вам от него поклон принес». Накормили его лешие и оставили погостить, прожил Кузьма у нечистых двенадцать дней и домой засобирался, глядь — а леший, что за него служить ушел, уже домой вернулся: в это время у людей уже двенадцать лет минуло, у Кузьмы уже жена за другого замуж идет. Черт как свистнет — сейчас их подняло и понесло ветром по воздуху выше леса ниже облака, успели к свадьбе: в избе жена Кузьмы сидит, с женихом целуется. Кузьма попросил: «Дайте, люди добрые, напиться». Подает ему невеста туес с пивом, видит, а на руке у нового гостя — ее обручальный перстень. Сейчас узнала она мужа, подвела к столу, говорит: «Вот муж мой вернулся, а я ему жена». На прощанье леший подарил Кузьме ведро водки и сто рублей денег (Смирнов-1, № 135).

Нанимался мужик в срок на работу, а его никто не брал, он и скажи: «Хоть бы меня лесной взял!» — тут ему навстречу другой мужик: «Подрядишься ко мне?» Человек испугался, понял, что перед ним — черт, сходил к попу за молитвенником и вернулся: «Подряжусь». Лесовой посадил мужика на плечи и понес так быстро, что тот и шапку потерял в пути. Прилетели к дому лесового, легли спать, а утром пошли к озеру. Глядят, а из воды камни летят — кидают их черти в леших, лесовые выдергивают громадные елки из земли и хлещут ими по озеру, черти одолевать стали. «Что ты, работник, глядишь, — кричит лесовой, — видишь, нас одолевают!» Мужичок достал из кармана молитвенник, стал им размахивать, и черти рассыпались, как дождь. Хозяин работником не нахвалится, отпустил его домой до срока, в награду сивого мерина дал. Доехал мужик до дому, привязал мерина к столбу, а сам в избу вошел. В скором времени вышел на двор, а у крыльца, у столба, стоит седой старик. «Откуда ты, дедушка взялся?» — «Ты, дитятко, на мне приехал. В малолетстве взят я был лесовым хозяином, он меня оборотил в коня, я всю жизнь у него пробыл, а ты вывел меня в Россию умереть. Спасибо, дитятко!» (Ончуков, № 226).

Лешие — хозяева не только лесов и лесных зверей, но и лесных избушек, в которых, по надобности, останавливались путники ночевать только испросив разрешения у дедушки лесового, который брал тогда ночлежников под свое покровительство. Накануне Крещения два солдата — Дмитрий Ильин и Яков Филимонов — рубили в лесу бревна, не захотели идти домой, остались в лесной избушке ночевать. Филимонов долго рассказывал Ильину о Петербурге. «Хоть бы раз побывать там», — подумал Ильин. Рано утром Ильин отправился за водой на озеро. Видит — навстречу ему бежит пара лошадей в санях и с колокольчиком. Подъезжают ближе, а в санях едет бывший становой пристав. «Садись, — говорит, — Ильин, я провезу вас». Быстро помчались и скоро очутились в Петербурге. Пристав оставил Ильина на Неве и велел дожидаться, когда крестный ход выйдет для освящения воды. Кончилось водосвятие, угостил пристав Ильина французской булкой, и поехали они обратно. Поблагодарил солдат пристава и вернулся в избушку. «Я, — сказал он приятелю, — в Петербурге был». Тот смеется. Тогда Ильин подробно рассказал товарищу, как расположен Петербург, и показал ему французскую булку, которую ему леший, обернувшись приставом, дал (Ончуков, № 301).

В Крещенье девушки ждали лешего для гаданий о суженом, он являлся в образе будущего жениха. Накануне праздника одна девица решила кудесить: вошла в дом не благословясь, дверь не заперла, села в уголок, говорит: «Богосуженой мой, поди ужинать со мной». Перед ней на столе — два прибора, для себя и для будущего жениха. Глаза закрыла, слышит: в сенях сапоги застучали, слышит: кто-то в избу зашел, крекнул, встал посередь комнаты — пиджак, кафтан норвежского сукна, кушак шелковый. Кушак снял, повесил на крючок, и шапку снял, вешает на крюк. Тут девица перекрестилась, закрыв глаза, открыла — нигде никого нет. Только кушак в углу висит. Девушка убрала его в сундук. Через некоторое время посватался к ней мужчина, и родители отдали, вот тогда она мужу тот кушак, что леший оставил, и показала — у него точно такой в Крещенье потерялся (Ончуков, № 294).

Впрочем, лешие помогали угадывать судьбу в Крещенье, замещая в этом случае чертей, просыпаясь только ради Святок. Так как, по распространенному поверью, все лешие пропадают или замирают на Ерофея Мученика (4 октября), а перед этим устраивают между собой неистовые драки, ломают деревья, гоняют зверей и проваливаются сквозь землю, чтобы явиться вновь, когда наступит весна (Максимов, 74). Во многих волостях Белозерского уезда игру леших замечали в ночь накануне Воздвиженья (14 октября), когда лесовые сходились на лужайку посреди дремучего леса, сгоняли сюда зверье и домашний скот, оставшийся на полях. Заботливые хозяева не забывали накануне Воздвиженья пригнать скотину домой, чтобы не потерять ее вовсе. Лешие проигрывали друг другу зверей, а домашний скот пожирался на этом сборище волками и медведями. Случалось, что до Воздвиженья местность изобиловала белками, зайцами, тетеревами, рябчиками, а после этого дня та или иная порода зверей совсем исчезала: здешний лесовой проиграл ее лешему другой округи. После Воздвиженья луг, где шла игра, был весь выбит и исцарапан когтями зверей, а один из леших оставил там как-то берестяной лапоть длиною в сажень (Новгородская губ.).

Лешие — хозяева всему лесному зверью, но с медведями, которые, подобно этим духам, также замирали на зиму, отсыпаясь в берлогах, с этими лесными богатырями у лесовых были особые отношения. Медведь лешему так просто не даст над собой командовать. О борьбе с лешим напоминает куцый медвежий хвост. В старые годы у медведя был длинный хвост. Лесовик ходил по лесу и схватился за него, медведь рванулся, леший взялся за елку, медведь рванулся сильнее, и хвост остался в руках лесового (Вятская губ.). С тех пор между лешими и медведями установилось нечто вроде побратимства. Большие охотники до вина, лешие и медведей угощают этим напитком, а когда опьяненный лесовой заснет, медведь ходит возле него дозором и охраняет от водяных чертей (Афанасьев-2, 336).

Наилучшим средством избежать проказ лешего было хорошее знание лесов: в знакомом лесу манить не будет. Осторожное поведение в лесу также было залогом безопасности, то есть свист, остановка на тропах леших, пересечение следов лесового, смех, громкая, вызывающая речь — все это противопоказано в лесу. Свист, смех, окрик привлекали лешего, который тут же наказывал виноватого.

Чудо лесное. Ровинский-2. № 309.

Вот рассказ одного портного, ходившего с товарищами по деревням шить одежду. «То ли в субботу, то ли в канун какого-то праздника кончили мы работу и шли лесом, всё болтали кое о чем и смеялись. Взошли мы в лес, вдруг около болота кто-то как крикнет: «Ге-ей!» Иван Минев и говорит: «Ребята, это гаркун кричит. Давай позовем его к себе, нас четверо, что он нам сделает?» Мы его стали отговаривать: «Ну тебя с гаркуном! Не видали мы его сроду, так и впредь чтоб не видеть!» — «Трусы вы этаки, — взял да как крикнет в ответ лешему: Гей! Где ты там?» А гаркун-то вышел на дорогу да еще громче зазычал: «Ге-эй-эй!», да за нами следом пошел, индо валежник под ногами у него захрустел. Мы — чуть не бегом домой, прошли лес, вышли на наше поле, глядь — а посреди дороги стоит копна сена, и от нее огненные искры так и плещут во все стороны. Мы кое-как с молитвой обошли копну и пустились бежать в село: бабы сидят около ворот. Мы кричим, пойдемте, мол, с нами, а то мы боимся одни-то. Бабы — смеяться, ну мы дошли до большого проулка, а гаркун-то как захохочет: «Ха-ха-ха!», да в ладоши как зашлепает и опять пошел в лес — высокий, косматый, глядеть страшно. С той поры по ночам мы той дорогой не ходили, чтобы опять с гаркуном не встретиться» (Владимирская губ.).

А вот что происходит, если все же устроить привал на дороге, о которой идет слава как о пути гаркуна. Один лесной промышленник заночевал в лесу. Вдруг раздался крик: «Убирайся домой! Расклался на самой дороге! Покойника понесут!» Человек отошел в сторонку и прислонился к деревцу. Только успел это сделать, как целая толпа леших прошла мимо него с покойником на

руках. Если на дороге лешего построить деревню, как, например, деревню Коныгино выстроили в трех с половиной верстах от Никольска, — лесной хозяин ветром сшибет дома. Мужики той деревни долго упрямились, все отстраивались заново, пока, наконец, во время страды не засунул леший одного ребенка в подворотню, что видели няньки и после рассказывали другим. Пришлось перенести деревню пониже (Потанин, 189).

Если пастух опрометчиво разложит костер в излюбленном месте лесового хозяина или побеспокоит его звуком рога — тотчас гадюка ужалит скотину или леший волков напустит. Насыльный волк от простого отличается тем, что его не интересует еда, он не тащит в лес ягненка, а рвет вымя коровам, схватывает за шеи овец и бьет об землю, передушит голов пятнадцать и убежит в лес (Калужская губ.).

Водят лешие не везде, а только в определенных местах, о которых говорят: «здесь водит», само невольное скитание называется «блудом». Самым распространенным способом найти верную дорогу было переодевание: нужно раздеться донага и все платье, включая шапку, вывернуть наизнанку; конному нужно даже перевернуть седло на лошади. Тогда леший сам выведет на дорогу, иначе заведет в сюземы — в свои заповедные дубравы, в такую глушь, что путнику покажется — кровожадные звери обступили его со всех сторон; он заберется от них на дерево — и лес наполнится гуканьем и стоном сов и филинов, которые во множестве закружатся над его головой, и к этим жутким звукам присоединится хохот лешего. От шуток лешего нередко сходили с ума или надолго оставались глупенькими.

Спасает от лешего молитва и крик петуха, а также матерная брань. Последним средством надо пользоваться к месту, т. е. браниться, когда поблазнит, а не просто так. Одного мужика леший унес в лес с колокольни за то, что тот без пути матерился в таком заповедном месте. Случилось это на виду у всех односельчан.

Случается, что леший не дает охотникам бить белок. Тогда используется верное, но крайне опасное средство: нужно зарядить ружье не пулей, а пуговицей из меди, с собственной одежды. Один охотник после этого сразу попал в цель: белка упала мертвой, а по всему лесу раздался оглушительный рев: «Ой-ей-ей! Руку прострелил!» (Вологодская губ.).

Если все же леший завел и переодевание не помогло, то рекомендуют заблудившемуся разложить костер и очертить себя вокруг осиновой палкой. Конному — идти по лошадиному следу, так как с лошадью часто ходит домовой, а леший его побаивается. Вынуть пояс из брюк и хлестать им по сторонам — леший уйдет. Домашним, беспокоящимся о потерявшемся в лесу родственнике, рекомендуют оставить на пне хлеб-соль для лешего, с просьбой более не шутить.

Во время ночевок в лесу лучшим средством уберечь себя от посягательств лесового служат рябиновые палочки. Рябина — священное дерево. В житии преподобного Адриана, игумена, Пошехонского чудотворца, говорится о том, что в Пошехонье издревле в пятницу перед днем пророка Ильи совершался крестный ход к рябине. Из ближайших деревень стекались процессии, возглавляемые священником, приносили образ Параскевы, совершали молебен, сквозь рябину для здоровья пронимали детей, а совершеннолетние сами про-

лезали сквозь дерево и получали исцеление (Балов, 96). Новгородские домохозяева, стремясь очистить дом, в день Ивана Купалы втыкали рябину в углы дома, в огороде, оставляли в поле и на гумне, отпугивая таким образом нечистых духов. Рябины леший боится. Два мужичка остались в лесу ночевать и, по обычаю, возле себя положили рябиновую палочку — если придет леший, так через нее не переступит. Ночью мужик громадного роста все разворотил вокруг, но не тронул заночевавших людей, доверившихся рябиновой ветке (Новгородская губ.).

Есть еще одно верное средство избавиться от лешего, это — рассмешить его. Озорник по натуре, леший очень любит сказанную к месту шутку. Вот рассказ охотника из Олонецкой губернии: «Шли мы в лес, вижу, стоит мужик большой, глаза светлые. «Ты, мужик, — говорю, — когдашний?» — «А я, — говорит, — вчерашний». — «А какой ты, — говорю, — большой, коли вчерашний». — «А у меня сын годовой, а побольше тебя головой». Побаяли, побаяли, отец что-то смешное сказал, он в ладоши захлопал и побежал, засмеялся» (Ончуков, № 198).

В бывалошных, житейских рассказах о леших он дик и страшен, люди обращались к молитве или к магическим средствам, к просьбам и жалобам, чтобы уберечься от него. В сказках герои прибегают к собственному уму, одолевая злого духа хитростью. В этих сказках леший — дурень и простофиля. Возможно, такие сказки рассказывали, чтобы поубавить страху перед этим чудовищем: то, что смешно, уже не страшно.

В одной деревне жил богатый мужик. Он построил дом, но в новых хоромах повадился ночевать леший. Пришлось мужику вернуться в старую избу, хотя и новый дом он протапливал, чтобы не выстывал. Как-то осенним вечером попросился у хозяина солдат переночевать в новом доме. Только расположился спать на печке, как зашумел ветер, изба задрожала, отворились двери и вошел мужичок среднего роста в белом зипуне. «А, — говорит, — служивый здесь! Ну ночуй, мы с тобой кое-что поталакаем. Одолжи-ка мне табачку!» Солдат подал свою берестяную табакерку, мужичок в одну ноздрю вдохнул, а в другую — уж ничего и не осталось. «Ох, как вы, дядюшка, шибко нюхаете!» — возмутился солдат. «Да знаешь ли, кто я такой?» — «Да уж какой леший нюхает пуще тебя», — ответил служивый. «Это я самый и есть», — говорит леший.

Тогда солдат спрашивает: «Ну что вы, лешие, помираете когда-нибудь?» — «Нет, никогда не помираем, только если игла попадется под ногу — наступим на нее и помрем». — «А как же ваши телеса убирают?» — спрашивает солдат. «Запрягай хоть пятнадцать лошадей, никогда нас не вывезти, а привяжи курицу и петуха на мочалко, пугни их — они и утащат, ветер дунет — все развеет».

Легли спать. Солдату не спится, зажег лучину, смотрит — леший уснул на печи, ноги — на полатях у стены. Вынул солдат из кармана иглы, взял молоток и давай лешему в пятки заколачивать. Леший стал помирать и растягиваться, так что стены затрещали.

Утром пришел хозяин: «Ну что, служивый, как ночевал?» — «Хорош твой ночлег! Смотри, какой леший лежит!» Хозяин обрадовался, что солдат лешего ухаял, думает: выброшу его, и с концом. Выломал простенки между окон, привел трех меринов, привязал к ним лешего веревка-

ми — и ну понужать. Постромки рвутся, леший — ни с места. Поехал хозяин за солдатом, думает: «Он его ухаял, он и знает, как его убрать». Догнал служивого в поле, пообещал сто рублей за работу.

Солдат поймал петуха и курицу и привязывает мочалком к лешему. Мужики смеются: три мерина не могли вывезти, а он петуха с курицей привязал! Солдат все приготовил, пугнул петуха, они полетели и вытащили лешего на улицу. Ветер дунул, ничего и не стало (Зеленин, Вятские сказки, № 10).

Во Владимирской губернии приятелем лешего считали цыгана, вечно обманывающего глупого духа. Сошлись цыган и леший, стали хвастаться силой: леший сожмет в руке камень — из него искры сыплются, цыган говорит, что это — не диво, он из камня воду выжмет, а сам вместо камня взял в руки пареную репу и стал ее давить, пока сок не пошел. Начали биться врукопашную — цыган сотворил молитву, леший с ним ничего сделать не может. Позвал леший цыгана жить с собой. Затопил печь, посылает цыгана с оленьим мехом за водой. Цыган пустой мех еле-еле до колодца дотащил, а с водой и думать нечего, не донести. Взял лопату и стал колодец обрывать. Леший долго его ждал, пошел посмотреть, куда цыган запропастился. Видит, цыган возле колодца землю роет. «Что ты делаешь?» — спрашивает. «Хочу колодец обрыть да весь сразу и забрать в мех, чтоб каждый раз сюда не бегать». — «Экой ты, братец, чудак, многого захотел», — схватил леший мех, зачерпнул воды и сам понес его домой.

На другой день посылает леший цыгана за волами, чтоб он на обед принес тройку волов. Тот

пришел в стадо и давай им хвосты вязать. Долго нет цыгана, отправился леший посмотреть, что он делает. Цыган отвечает, что нечего волов по тройке вязать, он свяжет двенадцать голов сразу да и понесет. Опять леший сам донес волов до дому.

В следующий раз послал леший цыгана за дровами, принести три дуба на растопку, а цыгану и одного не одолеть, он и давай вязать макушками целую дюжину дубов. Связал, стал лопатой обрывать. Снова леший цыгана не дождался, бежит, спрашивает, в чем дело. Тот отвечает, что, мол, вместо того чтоб каждый день за дровами ходить, он притащит сразу двенадцать дубов. «Этакий ты, братец, чудак! — удивился леший. — Многого захотел» — и сам принес три дуба. Так и живет цыган своей хитростью с лешим до сих пор (Смирнов, 96).

В архангельской сказке леший попадает в положение медведя, спорящего с мужиком из-за репы. Поп сеял репу. Вдруг кто-то испугал его кобылу, она убежала и борону сломала. Поп рассердился и говорит: «Возьми, лешой, и репу всю! Кобыла убежала, да и бороны жалко». Осенью репа выросла хорошая, поп пришел репу рвать, и леший пришел, говорит: «Что ты, поп, ведь ты мне ее отдал. Я все лето воду носил да поливал». — «А я все лето молебны пел да Бога просил». Попадья услышала их спор и говорит: «Вы приезжайте завтра на зверях невиданных, кто приедет на таком звере, что и узнать нельзя, — того и репа». На следующий день едет леший на льве, поп сразу сказал: «Ишь ты, леший как на льве едет!» А поп ехал на попадье: попадья волосы распустила, сделала хвостом, в жопу стеколко вставила и ползет задом наперед, поп верхом сидит. Леший смотрит: что за зверь? Рогов нет, го-

ловы не видно, глаз один блестит и рот вдоль. «Ну, поп, — говорит, — твоя репа» (Ончуков, № 261).

ЛИ́ХО Лих, беда, горе, напасть, нужда.

Демон злой судьбы, несчастий. В пословицах — странник, бредущий от дома к дому: «Беда (горе) ходит не по лесу, а по людям»; «Беда не спит, по людям ходит»; «Лихо не лежит тихо: либо катится, либо валится, либо по плечам рассыпается». Поверье общеславянское. Подобно злобному духу, Лихо садится на плечи и заставляет свою жертву всегда носить себя с собою. Изредка Лихо засыпает, тогда несчастному становится легче: «Коли спит Лихо, не буди его». Лихо притягивает беды одну за другой: «Беды вереницами ходят». Нет такого места, куда бы не проникло Лихо, Горе. На этом поверье основан сказочный мотив избавления от Лиха: герой делает вид, что не может поверить, как Горе исхитрится забраться в маленькую табакерку. Горе (Нужда, Лихо) показывает это и оказывается запертым в ней. См. также *Злыдни* — духи неопределенного облика и размеров. В песнях о Горе дух злой судьбы — оборотень, он бежит (обегает) впереди бессчастного молодца то собакой, то серым волком, то щукой, пока не вгонит в гроб бесталанного героя. Тут оно приходит с заступами и лопатами и, забросав могилу землей, отправляется искать очередную жертву.

Лихо представляется человеку огромным, могущественным, с ним не сладить, его не обойти и от него не уберечься. Оно людоед: заедает счастье, долю, а значит, и жизнь человеческую. Неожиданность его прихода связывается со слепотой или

Нужда в закладе. Картинка из лубочной книги XIX в.

одноглазостью. В сказках Лихо олицетворяется бабой-великаншей с одним глазом.

Жил один человек и не знал, что есть на свете Лихо, и решил увидеться с ним. Шел-шел, стоит у леса железный замок, кругом частокол из человеческих костей, черепа воткнуты сверху. Подходит к замку. «Чего надо?» — «Лиха ищу». — «Лихо здесь». Вошел в горницу, а там лежит громадный тучный великан, голова в углу, ноги на печке, ложе под ним — человеческие кости. Это Лихо, вокруг него — Злыдни и Журба. Подало ему Лихо человеческую голову, а само слепое. Гость голову под лавку кинул. «Где ты, головка-мотовка?» — спрашивает Лихо. «Под лавкой». — «Скушай, голубчик, — говорит Лихо гостю, — ты сам для меня тогда вкусней будешь». Гость спрятал голову за пазуху, а Лихо опять: «Где ты, головка-мотовка?» — «Подле желудка». — «Ага, — думает Лихо, — значит, съел». А гость улучил минуту — и к двери, дверь заскрипела, Лихо услышало, закричало: «Держите, уйдет!» А гость уж за дверьми, только правую руку не уберег, в железных дверях осталась, тут он и понял, что такое Лихо (Афанасьев, Сказки-3, № 572).

В другой сказке искать Лихо отправился кузнец и взял себе в товарищи портного. Забрели они ночью в глухой лес, увидали большую избу и зашли в нее отдохнуть. В избе пусто, но ночью пришла высокая одноглазая баба — Лихо, и говорит: «А, у меня гости! Будет что поужинать». Затопила печь, зарезала портного, изжарила и съела. Кузнец видит — ничем ее не возьмешь, разве что хитростью. «Бабушка, — говорит, — я кузнец, все ковать умею». — «Скуй мне глаз». — «Хорошо, да есть ли веревка? Надо тебя

покрепче связать, я бы тебе другой глаз вковал». Великанша принесла веревку, кузнец скрутил ее крепко-накрепко, разжег на огне шило и выколол ей единственный глаз. Баба рванулась, веревка лопнула, уселась она, слепая, на пороге избы и говорит: «А, злодей, из избы от меня не выйдешь». Настала ночь, на ночь она овец в дом запустила, а утром стала выпускать их в поле: схватит за спину да и выкинет. Кузнец выворотил свою шубу шерстью вверх, надел и пополз на четвереньках, словно овца. Выкинула и его. Встал кузнец и пошел лесом, глядь — в дереве топорик с золотой ручкой, захотел себе взять, но только дотронулся — рука пристала к топору, а великанша нагоняет, кричит: «Не ушел, злодей!» Кузнец вынул нож, отрезал себе руку — только тем и ушел от смерти, узнав, что такое Лихо (Афанасьев-2, 698 — 699).

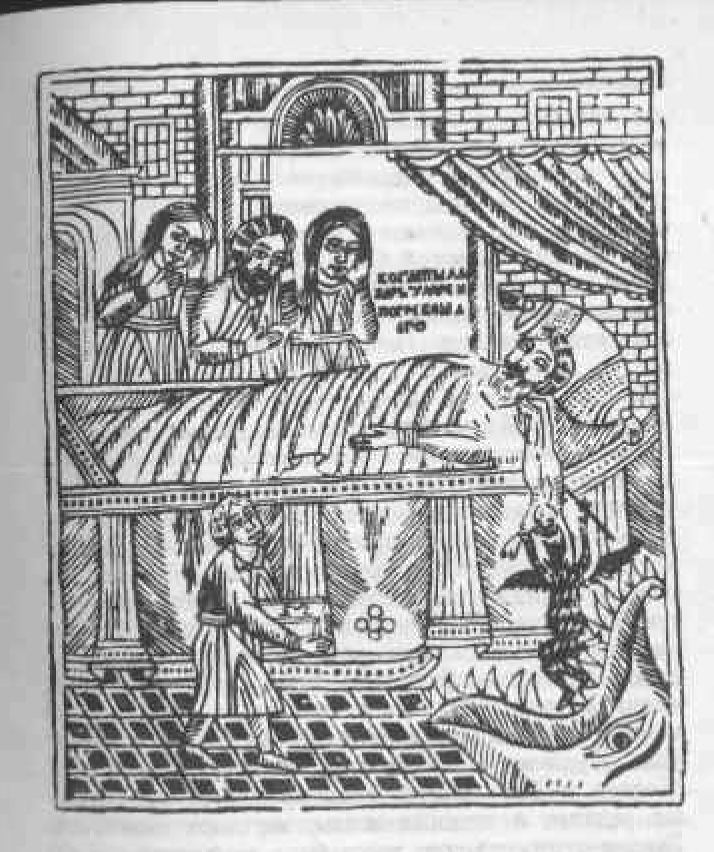
В более узком значении Лих, Лихо — дух, вселяющийся в человека и ввергающий его в сумасшествие или в нервную горячку. Изгоняли Лихо с помощью банника. Хорошенько протапливали баню и наполняли ее паром. Больного клали на полок и туда же приносили ковригу хлеба, соли и бутылку вина. Просили банника, чтобы он принял гостинцы и отогнал от раба Божия (имярек) злого духа — Лиха. Затем все выходили из бани, оставляя больного наедине с Лихом и банным хозяином. Через час возвращались и замечали: если банник взял подарки, то больной выздоровеет (Владимирская губ.).

ЛИХОРА́ДКИ Буквально: «злоделатели», «зло приносящие». Их называли также: лихоманками, добрухами, тетками, *кумахами*, комухами, трясавицами, трясуницами, трясучками, напастницами,

пестухами, корчеями, ворогунками, гнетухами, злючками, сглазом, престритом и др.

Дочери царя Ирода, одна из которых приказала отрубить голову Иоанну Крестителю и принести ее на блюде. Между прочим, солнце представлялось головой Иоанна Крестителя; когда она повернется к земле отрубленным местом, бывает солнечное затмение (Новгородская губ., Череповецкий уезд). Число сестер-иродиад, по заговорам и бывальщинам, колеблется от девяти (семи) до девяноста девяти. Каждая из них имеет свое имя соответственно тому виду страданий, которые она приносит. Эти имена вместе с именами святых, которые могут изгнать лихорадок, обычно произносятся в заговорах от болезни: «Под кустом под авритом сидели двенадцать апостолов: Михайла Архангел, Гавриила Архангел, Рафаил, Анафаил, все бесплотные ангелы и мимо их идоша двенадцать дев простоволосых... и даша им на каждую деву по тысяче ран кровавых и вверже их во огненное море... » Имена окаянных: тресавица, гнетия, вевия, детия, желтия, огния, пухлия, хрипуша, горбуша, задушиха, кашлея, голодея (заговор трижды прочитывали вслед за знахарем, бумагу с текстом разрезали на четыре части: первую сжигали и пепел давали больному выпить в воде, вторую спускали на воду, третью клали в щель на мокрое место, четвертую бросали на перекресток). Иродиад называли также *русалками* и ждали от них защиты у святых отцов Пафнутия и Пахомия, прося угнать бесову силу за горы, долы и темные леса (Зеленин-1916, 1257).

В XVIII — первой половине XIX века с большим успехом в народе расходились лубочные картинки «Сказание ким святым каковыя благодати исцелений от Бога даны и когда память их». Ико-



Притча о богаче и убогом Лазаре. Ровинский-3, № 636.

ны заказывали для избавления от болезней, на них, наряду с изображением святого, присутствовали и обрзы болезней — лихорадок. Так в большом ходу была икона святого Сисиния с двенадцатью лихорадками. Вверху — Господь, перед ним внизу — святой Сисиний и мученица, а под ними, как бы в пропасти, двенадцать нагих простоволосых женщин, которых поражает копьем архистратиг Михаил. Подобные изображения встречались и в церквах, например в Тихвинской церкви слободы Холуй Вязниковского уезда Владимирской губернии, где лихорадки представлены в виде крылатых женщин. Заговоры от лихорадки во многом воспроизводили эти картины, уточняя названия демонов болезни, выходящих из бушующего моря. Лихорадки в первую очередь мучают тех людей, которые им угождают: пьют, не чтят праздников и постов, много спят, рано утром, сразу встав с постели, едят и т. д. Трясея мучает ознобом, Огнея — жаром, Ледея — холодом, Гнетея — удушьем, Грыкуша ложится на плечи и грудь человека и причиняет гнойный кашель, Глухея проникает в голову и закладывает уши, Пухлея напускает отек, Желтея — желтуху; Желтея и Коркуша — всех проклятее — смыкают ручные и ножные жилы, не дают двигаться; Глядея отнимает сон, тогда бесы приступают к человеку и он мешается в уме; Невея доводит до смерти (Голышев, 36 — 40).

По смоленским поверьям, лихорадки обыкновенно сидят в аду, но зимняя стужа выгоняет их на землю, и они заходят в избы погреться, а затем забираются в людей. Это уродливые тощие создания, слепые и безрукие. Сами войти в избу они не умеют и стоят обыкновенно в сенях у дверной притолоки, прижавшись в угол и ожидая, когда войдет кто-нибудь из «виноватых», на кого можно будет накинуться, с ним и проникают в дом. По вятским поверьям, лихорадка является в виде красивой женщины, ищущей приятных видом мужчин. Чтобы избавиться от нее, одержимый лихорадкой обмазывал лицо сажей или грязью, так что страшно было взглянуть на него, и забирался в репную яму. Там он лежал, не шевелясь, пока к краю ямы не подойдет лихорадка. Она станет просить больного выйти оттуда, но он не должен подавать признаков жизни. Лихорадка наконец плюнет на лежащего и скажет: «Не приду к тебе больше вовек! Ты безобразен, выпачкан, обмаран!» — и уйдет навсегда. По калужским поверьям, сорок сестер-лихорадок живут в болоте. По М. Д. Чулкову, девять сестер-лихорадок содержатся на цепях в змеиных челюстях, когда их спускают, они без милости нападают на людей. Одним поцелуем могут причинить трясавицу и входят в одержимых ею. Лихорадки боятся совиных гнезд, собачьих поводков. Больные сибиряки, почувствовав наступление приступа, чернят себе лицо, а иногда и тело, надевают на себя чужую худую одежду, чтобы злой дух его не узнал или, испугавшись, — отстал (с. 230 — 231).

Широко распространенный способ избавления от лихорадки — спрятаться от нее или передать другому вместе с какой-нибудь вещью. Терские казаки, выкупав больного, выливали воду от купания на следы того человека, которому желали передать болезнь, или просто во дворе, приговаривая, чтобы такая-то болезнь перешла на такого-то человека. Остатки пищи и питья больного отдавали собакам, чтобы болезнь вошла в них, уйдя с больного. На двор соседа перебрасывали часть платья, белья или какую-нибудь безделушку, при-

надлежащую страждущему, таким образом отдавая болезнь соседям. Некоторые после посещения больного, придя домой, сами прикидывались на короткое время одержимыми лихорадкой, с целью отвратить от себя болезнь. Страдающие лихорадкой притворялись за несколько часов до наступления пароксизма уже охваченными им, чтобы избавиться от посещений своей хворобы (Сборник материалов-16, 12).

Чаще всего прибегали к изгнанию из тела злого духа с помощью разного рода средств, как чисто магических, так и практических — настоев трав, порошков, ванн и т. д. Некоторые полагали, что лихорадки уйдут только после применения семидесяти различных средств — по числу сестер-иродиад. Накрывали больного медвежьей шкурой, пришивали ему на шею в ладанке змеиную голову, кость жабы, стреляли неожиданно над постелью больного, чтобы испугать его болезнь, давали пить (собственно, не ему, а злому духу, обитающему в теле) воду, взятую из-под мельничного колеса (жилище водяного) и т. д. В Обонежском крае под постель больного клали змею, зашитую в голенище сапога, приглашали колдуна. Лихорадка являлась в виде женщины во всем белом, колдун грозил ей розгами, и она уходила (Куликовский-1890, 47). В Тамбовской губернии на больного надевали хомут, часто употреблявшийся в магической практике с разными целями, выводили на двор и обливали водой, изгоняя духа болезни.

Лихорадку сжигали следующим образом: бросали освященную вербу и делали на ней столько нарезок, сколько было приступов, затем клали в жарко затопленную печь. Когда верба сгорит, нужно, глядя на оставшийся пепел, положить три земных поклона (Афанасьев-2, 15). Брали заговор

от лихорадки, в котором рассказывалось о каменном столбе посреди моря, на каменном столбе — мученик Сисиний и архангел Михаил видят, как из моря выходят двенадцать безобразных Иродовых дочерей; мученик заклинает их отступить от страждущего. Текст этого заговора зашивали в тряпочку и привязывали к шнуру нательного креста, носили так двенадцать дней, не посещая бани, но переодеваясь в чистое белье, на тринадцатый день на утренней заре затопляли печь, отвязывали бумажку с заговором и через левое плечо бросали в огонь. Оставшийся пепел насыпали на кусок хлеба и давали съесть его больному (Новгородская губ.). Больного окуривали дымом перед печью, поили наговоренной водой, смешанной с печной золой и углями, той же водой обмывали притолоки и косяки у дверей, чтобы лихоманка не вошла в дом. Заставляли больного вынести из дому кочергу и оставить ее на перекрестке (Афанасьев-2, 31).

В Саратовской губернии лихорадку задабривали: пекли двенадцать маленьких продолговатых белых хлебцев (по числу сестер-иродиадок), относили в лес и клали на пень с приговором: «На тебе, тетушка!» На обратном пути не оглядывались. Рубили топором печеное яйцо: одну часть закидывали через плечо назад, другую съедали. Петух и куры как «ангельские» птицы не угодны бесам-лихоманкам, поэтому рекомендовали больному три зори купаться под куриным насестом. Чтобы устрашить болезнь, на шею привешивали змеиный выползок, хвост, отрубленный от живой собаки, сушеную летучую мышь. «Кумили» лихорадку-тетку с другим человеком. Двенадцать медных крестиков развешивали по кольям огородов, гумен, при дорогах — кто первый возьмет такой крест,

прихватит и лихорадку. Обманывали ее при перемежающихся приступах: в свободный от лихорадки день писали мелом над всеми дверями и окнами «Вчера приди». Просили осину взять лихоманку: шли в лес, подходили к первой попавшейся по пути осине, становились возле нее так, чтобы, обратившись к ней лицом, не видеть своей тени, снимали с себя пояс и привязывали к осиновому суку, клали осине три земных поклона, говоря: «Прости меня, Аридова дочь, прости меня и ты, осинка, что я тебя поневолил». Пояс оставляют и идут домой, не оглядываясь. Используют приемы оборотничества: три зори по три раза перекувыркиваются. Зовут медведя в надежде, что зверь изгонит лихорадку. Больной ложится на землю и просит вожака провести по нему (по спине) медведя трижды. Лежа под медведем больной произносит: «Батюшка, брат мой старшой! Выгонь проклятую из головы, из ног, из рук, из могучей груди, из добра живота, из спины и ребер и из черной печени». Окуривались три зори медвежьей шерстью. Замыкали лихорадку в яйцо: из сырого куриного яйца вынимали пленку, плевали в нее и вешали на палочке на верху избы.

Чтобы не пристала лихорадка, никогда так ее не называли, а только «она» его забила, «лихая», «проклятая», и непременно оговорятся: «Не здесь будь сказано!» Ощущая болезнь у себя внутри, стараются съесть, вдохнуть или выпить что-нибудь очень противное бесу. Например, снимают кожу с ежа, кладут ее в горшок с углями и, закутавшись, сидят над смрадом. Кладут в ведро с водой живую щуку и держат ее там, пока не издохнет, двенадцать дней не переменяя воды. Настой пьют перед обедом, утром и перед ужином по рюмке зараз. Проглатывают три вербные почки. У черной

курицы на пороге отрубают перья хвоста, жгут их и золу пьют в воде. Пьют херувимскую золу, т. е. золу из церковного кадила от ладана, которым кадили в обедню во время пения херувимской песни. Пускают в ведро или горшок живых раков и держат там, как и щуку, двенадцать дней, хотя бы они и подохли, потом ночью выбрасывают их на перекресток, а настой пьют три раза натощак перед едой (Зеленин-1916, 1244 — 1246).

Как и от других бесов, радикальным средством избавления от лихорадки являются молитвы и заговоры. На бумажке пишут молитву «Отче наш» наоборот, начиная с фразы «от лукавого». Записку сворачивают, привязывают к шейному кресту и носят на шее. Пишут на лоскутках или корке ржаного хлеба слово «Христос» или иероглифические знаки, соответственно числу букв, входящих в слово «Христос». Бумажку с надписью сжигают, пепел высыпают в стакан с холодной водой и пьют, корку разрезают на девять частей, так, чтобы в каждую часть входила одна буква или знак, — принимают три раза в день перед едой по одной части. Бумажки и ржаные корки с надписью «Христос» даются неграмотным людям, со знаками — грамотным. Некоторые знахари посыпают корку небольшим количеством мышьяка (Сборник материалов-16, 49). В заговорах, помимо уже упомянутых мученика Сесиния и архангела Михаила, с лихорадками борются святой Авраам с «сыном Исаем». Шел святой Авраам со своим сыном Исаем, несли они жезлы и повстречались с Иродовыми дочками: «Иродовы дочки, куда вы идете?» — «Мы идем в мир христианский, желтую кость ломить, буйную голову ломить, червонную кровь пить». — «Сыну мой Исаю, возьми ты их с раба Божия (имярек), посеки и поруби и

пошли на очерета, на болота, где люди не ходят» (Сборник материалов-29, 27).

Обманывая лихорадку, притворяются мертвым животным, для чего отыскивают остов павшей скотины, на котором уже нет мяса, и ложатся в ребра, оставаясь там до конца приступа (Зеленин-1915, 803). Обманывают демона болезни, уходя ночевать к соседу, причем так, чтобы об этом не знали ни домашние, ни соседи. Больному советовали также переехать в другой город, поменять место жительства — в этом средстве было столько же рационального смысла, сколько и веры в магическую силу обмана. Против лихорадки применяли «абракадабру» — волшебное слово, пришедшее в Европу из Персии, написанное особым образом на бумажке, которую нужно было носить в виде наузы на привязке, шейном кресте. Писали абракадабру различно, но всегда в виде треугольников, расположенных в той или иной последовательности так, чтобы выходила определенных очертаний фигура с острыми углами (Материалы, 191).

Все вышеназванные способы избавления от лихорадки сочетались с достаточно действенными лекарственными средствами — настоянными на водке травами, эвкалиптовым листом, отварами малины, липового цвета, шалфея, растираниями хиной с уксусом и проч.

ЛОБА́СТА Албаста, лопаста, лобоста.

Женщина-демон, злой дух, *русалка*. Название заимствовано из тюркских языков. У таджиков альбасти может вырвать у родильницы сердце и печень, задушить новорожденного. Касаясь человеческих членов, альбасти парализует их, отнимает руки и ноги. На фреске VII века в Бауите (Египет) изображен всадник-демоноборец, пронзающий молодую полуобнаженную женщину-демона Аласдрию. У татар албасты — существо исполинских размеров, неопределенной формы. Издали кажется не более собаки, но по мере приближения к человеку увеличивается и вырастает до величины стога, обитает около мостов, на перекрестках дорог, улиц (Черепанова, 89 — 90).

В русской традиции лобаста ближе всего к русалкам в их севернорусской интерпретации. Терские казаки представляли лобасту в виде нагой женщины большого роста, обрюзгшей до безобразия, с громадными, в аршин, отвислыми грудями, иногда закинутыми за плечи на спину, с косами, свисающими до земли. Она живет в больших болотах, озерах и омутах, часто захватывает проходящих мимо людей, затаскивает их в болото, щекочет, порой до смерти, сосками своих грудей (Сборник материалов-16, 63). По астраханским поверьям, лобаста — девка, показывается нагой, расчесывающей длинные волосы; ее тело покрыто мехом, пугает, громко хохоча и хлопая в ладоши, может до смерти защекотать (Зеленин-1914, 65).

В низовьях Волги считали, что от лобасты «нет удержу», нельзя зачураться, сказав: «Чур меня!» Лобаста губит людей летом, на ее приближение указывает внезапно и быстро приближающаяся тучка; ветер переходит в шторм, наступает полумрак, стонет море, трещат сломанные и вырванные с корнем деревья. Не буря, с которой опытный рыбак может справиться, а лобаста топит его в море и давит на земле.

Лобаста является женщиной ростом от земли до неба, некоторые видели ее в мужском образе. Тело ее — серая масса, голова огромная, косматая, клыки оскалены, руки длинные с крючкова-

тыми пальцами. У нее нет ни хвоста, ни рогов, как у прочей нечисти. Среди астраханских рыбаков ходило много рассказов о людях, чудом уцелевших после встречи с лобастой. Молодой парень в июле на легкой лодке отправился на один из островов Волжского устья, где решил срубить дерево. Только к ночи ему удалось повалить толстый ствол, дерево упало на землю, а над самым его ухом раздался жуткий хохот. Дроворуб заметался от страха по лесу. Поднялся ветер, от удара по голове и по спине он упал без чувств. К утру очнулся, разыскал лодку и уехал домой.

Другой крестьянин поехал на острова за утками. Набродившись в камышах, вышел на поляну. К ночи поднялся вихрь, кругом — рев и стоны. Охотник увидел приближавшуюся к нему лобасту: гигантское существо с трясущейся головой и протянутыми к нему руками. Охотник успел обвести вкруг себя черту, встал в центре, взял наперевес ружье. Но лобаста с легкостью перешла круг и готова была уже схватить человека ужасными клыками, как охотник выстрелил. «Ха-ха-ха!» — раздался над ним смех лобасты. Через несколько дней его товарищи нашли на опушке той поляны гору серой студенистой массы — все, что осталось от чудовища.

В лобасте также видели оборотня: подобно *лешему*, она могла обернуться знакомым путника и завести его в глухие, непроходимые места (Саратовский справочный листок, 1878).

ЛОПА́СТЫЙ, *лопа́стик.*
То же, что *леший, черт.*

ЛОСКОТУ́ХА. Лоскотка, лоскотница, лоскотовка (см. *Русалка*).

Щекотунья-русалка. Лоскочут мужчин не все русалки, а только молодые. Одно из древнейших имен этого женского демона (Зеленин-Очерки, 118).

ЛУГОВИКИ́
Дети полевиков, живут в межевых ямах, бегают по межам и ловят птиц в пищу родителям — полевикам (см. *Полевой*). Душат спящих на межах людей. Их можно видеть в полдень или перед заходом солнца. В это время опасно спать в поле, так как луговики выходят из своих нор, наводят на спящих еще более крепкий сон и напускают разные лихорадки, тяжелые болезни (Колчин, 28).

ЛЯГУ́ШКИ
Бывшие люди, затопленные всемирным потопом, у них, как у людей, по пяти пальцев на руках и ногах, четыре долгих, один коротенький. Придет время, и они снова станут людьми, а мы, ныне живущие, обратимся в лягушек. По другим поверьям, лягушки — про́клятые Богом или человеком люди, *заклятые*. Бить их — грех (Завойко, 103). По нижегородским поверьям, лягушки произошли от про́клятых матерями младенцев (Зеленин-1915, 794). Кто убьет лягушку, тому на том свете подадут есть лягушачий пирог. В Вологодской губернии дворовых лягушек считали обращенными людьми. Живут на скотных дворах и высасывают молоко у коров. Убивать их боятся, потому что они могут вцепиться в того, кто захочет

это сделать, и тогда лягушку ничем не оторвешь, приходится от нее умирать. В Терской области говорили, что солнце состоит из кусочков лягушки. Оно привязано к небу волосинкой, которую Бог выдернул из головы Евы. Лучи — солнечный взор (Сборник материалов-16, 317).

Чары над змеями и лягушками составляют один из самых распространенных видов колдовства на Руси. Чтобы отомстить кому-нибудь, обиженный домохозяин обращался за помощью к колдуну, прося напустить змей и лягушек во двор своего врага. Чародей брал живых змей и лягушек, высушивал их в печи, растирал в мелкий порошок, завязывал порошок в холстину и клал в навоз. Спустя некоторое время из каждой пылинки образуется потомство. Едва народившихся тварей разбрасывали по дворам, где они размножались до невозможности. Некоторые подсыпали такой порошок в питье своим врагам, и во внутренностях несчастных жертв появлялись гнезда жаб и змей. Страдальцы обкладывали грудь и живот ягодами свежей малины и земляники, полагая, что от этого гады выползут наружу (Сахаров, 87 — 88). Широко использовались лягушки в приворотной магии. Желающий кого-либо приворожить находил пару совокупившихся лягушек, укладывал их в бурак с дырочками и бросал в муравейник, а затем бежал прочь без оглядки, ибо лягушки-демоны издают ужасные крики, когда муравьи сквозь дырки начинают заползать в бурак, пожирая лягушек. Оглянувшийся в это мгновение становился добычей дьяволов. К муравейнику нужно было вернуться через три дня, тогда в бураке останутся одни лягушачьи косточки, между ними — вилочка и крючочек. Кто захочет, чтобы

женщина его полюбила, незаметно потянет ее за платье крючочком, а когда она разонравится — отпихнет ее вилочкой, чтобы она тотчас забыла о прежней любви (Чулков, 256).

Образ громадной лягушки принимает дьявол во время обряда посвящения в колдуны. Человек, решивший стать колдуном, идет в баню, кладет под пяту крест и отрекается от Бога, обещая душу Сатане. После этого из-под полка выскочит лягушка: сначала маленькая, потом станет расти, расти и разрастется во всю баню. Тогда учитель-чародей велит посвящаемому влезть в разинутую пасть лягушки (Вологодская губ.; Садовников, № 116).

МА́ВКИ Иначе — русалки.

Существа, часто упоминаемые в украинских мифологических рассказах. Название «мавка» производили от «навка» (уменьшенное от «навь» — мертвец) и от «мал», «малая», так как это духи небольшого роста. Мавки бодрствуют летом, приходят на землю, когда начинает колоситься хлеб и может служить им убежищем. Накануне Троицына дня русалки вместе с мавками бегают по нивам, хлопают в ладоши, восклицая: «Ух, ух, соломенный дух! Мене маты породила, некрещену схоронила!» Малорусским поверьям о мавках соответствуют русские представления об особой породе русалок, произошедших от умерших некрещеными младенцев, от девушек-самоубийц, не удостоенных погребения. Мертворожденных или

скончавшихся до крещения младенцев русалки похищали из могильных ям и уносили в воду, они крали их даже из-под порога избы, куда также хоронили младенцев. В течение семи лет в Троицын и Духов день души этих младенцев летали по воздуху, выпрашивая себе крещения. Думали, что их можно было спасти словами: «Крещаю тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа!» и ежегодными панихидами в первый понедельник Петровки (с 29 июня). Если в семилетний срок они не будут искуплены молитвами, то навсегда останутся в обществе русалок. Та же судьба ждет младенцев, про́клятых матерью еще в утробе или до таинства крещения. Они исчезают из дому, становясь русалками, но навечно сохраняя облик семилетней девочки с русыми кудрявыми волосами в белых, без пояса, сорочках. Девочками-русалочками становятся младенцы, утопленные матерями-девицами, чтобы скрыть свой грех. Они плещутся в волнах, танцуют в лугах, отчего трава становится гуще и зеленее. Есть поверье, что нельзя бросать в воду скорлупу от выеденного яйца, — крошечные русалки построят себе из нее корабль и будут на нем плавать (Афанасьев-3, 149, 228, 240).

Опасно строить дом на месте, где зарыто тело умершего некрещеным или мертворожденного младенца: душа его будет летать в воздухе, прося крещения, и беспокоить жильцов (Зеленин-1914, 295).

МА́РА́

1. Привидение, призрак, дух, мучающий людей во время сна, кошмар. Женщина, одолеваемая чертями, бесноватая, хотела избавиться от них, заминив в лесу в деревьях. Но только дошла до

леса, как сразу уснула, и во сне ей показалось, что она выполнила свое намерение: это черти напустили на нее мару (Калужская губ.).

2. Мары, марухи — старые маленькие существа женского пола, по ночам сидят у печи, бормочут, шепчут, прядут пряжу, подпрыгивают, бросают камни в людей (ср. *кикиморы*). Пряхи без молитвы не оставляли прялицы, чтобы ночью мара не изорвала и не спутала кудель. По происхождению — духи младенцев, умерших некрещеными или про́клятых родителями. В марах олицетворяли души усопших (ср.: мор — смерть, эпидемии, повальные болезни; мар — сон). Подобно домовым, мары заезживали лошадей бешеной скачкой, заплетали им гривы и хвосты в знак расположения (Афанасьев-2, 101 — 103). Мара — невидимое существо, живущее в доме помимо домового. «Маретник» — бранное слово, употребляемое вместо «еретик», «колдун» (Куликовский).

3. Мары — женщины, занимающиеся колдовством, ведьмы, как прирожденные, так и ученые. Доят коров так, что после этого из вымени течет кровь вместо молока. Выдаивание коров совершается даже на расстоянии. Стоит маре очертить круг на земле и с заговором вонзить в середину нож, как молоко само брызнет оттуда. Особенно активны в ночь на Ивана Купалу. Предохраняясь от них, хозяева кладут на окна крапиву, вешают убитую сороку на дверях хлевов, прилепляют сретенские восковые свечи. Мары на Ивана Купалу собирают травы: папоротник, белоголовник, плакун, дурман, подорожник, полынь. В руках обычных людей они не имеют той силы, что у ведьм. Мара приготовляет из них мази, натираясь которыми может превращаться в разных животных. Если после превращения ее ударить наотмашь

осиновым колом, она примет настоящий вид и откажется от своего ремесла. Мары умеют превращать в животных других людей (Воронежский литературный сборник, 381). В былинах и сказках, преданиях героини с именем Марина — обычно ведьмы, колдуньи («Добрыня и Маринка», «Марина-русалка», предания о Марине Мнишек).

4. Мара, Марена, Морена — в славянских весенних обрядовых праздниках девушка или кукла, деревце, вокруг которого устраивались разнообразные игры, символизировавшие наступление весны и предназначенные к умножению плодородия земли.

МАРЯ́НА

Повелительница юго-восточных ветров в устье Волги. Эти ветры опасны для судоходства северо-западного берега Каспийского моря. Моряна представлялась мореплавателям в образе суровой женщины огромного роста, с распущенной косой, в белой одежде. Она медленно идет по поверхности моря в направлении ветра и всюду производит разрушение (Саратовский справочный листок, 1878).

МЕДВЕ́ДЬ Грязной, зверь, косматый, косолапый, костоправ, куцый, лесник, лесной черт, леший, ломыга, Михайло Иваныч Топтыгин, мохнач, овсяник, он, раменский (от «рамень», «раменье» — густой смешанный лес), сам, сергацкий барин (в Сергаче обучали медведей), черная немочь.

Зверь-оборотень. По легенде — рожден от женщины и лесного животного. Бог наказал одну блудницу и отправил ее в лес, там она нашла себе мужа — зверя «меда» (Владимирская губ.).

Медведь с козою проклажаются. Ровинский-I, № 177.

Представление о наполовину человеческой природе медведя отразилось в многочисленных побывальщинах и сказках о сожительстве женщин с этим животным. В Симбирске рассказывали: медведь мужнюю жену в берлогу затащил и мальчика с нею прижил. Мальчик вырос, и захотелось ему вон из берлоги, к людям. А он до половины тела оброс шерстью. Медведь его не пускает, догнал и давай с сыном деревьями драться. Медвежий сын выдернул дуб и убил медведя, а с матерью убежал. Прибежали в свое село, стал мальчик с детьми играть: кого за руку схватит — рука долой, кого за голову — головы нет. Мир и говорит: «Тебе с нами жить нельзя, мы тебя вышлем», да вспомнили, что у них на одной мельнице чертей много: если медвежий сын их выведет, тогда пусть живет. Он отправился на мельницу, пришла ночь, видит: черти все колеса облепили. Он и давай их ломом бить. Всех избил, до самого Сатаны дошел. Тот и говорит: «На тебе злата, только оставь в живых!» Медвежий сын золото взял и пошел домой, деньги матери отдал, и мир его принял (Садовников, № 34).

По мнению олонецких крестьян, медведь — человек, превращенный колдуном в зверя. Поэтому он сам на человека не нападает, лишь из мести за нанесенную ему обиду или за совершенный человеком грех. Собака лает на медведя так же, как на человека, и, согласно молве, было немало случаев, когда при сдирании шкуры с убитого медведя оказывалось, что под нею тело медведя опоясано мужицким кушаком, или находили на нем остатки белья, вышитой одежды, украшения. В заговорах медведь упоминается отдельно от других зверей: «Избави нас от всякого зверя и бурого медведя» (Куликовский). В Вологодской гу-

бернии в убитой медведице, бывало, признавали невесту или сваху, превращенную на свадьбе в оборотня (Зеленин-1914, 259).

В сказках-притчах человек обращен в медведя за грех неудовлетворенности своей судьбой. Пахал мужик поле, устал и остановился. «Жизнь моя — самая плохая, — думает. — Другие не работают, да хорошо живут». Мимо едет барыня, спрашивает: «Что, мужичок, горюешь?» Пожаловался мужик на горькую участь. «Хочешь быть барином?» — спрашивает барыня. «Хочу», — и сделался мужик барином, а все недоволен. А барыня-то была — сама Судьба. Приходит она к мужику-барину: «Ну, чем теперь ты недоволен?» — «Да что барином быть, начальников много, я бы хотел быть царем». Рассердилась Судьба на мужика и превратила в медведя, от него и все медведи пошли (Смирнов-2, № 240).

Женщины-олончанки не употребляли в пищу медвежатину, а мужчины ели охотно. Сам медведь любит лакомиться молодым овсом, отсюда и его прозвище — «овсяник». Возможно, эта слабость, заставлявшая его посещать крестьянские поля, повлияла на появление сказочного сюжета о споре мужика с медведем («Вершки и корешки»), мотива о краже овса (Афанасьев, Сказки-1, № 143).

Обычаи, связанные с медведем, основаны на вере в большую магическую силу медведя сравнительно с другими демонами: домовыми, лихорадками, чертями. Чтобы усмирить лихого домового, крестьяне просили медвежьего поводыря обвести зверя вокруг двора; чтобы водилась скотина, на конюшне вешали медвежью голову, в убеждении, что это защитит лошадей от проказ домового. Лихорадку лечили так: больного клали лицом к земле и заставляли медведя перейти через него так, чтобы зверь коснулся лапой его спины. В XVIII веке медведь помогал угадывать пол будущего ребенка у беременной женщины: она давала ему хлеб, и если он рыкнет — будет девочка, промолчит — мальчик. Для успеха в промысле охотник, убив медведя, обмывал ружье его кровью. Астраханские рыбаки не упоминали в разговоре медведя, чтобы не вызвать бурю.

Медведем рядились на Святки. У такого медведя был вожак, ряженые заходили в избы и там, где их принимали, устраивали танцы. Видеть медведя во сне — к богатству; медведь перебежит в лесу дорогу — к удаче (Афанасьев-1, 387 — 390).

Поворотные моменты солнечного года (дни зимнего солнцестояния, весеннего равноденствия) соответствовали поведению медведя в берлоге во время зимней спячки. Медведь на Спиридона-солнцеворота (12 декабря) поворачивается в берлоге на другой бок. На Благовещенье (25 марта) черногуз прилетает, медведь встает.

МЕЖЕВО́Й

МЕЖЕВО́Й Межевик, межевичок.

Хозяин полей, их границ. Старик с бородой из колосьев. Чтобы задобрить его, приносили на межу кутью из зерен первого снопа. По другим поверьям, межевички — дети полевиков (см. *Полевой*), бегают по межам и ловят птиц в пищу родителям, душат спящих на межах людей (Максимов, 79).

МЕРТВЕЦЫ́

Проводники сверхъестественной воли, как крестной, так и нечистой силы. Образ мертвеца, посещающего живых, родился из двойственного представления о местопребывании души после

смерти: с одной стороны, она живет в другом мире, в небесной выси или, душа грешника, в аду, с другой — она может посещать те места, где действительно жил покойник. Живой мертвец может даже потребовать от своих близких, чтобы они удалились из дома. Олончанин в таком случае заколачивал дверь дома, оставляя его умершему. Поверье о том, что покойник возвращается домой и живет там после смерти, в отдаленные времена было распространено в такой степени, что предки олончан по смерти хозяина оставляли ему прежнее жилище заблаговременно: не дожидаясь его прихода, они переходили на новое место. Название гроба «домовищем» во многом проистекало из желания обеспечить жильем мертвеца; порой в домовище устраивали окна или клали в гроб куски стекла. Еще в первой половине XIX века над могилой строили кирпичный теремок — голбец.

Появления покойника ждут в экстренных случаях. В причитаниях мертвецов-родителей зовут на свадьбы детей, в поминальных плачах спрашивают, когда их ждать. До сорокового дня после смерти покойник вообще живет рядом с семьей, посещая те места, где он бывал при жизни. Устраивая поминки в сороковой день, родственники «отпускают» душу, если «отпуска» не будет, мертвец будет беспокоить своими посещениями. В сороковой день покойник сутки проводит дома, к этому дню моют жилище, в большом углу стелют чистую постель, с утра готовят обед, к двенадцати часам собираются все родственники, приходит священник, отслужит литию. Рядом со священником с правой стороны — пустое место за столом, где под скатертью — тарелка, хлеб, рюмка с вином (Куликовский-1890, 50 — 56). В севернорусских плачах по умершему его душа, возвращающаяся

из загробного мира, представляется голубем, уткой, галкой, зайцем, горностаем, бабочкой. В плачах выражена твердая уверенность в таком возвращении, и покойника после похорон ходят оплакивать по всем комнатам, задавая ему вопросы, ищут во дворе: не запрягает ли он лошадь, чтобы ехать в лес. Для заонежан понятия хозяина-покойника и домового тождественны (Барсов-1872, XI — XV). Причем домовой, показывающийся двойником кого-либо из домашних, предупреждает о скорой смерти того, чей облик он принял (см. *Домовой*). Отсюда поверье в появление двойни у домашнего скота как знака смерти кого-нибудь из семейных (корова телится двойней — жди похорон в доме). Душа мертвеца может дать знать о близкой смерти родственников, залетев в дом птицей, распустившись цветком не в пору, явившись во сне или въявь перед обреченным (видеть во сне белого петуха, кота — к покойнику; если голубь, ласточка залетит в окно — «за кем-нибудь», кукушка окукует в затылок — к смерти). Дом без покойника — не дом. При переходе на новое место жительства вперед себя впускали петуха, могли заранее похоронить какую-нибудь птицу. Умрет тот, кто войдет первым: часто уставшие от жизни старики первыми переступали порог нового дома.

Конкретные, зримые, чувственные образы, связанные со смертью, выразились во множестве обрядов и предписаний, правил подготовки к последнему часу, контакта с умершим в первые три дня (когда он все видит и слышит) и после этого срока, когда общение с умершими ограничено определенными днями или периодами (например, в канун мясного заговенья перед масленицей, в Троицу, Ильин день на Русском Севере, в иных деревнях Сибири всю весну по праздникам ходили

плакать на кладбища). Появление мертвеца перед живыми вне узаконенных традицией сроков, в образе зверька, птицы или призраком, — означало приход «за кем-нибудь», покойник был послом смерти, не признающей никаких сроков (ср. духовные стихи о богатом и бедном Лазарях, об Анике-воине и Смерти).

Судьба женщины связана с браком, семьей, рождением детей, поэтому, готовясь к смерти, сохраняли венчальное платье или «подвенечный лоскуток», что-нибудь из свадебной одежды: в загробном мире покойницу ожидала земная доля жены-матери. Обыкновенно к смерти шили белую одежду (похоронишь в красном — сгорит в могиле); те, кто любил в жизни пофорсить, готовили хорошее платье, чтобы на том свете не смеялись — мол, там в хорошем проходила, а здесь — замарашкой. Умирающие иногда сами себе заранее готовили деньги, которые клали в гроб после их смерти — «подземельному хозяину», в уплату за место. Такими хозяевами были змеи (или духи, принимавшие их облик). Один старик набил подушку деньгами, его с ней похоронили. Потом разрыли могилу, но денег не могли взять: змеи обвили всю подушку — так и отступились. В могилу клали водку, предметы, связанные с профессией, ремеслом умершего мужчины.

Обряды, связанные с последними минутами жизни человека, его переходом в иной мир, должны были, с одной стороны, обеспечить покойному достойное существование в загробном царстве, с другой — обезопасить живущих от новых посягательств смерти с помощью обманов, переодеваний, очищений. Значение многих обычаев, бытующих по сей день, было забыто уже в прошлом столетии. Например, истинный смысл траурной

Смерть на белом коне. Ровинский-3, № 1346.

одежды как способа изменить внешность, предупредить нежелательные посещения мертвецом. Считалось, что когда покойников из одной семьи или вообще родственников хоронят рядом, то все время будут умирать члены этой семьи. Но несмотря на этот распространенный взгляд, мать желает лежать рядом с сыном, муж — с женой и т. д. Если дети из одной семьи умирали один вслед за другим, это означало, что последний умерший «утаскивал» за собой вновь рожденного, чтобы этого не случилось, в его могилу, как и в могилу колдуна — виновника множества людских смертей, — вбивали осиновый кол. Чтобы не было нового покойника в доме, в момент, когда человек «часует», и после похорон держали зеркала занавешенными: отраженный в них мертвец может остаться в доме.

Представление о душе умершего как о птице или зверьке породило запрет на подушки и перины или шерстяные матрасы как на последнее ложе умирающего («за каждое перо мучиться будет»): агонизирующего человека стаскивали на пол, на солому, чтобы смерть его была более легкой и быстрой. Рядом с «часующим» человеком ставили воду в стакане или чашке, чтобы, вылетая из тела, душа могла напиться (умыться). Пока умерший еще в доме, в его изголовье клали камень, затем обходили с ним вокруг гроба и ставили под образа в большой угол или выкидывали на улицу. Погребение совершали до захода солнца. При выносе покойника непременным атрибутом в Онежском крае являлся горшок с углями, на которые сыпали ладан. После насыпания могилы его оставляли там перевернутым вверх дном, отчего угли рассыпались по насыпи. Мыло после обмывания покойника бросали в реку, туда же

выливали воду. Колдуны употребляли такую воду для порчи молодых, вызывая импотенцию у мужчин, знахари лечили ею от лихорадки: вода от мертвеца оказывала одинаковое действие как на живых людей, так и на злых духов болезней. Особенное значение придавали иконам от мертвецов. Икону, которая лежала у мертвого на груди до погребения, могли оставить в церкви на шесть недель (до поминок в сороковой день), а потом взять ее домой. Она становилась как бы «ликом» покойника. Если икона старая и на ней не видно изображения, ее могли положить в гроб. Думали, что «явленные», чудотворные иконы бывают из этих — с кем-то похороненных. Стружки от гроба сжигали и смотрели, в какую сторону пойдет дым, если к дому, то умрет еще кто-нибудь.

Посещений мертвецов боялись вдовы. Поэтому, придя с похорон, вдову подводили к печи, которая обязательно должна быть пустой, спрыскивали водой, говоря: «Печка-матушка, возьми с рабы Божьей тоску и кручинушку, чтобы она не тосковала и не горевала о рабе Божьем (имярек)». К тоскующей женщине являлся *летун, огненный змей* (см.) в образе покойного супруга. Покойника называли «страхом», чтобы не допустить его до себя, надо было ночью выйти и вновь войти в избу, обхватывая себя сзади руками и говоря: «Не я тебя, страх, боюсь, ты меня бойся» — так до трех раз. Пугает, мстит живым тот покойник, который недоволен похоронами или поминками. Среди встреченных на поминках на кладбище или во время похоронной процессии людей могли быть посланцы того света. В обязательном порядке всем подавали милостыню, раздавали подарки: живые помянут добрым словом, странники, нищие, калеки, считавшиеся посредниками между земным и

загробным мирами, может быть, как-нибудь облегчат участь умершего. Говорили: «Поминки — та же милостинка».

Большое значение придавали отчитыванию покойника в течение трех дней (до погребения) специальным читальщиком — благочестивым человеком — по «отпускной книге», молитвеннику (Виноградов, 267 — 339). Этот обряд, как и служба по покойнику в церкви, отпевание, предотвращал возвращение мертвецов в мир живых людей. В сказках о мертвецах герой, очертив себя кругом, чтением псалтыри спасает себя от участи быть съеденным мертвецом, положенным в церкви для «отчитывания», иногда он даже освобождает покойницу от вселившихся в ее тело чертей (Афанасьев, Сказки-3, № 364, 366, 367 и др.). Не отчитанного мертвеца нельзя подвергнуть погребению, так как он станет причиной смерти многих других людей. В народном мнении, «до попов» покойники были активнее: когда попы еще не умели заклинать умерших, последние часто по ночам ходили к себе домой. Отворит у погоста воротца и идет прямо на двор в той же одежде, в какой его схоронили. Лошадь поймает, сядет на нее верхом и гоняет по двору целую ночь. До самых петухов слышно: «Топ-топ! Хлёст-хлёст!» А поутру вся лошадь мокрая, в пене, вся исхлестана.

Возвращаются в семью матери, умершие после родов, в течение шести недель они приходят кормить младенца грудью; матери, имевшие малолетних детей. Как только останутся они одни в полдень (а полдень — что полночь, все равно), в рабочую пору, так и придет к ним покойница: воду вскипятит, всем деткам головы перемоет, выходит их, а если дёжка стоит, то и хлебы замесит. Сколько раз — придут родственники с поля домой, а хлебы уже замешены. Дети говорят: «Мамка наша приходила». Всё расскажут, как она их мыла, холила, рубашки на них меняла. Они ее не боялись, потому что — младенцы, без греха. А старшие очень опасались вреда от покойницы, и тесто, которое она замесит, выбрасывали. То было раньше, ныне всякий попок умеет покойника заклять, когда на него землю бросает (Семенова, 233).

Бродячими мертвецами становились не «заклятые», недовольные похоронами, знавшиеся с нечистой силой колдуны и колдуньи, умершие неестественной смертью самоубийцы, убитые, опойцы и, наконец, просто тесно связанные с живыми чувством сильной любви (к детям, мужу, жене и т. д.). У одной девушки умер милый друг, она ходила на вечеринки и все по нем тосковала, с посиделок все норовит на кладбище, на могилку сходить поплакать. Стал мертвец к ней ночью приходить, она сразу повеселела. До того дело дошло, что собрала она платье, отдала тючок подруге и говорит: «Я сегодня замуж пойду». К ночи пришла девушка в прежний дом своего милого, а он лежит покойником, в саване, свечка горит, образ — она и сробела. Тут к ней самой смерть пришла. Поутру нашли ее на могиле любовника мертвой, платье ее все по крестам разбросано (Ончуков, № 289).

Живыми мертвецами могут стать самые богомольные люди, как и при жизни они будут посещать церковь, только не днем, а ночью. При определенных условиях любой мертвец, будучи растревоженным, становится людоедом, убийцей. У одной богомольной старушки умерла кумушка-подружка, а они к службе ходить были охотницы. Услышала как-то старушка ночью колокольный

звон, заходит в церковь: полна церковь покойников, все в саванах. Ее знакомая кумушка сняла саван и говорит: «Нонь мы молимся, а не вы, выйди от нас». Старушка ушла, но с той поры каждую ночь покойница стала ей являться. Старушка догадалась: к ночи стол скатертью покрыла, а под скатерть петушка положила, чтоб спел, когда мертвец придет. Пришла ночь, покойник стал пугать ее: «Я тебя съем, зачем ходишь к нам в непоказанные часы». Тут скатерть заговорила: «Меня трут, и моют, и полощут, я все терплю, а ты одного проступка не можешь перетерпеть». Петух спел, покойница и отступилась старуху пугать (Ончуков, № 285).

В трупы мертвецов влезают дьяволы, жадные до человечьей крови. На Святках в одной компании две девицы решили попугать подруг: тихонько оделись, отправились на кладбище и из общей могилы вынули двух мертвецов, завернули в рогожи и на своих косах приволокли на вечеринку да за печкой поставили, а сами как ни в чем не бывало разделись, вошли в горницу, будто выходили за ворота гадать. А на печке сидела девчоночка, видела все их проказы, испугалась мертвецов, в угол забилась, молчит. Мертвецы стали за печкой пошевеливаться. «Что ты, брат, разогреваешься, что ли?» — «Разогреваюсь, брат!» А гости на вечеринке веселятся, песни орут, пляшут — дым коромыслом. В полночь те девки, что мертвецов принесли, говорят гостям: «Спойте нашим молодцам песенку, да повеселее, плясовую!» Как заиграли песню — мертвецы сделались все огненные, словно горящие головни, языки высунули, изо рта пламя пышет, а сзади хвостами собачьими помахивают. Как им спели величальную, они из-за печки выскочили, да к гостям и давай плясать,

кривляться, ломаться, кувыркаться, людей огнем жечь, за бороды, за косы рвать. У всех ноги подкосились, кто где стоял или сидел — ничком упал, а мертвецы пляшут, только половицы летят, столы и посуда прыгают, все вдребезги, в черепки. Плясали до петухов: как петух пропел, так они сквозь землю, в тартарары, в преисподнюю провалились, земля застонала, и образовалась тут яма бездонная — урвина. Поутру пришел народ, смотрит, а гости лежат: кто без головы, кто без руки, кто без языка, кто без ноги, кто без бороды, без косы — все мертвы. Одна девчоночка, что на печке сидела, спаслась (Садовников, № 72).

К наиболее распространенным рассказам о живых мертвецах относятся всевозможные истории о ночных похождениях умерших колдунов. Пока им не вобьют в спину осиновые колья, не подрежут пятки, набив их щетиной, покойники-колдуны постоянно будут выходить из кладбищенской могилы, драться с другими мертвецами, влезать в чужие дома и прятаться под печью, есть скот и людей (см. *Колдуны*). Разрыв могилу колдуна, находят его тело нетленным, на щеках — румянец, губы — в крови. Земля не принимала тела страшных грешников, их иногда сбрасывали в рвы, сжигали, бросали в болота.

Так же поступали с телами заложных покойников: самоубийц, утопленников, удавленников, убитых. Они живут на земле мертвецами еще столько же лет, сколько прожили бы в случае естественной смерти. Заложные покойники бродят вблизи места своей гибели или могилы, они находятся в полном распоряжении нечистой силы, которая с их помощью вредит людям. Заложным устраивали общие поминки в Семик. Вместо поминок ради них делали пожертвования на коло-

Образ Страшного суда Господня и второго Христова пришествия. Ровинский-3. № 1012.

кол, чтобы колокол вызвонил прощение у Бога. Как в колокол ударят, тысячи христиан перекрестятся, а той душе, чей колокол, раз от разу все легче. Удавленников поминали два раза в год: сыпали на распутья зерна для птиц. В Пермской губернии для утонувших, сгоревших, скоропостижно умерших на поминках ставили кушанья под стол.

Нечистые духи слетаются к самоубийцам сразу же, как только они захотят привести в исполнение свой замысел. Неожиданно разыгравшаяся сильная буря — к «голове», к чьей-нибудь неестественной смерти, убийству. После смерти заложные живут вместе с чертями, под землей, в омутах, болотах, оврагах — во всех нечистых местах. Черти употребляют заложных в качестве лошадей, ездят на них, пользуясь их способностью быстро бегать. Кузнецу раз случилось попадью подковать — ночью стучатся к нему в окошко богатые люди, просят: подкуй кобылу. Пошел он в кузню, подковал ее, только успел повернуться, глядь — а тот человек уже на нее вскочил, и она уже не кобыла, а попадья, незадолго перед тем удавившаяся, а наездник — сам черт. На опившихся людях бесы возят воду, утопленники у них в кучерах, прóклятые пашут землю.

Прóклятые люди сразу по исполнении проклятья попадают к нечистым, исчезают или умирают неестественной смертью, после чего, не принятые землей, вынуждены оставаться у нежити, которая использует их по своему усмотрению. Сын матери нагрубил, она его не простила. Вскоре он умер, но земля его не приняла. Разрыли могилу, покойник сел и сказал: «Я тридцатый год лежу здесь, ни мне нет покоя, ни матери моей Бог смерти не дает за то, что меня не простила». В распоряжении дьяволов находятся не только де-

ти, про́клятые родителями, но и умершие до крещения, приспанные, задавленные матерями во сне (см. *Мавки*).

Поскольку самоубийцы постоянно возвращаются к месту своей смерти, их старались тут же и похоронить, причем место становилось от этого нечистым, бесы губили здесь других людей. Также поступали с убитыми от руки врага, разбойника, грабителя. Проезжавшие мимо путники бросали на такие могилы сучья, траву, так что за несколько лет вырастала целая груда сухих веток и соломы, которая сама по себе сгорала. Если путешественник, проезжавший мимо, ничего не бросит на будущий костер, мертвец нагонит его на огромном коне и потребует себе дани.

Утопленников хоронили близ рек (если тело нашлось). Самоубийца, в отличие от про́клятого, не может вернуться из мира мертвых, он — жертва нечистой силе, «черту баран». У девушки-невесты утонул жених. Она много плакала и пошла со своей тоской к колдунье. Та говорит: «Не горюй, я тебе помогу. Пойди в новолуние на то место, где утонул твой любимый, и разведи огонь. Сначала выйдет много водяных, а потом один — с ним и говори». Дала девушке корешок, с которым можно искать мертвецов. Девка пошла к реке, развела костер. В полночь вода зашумела, забурлила, вышли водяные, а после всех — один, просится у девки погреться. Она пустила. «Чего ты, девица, ищешь?» — спрашивает. «Ищу, — отвечает, — места, куда бы в услужение поступить». — «Пойди ко мне дом убирать». Девушка согласилась и пошла за ним, а он весь холодный, как лед, мертвецом пахнет. Привел он ее в хрустальный дворец, и стала она там жить. Когда водяные ушли, взяла девушка колдовской корешок

и стала разглядывать с ним везде, во всех комнатах, пока в одной из них не нашла своего милого. Взяла она его за руку и увела домой. Стали они венчаться. Вдруг в церковь хлынула вода, затопила жениха и унесла опять в реку (Владимирская губ.).

Мертвецы — обыкновенно злые, мстительные существа. Гораздо менее были распространены в русском фольклоре рассказы о благодарных покойниках, мертвецах, приносящих добро. В церкви стоял гроб с телом, когда вор забрался в храм и решил украсть ризу. Вдруг мертвец поднялся из гроба, взял вора за плечи и отвел от иконы. Прошло мало ли, много ли времени, он — опять к иконе. Мертвец опять встал, отвел его и снова в гроб лег. Так до трех раз. Под конец вор пошел к попу и во всем покаялся (Садовников, № 72). Мертвец одаривает бедняков на Пасху. В Христову ночь бедный мужик просил у соседей огня, но ему никто не дал. Он пошел в другое селение, зашел в дом: печка затоплена, никого нет, на столе покойник лежит. Бедняк помолился Богу и стал его будить — мол, дай огня. Мертвец встал, зачерпнул ковшом углей, подал мужику и сказал: «Придешь домой, на стол стряхни». Вытряхнул бедняк угли на стол, и сделался свет-огонь в избе от золота и серебра. Узнав, как разбогател мужик, богатые соседи тоже пошли у мертвеца огня просить. Он снова зачерпнул ковш углей и наказал высыпать посреди дома — так там вскоре пожар случился (Ончуков, № 113). Подобные рассказы существовали в параллель легендам о святых, чудесных странниках и странницах.

К сказкам о благодарных помощниках, приносящих герою удачу за какую-нибудь оказанную им услугу, примыкают рассказы о захоронении не-

Образ Страшного суда Господня и второго Христова пришествия. Ровинский-3. № 1012.

погребенных трупов или об устроении подобающей тризны, после чего мертвецы могут окончательно перебраться в иной мир, оставив земные скитания. Гнали ребята барки по реке Мсте, вошли в Волхов. Один отстал, видит — лежит на берегу покойник в хорошей одежде. Он снял с него платье и золотой крест, вместо которого надел свой. «Вот, — говорит, — мы и побратались!» С тех пор крестовый брат начал ему являться с укорами: «Грешно было тебе меня бросить. Вернись, захорони, я тебе с руки золотое кольцо дам». Пришлось исполнить просьбу побратима. На следующую ночь он явился в последний раз, поблагодарил за услугу и научил парня пойти к его матери в Новгород, попросить ее открыть тайник в подполье. Вместе с матерью покойного они достали казну, крестовый брат мертвеца богачом вернулся на родину (Перетц, 16).

Крестовыми братьями иногда становились убитый и убийца. По распространенному поверью, мертвец — убитый не отстанет от убийцы до тех пор, пока последний искренне не раскается, не поцелует свою жертву, не оставит какой-нибудь вещи ему и сам не возьмет с него что-нибудь. В случае нечаянного убийства, которые часто случались во время драк, в Орловской губернии виноватый кланялся покойнику, открывал ему глаза, просил простить, затем закрывал их и менялся с мертвым крестами. Вследствие того же поверья пробовали с помощью мертвеца найти убийцу, если он не был известен. Во время похорон внимательно следили за трупом: не выдаст ли он движением руки, лица, глаз находящегося рядом с телом убийцу.

С другой стороны, представление о жизни мертвого тела соседствовало с верой в исключи-

тельную крепость сна покойников. Отсюда — использование всевозможных предметов «от мертвецов» в знахарской лечебной практике для снятия болевых ощущений («Как у мертвеца не болит, не щемит, так и у N не болело бы и не щемило...»), в колдовской магии (веревка, на которой висел удавленник, сжигается, пепел подсыпается в питье, чтобы сделать человека мертвецки пьяным). Свечи «от покойников», даже руки трупов помогали ворам красть в чужих домах так, чтобы хозяева не проснулись, отсюда выражение «обвести мертвою рукою» — с целью погрузить спящих в еще более глубокий сон. Мертвецы казались достаточно сильными существами потустороннего мира для того, чтобы предметы, взятые от них, отпугивали других духов, порчи и лихорадки. Платки «от покойников» предохраняли от сглаза и всякой болезни; кости из могил клали во двор для предотвращения скотских падежей, коровьей смерти. Принадлежность подземному миру делала мертвецов надежными стражами сокровищ, краденого добра. Верили, что краденые вещи плачут и тем выдают вора, их старались спрятать в могиле, под гробом, даже под покойником, откуда плач их не будет слышен; при этом приговаривали: «Земля, земля, молчи, никому не скажи и никого не допусти» (Орловская губ.).

Наконец, последняя и едва ли не самая важная функция мертвецов заключалась в том, что они считались родоначальниками самых различных духов: лешие, домовые, русалки, упыри, кикиморы, мавки — все это «бывалошные люди», давно погибшие и слившиеся с окружающей природой. См. также: *Смерть, Вампир, Заложные, Русалки.*

МЕТЕ́ЛЬ

Производят черти, чтобы сбить с дороги путников. В метель они справляют свадьбы или похороны, на которые слетаются со всех сторон и кружатся в снежных вихрях вместе с ведьмами и колдунами. В метель вылетают чародеи, чтобы поплясать над трупом сбившегося с пути и замерзшего человека. Метель поднимается над мертвым телом, ее вой — заплачки нечистой силы.

Во время метели черти выносят из воды трехгранную дугу, ставят ее в снег и прыгают через нее. Эта дуга сделана из черного дерева, растущего на дне моря. Разыгравшись, бесы катают вокруг дуги колесо — вплоть до конца метели. Набольший звонит в колокольчик, чертенята тотчас берут дугу и на головах несут ее назад, в воду: это их престол, а колесо за дугой катят. Колесо сделано из огненного дерева, также растущего в воде, но достать его трудно, потому что днем оно засыхает и только ночью цветет.

В метель бесы с мертвецами-колдунами заводят путников в темные леса. Но сила их — до первых петухов, после этого они возвращаются в болото и могильные ямы. Сбившийся с пути должен остановиться и просить Бога, чтобы он прояснил голову, читать молитвы «Да воскреснет Бог» и «Отче наш» (Колчин, 18). Чтобы не заблудиться в метель, надо переодеть обувь с правой ноги на левую и обратно; навощенную нитку с завязанным на конце узлом положить поверх снега — куда покажет узел, там и спасительная дорога (Новгородская губ.). Хорошо запастись чародейским кольцом: кинуть его перед собой, сказав: «Кольцо мое, кольцо, не ударь в грязь лицом!», оно выведет на верный путь.

Молитва от нечистых духов, читается в бурю,

ветер, метель: «Да воскреснет Господь Бог твой, да расточатся враги твои на море-океане, на острове Кургане, где сам Иисус Христос крестился, на небеса возносился, ангелы Божии ризами укрывали от темной ночи, от грозной тучи, от бури-ветра, от врага-супостата, от зла человека — ненавистника и от напраслинных слов. Чур наше место! Чур наше место! Чур наше место!»

МЕЧТА́

Привидение, летающее к тоскующим по покойнику в образе умершего. См. *Змеи, Огненный змей, Летун*.

МОКУ́ША

Ночной дух, ходит по ночам прясть шерсть и стричь овец. Если у овец сильно вылезает шерсть, говорят: «Мокуша остригла». Ее не видят, но по ночам слышат урчанье веретена, когда она работает. Выходя из дома, щелкает веретеном о брусок, о полати. Если она недовольна хозяйкой, то остригает у нее немного волос. Ее имя восходит к языческому божеству Мокоше, упоминаемой в Киевской летописи и, возможно, почитаемой еще в московское время, так как в Номоканунце XVI века среди вопросов духовного отца к кающейся есть такой: «Не ходила ли еси к Мокоше?» (Барсов-1894, 185).

МОР

Моровое поветрие. Дух эпидемии, болезни, скотского падежа (см. *Коровья Смерть*). Причиной массовых заболеваний считали нечистое существо, которое нужно изгнать или не пустить в пределы своей обжитой территории. Например, для излечения от сибирской язвы делали человеческое чучело и выбрасывали через окно, относя на кладбище (Новгородская губ.). Если поселение находилось среди леса, то моровых поветрий боялись меньше: лес (леший) праведен, холеру не пустит. Чтобы скотский падеж не пришел из соседней деревни, на дороге ставили ворота из палок, наподобие триумфальной арки, обкладывали дерном, на верхней перекладине вешали икону Ильи Пророка или Георгия Победоносца. Сквозь такие ворота мор не пройдет (Вологодская губ.). Имитацией невидимой преграды на пути у морового поветрия была магическая черта, которой обводилось село во время опахивания. Вдовые бабы и девки (вековуши) в полночь собирались за селом, вооруженные топорами и мотыгами. Вдова-дочь впрягалась в соху, а вдова-мать пахала, остальные шли вслед за ними в рубахах, с распущенными волосами и секли землю на перекрестках, скакали вокруг сохи верхом на палках, помелах, кочергах, ударяя в заслоны и сковороды, с завыванием выкрикивали заклинательные песни (реже — исполняли молитвы). Во всех домах села должны быть погашены огни, никто не выходил из дома, так как, признавая болезнь за оборотня, любое встреченное живое существо казалось духом морового поветрия, за ним гнались, животное забивали насмерть, человека жестоко избивали. Если ничего живого не встретится, гонялись даже за птицами. Проводя борозду вокруг села, след заметали мотыгами: злой дух борозды не переступит. По окончании опахивания в землю живьем зарывали черную кошку, черного щенка или черного петуха. В Калужской губернии опахивание было постоянным обычаем: 29 июня в день святых Петра и Павла запрягали в соху вдову и с песнями опахивали село или деревню в предотвращение возможной

13 Заказ 1077

порчи. Иногда проведенная борозда рассматривалась как действо, предшествующее посадке живой изгороди — тына, который моровое поветрие не сможет преодолеть. Накануне опахивания женщины и девушки собирали семена зернового хлеба со всех домов села. Девица, идущая позади процессии, рассевала их по борозде, проложенной сохою. У каждых полевых ворот опахивающие останавливались и спрашивали одна другую: «Что ты пашешь?» — «Я пашу борозду и хочу ставить тын высотою от земли и до неба», — отвечала вторая. «Так эту загороду запри ключами золотыми и положи их под алтарь, чтобы оных там никому не находить и никогда оными не отпирать» — после этих слов женщины и девушки бегут, ударяя палками по земле, будто прогоняя кого и повторяя: «Вчера приди!»

Павшую скотину зарывали в яму именно в том месте, где она пала, вместе с живыми кошкой и собакой, в уверенности, что с ними зароют и дух болезни (Зеленин-1915, 795 — 796; Зеленин-1914, 252, 254; Ушаков, 175).

МОРО́З

Высокий худой старик с длинной седой бородой. От его дыхания воздух становится холодным. Куда ступит ногой, где тряхнет бородой — там начнется лютая стужа. Что деревянные строения в стужу трещат или деревья — так это мороз играет и похлопывает кнутом по стенам домов и деревьям. Замечали: там, где был сильный мороз, летом грозы сильнее, урожай лучше (Колчин, 18). Мороз всегда приходит с северной стороны. На концах земли — северном и южном — живут два древних старца. Они дуют по очереди, производя ветер на земле. Северный ветер готовит путь старику-Морозу: замораживает реки, озера, болота. Когда дорога достаточно окрепнет, старик с севера идет по ней, постукивая дубинкой, пока не дойдет до владений Южного старика. Тот посылает своего слугу — теплый ветер — гнать непрошеного гостя вон, до границ владений Северного старика. Поединок севера с югом, мороза с теплом — нескончаем, он повторяется каждый год. С этим верованием связан обычай белозеров справлять Новый год следующим образом: наряжают двух человек, одного в стариковскую одежду, другого — в новую, хорошую. Это старый и новый год. Старого везут на дровнях на край деревни вверх против течения реки, молодого — вниз по течению. Остальные провожают старый год, кто хвалит его, кто ругает, и встречают новый, кидая в воздух шапки, прося принести счастье и богатство (Новгородская губ.).

Накануне Рождества и на Велик день хозяева брали ложку кутьи или киселя, выходили на порог сеней или влезали на печь и, просунув голову в волоковое окно, говорили: «Мороз, Мороз! Приходи кисель есть! Мороз, Мороз, не бей наш овес, лен да конопли в землю вколоти!»

В сказочных сюжетах Мороз либо испытывает людей на выносливость, замораживая барина в шубе, которому не под силу справиться с мужиком (бурлаком), согревающемуся работой; либо одаривает изгнанную из дома падчерицу, бедную девушку, наказывая избалованную белоручку.

МОРО́КА См. *Бес, Блазна, Колдуны.*

Мнимое оборотничество, мираж, видение, вызванное волей колдуна или колдуньи с помощью нечистой силы. Морочить кого-либо — заставлять видеть то, чего нет на самом деле. Например,

ведьмы и чародеи, которым было назначено наказание плетьми, устраивали так, что плеть била по земле или по дереву, а всем казалось, что по голой спине.

Многочисленны сказки и побывальщины о мороке — чарах, которые наводит как на простых людей, так и на генералов и царей колдун-солдат, матрос или бурлак. Попросится ночевать и ради шутки убедит хозяина, что они — вовсе не люди, а медведи, обросли шерстью и должны бежать в лес, спасаться от охотников. Обмороченный крестьянин приходит в себя только после того, как упадет сонный с полатей.

Морока, чары дают возможность есть и пить везде и все что угодно, расплачиваясь за настоящую еду кружка́ми моркови или сором. Попав во дворец, колдун избегает расправы за плутни, мороча царя наводнениями, морскими путешествиями, заставляя его пасти скот, — все эти видения занимают весьма короткое время, но обмороченному кажется, что прошли годы (Афанасьев, Сказки-3, № 375 — 377).

Мороку, как и любой другой чародейский дар, получают от дьявола в обмен на душу, расплата приурочивается к смертному часу.

МОХОВИ́К

Дух мшистых болот, является людям в образе свиньи или барана. Питается растениями. Иногда заедает детей. Самый маленький из лесных духов, сравнительно с боровиком, лешим. Подчиняется лесному царю, делает то же, что все лесовые, — заводит в глубь своих владений, чтобы там погубить человека. Средства спасения от моховиков те же, что и от *леших* (см.).

НАЛЁТ *Мечта, огненный змей*, враг, *черт*.

Летает по ночам к людям, тоскующим по покойникам, чтобы извести их. Мечта или налёт могут быть видимы только для тех, кого они посещают, остальные замечают лишь сияние. Сделать налёта видимым способны колдуны. Для этого колдун берется рукой за пятку и держит ее «со словом», с заговором. Летящая мечта, налёт или дьявол тогда остановится, завертится, закружится, пока не растянется и не предстанет человеком. Бросит колдун пятку — налёт снова окажется невидимкой или рассыплется. Чтобы налёт не пугал спящего, его обкладывали крестиками из липы, ставили такие крестики на окнах, дверях, в заслоне, в трубе. Некоторым колдунам удается до-

говориться с покойником, чтобы он перестал беспокоить живых. Например, при появлении налёта колдун его увещевает: «Куда ты идешь? Мертвые к живым не ходят! Аминь! Мое место свято!» Другие спасаются тем, что кладут на *ночь* под голову списанную «Куприянову молитву» (Завойко, 99). Курят в доме ладаном, корнем плакуна.

НАМНО́Й
Ночной дух, приходит к человеку во время сна, давит спящего до синяков. Если эти синяки будут болеть — к худу, если они нечувствительны — все пройдет благополучно. Сходное поверье существует о *домовом* (см.) (Костоловский, 138).

НЕХОРО́ШИЙ Носак, *летун, огненный змей, василиск.*

Летает по воздуху и через печные трубы проникает в дом. Похож на огненный веник. Выводится из петушиного яйца, которое петух сносит раз в три года. Если сразу не заметишь — петух растопчет. Кто это яйцо сохранит, тому нехороший будет носить деньги и масло, беря их там, где они оставлены не благословенно (Богатырев, 46 — 47).

НЕЧИ́СТАЯ СИ́ЛА

1

Так называли демонов разного рода, особенно часто пользовались этим обобщенным наименованием, когда боялись назвать точнее злого духа из опасения вреда с его стороны или когда не знали наверняка, с кем именно из сверхъестественных существ довелось встретиться. «Нечистиков» великое множество, и также бесчисленны их имена. Вот некоторые из них: агорянин (огарянин), анчутка, банник, бес, блазнитель, вельзевул, водяной, ворог, враг, вражья сила, гуменник, дворовой, домовой, дьявол, игрец, идол, кикимора, кромешный, левый, лембой, лесовик, леший, летучий, лихой, лукавый, мара, морока, недобрик, недобрый, недруг, неистовый, неключимая сила, некошный, *неладный, нелегкая сила, нелегкий,* немытый, не-наш, несветик, нехороший, нечестивый, огненный змей, окаянка, окаяшка, он, пара, полевик, пралик (пралич), родимец, русалка, сатана, супостат, супротивник, тот, хозяин, хохлик, черная сила, черт, шайтан, шехматик, шиликун, шиш, шишига, шишимора, шут, шутошка, яшка.

Во многих народных легендах происхождение нечистой силы относится ко временам сотворения мира. «По досюльному окиян-морю плавало два гоголя: один бел гоголь, а другой черен гоголь. И тыми двумя гоголями плавали сам Господь Вседержатель и Сатана. По Божию повелению, по Богородицыну благословению, Сатана выздынул со дна моря горсть земли. Из той горсти Господь-то сотворил ровные места и путистые поля, а Сатана наделал непроходимых пропастей, ущельев и высоких гор. И ударил Господь молотком в ка-

мень — и создал силы небесные, ударил Сатана в камень молотком — и создал свое воинство. И пошла между воинствами великая война: поначалу одолевала было рать Сатаны, но под конец взяла верх сила небесная. И сверзил Михаил Архангел с небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю в разные места: которые пали в леса — стали лесовиками, которые в воду — водяниками, которые в дом — домовиками; иные упали в бани и сделались баенниками, иные во дворах — дворовиками, а иные в ригах — ригачниками» (Рыбников-3, 181).

Увидеть нечистиков дано не всякому; тот, кому явится черт в своем истинном виде, может умереть или сойти с ума. Один барин заказал крепостному живописцу нарисовать беса. Стал художник молить Бога, чтобы помог ему изобразить злого духа, которого он никогда не видел и не мог представить. Вдруг слышит голос: «Раб, встань, пойди в баню, там увидишь черта и портрет с него нарисуешь». Встал художник и пошел в баню, взял бумагу, сел за стол, ждет. Тут в предбаннике стук, вой поднялся, он так и обмер, но кто-то крикнул ему: «Раб Божий, не убойся», и из-за двери выставилась рука по самое плечо, толстая, мохнатая. Живописец дрожит, а рисует. Затем нога из-за двери показалась, он и ее срисовал. «Раб Божий, не умри!» — и вся дьявольская рожа выставилась. Так он все нарисовал, пошел вон из бани, а голос вслед: «Раб Божий, не смотри на картину, сверни ее и отнеси барину, а сам прочь уходи, не то плохо будет». Пришел художник, отдал заказ хозяину, сам поскорей за дверь. Настало время обеда — барина нет. Ждали, ждали, пошли за ним и видят: он мертв лежит, а перед ним картина (Смирнов-1, № 133).

Встретиться с нечистой силой легче всего на перекрестках и росстанях дорог. На перекрестках было принято креститься, нельзя было ругаться, чтобы не приключилась нежданная беда, с перекрестков не подбирали никакой вещи, так как вместе с предметом новому владельцу передавалась злая судьба или болезнь. На перекрестке бросали рубахи с больных: кто подберет, тот и возьмет вместе с нею злую лихорадку; колдуны, мучимые бесами, могли оставить здесь какую-нибудь вещь с заключенными в ней дьяволами. На перекрестках встречались с нечистой силой и по своей надобности: в определенные периоды года, например на Святки, здесь призывали нечистых для гаданий о будущем (предварительно очертив себя кругом и зачуравшись).

Мечтавшие разбогатеть приходили на перекрестки за неразменным или «фармазонским» рублем: нужно было взять с собой черного кота и не оглядываясь идти в полночь к перекрестку. Нечистые купят кота за большие деньги или за неразменный рубль, секрет которого заключается в том, что, если с него получить хотя бы копейку сдачи, он вновь превратится в целый рубль. Взяв его, нужно быстро возвращаться домой, не оглядываясь, что бы ни послышалось за спиной.

В дороге нечистый может пришатнуться к любому, кто о нем подумает. Один солдат отслужил двадцать пять лет и выслужил двадцать пять палочных ударов. Идет по дороге и думает: «Чтобы меня теперь нехороший позвал, так я и то бы пошел». Вдруг — нехороший навстречу: «Вставай на ногу!» Солдат встал и очутился в богатых хоромах черта, где по углам заперты проклятые родителями дети. Сбежал солдат из нечистого дома, вышел к морю, подобрал камешек, ударил камеш-

ком о камешек — выскочил злой дух, Антошка на одной ножке (Антошка — от «антий», антихрист), верно служил солдату, пока не сгинул куда-то. Женился солдат на дочери морского царя и получил в подарок трость, а в трости — нехороший Филипко, надежный защитник от врагов, царей и генералов (Смирнов-1, № 36). В сказках отразилась вера в возможность получения помощи от нечистой силы, когда больше ее ждать не от кого.

Демоны обитают повсюду: в домах хозяйничают домовые и кикиморы, игоши и жихори; в лесах пугают лешие, русалки и водяные топят в воде, черти и болотяники затаскивают в непроходимые топи, в горах и по лесам бродят клады-оборотни, подземные змеи пожирают трупы и сторожат золото; в аду, под землей, в тартарары, — царство Сатаны, князя тьмы, с огненными реками и кипящими котлами, где преданы вечной муке грешные души; полевики и полудницы заманивают в поля детей; в овинах гуменники сдирают кожу с неосторожных ночлежников; в банях со свистом парятся банники и кидают в людей раскаленные камни; с колоколен при третьем ударе падают колокольные мертвецы; в воздухе метеорами летают огненные змеи, без труда проникая сквозь трубы в те дома, где тоскуют по мужьям безутешные вдовушки; вокруг сел и деревень сотнями бродят лихорадки-кумохи, криксы и плаксы (детские бессонницы, переполохи), овечьи и коровьи смерти, не говоря уже о том, что у каждого человека на левом плече сидит дьявол-соблазнитель, подталкивающий к опрометчивым поступкам.

2

Власть нечистой силы несколько ограничивается временем: днем, когда на небе сияет солнце — Божье око, Божий меч, — злые духи меньше тревожат людей, чем ночью, при свете луны, в пятнах которой можно различить картину убийства Каином Авеля. Не любят нечистики больших праздников, таких, как Крещение, Рождество Христово, Светлое Воскресение Христово. Многие верования и обычаи, связанные с нечистой силой, были прикреплены к определенному периоду года. Существовал своеобразный календарь — *демонологический месяцеслов*, — согласно которому разного рода злые духи особенно активны в известные месяцы и дни года.

Черти, водяные и лешие куда-то прячутся на зиму: в Святки гадающим приходилось вызывать дьявольскую силу для того, чтобы узнать от бесов, что готовит грядущий год. При этом соблюдали многочисленные предосторожности, очерчивали себя кругом, не выходя из него раньше, чем закончится гадание; всегда держали в уме необходимые молитвы (например, «Да воскреснет Бог»), имели талисманы (например, траву адамова голова, как называли тропическую мандрагору, и черный осот или шишкарник, плакун-траву, собранную с корнем в Иванову ночь, от которой плачут ведьмы и бесы).

По другим поверьям, нечистая сила, напротив, с ноября, когда зима встает на ноги, выходит из ада и своим появлением производит холода, вьюги и метели. В метель бесы устраивают похороны, на которые приглашают колдунов и ведьм, вой метели — их похоронные заплачки. По иным рассказам, в метельных вихрях можно увидеть бесовские

свадьбы или игры с трехгранной дугой из черного дерева. Дугу эту черти выносят со дна моря, ставят ее в снег и прыгают через нее, катают вокруг нее колесо, вплоть до конца метели. Когда устают, старший черт звонит в колокольчик, и чертенята тотчас уносят дугу на головах обратно в море: это их престол. За дугой колесо катят, оно сделано из огненного дерева, которое тоже растет на морском дне, но достать его трудно, днем оно засыхает, а ночью расцветает. Сила колдунов и бесов в метель — до крика первых петухов. Кто попадет ночью в метель и пожелает избавиться от наваждения раньше, снимает с себя верхнюю одежду, встряхивает ее, переобувает сапоги: левый — на правую ногу, а правый — на левую, перевязывает пояс узлом на левый бок (левая сторона — область, где обитает нечистый, дьявол, который боится сапога с правой стороны, где находится ангел-хранитель человека, и терпеть не может завязанных поясов). Можно выйти из метели, прибегнув не к крестной, а к чародейской силе, но для этого нужно запастись чародейским кольцом. Стоит вынуть его из кармана и сказать: «Кольцо мое, кольцо, не ударь в грязь лицом!», потом потереть его о правую полу одежды и бросить перед собой. Кольцо покатится на верную дорогу.

В разгар зимы наступают трескучие морозы, умножаются простудные болезни, падежи скота — во всем этом ощущались происки нечистой силы; вот почему накануне Крещения на окнах и дверях появлялись выжженные огнем или начерченные мелом кресты — нечистая сила не посмеет войти в дом сквозь дверные или оконные проемы, отмеченные этим святым знаком. Накануне Рождества и в Велик день в каждой семье старик

Святочные гадания. Иллюстрация-2, № 1.

брал ложку киселя или кутьи, выходил на порог сеней или влезал на печь и, просунув голову в волоковое окно, говорил: «Мороз, Мороз! Приходи кисель есть! Мороз, Мороз, не бей наш овес, лен да конопли в землю вколоти» Иногда, трижды повторив призыв на угощение и подождав немного, прибавлял: «Не идешь? Не иди ж ни на жито, ни на пшеницу, ни на всяку пашницу!» (Афанасьев-1, 108, 318). Бабушки-повитухи ходили по домам смывать лихоманок, которые в морозы искали пристанища по теплым избам. Тощие, слепые, безрукие уроды-лихоманки, смирные и голодные, на Святки пробирались в дома и у притолок караулили себе жертв. По приглашению хозяев, боявшихся этих злых духов, бабушки-повитухи являлись во двор, запасшись четверговой солью, золой из семи печей, земляным углем, выкопанным на Иванов день (24 июня) из-под чернобыльника. Старшая в доме женщина встречала бабушку рано на заре с хлебом-солью. Не входя в избу, бабушка начинала обмывать своим снадобьем притолоки, а затем вытирала чистым полотенцем. После этого посещения хозяева считали себя в безопасности от недугов — лихоманок.

В ночь с 25 на 26 декабря начинаются шабаши ведьм, которые, в содружестве со всякой нечистью, скрадывают с неба месяц и звезды, летят на Лысую гору, что близ Киева, для многодневных оргий. Возвращаются ведьмы не раньше 3 января и задаивают коров, отчего у них пропадает молоко. Во избежание такой беды крестьяне с 3 января привязывали свечку над воротами дома (Сахаров, 326, 230).

Зимними ночами летает к вдовам и девицам огненный змей — нечистая сила, губящая женщин любовью. Змей влетает в трубу и оборачивается внутри дома прекрасным юношей. Ни отчитать, ни отговорить, ни отпоить жертву дьявола-змея колдуны и знахари не берутся; но, по поверьям, 5 января, в крещенский вечер, можно отвадить от дома непрошеного гостя: нужно насыпать на загнетку, в устье печи, снегу, собранного в крещенский вечер.

Трубы — обычный путь проникновения ведьм в дома. В день Афанасия Ломоноса (18 января) знахари и колдуны заговаривают трубы от нечистой силы: забивают клинья под князек, сыплют по загнетке золу, собранную из семи печей, заговаривают западное изгородье двора (ведьмы возвращаются с Лысой горы с запада и облетают заговоренную изгородь). 28 января в Тульской губернии домовой бесится, все болезни и несчастья, которые начинаются с этого дня, происходят от злобы домового духа, поэтому в ночь на 28 января после ужина на загнетке печи оставляли для него гостинец — горшок каши, обложенный углями. В полночь домовой выходит из-под печи и ужинает. Довольный угощением, он весь год будет добр и услужлив. Если обычное средство не помогало, приглашали колдуна, который в полночь этого дня резал петуха, выпускал его кровь на веник-голик и этим веником с нашептыванием разных заговоров выметал все углы в избе и во дворе. Все это совершалось до пения первых петухов.

Февраль был месяцем свадеб, и все усилия нечистой силы были сосредоточены на том, чтобы повредить молодым, испортить жениха и невесту. Проводниками нечистой силы были на свадьбах злые люди, колдуны и колдуньи. Поэтому очень большая роль в свадебной церемонии принадлежала специально приглашенным оберегателям жениха и невестой — колдунам (иначе: сторожам,

кле́тникам, ведунам, вражны́м, опасны́м, главным, вежливым), часто обязанности колдуна выполнял дружка, который хорошо знал разные приемы борьбы с колдовством и свадебные обереги. Колдунов приглашали на свадьбы в качестве почетных гостей, еще в дверях дома колдуна встречал сам хозяин со стаканчиком водки. Вторую чарку подносит колдун и начинает искать порчу, т. е. те предметы, через которые враждебный колдун решил испортить молодых, в этих предметах заключена неистовая сила, бесы, духи болезней. Сначала колдун берет из рук хозяйки хлеб и соль, разламывает хлеб на кусочки, круто посыпает солью и разбрасывает по сторонам. Плюнув три раза на восток, он входит в избу, осматривает все углы, дует в них и плюет, в один угол сыплет рожь, в другой — траву (наговоренную), в два остальные — золу. Рожь, золу — от порчи, траву — для здоровья молодых. Колдун пристально оглядывает пол — не насыпано ли где-нибудь зелья, порошка; заглядывает в печь — не кинуты ли на загнетку вместе с углями дурманящие травы. Затем колдун выходит на двор и трижды обходит лошадей, предназначенных для поездки к венчанию, заглядывает под хомут — не подложен ли репейник или колючки, в избе обсыпает молодых рожью и заставляет пройти через разостланный на полу мехом вверх черный полушубок, чем окончательно снимает порчу. Колдун провожает свадебный поезд до церкви и на каждом перекрестке, под каждыми воротами шепчет заклинания. Дорога — самое опасное время свадебного обряда. Именно на пути в церковь или из дома невесты в дом жениха лихие люди оборачивали целые свадебные поезда волками; в пути происходили поединки колдунов; рассказывали, например, как

один неприглашенный колдун отомстил приглашенному на свадьбу сопернику тем, что с помощью нечистой силы наколдовал ему огромные рога. В дорогу для защиты от нечистой силы брали лук, чеснок, янтарь, ладан и крест, который нашивали на головной платок невесте; в чулки с наговором клали монету, в подол платья втыкали иголки без ушек, в обувь насыпали льняное семя. Все эти предметы составляли заботу свахи; колдун брал с собою в дорогу гороховый стручок о девяти горошинах (Максимов, 117 — 118).

С 5 февраля, в поверьях Нижегородской губернии, по селам пробегает Коровья Смерть. Она являлась людям в виде отвратительной старухи с граблями в руках. Коровью Смерть обычно завозят мужики, возвращающиеся в селения с торгов, из других сел и городов. Увидят на дороге старую женщину, подвезут немного, потом оглянутся — а на санях никого нет. Вскоре эта гостья перемориt всех коров в той деревне, вблизи которой мужик подвез нечистого духа. В предотвращение этой напасти хозяева развешивали в хлевах лапти, обмоченные в деготь, тем отгоняя Коровью Смерть. В этот же день в виде птиц из ада вылетали нечистые духи и заглядывали в печные трубы. Они поселялись в тех домах, где трубы не были закрыты от них — т. е. окурены чертополохом, даже замазаны глиной. В ночь с 5 на 6 февраля старались ночью не спать.

С конца февраля принимали меры предосторожности против кумохи-лихорадки; говорили: «Кто спит под вечер в феврале, тот наспит кумаху» (от слова «кума», крестная мать) или: «С Тарасия (25 февраля) не спят днем: кумоха нападет». Кумаха выходит из дремучего леса вместе с двенадцатью сестрами-лихоманками. Старшая из

них посылает сестер знобить, трясти, мучить жаром, желтухой, опухолями людей. Чтобы избавить от кумохи больного, его выносили на то место, где, по предположению, в него вселилась лихорадка. Больной сыпал вкруг себя ячневую крупу и, кланяясь на все стороны, говорил: «Прости, сторона, мать-сыра земля! Вот тебе крупиц на кашу, вот и тебе, кумаха!» Такое прощание с кумахой устраивали 25 февраля; в Тульской губернии считали, что в этот день домовой стережет кумаху и она не нападает на жильцов.

Боялись наступления дня Касьяна немилостивого — 29 февраля. Поскольку этот день случается только в високосный, тяжелый для людей и скота год, раз в четыре года, Касьяна считали опальным, перешедшим на сторону дьявола, светлым ангелом. За что Бог и наказал его редким праздником. Соглашение Касьяна с нечистой силой было временным, вскоре он раскаялся и стал умолять Бога о прощении. Господь из осторожности приставил к Касьяну ангела-хранителя и приказал заковать Касьяна в цепи, три года бить в лоб тяжелым молотком, а на четвертый отпускать на землю. В Пензенской губернии Касьяна не считали святым, а его имя было позорным. Повсюду не любили Касьяна: «Касьян на что взглянет — все вянет» (т. е. скотина околеет, лес гибнет, к человеку придет беда). Касьяна считали одноглазым, косоглазым, от его «глаза» не отчитают ни попы, ни бабки-знахарки не отшепчут. До восхода солнца в этот день жилищ не покидали, а в Орловской и Рязанской губерниях старались даже проспать самое опасное время 29 февраля — до обеда. Согласно вологодской легенде, Касьяну подчинены духи ветров, которых он держит за двенадцатью замками на двенадцати цепях. В его

власти спустить этих демонов и наслать на людей и скот моровые поветрия.

В продолжение великого поста — семи недель, наступающих вслед за масленицей, которая, в свою очередь, исчислялась от Пасхи (т. е. первого воскресенья, которое следовало за полнолунием первого весеннего равноденствия, наступавшего не ранее 19 марта) и предшествовала великому посту («Отошла коту Масленая, наступил Великий пост», «После Масленицы — Великий пост, а за Страстною — Пасха»), — говели настолько строго, что в избах стон стоял от ребячьего крика, поскольку грудных детей матери боялись кормить своим молоком — скоромное! — давая им постную пищу. Строгий пост, который нарушали лишь «господа» да «нехристи», считался залогом от разных пакостей нечистой силы. Оскоромившегося, увлекшегося мирскими песнями (а не чтением священных книг или духовными стихами), играми, уступившего соблазну выпить или покурить, считали легкой добычей дьявола; все, что ни приключится худого в этом году, произошло именно из-за несоблюдения поста, особенно великого, перед Пасхой. Всего охотнее говели на первой, четвертой и последней, страстной, неделе. В субботу шестой, перед страстной, недели поста заламывали ветки верб, в вербное воскресенье во время утренней службы, молились с освященной вербой и, придя домой, глотали ее почки, чтобы предохранить себя от всяких болезней и хворей, детей легонько стегали вербой для здоровья, приговаривая: «Не я бью, верба бьет, верба хлест, бьет до слез»; освященную вербу берегли до первого выгона скота в поле (23 апреля) и выгоняли скот именно этой вербой, которую затем спускали на воду или втыкали под крышу дома, чтобы ско-

тина непременно возвращалась домой, а не блуждала бы по лесу по прихоти лесного хозяина, лешего. В Тамбовской губернии считали даже, что освященная верба помогает не только от духов разных болезней и обманов лешего, но и, брошенная против ветра, прогоняет бурю, а брошенная в пламя — тушит огонь, воткнутая в поле — сберегает посевы от происков злых колдуний, устраивающих заломы и прожины с целью отнять урожайность злаков.

Нет более удобного дня в году, чтобы встретиться с нечистой силой и узнать у нее необходимые тайны, чем четверг на последней, страстной неделе великого поста. Вологжане советовали для встречи с лешим ночью прийти в лес, снять с себя нагрудный крест, закопать его в землю и проговорить: «Владыко лесной, есть у меня до тебя просьба». После появления лешего изложить желание. Белозерцы советовали вызывать лешего по-иному: сидя на старой березе, три раза громко крикнуть: «Царь лесной, всем зверям батько, явись сюда!» При появлении лешего — спросить то, что нужно, он откроет все тайны. В этот день у ведьм и колдунов бывают важные свидания с нечистой силой. Чтобы не стать их случайной или намеченной жертвой, дома и дворы очищали сором из муравьиной кучи или вереском, можжевельником. За всем этим отправлялись в лес до восхода солнца. В лес входили с молитвой: «Царь лесной и царица лесная, дайте мне на доброе здоровье, на плод и род» (выходили из дому не умывшись, не помолившись и скрытно от посторонних взглядов). Вернувшись из лесу, принесенное разбрасывали по двору и хлевам; вереск еще до восхода солнца зажигали на сковороде или на железном листе посреди избы, на полу. Для здоровья прыгали через этот огонь все домашние. Такой обряд спасал от дьявольщины в течение всего года.

Если вышеописанные обычаи восходят к дохристианской магической практике, то повсеместно распространенная традиция заготавливать в страстной четверг соль, также для защиты от нечистой силы и как лекарство от всевозможных болезней, восходит к христианскому мотиву, напоминая об Иуде, обмочившем руку в солиле на тайной вечере в знак своего будущего предательства. В каждом доме как бы очищали соль, оскверненную прикосновением нечестивца, ее пережигали в печи. Пережженную, серовато-черного цвета, соль перемешивали с квасной гущей, клали в старый лапоть и бросали в огонь. Затем толкли и просеивали. Этой солью солили первые, освященные после святой заутрени, пасхальные яйца. Прошлогоднюю четверговую соль, если таковая оставалась, разводили в воде, полученной из растопленного снега, и давали пить животным, чтобы они не могли быть испорчены колдунами.

В субботу на последней, седьмой неделе великого поста во многих селениях Тульской губернии заклинали мороз — злого духа, губившего посевы льна, конопли, овса. Зимой морозы бегали по полям, дуя в кулак, отчего и происходили вьюги и метели; пятками морозы сдавливают жито снегом, отчего раздается треск. Заклиная мороз на Велик день, хозяин должен был, взяв ложку овсяного киселя, влезть с ним на печь, просунуть голову в волоковое окно и проговорить:

Мороз, мороз! Приходи кисель есть!
Мороз, мороз, не бей наш овес,
Лен да конопли в землю вколоти.

После заклятия хозяйка окачивала его водой, в уверенности, что проклятие дорогим ее сердцу льну и конопле не дойдет тогда до ушей мороза.

Самым большим христианским праздником в году была Пасха. Но, помимо чисто православной обрядности, вокруг Пасхи сложилось множество примет, обычаев, верований языческих, как и вокруг любого крупного годового праздника; в их основе лежит глубокая убежденность в том, что во всю святую седьмицу мир празднует победу светлых сил над темными, злыми демонами. В пасхальную ночь все черти злятся, стремясь во что бы то ни стало успеть до пасхальной заутрени нанести какой-нибудь вред людям. Поэтому редко кто отваживался с заходом солнца выходить на двор или улицу, в каждой кошке, собаке, свинье чудился оборотень, черт, прикинувшийся животным. Как только ударит к заутрене первый колокол, бесы сыплются с колокольни, как груши с дерева, а лишь только отойдет заутреня, все они оказываются пойманными, связанными, запертыми: кто на колокольне, кто во дворе в углу, кто на чердаке. Услышать мучения нечистой силы может каждый, кто приложится ухом к церковной стене: в пасхальное воскресенье чертей замуровывают в церковные стены, откуда слышится их гул и возня. Если с пасхальной свечой подняться на чердак, то при ее свете можно даже увидеть прикованную по углам нечистую силу, которая в это время не сможет причинить любопытному никакого вреда. Для любителей поглумиться над чертями есть способ отомстить им за злые проказы над людьми. Стоит выйти с пасхальным яйцом на

перекресток дорог и покатить яйцо вдоль дороги, как черти вынуждены будут выскочить из укрытия и проплясать трепака, хотя в этот день им вовсе не до плясок.

Не только нечистую силу, но и ведьм и колдунов легко распознать в Пасху. Например, если с заговенным творогом встать у церковных дверей и держаться за дверную скобу, пропуская входящих, то можно пересчитать всех ведьм по хвостам, которые будут отлично видны стоящему у дверей. Во время пасхальной заутрени достаточно обернуться и поглядеть на народ: все колдуны будут стоять спиной к алтарю. Ведьмы и колдуны истово молятся в Пасху, стремятся встать в первые ряды молящихся, торопятся зажечь свечи, но они у них либо с трудом зажигаются, либо скоро гаснут.

В пасхальную ночь можно повидаться с мертвецами: либо в церкви, либо на кладбище. Когда богомольцы уйдут из церкви во время крестного хода, нужно спрятаться в храме со страстной свечой так, чтобы никто не заметил. Души умерших соберутся в церкви и будут христосоваться между собой, тогда можно увидеть усопших родственников, но разговаривать с ними нельзя. Тем, кто хочет похристосоваться с мертвецами на кладбище, нельзя ничего есть после причастия в великий четверг, на пятницу и субботу нужно дать обет молчания и оба эти дня провести в молитве. После пасхальной заутрени прийти на кладбище, помолиться Богу, сотворить три земных поклона, лечь на землю и прокричать: «Христос воскресе, покойнички!» Мертвецы откликнутся: «Воистину воскресе», после этого можно подойти к

любой могиле с вопросом, мертвец даст правдивый ответ.

Большое значение придавали пасхальным кушаньям, освященным церковной молитвой: куличам, освященным в церкви священником и причтом, любой еде, освященной во время хождения духовенства с «богоносцами» (мужчинами, вызвавшимися носить иконы) по домам крестьян на протяжении всей святой седьмицы, пасхальной недели. Кости от пасхального стола зарывали в землю на пашнях для предохранения от града, их также бросали в огонь во время грозы, очевидно, чтобы выгнать из печи нечистого духа и тем предотвратить удары молнии — громовой стрелы Ильи Пророка, сражающегося с чертями. Во время пасхальных молебнов, домохозяева, приглашая в дом батюшку, просили его окропить ведра с зернами, предназначенными для посева, что также предохраняло их от порчи и обеспечивало хороший урожай. Всю освященную пищу прятали таким образом, чтоб она ни в коем случае не могла попасть на съедение мышам: наевшись пасхальных крошек, обычные мыши (в образе которых видели дьяволов) становились летучими мышами, обретали крылья.

На Герасима-грачевника (4 марта) изгоняли из домов кикимор, напущенных злыми людьми или плотниками во время строительства дома, в это время эти домашние демоны становятся смирными и беспомощными, поэтому приглашенный в дом знахарь без труда может с ними справиться.

В день полного покоя и свободы от всякой работы, 25 марта, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, ни одна птица, по поверию, гнезда не вьет, девица — косы не заплетет, а нечистая

сила в аду перестает мучить грешников, оставляет она в покое и земных жителей. В этот день запасались благовещенскими просфорами. Впоследствии их употребляли как со злыми, так и с добрыми целями. Заботливые хозяева, искрошив такие просфоры, смешивали их с семенами и клали в севалку на обеспечение хорошего урожая. Охотники с такой просфорой совершали кощунственный обряд, отдавая себя в руки нечистой силе. Стоя на иконе, повернутой ликом вниз, нужно было прострелить благовещенскую просфору, и тогда ружье будет бить без промаха.

30 марта бесится домовой: с утренней зари до полуночи, как пропоют первые петухи. Даже если в течение всего года домовой был тих и смирен, в этот день то ли у него спадает старая шкура, то ли он чумится, наподобие собак и коров, и оттого он проказит по всему двору: лошадей забьет под ясли, у коров отобьет аппетит, собак перекусает, подкатывается хозяевам под ноги так, что они ежечасно обо что-то спотыкаются. Некоторые говорили, что в этот день домовому бывает расправа от нечистой силы за то, что он иногда добр к людям; другие, что в конце марта домовому приходит охота жениться на ведьме, обзавестись своей семьей. Как бы то ни было, в этот день лучше не поминать в раздражении нечистую силу, чтобы бешенство домового не продлилось долее 30 марта.

3 апреля разливаются реки. Рыболовы на Оке замечали: если в этот день не пройдет лед, то лов будет плохим. В этот день водяной просыпается после зимней спячки, поэтому многие рыболовы в полночь угощали гостинцами дедушку водяного. Происходило это следующим образом. Не торгуясь,

за три дня до угощения покупали у цыган самую негодную лошадь. Три дня откармливали ее хлебом и конопляным жмыхом, в последний вечер вымазывали лошадиную голову медом, в гриву вплетали красные ленты, ноги спутывали веревками, на шею привязывали два старых жернова. В полночь отправлялись к реке и, если лед еще не прошел, связанную лошадь опускали в прорубь, если речка очистилась от льда, то садились в лодки и старались утопить лошадь посреди реки. Старший из рыболовов находился на берегу реки, прислушивался к воде и давал знак другим, когда можно утопить лошадь. Всю зиму водяной лежит в своей подводной усадьбе и спит крепким сном. С 1 апреля он просыпается и от раздражения и голода ломает лед, замучивает до смерти мелкую рыбу, распугивает крупную. После подарка — лошадки — он усмиряется, стережет рыбу и даже приманивает ее в свои владения, спасает рыболовов от бури и наводнений, не рвет сетей. С 1 по 3 апреля водяной ждет гостинца, и если рыболовы не успеют с подарком, то водяной, истребив всю рыбу в водоеме, уходит на другое место. Желание водяного получить подарок угадывается по сильному колыханию воды и глухому стону. Когда водяного наделят гостинцем, старший рыболов, выливая в реку масло, говорит: «Вот тебе, дедушка, гостинцу на новоселье. Люби да жалуй нашу семью». Возвратившись с угощения водяного, рыболовы всю оставшуюся ночь проводили в совместной попойке.

День святого великомученика и победоносца Егория, 23 апреля, был особенно почитаем крестьянами, поскольку этому святому приписывалась полная власть над всяким зверьем, его считали

покровителем полей и земных плодов, в его руках — ключи от неба, которое он отпирает весной, чтобы выпустить солнце. В этот день в теплых местах впервые выгоняли скот в поле или, в областях с суровым климатом, совершали обход скота, т. е. хозяева обходили всю домашнюю скотину, собранную на своем дворе, с образом святого Георгия. Отдав должное Егорию Вешнему, крестьяне обеспечивали покровительство этого святого, сберегателя стад. Если в стаде пропадало несколько коров или овец, то думали, что Егорий принес их в жертву волкам, чтобы они не тронули остальных животных. То же самое представление сложилось и о *лешем*: одна-две скотинки считались жертвой лесному хозяину, за это на него не роптали (в отличие, например, от волка-оборотня, который, ворвавшись в стадо, рвал и душил всякую скотину без цели — утолить голод). Подобно водяному, Егорий Вешний представлялся спящим всю зиму и просыпающимся весной. Чтобы он вовремя проснулся и разбудил землю, было принято будить, «окликать» его: молодежь трижды обходила засеянные полосы, здесь разводили костер, делили и ели обрядовый круглый пирог, убранный цветами, и пели:

> Юрий, вставай рано, отмыкай землю,
> Выпускай росу на теплое лето, на буйное жито,
> На ядренистое, на колосистое!

В то же время юрьевскую росу считали чрезвычайно вредной для животных. Колдуньи выходили ранним утром этого дня в поле собирать росу специально для того, чтобы после портить со-

седский скот. Сбор росы осуществляли напитыванием холстины в утренней росе. Стоит только этой холстиной покрыть рогатый скот, и теленок ослепнет, а корова потеряет молоко. Чтобы опасная роса не повредила животным, скот выгоняли вербой, сохраненной с вербной недели. В Тульской губернии засеянные поля в этот день окропляли святой водой, после чего мужчины и женщины катались по полям в надежде быть сильными и здоровыми в году. Вероятно, многие обряды и обычаи этого дня были перенесены на святого Егория с более древних традиций «окликать», будить демонов растительных и животных сил природы, как это несколько ранее, в начале апреля, делали в отношении водяного. В кругу этих представлений находится предание, известное еще Геродоту, о том, что в Лукоморье (на морском побережье) есть люди, которые умирают 26 ноября и перед смертью свозят свои товары в одно место, где покупатели зимой могут брать их за известную цену, без обмана. 23 апреля «спящие торговцы» пробуждаются и наказывают всякого, кто попытался обмануть их, не заплатив должную цену за товар.

28 апреля встречали южный, теплый ветер, выходя с обетными ладанками на перекрестки и дожидаясь ветра с юга, который поселялся в ладанку и приносил здоровье тому, кто носил ее на шее. По тульскому поверью, с 30 апреля из чужих стран приходят весенние лихорадки, болезни, которые были заперты на зиму в снежных горах. Как только солнце отогреет землю и снег растает, болезни — тощие и голодные — разбегались по белу свету. Купание в заранее припасенной воде

из талого мартовского снега спасало от их нападений.

В мае духу северного ветра, сиверику, уже не оказывали никакого внимания, напротив, поскольку самыми благоприятными для сева считались теплые дни, особое почтение оказывалось южным ветрам. Так, например, придя в поле, сеятели молились только на три стороны, кроме северной, и в каждую бросали по горсти жита. Даже те неприятности, которые сопутствовали южному ветру, сглаживались его ценными дарами. Так 13 мая праздновали Лукерью Комарницу, теплый ветер в этот день должен был принести комаров, вместе с ними надо было ожидать хорошего урожая овса и трав. Опасными днями в мае считались: 25 число, когда выпадала «медяная роса» и сушила древесные листья, приносила детские болезни, и 30 мая — день, когда змеи поездами устремлялись на свои свадьбы и готовы были уничтожить каждого, встретившегося на пути. От змеиных укусов в этот день не спасет ни колдун, ни знахарь.

В июне праздновали «бесу» Купале, начиная с 23 июня, с дня святой мученицы Агриппины, прозванной Аграфеной Купальницей, плели венки из трав и цветов, возлагая их на головы и опоясываясь ими. С утра 23 июня ходили в баню и парились различными кореньями и растениями, чтобы восстановить свои силы и здоровье. Больных стариков приносили в баню и натирали здесь целебными травами. В ночь на рождество святого Иоанна Предтечи (24 июня) юноши и девушки, украшенные венками из трав и цветов, раскладывали костры и, взявшись за руки, ходили вокруг них, перепрыгивали через огонь и пели песни,

«сквернаго Купала часто повторяюще и чрез огонь прескачуще, самих себе тому бесу Купалу в жертву приносят» (Синопсис, XVII в.). В XIX — XX веках о Купале как демоне, бесе уже не вспоминали, но по-прежнему 23 — 24 июня собирали травы с разными целями (целебные, для приворота, цветок папоротника — для отыскания кладов), купались в росе и в источниках, перепрыгивали через костры, украшали вербу, дерево марину (черноклен) или куклу Купалу — их несли к реке, чтобы утопить там; туда же, в воду, бросали венки, которыми украшали себя к празднику. Вероятно, Купало был духом растительности, и ему праздновали третьим по счету после духа воды (в начале апреля, когда взламывался лед) и духа животного мира (в день святого Георгия, покровителя скота, волчьего владыки). Бо́льшая часть всех обычаев, связанных с 23 — 24 июня (дни Аграфены Купальницы и Ивана Купалы), так или иначе сводится к различным манипуляциям с травами, деревьями, цветами. По всему северу России в этот день заготавливали на целый год веники для бани из молодых березовых веток, иногда добавляя к ним ветки ольхи, черемухи, ивы, липы, смородины, калины. Веники из разных пород деревьев были ритуальными: одним из них парились в бане, другим обряжали недавно отелившихся коров, третьи забрасывали на крыши бань с целью узнать будущее — если веник упадет вершиной к погосту, то бросающий умрет. Как на Ивана Травника, так и в день Аграфены Купальницы мужчины и женщины, сняв с себя рубахи, всю ночь до утренней зари рыли коренья и искали клады. Купанье в день Ивана Купалы могло быть чисто магическим: это купанье ивановой росой,

которой придавалась особая, целебная сила. Вологжанки утром 24 июня брали чистую скатерть и бурак и отправлялись на луг. Здесь скатерть таскали по мокрой траве, собирая таким образом росу, а затем отжимали ее в бурак. Полученной таким образом росой снимали болезни, особенно кожные. У колодцев и рек мыли квашонки (кадушки, в которых держали тесто для ржаного хлеба), и это только один раз в году, в день Ивана Купалы. В Пензенской губернии купальской росой, собранной с трав, кропили кровати и стены дома (от клопов). Постепенно магическое купание, омовение росой превратилось в простое обливание водой всякого встречного: парни шли на реку, наполняли здесь ведра и кувшины и, идя по деревне, особенно охотно с головы до ног окачивали девушек, те также бежали на реку за водой, и начиналась общая свалка, полная криков и смеха. Затем перепачканная, мокрая молодежь устремлялась на реку, где купались все вместе, прямо в одежде. В некоторых местах Ярославской губернии купание в Иванов день считалось опасным, поскольку в это время водяной — именинник и терпеть не может, когда его беспокоят в такой праздник, он топит всякого, кто окажется в его царстве.

В одном древнем сборнике читаем: «Месяца иуния — в 24-й день Рождество честного и славного Пророка и Предтечи Крестителя Господия Иоанна, отселе начинается лето»; древний праздник Купалы, совместившись с днем Иоанна Предтечи, в народном православии получил новое толкование: Иоанн крестил Христа в Иордане, т. е. купал его, отсюда и название праздника. Помимо очищения водой, сохранилось очищение огнем с

помощью перепрыгивания через зажженные костры; и то, и другое делали для здоровья и предотвращения всевозможного зла от нечистой силы. Разложенный на земле огонь был частичкой набравшего силу летнего солнца, Божьего ока, непримиримого врага всякой нечисти. Многие были убеждены, что в день Иоанна Предтечи солнце выезжает из своего чертога на трех конях: серебряном, золотом и бриллиантовом навстречу месяцу.

В этот день пытались отнять у нечистых духов цветок папоротника, который сторожат сонмы чертей и преследуют всякого, кому удастся сорвать цветок. Скептики утверждали, что папоротник никогда не цветет и то, что кажется порой огненным цветом, на самом деле — лишь светляки, устроившиеся на стебле папоротника. Искатели кладов, напротив, рассказывали многочисленные истории о том, как какой-нибудь счастливчик, сорвав цветущий папоротник, спускал с него огонек, который указывал дорогу к сокрытым в земле сокровищам. В это время нечистая сила, обернувшись животным или человеком, всячески смущает кладоискателя, подкатывается под ноги, так что человек падает и выпускает из рук волшебный цветок. Значение охраняемого злыми духами цветка папоротника не сводилось к получению кладов, это своего рода философский камень, символ мудрости и богатства, ключ к великим тайнам, который можно отнять у нечистой силы Божьим именем. В древнем травнике о папоротнике сказано: «Есть та черная папороть, растет в лесах, в лугах, ростом в аршин и выше стебель, а на стебле маленьки листочки, а сыспода большие листы... а

цветет она накануне Иванова дня в полночь... Тот цвет очень надобен, если кто хочет богат и мудр быть. А брать тот цвет не просто, с надобностями: в Иванову ночь идти к тому месту, где растет трава папороть, и, очертясь кругом, говорить: талан Божий суд твой, да воскреснет Бог» (Калинский, 410 — 415).

Среди трав, которые собирали на Ивана Купалу, были как чародейные, так и предохраняющие от нечистой силы. Разрыв-трава разрушала любые оковы и замки; архилин-траву, что растет у больших рек, срывали через серебряную или золотую гривну и носили при себе, чтобы не бояться ни дьявола, ни еретика, ни злого человека; Петров-крест — трава, похожая на простой горох без стручков, крест заметен в корне, на глубине двух аршин, — предохраняла от колдунов и нечистой силы; чертогон-траву, обладавшую теми же свойствами, втыкали в щели над воротами и калитками от колдунов, под крышами — для изгнания чертей.

Праздником русалок была седьмая от Пасхи неделя, называемая также семицкой, или русальной, неделей Святых Отец или «неделею всех святых». Название это очень древнее, в Киевской летописи под 1015 годом замечается, что Владимир-князь после жестокой болезни скончался 10 мая на русальную неделю. С активностью русалок связывалось представление об окончании весны, в четверг на семицкой неделе (русалкин день) провожали русалок, что можно было назвать и проводами весны, последними весенними игрищами. Стоглав, осуждая разные суеверные обычаи, описывал Русалии как бесовский богомерзкий праздник. С одной стороны, он унаследовал черты ка-

ких-то языческих обрядов, совпавших по времени с неделею Святых Отец, с другой — он был близок по смыслу и по названию с древнеримскими «розалиями», праздником усопших, которым посвящались розы, пышно цветущие в мае в Италии. На Руси русалками считали духов, вошедших в утопленниц и детей, явившихся на свет мертвыми или умерших некрещеными. Это жители вод: нагими и прекрасными они выходят по ночам из подводного царства, купаются при луне, качаются на ветках деревьев, бегают по полям, заманивая прохожих, чтобы защекотать их до смерти. Бегая по ржи, русалки бьют в ладоши и распевают: «Бух, бух! Соломенный дух! Меня мати породила, некрещену положила!»

Прощаясь с русалками в субботу на семицкой неделе, жители села Горохова Воронежской губернии устраивали на лугу убранный венками и цветами шалаш, в середине которого ставили чучело, его наряжали сначала в женское платье, потом в мужское, ставили перед ним в шалаше кушанья, вино и другие лакомства. Вокруг шалаша водили хороводы, пели, плясали, устраивали состязания в борьбе. В заключение праздника чучело разрывали и бросали со смехом в озеро.

В Тульской губернии, по берегам реки Красивой Мечи с вечера на полянах бывали хороводы, когда наступала ночь, метлами выгоняли русалок с полей, кричали им вслед: «Догоняй, догоняй!» Русалки отбегали от селений в лес, с плачем и воплем. После этого, на рассвете, все купались в реке. До проводов русалок купаться в реке считалось опасным: всякого неосторожного русалки могут защекотать и утащить под воду.

По берегам реки Оки устраивалось особое гулянье для усмирения дедушки водяного. Встревоженный проказами русалок, он начинал к ночи поднимать воду из берегов так высоко, что казалось, будто из реки возвышается водяная гора, но, увидав зажженные костры и услышав звуки песен, смирялся, и река опять входила в свои берега.

Иногда русалок провожали накануне Петрова поста (с 29 июня). В черноземной Руси (например, в Елатомском уезде Тамбовской губ.) женатые и неженатые молодые крестьяне рядились в большие холщовые простыни и прятались во ржи, поджидая вечером, когда мимо будут проходить девушки и молодые женщины. Тотчас при их появлении раздавалось легкое хлопанье кнутов, и бабы, испуганно вскрикнув: «Русалочки, русалочки!», — разбегались в разные стороны. Вдогонку за ними бежали ряженые, стараясь ударить наиболее медлительных кнутом. Женщины спрашивали у них: «Русалочки, как лен?» (т. е. как уродится), ряженые в ответ указывали на длину кнута, вызывая всеобщий восторг: «Ох, умильные русалочки, какой хороший!»

В Пензенской губернии один рядился козлом, другой свиньей, надев на руки и на ноги валенки, третий шагал на высоких ходулях, четвертый сооружал из дерюги нечто похожее на лошадиную голову и, прикрепив ее к длинной палке, укрывшись холщовой простыней, являл собой подобие коня, вставшего на дыбы. Иногда использовался и настоящий лошадиный череп, а коню придавался вожак, усмиряющий норовистую лошадь, брыкавшую всех без разбора. Особое удовольствие получал тот ряженый в маске, который забирался в бабью толпу, чтобы всласть потолкаться, пощупать

Плясун и скоморох. Ровинский-1, № 102.

и пообниматься. При этом заливались гармошки, трынкали балалайки, пищала скрипка, раздавался звон от ударов в печные заслонки и сковороды. Русальщики во главе с лошадью обходили дворы помещиков и состоятельных людей, где их угощали водкой, затем уходили в поле за деревню, где стреляли из ружей, а лошадиную голову бросали в яму до будущего года, так провожали русалку, прощаясь с весной.

Опасность, исходящая от водяного и русалок, ощущалась в «жары петровские», в знойную пору, которая бывает около дня апостолов Петра и Павла (29 июня). По многочисленным наблюдениям, в это время солнце играет какими-то особенными лучами, переливающимися радужными красками. Обычай караулить солнце был установлен с целью отогнать нечистых духов, русалок, от полей, когда, увлекшись играми, они вытаптывали посевы.

Около Петрова дня боялись купаться, так как водяной в это время требовал себе жертв. В былине о Добрыне и змее дракон настигает богатыря, купающегося в жары петровские. А вот более поздний рассказ. Однажды рыбинские купцы стояли на палубе своего судна, всем хотелось выкупаться, но никто не смел этого сделать из страха перед водяным хозяином. Вдруг видят: кто-то выскочит из воды, крикнет: «Есть рок, а человека нет!» — и с плеском уйдет в воду. Так трижды. На четвертый день одному приказчику стало невмоготу терпеть палящий зной, и он твердо решил выкупаться. Друзья отговаривали его, пока, наконец, не согласились на том, что обольют истомившегося от жары водой. Зачерпнули ведро воды и окатили парня с головы до ног — он тут же умер (Новгородская губ.). Не случайно апостол Петр считался покровителем рыбаков и спасите-

лем от нечаянной смерти на водах. Рыболовы служили ему молебны, ежегодно 29 июня собирали «Петру-рыболову на мирскую свечку», которую ставили в храме перед его образом. Старики навязывали себе на шейный крест траву Петров-крест, чтобы не «изурочилось», т. е. чтобы не появился злой дух и не погубил бы улова.

Лето — время, когда присутствие нечистой силы обнаруживается всюду: в лесах и полях сбивают с дороги и заводят в болота лешие и полевики; межевички и луговички (детки полевиков) бегают по межам и ловят птиц родителям в пищу, если найдут спящего человека — задушат. Как и все нечистые духи, полевики — капризники и взяточники. В Духов день (следующий за Троицей понедельник) орловские земледельцы шли ночью за деревню, подальше от проезжей дороги, к какому-нибудь рву и несли в дар полевику пару яиц и краденого у соседей старого безголосого петуха, притом так, чтобы никто не видел, иначе полевик рассердится и истребит весь хлеб.

Панический ужас наводит на нечистую силу Илья Пророк. День, посвященный его памяти (20 июля), считается опасным как для людей, так и для бесов. Могучий седой старец разъезжает на огненной колеснице в свой праздник по поднебесью и сыплет с высоты огненные (громовые) стрелы, поражая прячущихся повсюду бесов. Нечистая сила оборачивается животными и забегает в жилища, жучками и мошками скрывается в складках одежды, но святой не жалеет ни людей, ни домов, молнией поражая вместе с нечистым любое живое существо, поджигая дома, деревья, сараи. Пожары, возникшие от удара молнии, нельзя было тушить вообще, в крайнем случае можно было залить их молоком от черной коровы.

Чтобы спасти от стрел Ильи свое хозяйство, люди выбрасывали на улицу перед грозой домашних животных, собак и кошек, занавешивали окна, крепко запирали двери и зажигали перед образами четверговые свечи, молили пророка о пощаде. Большим грехом в этот день считалась работа, 20 июля проводили в абсолютной праздности.

Черти, как только на небе раздастся грохот колесницы пророка, бегут к межам, к воде и к грибам «яруйкам» (поганкам) — эти места якобы недоступны Илье. Поскольку нечистая сила вселяется в диких зверей и гадов, крестьяне в этот день не выпускали скотину в луга, чтобы она не была растерзана злыми духами-оборотнями или ужалена змеями. Только знахари 20 июля отваживались собирать змей и вытапливать из них сало на свечи. Змеиные свечи в руках колдунов творили непостижимые чудеса. Наиболее распространенными предохранительными средствами от нечистой силы, которыми запасались в Ильин день, были громовые стрелы, похожие внешне на минерал, известный под названием «чертов палец». От удара молнии в песок он сплавлялся в сучковатые сосульки, на них указывали как на остатки смертоносного оружия Ильи Пророка. Стрелы эти окачивались водой, которой поили тяжелобольных, особенно — страдавших от колотья. От вражьих наветов, напусков и чар умывались ильинским дождем. К Илье Пророку обращались в заговорах на охрану против ружейных ран, на исцеление от сибирской язвы, уроков и призоров, напущенных колдунами: «На том окияне-море стоит Божий остров, на том острове лежит бел-горюч камень алатр, а на камени — святый пророк Илья с небесными ангелами. Молюся тебе, святый пророче Божий Илья! Пошли тридцать ангелов в златоко-

ваном платье с луки и стрелы, да отбивают и отстреливают от раба (имярек) уроки и призоры и притки, щипоты и ломоты и ветроносное язво» (Афанасьев-1, 471).

В конце июля, 30-го числа, по старинному поверью, ведьмы опиваются молоком и обмирают. Обмирание ведьм сопровождается землетрясением, вороньим граем и воем зверей. Оживить обмершую ведьму можно, если прижечь ей пятки горящей соломой.

2 августа поят лошадей через серебро, чтобы они не боялись дурного глаза и всегда были в милости у домового. Для этого бросают серебряную монету в колодец и дают пить оттуда животному, кладут мелкую серебряную монету в шапку и поят лошадь; монету прячут затем в конюшне под яслями. Такая монета часто переходила от отца к сыну.

3 августа запрашивали о зиме *вихри*. Южный ветер в этот день обещал снежную зиму, но, не доверяя простой примете, отчаянные люди, запасшись ножом и петухом, выходили на перекрестки сторожить вихри. Как только появлялся вихревой столб, в него втыкали нож и, держа за голову петуха, спрашивали, какой будет зима, угадывая ответ в завывании ветра.

Чтобы нечистая сила не поселилась на жнивах и не выживала с пажитей скот, 5 августа заклинали жнивы. С зарей выходили в поле, взяв с собой конопляное масло. Обратясь на восток, говорили: «Мать-сыра земля! Уйми ты всякую гадину нечистую от приворота, оборота и лихого дела» — и отливали на землю масло. Обратясь на запад, проговаривали: «Мать-сыра земля! Поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие, в смолу горючую» — и отливали масло наземь. Повернувшись лицом к югу, произносили: «Мать-сыра земля! Утоли ты все ветры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучие со метелью» — и вновь лили масло. Встав лицом к северу, говорили: «Мать-сыра земля! Уйми ты ветры полуночные со тучами, содержи морозы со метелями» — и бросали на землю склянку с маслом.

11 августа на Ермаковом болоте в Рязанской губернии близ селений, расположенных на берегах рек Вожи и Быстрицы, ежегодно бывало видение, которое напоминало о великой битве с татарами и о гибели русского богатыря, убитого Батыем. В этот день на болоте слышны песни и свист, из болота выбегает белая лошадь, обегает могилки на кладбище, прислушивается, наклонив голову к земле, бьет копытом и жалобно плачет над покойниками. Ночью над могилками появляются огни и перебегают на болото, горят они ярко, так что видно каждую могилку, даже болотное дно. Многие пытались поймать белого коня, узнать, кто свистит и плачет на болоте, но никому не давался конь в руки, а от свиста и песен глохли любопытные смельчаки. История этого видения такова. На этом месте русские князья сражались с татарами, и те начали уже одолевать князей, как, откуда ни возьмись, на помощь русским воинам выехал на белом коне неведомый богатырь со своими сотнями, стал бить и колоть врагов направо и налево и уничтожил почти все татарское войско. Тут подоспел окаянный Батый: он убил богатыря, а белого коня загнал в болото. С тех пор белый конь ищет своего хозяина, а его сотня поет и свищет: вдруг откликнется удалой богатырь.

22 августа в Тульской губернии было принято ночью осматривать снопы и караулить их от ле-

шего, который в этот день любит потешаться над крестьянами: раскидывает снопы, развязывает их, переносит с одного гумна на другое. Если хозяин будет караулить свое гумно, леший не приблизится к снопам. Собираясь в ночное, надевали тулуп навыворот, обвязывали голову полотенцем и брали с собой кочергу. Придя на гумно, кочергой обводили круг и садились в центре: за такую магическую загородь нечистая сила не могла проникнуть.

В Древней Руси сентябрь («рюин» или, как его называли в народе, «ревун» — от рева осенних ветров и зверей) был, как и у римлян, седьмым месяцем; решением Московского собора в XIV, а затем в XVI веке было установлено начинать церковный и гражданский год с сентября; лишь с 1700 года он стал считаться девятым от начала года. Некоторые обычаи и поверья 1 сентября (день преподобного Симеона Столпника или Семена Летопроводца) сохранили значение перелома жизненного, хозяйственного цикла, присущие ему как дню, с которого начинался новый год. Это было время самое благоприятное для переезда в новый дом. Переход в новое жилище старались подгадать именно к празднику Семена Летопроводца. Естественно, что особый почет и уважение при переезде в новый дом оказывали дедушке домовому, которого старались перезвать на новоселье. Старшая женщина в доме, отправив молодежь в новый дом, оставалась в старом и последний раз топила печь, затем выгребала жар из печи, ждала полдня и клала в горшок уголья. Затем накрывала горшок скатертью, растворяла двери и, обратившись к заднему углу, говорила: «Милости просим, дедушка, к нам на новое жилье». После этого уходила из старого жилища

на новый двор. Хозяин с хозяйкой уже ждали дедушку домового у растворенных ворот, держа в руках хлеб-соль. Подойдя к воротам, стучалась в верею: «Рады ли хозяева гостям?» Молодые хозяева отвечали с поклонами: «Милости просим, дедушка, к нам на новое место». Пожилая женщина, свекровь, шла в новые покои: впереди хозяин нес хлеб-соль, за ней — хозяйка. Войдя в дом, свекровь ставила горшок в устье печи, брала с него скатерть и трясла ее по всем углам, как будто выпуская домового, потом высыпала угли в печурку. С радостью садились всей семьей за стол и ели хлеб-соль. Горшок ночью разбивали и зарывали под передним углом дома. Но перезвать домового — только полдела. Нужно было устроить так, чтобы злые люди не напустили в новый дом лихого, вредного домового, чтобы «напущенный» домовой не вступил в борьбу со «своим» за жилье и не обессилил бы его. От лихого домового в конюшне вешали медвежью голову, но иногда приходилось обращаться за помощью к колдунам, у которых были свои способы изгнания злых домашних духов.

В день Семена Летопроводца хоронили мух и комаров, блох и клопов с тараканами. С наступлением осени многие насекомые гибли от холода, а потому это время считалось наиболее пригодным, чтобы распроститься не только с мухами, но и с домашними паразитами, весь год причинявшими бесконечное страдание людям. Похороны мух и тараканов были проводами лета и тепла, возможно, этот обычай восходил к почитанию Белбога, который представлялся в окровавленном виде, весь покрытый мухами и другими насекомыми и относился к добрым божествам. Похороны устраивали девушки, они вырезали из репы, брюк-

вы и моркови маленькие гробики, сажали туда горстью пойманных насекомых и с шутливыми плачами и причитаниями выносили их из избы. При этом кто-нибудь в доме приговаривал, размахивая полотенцем или штанами: «Муха по мухе, летите мух хоронить!»; «Мухи вы, мухи, комаровы подруги, пора умирать! Муха муху ешь, а последняя сама себя съешь!»

14 сентября, день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (в летописях — «ставров день»), толковали как сдвижение тепла с холодом, лета с зимою («кафтан с шубой сдвинулся») и, соответственно, как всеобщее движение в животном мире перед зимним покоем. По народным воззрениям, на праздник Воздвижения змеи и гады уходят в какие-то неведомые теплые страны; но если птицы небесные улетали на зиму в блаженные земли, называвшиеся ирьем или вырьем, по воздуху, то гады проникают в глубь земли, укрываясь от холода. Они сползаются в одно место, к своей матери, где и живут до первого весеннего грома. Из боязни, как бы гады, сползаясь под землю к своей матери, не попали по ошибке в людские жилища, крестьяне на все «Сдвиженье» тщательно запирали ворота, двери и калитки. Впрочем, говорят, что начиная с Воздвиженья змеи не кусаются, боясь наказания, так как каждая гадина, ужалившая человека, не сможет попасть в свое подземное царство и будет вынуждена ползать до снега, пока ее не убьют морозы.

Наряду со змеями, в день Воздвиженья лешие сгоняют в одно место подвластное им зверье, в лесах оборотни морочат и даже губят неосторожных путников, поэтому в леса 14 сентября ходить не принято.

15 сентября называли «гусепролет», «гусари», «репорезы». Все лето гуси живут под надзором водяного дедушки, чтобы его задобрить, в этот день водяному приносили в жертву гуся: птице отрывали голову, а туловище бросали в воду. За этот подарок водяной будет верно стеречь гусей, не давая их никому в обиду. Оставшуюся голову относят на птичий двор домовому, который считает птиц по головам и не заметит убыли в своем хозяйстве. Гусиные промышленники с этого дня начинали скупать гусей по дворам. Друзья-охотники дарили друг друга лучшими гусями. В селах устраивались гусиные бои, которым предшествовали пышные приемы гостей. Над головами красавцев-бойцов, увитых красными лентами, все гости из круговой чаши пили мед и вино.

С сентября, обычно с 24-го числа, дня святой мученицы Феклы, именуемой в народе «Заревницей», топили овины — задымленные и почернелые бревенчатые строения на деревенских задворках, предназначенные для сушки хлеба в снопах. Хозяевами овинов были злые духи — *овинники*: черные, лохматые, с горящими как угли глазами, похожие на огромных, с собаку, котов. Овинник жил в нижней части овина, под садилом для снопов, в ямине. Он заставлял хозяев чтить свои именины, которые праздновали крестьяне в день Воздвиженья или Покрова (1 октября) тем, что не сушили в это время хлеба. У тех, кто все же решался беспокоить овинника в заветные дни, могло сгореть все гумно с хлебными запасами. В именинные дни овиннику приносили пироги и петуха, на пороге петуху отрубали голову и его кровью кропили по всем углам. Начиная занятия в овинах, хорошенько угощали молотильщиков и почти весь день проводили в песнях и играх, а с

полуночи зажигали огонь и принимались за работу. Праздник в честь овинника — едва ли не один из древнейших на Руси. Церковный устав святого Владимира в числе разных языческих суеверий упоминает моление под овином. Очевидно, этот обряд включал жертвоприношение курами, в Орловской губернии для овинника резали кур вплоть до XIX века — 4 сентября, в некоторых других местах — 1 ноября (Афанасьев-3, 771).

С 4 октября по лесу перестают бродить лешие. Перед тем как провалиться под землю, они с досады ломают деревья, вырывают пласты земли, всех зверей разгоняют по норам. В это время ветер воет в лесу так, что птицы боятся сесть на деревья. Не ходят в лес и люди, правда, не все. Вот что рассказывают о мужике, решившем посмотреть, как леший осенью проваливается под землю. Жил некогда в одной деревне удалой молодец, везде первый: хоронят кого — он гроб на гору затащит, просватают кого — он в том доме от рукобитья до свадьбы поселится; своего дома не имел, а везде жил как у себя во дворе и в деньгах счету не знал. Одно только хотелось ему увидеть: куда леший прячется на зиму. Пошел он в лес, навстречу ему лесной хозяин. Мужик не сробел, шапку долой и бьет ему челом. Леший ничего не ответил, только рассмеялся. Начал удалой пытать у лешего: «Есть ли у тебя, Иваныч, хата да жена-баба?» Повел леший мужика к своему жилью по горам, по долам, по крутым берегам. Пришли прямо к озеру. «Что ж это за изба? — спросил мужик. — У нас, брат, изба о четырех углах, с крышей да полом. Есть в избе печь, где ребятам лежать, есть полати, где с женой спать, есть лавки, где гостей сажать. А у твоей хаты — ни дна, ни покрышки». Не успел

он договорить, как леший — бух! о землю, земля расступилась, и он туда упал. Но с тех пор сметливый, расторопный и излишне любопытный мужик стал полным идиотом. И зачем ему было смотреть, как леший сквозь землю проваливается? Все равно весной снова выскочит из-под земли как ни в чем не бывало: такая у них порода.

2 октября, в день святых мучеников Киприана и Иустины, в народе было принято молиться об избавлении от злого чарования. Эти святые спасали от наваждений и влияния нечистой силы; вера в особенную помощь святых угодников основывалась на сказании об их жизни. В Четьи Минеи повествуется, что до обращения в христианство Киприан был языческим жрецом, волхвом и чародеем, он задумал совратить с пути истинного святую мученицу Иустину, но она смогла не только уберечься от чар Киприана, но и его самого обратить в христианство.

Особенные молитвы, предохранявшие от злых чар и всевозможных болезней, были составлены также в честь святой великомученицы Параскевы, именуемой обыкновенно *Пятницей*, «Параскевой Льняницей». Ей праздновали 28 октября. Страждущие от наваждений нечистой силы ставили в этот день перед иконой Параскевы Пятницы свечи, надеясь получить от нее избавление от своего недуга. Чтобы не исколоть иглами тело святой Пятницы и не запорошить ей глаза, женщины в этот день не занимались привычными работами, по пятницам не пряли, не стирали, не шили, не выгребали из печей золу. В течение года соблюдались двенадцать временных пятниц (в первую неделю Великого поста, перед Благовещением, на Вербной неделе, перед Вознесением, перед Троицыным днем, перед Рождеством Иоанна Предтечи,

перед Ильей Пророком, перед Успением, перед Архангелом Михаилом, перед Кузьмой-Демьяном, перед Рождеством Христовым и перед Богоявлением). Многие были убеждены, что все пятьдесят две пятницы в году очень важны, в эти дни нельзя работать и есть скоромное. Древнерусские суеверия относительно пятницы Стоглав называл бесовскими прельщениями; действительно, Пятнице поклонялись скорее как языческому демону, чем христианской святой, ее образ в народных представлениях напоминал немецкую богиню Фрею или чешскую Живу, а памятники — столбы с изображениями святой Параскевы, устанавливаемые на распутьях и перекрестках дорог, — скорее всего появились взамен дохристианских деревянных идолов, расположенных при дорогах.

Святые бессребреники Косма и Дамиан (Кузьма и Демьян) были известны в народе как исцелители душ и телесных недугов, врачевавшие безвозмездно, им молились о прозрении разума к учению грамоте, как чародеи-кузнецы: они куют не только цепи или плуги для возделывания земли, но и свадьбы, супружеские союзы и, наконец, сковывают зимней стужей саму землю («Кузьма закует, а Михайло раскует»; угодникам Косме и Дамиану праздновали 1 ноября, а 8-го — Михайлов день, когда обычно бывает оттепель). Женщины 1 ноября справляли Курьи именины, рассылали кур в подарки родным и знакомым. Ощущение тесной связи этого первого ноябрьского дня со всей хозяйственной жизнью дома, стремление заручиться поддержкой домового на всю грядущую зиму породили обычай изгнания со двора чужого лихого домового-дворового и оказания поддержки своему домашнему духу-покровителю. В Ярославской губернии брали помело, садились на лошадь,

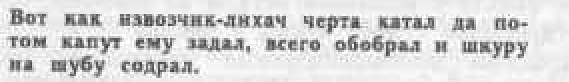
которую не любит домовой, и ездили на ней по двору, размахивая помелом и крича домовому: «Батюшка дворовой! Не разори двор и не погуби животину!» Некоторые предварительно опускали помело в деготь с намерением «отметить на лысине дворового зазубрину».

В середине ноября на пегой кобыле приезжала зима, прогоняя с земли всех нечистых духов. С Введения (Вход во храм Пресвятыя Богородицы, 21 ноября) зима окончательно вступала в свои права: «Введение пришло, зиму привело», в Москве начинали зимние торги, первый торг, с санями, бывал на Лубянке, а с 24 ноября (дня святой великомученицы Екатерины) в городах начинались зимние гулянья на санях; в домах, где были осенние свадьбы, родственники устраивали санные поезда новобрачных, отличавшиеся особой роскошью; сани молодых расписывали сусальным золотом, красками, боярские сани украшали волчьи и медвежьи меха. Злые духи прилетали на землю 26 декабря, к Святкам, с этого дня начинались зимние бесовские потехи, гадания и ряженье, нечистые вместе с ведьмами летали на шабаши, по пути скрадывая с неба месяц и звезды.

Народный демонологический месяцеслов составлен по материалам: И. П. Сахарова, И. П. Калинского, С. В. Максимова.

3

Помимо обрядов и поверий, относящихся к нечистой силе и приуроченных к определенным числам и годовым праздникам, весьма распространенным было убеждение в существовании злых дней, в течение которых демоны имели особую власть над людьми. Дела, начатые в эти дни, редко бы-



Вот как извозчик-лихач черта катал да потом капут ему задал, всего обобрал и шкуру на шубу содрал.

Раз черт вздумал прокатиться, с извозчиком подружиться. Франтом живо нарядился, к московскому трактиру явился. Лихач тотчас взял и кататься стал, деньгами гремит, извозчика в мыслях мутит. Вот уж полночь пришла, лихача тоска взяла. На *крымок* прикатил да черта в голову хватил, черт застонал и шинель с себя снял, в одной шкуре своей остался и на извозчика смеялся, думает: «Вот струхнет, от страху тотчас помрет!» А лихач нисколько не испугался, а черта доколачивать принялся: «Мне тебя, черта, и надо, я тебя искал, как клада!»

Черт пищит, караул кричит, а лихач-то его катает, деньги у черта выбирает. Вот как все обобрал и шкуру с черта драть стал, бает: «И это годится в большой холод нарядиться». Вот черта укатал и шкуру содрал да и тягу домой задал. А черт был сам Сатана, над чертями голова. Чертенки по нем рыдают, лихача проклинают, а он и в ус не дует, на чертовы денежки пирует да песни поет, попивает да сладкое ест-поедает, в чертовой шкуре в морозы щеголяет и ни о чем теперь не унывает.

Музей ПД. ИРЛИ, ед. хр. 2555 и-66120.

вали успешными; любовные неудачи, семейные ссоры, появление признаков нездоровья — все эти неприятности объяснялись неосторожным поведением в злые дни. Перечни этих дней не совпадали в разных местностях. По мнению вологжан, легкие дни — понедельник и вторник, а среда и тот день, в который случилось Благовещение (25 марта), — тяжелые. В Псковской губернии строго соблюдались следующие дни, в течение которых крестьяне не работали и старались не выходить из дому: 2 и 23 января; 2 и 20 февраля; 4, 7 и 21 марта; 3 и 20 апреля; 2 и 26 мая; 9 и 23 июня; 3 и 20 июля; 4 и 6 августа; 4 и 26 сентября; 6 и 21 октября; 3 и 25 ноября; 4 и 20 декабря. В эти дни зарождаются все злые люди и колдуны (Максимов, 268). Список о чернокнижии насчитывает 33 дня в году, в кои кудесники совершают свои чары: 1, 2, 4, 6, 11, 12, 19, 20 января; 11, 17, 28 февраля; 1, 4, 14, 24 марта; 3, 17, 18 апреля; 7, 8 мая; 17 июня; 17, 21 июля; 20, 21 августа; 10, 18 сентября; 6 октября; 6, 8 ноября; 6, 11, 18 декабря. Тяжелыми днями считаются понедельник и пятница, они не пригодны для каких-либо начинаний. Колдунам принадлежат также дни равноденствий. Первая и последняя четверть луны, напротив, считаются временем, удобным для любых предприятий, а полнолуние и новолуние не способствуют успехам в делах (Даль-1880, 37 — 38).

В заключение приводим заговоры и молитвы на отогнание нечистой силы. Заговор наговаривается на воск, который после этого нужно прилепить к нательному кресту.

«Знаменуйся раб Божий (имярек) крестом животворящим, одесную и ошую, спереди и сзади. Крест на мне, рабе Божием (имярек), крест пере-

до мною, крест за мною, крест — дьявола и все враги победиша. Да бежат бесове, вся сила вражия от меня, раба Божия (имярек), видевшу, яко молнию, крестную силу опаляющую. Близ меня Христос и вся сила небесная: Михаил, Гавриил, Уриил и Рафаил, архангелы и ангелы, начала, власти, престолы, Господни силы и нерушимо страшные серафимы и святии ангелы-хранители, преданные мне на соблюдение души и телу моему от святого крещения. А далече от меня со своею темнообразною силою стоит, и со всем человеки прогнан бысть, третьюстами и шестидесятью ангелы стали Божии. Молитв ради Пречистыя Твоея Матери, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного раба Твоего (имярек), всегда и ныне, и присно и во веки веков, аминь».

Заговор от бесов: «Плакун, плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твой вой по синему морю, будь ты страшен бесам и полубесам, старым ведьмам киевским. А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах, да убегут от твоего позорища, замкни в ямы преисподния. Будь мое слово при тебе крепко и твердо век веком, аминь». (Плакун — трава, от которой плачут ведьмы и бесы, ее корень собирают в ночь на Ивана Купалу, он хранит от всякого соблазна. «Плакуном» звали разные травы: иван-чай, луговой зверобой, дикие васильки, кровавницу и др.)

Молитвы от нечистых духов: «От Духа Святого, причастника Христова, Спасова рука, Богородицын замок, ангел мой, сохранитель мой! Сохрани мою душу, скрепи сердце мое, враг сатана, поди прочь от меня. Есть у меня три листа, написано все Марк да Лука, да Никита великомученик, за грехи душу мучит, за меня Бога мо-

лит». (Молитва произносится ежедневно на сон грядущий, является предохранительным и заклинательным средством от всякого недуга и скорби.)

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду из западу в восток. Поднимается царь грозная туча, и под грозною тучею мечется царь гром, царица молния. Как от царя грома и от царицы бежат враги и дьяволы лесные, водяные и дворовые и всякая нечистая тварь в свои поместья — под пень и под колоду, во озера и во омуты, и так бы бежали и от живущих во оных хоромах, от меня, раба Божия (имярек), бежали всякие враги и дьяволы лесные, водяные и дворовые под пень и под колоду, во озера и во омуты безотпятно, безотворотно, век по веку, отныне и до века, аминь».

«Христос родися и распяся, и воскресе, и в третий день воскресения и живот дарова всему миру, и мне, рабу Божию (имярек), крест. Крестом человек родися, Бог прославися, сатана связан бысть с сильными своими бес. Отныне и до века и до второго пришествия Христова, аминь».

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. И ставит около меня, раба Божия (имярек), сам истинный Господь Бог Саваоф, Спас наш Иисус Христос, Царь Небесный со своею Пресвятою Матерью Богородицею, Девою Мариею, и со всею небесною силою, со ангелами, со архангелами, с херувимы и серафимы, со апостолами и пророками, и со святителями; и врачами с бессребрениками, с мучениками и мученицами, со страстотерпцами и страстотерпицами, с преподобными и с праведными, и со всеми святыми; тын железный, врата медные, вереи булатные, замок пресветлого рая, ключ Небесного царствия от земли до неба, от неба и до престола и по земли, от

востока до запада, от запада и до севера, от севера и до лета (юга), со всех четырех сторон, и заграждает сам истинный Господь Бог Саваоф, Спас наш Иисус Христос, Сын Божий, Царь Небесный, меня, раба Божия (имярек), от всякого от злого, от лихого человека и супостата: от угреватого, от возгривого, от сопливого, от шелудивого, от киловатого, от сутулатого, от старца и от старицы, от бельца и от белицы, от черница и от черницы, от схимника и от схимницы, от женки-долговолоски и от девки-частоволоски, от черноволосых, от беловолосых, от русоволосых, от седоволосых, от пестрых, от рябых, от волосоватых, от слепых, от хромых, от волшебников, от волшебниц, от колдунов, от колдуниц, от ведунов, от ведуниц, от кудесников, от кудесниц, от порчельников, от порчениц, от лихоглазых, от лихозубых, от лихокровых, от лихощербых, от богоотступников, от богоотступниц, от богоотметников, от еретиков, от еретиц, от вещунов, от вещуниц и от всяких от злых, от лихих, от притчей, от скорбей и от болезней, от щипоты и от ломоты, от двенадцати проклятых Иродовых дщерей, от злыя, от лихия от лихорадки: от Листопухи, от Комухи, от Лопухи, от Каркуши, от Пухоты, от Хрипоты, от Ломихи, от Знобихи, от Гнетенницы, от Огневицы, от Трясавицы; от всякия вражия неприязненныя силы и ото всякого мечтания, сатанина угодия, затворяют святые верховные апостолы, Петр и Павел, тын железный вратами медными и былотными вереями, запирают замком пресветлого рая, ключом небесного; и так как не бывать в пресветлом раю, в Небесном царствии проклятому дьяволу и волшебнику и волшебнице, колдуну и колдунице, ведуну и ведунице, кудеснику и кудеснице, порченику и порченице, лихоглазому, лихозубому, лихокровому, лихошерстному, богоот-

ступнику, богоотметнику, еретику и еретице, вещуну и вещице, и злому человеку, лихому супостату, помышлителю нашему, во век по веку, отныне и до веку, и так бы не бывать на мне, рабе Божием (имярек), тем злым лихим притчам, скорбям и болезням, хрипотам, ломотам и двенадцати проклятым Иродовым дщерям, злой лихорадке Листопухе, Лопухе, Комухе, Коршухе, Коркуше, Пухоте, Хрипоте, Ломихе, Знобихе, Гнетенице, Огневице, Трясавице и всякой вражьей неприязненной силе, и всякому мечтанию, сатанинину угодию, во век по веку, отныне и до веку, И поставляет Господь Бог Саваоф, Спас наш Инсус Христос, Сын Божий, Царь Небесный, у того железного тына, у медных врат, святого великого святителя и теплого заступника, и скорого помощника, Николая Мирликийского чудотворца; и святый великий святитель Христос, теплый заступник и скорый помощник, Николай Мирликийский чудотворец стоит у того железного тына и у медных врат, натягивает свой медный лук, накладывает булатные стрелы и стреляет, отстреливает от меня, раба Божия (имярек), всякие злые и лихие притчи, скорби и болезни: щипоту, ломоту и двенадцать Иродовых дщерей: злую, лихую лихорадку Листопуху, Лопуху, Коршуху, Комуху, Коркушу, Пухоту, Хрипоту, Ломиху, Знобиху, Гнетеницу, Огневицу, Трясавицу и всякую вражью неприязненную силу, и всякое мечтание, сатанинино угодие, стреляет и отстреливает от того от железного тына, от медных врат и отсылает вспять, откуда пришли, от проклятого сатаны, из преисподней бездны, из ада; и назад вспять возвратитесь в преисподнюю, в бездну, во ад, к деду своему, к проклятому сатане». (Заговор проговаривается трижды. Извлечен из старинной рукописи. См.: Забылин, 321 и след.)

Заговор на изгнание черных муриев: «За морем синим, за морем Хвалынским, посреди океан-моря лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дуб, под тем дубом живут седьмерицею семь старцев не скованных, не связанных. Приходил к ним старец, приводил к ним тьму тем черных муриев. Возьмите вы, старцы, по три железных рожна, колите, рубите черных муриев на семьдесят семь частей.

За морем синим, за морем Хвалынским посреди океан-моря лежит остров Буян; на том острове Буяне стоит дом, а в том доме стоят кади железные, а в тех кадях лежат тенета шелковые. Вы, старцы, не скованные, не связанные, соберите черных муриев в кади железные, в тенета шелковые от раба (имярек).

За морем синим, за морем Хвалынским, посреди океан-моря лежит остров Буян; на том острове Буяне сидит птица Гагана с железным носом, с медными когтями. Ты, птица Гагана, сядь у дома, где стоят кади железные, а в кадях лежат черные мурии в шелковых тенетах; сиди дружно и крепко, никого не подпускай, всех отгоняй, всех кусай. Заговариваю я сим заговором раба Божия (имярек) от черных муриев по сей день, по сей час, по его век. А будь мой заговор долог и крепок. Кто его нарушит, того черные мурии съедят. Слово мое крепко» (Сахаров, 523).

ОБДЕРИ́ХА Одерышек.

Банный дух (см. *Банник*), отличающийся необыкновенной жестокостью. За малейшее нарушение банного ритуала наказывает. Большим прегрешением считается мытье в бане в одиночку, особенно в третий пар, который уготовлен обдерихе. На третью смену специально для обдерихи оставляют в кадушке немного горячей воды, а на полке кусочек мыла. С вошедшего в ее смену человека обдериха снимает кожу, вешает на печку-каменку, а тело забивает под пол, в щели. Всякое ночное посещение бани, особенно с похвальбой, что чертей бояться не стоит, карается обдерихой. Собрались ребята на Новый год, нашелся один, стал хвастаться, что сходит ночью в баню и с каменки камешек возьмет. Только шагнул в баню — его

кто-то за ноги и схватил, говорит: «Возьмешь замуж — отпущу, нет — обдеру напрочь». Парень пообещал взять. Надел на обдериху крест и превратил в обычную женщину. Наказывает обдериха и тех, кто не оставит ей мыла помыться или воды в кадушке. В следующее посещение бани она плеснет на провинившегося кипятком или задушит угаром (Карнаухова, 83 — 84).

Обдериха известна на Русском Севере, в селениях по рекам Печоре и Пинеге. Если кто выйдет из бани с разодранной спиной — значит, обдериха драла. Обдериха может подменить ребенка, оставленного матерью в бане, после чего он становится обменом, детенышем нечистой силы. Видели обдериху под полком в бане, в полуночье она могла показаться кошкой с широкими горящими глазами. Значительно реже рассказывается о том, что обдериха помогла кому-нибудь в бане, спасла от угара (Черепанова, 27).

ОБМЕ́Н Омен, оммен, омменыш, обмененок, обмененыш.

Детеныш нечистой силы, обмененный ею на человеческое дитя. Подменивают детей черти, банники, лешие в тех случаях, когда мать в злую минуту выбранит ребенка нехорошим словом или когда приспит, т. е. задавит младенца во сне. В последнем случае вместо живого дитяти черт подкладывает матери под бок колоду, чурку. Если застать черта в тот момент, когда он похищает ребенка, и перекрестить его, он бросит дитя. Унесенный ребенок водворяется в аду. Избавить младенца от ада может только мать: она должна три дня и три ночи простоять в церкви в кругу, прося Бога о помиловании души ребенка (см. *Черт*).

В случае, если дьявол вместо ребенка подбросит матери своего чертенка, окружающие начинают замечать, что он растет непропорционально, не может ходить, говорить, отличается страшной прожорливостью. Чертям проще всего обменять некрещеного младенца, поэтому после родов мать не оставляли одну и старались как можно скорее окрестить дитя. Из обменов вырастают не только уроды, но колдуны, чародеи. У одной женщины был подменен ребенок, когда — она не заметила, но с тех пор в доме стало твориться неладное. Что ни оставят после обеда или ужина — все исчезнет. Стали следить. Однажды старик хозяин лежал на печи, напротив в люльке — мальчик. Вдруг старик видит, как мальчик поднялся в люльке, вылез из нее и начал шарить по комнате, съедая все, что ни попадется. Старик обмер от страха. Тут кто-то застучал в сенях, мальчик — тотчас в люльку и, глянув на старика, погрозил пальцем. Старик после рассказал домашним обо всем, что видел. Решили обратиться к колдуну. Колдун объяснил матери, что, выросши, такой ребенок много зла принесет людям, он научил ее отнести мальчика на Терек и, обратясь задом к воде, бросить в воду головой вниз, произнеся при этом: «Иди, откуда пришел». Мать все так и сделала, но мальчик не утонул, а поплыл и, смеясь, крикнул: «А, догадалась, а то было бы тебе!» (Терские ведомости, 1891). В предотвращение неожиданного появления в доме чертей, держали собак и кошек черной масти, белых и красных петухов. «Красный и белый петух — все равно что свеча у Бога», дьяволы их боятся (Калужская губ.).

ОБОРОТЕНЬ Обертун, обертиха.

1. *Нечистая сила.* Любой демон может принять тот облик, который захочет: животного, человека, вещи. 2. Человек, превращенный в животное колдуном (см. *Колдуны* и *колдуньи*, *Ведьма*, *Волкодлак*). 3. Сам чародей.

В новолуние колдуны принимали образ животного, чтобы делать зло людям. Оборотни-колдуны, скинувшись в Святки волком или свиньей, в полночь кусали прохожих, отчего те превращались в животных сроком на семь лет. Если укушенный захочет вернуть человеческий облик ранее семи лет, он должен также в новолуние или в Святки укусить кого-нибудь: женщина — женщину, мужчина — мужчину, поменявшись таким образом с ним своей долей. По истечении срока колдовства невольные оборотни вновь становятся людьми и возвращаются домой — бледными, исхудавшими, в том же самом платье, которое на них было семь лет назад. Колдуны, чтобы перекинуться в зверя, перепрыгивают через двенадцать стоящих лезвиями вверх ножей, с известными заклинаниями (Калужская губ.). Порыскав волком, колдун возвращается обратно и перепрыгивает через ножи уже с другой стороны. Если за это время кто-нибудь вынет их, он так и останется на всю жизнь волком. В Саратовской губернии колдун кувыркался, воткнув в свой рот два ножа. Оборачивались свиньей, коровой, собакой, козлом, кошкой, сорокой. В Калужской губернии волка-оборотня узнавали по задним ногам: они имеют колени вперед, как у человека. Людям невольные оборотни не вредят, в отличие от чародеев. При въезде в село Шигонь Пензенской губернии в восточной стороне находится высохший ручей Юрь, через него — мост. Из-под моста по ночам выходят гусь и

свинья, происхождение которых никому не известно, нападают на прохожих, особенно на пьяных. По мнению местных жителей, это оборотни-колдуны (Максимов, 105 — 108).

Оборотни-колдуны, принявшие образ животного, легко переносят раны и побои, которые быстро заживают. Подстреленная, окровавленная ведьма-собака через два-три дня вновь явится к тому, кого она решила искусать (Завойко, 112). По нанесенным животному ранам можно определить колдуна-оборотня. В одной новгородской деревне хозяину приходилось часто менять коров, но молока от них не было. Захожий солдат как-то попросился к ним на ночлег. Устроили его в хлеву. Ночью он видит: лезет под корову свинья. Солдат ударил ее топором по рылу, она и убежала. Утром хозяин созвал всех односельчан, все пришли, только одной старухи не было. Зашли к ней в избу — а у нее нога и верхняя губа разрублены, а в доме — две бочки с кислым молоком, хотя сама она коров не держала (Владимирская губ.).

У колдуньи-оборотня дети также будут обладать этим даром. В калужском селе Неделино рассказывали историю о том, как одна ведьма выдала дочь замуж за сына вдовы. Зажили молодые хорошо, богато, своим домом, да повадилась молодая летать в трубу, как мать, и оборачиваться волком. Бывало, придет к мужу — вся в грязи, в песке, молодому не понравилось, стал бить ее, она и пожаловалась матери. Теща говорит: «Что это он уродует над тобой! Ну-ка пригласи его сюда, ко мне». За тещиным угощением и плеснули мужику в лицо квасу из кружки, тотчас он обратился собакой и побежал невесть куда. Прибежал к мельнице и прожил там три года. Ужасно мельник был рад этой собаке: кто за помол не хочет за-

платить, она не пускает со двора, так и рвет, пока тот не уплатит мельнику сполна. Однажды сторговал у мельника эту собаку один купец и тоже нарадоваться на нее не мог: бывало, принесет кто фальшивые деньги, она их тотчас отодвигает, дальше — больше, на счетах стала считать, даст кто-нибудь четвертак или целковый, сдачу приготовит, а сама свернется на стуле как ни в чем не бывало. Дошел слух об этой собаке до старухи-колдуньи. Явилась она в лавку. «Пойдем-ка, друг мой, со мной, — говорит. — Полно тебе, голубчик, мучиться». Привела его домой, спрыснула водой и положила на постель. Три дня и три ночи спала собака, а на четвертые сутки стала человеком. «Ступай теперь домой, — сказала ведьма, — отомсти жене ее хлеб-соль, дай ей утереться твоей ширинкой! Попроси у нее напиться, а опивки выплесни ей в глаза». Так он и сделал. Обратилась жена в кобылу и пошла по белу свету (Смирнов-1, № 180).

Оборотнями бывают *клады* (см.). Оборотней-водяных узнают по особой манере плавать хвостом навстречу воде. Многие птицы и звери произошли от обращенных в них некогда людей. Лягушки — от проклятой женщины, стиравшей белье в пятницу и наказанной св. *Пятницей* (см.). Кукушки — от проклятой матерью за то, что потеряла ключи, дочки (Балов, 117).

Люди, помимо своей воли пережившие кошмар оборотничества, не любят вспоминать об этом. Вот история такого оборотня, ставшего волком по желанию дяди-колдуна, привыкшего портить свадьбы и оборачивать поезжан в разных животных.

«Я будто проснулся: вижу себя волком, побежал в лес, а там жутко мне стало, все около своей деревни ходил. Хочу утащить овцу, а силы

Медведь и баба. Картинка из лубочной книги. XIX в.

моей не хватает, потому — не волк я, и зубы у меня прежние. Так и питался тем, что оставят волки, но и от них я сторонился, заходил под ветер, чтоб не услышали человечьего запаха. Прошло три года, и опротивела мне жизнь. Знал я, что дядя мне это сделал, хотел отомстить, да боялся, как бы не убили меня в деревне. В воскресный день сел я близ дороги. Люди в церковь идут, гонят меня, кричат, а я все жду дядю. Вот идет он — я прямо на него, хотел схватить за горло зубами и заесть, а он положил мне руку на голову и говорит: «Что ты, Ванюша!» Гляжу — а я и впрямь человек, только одежонка на мне за три года вся истлела, изорвана волчьими зубами. Собрались люди и повели меня к старосте, а там к батюшке, к попу, а там в волость. В волости-то меня уже умершим считали».

На свадьбах колдуны и ведьмы обращали людей следующим образом: угостят чародейским зельем, а затем, во время свадебного поезда, устроят так, что сани опрокинутся на ровном месте, а после этого тот, кто пил колдовское зелье, убежит волком (Калужская губ.).

ОВИ́ННИК *Подовинник, Гуменник.*

Дух — хозяин овина, деревянного строения, предназначенного для сушки хлеба, с очень древним типом печи, заглубленной в землю. Из старинных книжных памятников известно, что славяне молились под овином огню. В XIX столетии праздновали именины овинника на Воздвиженье (14 сентября) и Покров (1 октября). На овинные именины пекли пирог, приносили в овин петуха. Петуху на пороге отрубали голову и его кровью кропили по всем углам, пирог оставляли в подлазе овина. Одни считали овинника добрым духом:

«Он чужому не выдаст, только помолиться ему, сказав: «Овинный батюшка, побереги от всякого зла, от всякого супостата раба Божия (имярек)»», и можно ночевать в овине. Овинник спасает от разной нечистой силы, в том числе от бродячих мертвецов. Сошлась молодежь в один дом на посиделки, а там как раз накануне старуха умерла. Стали одного парня дразнить, мол, явится тебе покойница. А он все смеялся. Вышел из дому — старуха и пристала к нему. Он от нее бежать, она за ним. Взмолился парень овиннику, так он, батюшка, выбежал, дрался со старухой до самых петухов, а парня сберег (Харузин, 327).

В Вологодской губернии овинник похож на человека с длинными всклокоченными волосами дымчатого цвета (Зеленин-1914, 263), в Калужской он мог принимать не только человеческий облик, но и вид животного: белой или черной собаки. Повсеместно об овиннике рассказывали как о страстном борце, любящем помериться силами с местными богатырями. Одного силача — Валуя — овинник на всю жизнь согнул в дугу, когда тот топил овин. В ответ Валуй схватил овинника в охапку и бросил в огонь. Овинник отомстил тем, что сжег в овине сына Валуя, такого же богатыря, как его отец. Обгоревший труп нашли забитым под стену; видно, дрался с овинником до последнего. К полуночи в овине оставаться боятся. Один хозяин садил снопы к ночи (т. е. укладывал на сушку), вбежала к нему знакомая маленькая белая собачка, он кликнул ее: «Лебедка!», а она встала на задние лапы да как загогочет (Калужская губ.).

В большинстве рассказов овинник — опасный и мстительный дух, любить пугать людей и глумиться над ними. Он сдирает кожу с баб, треплющих лен в чистый понедельник, если они сушат овин, к примеру, в Михайлов день. Начало молотьбы — 24 сентября, тогда в первый раз топится печь в овине; у тех, кто затопит ее ранее, овин сгорит. Глумится в овинах по ночам. Один священник отправился ночевать в затопленный с вечера овин, взял с собой священные книги. Едва успел расположиться на ночлег, как кто-то невидимый сильно застучал в стену чем-то тяжелым. Чтобы прекратить шутки овинника, священник снял с себя нательный крест и закрестил все углы. Тут, к его ужасу, с потолка, с того места, которое приходится как раз над печкой, стали падать в огонь лягушки. Глум прекратился так же неожиданно, как и начался. После того как хозяин сбросит с последнего овина последний сноп, он, обратившись лицом к овину, благодарил овинника: «Спасибо, батюшка овинник! Послужил ты нынешней осенью верой и правдой!» (Вологодская губ.). По окончании молотьбы в Московской губернии хозяин овина угощал помогавших ему пирогами и приговаривал: «Дай Бог овину здоровья, в мире стоять!» (Зеленин-1915, 714). В Новгородчине именинницей называли последнюю ригу, в которой завершили молотьбу, в ее честь пекли пироги. Иногда хлеб весь не вымолачивали, оставляя в овине 9 или 13 (нечетное число) снопов — «жителей». Кланялись овину без креста, со словами: «Благодарю тебя, овин, что сохранил наш хлеб!» (Потанин, 190).

Овин играл важную роль в обрядах и праздниках, прямо не относящихся к хлебу и молотьбе. В станице Терской по окончании свадьбы устраивали игру «овин»: посреди улицы клали кучку соломы, камышу, поджигали, молодежь прыгала через огонь. После «овина» свадьба считалась завершенной, и гости разъезжались по домам (Сборник

материалов-16, 121). В Олонецкой губернии в Ильин день двое хозяев ходили к ближайшему овину: один входил в ригу, другой мел по стенам метлой или хворостиной. Изнутри спрашивали: «Кто там о стены хворостит?» Снаружи отвечали: «Илья Пророк» (Зеленин-1915, 917). Овин был местом общения с силами, покровительствовавшими домохозяевам, к нему обращались как к Богу. Матери чрезмерно плачущих младенцев приносили их на заре к овину и умывали росой со словами: «Господи Владыка! Возьми с младенца крик и вопь, а дай ему тихого ангела». Брали из этого овина соломы и клали младенцу в изголовье (Зеленин-1915, 785). У мордвы овин был местом почитания предков, усопших, сюда приносили им угощение, отсюда перезывали родителей в свой дом в поминальные дни. Многие русские обряды, связанные с овином, указывают на сохранение этого значения за русскими овинами. Овинник предсказывал судьбу девушкам в Васильев вечер, накануне Нового года, так же как банник — в банях. В ночь между первыми и вторыми петухами девица шла в овин одна, здесь она поднимала подол платья, становясь задом к окну сушила, и следила за тем, какой рукой погладит овинник ее зад: голой — к бедности, мохнатой — к богатству, те из гадающих, до которых овинник не дотронется, замуж не выйдут (Балов, 86). По некоторым поверьям, банник дружен с овинником и ходит к нему в гости, но может и подраться с приятелем.

У овинников, как у многих других духов, есть старшие, которые могут им приказывать. Один крестьянин пошел сушить овин, затопил и лег к стенке. Вдруг видит: лезет к нему седой мохнатый старик, подошел к теплине, погрел руки, лег на бок, потом встал, обратился медведем и пошел к мужику на задних лапах. Крестьянин упал без па-

мяти. Через месяц дар речи вернулся к нему. Прошел год. Отправился тот хозяин на базар. Идет городом, навстречу мужик. «Пойдем, — говорит, — я тебя угощу». «За что, — думает мужик, — он меня угощать будет?» — но пошел в шинок. За бутылкой вина встречный стал просить прощения: «Моя вина, что ты прошлый год испугался овинника. Я ехал мимо овина и видел, как ты пошел его сушить. Подозвал к себе овинника и велел тебя попугать. За это и угощаю, чтоб ты простил меня!» (Владимирская губ.).

ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ Огненный бес, огненная корчага, *летун*, *змей*, пара.

Дьявол, летающий как к женщинам, так и к мужчинам. Чаще посещает вдов и девиц, тоскующих по умершим мужьям и женихам, являясь в образе покойного. От посещений огненного дьявола женщины сохнут, худеют и умирают. Для других людей он невидим, кажется падающей звездой (Чулков, 202). В Смоленской губернии рассказывали, как некогда удалось в одном селе убить огненного змея. Хотели засыпать его землей, но сколько возов земли ни привозили на лошадях — все было мало. Привезли на петухах, горсть бросили — земля разрослась и покрыла чудовище (Ушаков, 173).

Огненный змей может летать к смерти кого-либо из домашних. Двое возвращались домой, видят: низко от земли летит в деревню огненный сноп, змей — голова толстая, к хвосту все тоньше, и прямо к дому Ивана Анфимова. На другой день Иван молотил на гумне и в одночасье скончался. В другом доме, куда летал змей, скончалась девица двадцати лет (Вологодская губ.).

Огненным змеем может обращаться обычный колдун с целью любовных свиданий с женщиной.

Один такой колдун жил с мужней женой, пока муж был в отъезде. Она забеременела и от стыда и страха удавилась. Когда односельчане, ожидая приезда станового, караулили ее тело, колдун огненным змеем прилетал к покойнице: рассыплется искрами, так что овцы по двору замечутся, коровы замычат, а он повоет, поплачет и улетит (Колчин, 51 — 52).

Огненных змеев призывали в заговорах, чтобы присушить девицу. Мылись в бане, наговаривали на воду, которая оставалась от мытья: «Идут из меня девять духов, девять огненных, хотят сине море зажигать; не зажигайте сине море, а зажгите сердце у такой-то». Этой водой поят того, кого привораживают (Владимирская губ.).

Огненными змеями летают черти к колдунам и тем, кто их призывает, носят деньги избранникам. О людях, неожиданно разбогатевших, говорят: «Им пара деньги носит».

Чтобы избавить человека от змея и сухоты, которая является следствием визитов нечистого, втыкают в порог и во все щели дома траву мордвинник, читают следующее заклятие:

Как мертвецу из земли не вставать,
Так и тебе ко мне не летать,
Утробы моей не распаляти,
А сердцу моему не тосковати.
Заговором я заговариваюсь,
Железным замком запираюсь,
Каменным тыном огораживаюсь,
Водой ключевой прохлаждаюсь,
Пеленой Божьей Матери покрываюсь.

(*Барсов-1874, 78*)

Во Владимирской губернии считали, что женщину, измученную змеем, от наваждения могут спасти сильные, до крови, побои. Кропили святой водой повсюду в доме, особенно — на чердаке.

Душевная чистота. Ровинский-3. № 1346.

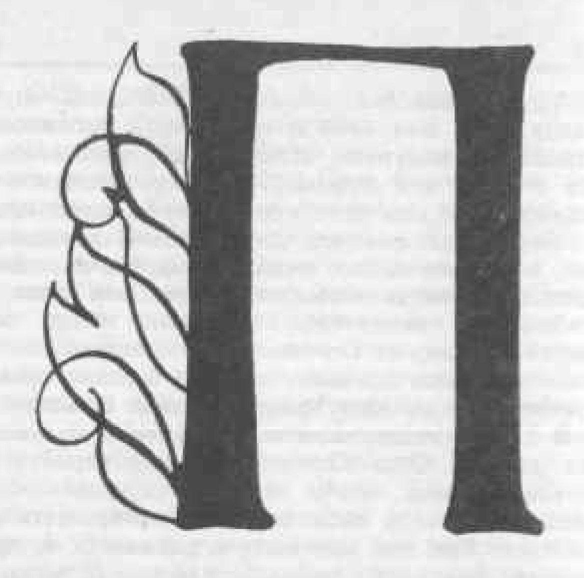
ÓСПА ИВАНОВНА Воспа Ивановна, Оспица. См. также *Кумоха, Лихорадки.*

Олицетворение болезни оспы в виде духа женского рода. Отношение к Оспе было крайне уважительным. Как только эпидемия начинала распространяться, в деревне пекли блины, пироги и шли в дом больного, здесь кланялись ему в ноги и просили Оспу-матушку смилостивиться. Здоровых детей мыли водой, оставшейся от больного ребенка. Представляли, что Оспа — дух, находящийся внутри тела больного, поэтому с ней разговаривали как с духом, обращаясь не к заболевшему, а к болезни в нем (Куликовский). В Енисейской губернии шли со здоровыми детьми в дом к больному и говорили: «Воспа Восповна! Пожалуйте к нам, будем пряником кормить и вином поить!» Оспенных лечили тем, что парили в бане, струпья заживляли водкой и присыпкой из пепла и углей.

В отличие от обращения с другими болезнями, которых стремились изгнать из дома, деревни, Оспу старались ублажить: не мыли полы в доме, не лили воду; Оспа этого не любит. Смерть от оспы считалась благом, на том свете каждая оспинка превратится в жемчужину. Староверы говорили, что умершее от оспы дитя украсится жемчугом, а прививку от оспы считали печатью антихриста (Зеленин-1915, 755, 758).

В Олонецком крае с посещением Оспы в доме прекращались всякие ссоры, супруги не имели сношений до выздоровления больных, белье не стирали, в дом не вносили дегтя, медвежьей шкуры — всего, что не приятно Оспе. У обиженной Оспицы, не появившейся в семье, просили прощения следующим образом: приглашали к своим здоровым детям больных из соседних домов, говоря: «Оспа Ивановна, пожалуйте к нам на пир!» Иногда мать шла сама с ребенком к оспенному больному за покупкой Оспицы. Покупка заключалась в том, что здоровый ребенок целовался с больным, ел с ним один пирог, пил из одной чашки. Лечили заболевшего жаром, баней дважды в день, настолько сильно истопленной, что парящий надевал рукавицы, чтобы не обжечь себе руки, а ребенка из такой бани выносили всегда без чувств. В тяжелых случаях баню заменяло обжигание овсяными блинами, которые бросали прямо со сковороды на едва прикрытое тело больного.

В случае выздоровления или смерти больного злое начало, Оспа Осповна, спешит перейти в другого человека. Чтобы этого не случилось, старались выжить из избы болезнь или прогнать ее «на лес». Все эти приемы употреблялись и при лечении кори — *Царевны Васильевны* (Шайжин, 214 — 216).



ПЕРЕЖИ́НЧИК, ПЕРЕЖНИ́ЦА. См. *Колдуны и колдуньи.*

Чародеи, занимающиеся пережином поля, получающие от этого колдовскую силу и обилие ржи на своем поле в ущерб пережатому. Мельник сразу узнает зерно пережинчика по особой форме: у колдуна зерно с кончика обкусано или обломано. Пережин совершают обычно накануне 24 или 26 июня над озимой рожью. За полночь пережинчик пережинает три поля соседних деревень. Для этого он становится у крайнего овина деревни и идет, подсекая рожь, наискось, начиная с крайнего овина, выходя на край другой деревни. В эти дни крестьяне сторожат поля от пережинчиков, но видят не колдунов, а зверя или человека с огненными глазами (Костоловский, 129 и сл.). Во

Владимирской губернии крестьяне старались узнать пережницу до этого срока. За неделю-две до жатвы шли в поле, засеянное рожью, где каждый домохозяин нажинал по небольшому снопу ржи. Снопы несли в деревню, сваливали на околице и поджигали. Если в деревне есть *кликуши* (см.), то, увидев зарево, они выкликали имя ведьмы-пережницы. Считали также, что от сожжения первых снопов у пережницы выгорит весь хлеб. Ведьму можно было узнать следующим образом: за несколько дней до жатвы нажинали сноп полыни и сжигали его в бане, обгоревший сноп вешали на воротах, отчего у пережницы хлеб в поле должен был стать полынью.

ПЕРЕПОЛО́Х См. также: *Лихорадки, Кумоха, Оспа Ивановна.*

Дух детского страха, испуга. От переполоха на ребенка надевают рубашку задом наперед. Переполох от собаки не опасен, она сама его вылает, переполох от молчаливого и злого гусака, погнавшегося за ребенком, гораздо опаснее, к тому же и укус кинувшегося на дитя гуся заживает крайне медленно. Манипуляциями с сорочкой изгоняют также полуноощника и полунощницу — духов, пугающих ребенка по ночам и не дающих ему спать. Сорочку ребенка меряют взад и вперед крест-накрест ниткой, которую кладут под порог дома, чтобы все топтали ее (Иллюстрация).

ПОДОВИ́ННИК *Овинник, Гуменник.*

Дух — хозяин гумна, приятель *банника* (см.), ходит к нему по ночам в гости, душит людей, находящихся в бане как лишних, мешающих ночному общению демонов. Иногда банник защищает постояльца от гуменника. Один крестьянин был в

дороге и попросился заночевать в бане. Лег на полок и только заснул, как в баню вошел подовинник, сказав: «Эй, хозяин! На беседу звал, а сам ночлежников пускаешь, я вот его задушу». Тут поднимается половица, выходит банник и говорит: «Я его пустил, так я и защищаю!» Начали они бороться, долго боролись, одолеть друг друга не могут. Вдруг банник кричит человеку: «Сними крест и хлещи его!» Прохожий послушался, и оба сразу пропали.

В подовин ходит черт в виде черной собаки. Один крестьянин спал с женой в подовине. Проснулся и видит: огонь весело горит, а перед огнем сидит большая черная собака. Мужик закричал: «Пошла вон, куда зашла», а у самого волосы на голове дыбом встали. Собака на него зубы оскалила и нехорошо так поглядела, да и махнула в оконце. Оконце-то было крошечное, а собака — страшно большая (Новгородская губ.).

Подобно *домовому*, подовинник предсказывает будущее спящим. Один крестьянин сушил овин и заснул. Слышит: возле него хрипит подовинник «к ху-уду». Через год у хозяина медведь съел кобылу. Иногда подовинник спасает человека от злых духов, если он об этом попросит (Богатырев, 59).

ПОДПОЛЯ́ННИК

Дух, живущий в подвале, подполье, сходен с дворовым (*домовым*). Живет в подполье артелью, семьями. Жизнь подполянников ничем не отличается от жизни крестьянской семьи. Подполянник злее дворового, он затаскивает к себе про́клятых родителями детей. У одного подполянника про́клятая матерью дочка успела в подполье вырасти, замуж выйти, хотела уже сына женить, да

пришла к матери просить сы́та и пригласила ее посмотреть, как она живет. «Спустись, — говорит, — на три ступеньки вниз, в подполье (т. е. по лестнице, ведущей в хлев), и гляди промеж своих ног». Тут мать и увидела всех подполянников: как люди (Харузин, 326).

ПОЛЕВО́Й *Полевик, вольной.*

Дух — хранитель и хозяин хлебных полей, по одним поверьям — черен телом, как земля, глаза разного цвета, вместо волос — длинная зеленая трава, гол, на каждую деревню бывает по четыре полевика; по другим — является вместе с ветром, стоит, дует, весь в белом, присвистывает. Жителям лесных зон полевик показывался маленьким уродцем, который может неожиданно выскочить из-за стога. Полевик связан родственными или дружескими узами с разными духами. Новгородская крестьянка рассказывала, как однажды полевик попросил ее: «Дорожиха, скажи кутихе, что сторожихонька померла». Крестьянка дома рассказала мужу о случившемся в поле. Тут в подызбице что-то застонало: «Ой, сторожихонька!» — и выкатилось: черное, словно маленький человечек, двери избы сами отворились, и существо с воем выбежало из избы.

Проказы полевика те же, что и у лешего: сбивает с дороги, заводит в болото, особенно любит потешаться над пьяными пахарями. С полевиками можно встретиться у межевых ям (см. *Межевой*). В Орловской губернии крестьяне ночью в Духов день несут к удаленному от жилья и дороги рву пару яиц и краденого у добрых соседей старого петуха в дар полевику, причем так, чтобы никто этого не увидел, иначе полевик рассердится и истребит хлеб (Максимов, 78 — 80).

Видеть полевиков можно в полдень и перед заходом солнца, в это время они выходят из своих нор, наводят на тех, кто спит, еще более крепкий сон и напускают разные лихорадки в спящих. Спящего на меже полевик может переехать. Один крестьянин еще не успел заснуть, как услышал конский топот, видит — на него мчится верхом здоровенный малый на сером коне. Едва мужик успел увернуться, как всадник проскакал мимо, крикнув на ходу: «Счастлив, что успел уйти, а то навеки бы тут остался» (Колчин, 28 — 29). Ночью мелькающие в поле в потемках огоньки — игра друг с другом полевиков. Порой слышно, как они поют песни, но слов не разобрать, услышать свист и пение полевиков — к несчастью. Одна женщина в полночь сидела у окна избы без огня. Вдруг слышит: пение без слов, прерываемое по временам свистом, а вскоре увидала, как вдоль деревни проехал полевик на тройке лихих коней. Через несколько дней после этого вся деревня выгорела дотла (Балов, 88).

Полевики пугают и зимой: подсаживаются в сани, так что лошадь не может их тянуть, а седок цепенеет и не в силах пошевелиться.

ПОЛУ́ДНИЦА

Полевой дух, обитающий в засеянных хлебом полях и являющийся обычно в полдень в виде высокой красивой девушки, одетой во все белое. Летом во время жатвы она ходит по полям и тех, кто в самый полдень работает, берет за голову и начинает вертеть, пока у них не заболит шея. Заманивает в рожь малых детей и заставляет их долго блуждать там (Балов, 87). Ловит тех, кто жнет траву на межах, но бежит только до ограды села. Образ полудницы близок *русалке*, в полдень

подстерегающей во ржи свою жертву. Во время цветения хлеба русалки, как и полудницы, гуляют во ржи с распущенными длинными зелеными волосами, нагие, стройные станом и красивые лицом. Чтобы избавиться от них, нужно очертить себя кругом и закрестить его. По полям русалки начинают бегать после троицких проводов русалок и вполне смешиваются с полудницами. Так же как последние, они заманивают маленьких детей лакомствами, которых имеют полные корзины.

Добрые полудницы закрывают в полдень громадной сковородой хлеб и травы от палящих лучей солнца, злые — оборачивают сковороду другой стороной и прижигают молоко хлебных зерен и цвет трав (Зеленин-1914, 263).

ПРИВИДЕНИЯ См. также: *Заложные, Мертвецы, Мара, Смерть, Тень.*

Духи-призраки. Вера в привидения основана на представлении о состоянии души после смерти, особенно души человека, умершего неестественной смертью, убитого или самоубийцы, а также убийцы, колдуна или ведьмы. Души мертвецов, ждущих поминовения, являются родственникам и знакомым, чтобы те вспомнили о покойнике и отслужили молебен, пришли на могилку.

Привидениями показываются души мертвецов, по которым слишком сильно тоскуют оставленные ими в этом мире женихи или невесты, матери и вдовы. Такие привидения могут свести в могилу, заманив на кладбище, или содрать кожу с живого человека, явившись в дом ночью. Жили два брата с женами. Ушли как-то в лес и не вернулись, а хозяйки по ним всё плакали, домой дожидались. Вот раз ночью слышат: вернулись. Обрадовались, что в печи — то на стол мечи. У старшей золов-

ки ложка под стол упала, она стала поднимать, полезла под стол, глядит — а у мужиков на ногах когти железные, догадалась она, что это мертвяки, говорит младшей: «Скорей работу какую-нибудь делай!» А та и говорит: «Вот еще! Ночь на дворе, я мужа долго не видала, лучше с ним спать пойду!» И ушла. Муж старшую тоже зовет спать, а она не идет, в избе все прибирает, моет, Богу молится и все ждет, когда петухи пропоют; он ее уже бить начал, вдруг петухи запели. Он вмиг упал, почернел и исчез. Она народ позвала, пошли на чердак, куда младшая золовка ушла, а с нее уже кожа содрана, на соломе расстелена, и никого нет.

Повсеместно распространены были рассказы о женихе-мертвеце: привидении, сватающемся к девушке. Например, на Пинеге рассказывали: девицу не пускали замуж за милого, она решила уйти самоходкой. Ночью по уговору за ней приехал жених, она подала ему в окно приданое, вылезла сама, и они поехали. Приехали на кладбище, перед ними раскрылась могила. Девушка, поняв, что жених — мертвец, думала только о том, как бы вернуться к людям. Сославшись на то, что могила узка для двоих и ей нужно сходить за лопаткой, она убежала с кладбища. Мертвец бросился в погоню, но девушка успела заскочить в крайнюю избу, где знакомая старушка спрятала ее за печкой. Пропел петух, исчез мертвец, и девица была спасена.

Покойники являются привидениями, чтобы отомстить за нанесенную им при жизни обиду. Два кума поссорились из-за коровы, вспыхнула вражда, началось с мелочей, дальше — больше, наконец кум Петр подпалил гумно своему врагу. В ответ кум Иван спалил Петрову избу, в горящем доме погиб сын Петра. Увидев, что сына не спасти, Петр крикнул: «Не замолить тебе будет этого и не отчитать! Не будет тебе, Иван, ни сна, ни отдыху» — и сам бросился в огонь. С того дня призрак Петра каждую ночь стоит у Ивана под окном, стучит и воет: «Отдай моего ребенка». Потом в избу стал входить выть, на лавку сядет и сидит, душить начал. Иван почернел, ночи как огня боится. И поп не мог отчитать, так и удушил его покойник.

Живущие в ином мире привидения знают тайны будущего и прошедшего и могут предсказывать события. Появление призрака-мертвеца, кровно связанного с домом, предвещает смерть кого-нибудь из домашних. Старшая дочь рассказывала об умершей матери: «Прошел год после ее похорон, слышу — за стеной кто-то ходит. «Кто тут?» — говорю, а он не отвечает. Вдруг дверь отворилась, входит маменька, бродит по избе и зовет: «Миша, Мишенька, пойдем со мной». А Мишей младшего братца звали; я опомнилась, крикнула, она и ушла. В тот же день занемог Мишенька, да через три дня Богу душу и отдал: мать за ним приходила, с собой взяла».

Редко, но встречаются бывальщины об обращении привидений в живых людей, т. е. о воскресении покойников. В деревне Немнюга рассказывали о мертвой жене, которая ходила к мужу под окна и просила: «Муж ты мой венчанный, пусти меня, отогрей меня, болят мои косточки, залежалися!» Муж прогнал ее, она стала ходить к отцу, матери, к сестре, никто не впустил ее, кроме прежнего возлюбленного. Три дня он провел с мертвой, а на четвертый повенчался в церкви. Надев на нее крест, священник окончательно вернул ее к жизни и сказал: «Кто от нее отказался, тому

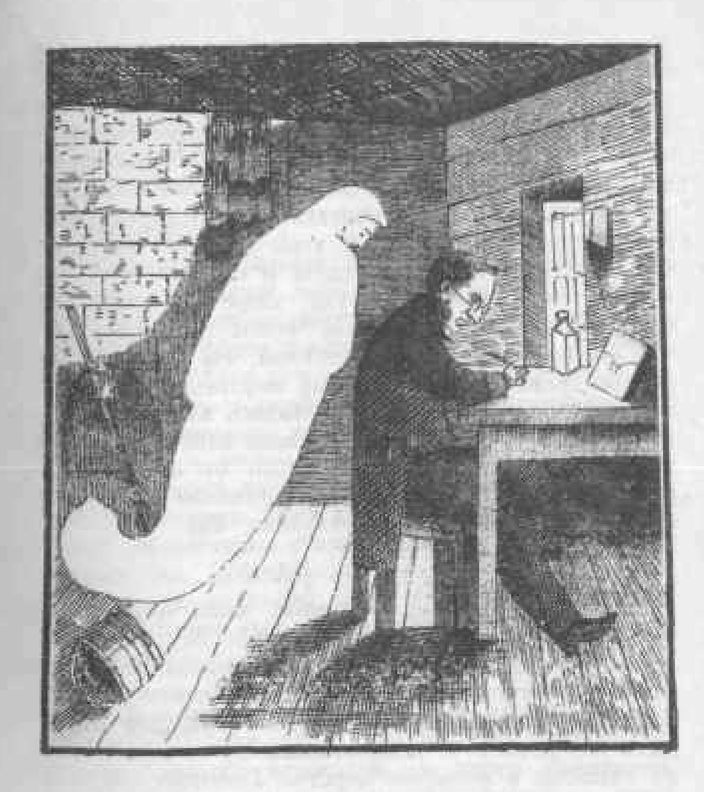
она не жена, а кто в дом пустил, с тем и жить будет» (Карнаухова, 87 — 95).

Привидениями являются клады, мавки, русалки, качающиеся на деревьях с ранней весны до глубокой осени, с заходом солнца играющие на кладбищах, отчего прохожим заметны блуждающие между могил огоньки. Некрещеные младенцы, умершие вскоре после рождения, до семи лет кружат ночами возле места своего погребения, а по истечении семилетнего срока в полночь громко плачут и просят себе имени. Счастлив будет тот, кто, услышав этот вопль, назовет имя, соответствующее полу умершего ребенка (Шейн, 18).

Особый род привидений — призраки-двойники: так домовой может явиться перед хозяином в его платье, что обычно истолковывается как дурной знак. Если двойника застаешь в своей комнате, если он движется впереди человека — это предвещает близкую смерть; если двойник идет следом — только предостережение. В XIX — начале XX столетия среди высшего и среднего сословия встречались люди, привыкшие к тому, что они часто видят своих двойников и даже могут с ними общаться. Людей, способных к созерцанию разных видений, называли духовидцами. В присутствии других людей привидение может показаться только одному человеку, остальные его не замечают.

Появлению призрака иногда предшествует треск, издаваемый деревянной утварью, мебелью, стеной, предполагается как бы проникновение привидения сквозь трещину. Неожиданные, необъяснимые звуки, послышавшиеся в доме, поле, в сарае, овине, в лесу могли быть сочтены приметами передвижения привидений.

Страх перед призраками-мертвецами порождал



Призрак. Картинка из лубочной книги XIX в.

приемы ограждения от них. На окнах, дверях, на потолке выжигали кресты свечой, принесенной с чтения страстей в великий четверг. Пол посыпали золой, на подоконник клали кусочек железа. Для того чтобы узнать, не мертвец ли подозрительный гость, ставили в красный угол ребенка, который мог заметить оловянные глаза и медные зубы нечистой силы. Пение петуха, даже в неурочный час, разгоняет наваждения. Чтобы петух прокричал, можно уколоть его иголкой. На Пинеге был распространен заговор против мертвецов, на крик петуха: «Спаси, Господи, от лихого люда, от мертвого, от нечистого. Запой, Божья птица, красный петух, голосистый звон, прогони от меня, рабы Божьей (имярек), мертвого мертвяка обратно в гроб, в сыру землю» (Карнаухова, 89).

ПРО́КЛЯТЫЕ

Люди, про́клятые близкими, чаще всего дети — матерью за непочтение к ней. Вскоре после проклятия, иногда невольного, сгоряча, в злую минуту, они пропадали и жили у нечистой силы в воде, лесу, болотах. Под видом ямщиков выходили на дорогу и подсаживали путников, увозя их навсегда в нечистое царство. Подобно мертвым колдунам и заложным покойникам, проклятых земля не принимает, и они бродят по свету тенями, пугая и причиняя вред людям (Материалы, 214). В Астраханской губернии верили, что проклятые ходят по камышам нагими, заводят людей в воду и замучивают до смерти щекоткой (ср. *Русалка)*. Сама Смерть считалась проклятой дочерью Адама: он не взял ее на хлеб, хотел уморить голодом — она похудела до скелета и, вечно голодная, не может насытиться живыми людьми.

Проклятые дети попадают либо к той нечистой

силе, в сфере патронажа которой было произнесено проклятие, либо к тем духам, имя которых упоминалось в проклятии (унеси тебя леший, вихорь, черт и т. д.).

ПЯ́ТНИЦА

В культуре разных народов существовало почитание некоторых дней недели, выражавшееся в соблюдении особых обрядов и в предписании определенных форм поведения, например в среду, пятницу, субботу или воскресенье («неделю»). Издревле на Руси особым уважением пользовалась Пятница, которую представляли женским духом: она являлась людям в виде красивой женщины с распущенными волосами, чаще молодой, чем пожилого возраста. Пост и молитвы в двенадцать годовых, временных, пятниц спасали от множества разных бед. Соблюдение первой пятницы в первую неделю великого поста сохраняло от напрасного убийства, так как в этот день Каин убил Авеля; второй — благовещенской (перед Благовещением) — «от нутряной скорби»; третьей — на вербной неделе, перед Пасхой — «от напрасного кроволития», так как в эту пятницу распят был Иисус Христос; четвертой — перед Вознесением — от воды и потопа; пятой пятницы — перед Троицей — от зубной боли; шестой — перед днем Ильи Пророка — от огня и пожаров; седьмой — перед Спаса Преображения Иисуса Христа — «от трясущей скорби», т. е. лихорадки; восьмой — перед Успением Пресвятой Богородицы — «от напрасной смерти»; девятой — перед отсечением главы Иоанна Предтечи царем Иродом — от бессонницы и головной боли избавлен будет; десятой — перед днем архангела Михаила («В тую великую пятницу Сама Пятница Пра-

сковья мучилася У царя у Макса она неверного, Умирала за веру Христову») — «от напрасного мучения сохранен будет»; одиннадцатой — перед Рождеством Христовым, — кто станет поститься эту пятницу, тот помилован будет от Бога и душа его по смерти вознесется в Царствие Небесное; двенадцатой — богоявленской, крещенской (в ту великую пятницу окрестился сам Иисус Христос в святом Иордане) — тот по смерти избавлен будет от вечных мук и наследует Царствие Божие (Бессонов-6, 120 — 123).

Кроме этих двенадцати пятниц почитались еще девять обетных: Обжорная (на третьей неделе великого поста), Страстная, Спасовая, Временная, Разгульная, Молебная, Кающаяся, Праздничная и Девятая. Обетные пятницы устанавливали, чтобы не было засухи, неурожая, падежа скота, эпидемий, других бедствий. От XVI века сохранились заповедные записи — договоры крестьян одной общины в пятницу не толочь, не молотить, не жечь камения в течение определенного срока (например, трех лет). Нарушивший заповеди платил штраф в пользу общины. Собираясь в условленном месте, празднующие обетную пятницу выносили образ Параскевы-мученицы, обвешанный платками и лентами.

В честь Параскевы Пятницы отмечали девять торговых пятниц, обыкновенно следовавших одна за другой в течение девяти недель после Пасхи. В древности на перекрестках дорог ставили столбы с изображением Параскевы, которые так и назывались Пятницами. Это же имя часто носили придорожные небольшие часовни. Сама же великомученица Параскева называлась Пятницей, Пятиной, Петной, ее день — 28 октября. Мастера рисовали ее на иконах высокой худощавой жен-

щиной, с лучезарным венком на голове. Иконы Параскевы Пятницы можно было найти в каждом доме, перед ними молились о благополучии и счастии домашних. По древнерусскому верованию, святая Параскева была покровительницей полей и скота, поэтому в день ее памяти в церковь к божественной службе приносили для освящения плоды, впоследствии они хранились в домах как священные предметы до следующего года. Иконы Параскевы, находившиеся в церквах, убирали лентами, монистами, душистыми травами и в таком виде носили их в крестных ходах и других церемониях.

В октябре был также день памяти преподобной Параскевы Терновской, от болгарского города Тернова (Тырнова), куда были перенесены ее мощи в 1193 году. Обе эти Параскевы праздновались в те дни, когда женщины приступали к традиционным осенне-зимним работам, прядению, трепанию льна. Поэтому Параскев называли также «льняницами-трепальницами». Отрепанную первину льна жертвовали в церковь, привешивали к образу Пятницы. Параскеве Пятнице молились о сохранении от падежа скота, от дьявольских козней, от лихорадок, головных, зубных и прочих болезней. Молитвы в честь Параскевы носили на шее как предохранительное средство от разных недугов; если болела голова, их привязывали к голове. Страждущие от нечистой силы ставили перед образом Параскевы свечи, в надежде получить избавление от бесов (Калинский, 308 — 314).

Октябрь — пора свадеб, начинавшихся обыкновенно с Покрова, 1 октября. «Батюшке Покрову» и «матушке Параскеве Пятнице» незамужние девицы молились о женихах («покрой землю снежком, а мою голову платком», т. е. головным

убором замужней женщины, обязанной покрывать волосы). Как покровительница браков, Параскева могла творить злые и добрые дела. Обманутая девушка обращалась к Пятнице с просьбой о смерти соперницы, также ставя ей свечку, правда зажженную иначе, чем обычно, концом вниз.

Я пойду, млада, на новый базар,
Я куплю, куплю алтынную свечу,
Я поставлю перед Пятницею:
«Ты гори, гори, алтынная свеча,
Ты умри, умри у милого жена!»
Изгорает алтынная свеча,
Умирает у милого жена, —

поется в народной песне (Киреевский, НС-2, № 2533).

Все это, безусловно, не имело никакого отношения к житию святой Параскевы, за исключением, пожалуй, одного момента: родители святой угодницы долго были бездетны и, по обету, проводили пятничные дни в посте и молитве, прося Бога даровать им потомство, в одну из пятниц у них родилась дочь, которую назвали Параскевой, по-гречески это то же, что по-русски пятница.

Народные верования и обычаи, связанные с пятничными днями, рассматривались церковью как служение дьяволу, а не Богу. В Стоглаве говорится, что по погостам, и селам, и волостям «лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются, а сказывают, что им является святая Пятница и святая Анастасия и велят им заповедати хрестьянам каноны завечивати; они же заповедают хрестьянам в среду и в пятницу ручного дела не делати и женам не прясти, и платья не мыти, и каменья не разжигати, и иные заповедают богомерзкие дела творити». Не прясть, не ткать, не стирать — все эти запреты

связаны со страхом засорить глаза святой Параскеве, исколоть ее веретенами и иглами. За неуважение к ней Параскева наказывает той болезнью, от которой пострадала сама: ногтеедой, заусеницами, болезнью глаз.

Одна женщина пряла в пятницу до обеда, и вдруг сон напал на нее. Когда она уснула, дверь отворилась и вошла матушка Пятница в белом шушуне. Набрала горсть кострики с пола и бросила в глаза спящей. Женщина проснулась от жгучей глазной боли. Поняв, что это — казнь от Пятницы, она стала усиленно молиться святой Параскеве, обещая поставить ей свечу и заказать другу и недругу никогда не обижать матушку Параскеву. Ночью явилась Пятница, выдула из глаз виновной кострику и излечила ее (Афанасьев-Легенды, № 13).

Пятницу почитали едва ли не так же, как Богородицу. Во многих местностях поверья, связанные с Пятницей, относят к Пречистой Деве: женщины не прядут по пятницам, чтобы не запорошить глаза Богородице, которая тогда ходит по избам; с этой же целью накануне пятниц подметают полы в избах. Сближался образ Пятницы и с образом матери-сырой земли. В начале жатвы в Калужской губернии пожилая женщина, известная среди односельчан как легкая на руку, выходила ночью в поле, нажинала первый сноп, связывала его и до трех раз то клала на землю, то поднимала со словами: «Пятница Параскева матушка! Помоги рабам Божиим (таким-то) без скорби и болезни окончить жатву; будь им заступница от колдуна и колдуницы, еретика и еретицы». Затем со снопом в руках она старалась дойти до двора незамеченной (Афанасьев-1, 240).

Пятница — вечная странница; рассказывают, что она ходит по земле и водит с собой в това-

рищах Смерть. Строгая и требовательная к замужним женщинам, она бывает ласковой и доброй по отношению к девушкам и молодым холостым мужчинам, которым подыскивает невест. Шел дорогой прохожий, устал, сел отдохнуть и стал закусывать, чем Бог послал. К нему подсела молодая красивая женщина и попросила разделить с нею трапезу. Парень тотчас поделился. «А за это тебе награда, — сказала женщина, — иди в село и бери там замуж самую богатую девушку и живи с нею в добре и холе ровно сто лет». Прошел условленный срок. Вновь явилась красавица: «Пора тебе умирать!» — «Не хочется, прикинь еще сотенку». Прибавила. И эти годы истекли. Снова пришла Пятница со своей спутницей — Смертью. Еще сотню лет попросил у нее старец. Лишь через триста лет согласился он умереть, так как жить на вольном свету ему самому надоело. Повела его Пятница на тот свет, идут и видят привольное место, так бы и остался, но Пятница повела его дальше. Снова старцу понравилось красивое место, но и там Пятница не остановилась. Дошли до двери, и толкнула она в нее старца, оказался он в кромешном аду. Захлопнула Пятница дверь за старцем и сказала: «Жил бы он в пресветлом раю, если б умер на первой сотне лет, а теперь столько нагрешил, что самое место ему — у чертей в когтях».

Местные предания возводят к чудесам Параскевы Пятницы замечательной формы камни (например, следовики или вросшие в деревья), родники с целебной водой. В селе Ильеши Ямбургского уезда Новгородской губернии показывали березу с булыжным камнем, засевшим глубоко в коре. Камень запустил леший, когда преследовал Пятницу своими ухаживаниями. Спасаясь от лешего, Пятница вскочила на березу и исчезла, а

рассвирепевший леший закидал камнями все поле, причем один камень попал в ствол березы (Максимов С. В. Наше двуеверие. — Новь. 1885. Т. VI, № 22. С. 197 — 205).

Вера в существование Пятницы, странствующей по белу свету и наказывающей прях, была настолько сильна, что иногда порождала комические ситуации. Корреспондент Русского географического общества писал в середине XIX века о неожиданном следствии распространенного поверья. В одном селе Самарской губернии женщины богатого дома стали прясть при огне в пятницу и, чтобы не дремать, пели песни. Неожиданно в избу вошло существо, похожее на женщину с распущенными волосами, одетое в рубище, покрытое разноцветными, очевидно кровавыми, пятнами. Помолившись Богу, странница произнесла: «Не скажу вам, други мои, Бог помочь, потому что вы не почитаете пятницы, в этот день прядете и песни поете! Такими неблагопристойными делами вы оскорбили Бога, а меня всю изранили, так что я с головы до ног вся в язвах. Бог послал меня передать вам, что ваши мужья живыми домой не возвратятся, все померзнут в дороге. Я — Пятница Прасковея». Пряхи побросали гребни, стали плакать и молиться. В это время сообщники мнимой Пятницы обокрали хозяев. Уходя, Пятница обещала упросить Бога о помиловании неосторожных женщин. Разноцветное трапье Пятницы нашли после на воротах и заборе (Зеленин-1916, 1194). Не случайно поэтому предусмотрительные рукодельницы соблюдали не только именные, временные и обетные пятницы, но все пятьдесят две пятницы в году.

РЖА́НИ́ЦА См. *Полудница.*

РИГА́ЧНИК Рижный. См. *Гуменник, Овинник, Подовинник.*

Дух — покровитель риги, гумна, овина — хозяйственной постройки, предназначенной для сушки и молотьбы хлеба. Рижный требовал уважения, иначе сжигал и овин, и хлебные запасы. Одному хозяину рижный сжигал гумно дважды, тогда он решил запугать злого духа: пригласил медвежатника с медведем, спрятал их за печкой. В полночь пришел рижный хозяин и принес много рыбы, начал ее печь на углях. Печет и сбрасывает, а медведь из-за печки подбирает лапой и ест. Рижный хватился — ни одной рыбы! Бросился за печь: тут медведь и сгреб его, начал тискать,

пока ригачник не убежал. Вскоре рижный хозяин встретил одну женщину и попросил передать крестьянину, владельцу той риги, что больше жечь ее не будет и хочет одарить его деньгами, зарытыми под углом риги, их там полный котел (Перетц, 11).

В Тульской губернии верили, что ригачник помогает человеку, спасая его от козней ведьм и колдунов, предсказывая судьбу. Красивый парень понравился молодой ведьме, ей хотелось выйти за него, а он взял другую. Решила ведьма сжить его со света. Дело было к осени, пошел молодой хозяин спать в ригу, слышит голос: «Человек, к тебе беда идет, лезь на колосник». Парень послушался, только влез — вбежала в ригу свинья, искала-искала парня, не нашла, заголосила по-человечьи и ушла. На следующий день ригачник укрыл парня от ведьмы-оборотня за дверью, а на третий день велел взять тележную ось и ударить ею свинью наотмашь один раз — в тот же миг она сделалась девкой, с неделю поболела и умерла (Колчин, 39 — 40).

Ригачник лечил больных ломотой в пояснице. На Кенозере, в Олонии, больной терся об угол риги, приговаривая: «Овин, овин, возьми утин, носи один!»

РУСА́ЛКА Берегиня, воденица, водява, водяная чертовка, лобоста, лоскотница, лоскотовка, мавка, омутница, хитка, чертовка, шутовка.

Демоническое существо женского пола, одно из наиболее сложных и противоречивых как по происхождению, так и по общим характеристикам. Слово «русалка» напоминает о названии античного праздника русалий, розалий, воскресенья роз.

Еще в первые века христианства в романских странах он совпадал с праздником Троицы, в таком приурочении, по Начальной летописи и ранним поучениям, известны русалии и на Руси. Обряды и игры русальной недели, следующей за Троицыным днем до заговенья, восходят к взаимосвязанным между собой культам: мертвых, растительности, воды. Зримым воплощением русалий, персонификацией круга весьма разноречивых представлений периода максимального напряжения сил природы, явились образы русалок — лесных и речных духов, девушек-покойниц, стремящихся к соединению с миром живых людей.

Образ русалки запечатлен в народном изобразительном искусстве. Великолепные браслеты из аристократических кладов XII — XIII веков, найденные в разных концах Руси и предназначенные для празднования русалий, варьируют изображения русальских плясок (или пляшущих русалок?) и питья из рогов, птиц и животных, растительной символики (Рыбаков, 714). В XIX веке русалок или берегинь, фараонок (последнее название объясняется апокрифической легендой о превращении в водяных и русалок преследователей Моисея) любили изображать резчики по дереву в домовой резьбе, в украшении домашней утвари.

Подробны и конкретны рассказы о русалках в XVIII — начале XIX века — так утверждали собиратели и любители русской старины, составители первых очерков русских народных верований. В Вожской засеке близ Рязани, в борах Муромских, в лесах Переславль-Залесских, в засеках около Тулы — везде были русалки. В Черном и Туровском лесах, около Сапожка и Ряжска, они водились целыми гнездами. Иной видел их на

уединенном берегу реки, тот — возле озера, другой — когда они вечером качались на гибких древесных ветвях. В Черном лесу они имели у себя к услугам чертей, в Туровском они скакали на турах, и никакой князь не смел посягнуть на тех туров. Очевидцы утверждали, что русалки — все красавицы, любят расчесывать длинные русые или белокурые волосы самым белым, самым чистым гребнем из рыбьей кости, а по временам закидывают их назад и распускают по спине и плечам. Беда тому любопытному, который бы вздумал нескромно заглядеться на их красоту: русалки защекочут до смерти и утащат в омут, где поставят караулить свои хрустальные дворцы (Макаров-1, 9 — 11).

В конце XIX века о русалках знали не везде, на Русском Севере, в Поморье рассказов о них почти не было. Но повсеместно сохранялось почитание русальной недели и русалкина заговенья (на Петровки). В Прологе XV века русалиями названы игры, во время которых бесы в человеческом обличье бьют в бубны, сопят в сопели, надевают на лица маски. В Стоглаве XVI века русалиями называются ночные оргии мужчин и женщин, заканчивающиеся хождением к реке и купанием (Снегирев, 14 — 15). В XIX столетии «на русалку» в городах бывали народные гулянья, в провинции — помимо гуляний — обряды проводов русалок, в приволжских местах русалку изображали в виде соломенного чучела, взнузданного лошадиного черепа, укрепленного на шесте. Здесь также хоронили кукушку (траву кукушкины слезки), заменяющую русалку. На русальной, десятой после Пасхи, неделе, ни одна девушка не пойдет в лес без подруг из боязни злых русалок, которые

16 Заказ [illegible]

не любят женщин и по-своему благоволят к мужчинам, приглашая их к игре, не безопасной для простого смертного. Русальничанье мужчин в эту неделю заключалось в гульбе на все лады и обильных возлияниях до самого заговенья.

Севернорусские русалки рисуются злыми мстительными лешачихами, безобразными старыми женщинами с отвислыми грудями, этот образ встречается в рассказах, записанных в южнорусских и центральных губерниях, но здесь все же преобладает представление о русалке — водяной красавице, озорной, гибкой, смешливой. С Троицына дня они выходят из воды, где живут постоянно, и вплоть до осени гуляют по полям и рощам, качаются на ветках развесистых ив или берез, ночью водят хороводы, поют, играют, аукаются друг с другом. Там, где они бегали и резвились, хлеб родится обильнее. Играя в воде, они путают рыбачьи сети, портят у мельников плотины и жернова, на поля насылают проливные дожди и бури. У заснувших без молитвы женщин русалки похищают нитки; полотна, разостланные на траве для отбеливания, развешивают на деревьях. Отправляясь в лес, запасались предохранительным средством от русалок — ладаном и полынью. Русалка встретится и спросит: «Что у тебя в руках: полынь или петрушка?» Скажешь «петрушка», русалка обрадуется: «Ах ты, моя душка!» — и защекочет до смерти, скажешь «полынь» — обиженно бросит: «Прячься под тын!» — и пробежит мимо.

По происхождению русалки — дети, умершие некрещеными, или девушки-самоубийцы, утопленницы. Первые четыре года с момента гибели они могут еще вернуться к живым людям, если найдется знающий человек, вовремя подавший русалке крест. Через четыре года обращение становится невозможным. Помимо летнего периода, русалки выходят из воды на Светлое Христово Воскресение, когда вокруг церкви обносят плащаницу. Тогда двери храма стараются прикрыть как можно плотнее, чтобы не набежали русалки. В этом поверье сказалось представление, что с пробуждением природы оттаивают или оживают и души умерших, начиная бродить по земле, поселяясь в деревьях, где, по убеждению древних славян, жили мертвецы (Максимов, 100 — 104).

На множестве примеров Д. К. Зеленин в книге «Очерки русской мифологии» (Пг., 1916) доказал, что в народном мнении русалки — не просто души умерших, но души погибших неестественной смертью, убитых или самоубийц. К русалкам относили также исчезнувших когда-либо людей, проклятых матерями или украденных у них нечистой силой детей. В старинных синодиках говорится, что грешники не достойны погребения, тела их нужно бросать в ров или болото не закапывая. Считалось, что земля не принимает тело заложного покойника, а вода может служить ему могилой. Так появляются в воде чертовки, шутовки — русалки.

Далеко не везде русалка — существо исключительно водяное. В орловских лесных местах русалки — лесные духи, про́клятые матерями девушки, с исчезновением лесов пропадают и русалки. В Терских станицах полагали, что в русалку обращается младенец женского пола, умерший до крещения, всю жизнь после этого русалки проводят в степях, а в русальный день собираются возле болот, нападают на проходящих мимо людей и

щекочут до смерти, являются красивыми девушками с длинными волосами, ходят по степи нагими и питаются разными травами (Сборник материалов-16, 320).

По тульским поверьям, русалки водятся в лесах, во ржи (что сближает их с полудницами) и в воде. В лесах они сидят под деревьями с корзинками в руках, полными ягод, орехов, бубликов и калачей, заманивают этими лакомствами маленьких детей и щекочут до смерти. Красивы лицом и станом, с распущенными зелеными волосами, нагие. В лесу от русалок избавляются, как и от прочей нежити, очертив себя кругом (закрещенным). Можно напугать русалок, подъехав к ним на кочерге, — решив, что это ведьма, русалки в ужасе разбегутся; отмахнуться от них вальком для стирки белья, сказать, сколько зубьев в бороне, — они отступятся (Колчин, 25).

В Калужской губернии говорили, что русалками становятся не только утопленницы, но и их дочери. Многие девушки бросались в воду из-за неудачной любви, будучи уже беременными. Под водой у них рождались дети. Помня об обмане, русалки радовались, когда в воде тонул крещеный человек. Они даже нарочно старались завлечь мужчин в глубину озер и омутов. Русалки могут принять любой облик: птицы, сороки или человека, и, если им нужно было привлечь мужчину, они принимали вид крестьянской девушки, садились на дорогу, где должен был пройти путник. Как бы никого не замечая, девушка начинала раздеваться, делала себе изголовье и ложилась спать в одной рубашке, обычно — в светлую лунную ночь. Парень или вдовец, подзадоренный безлюдностью места, подходил поближе полюбоваться

спящей красавицей, ложился рядом. Русалка разрешала себя обнять и поцеловать, но при дальнейших покушениях вырывалась, оставив в руках разгоряченного малого свою рубашку. Потеряв голову, парень бежал за нею к озеру, у самого берега русалка позволяла себя обнять, обвивала его шею руками, а когда он обезумеет от страсти, кидалась с ним в воду. Под водой русалки заставляли утопленников чесать лен, играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, под звуки которого танцуют и плещутся в воде. Не любят русалки проточных вод и селятся большей частью в омутах. Среди русалок есть старшие, они тиранят младших и смеются над молодыми русалками, не сумевшими затащить в воду ни одного человека. Случалось и так, что русалка пожалеет парня, не захочет топить его, тогда она сможет пользоваться только двумя ночными часами для свиданий с ним, а все остальное время — ревновать его к живым. Когда наступит зима и озеро замерзнет, тоске русалки нет пределов. Порой на озере раздается сильный треск и замирающий подо льдом стон — это бьется об лед русалка, горюя о милом. В неделю после Троицы русалкам дана воля замучивать до смерти щекоткой, а чтобы люди знали, отчего умер этот человек, на голову ему надевают венок из осоки и кувшинок, руки связывают березовой веткой. Труп его не гниет, пока до него не дотронется рука человека, каждую ночь русалки водят вокруг него хороводы. Отличить хоровод русалок от плясок обычных девушек можно, внимательно прислушавшись к их песням: в русалочье пение вплетается стрекотание сороки.

Русалка так хороша, так нежно поет, что, увидев и услышав ее чарующий голос, человек, затосковав, не может оторвать от нее глаз, все бы гладил ее длинные волосы, в которых она вся может спрятаться. Такой человек отобьется от дома, перестанет есть, будет ходить около рек и озер и искать ее, да с тоски либо крест снимет и в воду кинется, либо удавится на дереве, где она сидела (Калужская губ.).

В Орловском крае троицкое угощение в лесу, кумление и завивание березок стремились закончить до заката солнца, чтобы не быть схваченными русалками — молодыми босоногими девушками, с белым как снег телом, прикрытым длинными распущенными светло-рыжими волосами, легкими как пух, — они быстро перебегали от дерева к дереву, перескакивали с ветки на ветку и, качаясь в ветвях, нежным голосом звали подруг: «Кума, кума, приходи!» Если застанут в лесу молодую женщину — нападут на нее, сорвут одежду и ветками выгонят из лесу; мужчину — окружат с хохотом, сорвут одежду, схватят сзади под мышки и щекочут до тех пор, пока он не потеряет сознание от смеха. Тогда, осыпая его поцелуями, берут на руки и невидимками приносят в дом, положив на постель, женатого — жене под бок. Стариков и старух русалки не любят и прячутся от них, поэтому пожилые люди видят только раскачивающиеся ветки деревьев да издали слышат их голоса.

Один смельчак задумал повидать русалок, избежав при этом щекотки. Знахарь порекомендовал ему к ночи выйти из дома голым, надев два креста: один на грудь, другой на спину, русалки оттого нападают сзади, что на спине креста нет. «А если ты будешь гол, — объяснил колдун, — им

не нужно будет раздевать тебя, и они не станут тебя касаться». Ночью парень прибежал в лес, смотрит — множество русалок: поют, пляшут, раскачиваются на ветвях. Вдруг все стихло — русалки почуяли человеческий дух и бросились к парню, каждой хотелось обнять и поцеловать его, но кресты отпугивали их. Парень приободрился и стал играть с ними, но сколько он ни старался поймать хоть одну — не мог.

Всю ночь он пел и плясал с русалками, к утру они заманили его в густую высокую траву и стали кататься в ней. Вдруг крест, висевший на спине, спал с шеи, тотчас русалки схватили его под мышки и начали щекотать, пока парень не упал замертво. Будто сквозь сон видел он, как русалки положили его на ветки, молча вынесли из леса, миновали ниву, двор, внесли в избу и, надев на него рубашку, положили на постель.

После семицкой недели русалок в лесу нет. Одни говорят, что они поднимаются наверх и живут в облаках, другие — что они скрываются под землей и спят там все остальное время года, третьи — что они переселяются в реки: последнему верят не все, так как известно, что водяной хозяин не пускает утопленников на волю даже в Троицу (Зеленин-Очерки, 128 — 130).

Во владимирских поверьях русалки бывают двух родов: речные или озерные и домашние. Первые — утопленницы или про́клятые родителями дочери, вторые — только про́клятые. Про́клятые живут также в болотах и покидают их три раза в сутки: в полдень, в сумерки и в полночь. Полуденное время считается самым дурным, в полдень в лесу наступает мертвая тишина, солнце в листве играет и нечистая сила бродит. Рассказы о русалках — про́клятых девушках — бывают со

счастливым концом. Вот совершенно достоверная история, которую поведала одна племянница о собственной тетке, бывшей русалке:

«Мой двоюродный дядя Максим ходил смолоду на Волгу — матросом на барке. Вот однажды утром пошел он умываться, вдруг видит: около мостков стоит девка, красива-на-красива. «Эх-ма, — бает дядька, — за этой кралей и прихлестнуть не мешало бы. Если бы она меня полюбила, я и жениться не прочь», — а он в ту пору был холостой. Сказал так, да и забоялся чего-то, ужас напал на него. Стоит и думает: куда деться? Тут девка ему и говорит: «Что ты, добрый молодец, боишься меня? Коли сказал, что я люба тебе, да хочешь меня замуж взять, так я от тебя не отстану, бери меня с собой!» Дядя стал молитву творить — ничего не помогает, согласился взять ее к себе.

Прожил он с ней на барке две недели и совсем затосковал. Товарищи заметили, что он по ночам с кем-то разговаривает. «С кем, — бают, — ты по ночам беседуешь? На тебе и лица-то нет!» Он им рассказал, в чем дело. Товарищи посоветовали ехать домой, так он и сделал. Приезжает домой, а она с ним. Отвел он ее в клеть и стал ходить к ней спать по ночам. Когда приходилось дяде Максиму отлучаться из дому, русалка все плакала взаперти. Родные Максима заметили: плачет кто-то в клети, заглянули — нет никого, спросили у Максима, что за диво? Пришлось ему рассказать, что с барки увязалась за ним девка и никакими судьбами отделаться от нее не может: «Пообещался на ней жениться, да боюсь спросить вашего благословения». Старики ему в ответ: «Вот что, Максимушко, коли ты обещал взять ее за себя — бери. А когда ляжешь с ней спать, надень на нее, на сонную, крест».

Дядя Максим все сделал так, как научила его мать. Утром родители приходят, видят, что в клети он не один, а с ним какая-то девка нагая. Дали ей сарафан, выспросили: «Чья ты будешь, девушка?» Она им отвечает: «Я дальняя, Самарской губернии. Меня мать прокляла, я пошла и утопилась с горя. Совсем не утонула, а стала жить в воде. Три года была русалкой. Спасибо вашему сыну Максиму, что он меня выручил, всю жизнь за него Бога молить буду». Вскоре дядя Максим женился на ней, и больно уж жили гожо. Лет сорок назад померла тетка Клавдия, а через три года после нее и дядя Максим».

Но не всегда крест, наброшенный на русалку, вернет ей человечью судьбу. Домашняя русалка, вроде кикиморы, навсегда останется нежитью. Остались домовничать мать с дочерью, хозяин в Мурманск, за хлебом, уехал. Вечером долго сидели за пряжей, гребни с мочками так и остались на лавках. Огонь потушили, матушка легла на печь, дочь — на пол. Только разоспались, матушка будит: «Вставай, Катька, слышишь, как русалка прядет?» А русалка и впрямь прядет, лишь гребень говорит да веретено постукивает. «Сними с себя крест, — учит матушка, — да набрось на нее». Бросила дочка крест туда, где пряла русалка, и все стихло. Зажгли огонь, глядят — а на донце лежит веник, на венике — дочернин крест (Владимирская губ.).

В отличие от лесных и домашних, речные и озерные русалки, омутницы, никогда не отходят далеко от воды, потому что боятся обсохнуть. Если при русалке есть гребень, то она может затопить любое сухое место: сколько бы она ни расчесывала свои мокрые волосы, с них все время будет струиться вода, если на русалке волосы обсохнут, она умрет. Изредка на мокром песке мож-

но заметить русалочьи следы, но обычно русалки перерывают песок, стараясь изгладить их. Днем они почти не выходят их воды, зато ночью проказят, как могут, иногда от скуки перенимают заночевавшее на озере стадо гусей и завертывают им крылья на спине, так что птицы не могут их расправить. Говорят, что у водяных русалок — рыбий хвост или что на ногах у них между пальцами есть перепонки, как у гусей (Даль, 58).

Хороши ли, уродливы ли русалки, стары или молоды, в любом случае от них старались избавиться, устроив проводы, где — почетные, где нет. На Рязанщине всю троицкую неделю русалок изображали девушки, гулявшие по деревне с распущенными волосами, в одних рубашках. Во вторник русальской недели молодые бабы и девицы рядились в мужские костюмы или оставались в рубашках, изготавливали плети и уходили в поле, где пели плясовые песни, устраивали хороводы, а на обратном пути нападали на мужчин, стегая их плетьми. В ночь на заговенье Петрова поста жители изгоняли их, вооружившись палками, косами, кнутами. С криком «Гони русалок!» они выпроваживали их из пределов своей деревни и возвращались домой с убеждением, что и настоящие русалки не будут больше никого беспокоить. Во многих местах в воскресенье перед Петровым постом или в воскресенье после Троицы сжигали женское чучело русалки, устраивая костер за селом в сумерки, прыгали через огонь с целью очищения от того зла, которое причиняли злые духи.

САМОУБИЙЦА

Человек, наложивший на себя руки, угоден черту, про такого говорили: «черту баран», «дьяволу каша», т. е. жертва сатане. После смерти самоубийцы, подобно колдунам и колдуньям, становились живыми мертвецами и, подобно всем заложным покойникам (см. *Заложные*), приносили людям вред, будучи причиной засух, неурожаев, болезней и голода. Чтобы избежать этих бедствий, самоубийц не погребали на общем кладбище, а выбрасывали в болота, омуты, оставляли тела их не погребенными, хоронили близ места смерти (например, удавленников — близ деревьев, на которых они удавились). К самоубийцам относили также опойц — людей, погибших от неумеренного потребления спиртных напитков. Могилы само-

Черт верхом на грешнике. Из книги «Цветник» о смертных грехах. Ровинский-3. № 780.

убийц считали опасными местами — здесь блазнило, ветки, трава, сучья, сорванные или подобранные тут, приносили болезни и несчастья. Если бедствие, например засуха или эпидемия, угрожало всем жителям села или деревни, а причину несчастья видели в кознях живого мертвеца — самоубийцы, — его могилу раскапывали и труп подвергали уничтожению (сожжению) или новому обряду отправления на тот свет (бросали в воду, вбивали в спину кол, чтобы не вставал из могилы). Представления о бытии самоубийц после смерти носили двойственный характер: с одной стороны, их души становились вечными странниками на земле, лишенные традиционных погребальных почестей, они не могли попасть на тот свет; с другой — они оказывались слугами демонов, обитателями ада, приходящими на землю вместе со своими хозяевами-чертями. По вятским поверьям, во главе самоубийц стоит Иуда Христопродавец, сидящий на коленях у Сатаны. Когда Христос был в аду, чтобы вывести оттуда души праведных, он звал и Иуду, но Иуда пожелал остаться на коленях у дьявола. Самоубийцы у Сатаны несут солдатскую службу или превращаются в коней и возят на себе бесов: Сатана сидит на почетном месте, а черт — на козлах. Самоубийц подковывают, как лошадей.

Выдала попадья дочку замуж, дала большое приданое и стала о нем тосковать: «Зачем да зачем я за дочерью столько отвалила!» До тех пор тосковала, покуда на своих дверях не повесилась. Вскоре после того кузнец той деревни слышит ночью: стучат в окошко. Смотрит — подъехали люди на конях: «Подкуй кобылу, кузнец!» Он бы и не стал ночью вставать, да видит — люди богатые, одеты хорошо — и пошел в кузню. Подко-

вал кобылу, только успел повернуться, глядь — уж человек на нее вскочил; а она уже не кобыла, а попадья, а возничий — сам нечистый. Как хлестнет ее с размаху по боку, и ускакал вместе с другими. А другие — все такие же: все сидят либо на удавленниках, либо на пьяницах. Недели через две после того случая кузнец умер (Семенова, 233).

В сказке Самарского края попадья-самоубийца оказалась во власти лешего: пришлось раз бурлаку возвращаться пешим домой, а путь не близкий. «Хоть бы леший какой меня до дому доставил!» — подумал он. Враз подлетает тройка лихих коней с кучером, бурлак сел, и они понеслись быстрее ветра, кучер сидит да покрикивает: «Ну-ка, попадья, распатронь-ка!» Триста верст пролетели в одну минуту, домчал леший бурлака домой, а оказалось, у них в деревне незадолго до того попадья повесилась, он на ней и ездил (Садовников, № 77).

По другим рассказам, самоубийцы призраками бродят по ночам близ родных мест, стонут и плачут, не причиняя людям особого зла. В Ямбургском уезде бывшей Петроградской губернии повесилась девушка Прасковья, чтобы избежать преследований барина. Ее схоронили в лесу за деревней, где обыкновенно хоронили некрещеных и самоубийц. Вбить в мертвое тело осиновый кол не удосужились, и с тех пор каждую весну из-за ореховой горы слышны ее жалобные голошения: со стонами бродит по лесу «задавлящая» Пашка, ее часто видели возле ключа у дороги — вся в белом, с опущенной головой (Зеленин-1916, 1063).

По самоубийцам и скоропостижно умершим делают тайные большие пожертвования на литье

колокола: колокол вызвонит милость у Бога несчастному, и он обретет покой (Зеленин-1915, 784).

САТАНА́, *Сатанаил* Бес, вельзевул, враг, демон, дьявол, злой дух, змей, игрец, князь ада, князь тьмы, неключимая сила, некошный, ненавистник рода человеческого, нечистый, повелитель бесов, соблазнитель, царь ада, царь тьмы, черная сила, черт, шайтан.

Падший ангел, главный противник Бога, воплощение злого дьявольского начала, повелитель всех бесов, чертей (см. *Дьявол, Черт, Бес*). Библейский термин «сатана» родствен обозначению дьявола, джинна мусульманской мифологии — «шайтану». В средневековой живописи, как и на русских лубочных картинках, Сатану изображали в образе мужчины с рогами на голове, с хвостом, крыльями за спиной, с копытами (когтистыми лапами) вместо ног; в образе змеи с лицом человека. В Ветхом завете Сатана — не столько название определенного духа, сколько указание на всякое зло, это существо, которому отведена роль наушника, клеветника и провокатора, стоящего во главе всех враждебных человеку демонов. Окончательное отторжение Сатаны от горнего мира и его низвержение связаны с пришествием Христа: когда его ученики впервые собрались на проповедь, Христос видит «Сатану, падшего с неба подобно молнии». По-видимому, с тех пор Сатана стал князем тьмы, повелителем подземного адского царства. Ему предстоит выйти оттуда и воцариться на Земле во времена антихриста, после победы светлых сил он будет вновь и окончательно ввергнут в бездну.

В русских народных дуалистических легендах о сотворении мира Сатане отведена важная роль,

Грешник перед троном Сатаны. «Повесть о некотором немилостивом человеке, любителе века сего». Ровинский-3, № 726.

он не только противник, но и помощник Бога, создатель некоторых участков Земли, творец птиц, животных и деревьев, которые в народе слыли нечистыми (осины, козы, Сатана наделяет шерстью собаку, отчего ее мех всегда плохо пахнет, и т. д.). Правда, Сатане в деле творения отведена роль трикстера или комического двойника Бога. Стремясь во всем ему подражать, дьявол созидает мир, обратный той идеально-правильной модели, которую задумал воплотить в жизнь Бог.

В давнее время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода, спустился Саваоф вниз и спросил: «Кто здесь есть?» Сатана откликнулся: «Я». Спросил Саваоф Сатану, не видел ли он где-нибудь земли. «Есть, — ответил тот, — на дне морском». Сходил за землей, обернувшись гоголем, но, пока поднимался, вода вымыла землю у него изо рта. Вновь нырнул Сатана на дно и вновь вернулся ни с чем. «Немощен ты, брат, — сказал Саваоф, — ныряй в третий раз, увидишь на дне, на камне, икону девы с младенцем, благословись у младеня и возьми земли». Сделав все так, как велел Саваоф, Сатана принес земли. Рассеял ее Бог в восточную сторону — и стала чудная прекрасная земля. «Все ли ты мне отдал?» — спросил Саваоф. «Все», — ответил Сатана, а сам держит частицу за щекой. Вдруг земля во рту стала расти, прибывать, щеку раздуло, видит Сатана — не обмануть ему Саваофа, выплюнул землю в северную сторону — и появилась земля холодная, каменистая и неплодородная.

Задумал Саваоф создать себе полки воинов, дал в руки Сатане молот и велел бить им в каменную гору правой рукой, а сам пошел на восток рай насаждать. Стал Богов товарищ бить молотом по камню — из-под молота светлые воины

выскакивают, на восток Богу кланяются. Устала правая рука Сатаны, начал он бить левой: выскочил черный бес и поклонился молотобойцу. Смекнул Сатана, в чем дело, и поменял руку — до тех пор бил, что чуть-чуть со светлыми полками не сравнялся.

К тому времени Саваоф рай насадил, пришел к Сатане, видит — дело плохо, зааминил молот, перестали выскакивать нечистые, одни искры сыплются — так и теперь бывает при ударе молотом по камню. Рассердился Саваоф, захотел наказать Сатану, а у того чертей — сила несметная. Построил Саваоф небо над морем и землею, а Сатана себе другое небо, еще выше, устроил. Так возвели они семь небес, седьмое Саваоф зааминил и велел Михаилу Архангелу столкнуть Сатану на землю вместе со всеми его небесами и невидимой силой. Не мог справиться с Сатаной святой Михаил до тех пор, пока, по совету Саваофа, не спустился на землю к Чермному морю, где на берегу была икона девы с младенцем, благословился Архангел у младеня и столкнул Сатану с неба. Падала та бесовская сила на землю словно мелкий дождь в течение шести недель, часть ее осталась на воздухе, часть пала на землю, часть провалилась под землю (Барсов, 87 — 88).

По другим рассказам, до сотворения мира была тьма и вода, над водой летали два духа: светлый и темный. Светлый сказал: «Пусть будет свет», а темному оставил ночь. От слова Белого духа произошли небо, земля, воздух, вода, светила, животные и растения. Белый дух — Господь Бог, все он творил с помощью темного духа, а затем один высек своим мечом из камня подобных себе светлых духов, а напоследок Архангела Михаила. Когда светлый дух спал, темный выкрал его

меч и насек великое множество злых духов. Почувствовав за собой силу, темный отказался от Белого духа, тогда Бог проклял его и назвал темное воинство дьяволами, а их предводителя — Сатаной; он велел Архангелу Михаилу отогнать врагов от своего престола, но злая сила опалила Архангелу крылья, после чего Бог вручил святому Михаилу заклятый меч и научил проклятию: «Именем Господа Бога вы, черти, будьте прокляты!» Полетел Архангел Михаил о шести крыльях и избавил небо от дьяволов, упав вниз, они превратились в разного рода нечистую силу — леших, водяных, огненных змеев (Колчин, 53 — 55).

Сатана принимает активное участие и в сотворении человека. Согласно тамбовской легенде, первый человек был создан в результате соперничества Бога с Сатаной, и с тех пор мысли и душа человека — арена бесконечного состязания добрых и злых дел. Было два царства: тьмы (на земле) и света (на небе). Первым правил сильный и богатый царь Сатанаил, вторым — Бог. Бог был добрым и любил Сатанаила, а земной царь был злым, коварным, завидовал Богу и ненавидел его. Раз заспорили они между собой — кто из них сильнее, кто кого сможет побороть. Сел Бог на свой сияющий трон и велел сдвинуть себя с места. Как ни старался Сатанаил, у него ничего не получалось — глаза слепит, руки жжет. «Где тебе меня побороть!» — сказал Бог и сбросил Сатанаила на землю. Больше прежнего озлобился царь земли на Бога и решил перехитрить его: «Давай посмотрим, кто из нас ловчее обманет другого». Бог согласился, но сказал: «Двое нас с тобой во всем белом свете, сотвори третьего!» Сатана спустился на землю, достал глины и вылепил фигуру

по образу и подобию Божию, но, как он ни ухитрялся, оживить ее не мог. Стоило Богу ее коснуться, как фигура стала живым человеком. «Нука еще!» — подзадоривал Сатана. Бог взял кусочек глины, дунул на него, и появилось второе существо, во всем подобное первому, только еще краше. Взял их Бог за руки и отвел в райские сады. Вновь затаил злобу Сатана и стал ждать случая, чтобы отомстить Богу. Лишь только стемнело и Господь возлег в своих небесных чертогах, Сатанаил прокрался к райским садам, решив похитить первых людей, но решетка, подобно божественному трону, опаляла тело и слепила глаза. Увидев, что райской ограды ему не преодолеть, Сатанаил стал звать к себе первых людей. Не подозревая ничего дурного, они перелезли через ограду и очутились во власти Сатаны, который посадил их между могучими крыльями и унес в свое царство на землю.

Утром Господь проснулся и обнаружил пропажу. Взял свой чудесный жезл, махнул им и окружил себя многими миллионами небесного воинства. Дал им Бог огненные мечи и повел воинов на землю. В ответ Сатана сотворил демонов: свистнул, и стало их больше, чем песку в море. Зашумела черная сила и понеслась на Господа. Семьдесят семь дней шла война: небо колебалось, земля стонала, наконец, Бог победил Сатанаила, свергнул его в тартарары со своей демонской силой. Пошел Бог искать свое творение — первых людей, и увидел их на высоком острове среди бурного океана, в развалинах Сатанаилова дворца. Здесь плакали они, моля о прощении и возврате на небо. Господь простил их, но оставил на земле, выучив ремеслам и земледелию, внушив им понятие о добре и зле. Затем, собрав все свое небесное воинство, поднялся на небо. С той поры началась непримиримая борьба добра со злом. Во знамение своей победы над Сатанаилом Бог повесил над землей огненный меч, рассеивающий на земле бесов. Этот меч — солнце, днем молчит рать Сатанаилова, сидит в кромешной тьме, но настанет ночь, и вылезает сила бесовская, соблазняя человека, склоняя его к дурным делам. Так и пошло: Бог благословляет людское племя, шлет на землю чистые души, а черт оскверняет их в греховном теле, подчиняя небесный дух земным страстям.

Долго терпел Господь, наконец, разгневавшись на людей, решил извести их потопом, разверзлись облака, полил дождь и затопил всех, кроме праведников. Для нового племени Бог сотворил добрых услужливых животных, насадил целебных трав и растений. Только тут Сатанаил стал пакостить Богу: рассеет Господь доброе семя, а Сатанаил ночью — плевелы, ядовитые цветы и травы, хищных зверей и гадов. После потопа Бог превратил землю в плодородную равнину — а Сатанаил изрыл ее пропастями и оврагами, понаделал гор, разбросал камни.

Как-то явился Сатана к Богу и стал просить у него нового человека на испытание, заспорил, что совратит праведников. Бог согласился, приставил к каждому человеку по ангелу-хранителю, заповедав любовь к себе, и навсегда отлетел от земли. Сатанаил же приставил к человеку своего демона-соблазнителя и ушел в подземное царство. Снова разгорелась борьба двух сил над человеком, но теперь уж ни Бог, ни Сатана на землю не сходят. Последний раз сойдутся они во время светопреставления, чтобы разделить между собой праведников и грешников: кого окажется больше, тот

и выиграет в давнем споре. Люди же всё чаще становятся добычей дьявола, ангелы отлетают на небо, а как отлетят все — тут и конец миру. Выйдет Сатанаил из кромешного царства и воссядет на земле, на прежнем своем троне, но всего три дня допустит Бог его господство: опять снимет свой огненный меч и поразит всю бесовскую силу (Звонков, 64 — 67).

Народные легенды представляют Сатану таким же вечным духом, как и Бога, оба они существуют в ту пору, когда ничего, кроме мирового океана, не было. Сначала они создают землю, затем подобных себе духов — темное и светлое воинство, а затем, в вариантах, то вместе, то порознь творят мир и человека. Бог сказал: «Сделайся небо!» — и явилось небо; «Сделайся солнце!» — и в ту же минуту оно осветило землю; «Явись луна! звезды! растения! животные!» — и все явилось по слову Божию. Затем нарисовал Господь на песке человека и оставил собаку его караулить, а сам пошел на небо за душой для него. Пришел Сатана и сотворил страшный мороз, а в ту пору у собаки еще не было шерсти, и она начала дрожать и скулить от холода. «Допусти меня, пес, до человека, — сказал Сатана, — я тебе шубу дам, не будешь зябнуть!» Собака согласилась, и дьявол дал ей кожу с шерстью, а сам подошел к нарисованному на песке человеку, засыпал его землею, наплевал, нахаркал на него, сказав: «Теперь ты будешь вспоминать меня чаще, чем Бога!» Вот отчего люди так часто поминают черта. Затем соблазнитель устроил себе небо пониже Божьего и укрепил там свой престол. Бог благословил Михаила Архангела на борьбу с дьяволом, дал ему крест, евангелие, копье и шпагу, и Сатана был свергнут вместе со своими слугами. Господь же

вдунул душу в первого человека — Адама, в сотворенную из его левого ребра — жену Евлю, ввел их в рай и разрешил есть плоды всех деревьев, только с одной яблони, что росла у райских врат, не трогать яблок. Сатана соблазнил Евлю вкусить от яблони, а жена дала кусочек Адаму, но тот не смог проглотить его, кусок так и застрял в горле, оттого у мужчин на горле заметна косточка — адамово яблоко, а у женщин ее нет (Новгородская губ.).

Монотеистическая точка зрения на происхождение мира выражена в легендах, согласно которым творцом является только Бог, он создает и Сатану специально для «черной» работы: после того как Бог устроил воду и землю, последняя оказалась затопленной. Бог плюнул в воду, и от его плевка появился Сатана. Бог приказал ему сгинуть, но Сатана возразил, что он — такое же Божье создание, часть его слюны и имеет право на существование. Бог создал из земли человека, а Сатана, воспользовавшись его отсутствием, понаделал пальцем в его теле семьдесят семь углублений, входов, открытых ко всякой болезни. Бог, вернувшись, вдунул в человека душу, а увидав углубления, создал семьдесят семь целебных трав, каждая — против той или иной болезни (Вологодская губ.).

Еще одна версия происхождения Сатаны — появление злого духа из ангела, изгнанного Богом из своего царства. Сначала Господь сотворил невидимый мир, ангелов, которые во всем ему беспрекословно подчинялись, но с течением времени некоторые из них возгордились и потребовали для себя особого суда. Отпавших ангелов Бог изгнал, но не лишил их чудодейственной силы, вложенной в них при творении. Отверженные заспорили

между собой из-за власти, одному из ангелов — Сатане — удалось встать во главе осужденных Богом духов. Бог приказал отверженным творить из хаоса мир, выделяя воду, сушу, воздух. Под руководством Сатаны черти из хаоса выделили песок, построили из него себе помосты и расположились там на жительство. Господь рассеял песок в пространстве, и в тех местах, куда падали песчинки, образовывалась земная твердь. Вода с земной тверди скатывалась прямо на мосты злых духов — так появились моря и океаны, топи, озера и болота. Полетев за Богом, Сатана ртом подбирал несущиеся по воздуху песчинки, по временам выплевывая их: так образовались горы. Бог разметил место для рая и здесь одним своим словом создал всевозможные растения, испестрил цветами зеленые луга. Сатане удалось посадить в раю только одно дерево — яблоню, древо познания добра и зла; цветы Сатане не понравились, и он рассеял между ними плевелы: ползучие травы и кустарники обвивали стволы плодовых деревьев, пили из них соки, мешая росту; даже ядовитые травы посадил в раю Сатана, а также осину, на которой позже удавился Иуда. Из рая растительная жизнь распространилась по всей земле. Животных Господь лепил из глины, сначала голубя, последним — человека. В то время как Бог творил четвероногих, дьявол — пресмыкающихся, тварей без ног и без крыльев или со множеством ног (пауков, скорпионов). Единственной четвероногой тварью, сотворенной Сатаной, был козел. Увидав других зверей, козел побежал к ним, но Сатана, из боязни, что Бог узнает, чем он занимается, схватил козла за хвост. Зверь рванулся, и хвост остался в руках у Сатаны. С тех пор у козлов такие короткие хвостики. Животных Бог лепил из

желтой глины, а человека — из красной. Приложив свои уста к губам человека, он вдохнул в него жизнь, назвал Адамом и ввел в рай, приказав дать всему свои названия.

Сатана между тем спустился в болото к своим чертям и стал уговаривать их отнять власть у Бога. Бесы поделились на партии: одни отказались поддержать Сатану, другие ему подчинились. Первую партию возглавила Смерть, которая говорила, что им не пересилить Бога. Часть бесов не примкнула ни к какой партии, ожидая, чем кончится борьба между Сатаной и Смертью, чтобы примкнуть к победившим. В стане воздержавшихся были свои предводители: Кривда, Грех и другие. Сатана со своим воинством взлетел выше Бога, но был повержен оружием, которое производило грозу. Небесные стрелы — молнии сбили чертей с небес, они провалились в болота и пропасти, сам Сатана упал близ рая — земля не захотела держать на себе великого грешника и дала ужасную трещину, куда был увлечен Сатана. Так, неподалеку от места, где потом выстроили Иерусалим, появился ход в преисподнюю, и по сей день здесь слышен подземный гул, наводящий трепет на путешественников. Духи, не примкнувшие к Сатане, были осуждены Богом на вечные скитания в земном мире. Смерть, Грех и Кривда бродят меж людьми, сея зло и страдания; признавая высшую власть за Богом, они боятся приверженцев Сатаны и сторожат вход в преисподнюю, чтобы бесы не выходили оттуда.

Казачье сказание приписывает роль искусителя Евы и Адама не Сатане, а его племяннику Леониду, который, правда, советовался с Сатаной, как ему соблазнить первых людей. Сатана подсказал ему, что нужно найти реку в пределах рая и по

водам этой реки пробраться к жилищу первых людей. По воде Леонид вплыл в рай, нашел посаженное Сатаной древо познания добра и зла, вспрыгнул на него, а затем вошел в змею, лежащую под яблоней и обвился вкруг ствола. Человеческим голосом злой дух убедил Еву вкусить от запретного плода. Едва она попробовала кусочек, как разразилась гроза, и Адам понял, что они с женой нарушили данную Богом заповедь. Молния поразила племянника Сатаны, но и Адам с Евой оказались изгнанными из рая. Видя в подстрекателе — Сатане — главного виновника несчастья, Бог велел приковать Сатану цепями к столбу посреди адского царства.

Между тем Адам и Ева, поселившись неподалеку от рая, стали жить семьей, у них родились дети. Вскоре первая дочь умерла, и родители не знали, что делать с нею. Тогда бес под видом старца научил Адама: пусть он напишет на черепе кровью из своего мизинца, что все люди после смерти поступят во власть Сатаны и поселятся в подземном мире, и, таким образом, все заботы о мертвых Сатана возьмет на себя. Адам написал то, что продиктовал злой дух, и власть Сатаны над умершими длилась до тех пор, пока Иисус Христос не вывел их из ада после своего воскресения, уничтожив тем самым договор Сатаны с Адамом (Сборник материалов-36, 130 — 140).

По вологодскому поверью, темное воинство растет с умножением человеческого рода, так как Сатана с дьяволами совращает души умерших младенцев, которые после смерти превращаются в ангелов, переманивая их на свою сторону. Такой взгляд близок к распространенному мнению, что нечистая сила — души проклятых Богом людей. Так, по воронежской легенде, Бог при Вавилонском столпотворении наказал народ, дерзнувший проникнуть в тайну его величия, смешением языков. Зачинщиков, лишив образа и подобия человеческого, он на вечные времена отправил сторожить воды, горы и леса. Кто в момент проклятия находился дома — стал домовым, в горах — горным, в лесу — лешим.

Версия происхождения нечистой силы, являющейся хозяевами земных угодий, от «бывалошных», давно живших людей, от прóклятых (см. *Проклятые*) отделяет духов природы и домашних строений от жителей ада — чертей и бесов. Только последние подчиняются непосредственно Сатане, который посылает их на землю для исполнения разных злых дел. Вернувшись, бес докладывает Сатане о сделанном, и, в случае неудачи, Сатана — гигант по сравнению с бесами — бьет их, обрывает хвосты и калечит, оттого есть много чертей с увечьями: хромых, слепых, безухих и бесхвостых (Георгиевский, 53). Сатана никогда не учит чертей, у него заведено так, что подчиненный сам до всего доходит. Ни один черт не смеет просить совета у Сатаны, и часто, боясь показаться на глаза грозному начальству, созывает других чертей на совет в заранее условленное место, которое у людей слывет нечистым.

Сам Сатана посещает сборища ведьм, шабаши, которые устраиваются в разных местах, у заклятых сосен, на Лысых горах и т. д. Например, в Калужской губернии на границе Мещовского и Мосальского уездов около деревни Дворки стояла громадная сосна, дупло внутри ее сгнило и набито всякими тряпками, ветошью, волосами и костями, — сюда слетаются ведьмы для встречи с Сатаной. Не только спилить эту сосну, но и проходить мимо нее, особенно ночью, опасно. Сучья

у сосны выпрямлены и замечательно вытерты, будто на них кто-то часто сидит. Верхушка сломана так, что представляет как бы удобное место, трон, седалище Сатаны, заправилы шабаша.

К Сатане могут попасть проклятые люди, особенно, если проклятие звучало так: «Дьявол тебя возьми!», «Пошел к черту!» Прокляла мать сына, отдали его в пастухи и в один летний день нашли мертвым, голова в воде. Через пятнадцать лет в ту деревню, где жила мать мальчика, явился человек и рассказал, что его, проклятого, унесли в лес «словно бы и не люди», сняли с него платье, надели на осиновый чурбан и положили на берегу озера, а его самого потащили к Сатане. Сатана выдал ему одежду, в которой он видел всех, а его никто не замечал. Вместе с чертями он подталкивал людей к убийствам и самоубийствам — за пятнадцать лет ни одного уголовного дела без них не обошлось (Новгородская губ.). Действительно, в большинстве случаев на вопрос: «Почему ты это сделал?» — преступник отвечал: «Грех попутал, сам не свой был. Силен Сатана, ничего не поделаешь, дьявол толкнул».

Сатана использует разные средства, чтобы погубить людей. Еще во времена потопа он пробрался в ковчег под видом мыши и стал прогрызать дыру в нем, но по одним рассказам тигр, по другим — кошка проглотила дьявола в образе мыши; а некоторые утверждают, что это уж заткнул дыру в ковчеге своей головой, отчего у него всегда можно заметить корону на голове, знак особого отличия перед Богом. Сатана изобрел на погибель людям водку и вино и научил людей, как их готовить. Табак — также его изобретение. Когда люди курят табак, то уподобляются Сатане: он сидит на престоле, а вокруг него — дым и смрад,

Сатана — первый винокур. Картинка из лубочной книги XIX в.

как и вокруг курящего. Еще грешнее нюхать табак, потому что берут табак тремя пальцами и тем оскверняют святую Троицу (Калужская губ.). К Сатане обращались за помощью, когда шли на злые дела или хотели приворожить кого-нибудь: «Ой вы, Сатана с дьяволами, со малыми, со великими, вылетите из океан-моря, возьмите огненну тоску мою, пойдите по белу свету, зажгите у рабы (имярек) по мне душу!»

Образ Сатаны сливался с представлениями об аде. В лубке, на картинах старых мастеров он представлен держащим в пасти по нескольку грешников, которые жарятся в его утробе. Ад (адея, геенна, тартар, бездна, тьма кромешная, печь огненная) находится в середине земли, входом в него служат огнедышащие горы (болота, топи, провалы). В говорах «адом» называли также зев, горло, глотку, пасть: «Что ад разинул?» («Что кричишь?»). «Ад бездонный» — бранное выражение, близкое по смыслу к словам: «ненасытный», «обжора» («Ах он ад бездонный, все слопал!») (Костромская губ.). Помимо никогда не угасающего огня и не умирающих червей — орудий пыток грешников — ад наполнен насекомыми, кровососущими. Когда Адам и Ева согрешили, Господь повелел Сатане наказать их, проткнуть ад тонким колом, чтобы выпустить из него немного мошек и комаров. Но Сатана проткнул ад большим, толстым колом, и оттуда вылетело великое множество насекомых, которые и по сей день несказанно мучают жителей земли (Вятская губ.).

СВЯ́ТКЕ, *све́тке*

Черт, бес, являющийся к людям на Святки, зимние беседы и игры с Николина дня (6 декабря) или с Рождества (25 декабря) до водосвятия

в Крещенье (6 января). В изданном в Киеве Номоканоне говорится об обычае на Святки ходить ряженым в связи с верой, будто в продолжение восьми дней после Рождества Христова дьяволы скитаются по земле; зная о скором изгнании, они в злобе и тоске рыщут по улицам, мучая, терзая и увлекая с собою встречных. Ряженые, или святочники, умышленно представляют таких дьяволов, надевая на себя маски — личины и маскарадные костюмы (см. *Кудеса, Бесы*). В Новгороде ряженые приходили в те дома, где в знак приглашения хозяева ставили на окна зажженные свечи, и веселили всех шутками, драматическими представлениями, песнями и плясками. Ряженых называли окрутниками, кудесниками, щеголями, кудесами и бесами. Последние два названия указывали на то, что ряженых считали способными к колдовству, магии, вызыванию бесов.

Собственно, черт — святке — по олонецким поверьям, появляется на второй день после Рождества и исчезает в крещенский сочельник до вечерней службы. Всевозможные таинственные, кошмарные происшествия, гадания на перекрестках и в овинах, чуланах и банях не обходились без участия святке. Один человек решил погадать о будущем у себя на чердаке, сел возле трубы, слушает, а из трубы — голос: «Что ты слушаешь! Лучше бы посмотрел у себя на огороде!» Отправились на огород, а там лежит полузамерзший пьяный прохожий, едва в чувство привели. Вздумали однажды семь девиц намочить в проруби по лучинке, чтобы, положив их под головы, увидеть ночью суженых. Перед сном на головы надели глиняные горшки. Ночью пришел святке к гадальщицам: рванет за голову — и бросит, так у всех головы поотрывал, да только ошибся — рвал и

разбивал горшки, а не головы. Другая девица намочила в проруби сапог и положила на ночь под подушку. Ночью пришел святке, натянул ей сапог на лицо до самой шеи, так что образовалась бесформенная масса (Георгиевский, 61).

Святке часто является на зимние посиделки во время молодежных игр, пугает, а иногда и губит играющих. Разбаловались ребята на поседках и стали думать, что бы почуднее сотворить. Один и предложил — показать, как люди давятся. Все рады, новая забава нашлась. Привязали к матице мертвую петлю, сунул в нее парень голову, вдруг, откуда ни возьмись, в дверях становой как гаркнет: «Кто тут давиться задумал?» Все по углам разбежались, кто к дверям бросился, глядь — а за дверью-то никого, только метель крутит и ветер воет, снег переметывает. Подошли к парню, а он и вправду задавился. Враг становым прикинулся и на людей мороку навел (Перетц, 12).

На Святки черти оборачиваются маскированными, смешиваются с толпой ряженых, а ночью разрывают ребят и девок на части. Однажды на Рождество забрались девушки в пустой дом гадать. Парни про это узнали и решили загодя там спрятаться и попугать их. Вошли девушки в избу, а из подпола — бес, загадывает им загадку: «Что это за три косы и три дуги?» Девки испугались, а парни им подсказывают: «Три косы это: коса у девки, коса, которой косят, да коса у петуха; три дуги это — дуга запрягательная, дуга — радуга да дуга — бровь у красной девушки». Черт видит — отгадали, бегите, говорит, скорее, не то худо будет. Они бежать, только у одной девушки сарафан спал. Посмотрели на другой день, а сарафан весь по клочьям разбросан по избе (Смирнов-1, № 128).

Гаданіе башмакомъ.

Святочное гадание. Иллюстрация-2. № 1.

Святке может превращаться в человека, принимать вид животного. Чтобы уберечься от него, во время гаданий очерчивают себя кругом, так как святочный бес не может перешагнуть черты, начерченной на снегу или полу железным предметом. Когда ходят «слушать» на перекрестках дорог, в поле, обводят себя кругом несколько сажен в диаметре. Один бедный мужичок был в поле, слушал один. Только сделал круг, видит: подъехал к кругу на возу человек, придвинулся к самой черте и загорелся. Крутится воз, а человека на возу не видно. Испугался слушальщик, в себя от страха прийти не может, а когда приободрился, видит: от воза большой огонь, но от него ни холодно, ни жарко. Вздумал мужичок пощупать, что же такое горит на возу. Почувствовал под рукой что-то мягкое и рванул с воза; рвет и в круг бросает. После оказались в кругу целые кучи шелка, и тот мужичок стал богатым.

Если черта, за которую не смеет перейти дьявол, окажется нарушенной, святке убьет гадающих. Как-то три человека (а слушать ходят всегда нечетным числом) слушали в овине. Подостлали коровью шкуру, чтобы теплее сидеть было, да оплошали — конец хвоста попал за черту. Пришел святке, схватил шкуру за хвост и давай волочить по овину. Утром всех троих нашли мертвыми (Георгиевский, 61).

Всякий рядившийся или гадавший на Святках считается нечистым и должен очиститься от греха святой водой в Крещенье. Святую воду берут из Иордани — проруби, которую вырубают во льду в виде четырехугольной чаши. Около нее стоит священник; когда начнется ектенья об освящении воды, знающий человек пешней пробивает лед и вода фонтаном течет по углублению, наполняя вырубленную яму — чашу. Священник погружает в нее крест; воду пили и умывались ею (Владимирская губ.). Некоторые в день Крещения Господня после молебна на реке купались в ней с целью: больные — излечиться, наряжавшиеся в маски — вновь креститься после принятия образа черта.

СВЯ́ТОЧНИЦА *Шутовка, русалка.*

Появляется только на Святках. Святочницы немы и уродливы, с ног до головы покрыты волосами. Пляшут и поют, но без слов, их песни напоминают завывание ветра. Обитают в неосвященных избах, на улицах. Свои жертвы замучивают до смерти, отрывая от тела куски мяса. Собрались пять девушек пойти в баню повеселиться, слышат, там кто-то будто поет и танцует. «Верно, кто-нибудь раньше нас пришел сюда!» — решили они и вошли без опаски. Смотрят, а там — две святочницы: одна дверь захлопнула, а другая стала терзать девиц. Вырвались девушки из бани, святочницы за ними, рвут то одну, то другую. Вспомнила одна девушка, что эти чудища любят бусы, сдернула с себя несколько ниток, разорвала и рассыпала по снегу, остальные сделали то же самое. Святочницы обрадовались, бросились подбирать бусы, и девушки успели добежать до дворов, вскочить в хату и захлопнуть дверь (Калужская губ.).

СЕРЕДА́

Дух — персонификация дня недели, среды (ср. *Пятница*). Пост в среду, как и в пятницу, отказ от рукоделья, особенно прядения, чтобы не запорошить глаза мертвым, усопшим родителям, способствовал излечению от болезней, исполнению задуманных желаний. Дух среды представлял-

Баба нитки прядет. Ровинский-1, № 149.

ся в образе, близком к *Пятнице, кикиморе*, «домашней» *русалке*. Это немолодая женщина, в головном уборе замужней женщины (кичке), покрытом сверх кички белым полотенцем, она является в дом к пряхам, работающим в среду до глубокой полночи, выполняет по дому разную работу, но ее помощь оказывается уловкой, хитростью. Середа может задушить рукодельницу вытканными холстами. В Орловской губернии была записана редкая сказка об этом духе.

Молодая баба пряла поздно вечером во вторник под среду, устала и решила лечь спать. Перед сном не перекрестясь сказала: «Ну, матушка Середа, помоги мне, чтобы завтра встать пораньше да допрясть». Так и заснула. Поутру, до свету, слышит: кто-то ходит в избе. Открыла глаза: лучина в светце горит, по избе ходит женщина, прибирает, дрова в печку кладет, подошла к ней, будит: «Вставай!» — «Да ты кто такая?» — спрашивает хозяйка. «Я та, кого ты звала, Середа. Холсты я тебе допряла и выткала, теперь белить будем, в печку ставить. Печь затоплена, чугуны готовы, сходи на речку, воды принеси», — и сердито на нее глянула, глаза так и сверкают. Взяла баба ведро, пошла за водой, по дороге думает: «Не было бы мне какой беды, схожу я лучше к соседям». Ночь темная, на селе еще все спят, насилу достучалась в окно к соседке. Отворила старуха: «Что ты, дитятко, так рано поднялась, чего тебе?» Так и так, отвечает, мол, пришла Середа, велела воды принести холсты золить. «Нехорошо это, — говорит старуха, — она тебя на этих холстах удавит либо сварит. Ты ведра возьми, вернись домой и крикни под дверью: «На море серединские дети погорели!» Она выбежит, а ты прежде нее заскочи в избу и дверь запри да закрести. Как она ни

будет грозить, не впускай, мелом крести и твори молитву». Все так и вышло. Выскочила Середа из избы, а баба в дверь, заперла и закрестила. Середа прибежала назад, закричала: «Впусти, родимая, я тебе холсты напряла, белить буду» — стучалась, пока петухи не пропели. С первым криком петуха она завизжала и пропала, а холсты остались у бабы (Худяков, № 112).

Об уважении к среде видно из пословиц: «Что Бог ни даст, а в середу не прясть!», «Крепка неделя середою (а великий пост средокрестною)», «Гость дорогой, а день середной» (т. е. постный, угостить нечем). В среду на средокрестной, четвертой неделе великого поста пекли кресты на перелом поста, в один из них запекали деревянный крестик, в другой — уголь, в третий — монету и другие предметы. По этим предметам гадали: кому что попадает, то и сбудется. Кто в кресте находил запеченными хлебные зерна, должен был бросить при посеве первую горсть. Средокрестное печенье ели для здоровья, давали скоту. «Середёна» — корова, купленная или родившаяся в среду, считалась счастливой. Со средой — днем недели — связаны представления о середине жизни, зрелом веке, о полноте жизненных сил: «Неделя серединой крепка, а век (жизнь) половиною». В страстную среду для здоровья обливали скотину снеговой водой. В то же время далеко не всем были по душе те ограничения в еде, которые накладывала на людей среда; не каждая пряха в среду оставляла работу, отсюда — поговорки: «Середа да пятница хозяину в доме не указчица», «В среду съедим, так в четверг поглядим», «Косится, словно середа на пятницу».

СИЛА́Ч ОДНОРУ́КИЙ Силач одноглазый, получеловек, оплетай.

Великан с одним глазом во лбу, с одним ухом на затылке, одной рукой в груди и с одной ногой. Единственной своей рукой может бросать огромные камни на расстояние двухсот саженей и более. Людоед, живущий где-то в дальних краях (Вятская губ.). Стеньку Разина, разбойника, земля не приняла, он заключен в горе и обречен на вечные мучения, каждую ночь к нему прилетает змей и сосет за сердце. Вместе с Разиным в змеиной пещере заключены получеловеки — люди об одном глазе, одной руке и ноге, которые, чтобы сдвинуться с места, складываются вдвое и тогда бегают очень быстро. Плодятся, выделывая себе подобных из железа. Дым и смрад, исходящие из их кузниц, разносят по ветру повальные болезни (Афанасьев-2, 454). Представление об уродливых одноруких и одноглазых великанах в русские предания, вероятно, проникло из книжных Александрий — повестей об Александре Македонском, нашедшем на краю света баснословных людей, свирепых, как дикие звери, людоедов, имя которым — Гоги и Магоги. Дивиих людей Александр загнал в горы и пропасти, и выйдут они оттуда только перед концом света. В античной мифологии и литературе одноруким силачам соответствуют образы одноглазых киклопов, циклопов, сыновей Урана и Геи, великанов — детей Посейдона, помощников Гефеста, обитающих в недрах Этны, в горах, в пещерах. В русских сказках внешность неповоротливого одноглазого великана свойственна демону злой судьбы, Лиху одноглазому (см. *Лихо, Дивьи люди*).

СМЕРТЬ

По происхождению Смерть — из падших ангелов, отрекшихся от Бога и изгнанных им от своего престола. Но Смерть отказалась подчиниться Сатане и пойти войной против Бога, поэтому она была наказана не так строго, как остальные ангелы, ставшие бесами и низринутые в подземное царство (см. *Сатана*). В народных легендах и сказках Смерть живет то у дверей ада, то у райских врат, ходит и к Богу — за указаниями, кого умертвить, так и к дьяволу — с докладами. Смерть описывается странницей, она напрашивается в попутчики к прохожим, сопровождает *Пятницу* (см.).

Смерть — воительница, в ее руках острое режущее оружие: пилы, косы. Настигнув человека, она вначале подсекает ему ноги, затем руки и голову: таковы ощущения умирающего, для остальных поединок жизни со Смертью невидим. Жизнь также представлялась образно, вроде души, только не наделенной бессмертием. Жизнь помещается в животе, до грудобрюшной преграды, отсюда, по народной этимологии, название брюха «животом» — т. е. жизнью. Как и душа, жизнь во всем похожа на своего хозяина, на свою телесную оболочку, но она невидима для людей. После уничтожения жизни Смертью, душа не может оставаться в мертвом теле и вылетает из него.

Душа, отделенная от тела, — крошечный человечек, маленькая копия умершего. Такое представление о душе, возможно, восходит к иконописи, так, на иконе Успения Божьей Матери ее душа нарисована в виде маленького человечка. Хотя душа и бестелесна, ей приписывается способность физических ощущений: сосет под ложечкой — душу жмет. Душа размещена выше жизни, голова

Старик и Смерть. Ровинский-3, № 89.

души находится в голове человека, туловище — в груди, ногами она упирается в грудобрюшную перегородку, которую называют иногда «запридушой». Когда Смерть погубит жизнь в человеке, душа выходит через рот, это заметно по судорожным движениям рта умирающего, он как бы задыхается, «хамает». В теле человека душа в неволе, все равно что в остроге, Смерть выпускает ее на свободу, и она трепещется, радуется (Новгородская губ.).

Но то — душа праведника; расставание с телом души грешника изображено в духовных стихах как тягостное прощание:

Шли-прошли двое юношей,
Как навстречу им монах идет.
Стал монах их спрашивати:
«Уж вы где были, куда ходили?» —
«Мы там были, на распутьице,
Где душа с телом расставалася,
Расставалася, распрощалася:
«Ты прости-прощай, тело белое!
Тебе, телу, в земле лежать,
А мне, душе, вперед идти,
К трем мукам грисги».

Эти три муки — кипящая смола, палящий огонь и точащие черви (Ярославские губернские ведомости, 1889).

Смерть в белой одежде держит в руках чашу с желчью и заставляет умирающего выпить горький напиток, отчего душа сразу покидает тело. Чтобы она предстала перед судом Божним чистой, рядом с умирающим ставили чашку с водой, где душа купалась.

Смерть худа и костлява, это скелет, разложившийся труп, ее голова — череп с провалившимся носом («курносая»). В волшебных сказках многие

персонажи являются ликами Смерти — *Баба-Яга, Кощей Бессмертный*, а само путешествие героя по фантастическим царствам может быть истолковано как хождение на тот свет, в иной мир.

В поверьях, сказках, причитаниях Смерть — оборотень. Говорят, каждый человек видит ее в последние минуты жизни, но все — по-разному: праведникам она показывается красавицей, грешникам — чудищем, старухой. В похоронных плачах образы Смерти — птица, калика перехожая, девица, молодая женщина, ворон, сокол — постоянно меняются в зависимости от того, где они находятся: Смерть входит в дом крадучись, «по крылечку ли она да молодой женой, по новым ли шла сеням да красной девушкой, аль каликой она шла да перехожею», «черным вороном в окошко залетела», но никто не видит ее, иначе бы для нее как для дорогой гостьи расставили бы дубовые столы, и, может быть, она ушла бы, смилостивившись над больным.

Причину смерти видели не в заболеваниях или несчастных случаях, а в том, что кто-то сглазил счастливую семью, отнял у нее талан, беда забежала впереди талана и украла счастье. Беда, горе как дух-предшественник Смерти становится даже самостоятельным героем в песне о Горе-злочастии. Добрый молодец пытается улететь от Горя ясным соколом, а Горе вслед — черным вороном, убежать серым волком — Горе нагоняет собакою; тут молодец и преставился, «положили во матушку-сыру землю»:

Горюшко сидит, само заплакало:
«Ты хорош-то был, дородний добрый молодец!
А я еще пойду на чужую сторонушку,
Найду-то я много лучше тебя».

(Рыбников-1, № 23)

Вдова плачет по мужу:

Была счастлива ведь я да все таланная,
Вдруг, знать, счастье-то соседи обзавидали,
Добры людушки меня да приобаяли,
Черны вороны талан, знать, приограяли.
Злодейка-бесталанница впереди меня уродилась,
Впереди меня в купели окрестилась.

Она виновата в смерти милого супруга. Отлетевшая душа удалялась голубем, уткой, горностаем, бабочкой, зайцем. Взгляд на загробное существование души был двойственным: душа считалась не только обитательницей другого мира, но и могилы, с ней можно поговорить, придя на кладбище (см. *Мертвецы*).

По новгородским поверьям, Смерть — дочь Адама, им проклятая. Отец вознамерился уморить ее голодом, и она истлела до скелета. Сатане удалось заключить с Адамом договор, согласно которому все мертвые первоначально принадлежали подземному царству дьявола. Произошло это так. Адам и Ева стали жить семьей, но их первая дочь умерла во младенчестве. Не зная, что с нею случилось и что им делать дальше, родители предались страшному горю. Сатана, обернувшись старцем, посетил их и сказал, что научит, как быть, если Адам напишет на черепе покойницы, что «все люди после смерти будут во власти Сатаны и поселятся в царстве тьмы». Адам согласился, и власть дьявола продолжалась над мертвыми до тех пор, пока Господь Иисус Христос не вывел их из ада после своего воскресения и тем не уничтожил договор (Сборник материалов-36, 140).

О Смерти как служанке Сатаны говорится в древнерусских литературных памятниках: «...и поживе Адам лет девятьсот тридцать, и прииде

смерть сатанина». Облик Смерти описывается в житии Василия Нового, в рассказе святой Феодоры, явившейся к Василию во сне и поведавшей о своей смерти. В последние минуты жизни к Феодоре сошлось множество эфиопов с огненными глазами, они ревели как звери, лаяли как псы, разворачивая списки ее злых дел. Затем пришли два ангела, сообщившие демонам, что от этой души они не получат даже малой толики, так как с ней милосердие Божие. Рыкая как лев, пришла Смерть: тела у нее не было, одни человеческие кости, с собой она несла мечи, стрелы, копья, косы, серпы, железные рога, пилы, секиры, тесла и другие орудия пыток. Смерть разъяла по одному все члены тела Феодоры, дала отпить из чаши горечи, и, содрогнувшись, душа вылетела из тела. Бесы и ангелы в споре за душу Феодоры смотрели, какая чаша весов — с добрыми или злыми делами — перевесит, но спор их решило появление святого Василия, который подал ангелам мешочек со своими молитвами и добрыми делами за душу Феодоры, тогда бесы с плачем ушли.

После этого началось восхождение души на небо по мытарствам. Мытари, известные из Евангелия, были сборщиками податей. На всех ступенях лестницы, ведущей в небо, сидят бесы — мытари, носящие имена грехов и пороков, которые ими истязуются. Мытари чревоугодия держали в руках сковороды с яствами и чаши с напитками. Всех мытарств — двадцать: празднословия, лжи, осуждения и клеветы, чревоугодия, лености, татьбы, сребролюбия и скупости, лихвы и неправды, зависти, гордости, гнева и ярости, злобы, убийства, чарования, блуда, прелюбодеяния, содомских грехов, ересей, немилосердия и жестокосердия. На каждом мытарстве бесы встре-

чают душу и показывают свитки, исписанные ее злыми делами. В ответ ангелы перечисляли добрые дела Феодоры, пополняя порой их недостаток из мешочка святого Василия.

В житии Антония Галичанина Смерть также приходит в окружении демонов, кричащих свиньями, грозящих оружием — клещами, бритвами, пилами, трезубцами, устрашающих человека до тех пор, пока некая Божья сила не придет и не разгонит демонов.

Согласно Евангелию, после смерти грешники идут в вечный огонь, уготованный дьяволу и его слугам. В древнерусской иконографии бесы в аду мучают грешников соответственно их грехам: разнообразие адских пыток запечатлено лубком. Путь в рай прегражден огненной рекой, через нее переброшен мост, а на нем искус. На том искусе грешники бывают удержаны и сброшены бесами в огненную реку (Рязановский, 115 — 120).

В «Повести о бодрости человеческой» или о «Прении Живота со Смертию», часто встречающейся в списках XVII века, Смерть является в образе воина, а противостояние ей Живота — жизни представлено воинским поединком. Из рукописей повесть перешла в устные сказания и лубок, легла в основу духовных стихов об Анике-воине.

Аника был богатым витязем, прожил «триста девяносто лет, а все пасся да берегся Чуда чудного — Смерти чудные, Смерти страшные». Он любил похваляться своими подвигами, многие из которых заключались в разорении пустынь и монастырей. Задумав опустошить Иерусалим, он отправился в дорогу, но встретил «Чудо чудное, диво дивное: ноги-то у Чуда-то звериные, голова-то у Чуда человеческа, а тулово у Чуда лошадиное».

Аника-воин и Смерть. Ровинский-3. № 751-а.

«власы-то у Чуда до пояса». Испугавшись Чуда, Аника вежливо осведомился, не королевич ли он, не могучий ли богатырь? В ответ Чудо — Смерть характеризует себя как неподкупного, немилостивого духа, сотворенного Богом:

А я Смерть страшна и грозна, вельми непомерна,
Сердцем своим непосульна.
Кто сотворил небо и землю, кто сотворил облаки, звезды,
Тот меня сотворил, по всей земле попустил.
Где кого застану — искошаю:
В пути, в дороге застану — искошаю,
В избе, на подворье застану — искошаю,
Хочу и тебя, Аника, искосити.

Аника угрожает Смерти — она напоминает ему, что покорила многих славных богатырей; Аника льстит ей, обещая списать ее лик на икону и молиться ей как Богу, но Смерть отвечает: «Нельзя мне во церкви стояти, нельзя мне молебны исправляти»; Аника обещает ей богатство, но Смерть отказывается от казны: на земле было много царей, которые отдали бы ей на откуп свои царства, и была бы у нее казна золотая от востока солнца до заката; Аника просит только об отсрочке, чтобы съездить проститься с отцом и матерью, на что Смерть отвечает, что нельзя выехать из дому на ратное дело, не простившись с родителями. У Смерти нет жалости, поскольку она одинока: «Нет у меня, Смерти, ни отца и ни матери, нет и малых деток, нету и молодой жены, нет ни сродников, ни приятелей». Она подчиняется только Богу, который отпустил ее на землю воскошать рабов Божиих, не принимая во внимание никакие обстоятельства — «где тужат-плачут, тут мне, Смерти, и праздник».

И в духовных стихах, и в народных легендах

отразилось двойственное восприятие Смерти: как ужасного чудовища, Чуда, и как ангела или ангелов, посланных Богом за человеческой душой. Процесс умирания может быть изображен как результат деятельности обеих этих сил. Аника занес над гордой, неподкупной Смертью свою палицу, но в ответ Смерть вынула невидимые пилы и «подпилила у Аники в руца́х и в нозя́х становные жилы. У Аники в стременах резвые нозе подогнулись, у Аники белые руцы опустились, У Аники бело́ лицо помрачилось, У Аники очи ясные помутились, Аники буйна голова долой с плеч покатилась, И якой пьяный Аника на коне зашатался, Упал же храбрый человек Аника-воин на сыру землю». Но затем: «Сослал Господь по Аникину душу Двух ангелов, двух архангелов, И вынули Аникину душу сквозь ребер-костей, И не че́стно, не хва́льно и не ра́душно, Посадили Аникину душу на копие, И вознесли Аникину душу вельми высоко, И возринули Аникину душу во тьму глубоко, В муку вечную, в палящий огонь» (Киреевский-4, 115 — 138).

Из духовного стиха о богатом и бедном Лазарях узнаем о крылатой смерти и крылатых ангелах, вынимающих у праведников душу через сахарные уста и у грешников — сквозь левое ребро. Чистую душу как новорожденного младенца кладут на пелены и относят в рай, душу грешную поднимают высоко к небу на остром копье и оттуда сбрасывают в ад (Бессонов-1, 48 — 49). Двоякое воззрение на Смерть как на существо светлое, божественное и как на злого духа, демона сложилось вследствие смешения ранних дохристианских представлений о смерти с ветхозаветными сказаниями Второй книги Царств о страшном ангеле смерти.

Евангельская притча о богаче и бедном Лазаре. ИРЛИ, оп. 23, № 258-12.

Согласно народной легенде, праведники готовы к смертному часу, они заранее делают наставления домочадцам, благословляют их, после чего приходит Смерть в окружении ангелов, они вынимают душу праведную и с пением «Иже херувимы» на золотом блюде относят в рай. Не так умирают грешники: Смерть застает их внезапно, не дав сроку ни на покаяние, ни на благопристойные сборы, это смерть от удара: «Хозяева воротились с молотьбы в избу и принялись всяк за свое дело, начали пустое болтать да песни петь; и невидимо к ним пришла Смерть с молотком в руках и ударила одного брата в голову: «Ой, голова болит, ой, смерть моя!» — закричал он и тут же умер».

Смерть безжалостна к мольбам умирающих или их близких, тогда как ангелы Смерти могут ослушаться Бога и не выполнить его приказания вынуть душу из человека, чья смерть кажется жестокой несправедливостью. Родила женщина двойню, и послал Бог ангела вынуть из нее душу. Жалко ему стало младенцев, полетел он обратно к Богу: «У той матери, Господи, есть два малых младенца, чем же они станут питаться?» Бог жезлом разбил надвое камень и спросил у ангела, что он видит в трещине. «Вижу двух червячков», — ответил тот. «Кто питает этих червячков, тот пропитал бы и младенцев!» Бог отнял крылья у ангела и отправил его на землю на три года (Афанасьев-Легенды, № 25 — 26).

Некоторым сказочным героям удается перехитрить Смерть и даже поставить ее себе на службу. У одного крестьянина часто умирали дети. Распространенным обычаем в таком случае было звать в крестные кумовья первого встречного. Родился у крестьянина сын, и он пошел искать встречную

куму. Увидел женщину: «Матушка, сделай милость, иди в крестные». — «Да ведь я Смерть». — «Тем лучше». Окрестили, она и говорит: «Ждите меня через пятнадцать лет». Мальчик вырос, явилась Смерть, спрашивает: «Хочешь, я сделаю тебя счастливым? Берись лечить больных — возьми водички и дай пить, а сам смотри, если я буду стоять в головах — больной выздоровеет, такого можно лечить, если в ногах встану — умрет». Пошла слава о великом лекаре, составил он большой капитал, и позвали его лечить царского сына. Видит лекарь: Смерть у него в ногах стоит. Он велел больного положить на другую кровать, так, чтобы, где ноги были, оказалась голова. Выздоровел царевич. Но с той поры рассердилась Смерть на крестника. В другой раз он также воскресил любимую девушку — тут уж крестная его не пощадила, и лекарь умер (Смирнов-2, № 300).

Особенно ловок до проделок над Смертью герой многих волшебных и бытовых сказок — солдат. В раю ему плохо: нет ни вина, ни табаку, в аду чертям от него житья нет: то в карты их обыграет, то монастырь строить возьмется, поэтому он, как и Смерть, оказывается ни в аду, ни в раю, а где-то у врат, ведущих в Божье царство, в роли часового. Мимо пробегает Смерть. «Куда идешь?» — спрашивает часовой. «К Господу за повелением, кого морить мне прикажет». — «Погоди, я сам спрошу». Бог приказал передать Смерти, чтоб морила три года стариков, а у солдата еще мать с отцом живы были; он их пожалел и сказал Смерти: «Ступай по лесам и три года точи самые старые дубы». Затем также он меняет молодой люд на молодые дубки и детей — на самые малые деревца. По истечении девяти лет Смерть

совсем отощала, ведь любая человеческая смерть поддерживала ее силы, и, подравшись с солдатом, подняла такой шум, что сам Господь вышел на крыльцо поинтересоваться, что происходит. Когда все выяснилось, Господь приказал солдату девять лет носить Смерть на плечах. Солдат идет и табачок нюхает. Смерть просит: дай попробовать. «Полезай в рожок да и нюхай, сколько душе угодно», — ответил солдат. Только она туда влезла, он ее запер, закрыл рожок и заткнул за голенище сапога и снова встал на часах у райских врат (Афанасьев-Легенды, № 16). Способность к оборотничеству героем этой сказки использована против самой Смерти.

Множество примет и обычаев было направлено на то, чтобы предугадать приход Смерти, обезопасить себя от живых мертвецов (см. *Мертвецы, Заложные*), предотвратить гибель людей от моровых поветрий (см. *Мор*). Смерть предвещали следующие события и явления: видеть во сне белого петуха — к покойнику; голубь, ласточка, воробей залетит в окно — «за кем-нибудь», кукушка окукует в затылок — к смерти; также и если цветок расцветет, который давно не цвел; если хлеб упадет с лопаты, когда его сажают в печь, если огонь в загнетке не держится, тухнет; если услышишь далекое пение, когда никто не поет; если увидишь своего двойника, особенно в белом, если увидишь во сне, что причащаешься или собираешь белые цветы; если вдруг начнут быстро расти ногти и волосы, если споткнешься при проводах покойника или случайно оступишься и упадешь в могилу — все это к смерти.

Внимательно следили за поведением домашних птиц и животных, за появлением в доме диких тварей (змей, птиц), стараясь по их повадкам рас-

познать приближение смерти. Сова, кричащая на крыше избы, предвещала покойника. Собака, воющая под окном понурив голову или роющая яму у порога, курица, кричащая петухом, — предвещали смерть. Крысы и мыши съедят что-нибудь из обуви или одежды, вообще слышать мышиный писк и свист — к смерти. Мыши могут предупредить кого-нибудь из домочадцев о скорой смерти в семье. Одна мещанка рассказывала, как крыса повадилась спать у нее за пазухой. Проснувшись как-то раз ночью, она ощутила ее у себя на груди, тотчас вскочила и прогнала, но на следующую ночь все повторилось снова, и так до тех пор, пока не умер отец той женщины. Пропажа домашней кошки или кота — к смерти хозяина или хозяйки. Сама смерть может явиться белой кошкой. Некоторые приметы указывали на смерть или выздоровление больного. Придя за ключевой водой, следили: если вода чистая, прозрачная — на живое, забурлят ключи, завыскакивают с песком и грязью — на мертвое; гадали по дыму от свечи или из трубы дома: поднимается прямо вверх — жив будет, стелется по земле (из трубы), движется вон к двери (от свечи) — умрет.

Старались на ночь не смотреться в зеркало, чтобы не накликать на себя Смерть. Нельзя было долго оставлять непокрытой постель, чтобы не впустить в нее болезнь и Смерть. Под старость не строили нового дома, не шили обновы, в особенности — белья, иначе вскоре умрешь. Не строились на огородах («гряды-то вроде как могилы»).

Под Новый год узнавали, кто в приходе умрет в течение года. Для этого около полуночи в одиночестве нужно было сесть на церковной паперти. В самую полночь, как сторож ударит в колокол, друг за дружкой пойдут в церковь люди: надо по-

стараться узнать их и внимательно слушать, что пропоют каждому, кто войдет в церковь, — кому свадебный стих, тот женится, кому «со святыми упокой» — тот непременно умрет. В процессии призраков можно увидеть и себя самого. Вообще видеть призрак живого человека — знак, что его душа хочет расстаться с телом. Добиться смерти живого человека можно было, отслужив по нему несколько заупокойных обеден и панихид. Долгожителей, которых, кажется, смерть не берет, называли двужильными людьми; по поверьям, они после своей кончины увлекают на тот свет еще двух человек из своей семьи.

Многие приметы указывали, суждено ли ребенку вырасти и стать взрослым, или умереть во младенчестве. Дитя не переживет ранних годов, если во время крещения его волосики, закатанные в воск и брошенные в купель крестным отцом, пойдут ко дну. Ребенок излишне тяжелый в том возрасте, когда он еще не ходит, жить не будет: его земля к себе тянет, оттого он и тяжел. Слишком кроткий и не по летам разумный ребенок не принадлежит белому свету, Бог любит таких детей и скоро призывает к себе. Ребенок, играющий в похороны, может навлечь смерть на себя и своих близких.

Чрезвычайно опасным временем считали те дни и часы, когда в доме находился покойник, а также время вслед за похоронами, до сорокового дня, т. е. до того срока, по истечении которого душа умершего более или менее окончательно уходила в иной мир. Это был период самого тесного соприкосновения со Смертью, требовавшей к себе уважительного и внимательного отношения. Женщины «на смерть» шили специальную одежду, а чаще берегли что-нибудь от подвенечного наря-

да, их хоронили в том, что осталось от свадьбы. В руки умирающему давали свечу — впоследствии блуждающие огоньки, светящиеся по ночам, почитали знаками передвижения душ усопших. Снимая с покойника рубаху, не расстегивали, а разрывали ее ворот, после обмывания тело вытирали этой же рубахой, которая затем в течение шести недель висела дома, а после ее кому-нибудь отдавали или бросали в реку. Все три дня до похорон покойника не оставляли одного в доме, постоянно читали над ним «отпускную» книгу, верили, что мертвый все слышит, и стремились почтить его память.

Гроб никогда не делали осиновым, чтобы «не сжечь» покойника. Подушку под головой покойника в гробу набивали стружками от гроба. Стружки от гроба жгли и смотрели, в какую сторону тянет дым: если к дому, вскоре умрет кто-нибудь еще. Шесть недель одежду, в которой умер человек, его постель и подушку проветривали, но «не шевелили», затем использовали, как считали нужным. Пока гроб еще стоял в доме, следили за лицом и телом покойника: если не закрывается один глаз — он высматривает следующего. Второго покойника в доме нужно ждать также в том случае, если гроб велик не по росту. Все зеркала в доме занавешивали, чтобы мертвец не отразился в них и не навлек смерть на близких.

Как только покойника вынесут из избы, на Севере и в Сибири у русских было принято класть в передний угол камень, на окно — чашку с водой. Душа прилетит, попьет воды и отдохнет на камне. Вода и камень оставались в доме до сорокового дня. Чтобы покойник не вернулся в дом, его выносили из дверей ногами вперед, иногда даже не через дверной, а через оконный проем.

Считали, что плохо умереть в пятницу, трудно

будет на том свете умершему в этот день. Зато самое лучшее — умереть в воскресенье, во время обедни, когда в жертву за человека приносятся тело и кровь Христовы. Такой смерти удостоиваются только праведники, предназначенные к райской жизни. Некоторые считали, что на убитом молнией лежит Божья благодать. Молния поражает черта, когда тот прячется от Ильи Пророка: обратившись мухой или зверьком, бес укрывается за спиной благочестивого человека, настигая беса, молния убивает не только дьявола, но и праведника, который, как невинная жертва, попадает прямо в рай. Впрочем, существовало и другое мнение: гром — это удары по черту, а молния — это сам черт, оборачивающийся на земле каким-нибудь животным. К кому во время грозы подбежит — того и убьет. Говорили также, что убитые молнией — проклятые люди. Мать скажет ребенку: «Гром тебя разбей», и ее проклятие исполнится.

Легкая смерть суждена праведным людям; человек, который долго и трудно отходит, — великий грешник (см. *Колдуны и колдуньи*). Чем худее и истощеннее умирающий, тем легче ему будет на том свете, так как легок его земной груз. Хорошо также женщинам, умершим в родах, — они попадут в рай за свои муки.

Особые поверья были связаны со смертью родильниц и кормящих матерей. Такие покойницы часто приходили домой, чтобы покормить ребенка грудью, не дать ему умереть с голоду. В северной балладе о князе Романе, убившем жену, поется, как недельная девочка после ужасного злодеяния встала в колыбели, вышла из дому и отправилась на поиски матери, расспрашивая о ней у встречных. Люди ничего не смогли ответить младенцу, только пробегавшие мимо волки рассказали:

Роман жену убил да в чисто поле схоронил,
В чисто поле схоронил да под межу повалил.
Твоя-то ведь матёнка за волками идет,
Позади она идет да молоком реку белит,
Молоком реку белит, во слезах пути не видит.

(Григорьев-1, № 143)

По истечении шести недель покойницы — кормящие матери — перестают навещать детей. Подросшие дочери часто ходили плакать на материнские могилы: судьба сиротки и падчерицы была не из легких.

Обычай запрещал матерям слишком много плакать по умершим детям, особенно младенцам, которые должны попасть в рай. Если малолетний ребенок в чем-нибудь и грешен, за его проступок ответит мать, никто лучше матери не замолит у престола Всевышнего за свое чадо. Ангельской детской душе светло и хорошо в раю, а каждая материнская слеза жжет ее словно огнем. В некоторых местах существовало поверье, будто в ночь на Пасху покойники собираются в церковь. Одна мать, сильно тосковавшая по мертвой дочке, решила взглянуть на нее и осталась в церкви в ночь с великой субботы на воскресенье. Глядит — а дочка еле идет с ведрами, полными материнских слез.

Родных поминали четыре раза в год, в большие праздники. В центральной России, например, в субботу перед масленицей («мясоедные родители»), на Фоминой неделе («в навской вторник»), в субботу под Троицу и в «Дмитровские родители» (26 октября). В день поминовения на могилу приносили блины, драчену, баранину, вареных кур, сыпали на могилы пшено и пшеницу. Если к утру птицы поклюют зерна, значит поминовение действует на душу покойника, если зерно осталось нетронутым — покойник был великим грешником, птицы небесные от него отказываются. На

Пасху и на Радоницу шли на кладбище христосоваться с покойниками, говорили «Христос воскресе» и целовали крест на могилке, трижды прокатят по могиле яйцо и раскрошат его для птиц.

В могилах покойники, если это не упырн и не мертвые ведьмы, лежат тихо, не шевелясь. До тех пор, пока поп не бросит на них горсточку земли на похоронах, они все слышат и видят, после этого обряда мертвые могут дать о себе знать в поминальные дни. В будни встают из могил по ночам, чтобы сходить к реке на водопой. Напьются водички и возвращаются, с первым криком петуха кидаются в свои могилы.

Если в субботу отслужить заупокойную обедню по покойнику, то его душа освобождается из темного места, где она заключена, на целые сутки и гуляет по белу свету. Праведная душа незримо пребывает рядом с близкими, бережет их от греха, грешная летает по тем местам, где грешила, терпит казнь и этим постепенно искупает свои прегрешения. Умершие иногда ночью посещают церковь, но молиться за себя они не могут, только за живых людей, когда те поминают их в обедню. По молитвам мертвых живым прощаются многие грехи. «Мы за них молимся, они за нас — ни им без нас, ни нам без них нельзя быть», — говорили в народе (Виноградов, 267 — 344; Семенова, 228 — 234).

СМЕРТЬ КОРО́ВЬЯ

Дух эпидемии, падежа скота. Коровья Смерть являлась в виде коровьего скелета, лошадиная — лошадиного. Обладая способностью к перевоплощению, могла прикинуться человеком или любым животным. Главным средством избегнуть ее было опахивание села или деревни ритуальной процессией с соответствующими обрядами и заклинаниями (см. *Коровья Смерть*).

ТЕНЬ Следь, *стень*.

Дух — подобие человека, его двойник, его отражение в зеркале, *привидение, безымень*. Тела мертвых разлагаются в земле, но их души легкими бесплотными призраками являются живым людям. Эти духи могут обладать необыкновенной силой, нести смерть. В летописи мертвецы (навье), избивающие полочан, изображены как невидимое воинство.

Увидеть тени усопших может тот, кто после трехдневного поста накануне родительской, поминальной, субботы придет на кладбище. В эту ночь вместе с тенями мертвецов являются призраки живых людей, кому суждено умереть в этом году.

Святочные гадания с зеркалом основаны на представлении о тени как человеческом образе,

существующем независимо от своего хозяина. В пустом помещении, в бане перед собой ставили зеркало и две свечи, ожидая появление тени суженого в зеркале. После смерти кого-нибудь из членов семьи в комнатах занавешивали все зеркала, чтобы тень мертвеца не осталась в доме. По мнению раскольников, зеркало — дьявольское изобретение (см. *Черт*).

Особое значение в колдовстве и гаданиях придавали также собственно тени, которую отбрасывает человек, стоящий на свету. Если в сочельник, когда начнут кушать кутью, чьей-либо тени не будет заметно, тот из домочадцев вскоре умрет, так как утративший тень считался бесплотным, бестелесным. Прибить к земле осиновым колом тень колдуна, ведьмы или оборотня — значит обессилить их, заставить просить пощады (Афанасьев-3, 212).

Матери запрещали детям смотреть на тень или играть с нею, глядеться в зеркало, чтобы ребенок не стал беспокойным или чтобы с ним не случилось какого-нибудь несчастья. Выражение «Он своей тени боится» характеризовало не столько боязливого, сколько суеверного человека.

Поверье «кто свою стень увидит — скоро умрет» отразилось в названии «стенью» недуга, главным внешним признаком которого является сильное похудание: «до тени». Это разные формы туберкулеза, истощение организма, детская сухотка, собачья старость. Стень считалась почти неизлечимой, дитя, ею страдающее, — не земным жильцом. Поэтому приемы ее лечения большей частью включали магические средства (наряду с некоторыми рациональными). Знахари готовили особый отвар — ячневую вытяжку, которую рекомендовали пить с парным молоком. Больного сухоткой ребенка возили на бойню и вкладывали в требуху (желудок) только что убитой коровы, повторяя ле-

чение несколько раз и пытаясь добиться «второго рождения», возрождения дитяти. Жители Ейской губернии на заходе солнца собирали в степи колючки с красными цветами (бодяками), на восходе протаскивали эти колючки через горящую солому, немного их обжигая. Затем кипятили в котле, пока вода не станет красной как кровь. На дно корыта для купания ребенка клали крест-накрест два ножа, выливали настой, ножи вынимали и протирали полотенцем; ребенка купали в отваре и вытирали тем же самым полотенцем (Сборник материалов-16, 177).

Во многих русских селениях дитя носили в лес к какому-нибудь раздвоенному дереву — «пронимальнице» и оставляли в его развилке на некоторое время (до трех суток). Затем сорочку вешали на дерево, обходили его кругом три девять раз с ребенком на руках и возвращались домой, где купали в воде, собранной из девяти рек или колодцев, обсыпали золой из семи печей и укладывали спать на печь. Если после всей процедуры дитя заснет — выздоровеет, будет кричать и плакать — умрет. Часты были случаи, когда ребенок погибал уже в лесу (Сахаров, 103).

Стень, посте́нь — название для *домового* (см.) и вообще всякой домашней нежити, особенно той, что любит давить спящих по ночам.

УДЕ́ЛЬНИЦА *Другодольная удельница.*

Дух — похититель доли, счастья, судьбы доброй и дающий другой удел в жизни: болезнь, смерть, уродство. Гений злого рока: черный, волосатый, растрепанный. Они преждевременно вынимают младенца из материнской утробы и уродуют его, мучают родильницу. Если беременная женщина спит навзничь, нараспашку, без пояса, а на столе оставлен нож, удельницы вынимают им младенца. Оттого рождаются уроды или живот окажется пустым, хотя бы налицо были все признаки беременности.

Подобно ведьмам, удельницы летают сороками и при встречах рассказывают друг другу о своих злых делах. Удельницы нападают на человека, и тогда с ним случается удар или родимец; они

бьют и ломают его тело. Для излечения одержимого его садят на три соломенных креста, он спит на них шесть недель; призывают в заговорах-заклятиях Илью Пророка, чтобы он пришел «на черном облаке и на огненной колеснице, и натянул бы лук свой, и спустил бы калену стрелу, и убил бы врага, и очистил бы раба от жильне-трясущих ударов».

Удельницы имеют доступ к человеку в злые минуты дня, в полдень и на закате солнца. У удельниц есть излюбленные места: так по дороге из Космозера через гору в Фойму-губу есть ручей Букин порог — сюда приходили удельницы и показывались на росстанях: черные, с длинными распущенными волосами. На росстанях поставили кресты, после чего они исчезли (Барсов, 88 — 89).

УЖ

1. Существо, родственное *василиску, огненному змею (летуну)* (см.); 2. Божий избранник с короной на голове; 3. Домовая нежить. В Пошехонье (Ярославской губ.) верили, что есть ужи, которые вылупляются из петушиного яйца. Один раз в жизни петух обязательно снесет яйцо; заметив его, хозяин должен носить петушиное яйцо под мышкой несколько недель. В срочное время из яйца вылупится уж, который будет носить деньги хозяину (Балов, 98). Ужа пошехонцы считали разновидностью летуна — огненного змея, дьявола. Уж посещает женщин, вступая с ними в половые связи. Своим сожительницам уж носит деньги в дом. Про человека, который старается сделать побольше приобретений в дом, здесь говорили: «Он как уж, все в дом тащит». Человека, у которого быстро растет достаток, спрашивали в шутку: «Не уж ли тебе деньги таскает?»

По вологодским поверьям, уж огненным снопом движется по земле, летает по воздуху. Искрами рассыпается над трубой дома, где живет его любовница, но пожаров от него не бывает. Летает к красивым женщинам, к вдовам и замужним. В одной деревне жил богатый мужик, получивший все свое достояние от ужа. Женился на красавице писаной, только глаза у нее были странные: черные, а в зрачках словно искорки бегают. Как взглянет, так мороз по коже пойдет. Полюбилась она нечистому, стал к ней летать огненным снопом, ужом, и от этого змея вся семья разбогатела, сделались они первыми богачами в околотке. Уж носил им всякое добро; только баба эта вся исхудала, а глаза еще больше обвострились. Задумался мужик, понял, что неладно что-то в его семье. Стал молебны по церквам петь, да и на дому пел не один водосвятный молебен, чтобы ужа отогнать от дома. И отогнал: прилетел еще раз-другой огненный бес, повился над домом, а в трубу влететь не смог — все святой водой окроплено.

Уж противопоставлен другим змеям: в XVIII веке считали, что уж отгоняет прочь ядовитых змей. Поэтому в сенокосную пору, когда косцы располагались на отдых посреди поля в лесу, искали таких мест, где водятся ужи, и тут спали спокойно. Если кто нечаянно наступит на ужа и успеет сказать: «Ах, ненароком!», то уж не укусит. Считая ужа ядовитым, думали, что спасение от его укуса состоит в том, чтобы успеть окунуться в воду прежде ужа (Чулков, 302). Уж, укусивший человека, ползет к воде обмываться; если укушенный искупается первым, то выздоровеет, а уж умрет, и наоборот.

Убить ужа считалось большим грехом. Согласно народной легенде, когда Ной построил ковчег, его жена не захотела с ним плыть. Дьявол задумал использовать семейную ссору, чтобы попасть

18 Заказ 1077

вместе с женой Ноя в ковчег, он научил ее бранным словам, жена Ноя выругала мужа, и тотчас появился мышонок, который прогрыз дыру в ковчеге. Заметив это, уж заткнул дыру головой, за что Бог дал ему венец (Завойко, 130). Желтоватые пятна на голове ужа напоминают о Божьем даре. Шкурку с головы ужа носили с собой для предохранения от змеиных укусов. Ужовая выползина (сброшенная шкурка) использовалась также как средство против лихорадки, ее навязывали или пришивали к шейному кресту. В Тамбовской губернии верили, что во время грозы Бог убивает всякую нечистую силу, за исключением той, что успеет обратиться в пчелу или ужа — Божьих избранников (Звонков, 72).

Довольно распространенным было убеждение, что уж не ядовит. По астраханским поверьям, ужи безвредны потому, что их заговорил колдун Стенька Разин. В степных местах говорили, что вред от ужа иной: он любит забираться в желудок человека, спящего летом на открытом воздухе. По ночам уж, подобно ведьме, ходит высасывать коровье молоко. Если воришку обнаружат в хлеве, то некоторые оставляют его в покое, другие убивают, отрывают нижнюю часть его рта, затем, провернув буравом дыру в косяке двери, ведущей в хлев, вкладывают в отверстие оторванную часть ужа и плотно забивают деревянным колышком, что должно защитить скотину от покушений нечистого (Сборник материалов-29, 23 — 24).

Почти повсеместно вселение в дом ужа рассматривали как доброе предзнаменование. Хозяевам не рекомендовали разорять ужиное гнездо или уничтожать яйца: уж обязательно отомстит за это. У одного крестьянина в погребе жил уж. Зла не делал, но мужику вовсе не нравилось такое соседство. Раз взял он ужовые яйца и положил их в другое место, а сам стал караулить, что дальше будет. Приполз уж в гнездо — яиц нет. Выполз из погреба и вернулся, но не к гнезду, а к кувшину с молоком: обвился вокруг горлышка и бросил в него желтый цветок. Мужик положил яйца на прежнее место. Заметил это уж, бросился к кувшину, хотел его опрокинуть, но не смог. Хозяин решил отдать молоко собаке — та в ту же минуту издохла (Киреевский-1983, № 233).

Знахари использовали ужовый жир в лечении некоторых болезней. Чтобы жир вытопился, подвешивают ужа без желтизны на хвосте (желтизна — признак, что уж причинил какое-нибудь зло человеку) на солнцепеке, капающий жир собирают в пузырек и дают пить, например, страдающим от частых запоев (Сборник материалов-16, 83).

УПЫ́РЬ Ерестун, еретик, *еретник*, *хлоптун* (см.).

Мертвец, по ночам выходящий из могилы, чтобы есть живых людей или сосать их кровь. В древнерусских памятниках это слово встречается как имя собственное (Упир Лихый, XI в.). В Начальном летописном своде о язычниках-славянах сказано, что они «клали требу», т. е. приносили жертвы, «оупирем и берегиням» (Токарев, 41). По-видимому, упырями называли духов — носителей смерти, моровых поветрий. Саму *смерть* (см.) вплоть до начала XX века в рассказах, стихах и лубочных картинках изображали мертвецом, скелетом и вместе с тем воином, вооруженным всадником. Ангелы смерти вытаскивают душу грешника, нанося ему рану, сквозь ребра. В летописи имеется свидетельство о нашествии мертвецов на Полоцкое княжество (XI в.). Ночью на улицах Полоцка раздался топот: кто в тот час выходил из дому, был невидимо уязвлен навиями (мертвецами) — бесами и вскоре умирал от этой язвы. С появлением мертвецов в Полоцке по всей Руси нача-

лись невзгоды: засуха, массовые эпидемии, нападение половцев. В навьях этого летописного рассказа не без основания видят вампиров (Рыбаков, 462).

В XIX веке великорусы редко пользовались словом «упырь», «вампир» для обозначения мертвецов-людоедов, хотя рассказы о мертвецах, еретиках, хлоптунах, выступающих именно в этой роли, встречались повсюду. Более широкое распространение поверья об упырях имели в Южной России, на Украине и в Белоруссии.

По происхождению упыри — *заложные* (см.) покойники: опойцы, самоубийцы, погибшие от несчастного случая, убитые, заеденные упырями и, в особенности, мертвые колдуны, рожденные от нечистой силы и с рождения наделенные признаками бесовской породы (хвостом, шерстью, зубами и т. п.). При возникновении слухов о том, что такой мертвец встает из могилы и заедает людей, его тело выкапывали из земли, при этом обыкновенно оказывалось, что труп не сгнил, лицо налито кровью, одежда разорвана, а руки и ноги изгрызены: жадный до человеческого мяса упырь грызет в могиле собственные конечности, а заодно и одежду. Вампира переворачивали вниз лицом, вбивали в спину осиновый кол, подрезали и ломали ему ноги, надрезали пятки, засыпая туда щетины, отрезали голову и клали ее в ноги, вбивали в голову гвоздь или зубья от бороны — все это делалось для того, чтобы обездвижить упыря, не дать ему больше выходить из могилы. Для полного уничтожения труп его могли сжечь на костре.

Упыри — оборотни и невидимки, могут принять любой облик, но наиболее традиционным для них образом является труп с горящими глазами и огромными, часто железными, зубами. Преображение мертвеца в упыря, по вятской сказке, происходит следующим образом: одному солдату по слу-

жебной надобности довелось ночью проезжать мимо леса. У обочины дороги стояло дерево, на котором совсем недавно повесился человек: удавленник еще хрипел, болтаясь в петле. Солдат его пожалел и рассек веревку. Тотчас повешенный встал на ноги, лошадь под солдатом шарахнулась в сторону, глянул он на висельника, а у того — глаза как раскаленные угли, зубы длинные как у собаки, сам нагой, страшный. Погнал солдат лошадь — мертвец нагоняет. Вдруг видит ярко освещенный дом: заскочил в комнаты — хозяев нет дома, и постель словно бы ему приготовлена. Мертвец остался снаружи, солдат лег спать и проснулся только к обеду. Смотрит — лежит он на кладбище среди могил. Видно, покойники спасли его от упыря.

Таким образом, далеко не все мертвые опасны живым людям. Так же как добрые домовые, банники и овинники, они могут защитить человека от нечистой силы. В поверьях собаки-первыши (перворожденные) и «двуглазые», т. е. с пятнышками на лбу, которые кажутся вторыми глазами, дерутся с мертвецами, пока те с наступлением утра не вернутся в могилы. В самарской сказке старый колдун, умирая, наказал сыновьям нанять постороннего человека, чтобы за плату его похоронил. За тройку лошадей с упряжью согласился похоронить старика один солдат, не зная, что «мертвец был не простец — колдун и еретник, горький пьяница». Положил гроб на телегу, съездил к кузнице, набил на гроб железные обручи и повез покойника к лесу. В полночь лошади встали, колеса к земле приросли, обручи с гроба слезли. Солдат вскочил на березу — еретник вылез из гроба, стал дерево подгрызать. Упала береза — солдат на лошадь верхом вскочил, понеслась тройка. Мертвец в пристяжную вцепился, съел ее с хвоста до гривы, за вторую принялся. Тут солдат увидел вдали огонек, бросился бежать

по дороге, добежал до келейки, а там в гробу второй мертвец лежит: поднимается, зубами скрежещет, слюнями брызжет: «Эх, солдатик, теперь ты мне попался! Мяса наемся и крови твоей напьюсь!» Вдруг огромный кобель выскочил из-под порога избы, взял упыря за шиворот и стал драться как с собакой. Петухи пропели — мертвец в гроб лег, собака на прежнее место села. Выскочил солдат из келейки, отправился домой и заказал своим детям и внучатам не наниматься мертвых людей хоронить (Садовников, № 72).

Запирать от упырей двери и окна на замки и засовы бесполезно, так как вампир может проникнуть в дом сквозь стену или любую щель в ней. От кровожадных мертвецов искали спасения в магических средствах и заговорах. Крест, кусок железа на подоконнике, двенадцать кусков железа, брошенные в огонь печи (тогда упырь почувствует жжение и придет просить пощады), а также сильная брань уменьшают демоническую силу вампиров. Распространенным оберегом было выжигание крестов на входах в жилище свечой, принесенной из церкви в четверг на страстной неделе. Если четверговой свечой выжечь крест на воротах, их можно даже не запирать: упырь не войдет.

В Тамбовской губернии рассказывали: ехал ночью мужик мимо кладбища, нагнал его незнакомец в хорошем полушубке и красной рубахе, попросил подвезти. Приехали в село, подходят к одному дому, другому — хоть ворота и настежь, незнакомец говорит: «Заперто!», потому что на них кресты были выжжены. Подошли к крайнему дому — и ворота на запоре, и замок в полпуда висит, а креста нет, вот ворота сами и растворились. Вошли в избу, там двое: старик и молодой парень. Незнакомец взял ведро, поставил позади парня, ударил его по спине, и полилась из раны

алая кровь. Нацедил полное ведро и выпил, затем то же самое сделал со стариком. Напился вампир человечьей крови и обернулся к мужику: «Пойдем-ка теперь ко мне!» Вмиг очутились они на кладбище, но тут петухи пропели, и упырь сгинул. Наутро молодого парня и старика нашли мертвыми (Афанасьев, Сказки-3, № 577).

Упырями могут быть как мужчины, так и женщины-колдуньи. После смерти они мучают тех, кого невзлюбят, до тех пор, пока не сведут в могилу. Ночами возвращаются в свой бывший дом, перебирают ложки, чашки; особенно достается нелюбимым невесткам: еретница за косу вытащит ее из дому на улицу и треплет. Отроют колдунью-еретницу: румянец во всю щеку так и играет, станут кол в спину вбивать — кровь брызнет, но даже и после этого обряда тех, кого начала заедать колдунья, не удается отчитать: зачахнут и году не проживут (Киреевский-1983, № 232).

В сказках и побывальщинах упыри как выходцы из темного царства смерти изображены слепыми, чутьем, по запаху или звуку, преследующими свою жертву. Подобно зверю, упырь догоняет убегающего человека по следу. Многие черты роднят его с Ягой-бабой, также людоедкой, чувствительной к человечьему духу («Фу-фу! Русским духом пахнет!»). Близки упыри и чертям: упырь, собственно, и есть дьявол, влезший в оболочку мертвого колдуна, плоть которого сразу же после смерти поедается чертями, служившими ему при жизни. Поскольку «баба хитрее черта», то, в согласии с этой русской пословицей, сказки изображают спасение женщины от упыря благодаря ее находчивости и смекалке. Толковая пряха ночь напролет, до первых петухов, рассказывает упырю, как из льна делают сорочки, и вампир, не успев высосать из нее кровь, пропадает (Афанасьев-3, 139).

ФАРАО́НЫ Фаляроны, фараонки, фараончики.

Морские люди, полулюди-полурыбы. Источник образа — апокрифическая легенда, сложившаяся на основе библейского сюжета о переходе Моисея через Красное (Чермное) море. Согласно «Сказанию о переходе Чермного моря» (XVII в.), море расступилось перед Моисеем, и он перевел посуху свой народ, но над его преследователями, египтянами, воды сомкнулись, египтяне утонули и превратились в рыб с человеческими головами, с оперением вместо ушей. Их кони также обратились в рыб с толстой кожей и конской шерстью.

На Северо-Западе среди русских существовало поверье, что фараоны — люди-рыбы, как мужского, так и женского пола, встречаются преимуще-

Медуза. Ровинский-2, № 250.

ственно в морях и океанах, реже — в реках. У них рождаются дети, и матери кормят их грудью. Племя фараонов многочисленно, они расплодились повсюду. Встречаются и другие описания фараонов: рыженькие, темненькие, как кошки, выходят из воды на берег. В Неве будто бычки вынырнут, скажут: «Фараон!» — и нырнут в глубину.

В Северном Ледовитом океане плавают белыми медведями, окружают подводные суда; в море — окружат судно, высунутся из воды и кричат: «Русь, Русь!»

На реке Свирь рыбаки сели отдыхать. Один их них, молодой красивый парень, решил выкупаться, но друзья отговорили его, потому что видели, как из реки вышла женщина и, сказав: «Фараон, фараон», ушла в воду. Отказавшись от купания, парень попросил только облить его водой. Мужики окатили его, и он сразу умер (Черепанова, 95 — 96). Такую же роковую роль в бывальщинах может выполнять *черт, водяной* (см.).

В поверьях Харьковской губернии потонувшее фараоново войско — это целый народ, где были мужчины, обратившиеся в водяных, женщины и дети — в русалок. Верхняя часть тела у них человеческая (до пупа), а нижняя — рыбья. Они иногда останавливают корабли в море или на реках и спрашивают, скоро ли будет Страшный суд? Продолжают ли дети носить под праздник Рождества Христова «вечерю» своим крестным отцу и матери? Получив на первый вопрос утвердительный ответ, а на второй — отрицательный, радуются, в противном случае с досады могут потопить корабль (Зеленин-Очерки, 124). То есть радуются скорому наступлению конца мира и падению веры и огорчаются, когда узнают, что люди еще живут по-Божески и день Страшного суда еще далек.

Во Владимирской губернии «фараонцами», «фараонами» в шутку дразнили жителей Вязниковского уезда. Вязниковцы называли лягушек фараонами и рассказывали об их происхождении следующую легенду. Фараоново войско, потопленное израильским Богом в пучинах Чермного моря, обратилось в лягушек по собственной просьбе египтян: им не захотелось жить вечно на морском дне, и они умолили Бога придать им такой вид, чтобы они могли выходить на сушу. Так появились лягушки.

По другой версии, в Чермном море и поныне живет фараоново войско, у женщин-фараонок — рыбий хвост, мужики все с бородами. Такими изображали фараонок русские резчики по дереву, вырезая русалок и берегинь на досках для украшения дома и деревянной утвари (Завойко, 102 — 103).

Среди астраханских рыбаков многие верили в существование фараончиков — морских дев, родственных сиренам греческой мифологии, завлекавших волшебным пением путешественников, топивших их корабли. Астраханцы в гибели рыбаков часто винили белотелых дев с русыми кудрями, русалок-фараончиков. Вынырнет красавица из воды, покажет золотые волосы и белую грудь, улыбнется и исчезнет, а рыбак гребет вслед за ней все дальше от берега, забыв, что его утлый челн не приспособлен для дальних плаваний, и гибнет в открытом море (Саратовский справочный листок, 1878).

ФАРМАЗО́Н Арвизон, франкмасон, *колдун, чернокнижник.*

В начале XVIII века в Россию из Западной Европы проникло общество франкмасонов, привлек-

шее многих передовых людей того времени просветительскими идеями, нравственными установками, обещаниями раскрыть тайны мироздания. Наряду с гуманными идеалами русским франкмасонством была усвоена и мистическая оболочка тайного общества, в план действий лож входили поиски философского камня и жизненного эликсира, тайная медицина с волхвованием и чародейством, магнетизм, спиритизм, кабала, магия с вызыванием духов и т. д. Пренебрегая внешними проявлениями религиозности, масоны признавали «внутреннюю» религию, высшую духовность. Все это создавало в широких массах мнение о масонах как о безбожниках, чародеях, чернокнижниках и даже бесах. О вступивших в это общество говорили как о продавших душу черту. Поскольку многие члены лож принадлежали к высшей знати и обладали огромными состояниями, происхождение почестей и богатства франкмасонов объясняли чудом фармазонских денег, неразменного рубля.

По рассказам XVIII века фармазоны — дьяволы. Если кто, записавшись в масоны, после раскается и захочет обратиться на путь истинный, то бывает от них застрелен, дабы не открыл тайны. Когда человека принимают в масонское братство, он дает расписку кровью, а потом с него снимают портрет; если он им изменит или, раскаявшись, захочет выйти из общества, то стреляют в его портрет, и, где бы тот человек ни был, он будет убит в то самое место, которое прошибла пуля на портрете (Чулков, 305).

В тамбовских поверьях Фармазон и Любостай — самые приближенные к Сатане черти. Любостай летает к женщинам огненным змеем, и после пяти-шести месяцев любовной связи женщина чахнет и переходит во власть Сатаны. Фар-

Денежный дьявол. Ровинский-2, № 243.

мазон готов на услуги каждому, кто хочет достичь невозможного: красоты, славы, богатства, почета, любви. Нуждающийся в Фармазоне выходит в поле на раздорожье, разрезает мизинец правой руки и кровью из раны подписывает бумагу, согласно которой душа его после смерти поступает в собственность дьявола. После этого выкупить душу крайне тяжело. Фармазон из ружья стреляет в портрет человека, от него отказавшегося (портрет пишется при заключении договора). Портрет и расписка могут быть уничтожены, но на лице человека навсегда останется шрам; действие чар над ним рушится, и все дары Фармазона исчезают (Бондаренко, 118).

Неразменный рубль называли «фармазонским» (см. *Клады*), получить его можно было следующим образом: берут черного кота, обматывают нитками и идут с ним в глухой переулок. Прохожие будут предлагать за кота разные суммы денег, но взять надо только первый предложенный рубль. Купить на него можно что угодно, но только так, чтобы оставалась хоть копейка сдачи. Положишь ее в карман или в кошелек, и она превратится в рубль (Сборник материалов-29, 36).

В Симбирске была записана история о том, как один парень отправился доставать фармазонские деньги. Ходил он за ними три года и пришел к избушке. На печи старик лежит, он ему объяснил, зачем явился. «Хорошо, — говорит старик, — поди возьми на три рубля водки и копеечку сдачи принеси». Парень все так и сделал, глядит — а все три рубля опять в кармане. «Теперь, — сказал старик, — пойдем в нашу церковь помолимся». Привел его в темную без окон избу, посреди избы чан стоит, вокруг свечи горят, вдоль стен фармазоны молятся. Вдруг из стены

вылезает седой, мохнатый: «Чего вам надо? Коли денег, так нате, берите!» — и насыпал целую кучу фармазонских денег. Стали фармазоны склонять пришельца в свою веру. «Дай, — говорят, — мы тебе кровь пустим из мизинца и этой кровью твой портрет напишем. Где бы ты ни был, мы тебя найдем, а если в этот портрет выстрелим — ты умрешь в ту же минуту». Парень не дался, вспомнил, что у него стариковы три рубля в кармане, и убежал. Зашел в кабак, купил на рубль водки, думал: снова прирастут; ан — нет: дорогой сунулся в карман, а там не прибавилось, два рубля вместо трех (Садовников, № 78). Без договора фармазонского рубля не получишь.

Фармазон — видимо, под влиянием информации о «мастерах» и «учителях» лож — в сказках замещает колдуна-учителя (в сюжете «Хитрая наука»). Фармазон-учитель по волшебной книге учит детей оборотничеству. Пройдя курс наук, ученик сможет вернуться к родителям только в том случае, если перехитрит самого фармазона (Русское Устье, № 42).

ХИ́ТКА Русалка (см.).

От: «хитить», похищать. Так называют ее потому, что она топит людей в воде, забирая в свое царство (Зеленин-Очерки, 116).

ХЛЕ́ВНЫЙ

Дух хлева. Отличается добротой, помогает следить за порядком в хлеве. Одно из названий *домового* (см.) — конюшника, сарайника, т. е. покровителя домашней скотины. В Ярославской губернии в случае болезни скота знахарь отводил на дворе место домовому, здесь клали пирог или хлеб-соль, над которым знахарь произносил заклинание, называя домового «родимым кормильцем и батюшкой»; пирог брал себе. В чистый четверг и на Светлое Воскресенье в хлеве или коровнике

можно было увидеть домового, притаившегося в углу. Общеизвестна любовь домового к лошадям. В Воронежской губернии только что купленную лошадь приводили во двор и пускали без узды: где лошадь остановится, там домовой хочет ее поместить. Иногда ради этого приходилось переносить конюшню на новое место. В других губерниях, вводя купленную скотину в стойло, низко кланяются, обращаясь к каждому из четырех углов хлева, и просят: «Дедушко-атаманушко! Полюби моего чернеюшка (пестреюшка, смотря по шерсти), пой-корми сыто, гладь гладко, сам не шути, и жены не спущай, и детей унимай». Если кому-нибудь удается разбогатеть от торговли скотом, то все уверены, что в этом ему помог домовой (Афанасьев-2, 72 — 73).

ХЛОПТУ́Н Еретик, *еретник*, клохтун, *упырь*, шептун.

Дух мертвого *колдуна; дьявол*, использующий внешнюю оболочку, кожу трупа умершего колдуна для того, чтобы по ночам сосать кровь и заедать живых людей. Хлоптуны поджидают момента, когда в чьей-либо семье появится покойник: как только душа его расстанется с телом, хлоптун входит в покойника. Тогда в семействе одно несчастье следует за другим. Хлоптуны могут принять чужой облик и проникнуть в свою (т. е. в ту, где умер колдун, чей облик он принял) или чужую семью, тогда не только из этого дома, но и из деревни станут пропадать люди — хлоптун их поедает (Рыбников-3, 184). Убить его можно ударом плетки от нелегченого коня, тележной оси, но только наотмашь и с первого раза, так как второй удар оживит хлоптуна.

Обычный мертвец может стать хлоптуном во

время похорон другого покойника. У одной женщины муж уехал в Петербург на заработки, вскоре она узнала, что он умер, стала о нем плакать: «Хоть бы мертвый приехал, посмотреть бы на него». Он и вернулся. «Нет, — говорит, — я жив»; хотя жене все думалось, что он мертвый.

Довелось им обоим быть на похоронах. Стали снимать с покойника покрывало, а муж той женщины стоит у порога и усмехается, видя, как черти лезут в рот мертвецу. Жена спросила — что же теперь будет? А он в ответ: «Хлоптун родится. Пять лет никого беспокоить не будет, а на шестой станет есть скот и людей, и извести его можно только уздой с некладеного коня — этой уздой, отведя руку назад, бить, он и умрет». Стала жена следить за мужем. Прошло пять лет, видят — он на дороге коров ест. Ударили его уздой наотмашь, он упал, только и успел жене сказать: «Сгубила ты меня» (Ончуков, № 87).

В Кемском районе Карелии бытовало поверье о фантастическом петухе — хлоптуне: жил он на Колгострове, в пещере. Крылья большие, ноги длинные; этот остров горел, но петух из горы не вышел. Близкий образ встречается в бывальщине Пудожского края о Петуньем острове, который был перевезен огромным петухом от устья реки Илексы к деревне Кул-Наволок в качестве приданого за дочерью водяного (Черепанова, 16).

ХОЛЕ́РА

Дух болезни холеры (см. также: *Лихорадки*). Холеру представляли старухой со злобным, искаженным страданиями лицом. Где она остановится переночевать, в том доме не останется в живых ни одного человека. Иные думали, что холер — три сестры, являются они из-за моря, все в белых

саванах, просят на дорогах подвезти их в какой-нибудь город или село. Однажды мужик, направляясь на базар в город, подвез двух сестер-холер. Они сидели на возу, держа на коленях узелки с костями; одна из них направилась в Курск, а другая в Харьков, где переморили множество людей (Афанасьев-3, 114).

Во время холеры 1895 года крестьяне Белозерского уезда Новгородской губернии рассказывали: «Проходили нашим местом две холеры. Одна старая, черная, и другая такая же, только одна была поменьше, другая побольше. И поставили в одном отводу (воротах) урядника с десятниками этих холер не пускать. Когда они пришли, урядник большую-то зарубил, а маленькая проскочила. Вот и умирать у нас от подлой стали».

Защитить от холеры может дедушка, лесной хозяин. В селе Покровском в Новгородчине прошел слух, что в соседних деревнях ходит холера. Но жители не особенно испугались этой болезни, объясняя свое спокойствие тем, что у них сторона лесная, и дедушка лесовой не пустит холеру. Действительно, эпидемия села не коснулась, леший не пустил. В то же время в соседних селах холера свела в могилу множество людей.

Умерших от холеры вытаскивали в заколоченных гробах через окна, которые тотчас же зааминивали — крестили рукой с повторением слова «аминь». Холера провожает покойника до могилы, но, выйдя вместе с ним в окно, вернуться не сможет. Ночью рядом с могилой умершего зарывали живую кошку в жертву страшной болезни, чтобы холера смилостивилась над остальными членами семьи.

Совершались и более жестокие жертвоприношения. Радикальным средством от этой болезни

вплоть до начала XIX века считали зарытие в могилу живого человека. Бывали примеры самопожертвования: бросали жребий и того, на кого он падал, живым зарывали в землю вместе с петухом, собакой и черной кошкой. Известен случай, когда односельчане для прекращения холеры сталкивали в заранее приготовленную могилу старуху и живьем засыпали ее землей; в Туруханском крае крестьянин для прекращения повальной болезни закопал в землю девочку, свою родственницу (Белогриц-Котляревский, 107).

Холера могла отождествляться с умершим от нее человеком, похороны его становятся погребением самой болезни. В Нижегородской губернии во время холеры пронесли на руках ночью вокруг села девушку-покойницу и стоймя похоронили ее (Зеленин-1915, 834).

ЦАРЕ́ВНА ВАСИ́ЛЬЕВНА (олонецкое)

Дух болезни оспы. О способах обращения с Царевной и приемах ее лечения см. *Оспа Ивановна*.

ЦАРИ́ и *царицы*

Водяные, дворовые, домовые, змеиные, лесные, морские, поддонные, подземные и др. В фольклоре земные и водные пространства, животный мир, недра земли, даже стихии и природные явления предстают царствами, управляемыми царями. Обращения к царям разных сфер присущи заговорам, когда, соблюдая этикет, нужно было адресовать свое требование или просьбу, заклятие самому главному и могущественному духу. Так в заговорах против гибели от оружия обращались к

железному царю: «Есть озеро железное, есть царь железный. И тот царь имеет власть и защищает от всякого железа меня» (Черепанова, 22).

Царям могут подчиняться более мелкие духи. Так в Олонецкой губернии верили, что лесные царь с царицей управляют лесовиками, боровиками, моховиками, которые разнятся размерами и образом деятельности. В свою очередь каждый лесовой — царь в своих владениях над зверьем и птицами.

Вся вода в мире сообщается подземными протоками, так что, например, колдуны-разбойники могли, нырнув в бездонную яму — пучину, — оказаться в море. Над водами океана правит морской царь, в разных морях также имеются свои морские, поддонные, цари. В былине о Садко морской царь показывается герою из Ильмень-озера и дарит ему за прекрасную игру на гуслях три рыбы с золотыми перьями, на которые можно скупить все товары в Новгороде. Морской царь требует жертв: в былине это сам Садко, но и в жизни рыбаки приносили дань водяному хлебом, табаком, частью первого улова и т. д. (см. *Водяной*). Впадающие в озера или моря реки считались дочерьми морского царя. Вместе с женой и детьми он живет на дне моря в хрустальном дворце; в слугах у него — другие водяные, утопленники и русалки, ему подчиняются все морские твари.

Подземное царство чертей, ад, управляется князем тьмы — *Сатаной* (см.). В рассказах горняков подземный царь не имеет отношения к аду, он — хранитель горных богатств.

Царем зимы называли *Мороз* (см.). Царем и царицей именовали огонь и воду. «Спи, царь-огонь, говорит царица-водица». Грозы происходят по воле небесного царя: «Царь кликнет, царь миг-

Картины из Библии и Апокалипсиса. Лист 34. Ровинский-3, № 810.

нет, кого-то позовет» (в загадке о громе и молнии). Согласно загадке о царях — олицетворениях четырех стихий — они не могут жить друг без друга: «Живут четыре царя, который умрет из них, то все за ним в могилу пойдут» (Даль-4, 571).

В сказках цари стихий воплощены в зримые образы. Еруслан Лазаревич едет за теплые моря к царю Огненному Щиту и Пламенному Копью, испускающему огонь и сжигающему своих врагов. Богатырским мечом Еруслан рассек царю грудь и вынул желчь; затем помазал ею глаза ослепших богатырей и своего отца, отчего они сразу прозрели. На лубочной картинке к этой сказке в руках у царя щит, сияющий солнечными лучами, и копье, на острие которого горит пламя (Афанасьев-1, 216).

Наиболее многозначен образ царя-змея (см. *Змеи*): он может оказаться хозяином земных недр (Великий Полоз в уральских сказах), заменить собою морского царя (в легендах об Ильмень-озере); особое место в верованиях занимал *уж* (см.) с «короной» на голове и *василиск* (см.). Языческого Перуна видели змеем, а о Юрьевском («Перюньском») ските рассказывали: жил в этом месте зверь-змияка, каждую ночь ходил спать в Ильмень-озеро с волховской коровницей. Перешел змияка жить в самый Новгород, а на ту пору сказал Владимир-князь: «Всей земле русской — креститься». Черту с Богом не жить: Новый город схватил змияку Перуна да и сбросил в Волхов, а черт вверх по реке поплыл к Ильмень-озеру, к своему старому жилью. Но Владимир приказал на том месте церковь построить, чтобы зверю-змияке ходу не было (Якушкин, 92).

Змеиные цари и царицы, как и вообще змеи,

знают секреты врачевания, обладают чудесными целебными средствами, хранят живую и мертвую воду. В сказке о кривой царевне Весельчак-пьяница отправляется в змеиное царство за волшебной мазью, что лежит под камнем посреди змеиной столицы, которую кольцом опоясывает гигантский змей. Стоит помазать ею глаза, как слепой прозреет.

Особое значение придавали змеиному салу, глазам, шкурке и змеиному камню, что находится в голове у змеиной царицы или, являясь источником жизненной силы, бережно хранится змеями. По русским поверьям, змеиной царицей признавали белую змею; тот, кто натопит из нее сала и помажет им глаза, получит дар видеть скрытые под землей клады. В праздник Воздвиженья святого креста (14 сентября), перед наступлением холодов, змеи, во главе со своей царицей, собираются в кучи в ямах и пещерах и остаются там на зимовье вместе со своей царицей. Среди них лежит светлый камень алатырь: змеи лижут его, и с этого бывают сильны и сыты. Мудрость царя-змея заключается в знании тайн прошедшего и будущего, в умении разрешить любые задачи (сказка о Марке Богатом) (Афанасьев-2, 541 и сл.).

Вкушение плоти царя (птиц — орла, зверей или трав) сообщает человеку необыкновенную силу. Среди магических рецептов старинных лечебников имеются такие, которые рекомендуют отыскать того или иного животного, птичьего или растительного царя и соответствующим образом использовать части царского тела. Например, на Иванов день о вечерне, взявши орла, стать на камень на перекрестке дорог, заколоть его острой тростью, разделить тело на части, затем иссушить

на солнце. Правое око носить под пазухой — спасешь себя от гнева царя или князя; левое око смешать с кровью коровы и селезня, иссушить, завязать в синий плат и носить на рыбную ловлю; правильное перо с правого крыла подкладывать под ногу родильнице при трудных родах и т. д. В травах царь-трава — Симтарим, о шести листьях: первый синь, другой червлен, третий желт, четвертый багров; брать ее нужно вечером на Иванов день сквозь золотую гривну или серебряную; под корнями той травы — человек, и трава та выросла у него из ребер. Возьми того человека, разрежь грудь и вынь сердце. Если кому дать сердце того человека, то изгаснет по тебе. Если муж жены не любит, возьми голову того человека и поставь против мужа — станет любить больше прежнего. Если у которой жены детей нет — печень того человека сварить в молоке и пить по три утра натощак, и будет сначала отрок, потом девица (Буслаев-2, 33 и сл.).

ЧЕРАНДА́К Чердак, чердан, чертак (новгородское).

Водяной дьявол. Каждую зиму, прежде чем затянутся льдом реки Шексна, Ковжа и Белозеро, он со страшным гулом обходит их берега, оставляя после себя большую щель во льду. Смотря по расположению духа этого беса, гул на воде бывает более или менее сильным. Только после того как черандак обойдет свои владения и успокоится на зиму, рыбаки-белозеры, уверенные в крепости льда, выходят на зимний лов рыбы. В имени этого беса слились диалектное «чарандать», «черяндать» (плевать, течь понемногу, журчать), «чурандило» (ливень) и общерусское «черт».

ЧЕРНОКНИ́ЖНИКИ, *чернокнижницы*

Колдуны и колдуньи, имеющие у себя черные книги, *фармазоны*. Под черными книгами подразумевались старинные рукописи, книги с заговорами и чарами, целительными словами и молитвами, а также волшебные, магические книги, предназначенные для вызывания бесов.

Все важнейшие обстоятельства жизни — рожденне, брак, смерть — сопровождались чародейством. По свидетельству Стоглава, волхвы и чародеи от бесовских наущений творят пособие тем, кто идет на битву в поле и проливает там кровь, кто идет в суд, надеясь чарами обеспечить успех своему делу. Заговорами и ложными молитвами промышляли просвирни (вдовы духовного звания, женщины, занимавшиеся изготовлением просвир); еще в 1378 году был схвачен поп, у которого нашли мешок со «смертным зельем», составленным по черной книге — древнерусскому лечебнику. В подобной среде могли составляться и распространяться новые заговоры (Буслаев-2, 50 — 51).

В чернокнижии русское перемешано с чужеземным, церковное — с языческим. Народное суеверие поддерживалось еретическими сборниками. В XVII веке к «ложным», в том числе и магическим, черным, книгам относили: Плартолой (т. е. Астролог), Астрономию, Землемерие, Чаровник или Врачебник («в этих книгах все двенадцать опрометных лиц, зверинных, и птичьих, а именно: тело свое хранить мертво и летать орлом и ястребом, и вороном, и дятлом, рыщет лютым зверем и вепрем диким, летает змеем, рыщет рысью и медведем»), Громник, Молния, Месяц кружится, Кудесник, Метание, Мысленик, Сносудец, Волховник, волхвующий птицами и зверьми; Путник, «в котором писано о встречах и часах злых и до-

брых»; Звездочетец, о двенадцати звездах, по которым волхвуют о дне рождения и о счастии. В список книг, очевидно, вошли и названия предметов суеверия. Сюда же относятся упоминаемые в Стоглаве — Аристотелевы врата и Рафли; в Домострое — Альманахи, Шестокрыл, Стрелки громные, Усовники, Кости волшебные (Буслаев-1, 481).

В XIX веке к чернокнижникам также причисляли грамотеев, которые, имея у себя рукописи заговоров и не принятых в православной церкви молитв, занимались знахарством и колдовством. Чернокнижники отчитывали больных, потерявших дар речи или помешавшихся вследствие каких-то потрясений, столкновений с нечистой силой, лешими и чертями. Чернокнижник читал над больным книгу до тех пор, пока тот не придет в себя, часто всю ночь напролет.

Не только в содержании черной книги, но в ней самой как в предмете усматривали магические свойства. Например, тульские знахари и знахарки, отвечая на вопросы посетителей «Сдадут ли в солдаты?», «Как живут мужья, ушедшие на заработки?», «Долго ли до замужества?», пользовались цветом папоротника или старинной книгой. Книга эта носит название «Старинная библия» или книга Петра Могилы, или «Черная магия». Некогда ее велел уничтожить московский царь: он заложил ее в каменный столб, заклял, и теперь ее никто не может взять. Но кое у кого случайно осталась «Старинная библия», которую берегут и передают по завещанию из рода в род, по ней можно узнавать будущее, колдовать и насылать порчу на людей (Колчин, 53).

Некоторые утверждали, что черные книги — волшебные, содержат в себе дьявольские наваждения. Они написаны волшебными знаками, чаще всего нолями и кружками. Чародеи-колдуны при-

Зерцало грешного. Ровинский-3. № 742.

зывают по ней дьяволов. Если черная книга попадется не колдуну, то лишь только простой человек откроет ее, к нему приступят множество дьяволов и начнут просить работы. Если не сможешь постоянно занимать работой чертей, они утащат в ад. Только чернокнижники знают, какое дело не в состоянии выполнить нечистая сила, приказывая бесам вить из песка веревки, из воды или солнечных лучей — канаты, чтобы вытащить ими китов из моря.

Чернокнижники — рабы своего дара, они не получат успокоения, пока не передадут черной книги вместе с чертями кому-нибудь из близких или знакомых. Если чернокнижнику не удастся никому отказать свою книгу, он после смерти по ночам в саване возвращается в свой дом и требует ее отдать (Чулков, 73, 314 — 315).

В былине «О Ваньке Удовкине сыне и царе Волшане Волшанском» черная («волшанская») книга отвечает на любые вопросы, рассказывает все тайны и утрачивает свои колдовские свойства под действием более сильных чар — заговоров, произнесенных над пером и огнивом Могуль-птицы.

После смерти чернокнижник, как и всякий колдун, может превратиться в *хлоптуна, еретуна* (см.), упыря-вампира, поедающего людей. У одной женщины муж был чернокнижник. Как умер, так сразу и вскочил, бросился к жене; она испугалась, кинула полено — он его в щепки разгрыз; спряталась в чулан — он дверь прогрыз. «Не уйдешь», — говорит. Утром баба за полштофа наняла пьянчужку, чтобы чернокнижника похоронил, гроб сковали железными обручами, повезли на погост. Обручи лопнули, чернокнижник из гроба встал, бросился на мужика, тот — на дерево, чернокнижник дерево подгрыз, оно упало; побежал мужичок к риге и взмолился ригачнику:

«Хозяин, сбереги!» Ригачник схватил камень, стал с мертвецом-чернокнижником драться. Пока они возились, мужичок за людьми в деревню побежал. Пришли артелью, смотрят: чернокнижник в риге лежит. Отвезли на погост, похоронили вниз лицом, чтобы не вставал (Ончуков, № 86).

За чернокнижие вплоть до XVII века наказывали сожжением (вместе с волхвовными книгами), ссылкой в дальние места и заточением в монастырь. В грамоте, данной царем Федором Алексеевичем на учреждение в Москве Славяно-греко-латинской академии, сказано, чтобы учителей магии не иметь в стенах академии, «аще же таковые учители где обрящутся, и оны со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да сожгутся»; учителям академии предписывалось вести наблюдение, чтобы никто не держал у себя чародейных, гадательных и других запрещенных церковью книг; у кого таковые найдутся, тот должен быть сожжен вместе с ними. Среди этих книг, между прочим, была и астрономия и астрология; предсказание солнечных и лунных затмений считалось колдовством; Брюс, составитель календаря начала XVIII века, включивший в него астрологические предсказания, слыл в народе колдуном и чернокнижником. Преследование церковью ложных и отреченных книг в глазах народа придавало им особую значимость, а сожжение чернокнижников вполне соответствовало давней традиции сожжения волхвов, вещих женок за неурожаи, моровые поветрия и другие бедствия. Но народный гнев на чародеев обрушивался только в дни тяжелых общественных несчастий, в обыкновенное время колдуны и чернокнижники пользовались если не любовью, то почетом и уважением (Афанасьев-3, 610 — 613).

ЧЕРТ Анчутка беспятый, беспятый, еретик, измоден, корявый, косматый, красавец хвостатый, лемба (олонецкое), лукавый, луканька, лысый, некошный, немытик, неумытый, нехороший, нечистый, отяпа, супостат, поплешник, рогатый, синий, синец, черная сила, черный шут, шайтан, шехматик, шиликун, шиш, шишко, шишок. См. также: *Бес, Дьявол, Сатана.*

Слово «черт» редко встречается в древнерусских памятниках, исключением является «Великое зерцало» — памятник, пришедший на Русь из Польши. Название *черт* (польское «*czart*») для обозначения разного рода нечистой силы распространилось в России с XVII века. В западнославянской мифологии черт — болотный дух, вроде лешего (Рязановский, 44 — 45).

«Чертями» часто называли всякую нечисть: черт подпольный — домовой, водяной черт — водяник, бес полуденный — полудница и т. д. Наряду с этим, общим представлением о черте, бесе, существовал и более конкретный образ черта — подземного, адского жителя, покидающего пекло с единственной целью — нанести как можно больше вреда людям. Чертей так много, что «солнца бы не проглядел» из-за них, но их нам видеть не велено; человеку черт является только в чьем-нибудь образе (человека, зверя, гада, птицы — кроме петуха, поскольку на петухе «ангельский чин») (Завойко-1917, 35).

Под землею черти мучают грешников разными пытками, в основном, с помощью огня. Из ада Сатана посылает чертей на землю с разными заданиями. Местоположение ада под землею — неопределенное: в тартарары, в преисподней, т. е. в самом низу земли, в бездне, в пропасти. Здесь черти также отдыхают, играя в кости грешников, как в дудки, пляшут, играют в карты на души

грешников или соблазненных, пьют водку и курят табак (Калужская губ.).

Происхождение чертей, как и всякой нечистой силы, относится ко временам войны светлого воинства Бога Саваофа с восставшими против него ангелами, темной силой, пожелавшей устроить на небе свое царство. Архангел Михаил метал в непокорных свои молниеносные стрелы, и, теснимые к краю неба, злые ангелы падали вниз: одни из них, со своим предводителем Сатаною, провалились под землю, в ад, и стали называться чертями, бесами, дьяволами, другие упали на землю и населили дома, леса, реки, озера и болота (домовые, лешие, водяные). В аду появились старшие и младшие черти. Первые командуют над вторыми. Младшие черти не вполне забыли о своей ангельской природе и не всегда подчиняются старшим. Одному чертенку дали приказ сделать какую-то пакость, а он не исполнил. В ужасе перед ожидающим его наказанием, он стал молить Бога: «Господи, коли ты меня от железных прутьев избавишь, никогда пакостничать не буду!» Бог его не оставил, спрятал чертенка в церкви под плащаницу. Черти его и не смогли найти, а чертенок после этого стал ангелом (Садовников, № 83). В сказках такие черти-ослушники помогают людям, даже не требуя за услуги обычной платы — души. Черт Гришка женил бедного молодца на проклятой девушке из хорошего богатого дома: вытащил ее из омута, куда часто попадают дети, проклятые родителями в пылу гнева, пива наварил, свадьбу сыграл и отвел молодых в зажиточную женину семью (Садовников, 35).

С умножением рода человеческого растет и чертово воинство, так как злые духи умудряются совращать тех ангелов, которые появляются из

душ умерших крещеных младенцев, переманивая их на свою сторону.

На земле черти и чертовки (жены чертей) населяют болота, омуты, провалы, образовавшиеся на месте ушедших под землю кладов или поселений. О таких урочищах узнают по слухам, они считаются прямыми ходами в подземное царство Сатаны, в иной нечистый мир. Развалины древних городов слывут за чертовы логова. Скалистые гребни гор, издали похожие на руины древних замков и крепостей, иногда называли «чертовыми городищами». На берегу реки Камы показывали Чертово городище — развалины древнего города Болгарского царства. По преданию, в этом городе у язычников был великолепный храм, который славился оракулом, так что со всех сторон сюда стекались люди, желавшие знать будущее. В храме обитал огромный змей, в жертву ему жрецы отдавали иноплеменников. О другом разрушенном Чертовом городище на берегу реки Белой рассказывали, что жители из него были изгнаны множеством змей (Чулков, 67, 315). Курганы иногда называли «чертовыми городищами»: в пяти верстах от Пронска вблизи села Елшина нечистая сила за одну ночь наметала высокую насыпь, чтобы с ее вершины указать путь к городу Пронску безбожным врагам. Внутри кургана есть клады, но никто не может ими воспользоваться (Макаров-1, 54). Своим происхождением подобные нечистые места могут быть обязаны также язычникам-первопоселенцам, древним славянским князьям, слывшим чародеями, знающимися с чертом. По преданию, сын князя Славена, кудесник Волхв или Волховец, построился на берегу реки Мутной, названной впоследствии в его честь Волховом, и совершал из своего городка разбойничьи набеги, превращаясь в крокодила. За искусство волхвования

язычники сочли его богом, но говорили, что его задавили черти. Почитатели погребли чародея на берегу реки Волхов, справили роскошную тризну, а над могилой по тогдашнему обычаю насыпали бугор, который потом провалился. Яма в этом месте долго еще напоминала о кудеснике (Чулков, 69 — 70).

Ходом в преисподнюю бывают и горы. «Пойди на Мянь-гору», — говорят жители Заонежья, если хотят кого-нибудь послать к черту. О мянь-горских чертях ходила слава, что они отовсюду воруют людей, утаскивая их в свое логово через Мянь-гору, находящуюся на берегу Онежского озера (Куликовский).

Выстроенные чертями дома, в которых никто не живет, могут оказаться входом в адское царство. В Брянских лесах Орловской губернии показывали «Чертов дом», каменное двухэтажное здание, простоявшее лет двести, хотя никто его не подновлял. Черт построил его для девицы, она однажды неосторожно сказала: «Хоть бы черт меня посватал». Дьявол принес ей золото, бриллианты, наряды один краше другого, к назначенному сроку выстроил дом-дворец и собрал приданое. По совету священника невеста, отправившись к жениху-черту, захватила с собой петуха. На крыльце ее ждал разряженный радостный дьявол; девица взошла на крыльцо, и в это время петух высвободил из-под ее руки голову и пропел: «Ку-ку-реку!» Загремел гром, раздался страшный треск, земля разверзлась, и сатана провалился в преисподнюю. С тех пор никто не живет в лесном доме (Синозерский, 536 — 537).

Населяют черти озера без дна — т. е. такие, где ныряльщикам дна обнаружить не удавалось. Из такого озера можно выудить чертенка вместо рыбы: маленького и черненького, как головешка.

Архангельские рыболовы как-то выловили чертенка неводом из бездонного озера, притащили домой, посадили на шесток близ печи, дали ему есть. Он и залопотал по-своему: «Не велела мамка, не велел татка, — не ходи, Фока, на сарай. Нет, Фока пошел на сарай». Взяли чертенка и опять в воду бросили: нырнул — только Фоку и видели (Богатырев, 44. — 46).

В своих жилищах на земле и на дне озер черти живут, так же как люди, семьями. Один солдат остался ночевать в пустой лесной избушке. Ночью за печкой-каменкой вдруг послышался плач ребенка: солдат наотмашку кинул за спину хлеба. Через некоторое время в избушку вошел черт и хотел было растерзать непрошеного гостя, но чертиха его предупредила: «Тише, тише! Он у меня паренька хлебом накормил. Он от солдатства бегает, так ты замени его». Черт согласился, но на службе ему не поглянулось: что ни сделаешь — за все бьют.

Черти любят собираться на перекрестках играть в бабки, биться на кулачках. Пожилые люди непременно крестились на перекрестках, и не дай Бог кому сругнуться — беда может случиться. На росстанях избегали брать что-либо: вместе с вещью можно приобрести болезнь или несчастье. На перекрестках искали встреч с нечистой силой по своей надобности; для этого брали черного кота и в полночь не оглядываясь шли к росстани. Здесь черти купят кота за большие деньги, но если оглянуться — разорвут в клочки. Нечистая сила «манит» на перекрестках: собьет шапку, загогочет и издаст в шапку неприличный звук; или прикинется давнишним знакомым, предложит выпить, и если мужик, прежде чем выпить, перекрестится — очутится где-нибудь в Москве под мостом с обгорелой чуркой в руках или в болоте с шишкой вместо рюмки (Колчин, 58).

Черти любят забираться на колокольни, оттого при первых двух ударах колокола крестьяне не крестились, а с третьим ударом нечистый с колокольни падает, и можно осенить себя крестным знамением. В жаркие дни черти забираются под густые нависшие лапы елей, где темно и прохладно; по ночам устраивают на чердаках страшную беготню и драку, а если кто поднимется с огнем — обращаются в кошек и разбегаются (Вологодская губ.). Изобилуют чертями кузни, мельницы и бани. В банях живут невидимые, «воздушные» черти, которые парятся здесь без огня, в темноте, слышно только, как веники свистят. Человека, вошедшего в баню без креста, черти могут растерзать, снять кожу и положить на печь-каменку, поэтому по одному в баню не ходят париться (Завойко-1917, 35).

Черти обычно живут у колдунов и колдуний, которым они верно служат. У одной колдуньи под полом жил черт и подсказывал оттуда, что нужно отвечать людям, пришедшим погадать о будущем, о пропаже, об исходе какого-нибудь дела; причем ответы черт давал такие, от которых возникали новые тяжбы, драки и ссоры. Жили в семье две невестки, жили дружно, обе женщины хорошие, покладистые. Вот черт и задумал над ними подшутить, чтобы они перессорились. Старшая невестка попросила у младшей янтарное ожерелье для своей дочки-невесты: младшая была взята из богатого дома, и у нее все было. Бес попутал младшую, пожалела — не дала. Через день или два глядь — пропало ожерелье, а оно стоило дорого. Всё перерыли — нет нигде; и пошли у них ссоры. Младшая говорит на старшую: «Это ты, такая-сякая, украла!», а старшая плачет, божится, что знать не знаю, ведать не ведаю.

Глядел-глядел старик-свекор: дело плохо, не будет в семье мира. Взял с собой внучка от старшей невестки, мальчика лет семи-восьми, и поехал к колдунье. Приехали. Вот колдунья и высылает мужика вон из избы, чтобы погадать, а мальчика не заметила (стало быть, Господь так хотел). Мальчик залез под лавку, чтобы подглядеть, как колдунья будет ворожить. Подходит колдунья к печке и говорит: «Седой, а седой!» — «Что?» — отвечает голос из-под печки. «Что мне говорить мужику?» — спрашивает колдунья. «Говори, что невестка украла. Они станут ее тиранить, она и удавится», — ответил седой. «А где же ожерелье-то?» — спросила ведьма. «А ожерелье корова выпила в помоях», — ответил седой. Мальчик все это слышал. Позвала мужика колдунья и говорит ему: «Ожерелье украла старшая невестка, больше некому».

Возвращается мужичок с мальчиком домой, дорогой внучек и говорит: «Дедушка, дедушка! Уж и перепужался же я!» — «Чего?» — «Да как же! Колдунья протянула голову к печке и кличет: «Седой, седой!» Немного погодя вылез из-под печи страшный, седой, с рогами, и стали они говорить. Седой-то и научил ее: «Скажи, что невестка украла, ее станут бить, она и удавится, а ожерелье корова в помоях проглотила». Перекрестился старик, приехал домой, зарезал корову, и в желудке у нее нашли ожерелье (Калужская губ.).

Выбирая для жилья пустые места и строения, черти поселяются в ригах — сараях, где сушат и молотят хлеб. Одна девушка горевала, что у нее нет красивых нарядов. К ней пришел черт и велел ночью явиться в ригу, где он даст ей дорогое платье. Девица получила в риге от черта все, что хотела, а напоследок попросила серьги. Чертенята

принесли, черт хотел было уже заключить с ней договор, как пропел петух. В следующую ночь черт потребовал наряды вернуть, но она не отдала. На третий день девушка побрызгала их святой водой, и черт не пришел за платьем. Соседка той девушки, узнав о происхождении роскошных нарядов, тоже пошла в ригу, но черти тотчас сняли с нее кожу, а тело разорвали на мелкие кусочки.

По мнению некоторых, специально «чертовых» мест нет, потому что они — всюду: «Где подумаешь, тут и живут».

Питаются черти той едой, которая оставлена на ночь людьми без благословения, моются водой, которая не закрыта от нечистой силы крышкой, крестом (хотя бы двумя щепочками, положенными крестообразно на сосуд с водой). Рассказывают также о том, что черти держат стада коров, дающих очень много молока. Около селения Мегры (Олонецкая губ.) есть небольшое озеро, а посредине островок: на том островке летом видели четырех коров; только что хотят к ним подойти — как послышится свист, и коровы бросаются в воду. Однажды какой-то крестьянин заснул на этом острове. Проснулся и видит: пасутся на траве четыре большие бурые коровы. Мужик перекрестился и пошел к ним. И вот озеро заволновалось, хотя ветру и не было, послышался свист, и две коровы исчезли в воде, а двух мужик успел перехватить и пригнал домой. Приплод от них долго жил в Мегре. Две коровы давали хозяину по два ведра молока в день, и мужик разбогател. Потом вздумал он этих коров зарезать, и, когда зарезал, мясо и шкуры коров пропали. Мужик подал прошение в суд, обвиняя в краже кое-кого из односельчан. Ночью кто-то постучался: мужик вышел за ворота и увидел маленького человека в соло-

менной шляпе и коротком камзоле старинного покроя — это был черт. Он сказал, что напрасно мужик тягается с соседями из-за кож: их взял он, черт, прежний хозяин бурых коров (Ончуков, № 231).

У чертей с чертовками бывают свадьбы, обыкновенно летом. Людям чертовы свадьбы кажутся пылевыми столбами, поднятыми вихрем. Но стоит бросить в такой столб нож или любой другой острый предмет, как он падает на землю испачканным кровью нечистых. Такой столб опасен для людей всевозможными недугами; чтобы оградить себя от него, в середину столба бросают ветки, помело, которое впоследствии окажется скрученным и изломанным, никуда не годным. Свои свадьбы черти справляют в самые неподобающие дни, например в ночь под Воскресение. Крестьянка Муромского уезда шла в субботу вечером из бани, все было тихо. Внезапно послышался звон бубенчиков, крики, хохот, свадебные песни, и, как в тумане, показался свадебный поезд. «Господи, грех-то какой под праздник!» — произнесла женщина, и видение мгновенно исчезло.

Между собою черти живут развратно и плодятся в изобилии. Чертовок трудно отличить от ведьм: и те и другие в союзе с чертями, а от их браков родится всякая нечисть: ведьмы, ведьмаки, чертенята, жабы и змеи. Черти соединяются также с некоторыми женщинами, принимая для этого вид известного им мужчины. Дети от такого союза бывают самые дурные: воры, уроды, покрытые шерстью, пьяницы, мыши, совы, душегубы и безбожники. Черт может летать к женщине в виде *огненного змея* (см.), может соединяться с теми, кто ходил в церковь во время менструаций, с теми, кто слишком долго тоскует по умершему мужу.

Муж-покойник, навещающий по ночам вдову, томит и сушит ее до тех пор, пока она не умрет от тоски или не наложит на себя руки. Если вдова пожелает избавиться от визитов нечистого, то обращается за советом к колдунье, которая может порекомендовать самые разные способы изгнания черта-мужа. Например, такой: в полночь, перед приходом черта-супруга, сесть на лавку с конопляным семенем в переднике, расчесывать волосы и есть конопляные семечки. Войдет «муж» и спросит, что это за удивительное занятие, тогда надо ответить, что вычесываешь и ешь вшей. Черт плюнет, уйдет и больше не вернется. Говорят, что черти являются не только к тоскующим женщинам, но и к скотине. Если корова тоскует по хозяйке или быку, овца — по барану, то от проказ черта сохнет и издыхает (Завойко-1914, 107).

К колдуньям, ведьмам черт ходит не тайком, прикинувшись покойным любимым мужем, а открыто: прилетит в полночь огненным змеем, искрами рассыплется над трубой и примет в избе тот вид, какой захочет. Наслаждаясь любовью, черт внушает ведьме, какой новый грех она может совершить, какое зло причинить людям.

Некоторые женщины сами ходят к черту из любви к нему. Пропадут на два-три дня и вернутся исхудавшие, еле живые, со множеством денег и подарков. Беременность от плотской связи с нечистым длится порой годами и может пройти бесследно. Дети рождаются у подруг черта в жестоких муках: крошечные черные чертенята с рожками на лбу и хвостиками. Как только повитуха отрежет пуповину — чертенок исчезает неведомо куда: черт похитит свое дитя (Вологодская губ.; Балов, 83). По-видимому, многие считали, что совокупление с чертом и рождение бесенят, в кото-

Бесы искушают святого Антония. Ровинский-3, № 1374а.

ром признавались женщины, — есть мечтание, способ мук, придуманный нечистой силой для людей. В «Повести о бесноватой жене Соломонии», записанной со слов самой страдалицы (XVII в.), семьдесят бесов вошли в ее утробу, множество чертенят пришлось родить ей от демонов, но никто не видел ни темнозрачных хвостатых новорожденных, ни дьяволов-любовников, зато все удивлялись картине страшных мучений, которым подвергали черти Соломонию, оставаясь невидимыми для всех, кроме нее самой. В отличие от большинства народных рассказов, где черт посещает вдову, тоскующую по мужу женщину или любовницу-ведьму, Соломония не была сама причиной поругания, которое вершили над нею демоны: поп крестил ее «вполовину», так как был пьян во время обряда крещения младенца Соломонии, и расплатиться за это ей пришлось в первую брачную ночь, когда нечистая сила устроила так, что истинный муж отлучился ненадолго, а вместо него огненным вихрем охватил Соломонию черт.

Черти не только являются людям, но и берут их к себе на более или менее продолжительный срок. Соломонию черти утаскивали в воду, где у них было жилище наподобие человеческого, и терзали ее там, склоняя к вере в Сатану и отречению от Бога. Черти могут взять из люльки ребенка, а вернуть родителям — двадцатилетним: кожа у человека, находившегося долгое время вне всякой цивилизации и не носившего никакой одежды, становится похожей на еловую кору, говорить он не умеет. Черти подкидывают выкраденных во младенчестве на перекрестках или где-нибудь оставляют на дороге, здесь их и находят путники. Нечистая сила забирает к себе также тех, кто зачитывается священными книгами, например псал-

тырью. Внешне это может выглядеть как умопомешательство страстного книгочея.

Встретить человека, который бы видел черта целиком, например таким, каким его рисуют на картинках религиозного содержания, трудно: лик черта ужасен настолько, что любой, кто взглянет на него, обмирает от страха. Чаще черт показывается по частям: некоторые утверждают, что видели его ноги в шерсти с копытами, другие — руки с когтями, третьи — крылья и голову, наподобие коровьей, четвертые — пламя от него в виде огненного клуба, шара. Если черт захочет явиться кому-либо, то принимает образ знакомого, приятеля, жены, странника и т. д. Будучи постоянно рядом с человеком, черт в любую минуту может вмешаться в его жизнь: это человеческий двойник, проделки которого гораздо разнообразнее шуток домового или лешего. К трезвому, здравомыслящему человеку черти являются редко, а к выпившему, озабоченному, сомневающемуся, к мечтателю-многодуму черт живо пришатнется и легко собьет с пути истинного.

В обмен на душу черт способен предоставить любые удовольствия: деньги, славу, богатство, любовь и изысканные кушанья. Но, пользуясь этими благами, нельзя никому раскрывать тайну их происхождения, ибо тогда все обратится в прах: деньги — в древесные листья, еда — в кал (Завойко, 106 — 107).

Жил на свете бедный мужик, такой бедный, что чуть с голоду не умирал. Взаймы ему никто не давал, вот он и подумал: «У кого же теперь занять денег? У черта, что ли?» Тотчас перед ним явился черт и предложил взаймы, спросив: «А когда отдашь?» Подумал немного мужик и говорит: «Отдам тогда, когда лист с деревьев осыплет-

ся». «Значит, осенью», — решил черт. Надрезал мужик себе палец, обмакнул в кровь перо и написал расписку, что вернет кошелек с золотом, когда лист с деревьев осыплется. С этих денег мужик разбогател, домов понастроил, лавки открыл и живет себе припеваючи. Настала осень. Листва уже давно осыпалась с деревьев, и черт вернулся за долгом, в случае неуплаты денег он брал душу должника. «Рано пришел, не наступил срок платежа», — сказал мужик. «Как не наступил? — удивился черт. — Ведь лист уже осыпался!» — «Ну нет, брат, шалишь, еще не со всех деревьев осыпался лист», — сказал мужик и повел черта в лес: подвел к сосне, черт задрал голову кверху, смотрел-смотрел и говорит: «Твоя правда». С той поры черт чуть ли не каждый день бегал в лес смотреть на сосну и, наконец, рукой махнул: «Нет, видно, с этого проклятого дерева никогда лист не осыплется!» Так и оставил мужика в покое (Сборник материалов-32, 82 — 84).

Любое неправедно нажитое богатство — от дьявола, и черт рано или поздно явится за ним, оставив богача голяком, или возьмет его душу. В селе Мегры Лодейнопольского уезда рассказывали:

Один человек был очень богат. Однажды осенью кто-то постучался у него под окном. Богач открыл окно, но никого не увидел, хотел было запереть, а чья-то лохматая рука держит ставень. Богач схватил нож и хотел отрезать руку, да увидел под окном рожу: глаза оловянные, лицо черное, изрытое оспой, волосы рыжие. «Ступай за мной», — сказал черт. Пришли к реке, черт и говорит: «Ты накопил бочку с золотом, отдай-ка ее мне. Я ведь помогал наживать тебе золото. А не отдашь, в воду брошу». Богач отдал бочку с золотом, черт отнес ее к реке и на золотых цепях

спустил в воду. Богач пришел домой и запил с горя, да по пьяному делу и проговорился одному приятелю обо всем, что с ним случилось. На другой день нашли бывшего богача на берегу реки мертвого, обмотанного цепями, с пустой бочкой на шее. Тут же, на берегу, его похоронили. С тех пор в полночь на могиле богача часто слышен спор о золоте между богачом и чертом. Многие пытались в этом месте достать из воды бочку с золотом, но безуспешно. Один рыбак вытащил было бочку, но черт утащил его вместе с лодкой на дно реки. Многие видели здесь черта: сидит на прибрежном камне и расчесывает медным гребнем волосы, а гребень — в сажень величиной (Ончуков, № 229).

Страшна бывает смерть скупого, и душой, и телом которого завладевает черт. «Жил-был скупой скряга, старик; имел двух сыновей и множество денег; послышал смерть, заперся один в избе и сел на сундук, начал глотать золотые деньги и есть ассигнации и так покончил свою жизнь. Пришли сыновья, положили мертвого под святые иконы и позвали дьячка читать псалтырь. Вдруг в самую полночь является в образе человека нечистый, поднял мертвого старика на плечо и сказал: «Держи, дьячок, полу!» И начал труси́ть старика: «Деньги твои, а мешок мой!» Понес его и невидим стал» (Афанасьев, Сказки-3, № 370).

Особые отношения у черта с кузнецом: кузнечное дело требует навыка работы с огнем, а в этой области черти считают себя непревзойденными мастерами. Есть много рассказов о споре кузнеца с чертом, в котором победителем чаще оказывается нечистый, чем человек, и по одной простой причине: черт обманом вынуждает кузнеца ковать не железо, а людей, старых на молодых,

кузнецу это не под силу — в отличие от черта, он не искушен в проделках с людскими телами и душами.

В одной вятской сказке говорится о дерзком кузнеце, каждый день дразнившем черта. В кузнице у него висел Божий облик — икона, и картина с дьявольской образиной. Кузнец Богу помолится, а штаны снимет — жопой черту поклонится. Пришел к нему черт в человечьем обличье, нанимается работником. Так выливал — все удивлялись, день и ночь шел в кузницу народ, деньги не успевали получать. Когда срок договора с работником-чертом стал истекать, бес подговорил еще двух бесов, чтобы пришли в кузницу старыми стариками. Древними старцами явились бесы к кузнецу. Работник и говорит: «Ох вы, дедушки! Старьí же больно. Желаете ли перековаться из стариков на молодцев?» Те согласились, и давай черт их перерабатывать: разделись старики, а работник хозяину кричит: «Не робей! Как я их в клещи заберу, в горнó закачý, ты калú как можно боле, меси их!» Выдернули старика из горна, бросили на наковальню и такого молодца выходили, что он на одной ноге из кузницы выскочил. Получили с обоих старцев пятьсот рублей, черт-работник их тут же хозяину в копилку спустил — мол, поминай меня! — а сам расчет попросил. «Прощай, — говорит, — дядюшка, а свиданье с тобой мне еще будет». Остался хозяин один. Пришли к нему как-то два прагославных старичка зубить серпы. «Ох, дедушки, — сказал кузнец, — и стары же вы! Желаете ли, чтобы я вас на молодцев перековал?» — «Кабы милость бы была, мы бы денег не пожалели», — ответили старцы. Собралось в кузнице много народу. Приказал кузнец старикам раздеться. Сунул в горно старика,

жег, жег, всего изжег, на наковальню выдернул — всего исчучкал, а ничего нет. «Ах, ошибся, — говорит, — в закалке» Тут народ закричал: «Это какая мода — народ жечь? Это слыхано ли!» Приезжает становой, забирает кузнеца; заковали его в кандалы, погнали по этапу. Попадает навстречу черт: «А что, дядюшка, ты куда это направляешься?» Кузнец узнал бывшего своего работника: «Ой, молчи, детинушка! Я без тебя старика ковал, да не вылилось у меня ничего». — «Так ты думал, что у тебя выльется против меня?! Это тебе за то наказание, что Богу-то молись, да и дьявола-то не гневи!» Только тогда догадался кузнец, что в работниках у него жил черт (Зеленин-Вятские сказки, № 38). В самарской сказке к кузнецу пришли не православные старцы, а оборотни-черти в виде стариков, и, когда кузнец не смог их перековать на молодцев, набежало несколько дьяволов, схватили его и утащили в воду (Садовников, № 81).

Узнав о чьем-либо тайном желании, черти принимают образ, подходящий к случаю, и ловят человека в свои сети. Выбраться из чертова логова сможет тот, кто ничего не ел и не пил в их застолье. Одному молодому парню очень хотелось погулять, а отец с матерью его не пускали, сапог не давали. Вышел он в лаптях за ворота и плачет. Подходит к нему другой парень и предлагает сапоги: «Пойдем вместе!» Пришли в богатую деревню, вошли в дом, а там сидит девица на цепи, но парню цепь не видна, ему кажется, что она просто так сидит за столом, угощается. Сел он рядом, а девица тихонько шепчет: «Не пей и не ешь тут ничего; вот я пила-ела, меня и приковали». А в это время отец с матерью хватились сына, стали молебны служить за его возвращение.

Чертям тошно стало, начали они парня домой собирать, на дорогу еще денег дают. Девица снова шепчет: «Не бери денег, они черепками будут, бери углей». Выбросили его черти, и нашли того парня девки-ягодницы на болоте. Испугались сначала: он весь черный был, долго лежал без памяти. Отец с матерью читали-читали над ним — и отчитали.

Обилие денег у чертей связано с их обязанностью сторожить *клады* (см.), особенно заклятые. Возле одной тульской деревни в горе открылся клад. Крестьяне всем миром собрались взять его: подошли к месту, где был клад, но стоило приблизиться ко входу в пещеру, как неведомая сила отбрасывала кладоискателей назад. У самого входа сидел человек с огненным мечом в руках: телом черный, с лохматой головой и рогами; никому не говорил ни слова и не обращал никакого внимания на собравшихся. Один смельчак из толпы решил силой прорваться ко входу, но тут же погиб от меча караулившего клад черта, сказавшего: «Не вам клад принадлежит, и вам незачем ходить сюда!» Говорили, что клад этот был зарыт с заклятием на пятьсот лет и достался отпетому пьянице (Колчин, 58).

Посадить на клад черта сторожем может тот, кто прячет клад с каким-нибудь заклятием, например: «Не доставайся мой клад никому, кроме человека, который зарежет сто петухов». Или: «...кроме Ивана, у которого есть семь родных братьев — Иванов». Черти, охраняющие клады, оборачиваются разными существами, стараясь помешать кладоискателям. Бывает, что клад уже в руках, а тут подойдет черт в образе черной коровы да и ткнет рогом под бок: человек сругнется — «Черт тебя подери!» — так клад и загремит под землю, а корова исчезнет.

Клады ищут с цветком папоротника, который горит свечой в ночь на 24 июня, под Ивана Купалу. Сорвав такой цветок, надо, не обращая внимания на нечистиков, стращающих со всех сторон ужасными криками и гоготом, спустить огонек с цвета и идти за ним: огонек приведет к кладу. Рассказав о поисках клада с цветком папоротника великое множество, обычно все это истории с плохим концом.

Жил бедный парень, а полюбил дочь богача; тот не отдает за нищего. Пошел молодец к колдунье, попросил указать средство, как добыть клад. Ведьма рассказала о чудесном цветке, предупредив, что кто бы ни встретился — надо идти не останавливаясь, ни с кем не разговаривая и не оглядываясь. С цветком в руке нашел парень котел с золотом и возвращался домой, а навстречу ему — его любушка, дочка богача. Руки, губы к нему протягивает — мол, целуй меня! Бросил парень клад, забыл все на свете, кинулся обнимать девушку. Тут все кругом заухало, загоготало — оглянулся он и видит, что обнимает березку, а рядом лежит котел с черепками. Это черт пошутил и отнял клад; а молодец вскоре с тоски повесился (Калужская губ.).

Всеми способами черти доводят человека до самоубийства. Самоубийца — жертва сатане, «черту баран», «черту кочерга», «черту свечка», душа его поступает прямо в распоряжение нечистого. Овдовела одна женщина, и стало ей мерещиться, что она вновь замуж выходит, венчаться идет в церковь — а ступила-то на колодезный сруб и упала в колодец. Соседи видели, как она кружилась возле колодца, стали за ней наблюдать и вовремя вытащили из воды (Калужская губ.).

В минуту самоубийства человек допускает в себя черта и перестает управлять собою, спасти

его может только ангел-хранитель. Одна девушка повздорила с матерью и решила ее напугать. Привязала веревку, встала на табуретку и только хотела петлю надеть, как почудился ей старичок с белой бородой. «Не балуйся, нельзя!» — сказал он и исчез. Едва успела девушка бросить веревку, как неведомая сила выбила табуретку из-под ног. Она упала, чуть не умерла от страха, и услышала брань удалявшегося черта (Зиновьев, 106).

Самоубийц хоронили отдельно от остальных покойников. Поминать их или оплакивать считалось грехом. Единственный путь умилостивить Бога за грех самоубийцы — принести тайные жертвы или устроить тайный помин. Варили сто яиц, приготовляли столько же булавок и все это оставляли на паперти часовни (Терские ведомости, 1891). На том свете черти ездят на самоубийцах, обратив их в лошадей или баранов, или мешают ими как кочергами угли в кострах (Балов, 82). У одного кузнеца удавилась крестная. Прошло порядочно времени, вот как-то ночью подъезжает к кузнице барин на паре коней, просит подковать их, обещая заплатить большие деньги. Кузнец и пошел ковать, копыто поднял — а там человечья нога! Кобыла голову на оглобли положила, плачет; узнал кузнец свою крестную мать, понял, что черти на ней ездят. Хотел ковать — а руки сами опускаются. Тут они как свистнули, закричали; петухи пропели — их как и не было (Зиновьев, 110). Во главе самоубийц стоит Иуда Христопродавец, он все время на коленях у Сатаны. Рассказывают, что, когда Христос был в аду, чтобы вывести оттуда души праведных, он звал Иуду, но тот сам пожелал остаться в преисподней.

Черти преследуют человека с момента его зарождения и могут подменить ребенка еще в ма-

теринской утробе, могут выкрасть младенца во время родов, и тогда он родится черным и мертвым. В банях, где обычно проходили роды, черти поджидают случая, когда туда поведут роженицу. Поэтому ее никогда не покидали в бане одну, хоть малого ребенка, но оставят (новорожденный не в счет: он безымянный). Входя с роженицей в баню, бабушка-повитуха отрубала ножом от печки-каменки четыре камешка, опускала их в горячую воду, затем охлаждала, брала руками по одному камню и бросала в каждый угол бани, перекрестясь, со словами: «Этот камешек в уголок, к черту в лоб!» Так четыре раза (Завойко, 109). У одной женщины умирали дети во время родов. Подошел срок родить девятого ребенка; и вот, когда она уже мучилась схватками, мимо ее дома шел сосед и увидел, как по загумнам катится кипа гороху и кричит: «По девятого качусь, по девятого качусь». Сосед зашел в избу к роженице и услышал в трубе шелест. Он закрыл трубу, и мать родила живого младенца, только из трубы кирпич выпал.

Во избежание подмены ребенка бесенком советовали сразу после рождения младенца надеть на него крест, чтобы он стал не доступен нечистой силе. В случае обмена некоторые советовали расколоть корыто: суждено умереть обменышу — скорее умрет (Богатырев, 47). Обменок обычно отличается каким-нибудь уродством, он страшно много ест, зол и криклив. У одной женщины был грудной младенец; она его напоила молоком, поставила мужу обед в чугунке и ушла ухаживать за скотом во двор. Муж приходит — а в чугунке одни кости, мясо исчезло. Так повторялось несколько раз, пока старухи не посоветовали проследить под окном, кто съедает все мясо, приготов-

ленное к обеду. Только встала к окну, видит: заколыхалась зыбка, и из нее вылезает дядька; взял вилку, нож, обгрыз кость — и опять в зыбку. Собралось шесть мужиков, вошли в дом, вытащили обменка из зыбки и давай бить его прутами: тут он заверещал и по-кошачьи, и по-козлиному. Вдруг дверь открылась, в дом ворвалась женщина и схватила чертенка: «Вы моего ребенка недокармливали, недопаивали да еще и бить вздумали! Вот твой, забирай, а это — мой». И исчезла, оставив матери ее дитя (Зиновьев, 111).

К чертям попадали дети, задавленные ночью, во время сна, уставшими или пьяными матерями. Такие невольные детоубийцы могли вызволить своих младенцев из ада: нужно было три ночи подряд простоять в церкви у гроба с телом ребенка, очертив себя кругом, священной линией. В первую ночь мимо матери будут ходить бесы и показывать ей младенца живым, во вторую ночь будут его давить, мучить и щипать, обещая ей, что, как только она выйдет из круга, они вернут младенца; в третью ночь черти будут мучить дитя несказанно, увещевая мать, чтобы вышла из круга, а когда не выйдет — измучают до смерти. Но с первым криком петуха нечистая сила сгинет, оставив матери мертвого ребенка, теперь, после жестокого испытания, она может совершить над ним обряд погребения (Чулков, 197). В Симбирской губернии в прежние годы епитимью за заспанного ребенка накладывали на обоих супругов: жена должна была вместе с мужем простоять в церкви у гроба с телом ребенка три ночи. Поп мелом круг обводил, запирал церковь, а утром, на свету, выпускал. Вот раз поставили мужа с женой в церковь. Поп ушел. Нечистые их крючками закидывали, но не достали, а на следующую ночь при-

думали: сделали на дворе белый день. Муж с женой обрадовались, что рассвело, слышат, дверь отпирается, поп кличет их: «Что же вы не идете? Выходите!» Они вышли из круга, опять стала ночь — и растащили их нечистые (Садовников, № 76).

Черти утаскивают младенцев, положенных в зыбку без креста и молитвы. Одного такого ребенка мать нашла утром утонувшим в кадушке и, так же как из-за заспанного дитяти, должна была замолить свой грех, отстоять в церкви у гроба три ночи. В первую ночь ей виделось, как падают церковные стены, разламывается пол — только круг и цел, — а вокруг нечистые перебрасывают друг другу ребенка, черного, как обгоревшая головня. Во вторую ночь пришла Мать Пресвятая Богородица, показала ребенка, а он уж наполовину белый, наполовину черный и говорит матери: «Мать моя! Спородила ты меня себе на горе, а мне на мученье!» В третью ночь пришла Пресвятая Богородица, а младенец у нее на белой пелене, весь белый, и говорит: «Мать ты моя породительница! Породила ты меня, погубительница, погубила ты меня, да и воскресила» (Владимирская губ.).

В сердцах посылая плачущего, кричащего ребенка к черту, мать отдает его во власть нечистой силе. На одного четырехлетнего мальчика мать прикрикнула: «Чтоб ты под землю провалился!» Он и исчез. Долго молились отец с матерью, чтобы Бог помог им отыскать сына. Однажды в самый полдень во время обеда родители мальчика услышали под ногами глухой и неясный стон. Отец схватил топор и выломал половицу, под которой нашел мальчика, лежавшего вниз лицом. На удивленные вопросы ребенок ответил, что в темную яму его бросил черный дядька, а про то, как

он попал под пол в избу, — не знает (Калужская губ.). Особенно опасно обругать ребенка в злую минуту, в неурочный час, в полдень, в полночь. В одной владимирской деревне мать в полночь обругала свою маленькую кричащую дочку: «Нечистые бы тебя защемили!» Ребенок перестал плакать, а наутро девочку нашли в щели под лавкой, и выросла после из хорошенькой девочки горбатая дурочка.

Если на шею ребенка надет крест, то это может спасти его от смерти, но не от мучений и издевательств чертей над прóклятым. Мать в раздражении сказала взрослой дочери: «Унеси тебя нечистый!» Девушка тут же исчезла, а через некоторое время ее нашли на сеновале с крестом во рту; она рассказала, как какие-то черные люди долго носили ее по деревням и заставляли раздувать огонь там, где были пожары (Вологодская губ.). Некоторых прóклятых детей нечистая сила делает колдунами.

Колдуны заключают с чертями соглашения и становятся хозяевами двух-трех десятков слуг-чертенят, а после смерти колдуна душа его поступает в распоряжение дьявола. Чертям — слугам колдуна — нужно постоянно давать какую-то работу, иначе они замучают своего хозяина бессонницей, доведут до самоубийства. После смерти колдуна черти поедают его мясо, а самого чародея перед кончиной ужасно терзают до тех пор, пока он не передаст своего колдовского дара, а вместе с ним и слуг-чертей кому-нибудь другому. Передача чар достигается простым прикосновением руки, иногда даже через посредство какого-нибудь предмета. Дочь дотронулась до руки умирающей матери-колдуньи: та тут же умерла, а девушку со следующей ночи стали мучить черти, просить у нее работы

(только злых дел, добрые дела чертям не под силу). В первую ночь дочь колдуньи с помощью чертей извела младших невесток, во вторую — трех коров. На третий день пошла к ворожее: не могла смотреть на горе людей, причиненное ею невольно. Избавление от чертей наступает в тот момент, когда они окажутся не в состоянии выполнить порученное им дело. Ворожея посоветовала девушке наказать чертям носить воду зааминенным решетом. Тут и ушла от нее нéчисть: напоследок черти с размаху бросили решето в стену, так что весь дом затрясся, а решето разбилось вдребезги.

Большие беды начинаются с мелких ссор: черти всеми способами пытаются внести раздор в семьи, особенно дружные. Жили два брата: один богатый, другой бедный. Построили сообща два больших судна, продали удачно и получили хорошие деньги. Идут довольные и рассуждают: «Наша ли это заслуга, что мы судна с прибылью продали, или Бог помог?» Навстречу им попались богатые люди, решили братья спросить у них — сами ли они бойки на прибыль или помогла им небесная сила. «Конечно, сами бойки», — ответили проезжающие. Побрели братья дальше. Навстречу — старик, и у него спросили о своем деле, а дело у них уже шло на спор: бедный утверждал, что прибыль они получили от Бога, а богатый — что это их личная заслуга. Старик ответил, что они сами бойки, а Бог ни при чем. Делать нечего, пришлось бедняку отдавать свою долю богатому брату — он выиграл спор. Не пошел домой бедный: не с чем было идти, вернулся к реке, где строили лодки, решил переночевать на берегу. Слышит — под лодками сидят два беса и разговаривают. Первый: «Я сегодня двух молодчиков обманул. Продали они лодки за хорошие деньги

и поспорили — сами ли они бойки или им Бог помог, а решить спор попросили встречных путников; я же в разных видах им являлся и решил спор в пользу богатого, а бедная семья осталась ни с чем». Второй: «А я вот что сделал — вернулся богач домой и стал деньгами хвастать, тут я бумажник у него выхватил и спрятал под чан с мукой». Бедный брат все это выслушал и пришел к брату. А там ссорятся; спорят, не знают, куда деньги девались, всех обыскивают. Бедный брат спросил ключи от амбара, вошел, отодвинул чан с мукой и достал деньги. Богатый с ним поделился, в придачу дал лошадь и корову, и стали обе семьи жить да Бога молить (Смирнов, № 83).

Древнерусские церковные поучения осуждали пляску и рекомендовали священникам отходить от стола во время праздников, как только начнутся танцы. По пословице: «Плясать — беса тешить». В «Легенде о бесовских искушениях» монаху, невнимательно читавшему псалтырь, явился пляшущий бес; в легенде «О танцующей девице» плясунья видит во сне, как будут мучить ее черти в аду за пристрастие к песням и танцам: в уста ей вместо песен демон влагает горящую головню (ПСРЛ, 202, 209). В русских народных сказках и бывальщинах черти — страстные любители веселой плясовой музыки, они постоянно пользуются услугами музыкантов, приглашая их к себе на праздники, где они пляшут до упаду. При этом самому музыканту кажется, что он приглашен на обычную вечеринку или свадьбу, а поутру его находят где-нибудь на болоте: сидит на пне, на скрипке играет. «Не мешайте, — говорит, — ребята только расплясались!» А вокруг нет никого. Если вызовут черти гармониста зимой, то его обнаружат полузамерзшего, с обмороженными рука-

ми (Зиновьев, 114 — 115). Только очень внимательный музыкант разгадает, кого он тешит, но при этом нельзя раскрыть тайну своей догадки.

В одной деревне мужичок играл хорошо на гармони: за то черти постоянно брали его на вечеринки. А кому именно он играет — не знал. Раз, когда гармонист кончил играть, выстроились плясуны в ряд, будто отдыхают, а сами подходят к тазу с водой и пальцами глаза мажут. «Давай же и я помажу!» — решил гармонист. Только помазал — показывается ему на вечеринке соседская дочка, а она уже года три как удавилась. Многих давно умерших увидел музыкант и чертей стал видеть. После приглашали его на разные свадьбы, гулянья — и везде он рядом с людьми чертей видел. Мужички подопьют, заспорят, а черти их под бока толкают — мол, «поддай ему!». Как-то позвали музыканта на свадьбу. Приводят молодую, тут чертей набежало — полная изба. Музыкант не стерпел и говорит: «Довольно бы трех вас, приятелей». Черти удивились и спрашивают: «Как же ты видишь нас?» — «Да вот, был у вас на вечеринке, вы мазали глаза, и я помазал левый глаз, с тех пор и вижу вас, нечистых». Черт подбежал и вырвал глаз у гармониста: «Больше не увидишь!» (Сказки Ф. П. Господарева, № 61).

Вино, пиво, водку — все хмельные напитки — придумали черти специально для умножения среди людей ссор и драк. Опившегося вином, как и самоубийцу, считали жертвой черту — «черту баран» — и не хоронили на кладбище. Распространенным было поверье, что опойца, похороненный на кладбище вместе с другими покойниками, летом выпьет все дожди, наступит страшная засуха и погибнет урожай. Умершего от водки часто выбрасывали туда, где много воды: топили

в омуте, реке, озере, бросали в болото — чертово логово.

Согласно легенде о происхождении винокурения Сатана дал бесу, научившему людей курить, пить вино, «власть царскую в пьянстве» (ПСРЛ, 137). В народных рассказах история происхождения водки, пива, вина изложена очень подробно, с некоторыми различиями в деталях. Вятчане рассказывали, что было время, когда люди не умели грешить. Сатана сидел в аду и думал, как бы научить людей разным грехам. Позвал к себе трех чертей и велел им идти на землю: одному черту велел научить людей браниться «чертом и дьяволом», другому — матерной бранью, а третьему — разными худыми словами. Первые двое приказание выполнили, а третий ничего не мог сделать. Сатана похвалил двух чертей, а третьего взял за хвост и так ударил о стену ада, что от черта остались одни черепки. Но гнев Сатаны прошел, и он велел собрать и склеить черта, и снова послать к людям учить разным грехам. Видит черт, как из крайней избы ушел крестьянин землю пахать. Заскочил в пустой дом и украл краюху хлеба, думает: «Мужик вернется, будет ругаться — вот и грех», а сам под лавку спрятался. Но мужик лишь погоревал: «Кто же это позавидовал моей краюхе!» Тогда черт нанялся к нему в работники. Угадывал погоду, какая будет летом, и подсказывал крестьянину, где лучше сажать хлеб. Крестьянин разбогател, но не заплатил черту: «Хлеб дал мне Бог». Тогда черт научил мужика из зерна варить пиво. Сделали солод, поставили сусло, насыпали хмелю. Когда сусло забродило — получилось пиво. Пьют пиво черт с мужиком, и на сердце у них весело. «Густо! — говорит черт. — Давай сделаем почище и посветлее». Устроили завод, провели трубы, наготовили дров,

припасли муку, стали гнать водку. Всех соседей угостили и начали дурить: кто поет, кто пляшет, кто дерется. Дальше — больше, стали грызть друг друга как дикие звери. Пришел черт к Сатане и доложил о том, что сделал. Сатана наградил его: дал ему на откуп души всех пьяниц и опившихся от вина. Опойцы на том свете становятся кучерами Сатаны и должны сосать его груди.

Ненависть к православным настолько велика у чертей, что во время битвы они всегда на стороне врага-иноверца. Например, когда турки брали Царьград, черти помогали стрелять — залезет чертенок в пушку и толкнет ядро: огонь чертей не жжет, они привыкли к адскому пламени.

Любой меткий стрелок считался человеком, дружным с чертом. Если охотник пожелает, чтобы его ружье било без промаха, он должен выстрелить в причастие, солнце и в землю (Новгородская губ.). Подлинно смертоносным оружие окажется после того, как его обладатель отречется от всего святого и животворного.

Время чертей — полдень и полночь. В полночь черти бьются на кулачки (Афанасьев-1, 110). В жаркие летние полдни черти топят купающихся, и спасти их невозможно: даже если тело утопающего будет обнаружено под водой, черт не отдаст добычи — черный, лохматый, сядет на утопленника и гнетет к земле (Калужская губ.). В году черти особенно сильны и активны в период Святок (25 декабря — 6 января). Ни одно гадание не обходится без чертей. Гадающие, стремясь узнать судьбу, могут обезопасить себя от бесов так же, как и те, что должны отчитать покойника в церкви, а именно — с помощью магического священного круга, очерченного вкруг себя с молитвой, заговором.

В новогоднюю ночь гадающие идут к колокольне, пустым домам, амбарам или перекресткам. Парни и девушки становятся рядом и окружают себя чертой, проведенной лучиной, оставшейся от Рождества, а затем зовут: «Черти, к нам, чертенки, к нам! Вокруг круга ходите, к нам не заходите!» Умолкнут и слушают — кому что послышится, то и суждено в году (Богатырев, 72). На Святки многим хотелось хоть недолго, но побывать в «чертовой шкуре»: преобразиться, обернуться козой, медведем, старухой-смертью, надев маскарадный костюм. Ряженых называли «кудесами», «бесами». 6 января в день Крещения Господня «черти бесятся во время обряда освящения воды (водосвятия): они выбираются из рек, ища пристанища в жилищах людей, поэтому хозяева заблаговременно, накануне этого дня, делали мелом или углем крестики при всех отверстиях, сквозь которые в дом могла проникнуть нечистая сила, — на косяках дверей, над челом печи, на воротах и калитках (Завойко, 108). Но зимой на земле чертей меньше, чем летом: в это время года адским жителям холодно, они греются у костров с кипящей смолой. Летом, напротив, чертей на земле так много, что Илье Пророку приходится ездить на своей грохочущей колеснице по твердому, покрытому горами, небу и метать в нечистых стрелы — молнии. Люди называют эту битву «грозой». Впрочем, не везде одинаково объясняли грозу: в Калужской губернии, например, ее считали продолжением спора Сатаны с Богом, молния есть сам черт, который мечется от Божьих ударов во все стороны, гром — удары по черту. Молния (черт) во время грозы может принять вид какого-нибудь животного (зайца, кошки, собаки, мыши) или насекомого. К кому во время грозы приблизится такой зверь-оборотень, того Бог убьет

громом заодно с чертом-зайцем (мухой). Некоторые считали, что мгновенная смерть от молнии — Божья кара за грехи свои, родительские или детские, что смерть детей в грозу есть исполнение родительского проклятия («Громом тебя разорви! Пострел тебя убей!»), другие, напротив, полагали, что убитый грозою человек очищался от своих грехов, так как становился невольной жертвой укрывшегося на нем дьявола (Афанасьев-1, 266).

По поверью, во время грозы черти любят прятаться в черных косматых животных, а потому, как только начиналось ненастье, из домов выгоняли всех черных кошек и собак, чтобы избежать небесного пламени. Прячутся черти под высокими деревьями, залезают в дупла, в порожнюю посуду в домах (отсюда обычай переворачивать перед грозой посуду вверх дном, затворять окна и двери во избежание проникновения в жилище нечистых духов). Пожар от молнии нужно было тушить не водой, но молоком, иные полагали, что от черной коровы.

Самое надежное убежище черта во время грозы — под межой, в воде или под шляпкой гриба «яруйки», чертова гриба (Балов, 82). Обнаруженные после грозы в земле «громовые стрелы» (белемниты, сплавы, образующиеся от сварки песка после удара молнии) считали оружием, оставшимся после битвы Ильи Пророка с демонами, и использовали их для лечения разных болезней и порчи. Орловские лечейки-знахарки клали «стрелки» в кружку с холодной водой, читали над ней молитвы-заговоры, затем брали в рот наговоренной воды, брызгали ею на больного, давали пить, вынимали «стрелки» из кружки и делали крестообразные уколы на теле больного (Юшин, 166).

Помимо молнии, черта убивает серебряная или золотая пуля, а также пуговица с солдатской

одежды, используемая в качестве пули. Вера в силу солдатской пуговицы основана на убеждении, что солдат всегда одержит верх над нечистью, а армейская служба почище всяких адских мучений.

Стоял солдат на часах, и захотелось ему на родине побывать. «Хоть бы, — говорит, — черт меня туда снес!» А он тут как тут: «Ты меня звал? Изволь, давай в обмен душу». «А как же я службу брошу, как с часов сойду?» — спросил солдат. «Да я за тебя постою», — ответил черт. Решили так, что солдат год на родине проживет, а черт все это время прослужит на службе. Солдат все с себя скинул и не успел опомниться, как дома очутился. А черт на часах стоит. Подходит генерал и видит, что все у него по форме, одного нет: ремни на груди не крест-накрест, а всё на одном плече. «Это что?!» Черт и так, и сяк — не может надеть. Тут его в зубы, а после — порку. И пороли черта каждый день. Так — всем хороший солдат, а ремни всё на одном плече. Изошел год, приходит солдат сменять черта. Тот и про душу забыл. «Ну вас, — говорит, — с вашей службой-то солдатской! Как это вы терпите?» — и убежал (Садовников, № 80).

Один из очень распространенных сказочных сюжетов — о солдате, снимающем заклятие с дома, занятого чертями, пустой хоромины, которую хозяева вынуждены были бросить по причине баловства там нечистой силы. Шел солдат на родину. Сильно утомился и начал подумывать — не заночевать ли в лесу; к несчастью, и дождь пошел. Видит на тракте большой двухэтажный дом: трубы есть, печь затопить можно, а стекла все перебиты, видно, что никто не живет. Солдат нашел себе удобную комнату, печь затопил, чайник согрел и лег спиной к огню — погреть поясницу.

Вдруг слышит в соседней комнате топоток; заглянул — а там много чертей набежало, и в его комнату заскочить хотят. Солдат тут же на косяках окон и дверей углем кресты пометил и себе на лбу крест нарисовал. Запустил чертей в свою комнату, дверь за ними закрыл и на ней тоже крест поставил. Черти крестов боятся, оказались они запертыми в одной комнате с солдатом. Нашел солдат палку и на ней кресты начертил; грозит им палкой: «Становись во фрунт!» Становятся в шеренгу, будто невольники, кресты ослушаться не дают. Солдат их всех на бересте переписал, сделал им перекличку и давай муштровать: «Руки по швам! Друг на дружку не глядеть! Скажу — смирно — глядеть прямо!» До того домучил, чертенята стали просить милости: «Отпусти нас на волю, мы тебе мешок золота дадим, только отпусти!»

Рассвело. А хозяин этого дома, барин, каждый день посылал сторожа осматривать дом. Видит кучер — из трубы дым идет, на балконе солдат стоит. «Как тебя черти не задавили?» — «А так и не задавили, что не смелы были. Сидят в углу, глядят друг на дружку». Приехал барин: «А что, солдат, они меня не съедят?» Посмотрел барин на чертенят: страшны и рогаты, маленьки и пузаты. Набольший чертенок вышел во фраке и просит: «Отпусти нас, служивый! Вот тебе золота мешок!» Слышит про это барин: «Я хоть не мешок, а тысчонки две дам, если ты их из дому выведешь». Устроил им солдат напоследок ученье, заставил расписаться на бересте, чтоб никогда не ходили в этот дом, убрал кресты на окошке. Чертенята побросались с верхнего этажа: кто руку, кто ногу изломал — только бы выбраться поскорее (Зеленин-Пермские сказки, № 33).

Сказка, как портной с чертями распоряжался, по-свойски с ними дрался.

Раз шел пьяный портной вдоль дорожки столбовой. Муслети писал да чертей вспоминал. Вдруг он споткнулся и на пять чертенят наткнулся. Черти его окружили. «Зачем нас звал?» — говорили. Портной остолбенел, от страху обомлел, на чертей глядит, ничего не говорит. Черти окол его увиваются, аркан накинуть стараются. Портной видит: дело плохое, а состояние его хмельное. Думает, как от чертей освободиться. Задумал на кулаки пуститься — в ладоши плюнул, ободрился, что сила есть расходился. Одного по морде хватил и на землю его свалил, другому по шее дал, тот замертво упал, третьего в грудь толкнул, четвертого по затылку хватил, а пятого за волосья взял. «Что, чертова сила?! — сказал. — Хотели меня оплесть, на аркане в ад привесть? А теперь сами попали, у меня в руках остались. Ну, что бы мне с вами сотворить, чем бы получше мне вас еще наградить? Вы, кажись, черти-то земляные, а не то чтоб водяные. Вот я вам по камешку надену и брошу всех в морскую пену». Черт слезами залился, упрашивать портного принялся, говорит: «Нас не губи, что те надӑ возьми!» — «Ну, — бает портной, — выкупайся, да так постарайся, чтобы полну избу златом мне насыпать, тогда лишь вас могу отпустить». Черт на это согласился, бежать [пустился], а [портной] доколачивать четырех принялся, наповал всех убил и доволен победой был. Черт от деда прискакал. «Полна изба твоя», — сказал. Портной его благодарил да опять за волосы ухватил. «Пойдем, — бает, — посмотрю, за труд тебя угощу и потом к деду отпущу». Пришел с чертом портной в свою деревню домой, к избе притащился, на золото дивился, стал черта благодарить и принялся колотить, капут ему задал. «Вот те в награду, — сказал, — пускай дед Сатана о вас вспоминает да меня, портного, прославляет».

Музей ПД ИРЛИ, ед. хр. 2555 и-66121.

Помимо крестов, черти боятся запаха ладана, пения петуха и клина, вбитого в землю. Если у ребенка потерялась игрушка, он грозит черту клином: «Забьем-ка давай, ребята, клин, так небось отдаст». Самыми распространенными приемами спасения от чертей были: матерная брань, молитва и крестное знамение. Молитву, написанную на бумаге, привязывали к шнурку шейного креста (Георгиевский, 55 — 56). Черти могут вернуть унесенного ими человека, если по нему служить молебны, тогда он им тяжел станет (Завойко, 35).

Существовали приметы, помогавшие распознавать присутствие черта в будничных, бытовых ситуациях: если петух к ночи поет не ко времени, то видит некошного и гонит его; если во сне видел попа — значит, видел черта; мышь — тот же черт, если упадет в колодец, то из него надо вылить сорок ведер воды и спустить святую крещенскую воду и вербочку; нельзя на ночь оставлять нож на столе — лукавый зарежет; болтать ногами, сидя на стуле, — черта колыхать, черта нянчить.

Некоторые обычаи предохраняли от когтей черта: чтобы не захворать, не ложились спать на казенке (широкой ступени у лестницы у печки) без молитвы, потому что здесь большая чертова дорога. Порог не переступали без молитвы: здесь часто ходят черти. Не брали денег со странников: страннику златницу черт подхватывает и несет сатане, а тот над ней прыгает, пляшет, к дьявольскому сердцу прижимает.

Из пословиц и поговорок можно многое узнать о внешности черта, месте обитания, повадках: черти остроголовые; вислоухие; «черт летит, а нога (х...) висит»; «бывает, что черт на палочке летает»; «на перекрестке черти яйца катают, в свайку

играют»; «где черт ни был, а на устье реки поспел»; «вертит пером, что черт хвостом» (о быстро пишущем). Черт любит разговаривать, петь и кричать, но эха от голоса не имеет. Хотя «все черти равны, все те ж бобры»; «бур черт, сер черт — всё один бес», — все же между ними есть различия: «черт смущает, бес подстрекает, дьявол нудит, а сатана знамение творит».

Черти живут в болоте: «было бы болото, а черти найдутся»; «правит, как черт болотом»; в домах: «хорош бы дом, да черти живут в нем»; «пусти черта в дом, не вышибешь его лбом» (т. е. молитвой). «Чертова сторона» — далекая, скалистая, неплодородная местность. Так называли тундру, Финляндию, северный край: «Бог создал небо и землю, а черт Архангельскую губернию». «Чертовым городищем» называли скалистый гребень гор, издали похожий на развалины замка, скалы и камни, возвышающиеся над морем. О далеком от человеческого жилья месте говорили: «У черта на кулижках» (кулижки, кулиги, кулички — дальнее поле, расчищенное от леса пространство).

Особенно многочисленны пословицы и поговорки о взаимоотношениях человека с чертом: «Черт Ваньку не обманет: Ванька сам про него молитву знает»; «Копил, копил, да черта и купил»; «Кого черт рогами под бока не пырял!»; «Богатому черти деньги куют»; «Ему черт лыки дерет, а он лапти плетет»; «Скупой копит — черт мошну тачает»; «Богатому черт детей колышет, а бедный и няньки не наймет». Но немало есть людей, которые сродни черту, угодны бесу: «У него черт в подкладке, сатана в заплатке»; «Не надо и беса, коли ты здеся»; «Уродился детина — кровь с молоком, да черт горелки прибавил»; «Чем бояться чертей, так бойся людей»; «На черта только слава,

а монах поросенка съел»; «Черт его скудахтал» (о глупом); «Черту баран» (о самоубийце); «Ему что ни черт, то все поп» (о неразборчивом в людях); «Его черт понес на дырявый мост, коли не стрясет — далеко унесет» (о сердитом); «Допился до чертиков», «Пошел черт по бочкам» (о пьяницах); «Обули Филю в чертовы лапти» (об обманутом); «Душой кривить — черту служить»; о людях ни то ни се говорили: «От черта отстал, а к людям не пристал», «Черт не возьмет его, а Богу не надо».

Во многих пословицах Божье противопоставляется дьявольскому: одно не живет без другого. «Около святых черти водятся»; «Дал Бог денежку, а черт дырочку (глотку), и пошла Божья денежка в чертову дырочку»; «Смелым Бог владеет, пьяным черт качает»; «Тороватому Бог подает, а у скупого черт отбирает»; «Дитя падает — Бог перинку подстилает, стар падает — черт борону подставляет».

Борьба между Богом и чертом за человека идет с переменным успехом. То черт оказывается сильнее: «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»; «Где Господь пшеницу сеет, там черт плевелы»; «Бог дал родню, а черт вражду»; «Поп с кадилом, а черт с рогатиной»; «Одолели черти святое место». То нет ему воли от Бога: «Много в черте силы, да воли ему нет»; «Хвалился черт всем светом овладеть, а Бог ему не дал власти и над свиньей»; «Богово дорого, бесово дешево». Находится и компромиссное решение вечного спора: «Бога зови, а черта не гневи»; «Богу угождай, а черту не перечь»; «Богу — свечу, а черту — кочергу»; «Бог дал, а с чертом потягаемся».

ЧЕРТО́ВКА Чертиха, бесовка: *ведьма, колдунья; лобаста, русалка, шутиха.*

Жена лешего, водяного, болотного духа. По забайкальским поверьям, чертовка — водяная женщина, бывает доброй и злой, красивой или уродливой. Живет в воде, но изредка выходит на берег и золотым или медным гребнем расчесывает прекрасные черные волосы. Если в это время незаметно подкрасться и выхватить гребень, станешь обладателем чудесной, магической вещи. Иногда чертовка сожительствует с охотниками в лесу. Прижитого ребенка разрывает на части сразу после рождения (Зеленин-Очерки, 115).

ЧУМА́ Черная немочь, *смерть; Коровья Смерть, холера.*

Дух заразной повальной болезни на людей или на скот. Появление эпидемий находится в прямой зависимости от Божьего гнева, они посланы за человеческие прегрешения с тем, чтобы, переживая ужасные страдания, больной мысленно обратился к Богу, а душа преисполнилась раскаяния. Согласно терской казачьей легенде, сама чума — в прошлом блудница, наказанная Богом за тяжкие грехи.

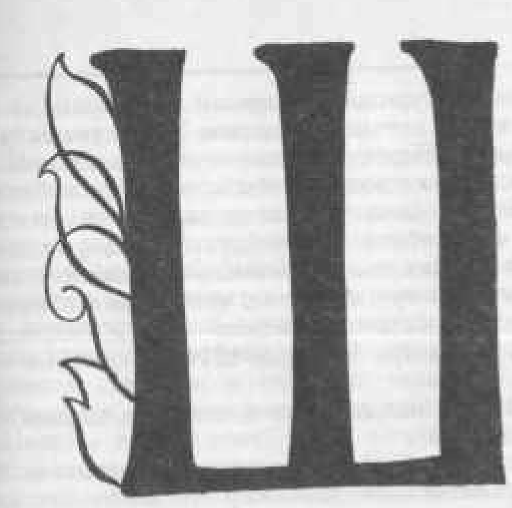
Всемирный потоп не устрашил людей, они попрежнему впадали в беззакония и разврат. Разгневавшись, Бог решил уничтожить людской род уже не водой, а огнем. В то время на земле жил праведный старец, удалившийся от мира в пустыню и проводивший дни и ночи в молитве и посте. Он услышал о решении Бога наказать людей и стал молить его о прощении. Сжалившись, Бог смягчил наказание, он сказал: «Пошлю на землю болезнь, от которой много людей помрет, и одни, видя смерть других, устрашатся и вспомнят о Боге».

Орудием наказания Бог сделал блудницу — красивую женщину, по вине которой многие ста-

ли несчастными: одни из богатых превратились в нищих, другие, чтобы добыть богатства и принести их в дар блуднице, сделались ворами и убийцами. Все дни блудница проводила в пирах и в пьяном виде изрекала хулу на Бога.

Тогда Господь решил: «Продлю жизнь этой блудницы до конца мира и пошлю на нее страшную болезнь; пусть блудница скитается по земле, и там, где она появится, пусть все заразятся ее болезнью и будут умирать в страшных мучениях». По слову Божию все тело блудницы почернело и покрылось зловонными язвами. Друзья, пировавшие с нею, одни — в ужасе разбежались, другие умерли в муках. В отчаянии блудница бросилась в море, чтобы лишить себя жизни, но морские волны выкинули ее на берег; с вершины высокого утеса она бросилась на камни — но осталась невредимой; кинулась в огонь — он тут же погас. Тогда она побежала куда глаза глядят, заражая всех на своем пути (Сборник материалов-32, 75 — 76).

Подобно людской чуме, чума скотская — коровья или «товаряча» (от «товар» — скот) — странница, бродит по дорогам от села к селу, но редко сама заходит в села, обычно просит себя подвезти. Скотская чума — безобразная старуха, с руками-граблями, показывается осенью и ранней весной, когда скотина начинает страдать от непогоды или бескормицы. Чтобы прогнать ее в леса и болота, женщины совершали обряд опахивания: обводили сохой вокруг деревни круговую черту, которую чума не сможет переступить, так как это магический, выполненный с заклятиями, круг. Участницы обряда убивали всякое животное, встреченное на пути, а человека могли избить до полусмерти, так как видели в них чуму-оборотня.



ШИЛИКУ́НЫ Шилыханы, шуликуны.

Бесы, черти разного рода занятий и мест обитания. На Русском Севере шиликуны с желтыми зубами в остроконечных шапках являлись на Святки, иногда смешавшись с толпой ряженых. Этим же словом здесь называли самих маскированных, отсюда «шиликуничать» — маскироваться, рядиться. Черти-шиликуны — востроголовые, поэтому людей, имеющих вытянутую форму головы, также называли шиликунами (Куликовский).

В Вологодской губернии шилыханами именовали духов заброшенных построек и пустых сараев. Они живут там артелями и, подобно мальчишкам, любят озорничать и пакостничать: дразнить пьяных, кружить их, сталкивать в грязь, не причиняя, впрочем, особого вреда.

По оренбургским поверьям, шиликуны — банные черти; вятчане называли шиликунами водяных бесов. Перед Крещением и водосвятием они выбирались из воды, чтобы поселиться в безопасных местах. Если хозяйка дома не запасется крестами из хлеба и не разложит их по разным углам, то шиликуны непременно поселятся у нее в доме и принесут несчастье, став злыми домовыми духами. Выгнать их сможет только сильный и опытный знахарь (Зеленин-1914, 264, 412).

ШИШ Шишига, шишко, шишкун, шишок (шашок, шашко).

В начале XVII века «шишами» называли бродяг и разбойников; возможно, это слово неславянского происхождения, заимствовано из финно-угорских языков. В XIX веке «шиш» и производные от него слова были обобщенными названиями всякой нечистой силы. Про человека, долго не возвращающегося домой, говорили: «Ну, запропастился, верно, его шишок увел». Шишки бывают лесные, водяные, банные, представления о них те же, что и о прочей нежити — водяных, русалках, леших и т. д.

В Поморье шишок — ригачник, звали его Мишкой Дыроданьюшком. Вреда большого не приносил, но по ночам в ригах пугал людей (Цейтлин, 159).

В Костромском крае шишом (шутом) именовали банного духа, банного апостола, и лешего, который водит людей в лесу, чтобы над ними поглумиться. В банях шиши любят париться, а в злые минуты могут содрать кожу с моющегося человека и окутать ею каменку. Женщин в банях склоняют к сношениям, мужиков парят. Но когда в бане мнут лен, чертей там не бывает: ни один

шут бабу со льном не возьмет, потому что на каждой головке льна — крестик.

Шишей женского пола зовут шишигами, шишиморами, эти бесихи принимают человеческий образ, во многом родственны кикиморам. Шишига является скромной, робкой, застенчивой и неповортливой косматой бабой. Она как *русалка* или *проклятая* (см.) живет в омуте или болоте, с шумом плещется водой, иногда выходит на берег. Шишиг-лешачих встречали на лесных дорогах: обернется стариком и сядет на телегу. Никакой молитвой ее с повозки не сгонишь, только если заматерить, тогда слезет. Часто пугает возле кладбищ: словно привидение выйдет шишига из могильного голбца дряхлым старцем. В таком виде она показалась одной старухе, дожидавшейся сына-покойника в последнюю ночь сорочин (поминок на сороковой день) на кладбище. Шишиги принимают разные образы: то вровень с лесом станет, то в рост человека.

Шишиги посещают бани, если дверь в баню оставлена без молитвы. Знаешь, что в бане людей нет, а огонь горит и слышно, как кто-то плещет водой. Заходят в дома. Если прялку оставить на ночь без молитвы, шишига будет прясть ночь напролет, при этом нитки сучит не слева направо, а наоборот, справа налево. Видели их голыми или в красных рубахах. Увидят человека и бросятся за ним. Взрослые, пугая детей, говорили: «Шишига с горячей сковородой в горохе сидит».

Шишиморами называли ряженых. Прежде на Святки старухи на беседы являлись шишигами: в рваном тряпье («шоболках»), с заостренной палкой садились на полати, свесив ноги с бруса, ставили прялку между ног, привязывали к ней кудель, а пряжу толстыми заверткими наворачивали

на свою длинную палку. Девушки хватали шишимору за ноги, но она била их палкой (Завойко-1917, 38). Шишиги-бесихи принимали участие в троицких обрядах: плясали перед украшенной девушками березкой.

Во Владимирской губернии считали, что шишиги водятся в банях и овинах. Внешний облик их зыбок и неопределенен, но показывались они непременно в белых одеждах. Хватали детей, душили их и топили в воде. Шишки-черти в банях у родильниц подменивали детей: некрещеного младенца утащат, а свое отродье положат.

В Псковской области домовые шиши жили на чердаках и под вениками. С печки упадут, в ладоши захлопают и провалятся сквозь сени. Если что дома пропадало, говорили: шишок утащил. В Святки шишки хватают гадающих на перекрестках; в сильный ветер играют свадьбы. Кто их увидит — заболеет. С шишками знались только ведьмы и колдуны («шишкуны»), у них эти черти были в услужении (Черепанова, 134).

Слова, производные от «шиш», — преимущественно бранные. Про строптивого, переменчивого, излишне разборчивого человека говорили: «Как шишига хвостом вертит!» В говорах «шиш», «шишига» — праздный шалопай, голь перекатная («ши́шара»); «шиши́мора» — вор, плут, мошенник, невзрачный человек, скряга, наушник; «шиши́морка» — сплетница; «шишиморить» — плутовать, доносить. Слово «шиш» употребляется в резкой форме отказа или отрицания: «ни шиша не бояться», «шиш тебе с присвистом». Многочисленность племени шишей, а также употребление слова «шиш» в значении «куча», «ворох» породило выражение «до шиша», т. е. «очень много», «не счесть».

ШОЛЬШНЫ

Святочные черти. См. *Святке, Святочница, Кудесы*. Пугают гадающих в Святки, иногда до умопомешательства. На Севере видели шолышнов: на головах — железные шапки «штыком», в руках — железные сковороды с горячими углями. Один из них бегал по улице и кричал: «На кол девку, на копыл парня!» («копыл» — дровни, выражение «на копыл посажу» — угроза расстроить что-либо, привести в беспорядок). Одна девушка вышла вечером гадать на поветь, а там застучало: «На вилы заткну, на копыл посажу» — она и с ума сошла.

Из дома, овинов и бань выгоняют шолышнов под Крещенье. Делают соломенную кисточку, приносят святой воды туес или бутылку и этой кисточкой, обмоченной в святой воде, окропляют каждого члена семьи, потом жилище — крестообразно. Затем идут на поветь, во двор, в хлев. Если оставить какие-то уголки не окропленными, здесь заведутся шолышны (Богатырев, 48).

ШУТ *шутовка* *Черт*, чертовка; *бес*, бесовка; *водяной*, *русалка*, *лобаста*; *леший*, лешовка; омутник, омутница; *фараон*, фараонка; *шиш*, шишок, шишига; шутик, шутиха.

Общее название всякой нежити.

Шутовки-русалки живут в болотах, прудах, озерах, проточных водах. Шутовка — в прошлом про́клятая матерью дочь, обреченная шутам — чертям. После своего исчезновения она трижды может вернуться в мир людей, если добудет крест у кого-нибудь из православных. Ее крик «Дайте крест, навек вашей буду!» иногда может послышаться в лесу или при дороге. Когда ни в одну

из трех попыток она креста не достанет — навсегда останется с шутами.

Трижды в день шутовки выходят на поверхность своего болота или омута: в полдень, в сумерки и в полночь. Голыми садятся на кочки, моются, плещутся, распустив длинные черные волосы; руки тонкие, холодные, груди большущие, волосы расчесывают, закидывая их за спину, так что с них блестки дождем сыплются; совсем как женщины, только лицо без румянца. Выйдут на берег, проказничают, валяются на спине, смеются. Едят сырую рыбу и раков.

В холодную погоду шутовки зябнут в воде и идут в бани погреться и попариться. В заморозки обледеневшие шутовки заходят в овины, где сушится хлеб, и ложатся на теплину. Русалка-шутовка не опасна человеку, вовремя сотворившему молитву.

Шутовкой может стать не только ребенок, но и взрослая женщина. В злую минуту портной послал свою жену к шутам, баба вышла во двор и пропала. Неделю искали — жена портного как в воду канула. Стали ее отчитывать, молиться за нее, подавать милостыню. Через несколько недель в полночь к избе подкатила телега, с нее с шумом что-то сбросили. Портной видит — жена вернулась: худая, измученная. Она рассказала, что после того, как муж проклял ее, она вышла во двор; вдруг какая-то неведомая сила повела ее к реке и затянула в воду, в гнездо шутовок. Живут они там артелью, в одной избе, прядут, шьют. По ночам ходят по деревням, воют в избах, берут себе еду в тех домах, где за стол садятся без молитвы и не зааминивают окон и дверей. Уводят про́клятых детей и взрослых, которые им поддадутся. С женой портного поначалу обращались хорошо, пока за нее не стали молиться и подавать милостыню; тогда шуты вернули ее домой.

В переславль-залесском селе мать негожим словом выругала трехлетнюю дочку, и с этого дня с ней стало твориться неладное: кричит днем и ночью, расти перестала, ноги тонкие как палки, голова большая. Исполнилось ей шестнадцать лет, а она все так же лежит в зыбке и кричит, совсем не выросла. Однажды в том доме остановился переночевать прохожий солдат. Его предупредили, что ребенок не спокоен, и он пошел спать в баню. Зная, что баня — место нечистое, солдат очертил себя кругом и лег. В полночь он проснулся от змеиного шипения. Змея ползала у черты, но в круг заползти не могла. Потом показалась красивая девушка. Солдат снял с себя крест и накинул его на девку, а сам молитву читает: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». «Спасибо тебе, солдат, — проговорила девица. — Если бы не ты, век мне шутовкой быть. Мать прокляла меня, я и живу у нечистых». Девица была голая; солдат сбегал в избу, принес ей одежду, привел к отцу с матерью и сказал: «Вот ваша дочь, а в зыбке вы черта качаете!» Взял топор да как саданет по ребенку. Смотрят — а там горелое полено. Остался солдат в той деревне и женился на вырученной им девушке (Смирнов, 73, 76).

Водяные шуты — про́клятые родителями сыновья. Выросши в омуте или болоте, они женятся на шутовках, живут с ними в подводных домах семьями и заставляют утопленников работать на себя: возить в их болото чистую речную воду, выполнять разную тяжелую работу (Владимирская губ.).

Мальчиков-шутиков держат ведьмы и чародеи для помощи в колдовстве. По просьбе любопытных колдун может их показать: у всех синие короткие штаны, красные рубашечки и шапочки, стоят ше-

ренгой, как маленькие мальчики, ростом не более пятидесяти — семидесяти сантиметров. Колдуны часто посылают их в лес хвоинки считать (чтобы не мешали), а как понадобятся — вызовут, и они с вихрем к ним летят. Таких шутиков называли также солдатиками, сотрудниками, красными шапочками (Черепанова, 49).

Подобно шутовкам, шуты любят забираться в овины. По рассказам очевидцев, один шут плясал на току́, припевая: «Трях кудрями, меня девки знали, я сам не пошел» (Завойко, 102). Как-то поспорили девушки о Святках: кто сходит в полночь в овин и принесет оттуда колосник (жердь для просушивания снопов). Вызвалась одна сиротка, пришла в овин, только взялась за колосники, а ее кто-то — цап! за руку: «Стой, девушка! Что на овине сидит?» — «Лен». — «А как это лен обрабатывают?» Стала девушка ему рассказывать медленно, по порядку, чтобы время протянуть до первых петухов: «Вот придет весна, станут землю пахать... вспашут, заборонуют, тогда лен посеют и снова заборонуют. Лен растет долго-долго...» Надоело шуту. «Полно, — говорит, — пойдем». — «Нет, мне прежде набодри́ться надо». — «А что же тебе хочется?» — «Надо мне перво-наперво хорошую рубашку». Принес шут рубаху, она сарафан запросила, принес сарафан — пояс нужен, потом полусапожки, перстень, сережки. Тут петухи пропели, черт сгинул, девушка взяла колосник и вернулась домой красавицей. Мачеха кричит: «Дура, а барыней явилась. Завтра моя дочка в овин пойдет». Пришла на следующую ночь мачехина дочка в овин, шут ее за руку сцапал: «Что на овине сидит?» — «Лен». — «Как его обрабатывают?» — «Вспашут, посеют, выберут, помолотят, постелют, помнут, потреплют, спрядут, соткут» — все сразу и проговорила. «Пойдешь за

меня замуж?» — «Да!» — «А что тебе нужно?» — «Рубашку, сарафан, пояс, платок, полусапожки, чулки, перстень, серьги» — опять все сразу сказала. Схватил ее шут и в прорубь засадил вверх ногами, так она и залилась, увел ее шут.

В Святки шуты особенно активны, они особенно любят донимать девушек загадками; кто не отгадает — того разорвут на части. Однажды пошли девки слушать на Рождество в пустой заброшенный дом. Узнали об этом парни и заранее забрались на полати, хотели напугать девок. Вошли девушки в избу, а тут из подполья бес вылез. «Что это, — говорит, — три косы да три дуги?» Парни не растерялись, шепчут: «Коса у девки, коса, что косят, да коса у петуха — вот три косы; дуга запрягательная, дуга — радуга да дуга — бровь у красной девушки — вот три дуги». Черт видит: отгадали, крикнул: «Бегите скорее, а то худо вам будет!» Они — бежать, только у одной девушки сарафан спал, голая домой прибежала. Посмотрели на другой день, а сарафан клочьями по всей избе разбросан (Смирнов-2, № 193; Смирнов-1, № 128).

Шуты летали к вдовам, тоскующим по покойникам — мужьям (см. *Огненный змей*). В таких случаях шли к часовне («на кресты»), скидывали там рубаху, в которой бес маял, и протаскивали рубаху всей деревней (Завойко-1917, 37). «Шутом» называли конский паралич, видя причину этой болезни в кознях домового, невзлюбившего скотину. Шут — бес, черт, толкающий людей к дурным поступкам, отсюда выражения: «Он до шутиков допился»; «Не шут совал (сажал, толкал, копал), сам попал». Шуты морочат, блазнят, пакостят человеку; потеряв что-либо, говорили: «Шут, шут, поиграй да отдай!» (Даль-4, 650).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Аничков — Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.

Антонович — Антонович В. Змиевы валы в пределах Киевской земли. — Киевская старина. 1884. Март. С. 353 — 370.

Астахова — Астахова А. М. Заговорное искусство на реке Пинеге. — Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1928. С. 33 — 76.

Афанасьев-1; -2; -3 — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865 — 1869. Т. 1 — 3.

Афанасьев-Легенды — Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. Новосибирск, 1990.

Афанасьев. Сказки-1; -2; -3 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. М., 1984 — 1986. Т. 1 — 3.

Балов — Балов А. Очерки Пошехонья. — Этнографическое обозрение. 1898. № 4; 1901. № 4.

Барсов — Барсов Е. В. Северные сказания о лембоях и удельницах. — Труды этнографического отдела Русского географического общества. М., 1874. Т. 13, кн. 3, вып. 1. С. 87 — 90.

Барсов-1872 — Барсов Е. В. Причитания Северного края. М., 1872. Ч. 1.

Барсов-1874 — Барсов Е. В. Обзор этнографических данных, помещенных в разных губернских ведомостях за 1873 год. — Труды этнографического отдела Русского географического общества. М., 1874. Т. 13, кн. 3, вып. 1. С. 77 — 83.

Белогриц-Котляревский — Белогриц-Котляревский Л. С. Мифологическое значение некоторых преступлений, совершаемых по суеверию. — Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1888, июль. С. 105 — 115.

Бессонов-1; -6 — Калики перехожие. Сборник стихов и исследование П. А. Бессонова. М., 1861 — 1864. Вып. 1 — 6.

Богатырев — Богатырев П. Г. Верования великорусов Шенкурского уезда. — Этнографическое обозрение. 1916. № 3-4. С. 42 — 80.

Богословский — Богословский П. С. Песня об Усах из сборника Кирши Данилова и Камская вольница. Пермь, 1928.

Бондаренко — Бондаренко В. Поверья крестьян Тамбовской губернии. — Живая старина. 1890. Вып. 1. С. 115 — 121.

Буслаев-1 — Русская народная поэзия. Сочинения Ф. И. Буслаева, СПб., 1861.

Буслаев-2 — Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1862. Т. 2.

Буслаев-1881 — Буслаев Ф. И. Бес. К истории московских нравов XVII в. — Полярная звезда. 1881. № 2. С. 8 — 11.

Веселовский — Веселовский А. Н. Румынские, славянские и греческие колядки. — Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1883. Вып. VII.

Виноградов — Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири. — Сборник трудов Иркутского государственного университета. 1923. Вып. 5. С. 261 — 346

Воронежский литературный сборник — Воронежский литературный сборник. Повременное издание. Воронеж. 1861. Вып. 1.

Георгиевский — Георгиевский А. Народная демонология. — Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С. 53 — 61.

Голышев — Голышев И. Мифические изображения двенадцати лихорадок. — Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1872. Вып. 9. С. 36 — 40.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899 — 1901 гг. М., 1904. Т. 1.

Даль-1; -2; -3; -4 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981 — 1982. Т. 1 — 4.

Даль-1880 — Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. Сочинение Владимира Даля. СПб., М., 1880.

Даль, 1984-1; -2 — Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля в двух томах. М., 1984.

Дмитриева — Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988.

Добровольский — Добровольский В. Н. Суеверия относительно волков. — Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 135.

Добрынкина — Добрынкина Е. Деревня Корниловка Муромского уезда. — Труды Владимирского губернского статистического комитета. 1872. Вып. 9. С. 122 — 182.

Ефименко — Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878. Ч. 2.

Забылин — Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, собранные М. Забылиным. М., 1880.

Завойко — Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великорусов Владимирской губернии. — Этнографическое обозрение. 1914. № 3-4. С. 81 — 178.

Завойко-1917 — Завойко Г. К. В Костромских лесах по Ветлуге-реке (Этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914 — 1916 годах). — Этнографический сборник. Труды Костромского научного отдела по изучению местного края. Кострома, 1917. Вып. 13. С. 3 — 40.

Звонков — Звонков А. Очерк верований крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии. — Этнографическое обозрение. 1889. Кн. 2. С. 63 — 79.

Зеленин-1914; -1915; -1916 — Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Пг., 1914 — 1916. Вып. 1 — 3.

Зеленин-Вятские сказки — Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915.

Зеленин-1991 — Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Зеленин-Очерки — Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916.

Зеленин-Пермские сказки — Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914.

Зеленин-Этнографические работы — Зеленин Д. К. Этнографические работы воспитанников Петроградского учительского института. — Этнографическое обозрение. 1916. № 3-4. С. 156 — 160.

Зиновьев — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Составил В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Иванов — Иванов А. И. Верования крестьян Орловской губернии. — Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 68 — 118.

Иванов-1 — Иванов П. Толки народа об урожае, войне и чуме. — Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С. 134.

Иллюстрация — Иллюстрация (Еженедельное периодическое издание). 1846.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Архив Литературного музея.

Календарно-обрядовая поэзия сибиряков — Календарно-обрядовая поэзия сибиряков (Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников). Новосибирск, 1981.

Калинский — Калинский Иван. Церковно-народный месяцеслов на Руси. — Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1877. Т. 7. С. 269 — 480.

Карнаухова — Карнаухова И. В. Суеверия и бывальщины. — Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1928. Вып. 2. С. 77 — 97.

Киреевский-1; -10 — Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860 — 1874. Вып. 1 — 10.

Киреевский-1983 — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина (Подготовка текстов, вступ. статья и комментарии З. И. Власовой). Л., 1983.

Киреевский, НС-2 — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия (Под ред. М. Н. Сперанского). М., 1929. Вып. 2. Ч. 2.

Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.

Колчин — Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии. — Этнографическое обозрение. 1899. № 3. С. 1 — 60.

Костоловский — Костоловский И. Из народных суеверий, примет и обычаев Еремейцевской волости Рыбинского уезда. — Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С. 135 — 138.

Криничная — Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.

Куликовский — Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Куликовский-1902 — Куликовский Г. И. Из олонецких легенд. — Олонецкий сброрник. 1902. Вып. 4. С. 63.

Куликовский-1890 — Куликовский Г. И. Похоронные обряды Обонежского края. — Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 44 — 60.

Лаушкин — Лаушкин И. Д. Баба-яга и одноногие боги. К вопросу о происхождении образа. — Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 181 — 186.

Летописи — Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным. Предисловие и публикация Ф. И. Буслаева. — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. С. Тихонравовым. М., 1859. Т. 1. Кн. 2.

Макаренко — Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского округа Енисейской губернии. — Живая старина. 1897. Вып. 1. С. 57 — 91.

Макаров-1; -2 — Макаров М. Н. Русские предания. М., 1838. Кн. 1 — 2.

Максимов — Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Сочинение С. В. Максимова. СПб., 1903.

Максимов-1 — Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1864. Ч. 2.

Мансикка — Мансикка В. Представители злого начала в русских заговорах. — Живая старина. 1909. Вып. 4. С. 9.

Марков — Марков А. В. К этимологии слова «лахудра» и подобных простонародных великорусских слов. — Русский филологический вестник. Варшава, 1915. Т. LXXIII. С. 101 — 104.

Материалы — Материалы для археологического словаря. — Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1885. Т. 10. С. 189 — 217.

Минх — Минх А. Н. Кликуши. — Этнографическое обозрение. 1901. № 1. С. 166 — 167.

Никольский — Никольский. Летучий змей в 1745 г. в г. Белгороде. — Живая старина. 1895. Вып. 3-4. С. 494 — 495.

Ончуков — Северные сказки (Архангельская и Олонецкая губернии). Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1908.

ПСРЛ — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко под ред. Н. И. Костомарова. СПб., 1860. Вып. 1 — 2.

Перетц — Перетц В. Н. Деревня Будогощи и ее предания. Этнографический очерк. — Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 3 — 18.

Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Попов — Досуги, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова. СПб., 1772.

Потанин — Потанин Г. Этнографические заметки по пути от г. Никольска до г. Тотьмы. — Живая старина. 1899. Вып. 2. С. 189 — 195.

Потебня — Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.

Ровинский-1; -2; -3 — Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Собрал и описал Д. А. Ровинский. СПб., 1881. Т. 1—3.

Русское Устье — Фольклор Русского Устья (Под ред. С. Н. Азбелева, Н. А. Мещерского). Л., 1986.

Рыбаков — Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1991. Т. 3.

Рязановский — Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915.

Садовников — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884.

Сахаров — Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989.

Сборник материалов — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис — Махачкала. 1881 — 1929. Вып. 1 — 40.

Семенова — Семенова О. П. Смерть и душа в поверьях и рассказах крестьян и мещан Рязанского, Раненбургского и Данковского уездов Рязанской губернии. — Живая старина. 1898. Вып. 2.

Синозерский — Синозерский М. Чертов дом. — Живая старина. 1896. Вып. 4. С. 536 — 537.

Сказки Ф. П. Господарева — Сказки Ф. П. Господарева (Запись текста, вступ. статья и примечания Н. В. Новикова). Петрозаводск, 1941.

Смирнов — Смирнов М. И. Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду Владимирской губернии. М., 1922.

Смирнов-1; -2 — Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 1 — 2.

Снегирев — Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1839. Вып. 4.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Тайные сказы — Тайные сказы рабочих Урала (Составила Е. М. Блинова). М., 1941.

Токарев — Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М. — Л., 1957.

Ушаков — Ушаков Д. Н. Материалы по народным верованиям великорусов. — Этнографическое обозрение. 1896. № 2-3. С. 146 — 204.

Харузин — Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. — Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 302 — 346.

Худяков — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова (Издание подготовили В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева). М., 1964.

Цейтлин — Цейтлин Г. Знахарство и поверья в Поморье. — Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 4. С. 156— 165.

Черепанова — Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Чулков — Чулков М. Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. М., 1786.

Шайжин — Шайжин Н. Олонецкий край по данным местного фольклора. — Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 год. Петрозаводск, 1909. С. 192 — 229.

Шейн — Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные П. В. Шейном. СПб., 1887. Т. 1. Ч. 1.

Юшин — Юшин П. Верования русского народа в Ливенском уезде Орловской губернии. — Этнографическое обозрение. 1901. № 1.

Яворский — Яворский Ю. Галицко-русские поверья о дикой бабе. — Живая старина. 1898. Вып. 3-4. С. 439 — 441.

Якушкин — Якушкин П. И. Сочинения. М., 1986.

Р 89 **Русский демонологический словарь** / Автор-составитель Т. А. Новичкова. — СПб.: Пб. писатель 1995. — 640 с.

ISBN 5-265-02803-X

Не имеющий аналогов энциклопедический словарь-справочник представляет собой ранее не систематизированную наукой область демонологии, относящуюся к русским народным верованиям. В словаре использованы записи и материалы, собранные известными российскими фольклористами XVIII — XX веков; часть сведений и текстов извлечена из архивов и вводится в оборот впервые.

Р $\frac{5001000000 — 002}{083 (02) — 95}$ Без объявл. ББК 83. 3Р1

РУССКИЙ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Художественный редактор М. Е. Новиков
Технический редактор Г. В. Мисюль
Корректор Е. Я. Лапинь

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Петербургский писатель». Подписано в печать 20.01.95. Формат 70×100 1/32. Гарнитура Антиква. Усл. печ. л. 26,00. Уч.-изд. л. 26,50. Тираж 4100 экз. Заказ № 1077.

Издательство «Петербургский писатель».
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 36.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ББК 81.411
К 889

Научный редактор —
В. И. Супрун, проф. ВГПУ.

Рецензенты:
Л. Ф. Гончарова, канд. филол. наук, доц. Волгоградской академии гос. службы;
Н. К. Пригарина, канд. филол. наук, доц. Волжского гуманитарного ин-та ВолГУ.

Орлов Л. М., Кудряшова Р. И.
К 889 Русская диалектология: современные процессы в говорах: Учеб. пособие.— Волгоград: Перемена, 1998. — 144 с.
ISBN 5-88234-264-3

Рассмотрены современные процессы в русских территориальных говорах; особое внимание уделено социально-языковой и функционально-стилистической неоднородности современных говоров, изменениям в фонетической, грамматической, лексической диалектных системах, которые происходят в результате активного взаимодействия литературного языка и диалектов.

Для преподавателей вузов, студентов филологических факультетов, изучающих курс «Русская диалектология», для использования при проведении спецкурсов и спецсеминаров.

ISBN 5-88234-264-3

ББК 81.411

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс «Русская диалектология» предполагает ознакомление студентов с территориальными разновидностями общенародного русского языка — диалектным языком (его системой, группировкой русских говоров, современными процессами в диалектах, говорами родного края).

Типовые учебники по русской диалектологии дают описание в первую очередь традиционных, архаических диалектов, уделяя лишь незначительное внимание тем изменениям, которые претерпевают фонетическая, грамматическая, лексическая системы русских говоров под воздействием литературного языка.

Данное учебное пособие ставит своей задачей познакомить студентов с современными процессами в диалектах, рассматривает общие процессы, происходящие под влиянием литературного языка в русских диалектах XX в., их социально-языковую и функционально-стилистическую неоднородность, а ...ских, мор... ...х русских ...их говоров

...и задания ...ся список

...ваны при ...рическая ...й язык», в

мов), *деревох* (деревьев), *делох* (делов), известные в некоторых южнорусских и среднерусских говорах; диалектные формы на *-ей* типа *огурцей, пальцей, зайцей* и т. п., встречающиеся повсеместно.

Аналогичным образом воспринимается флексия предложного падежа множественного числа *-аф: на домаф, в огородаф, ф пальцаф*, выступающая в некоторых тверских, владимирских говорах и к югу от Белого моря.

Все такие формы решительно преодолеваются в местной речи. Их можно услышать лишь от самых консервативных носителей традиционного вида местной речи.

Категория среднего рода

Категория среднего рода в прошлом была утрачена полностью или частично в большинстве южнорусских, в части средне- и севернорусских говоров; в современных же под влиянием литературного языка происходит процесс восстановления этой категории. Говороносители осваивают литературную трехродовую классификацию.

Процесс становления категории среднего рода происходит неравномерно в речи разных социально-возрастных групп местного населения. Для гр. Д характерно употребление имен среднего рода в соответствии с нормами диалекта. В гр. Л, напротив, имена среднего рода употребляются преимущественно по литературным нормам. Для среднего, переходного типа речи (С) показательно использование в активном употреблении и литературного, и диалектного способов выражения грамматического рода. Для этой подгруппы характерно также значительное варьирование в речи одного лица при оформлении одних и тех же существительных среднего рода: *худая ведро* и *худое ведро*.

Синтаксические средства выражения рода показывают, что в говорах с переходом среднего рода в женский и с заменой среднего рода мужским в каждой из речевых подсистем наиболее активно усваивается средний род в атрибутивных сочетаниях с именительным падежом существительного типа *парное молоко, луговое сено, большое хозяйство, больное сердце*. Исследование показывает, что более половины таких сочетаний оформляются в современных говорах по нормам литературного языка. (Ср.: Кудряшова Р. И. Употребление среднего рода в современных русских говорах. М., 1976.)

Медленнее осваивается средний род в предикативных сочетаниях типа *молоко ушло, письмо пришло, озеро разлилось*.

Еще пассивнее усваивается литературный вариант при замещении имени существительного среднего рода личным местоимением 3-го лица единственного числа. Представители гр. Д по существу не употребляют в своей речи местоимения *оно*, около трети представителей гр. С могут последовательно использовать в речи такие диалектные формы местоимения: Молоко откидывают, каймак сбирают с *ней*. *Она* сядет, потом опять *ее* откидывают, *она* стякает, делается крутая-раскрутая. Сено, какая с запахом, *она* сытнее. Поставила молоко поросеночку подогреть, а *он* уж перегрелся, *он* уж затопился. *Он* и называется уже степной сено. Правление? От тут вот *он*.

Отмечаются случаи, когда носители говора, оформляя атрибутивные слова при существительных среднего рода по нормам литературного языка, замещают эти имена среднего рода личными местоимениями по диалектному образцу: откидное молоко мы *ее* называем, *она* называется парное.

Варианты оформления имен среднего рода в речи современных носителей говоров зависят от стилистической окрашенности существительных среднего рода и атрибутивных сочетаний.

Как правило, повседневно-бытовые слова нечастого употребления (диалектные и общеупотребительные), характерные для старого быта (*жито, гумно, поместье, займище, веретено* и др.), а также уменьшительные существительные (*одеялко, пальтишко, ведерко, пятнышко*) наиболее устойчиво осознаются современными носителями говора как существительные женского или мужского рода (в зависимости от норм диалекта-основы) и оформляются по диалектному образцу. К этой группе примыкают и повседневно-бытовые слова активного запаса, широко употребительные в современном говоре, типа *молоко, масло, мясо, ведро, поле, сено* и т. п.

Слова типа *кино, радио*, вошедшие в говор лишь в советскую эпоху, современное сельское население более склонно оформлять по литературному образцу, но и эти существительные обнаруживают довольно высокий процент употребления по диалектным нормам, видимо, вследствие их сближения со старыми повседневно-бытовыми словами.

Книжные слова (*государство, руководство, обязательство, воспитание*), которые редко употребляются в говоре и воспринимаются как стилистически высокие, оформляются в речи

говорящих преимущественно по литературным нормам (*взялu такое обязательство*). Терминологические сочетания типа *ветровое стекло, заказное письмо* показывают в современных говорах наивысший процент литературного оформления.

В современных территориальных говорах наблюдается (в рамках каждой подсистемы) варьирование при оформлении существительных среднего рода в зависимости от речевой ситуации, собеседника, стиля речи. Устойчиво сохраняется диалектный способ оформления имен среднего рода в интимно-семейной обстановке, где даже представители интеллигенции не соблюдают литературной нормы.

В обиходно-бытовом виде общения наблюдается склонность основной массы носителей говора к оформлению существительных среднего рода по привычным для них диалектным нормам с колебаниями в зависимости от стилистической окраски существительных среднего рода или сочетающихся с ними слов.

В обиходно-деловом виде общения с повышением самоконтроля и общей литературной направленности речи заметно возрастает количество литературных оформлений атрибутивных и предикативных слов при именах среднего рода. Еще более последовательно соблюдается литературная норма в публичной речи.

Соотношение литературных и диалектных форм употребления имен среднего рода в разных стилях современного говора, в различных ситуациях определяется характером использованных в речи слов среднего рода, степенью самоконтроля говорящих, установкой на слушателя.

Имена существительные среднего рода, переоформленные в говорах с переходом среднего рода в женский по образцу женского рода (*пальтушка, ведрушка, пальтенка, платенка, веретенка* и др.) и в говорах с переходом среднего рода в мужской — по типу имен мужского рода (*зер'кал, утър, озер, зеркалок, ведерок, пятнышек* и др.), осознаются всеми говорящими в качестве имен женского (первая группа) или мужского (вторая группа) рода и оформляются соответственно только как существительные женского или мужского рода: *одна пальтушка, плохая ведрушка; большой зерькъл*, но *маленький зеркалок*.

Словоформы *крылец, полотенец, яблок* являются очень устойчивыми во всех социально-языковых подгруппах современных

говоров. Их устойчивости в говорах способствует, видимо, то, что они свойственны также городскому просторечию.

Переоформленные в ряде говоров по образцу среднего рода существительные женского и мужского рода (*метло, копно, стено, чехло, дерно* и т. п.) продолжают сохраняться и в современных говорах в разных социально-языковых группах.

Устойчивость этого явления в местности, где наблюдалась утрата среднего рода, связана, возможно, с развитием категории среднего рода в современных говорах. Существительные женского и мужского рода на *-о* воспринимаются неграмотным и малограмотным населением как имена женского рода; согласующиеся с ними слова ставятся в женском роде (*большая метло, одна стоит копно, какая плохая стено* и т. п.). Однако грамотные говороносители начинают относить эти слова к именам среднего рода, т. к. они имеют облик существительных исконно среднего рода с характерной флексией *-о*, *-'о*, о чем свидетельствует соответствующее «литературное» согласование с ними (*большое метло, одно копно, льняное чехло, мне осталось одно стено побелить*).

В речи отдельных представителей грамотного населения отмечается параллельное употребление указанных существительных с соответствующими определениями: *одна стена* и *одно стено, большая метла* и *большое метло*.

Формы имен прилагательных, местоимений, числительных

Среди диалектных окончаний прилагательных и неличных местоимений отмечаются черты, отличающиеся заметной устойчивостью. Это прежде всего окончания родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода с интервокальным γ (фрикативным) и стяженные формы.

Архаические окончания с интервокальным γ свойственны значительной части южновеликорусских и некоторой части северновеликорусских диалектов. Именно в этих областях и особенно в районах, граничащих с украинскими и белорусскими языками, речь самых грамотных носителей говора, включая и местную интеллигенцию, почти не знает литературного варианта с интервокальным *в*. Правда, наблюдатели отмечают, что диалектная флексия в речи гр. Л звучит неясно, неотчетливо,

даже при ударенном окончании, как в формах *большоја, ијо* и т. п.

К относительно устойчивым диалектным чертам в области прилагательных и неличных местоимений следует отнести стяженные формы именительного и винительного падежей единственного и множественного числа.

Указанные формы с утраченным йотом и последующим стяжением гласных (ср. *белайа>белаа>бела*) широко распространены в речи представителей севернорусских и многих среднерусских территорий. Но если в речи типа Д стяженные окончания звучат более или менее последовательно, то в речи типа С и особенно Л преобладают нестяженные формы. В употреблении соотносительных, в одном случае стяженных, в другом — нестяженных форм прослеживается определенная закономерность, связанная как с внутриструктурными особенностями слова и, шире, данного отрезка речи (звуковым составом слога, особенностями ударения, местом слова в речевом потоке, темпом речи и др.), так и с положением слова в лексико-семантической системе говора (старое это слово или новое, нейтральное или стилистически окрашенное) и с характером речевой ситуации (обиходно-бытовое общение или официальные виды общения).

Рассмотрим примеры обиходной речи северорусов из гр. С и отчасти гр. Л.

— *Какайя краска? Простайа?.. А вода така холодна, ужас. Чо у них таки кирпичи стали?*

— *А зелена-то кофта не подходит. Зеленайа-то... И вот она на меня, на маленьку девчонку повесила коромысло с ведрами. Иду я, а ведра прямо задевают за землю. Вот какая я была, еще маленькая.*

— *Зубка два возьмешь. Ну и то, если мелконьки.*

— *Ночка-то тёмна была.*

Здесь исследователи отмечают неотчетливое произношение окончаний, поэтому при записях на слух не всегда оказывается возможным определить, произнесен ли небрежно звуковой комплекс «полного» окончания или имеет место стяжение.

В разряде местоимений регистрируется большое количество разнообразных собственно морфологических и фонетико-морфологических явлений, которые проникают в разные виды современной речи, сообщая ей более или менее ярко выраженную диалектную окраску.

В речи грамотных представителей севернорусских, отчасти днерусских и южнорусских территорий, распространены рмы личных местоимений 3-го лица без энклитического *н* в венных падежах. В речи типа Л чаще всего встречаются рмы без *н* в родительном падеже единственного числа [Она реживает за *его*. А что у *его* тут внутри находится? Родители лись за *ее*. У *ей* много добра] при параллельных [Об *нем* и ворить не приходится. Поругались с *ними*. У *них* в этим ду раньше поспели (ягоды)].

В речи южнорусов, владеющих литературным языком, стой сохраняются аналогические формы местоимений *моёй, тво*, *своёй, чьёй:* [Правда-то все-таки *на маёй* стороне. Ручка *ёй* считается?].

В севернорусской среде от местоимений *свой* образуется рма мужского и среднего рода родительного падежа единственного числа *своёва* [Как приехала в Краснодар — уши рет *от своёва* разговора. И все же добился *своёва*].

Притяжательное местоимение *их* повсеместно функциониует в форме *ихний* (*ихняя* или *ихня*, *ихнее* или *ихне*, *ихние* или *ихни*) [Это *ихняя* затея. Костюмы *ихние* совсем порвались]. Эти формы обычны и в городском нелитературном просторечии.

В южнорусских говорах встречаются также составленные по образцу притяжательных прилагательных на *-ов* формы *ихов*, *ихова*, реже *ихнев, ихнева, ихневы*. Но все такие образования среди грамотной части местного населения расцениваются как стилистически сниженные.

Диалектные формы родительного, винительного падежей личных и возвратного местоимений с ударным *-е* и корневым *и* (*у мене, тебе, себе*) отличаются большой устойчивостью во всех южновеликорусских говорах, а также в говорах средневеликорусских с южновеликорусской основой.

Устойчивость этой флексии поддерживается, по-видимому, наличием аналогичного окончания *-е* у существительных 1-го склонения на *-а* в родительном падеже: *у сестре, у жене*. В современных южновеликорусских говорах диалектные варианты родительного и винительного падежей с ударной флексией *-е* являются господствующими в речи типа Д. В известной мере они ограничены в речи типа С. Не исключено их употребление также в обиходно-бытовом стиле речи типа Л.

Литературные формы *у меня, тебя, себя* воспринимаются носителями всех социальных групп как строго литературные, стилистически высокие. Они употребляются в официальных видах речи и в первую очередь представителями гр. Л, отчасти гр. С. Часто в речи последних можно отметить неотчетливое, ослабленное, смятое произношение конечного (ударного) звука местоимения 1-го лица, качество которого стоит на грани между *'а* и *'е*: *у ме[н'а^э], те[б'а^э]*.

Литературные формы *тебе, себе* в дательном и предложном падежах местоимений 2-го лица единственного числа и возвратного в современных диасистемах являются всеобщими, стилистически нейтральными. Словоформы с корневым *а* (из *о*) — *табе, сабе* — воспринимаются в гр. Л и С как грубо диалектные и сознательно преодолеваются в обиходно-бытовом стиле, в том числе и при общении с представителями гр. Д. В речи типа Л они полностью отсутствуют; в подсистеме С встречаются редко и только как стилистически сниженные; в подсистеме Д не являются единственно возможными, чередуются со словоформами *тебе, себе*.

В речи гр. С нередко наблюдаются ошибки, порождающие употребление литературных вариантов родительного и винительного падежей типа *себя* в дательном и предложном падежах: *он сам себя не верит, изменил меня* и т. п.

В области числительных по территориальным говорам наблюдается то же явление, которое характерно для просторечия, а отчасти и для разговорного стиля литературного языка: количественные числительные утрачивают формы склонения, что, по мнению исследователей современного литературного языка, вызывается тенденцией к аналитизму и агглютинативности. (См.: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка // Русский язык и советское общество / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. С. 85.)

Но вероятнее всего, толчком к «аналитизму» послужила известная трудность склонения сложных и составных числительных, связанная с изменением «внутренних» составных частей слова, что в общем-то не согласуется с образцами склонения всех других частей речи. Произносят около *двести пятьдесят* гектар вместо около *двухсот пятидесяти* гектаров и т. д.

Среди частных явлений категории числительных можно отметить форму *обое* или *обоя* — *'оба, обе'*, которая в современной местной речи функционирует в качестве единой формы,

относящейся к лицам как мужского, так и женского рода: *обоих девушек приняли в медучилище, обоих ребят пригласили...*

В севернорусских говорах отмечается распространение формы *двои* — *'двое'* в значении не только *'два, двое'*, но и при обозначении парных предметов. Как и в диалектах, в этих случаях числительное *двои* (именно в таком фонетическом облике) сочетается с именительным падежом множественного числа существительного: *двои сапоги, двои носки, двои сутки* и т. п. Эти формы устойчивы в просторечии, встречаются и в разговорной литературной речи северян.

Формы глаголов

В результате сложных взаимодействий собственно диалектных, литературных и вновь рождающихся звуковых видов в ряде звеньев системы словоизменения современных говоров появляется многовариантность. Такое явление создает известную пестроту при оформлении слова в предложении.

Пример многовариантности при изменении одного из звеньев частной грамматической подсистемы — оформление в разных вариантах окончания глаголов настоящего и будущего времени 3-го лица единственного и множественного числа. (См.: Л. И. Баранникова. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967. С. 186—189.) В одном из сел Курской области были записаны тексты, которые показали, что носители местной речи в ее традиционном слое произносят в глаголах 1-го и 2-го спряжения единственного числа окончания разных видов. Формы без *-т* звучат при ударении на основе [Вал'к'а *бушу́йа*, муш *при́д'ъ*, ана *л'а́жа, браса́йъ, хо́д'а, но́с'ъ* и т. д.]. Таких форм в текстах оказалось 68. При ударении на окончании встретились формы без *-т* только в глаголах 1-го спряжения (он *жыве́, пайде́, иде́* и т. п.). Всего такие формы произнесены в 22 случаях, из них 20 оказались с ударным *е* и 2 с ударным *'о* (ё).

С мягким *-т'* при ударении на основе было произнесено 78 формы (*ана пале́зит', зна́ит'* и т. п.), столько же случаев с мягким *-т'* оказалось и при ударении на окончании (он *б'йе́т', реве́т; жыве́т; зайде́т' и ид'о́т; прайд'о́т; б'ажы́т'; л'ажы́т', спи́т'* и т. п.). При этом в глаголах 1-го спряжения было зафиксировано с ударным *-е* 38 форм, с ударным *-о* — 18; глаголов 2-го спряжения — 17.

Наконец, в единственном числе было отмечено произношение твердого -*т* в 10 случаях при ударении на основе (*мо́жыт*, *атхо́дит*, *бу́дит*, *ло́вит* и др.) и 4 случаях — при ударении на окончании (*раст'о́т*, *зав'о́т*, *криж'и́т* (кричи́т), *бйо́т*).

Во множественном числе различались только формы с -т мягким и значительно реже с -*т* твердым. При ударении на основе оказалось 85 случаев с мягким -*т* (*па́шут'*, *ко́сут'*, *пъсыла́йут'* и т. п.) и 15 случаев с твердым -*т* (*пло́т'ут*, *ва́р'ат*, *та́ш'ш'ат*, *па́шут*); при ударении на окончании — 43 случая с мягким -*т'* (*б'ару́т'*, *заву́т'*, *расту́т*; *йад'а́т'*, *л'ит'а́т'* и т. п.) и 12 — с твердым -*т* (*бйу́т*, *крича́т*, *б'ару́т* и др.).

Этот материал свидетельствует о том, что местный говор даже в его традиционном слое подвергся значительному влиянию литературного языка, которое сказалось, во-первых, в прямом проникновении в систему диалекта литературного варианта с твердым -*т*, чуждого старой системе диалекта. Прямое влияние литературного языка нужно видеть и в появлении ударного *'о* на месте старого диалектного *е* в окончаниях глаголов 1-го спряжения как при наличии, так и при отсутствии -*т* (ср.: *ид'о́* и *в'из'о́т'* или даже *виз'о́т*).

Наблюдается связь грамматического явления (выбор того или другого из вариантов окончания) с фонетикой, в частности с ударением. Так, в традиционном слое описанного говора значительно чаще употребляются формы без -*т* при ударении на основе, чем при ударении на окончании (соотношение 3:1). В передовом слое того же говора, где на нет сводятся формы без -*т*, еще устойчиво держится диалектный вариант с мягким -*т*. Проникновение же твердого -*т* отмечается преимущественно в глаголах с ударением на окончании. По заключению исследователей (см. работы Л. И. Баранниковой), это объясняется сознательной ориентацией грамотных носителей современного говора на литературную норму, т. к. при ударном окончании разница в произношении мягкого или твердого -*т* оказывается очень заметной и отчетливо воспринимается самими носителями говора.

Аналогичные наблюдения были проведены в воронежских и волгоградских (южновеликорусских) говорах со сходной диалектной основой.

Анализ магнитофонных и рукописных записей показал, что в формах 3-го лица глаголов 1-го и 2-го спряжения в единственном и множественном числе используются варианты, ко-

торые не описаны на материале курских говоров. Прежде всего это полумягкий -*т*˙, который широко известен в речи основной части носителей современного говора из социально-языковой подгруппы С. (См.: Кудряшова Р. И. Глагольные формы третьего лица в современных донских говорах // Развитие и функционирование русского глагола. Волгоград, 1979.) Этот новый в системе современных говоров звукотип возник сравнительно недавно как средний, компромиссный вариант, «примиряющий» взаимоборствующие разновидности — диалектный мягкий -*т'* и литературный твердый -*т*. В этом звене глагольной системы наблюдается смятое, неотчетливое произношение окончаний, что нередко затрудняет возможность установить, к какому из вариантов следует отнести данный звукотип.

Установлена также связь изучаемого явления с семантико-стилистической природой слова: новые для говора книжные глаголы в 3-м лице как единственного, так и множественного числа принимают в речи основной массы носителей современного говора из социально-языковой гр. С литературные окончания с твердым -*т* ([*зъйавл'а'ит*, *м'ит'ингуйут*, *из'б'ирайит*, *аргън'изуйут*] и т. п.), тогда как обиходные, просторечно-разговорные и диалектные словоформы, как правило, получают окончание с мягким или полумягким -*т'*/-*т*˙, реже без -*т*. В некоторых современных говорах формы без -*т* возможны лишь в узком, лексически ограниченном кругу глаголов типа *будя*, *знан*, *ложа*, *хватя*. И в этом случае окончание звучит неясно: гласный редуцируется в ъ или ь: *[буд'ъ, знайъ]*.

Показательна общая закономерность в развитии окончания 3-го лица: даже в традиционном виде (Д) местного говора формы без -*т* интенсивно заменяются формами с мягким -*т'*. В среднем типе речи (гр. С) формы с мягким -*т'* уступают место литературным видам с твердым -*т* и переходным с полумягким -*т*. Абсолютно господствуют формы с твердыми -*т* в официальных, публичных видах речи. Литературный вариант преобладает в речи молодежи, в том числе учащихся старших классов. Носители этого типа речи (гр. Л) даже в интимной обиходно-бытовой речи с участием представителей старшего поколения (за редким исключением) не допускают мягкого -*т'*, не говоря уж о формах без -*т*, которые отчетливо осознаются как грубо диалектные, резко противоречащие литературной норме. У них можно наблюдать нарочито подчеркнутое произношение твердого -*т*, отмечаются даже случаи твердого произ-

ношения -*т* в неопределенной форме (*не будешь туда ходит*), что является следствием ложной аналогии.

Во всех видах речи, подвергшейся влиянию литературного языка, становится нормой произношение *'о (ё)* в соответствии с *е*, которое по диалектным нормам оставалось без изменений.

В системах говоров как северновеликорусских, так и южновеликорусских весьма устойчивы формы глаголов настоящего и будущего времени, сохраняющие основы без чередования заднеязычных с шипящими (как это принято по нормам литературного языка), — *текёт, пекёт, стригёт, берегёт* и т. п.

Эти формы постоянны в обиходно-бытовом общении всех социально-языковых групп сельского населения. Обычны они и в городском просторечии, например, в речи северян (Прикамье). В школе на педсовете:

У нас в классе каждый *берегёт* своё имущество; на летучке: А на голову ливнем *текёт* вода. (См.: Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1976. С. 17.)

В речи южан: Пирожков *напекёшь* полную кастрюлю. Новая машинка... аккуратно *стригёт*; реплика председателя колхоза: Когда всех овец *перестрыгёшь, тада саапчишь*.

В официальных видах общения литературные варианты употребляются, но частотность их использования зависит от слова. Чаще других в речи грамотной части местного населения встречается форма *бежит (бежишь)*, значительно реже — *печет (печешь)*. Что касается литературных видов *стережет, бережет*, то они воспринимаются носителями говоров едва ли не как претенциозные, подчеркнуто книжные и, как правило, не употребляются даже в самых высоких стилях речи.

Диалектологи, наблюдая за нормой местных разновидностей русского языка, не раз отмечали случаи, когда ненормативные с точки зрения литературного языка формы воспринимались носителями говора в качестве литературных и образцовых. Они ставились в один ряд с подлинно литературными вариантами. Причины этого могут быть разные. Например, в ряде современных южновеликорусских говоров глагол *бежать* в повелительном наклонении устойчиво употребляется в речи типа Л и С в форме *бежи*! Все представители грамотной части местного населения оценивают эту форму как единственно правильную, литературную, противопоставляя ее «диалектной»

форме *бегu*, которая действительно всегда была свойственна диалекту и в наше время функционирует в речи Д, где произносится с фрикативным γ.

Таким образом, становится очевидным, что носители говора в своей оценке, отталкиваясь от диалектного варианта (в данном случае совпадающего с литературным), приняли за литературный вариант просторечный, возникший под воздействием форм *бежит* (диалектная *бегёт*) или проникший в южновеликорусские говоры из украинского языка, где форма *бежи* является общераспространенной.

Таким же образом оценивается и форма *бежат*, которая нерегулярно употребляется в речи грамотной части южнорусов (ср. аналог *лежат*).

Еще более яркую стилистическую окраску высоколитературных форм несут на себе личные формы множественного числа с конечным ч основы глагола *хотеть* (*хочим, хочите, хочут*), которые противопоставляются формам *хотим, хотят*. Последние оцениваются как диалектные, ср.: Алексею не *хочут* дать благоустроенную квартиру. Мы и сами не *хочем* покупать такой машины (из речи агронома).

В современной речи южнорусов (всех социально-языковых групп) повелительное наклонение *ляжь, ляжьте*! (от глагола *лечь*) является единственно возможной. Литературная форма *ляг, лягте* совсем не встречается в местной речи. Это можно объяснить тем, что просторечный (и украинский) вариант, с давнего времени утвердившийся в обиходно-бытовой речи, почти не встречается за ее пределами, в силу известной тематической ограниченности этого глагола, частотного только в бытовом общении.

Диалектная по происхождению форма глагола *ложить*, употребляемая вместо глагола *класть* (*ложу, ложат, ложил* и т. п.), последние годы все прочнее утверждается как в местных разновидностях диалектно окрашенной речи, так и в городском просторечии (повсеместно на территории распространения русского языка). Ср. записи на севернорусской территории: Смотрите, вон куда его *ложу*. А сквер-то он тоже *залаживал*.

В южнорусской среде (в учительской): Опять не на свое место *ложишь*. Соль прямо кусками *ложат* в ясли (из районной газеты).

Заметные изменения за последние десятилетия произошли и в синтаксической системе современных говоров. Под влиянием литературного языка все последовательнее выходят из употребления специфически диалектные виды словосочетаний и предложений.

В синтаксисе, как и на других уровнях местных языковых систем, в первую очередь изживаются такие диалектные явления, которые осознаются говороносителями как специфически местные, противоречащие общерусской норме.

В способах выражения сказуемого, где наибольшее число диалектных особенностей, как, впрочем, и многих других диалектных синтаксических черт, представлено в севернорусских говорах, подверглись вытеснению прежде всего краткие причастия, специфические для местной речи, — краткие страдательные причастия, образованные от возвратных и непереходных глаголов, употребленные, например, в таких безличных предложениях: *У кота на печку забраноcь. Ни с кем не ругано́сь. У пса убежено куда-то.* Наблюдения показали, что причина отказа от таких предложений кроется в негативной оценке не самих безличных конструкций как таковых, а в диалектном способе образования кратких причастий (*ругано́сь, забрано́сь* и т. п.). Именно от этих форм, необычных для общерусского образования, и отказывается носитель говора, приобщаясь к системе литературного языка.

Вместе с тем вполне приемлемыми для говороносителей представляются конструкции с кратким страдательным причастием, образованным от переходных глаголов типа: *Воды уже принесено. Дров у нас давно напилено. Пряжи моток напрядено. Здесь на машине проехано* (ср. лит.: *Хорошо сказано, добротно сделано*). Такие конструкции постоянно слышатся в речи северян, в том числе и высокограмотных.

Наблюдения показывают, что в синтаксическом строе современной речи северян абсолютно преобладают безличные конструкции.

В тех случаях, когда южанин скажет: «*До вечера мы этого участка не вспашем*», северянин непременно употребит безличный оборот: «*До вечера нам этого участка не вспахать*». Но безличные конструкции с кратким причастием прошедшего времени в качестве сказуемого воспринимаются грамотными носителями современных говоров как явно диалектные, чем, по-видимому, следует объяснить и широко наблюдающееся в современных говорах «переразложение» исходных диалектных структур. (См.: Филин Ф. И. Заметки о записях материалов по синтаксису // Бюллетень диалектологического сектора института русского языка. М.; Л., 1948. Вып. 4.)

Так, диалектные предложения типа *У парня уж уехано в город*, где значение субъекта действия выражено родительным падежом имени с предлогом *у*, в современной речи начинают заменяться конструкциями типа *А парень-то уж уехано в город*, где субъект действия оформляется именительным падежом (по нормам литературного языка), но при этом сохраняется форма краткого причастия среднего рода в качестве сказуемого. Ср.: *Я прялку на печь положено* (вместо диалектн.: *У меня прялку на печь положено. Я в Ленинграде за свою жизнь один раз бывано.*

Вместе с заменой родительного объекта (дополнения) именительным действующего лица (подлежащим) происходит и перемещение залоговой категории: действительное значение (*у него уехано* и др.) замещается страдательным залогом. Ср.: *Отец и ждет, чтобы узнать, у какого жениха она увезена* (вместо диалектного *у какого жениха ее увезено*). Здесь реальный субъект действия, выраженный родительным падежом, сохраняется, но наряду с ним возникает формальное подлежащее, которое перетягивает к себе сказуемое.

Все эти примеры, взятые из живой речи, свидетельствуют о глубокой перестройке в грамматических системах современных местных говоров.

Достаточно устойчивы в современных северновеликорусских говорах двусоставные предложения, в которых сказуемое, выраженное причастием, не согласуется с подлежащим: *Ножик в подпол кинуто. Корова не доен.* Реже встречается форма единственного числа при подлежащем, выраженном существительным множественного числа или собирательным существительным типа *люди собран* или *народ собрано.*

Как показывают наблюдения, в современной местной речи очень четко различаются близкие виды синтаксических структур, следствием чего является разная степень их употребительности по типам и видам речи, функциональным стилям. Например, предложения со вспомогательным глаголом *быть* в форме прошедшего времени и инфинитивом основного глагола

встречаются лишь в диалектных типах местной речи: *Я был щук ловить. Вчера была рожь жать.* В речи типа Л таких форм не услышишь, редко встречаются они в речи типа С.

Безличные же предложения, главный член которых выражен инфинитивом значимого глагола в сочетании с инфинитивом глагола *быть*, обычны в бытовой речи при передаче модальных смысловых оттенков неизбежности действия. Ср.: *Быть дождю идти. Быть опоздать мне на поезд. Быть пропасть ему ни за что.*

Очень устойчивы в речи северян, в том числе и местной интеллигенции, конструкции со вспомогательным глаголом *будет* и инфинитивной формой основного глагола с отрицанием *не*. Обычно они содержатся в безличных предложениях: *К первому числу... мне не подготовить будет. Да не сделать будет, просто не успеть. А это мне не выговорить будет.* (См.: Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 4. С. 8.)

В официальных видах общения северяне явно избегают употребления деепричастий в составе сказуемого, тогда как в обиходно-разговорной речи конструкции с деепричастием на *-вши*, как и некоторые другие словообразовательные варианты (ср.: *пришодчи, пришодши*) в качестве главного или присвязочного члена в составе сказуемого односоставных и двусоставных предложений, обычны: *Он в поле уехавши. Мы рано придём. Вы одевши будьте. Быть ему не спавши в эту ночь. Мы пришли, а он уж был ушодши.*

Но и в обиходно-бытовом общении деепричастные сказуемостные формы встречаются лишь в лексически ограниченном кругу глаголов типа *идти* (и производных от него), *ехать, обуть, устать* и др. Это характерно и для южнорусских говоров.

Исследователи современной народной речи отмечают большую устойчивость двусоставных синтаксических конструкций, в которых сказуемое согласуется с подлежащим не по грамматической форме (как принято в литературном языке), а по смыслу. Такая особенность свойственна многим как северновеликорусским, так и южновеликорусским диалектам. Известна она и просторечию. В современных говорах подобное согласование встречается не только у носителей диалектного типа речи (гр. Д), но и в речи грамотной части носителей говоров (из гр. С и Л).

Сказуемое во множественном числе употребляется при подлежащем, выраженном собирательным существительным: *Бригада закончили работу. Ну, правильно, такая категория лиц не признают себя больными. Детвора в саду гуляют.*

Как и в старой системе диалектов, форма сказуемого при подлежащем, выраженном местоимением *кто*, зависит от конкретного смысла. Если имеется в виду несколько лиц, то сказуемое ставится во множественном числе: *А кто же тогда ездили? Кто придут?* Если же в качестве действующего лица разумеется один человек, то сказуемое ставится в единственном числе: *Кто из них просился в деревню? Кто придет? Наверно, сегодня уж никто не явится.*

Не менее устойчива и другая генетически диалектная черта, также известная повсеместно на территории распространения русского языка, — употребление в именной части составного сказуемого полных прилагательных или полных причастий в соответствии с краткими формами литературного языка: *Пришел на базар, а он закрытый. Лестница готовая, поставить не можем все. Она сегодня убитая горем.*

Исследователи находят, что конструкции с членными прилагательными и причастиями в роли сказуемого распространены главным образом в обиходно-бытовой речи.

В говорах северновеликорусских по своей основе распространен именительный падеж существительных в соответствии с формами косвенных падежей (предложных и беспредложных) литературного языка: *А у вас общежитие возможность есть* (т. е. возможность общежития). *План-то у нас на второй квартал нету. У него график в субботу* (т. е. положено по графику). *Сбыт позвоните (в сбыт). Три электрика они просят. А мы цех комбината считаемся.*

Употребление именительного падежа в указанных случаях диалектологи объясняют влиянием ряда аналогичных конструкций, свойственных севернорусской диалектной речи. Хотя здесь возможно и иное объяснение, связанное с особой семантической выразительностью именительного падежа и общей тенденцией к аналитизму, которая наблюдается в русском языке.

Сюда примыкают и конструкции с составным именным сказуемым, где имя (существительное или прилагательное) употребляется в именительном, а не в творительном падеже: *Папа мой был председатель колхоза. Один класс был сплошные*

математики. Бражкин тоже ценный кадр будет. Лес на вершине горы называют каменный лес.

В среднем типе говора (С) часто при отрицании фиксируются конструкции с именительным дополнения: *Нет тепла вода. Кирпич нет трубу класть. Нету огурцы, все кончились. Никто на мельнице нету. Ясли у нас нету.*

При беспредложном управлении очень устойчивыми оказываются диалектные конструкции с творительным времени: *Тем летом в Москву ездили. Праздниками здесь демонстрации проходят.*

В других случаях беспредложные диалектные словосочетания в несобственно диалектных видах местной речи (гр. С и Л), как правило, заменяются синонимичными предложными конструкциями, нормальными для литературного языка: *В школу ему идти на будущую осень. Она по какому делу приходила?*

Значительно больше диалектных случаев находим в словосочетаниях с предложным управлением. Разнообразие конструкций с таким управлением, как видно, не всегда позволяет современному носителю говора, приобщающемуся к литературному языку, дать объективную оценку наличным фактам, найти нужный критерий для разграничения синонимичных средств, определить каждый из них в сложной системе современных говоров, отделить «правильные», литературные предложные, конструкции от диалектных. Отсюда, с одной стороны, использование диалектных видов в литературной по своей основе речи, с другой — отказ от форм, нормальных для литературного языка, но воспринимаемых говороносителем в качестве «местных».

Особенно устойчив в местной речи диалектный вид употребления общеизвестных предлогов не в том значении, которое закреплено за ними литературной нормой, т. е. фактически происходит подмена одного предлога другим.

В речи всех категорий носителей современных говоров устойчив предлог *за* в причинном значении: *За мужа беспокоилась, чуть драка не вышла* (из-за мужа). *И все за тетради* (из-за тетрадей).

Часто в речи грамотной части местного населения встречаются конструкции с предлогом *о(об)* при указании на количество как характерный признак предмета: *Змей-Горыныча по-*

казывали, он об шести головах. Маленький флигерёчек об двух комнатах.

Стилистически сниженный, просторечный характер в обиходно-бытовой местной речи носит употребление предлога *через (чрез)* в причинном значении: *Через директора и пришлось уйти (с работы). Через чего это вы не поладили?*

Среди фактов отклонений от литературной нормы синтаксиса предложного управления заслуживает внимания конструкция с предлогом *по* и винительным падежом для выражения цели действия. Степень их распространенности обусловлена влиянием территориальных диалектов.

На южновеликорусской территории эта конструкция в современной речи почти не встречается. Говорят: *Ходили за грибами, за ягодой. Поехали за дровами. За водой ушла*; редко: *Пошла по воду. Сходи за председателем.*

На северновеликорусской территории, где в диалектных системах свободно сочетается *по* с разными существительными (неодушевленными и одушевленными), в речи современных говороносителей, подвергшейся влиянию литературного языка, конструкции с *по* оказываются лексически ограниченными, они известны только в сочетаниях с неодушевленными существительными определенного разряда: *Когда я раньше была девчонкой, мы часто с мамой ходили в лес по ягоды, по грибы. А цветы кто принес? Я спрашиваю: по цветы кто ходил?*

Сочетания *по* с одушевленными предметами (типа *сходить по председателя*) воспринимаются местными носителями литературного языка (гр. Л) как ярко диалектные, их избегают даже в обиходно-бытовых видах общения.

В севернорусских и некоторых среднерусских говорах отмечались архаические конструкции с предлогом *для*, которые выражали широкое значение мотивации действия, в которой объединены цель и причина. Значение предлога *для* сближалось здесь со значением предлога *насчет: он пошел для овса, ржи = он пошел насчет овса, ржи.* В настоящее время указанные конструкции с предлогом *для* утрачены, вместо него стали употребляться предлоги *за, по: он поехал за овсом, за рожью* или *он поехал по овес, по рожь.*

Устной форме русской речи свойственно широкое использование разнообразных частиц. Во всех территориальных разновидностях русского языка преобладают общерусские частицы, известные в литературном языке, в том числе *-то, -либо, ли, что ли, же, -ка, ведь, так, да, вот* и др. В диалектах употребляются и специфически местные по форме и функциям частицы, в частности постпозитивная частица *-то* может выступать в вариантах *-та, -от, -ту, -те, -ти*; диалектная *дак, дык, дък* соответствует частице *так*, обычной в литературном языке.

В литературной или близкой к литературной разновидности (типа Л, отчасти С) современной местной речи диалектное влияние проявляется, во-первых, в широте, в частоте употребления тех частиц, которые в одинаковой мере свойственны литературному языку и диалекту-основе (влияние косвенное); во-вторых, в использовании специфически диалектных по форме и по функции частиц (прямое диалектное влияние).

Характером употребления частиц, их литературно-диалектных вариантов в значительной мере определяются социально-языковые и функционально-стилистические разновидности местной речи. Например, в речи грамотных северноруссов значительно чаще и последовательнее, чем в южнорусских говорах и литературном языке, слышится выделительная частица *-то*.

Она употребляется с любой значимой частью речи:

— С именем существительным: *Хромает ведь у тебя грамматика-то совершенно. Щас людей-то мало будет. Но здесь она выиграет в зарплате-то. Редька-то желтоватая.*

— С именем прилагательным: *Мало здоровых-то было ребят. Я не смогла ходить в резиновых-то сапогах.*

— С именем числительным: *Второй-то кто с вами был? Как я тут один-то справлюсь.*

— С местоимением: *А мы-то думали, что вы на юге. А вы сами-то температуру чувствуете? Мне-то и нечего рассказать.*

— С глаголом: *Я вот о чем хотел спросить-то. Вы откуда звоните-то? Он пишет-то один.*

— С наречием: *А сейчас-то здесь стоит молодой парень, ждет. Тебя весной-то не призывали? У нас около Перми в основном-то угоры-то есть, а гор-то мало совсем.*

Поскольку частица *-то* не противоречит литературной норме, то она воспринимается носителями говора как факт, закономерный для правильной речи. Отсюда ее употребление во всех типах и видах речи. На частностях внимание не фиксируется даже при многократном повторении ее в составе одного предложения (ср. последний пример).

Наряду с этой «нейтральной» формой частицы (*-то*) в речи носителей севернорусских говоров, включая и представителей социально-языковой подгруппы Л, менее часто и последовательно, но все же широко, встречаются диалектные ее варианты *-та, -от, -те, -ти, -ту*, которые в речи грамотной части представляют остаток не до конца развившегося в диалектах изменения постпозитивной частицы (артикля) по родам, числам и падежам.

Диалектные виды, как правило, непоследовательно отмечаются в речи типа С наряду с неизменяемой частицей *-то*: *Мадец-от пришел, а ее все нету-ти. И привязался к брату-ту и привязался. Мала уж стала изба-та.* В речи типа Л такие виды встречаются значительно реже: *Нашел ножик-от я ведь. Акт-от подписал и не глянул туда. Каку-ту муху исследовал значить. Ну, а как проникли в будку-ту? Я вам нашла работу-ту.*

Во всех этих примерах, зафиксированных в речи грамотных северян, исследователи усматривают не столько выдержанную систему согласования частицы с предшествующим словом, сколько тенденцию к звуковому уподоблению гласного частицы конечному гласному предшествующего слога. Об этом, в частности, свидетельствуют примеры типа: *Почему мы должны скот-то задерживать на приемном пункте-те?* Частица *-те* в старой диалектной системе закономерно употреблялась при существительных множественного числа.

Из собственно диалектных частиц устойчивой в речи грамотных северян оказывается частица *дак* (и ее варианты *дык, дък*) с общим усилительно-выделительным значением.

Выделяются несколько частных значений в употреблении частицы *дак*, в т. ч. следующие:

— вывод, заключение по отношению к ранее сказанному: *Дак он, видно, спохватился, вспомнил. Дык Валя все и возьмет потом;*

Вместе с широтой распространения слова большое значение имеет также его активность, частота употребления. Чаще употребляемые слова держатся дольше, например, *закута* (помещение для скота), *рогач, чапельник, надысь* устойчивее, чем *кизикать* (щекотать), *рели* (качели), *вага* (приспособление для подъема тяжести).

Слова-одиночки, не имеющие родственных, исчезают быстрее, чем те, которые входят в гнездо родственных слов. Например, устойчивы *баской* (красивый, хороший), *цыплятуха* (курица с цыплятами), *мост* (пол в сенях), *мостить* (настилать пол) в вологодских говорах в отличие от слов *ондрец* (укладка снопов), *шоломень* (гумно), *бридко* (противно) в тех же говорах.

Задерживаются в говоре и слова эмоционально окрашенные: *окаемный* (ленивый), *ласунька* (лакомка), *вагальный* (взбалмошный), *бастрыга* (хулиган), *гомозун* (непоседа) и др.

Новые общенародные и литературные слова при вхождении в говор, как правило, осваиваются широко в речи типа Л, отчасти в речи С и лишь отдельные из них проникают в речь типа Д. При этом некоторая часть новых слов может активно использоваться лишь в речи передовой части сельского населения, основная же масса носителей говора может их знать, понимать (например, *ухват, плита* — в южнорусских, *подметать, одежда* — в севернорусских), но в повседневной речи использует диалектные названия (*рогач, грубка* или *пахать, лопоть, лопотина*).

Следовательно, у основной массы носителей говора некоторая часть новой общенародной лексики известное время может находиться в пассивном запасе, откуда постепенно проникает в активное употребление более широкими слоями местного населения, в частности, типа С.

Степень употребительности этой части литературных слов зависит от ряда внутриязыковых и экстралингвистических конкретных условий. В первую очередь замена диалектных слов общенародными (литературными) происходит в области широко употребительной и общественно значимой лексики. Например, местные формы приветствий типа *здорово живете* заменяются общелитературным *здравствуй(те)*.

Севернорусское слово *орать* в составе актуальной производственной лексики заменяется общенародным *пахать*, *жито* в разных значениях — литературным эквивалентом *рожь, ячмень* или *хлебное зерно*.

Наиболее консервативной оказывается лексика, относящаяся к узким сферам бытования. Например, устойчиво сохраняются в говорах старые названия домашней утвари — *рогач* — 'ухват', *чапельник* — 'сковородник', *черепня, глек, махотка, мастюшка* — 'разные виды глиняной посуды для молока'; вещей постоянного домашнего обихода — *запон* — *'фартук'*, *зыбка* — *'люлька'*, *утирка* — *'полотенце'*, *пральник* — *'валек'*, *полица* — *'полка'*, *судовка* — *'лавка для посуды'*, *лопоть, лопатина* — *'одежда'*, *мост* — *'сени'*, *чулан, голбец* — *'подпол'*, *подловка или подволока* — *'чердак'*; обиходные слова отвлеченного значения — *студено* — *'холодно'*, *стыдь, сивер* — *'холод'*, *лони, лонись, летось* — *'прошлый год'*, *порато, горазно или горазно, дюже* — *'очень'*, *ономедни* — *'недавно'*, *оболокаться* — *'одеваться'*, *кричать* — *'плакать'* и др.

Для современного состояния местных разновидностей русского языка характерно, что в каждом говоре в целом и в речи отдельных его носителей наблюдается сосуществование равнозначных диалектных и литературных слов, которые одинаково могут употребляться в местной речи. При этом использование того или другого из вариантов, как правило, не безразлично: оно обусловлено речевой ситуацией, сферой использования языка. Так, литературный вариант носитель говора использует преимущественно в публичных выступлениях, при общении с носителями литературного языка, в официальных видах речи, диалектный же употребляет в беседах с представителями старшего поколения, в бытовом непринужденном и бесконтрольном общении.

Параллельно в речи одного и того же лица и в сходной речевой ситуации одинаковые по значению литературные и диалектные слова могут использоваться как стилистические синонимы. При этом слово литературное, новое оценивается (и воспринимается) как стилистически высокое, книжное, а диалектный его вариант — как стилистически сниженное.

Отдельные строго литературные и особенно диалектные слова могут употребляться в шуточном, ироническом смысле, например, шофер обращается к старухе: «Лезь, бабка, ко мне в кабину, тут у меня *грубка* топится...» или «Товарищи *женщины*, пожалуйста, помогите нам... Я так вежливо своих *баб* величаю», — говорит колхозный бригадир; «У нас слово *кочет* известно, но употребляется оно так, для смеха».

Одной из замечательных особенностей в развитии словарного состава современных территориальных говоров является процесс семантической дифференциации слов, первоначально принадлежащих разным языковым системам и имевших соотносительно одинаковые значения. Наличие их как дублетов в современном говоре представляется излишним с точки зрения единой языковой системы. Отсюда общая тенденция к устранению дублетов, но при этом сохраняются местные, диалектные и принимаются новые, литературные слова, что, естественно, ведет к расширению и обогащению словарного состава говора.

Процесс семантической дифференциации, как показывают исследования, был свойствен и старым диалектам, но чрезвычайно активизировался он в наше время, в связи с большим притоком в говоры слов из литературного языка, отчасти из просторечия и соседних говоров.

Например, в местах, где цыплят всегда называли курчатами, с появлением литературного слова стали делать такие различия: *цыплята* — это 'маленькие неоперившиеся птенцы', а *курчата* — 'подросший, оперившийся молодняк'. Там, где употребляли только диалектизм *стежка*, с появлением литературного варианта *тропинка* стали дифференцировать их значения: *стежка* — 'узкая дорожка', а *тропка* — 'широкая дорожка'.

В говоре, где было известно старое совпадающее с литературным слово *петух*, заимствованное из соседнего диалекта слово *кочет* получило суженное значение 'молодой петух', а в том диалекте, где раньше знали лишь слово *кочет*, литературное название породило такое разграничение: *кочет* — это 'простой домашний петух', а *петух* — 'самец крупный, породистый', «фермовский», т. е. 'колхозный'.

Первым условием для дифференциации служит наличие возможных разграничений в самой реалии, выделение таких признаков, которые дают основание рассматривать дублеты в качестве смысловых вариантов. Это связано с естественными, так сказать, объективными особенностями данной вещи или явления.

Различение в значениях или в оттенках значений проводится по следующим дифференциальным признакам:

— по размеру — *комары* — 'маленькие' / *муравьи* — 'крупные', *стежка* — 'узкая' / *тропка* — 'широкая дорожка';

— по форме — *запон* — 'без нагрудника' / *фартук* — 'с нагрудником'; *чапля* — 'сковородник с длинной деревянной ручкой' / *сковородник* — 'с короткой железной ручкой';

— по цвету — *белка* — 'белая' (зимой) /*векша* — 'рыжая' (летом); *сирень* — 'светло-серая, голубая' / *синель* — 'темно-синяя';

— по материалу, из которого приготовлена вещь, — *корец* — 'деревянный' / *ковш* — 'железный', *взвар* — 'из сухофруктов' / *компот* — 'из свежих ягод';

— по качеству — *кочет* — 'простой петух' / *петух* — 'породистый'; *говорить* — 'в общем значении' / *баять* — 'болтать, говорить пустое'; *изба* — 'обычный крестьянский дом' / *дом* — 'лучшее строение городского типа';

— по источнику (субъекту), производящему действие, — *брухает* только бык, а корова — *пыряет*; *бают* старые люди, а молодежь *говорит*; *орали* сохами, плугами *пашут*;

— по назначению — *запон* — 'рабочий фартук' / *фартук* — 'праздничный'; *квашня* — 'домашняя посуда для теста' / *дежа* — 'используется в пекарне';

— по некоторым другим признакам — *сосед* — 'человек, живущий рядом', а *шабер* — 'живущий напротив'; песни *играют*, *поют* только молитвы и т. д.

Частные, специализированные значения могут получать как старые, уходящие, диалектные слова, так и новые заимствованные из литературного языка или из других говоров. В севернорусском наречии *пахать* употребляется в общем значении 'взрыхлять землю', а диалектизм *орать* означает по современным говорам а) 'поднимать пары', б) 'обрабатывать землю перед севом', в) 'обрабатывать землю в последний раз', г) 'корчевать пни' и др.

Здесь суженное значение получает выходящее из употребления диалектное слово *орать*. Наоборот, диалектное слово *потолок* — 'чердак' известно говору в общем значении 'помещение между потолком и крышей', тогда как слово *чердак* в том же говоре имеет суженное значение — 'помещение над потолком в школьном здании'.

Чаще специализированное значение получают оба встретившихся в говоре слова, например, *цыплята* и *курчата*, *ковш* и *корец*, *стежка* и *тропка*, *брухать* и *пырять* и т. п.

Нередки случаи переосмысления значений слова путем сопоставления (и этимологического сближения) его с родствен-

ными словами, а также осмысления «внутренней формы» слова. Сравните, например, объяснения семантики таких названий, как *белка* — 'белая' (зимой), а *векша* — 'рыжая' (летом); *квочка* — 'курица, которая квокчет, собираясь садиться на яйца', *наседка* — 'выводит цыплят, сидит в гнезде', *клушка* — 'водит цыплят'; *назём* — 'нижний слой навоза, лежащий на земле' и т. д.

Тенденция к семантической дифференциации первоначально равнозначных слов порождает разграничения в значении и таких соотносительных диалектных и литературных вариантов, которые различаются только фонологически или словообразовательно. Так, в говорах зарегистрированы семантические различия в вариантах: *крынка* — 'большой глиняный горшок', *кринка* — 'маленький'; *мураши* — 'крупные лесные муравьи', *муравьи* — 'мелкие, в селении'; *петух* — 'общее название самца курицы', *пеюн* — 'голосистый, веселый, преимущественно молодой петух'; *норя* или *сурчина* — 'широкая и глубокая нора', *норь* — 'узкая нора, делает ее паук или суслик'.

Можно встретиться с фактами более строгой смысловой дифференциации словообразовательных вариантов. Так, в южнорусских говорах *кобылой* называют рабочую лошадь, а *кобылицей* — 'строевую, предназначенную для верховой езды'; *телок* — 'летошник, по второму году', а *теленок* — 'сосунок, по первому году', *тропка* — 'широкая большая дорожка', *тропинка* — 'узкая'.

Диалектные слова, которые вытеснены из обихода словами общенародными, иногда удерживаются в одной из своих форм, обычно экспрессивно окрашенной. Например, в ряде севернорусских говоров утрачено основное значение глагола *баять* — '*говорить*', не употребляются ранее известные и временные его формы (*бает, баял*) и производные образования (*баяние, байка* — '*говор, речь*', *бахорь* — '*говорун*', *бахарка* и др.). Но в речи старших обычна форма повелительного наклонения с отрицательной частицей *не-*, например, не бай, т. е. 'не говори попусту, не болтай!'. В современных южнорусских говорах вышли из активного употребления диалектизмы *дурить* — '*шалить, озорничать*', *дурасливый* — '*шаловливый*' и производные от них, но при запрещении шалости нередко можно услышать окрик: «*не дури!*», т. е. 'не шали, не озорничай'.

Диалектные слова могут удерживаться только в определенных словосочетаниях. Например, *прытко* в значении '*очень*' в некоторых говорах употребляется только в сочетании «прытко закричал(а)», но нельзя сказать «прытко болит»; *больно* в том же значении обычно известно в выражениях *больно зря, больно хотелось*, но не говорят *больно сильный, больно большой* и т. п.

Некоторые диалектизмы сохраняются в устойчивых фразеологических оборотах. Например, слово *тенёта* в ряде говоров отмечено в выражении «в тенёта попался», что означает '*запутался*'; слово *слетьё* зафиксировано в сочетании «слетья нет» в значении 'счастья нет' или 'дело не клеится'.

Диалектное слово наряду с прямым значением может иметь и переносное, метафорическое, например, слово *тенёта* отмечено в севернорусских говорах в значении 'что-то запутанное' или '*сплетни*', в других же северновеликорусских говорах оно называет большого, худого человека.

Диалектизм *шабёр* в ряде говоров означает не только '*сосед*', '*товарищ*', но и «толстый, ленивый человек, увалень»; слово *шабер* известно как ругательное в значении '*шкурник*', '*нечестный человек*'.

В отдельных случаях диалектное слово получает переогласовку по образцу близких по форме литературных слов и в силу этого начинает восприниматься носителями говора как слово, соответствующее общерусской норме. Так, в последние годы широкое распространение получила в южнорусских говорах форма *надась* как новый вариант диалектного наречия *нады, надысь*.

Возникла она, видимо, по аналогии с известным соотношением диалектных форм *куды, туды* и литературных *куда, туда*.

Среди наличных языковых средств, в том числе двух и более слов, одинаковых по значению, говороносители различают местные, диалектные, которые квалифицируются как старые для говора, и литературные новые, заимствованные говорами сравнительно недавно. На этот счет исследователи говоров получают от информантов такие прямые указания: «*Чки, чка* — старое, *лед идет* — новое», «*Ухват* — новое слово, *рогач* — так говорили раньше, в старину», «*Ковш* — так называли раньше, теперь *корец*», «*Зыбка* — старое, *колыбель* — современное», «По-старому больше *потолок*, а сейчас — культурно *чердак*», «*Изба* — старое слово, *дом* — новое», «*Чапельник* —

старое название, оно почти забыто, теперь называют *сковородник*», «*Амбар* — помещение для хранения зерна в колхозе; раньше, до революции были общественные *житницы, магазеи*».

Дифференциация «старое — новое» при оценке слов обычно увязывается с разграничением их по типам речи, свойственным разным социально-возрастным группам носителей говора. Ср.: «Кто *подъем*, а кто *ухват* называет», «*Подволока* в речи старых, у лиц среднего возраста — *подловка*», «*Зыбка* в говоре страшего поколения, *люлька* — у грамотных и молодежи», «*Махотка* — старое название, так говорят старики», «Большинство употребляет *ухват*, только старики — *отъём*», «*Запон* — у старого поколения, у молодого — *фартук*», «*Петух* — в речи молодого поколения, *кочет* — в речи старого», «*Льдины* и *икры*. Сейчас слово *икры* почти не употребляется, молодежь его не знает». «*Баять* говорят только старые». «Народ искультурился, *разговаривать* стал, раньше — *баял*», «*Разговаривать* употребляет молодое поколение, *калякать* — старые люди».

Типичность того или иного слова для определенного социально-языкового вида местной речи, его функционально-стилистическая окраска не исключают характеристики как диалектных, так и литературных слов по степени их распространенности в системе говора в целом, частотности их использования в местной речи. Как правило, это отмечается самими говороносителями: «*Запон* — раньше, теперь это название мало употребляют, чаще называют *фартук*». «*Чапельник* — старое название, оно почти забыто». «*Навоз* — чаще, *назем* —реже». «*Кочет* — более частое название, *петух* встречается редко». «*Петух* — чаще, *кочет* — реже».

Разграничение слов в исторической перспективе на старое— новое и определение их как диалектных (местных) или литературных (общенародных) содержит и соответствующую стилистическую оценку, что фиксируется в показаниях самих говороносителей: *ковш, ковшик* — «благородные слова», *корец* — «грубое». «*Изба* — всегда, *хата* — новое, более культурное», «*Тропка* (наряду с диалектизмом *стежка*) известно как культурное слово». «*Дом, колидор, крылец* — это все городские слова, интеллигентские. Мы по-простому называем *курень, чулан, порожки*», «*Объягнилась* (овца) — литературное слово, говорят его специалисты».

Слова, отнесенные к категории устаревших, говороносители нередко связывали со старыми бытовыми или производственными отношениями, литературные — с новыми: «*Орали* сохами, а плугами *пашут*». «Хлевы бывают в индивидуальных хозяйствах, в колхозе — *сараи, фермы, базы*». «*Карпетки* сами вязли (вязали), а *носки* магазинные, их на машинах производят».

Участник диалектологической экспедиции — студент — спросил старуху, какое приветствие она употребляет при встрече. Она ответила: «Здравствуйте и все». А когда он попытался уточнить, говорит ли старуха «Здорово живете»?, та обиделась: «Вы за кого ж нас считаете? Мы ж живем не при царском строе. Эт тогда так говорили...»

При исходном стилистическом разграничении слова, заимствованные из других диалектов и проникшие в говор через литературный язык, просторечие или непосредственно из соседних говоров, ставятся обычно в один ряд с литературными и оцениваются как стилистически высокие. К таким, например, в южнорусских говорах относят слова *каймак* (старое местное название *сметана*), *полова, половня* (местные названия соответственно *мякина, клуня*), *намедни* (местн. *недавно, надысь*), *зембель* — 'корзина'.

В севернорусских по своей основе говорах слово *хата* оценивается как чужое, заносное: «*Изба. Хата* — это слово привезенное, у нас так не гуторят».

Обследователи современных говоров нередко сталкиваются с фактами, когда слово по его происхождению и месту в лексической системе говора определяется говороносителями неверно, неточно, ошибочно: генетически диалектное слово может приниматься за литературное и, наоборот, литературное и сравнительно недавно пришедшее в говор слово может оцениваться как свое, местное. Рассмотрим примеры такого рода ошибочных свидетельств носителей говоров: «*Гребать* — это новое слово, литературное, а *брезгать* — старое». «Раньше говорили *брезговать*, а теперь *гребовать*». «*Льдины* — старое название, новое — *икры*». «*Ковш* — раньше так называли, теперь — *корец*». Такое смешение является следствием достаточно прочного усвоения и активного использования в повседневной речи как диалектного, так и литературного вариантов.

В современных говорах еще отмечается бытование литературных слов в их несколько измененной форме, например,

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

И. А. ОССОВЕЦКИЙ

Лексика современных русских народных говоров

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва, 1982

в словаре не слово целиком так, как оно реально функционирует в живой речи, а лишь его фрагменты, что может ввести в заблуждение читателя словаря. Например, слово *головá* в говоре д. Деулино имеет три значения: '1. Голова, 2. Шляпка гриба, 3. Верхний накрывающий сноп в малой укладке снопов'. Первое значение совпадает со значением соответствующего слова литературного языка, второе и третье не совпадают, но поскольку в целом диалектное слово имеет дифференциальный признак, то оно и помещено в словаре полностью, т.е. со всеми тремя своими значениями. Точно так же, если дифференциальный признак слова реализуется только в его фразеологически связанных значениях, в словаре сначала помещается прямое значение слова, хотя бы и совпадающее со значением литературного слова, а потом фразеологически связанные. См., например, словарные статьи *гóлова, глаз, рукá* и многие другие в Словаре говора д. Деулино.

Каждая лексема представляет собой очень сложное единство многообразных структурно-семантических компонентов, которые полностью выявляются лишь в широком контексте, дифференциальные признаки у каждого данного слова могут реализоваться в любом из его аспектов. Лексема – это семантический инвариант, система смыслов, семантическое содержание этого инварианта интегрируется из семантики вариантов. Если в диалектном семантическом варианте хотя бы одно семантическое составляющее отличается чем-то от соответствующего сопоставляемого инварианта литературного языка, то вся диалектная лексема в целом приобретает идиоматическую семантику, т.е. дифференциальный признак. Кроме того, необходимо принимать во внимание и специфику плана выражения, в котором реализуется идиоматическое содержание варианта. Из такой общей теоретической установки вытекало, что если, например, диалектное слово отличалось от слова литературного языка только одним из значений или даже оттенком значения, то такое диалектное слово считалось имеющим необходимый дифференциальный признак и поэтому помещалось в словарь со всеми своими значениями и оттенками значений, как совпадающими со значениями соответствующих слов литературного языка, так и не совпадающими.

Таково понимание и практическое применение дифференциального принципа в практике всей работы по собиранию материала говора д. Деулино и по его лексикографической интерпретации. Как видим, в настоящей работе интерпретация дифференциальных признаков диалектного лексического материала тесно связана с пониманием понятия лексемы. Можно себе представить и другое понимание лексемы, тогда концепция дифференциальности может быть интерпретирована по-иному.

Необходимо также подчеркнуть, что словник Словаря говора д. Деулино конструировался как дифференциальный (в указанном выше смысле) по отношению к лексике письменной разновидности литературного языка, которая представлена в толковых словарях литературного языка, а не к лексике его устной разговорной формы, от которой лексика говора д. Деулино отличается в несколько меньшей степени.

Такая подробная характеристика Словаря говора д. Деулино и процесса его создания объясняется тем, что, как уже упоминалось, его материал послужил основой для настоящей работы.

При конструировании словника диалектного словаря необходимо принципиально решить вопрос о закономерности включения в него лексики фольклора. Дело в том, что язык фольклора, в том числе и его лексика, представляет собой особую художественную систему, которая строится и на материале отдельных говоров, и на особых языковых фактах, сформированных внутри этой системы и функционирующих как поэтическое средство. Весь материал, и в частности лексический, организован в соответствии с теми задачами эстетического воздействия на слушателя, которые ставит перед собой всякое художественное произведение. Эстетическая функция речевых средств произведений фольклора не может не наложить специфического отпечатка на их фольклорный языковый материал, в том числе и на его лексику.

Вопрос об использовании лексики фольклора в качестве материала для диалектного словаря неоднократно дискутировался, разные авторы высказывали разные точки зрения по этому вопросу. Одни исследователи считали, что лексику фольклора нужно включать в диалектный словарь, потому что в фольклоре сохранилось много архаизмов, вышедших из употребления в разговорной речи[34]. Эти авторы оставляли в стороне проблему специфики семантики лексики фольклора как компонента художественного произведения и интерпретировали эту лексику одинаково и наравне с лексикой, извлеченной из нехудожественных текстов. Другие исследователи, не вскрывая специфики лексики фольклора, тем не менее высказывались против ее включения в диалектные словари, справедливо полагая, что изучение лексики фольклора – это особая задача, отличная от задачи изучения диалектной лексики как таковой[35].

Проблема включения фольклорного слова в диалектный словарь не может иметь однозначного решения. Тот или иной аспект этой проблемы зависит прежде всего от того, составляется ли диалектный словарь одного говора, т.е. моносистемы, или же словарь многих говоров, т.е. полисистемы. Усилиями многих исследователей, занимавшихся изучением языка фольклора, прочно установлено, что язык какого-либо произведения фольклора, записанного в какой-либо местности, несводим к говору этой местности, он имеет наддиалектный характер[36], потому что включает в себя многие лексические факты, ареал которых далеко выходит за территориальные границы данного говора. Произведения фольклора широко мигрируют, в значительной степени сохраняя то языковое оформление образов, которое сложилось у них в период их создания.

Фольклорные произведения одного и того же жанра и на один и тот же сюжет (например, былина, песня, сказка и др.) бытуют среди носителей разных говоров, но они имеют много общего в композиции, в системе

[34] *Филин Ф.П.* Об областном словаре русского языка. – Лексикографический сборник, вып. II. М., 1957, с. 25; *Сороколетов Ф.П.* Произведения фольклора и диалектные словари. – Диалектная лексика. 1973. Л., 1974; *Он же.* Народные песни как источник диалектных словарей. – Диалектная лексика. 1974. Л., 1976. Ср. также *Порохова О.Г.* О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах. 1. Варьирование. – Диалектная лексика. 1969. Л., 1971; *Она же.* Лексика с неполногласием и полногласием в былинах. – Диалектная лексика. 1973. Л., 1974.

[35] *Орлова В.Г., Сологуб А.И.* Указ. соч., с. 25.

[36] См., например, *Десницкая А.В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

образов, в художественных приемах, типичных для данного жанра. Поскольку все эти компоненты художественного произведения реализуются в языке, а сами компоненты для многих произведений одного и того же жанра одни и те же, то вполне понятно, что в языке фольклора очень много таких языковых фактов, которые являются междиалектными, представляют собой междиалектное образование, включающее в себя элементы, свойственные многим говорам. К числу этих элементов относится и лексика. Поэтому произведение фольклора, записанное в какой-либо местности, может включать в себя (и включает) не только лексику, бытующую в этой местности, но и лексику той местности, где данное произведение создавалось или по меньшей мере длительно бытовало.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в словарь одного говора не следует включать лексику фольклора, так как в таком словаре будет представлена лексика, неадекватная единой лексической системе данного говора.

По другим не менее важным причинам лексику фольклора не следует включать и в словари многих говоров. Ведь в подавляющем большинстве жанров фольклора отражается не конкретная бытовая действительность, а ее или идеализированный аспект (лирические песни и даже частушки), или же та действительность, которая почти незнакома исполнителю. Ср. хотя бы лексику былин, отражающую реалии княжеского и боярского быта, соответствующую обстановку, социальные отношения, военную терминологию и т.п. Даже пейзаж и природные реалии (*чисто поле, дуб крякович-стый* и др.) незнакомы основным исполнителям былин – северным крестьянам. Многие названия таких реалий употребляются приблизительно, неточно, значения многих из них и вовсе неизвестны сказителям, употребляющим их по традиции ("так поется")[37]. Лексика былин весьма далека от лексики конкретных онежских, архангельских и поморских говоров, где записан основной корпус былинных текстов.

Аналогичные факты можно наблюдать и в языке лирических песен с их сложной символикой и идеализацией крестьянского быта, украшенного деталями, не всегда известными исполнителю, в связи с чем в тексте упоминаются реалии, не характерные для этого быта и потому не имеющие для своего обозначения соответствующих слов в разговорной форме диалекта.

Лексика прозаических жанров фольклора ближе к лексике разговорной формы диалекта, но и она выходит далеко за пределы номинаций реалий крестьянского быта. Ср., например, лексику фантастических сказок с их традиционно-условными персонажами, действующими в традиционно-условной обстановке, осложненной древними ритуальными представлениями.

Вообще же номинация реалий в фольклоре образует значительный лексический фонд, весьма далекий от фонда обычной для всякого говора разговорно-бытовой лексики.

Необходимо также помнить, что язык фольклора, представляющий собой художественную трансформацию народных говоров, ограничен

[37] Ср., например, замечания А.Ф.Гильфердинга, проводимые ко многим словам в текстах записанных им былин.

в своем распространении рамками жанра фольклора или даже отдельных произведений, потому что многие компоненты этого языка не встречаются за пределами тех или иных произведений фольклора в обычной бытовой разговорной речи. Например, лексика того или иного произведения фольклора во многих случаях является характерной только для данного произведения или для жанра, к которому это произведение относится, но не для всего говора в целом.

В произведениях фольклора, кроме номинаций всех указанных выше реалий, обычны и такие лексические единицы, которые сформировались в самом языке фольклора как замкнутой системе и нигде за пределами этой системы не встречаются. Сюда, например, относятся и многочисленные окказиональные слова, которые свободно создаются в фольклорных текстах[38]. Провести нормативную границу между такими окказиональными словами и словами узуальными очень трудно, если не невозможно, так как это сопряжено с неизбежным субъективизмом.

В фольклорных текстах не только окказиональные, но и узуальные слова часто приобретают диффузно-образную семантику, осложненную фольклорной символикой и реликтовыми ритуальными представлениями, создающими как бы второй семантический план. Семантическая структура таких слов выходит за нормативные границы соответствующего диалектного слова, такое слово невозможно адекватно представить в диалектном словаре без существенных семантико-стилистических потерь. Такие слова, реализуя в фольклорном тексте одно какое-либо свое значение в определенном стилистическом аспекте, вместе с тем в какой-то степени сохраняют и свои другие значения в других стилистических аспектах, и поэтому в фольклорных текстах многие слова, помимо основного своего значения, реализованного в данном тексте, имеют также значительный семантический "подтекст", обусловленный другими значениями этого же слова. Таковы, например, слова, обозначающие цвет, которые в фольклорном тексте часто приобретают обобщенно оценочный характер и потому в данном тексте свободно замещают друг друга или же вступают между собой в синтагматические отношения, алогичные с точки зрения нехудожественного языка. В таком тексте возникают синонимы, корреспондирующие друг с другом не на денотативном, а на коннотативном уровне. "Фольклорное слово, образно говоря, полифонично, неоднозначно в пределах одного контекста, – пишет А.Т.Хроленко. – Многозначность – принципиальное свойство большинства слов литературного языка, но многозначность литературного слова проявляется лишь в словаре, на уровне парадигматики, в контексте же, если не принимать во внимание случаи

[38] *Зайцева Н.К.* Соотношение языковых особенностей народно-песенной обиходной речи диалектов (на материале русских народных песен и говоров Воронежской области). Автореф. канд. дис. Воронеж, 1965, с. 24–25; *Она же.* К вопросу о песенных "новообразованиях". – Материалы по русско-славянскому языкознанию, III. Воронеж, 1967, с. 119–120; *Хроленко А.Т.* Система сложных слов в русской былине. – Труды Курского гос. пед. ин-та. Очерки по стилистике русского языка, вып. 2; *Он же.* Структурный аспект фольклорного слова. – Лексика русской народной поэзии. Курск, 1976; ср. приводимые А.Т.Хроленко многочисленные примеры из былин и лирических песен типа *кровопийчище, кость сухо-плова, топоры дровосрубные, измен-сокол, молитва попа-Исусова, раскачу-жемчуг, кукушица сыроборна, свеча восконрова* и мн. др.

непреднамеренной или нарочитой двусмысленности, актуализируется одно и только одно значение. Фольклорному же слову присуща семантическая неодноплановость, многозначность на уровне синтагматики. В зависимости от контекста одновременно актуализируется несколько значений: номинативное, метафорическое, символическое, родо-видовое и оценочное"[39]. Таким образом, если слово интерпретировать как семантико-стилистический вариант, то можно констатировать, что в фольклорном тексте реализуется бо́льшее количество его семантических аспектов, чем в разговорно-бытовой диалектной речи.

Семантика лексики фольклора, привлекаемая к диалектному словарю, может быть осложнена также и тем обстоятельством, что она часто бывает извлечена из поэтической фразеологии, где эта лексика имеет фразеологически связанные значения, актуализирующиеся на уровне художественного языка. Поэтическая фразеология очень широко представлена в фольклоре как в стихотворном, так и прозаическом в силу традиционности плана выражения; лексика, конструирующая эту фразеологию, семантически далека от лексики в разговорно-бытовой функции, с этой лексикой она может совпадать лишь комплексом фонем и кажущейся соотносимостью номинативного значения.

Интерпретация диалектного слова как объекта лексикографии должна включать в себя также и учет частотности употребительности тех или иных диалектных слов в разговорно-бытовой речи и в фольклоре. Довольно значительную часть общего лексического фонда диалекта составляет лексика, единицы которой различаются между собой преимущественным употреблением их в этих языковых континуумах. Такое различие в частотности употребления формирует различие главным образом в стилистическом аспекте. Стилистическая маркированность выделяет из общей массы диалектных слов известный фонд лексики, осознаваемый как лексический фонд нейтрально-разговорного стиля, и придает ему уже приметы народно-поэтического стиля. Помещение таких стилистически маркированных слов в диалектном словаре хотя и обогащает его словник, однако создает не вполне адекватное реальной языковой действительности представление о стилистической соотнесенности определенных пластов диалектной лексики. Между тем семантическая структура слова не мыслится вне того или иного стилистического аспекта данного слова. О преимущественном распространении именно в фольклоре определенной лексики пишут многие исследователи, причем либо прямо указывают на народно-поэтическую стилистическую окраску этой лексики, либо приводят иллюстративный материал, почерпнутый в основном из языка фольклора[40].

В художественном произведении далеко не все его языковые факты, в том числе и лексика, непосредственно участвуют в реализации художе-

---

[39] *Хроленко А.Т.* Семантический аспект фольклорного слова. – Лексика русской народной поэзии. Курск, 1976, с. 54.

[40] См., например, следующие работы: *Андреева-Васина Н.И.* Вторичная приставка *при-* в русских народных говорах и в произведениях устного народного творчества. – Диалектная лексика. 1969. Л., 1971; *Павленко П.И.* Глаголы с приставкой *воз-* в русских народных говорах. – Там же; *Она же.* К вопросу об употреблении слов с приставкой *воз-* в русских народных говорах. – Вопросы изучения лексики русских народных говоров. – Диалектная лексика. 1971. Л., 1972; *Она же.* О словах с приставкой *воз-* в русских народных говорах. – Диалектная лексика. 1973.

ственного замысла, многие такие факты сами по себе не обнаруживают эстетического обогащения семантики, это становится более или менее различимым лишь в общем широком художественном контексте всего фольклорного произведения. Такой стилистически нейтральный слой лексики может включать в себя и такие единицы, которые представляют несомненный интерес для словаря. Однако провести четкую и объективно аргументированную границу внутри извлеченного из фольклора лексического материала между нейтральной лексикой диалектного языка и специфически фольклорной не представляется возможным. Использование же лексики фольклора с целью извлечения из нее тех или иных лексических фактов, полезных для диалектного словаря, не может компенсировать такого показа диалектной лексики в словаре, который неизбежно внесет в реальную картину лексической системы нежелательные стилистические аспекты, несвойственные основному языковому материалу диалектного словаря – материалу разговорно-бытовой речи.

Язык фольклора – это особая система, не совпадающая с системой разговорно-бытовой речи, включение лексики фольклора в диалектный словарь нарушает единство его языковой базы, потому обе эти системы во многих своих звеньях не накладываются друг на друга. Язык фольклора требует специального изучения, его данные и, в частности, лексика, не должны однозначно, без учета качественных различий, сопоставляться с данными бытовой разговорной речи. Для плодотворного изучения лексики фольклора необходимы специальные словари с учетом жанра, т.е. необходимо в первую очередь начать создание словарей былин, лирических песен и сказок*.

Л., 1974; *Она же.* К вопросу о взаимодействии литературного языка и диалектов (на материале слов с приставкой *воз-*). – Диалектная лексика. 1974. Л., 1976; *Кузнецова О.Д.* О словах с протезой *j* (на материалах южнорусских говоров). – Там же; *Она же.* Слова с протетическим *j* на Севере. – Там же; *Попова И.В.* Отсубстантивная бесприставочная лексика с суффиксом *-ье* (*-ие*) в фольклорных и диалектных источниках. – Там же.

* Автор выражает благодарность доктору филологических наук Ф.П.Сороколетову и старшему научному сотруднику К.П.Смолиной, прочитавшим книгу в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний по исправлению и уточнению ее текста.

ГЛАВА I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Проблематика изучения лексики отдельно взятого говора и проблематика изучения лексики литературного языка имеют большое и принципиальное сходство, потому что и говор, и литературный язык представляют собой генетически единые и аналогичным образом организованные моносистемы, в которых реализуется процесс развития одного и того же исконного для них лексического фонда. Тенденции развития в этих моносистемах тоже примерно одинаковы, хотя возможности их реализации различны, что и приводит к частичной неодинаковости конечных результатов.

В процессе развертывания и обогащения в литературном языке и в говорах исконного лексического фонда происходят многочисленные потери и приобретения, в результате которых и формируются частные лексические системы, каждая со своей спецификой. Большую роль в формировании лексических систем говоров играет территориальный фактор. В отдельных лексических системах имеются такие единицы, ареал которых иногда совпадает только с ареалом данного говора; за пределами этого говора данные лексемы неизвестны. Это могут быть как и новообразования, так и древние архаизмы, утраченные другими говорами. Однако в пределах каждого говора такая лексика и лексика общенародная одинаково нормативны[1] и одинаково стилистически маркированы. Разграничение этих типов лексики не "объективно существующий и очень важный факт"[2], а научная абстракция, применяемая для целей исследования.

Постулируя исконную общность лексического фонда говоров и литературного языка, необходимо вместе с тем учитывать и специфику лексикологической проблематики изучения каждой системы, определяемую спецификой изучаемого материала. Лексика русского литературного языка – это моносистема, вариативность которой, как уже указывалось, не сопровождается территориальной характеристикой, лексика же частной диалектной системы представляет собой звено диалектного языка, в пределах которого лексические единицы говора образуют варианты лексических единиц других говоров в пределах ареала данного диалектного слова.

Различия в исторических условиях развития и современного существования русского литературного языка и русских народных говоров определили специфические качества последних как коммуникативных систем; эти качества в очень большой степени обусловлены тем, что современные русские народные говоры существуют исключительно в бесписьменной форме. Отсутствие письменности из современных русских народных говорах, наряду с их подчиненным положением по отношению к литературному языку,

[1] *Филин Ф.П.* О составлении диалектологических словарей славянских языков. – Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 329.

[2] *Баранникова Л.И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967, с. 81.

представляется одним из важнейших условий бытования и развития их лексики.

Устная форма бытования накладывает особый отпечаток на язык даже и при наличии письменной его формы[3]; если же устная форма является единственной формой бытования языка, то такие условия его существования в очень большой степени формируют специфические черты данной языковой системы.

Разговорная устная форма литературного языка и говора не подвергались обстоятельному и всестороннему сопоставлению, однако, предварительные наблюдения позволяют сделать вывод, что эта форма функционирования общенародного языка и устно-диалектная форма имеют между собой большое сходство на разных языковых уровнях и прежде всего на уровне синтаксиса. "При сравнении синтаксических конструкций устно-разговорной разновидности (литературного языка. – *И.О.*) и диалекта, – пишет О.А. Лаптева, – можно установить наличие . . . инвариантной базы, общей литературному и диалектному устно-разговорному синтаксису . . . Такие основные факторы организации устного высказывания, как неподготовленный характер речи . . . и вытекающий отсюда ассоциативный характер следования его частей и слабая степень обязательности их синтаксически строгого оформления, эллиптичность речи, связанная с высокой степенью ее ситуативной обусловленности, линейно-временной характер формирования высказывания и др., – необходимо должны сближать синтаксис фразы в этих двух сферах"[4].

Непринужденность протекания разговорной литературной речи способствует активизации в ней определенных фонетических процессов, в частности своеобразного фонематического опрощения, характерного для быстрого и неподготовленного говорения[5]. Аналогичные факты широко распространены и в диалектной речи[6].

Устная форма представляет собой единственную и самодовлеющую форму реализации русской диалектной речи, ей не противостоит письменная форма, как в литературном языке, в свою очередь накладывающая известный отпечаток на его разговорную форму. Поэтому можно утверждать, что, несмотря на большое типологическое сходство, разговорная литературная речь и диалект не являются идентичными по своим основным структурным характеристикам. Каждый говор как бы сочетает в себе разговорную непринужденность и относительную кодифицированность высказывания, это

[3] В настоящее время уже наметился дифференцированный подход к изучению материала русского литературного языка в зависимости от того, извлечен ли он из письменной его формы или же устной. Ср., с одной стороны, такие работы, как: *Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М.* Опыт описания русского языка в его письменной форме (М., 1964), и, с другой стороны, ряд работ, посвященных устной разговорной форме русского литературного языка, например: *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи (М., 1960); сборник "Русская разговорная речь" (Саратов, 1970); монография "Русская разговорная речь" (М., 1973); *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. (М., 1976), а также ряд многочисленных статей на эту тему.

[4] *Лаптева О.А.* Указ. соч., с. 86.

[5] Русская разговорная речь, гл. II.

[6] Ср. такие примеры, как *бóзнът'* (<*бог знает), *хтó-н'ьт'* (<*кто-нибудь), *папл'úш'ш'а* (<*попелище), *прасýк* (<*поросук), *н'éркъм* (<нароком 'нечаянно'), *хъраштвó* (<хорошество) в говоре д. Деулино, *óнща* (<*он-то-си 'пусть, пускай') в говоре с. Веретье Рязанской обл. и мн. мн. др.

3. Зак. 1649

и определяет собой различия между разговорной формой литературного языка и говором. Например, наличие в диалекте относительно свободных от стилевой прикрепленности синонимических синтаксических средств препятствует процессу типизации отдельных приемов разговорного синтаксиса, и поэтому диалектная речь лишена многочисленных синтаксических стереотипов, чем характеризуется разговорная форма литературного языка[7].

Разговорная литературная речь различается с диалектной речью также и на лексическом уровне, в частности приемами номинации. Исчерпывающий сопоставительный анализ таких приемов в этих двух языковых сферах пока еще дело будущего, однако даже предварительное сопоставление интересного и содержательного материала главы "Номинация" в монографии о русской разговорной речи[8] с соответствующим материалом диалектной речи показывает, что в последней многие описанные в этой главе приемы номинации отсутствуют. Это, по-видимому, компенсируется другими, специфичными именно для диалектной речи приемами, которые еще не исследованы и не описаны.

Функционирование русского диалектного слова только в устной разговорной речи сказывается и на семантике. Семантика диалектного слова обладает своей спецификой, однако в число ее признаков не входит ее меньший объем по сравнению с соответствующим словом литературного языка. Письменная форма функционирования слова решающим образом влияет на конфигурацию его семантической структуры, но не на ее объем, поэтому трудно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что функционирование слова в письменной форме обогащает его семантику[9].

Устная форма бытования современных русских говоров представляет собой одно из важнейших условий сохранения в них комплекса диалектных различительных признаков как относительно исконных, так и инноваций. Эти различия на уровне лексики реализуются не только в неодинаковости фонда слов того или иного говора и литературного языка, образующих их лексические системы, но также в качественной и количественной неодинаковости фонда регулярных словоизменительных и словообразовательных моделей и моделей словосочетаний; среди всех этих моделей есть и много общих с литературным языком, как это наблюдается и в отношении многих отдельных слов (см. гл. II).

---

[7] *Лаптева О.А.* О некодифицированных сферах современного русского литературного языка. – ВЯ, 1966, № 2, с. 41–42; *Она же.* Литературная и диалектная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения. – ВЯ, 1969, № 1, с. 41.

[8] Русская разговорная речь. Глава V "Номинация", с. 403–463.

[9] Так думает, например, Т.С. Коготкова, ссылающаяся на свидетельство Г.Г. Мельниченко о том, что в ярославских говорах у слова *вода* отсутствует переносное значение 'многословие при бедности мысли, пустословие', которое есть у соответствующего слова литературного языка (*Коготкова Т.С.* О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. – Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, с. 298–299). Однако этот факт свидетельствует не об объеме семантики сопоставляемых слов, а лишь о том, что семантическая структура одного из них не совмещается полностью с семантической структурой другого, о чем свидетельствуют материалы других говоров. Ср., например, наличие у слова *вода* переносного и многих фразеологически связанных значений в архангельских говорах, отсутствующих в литературном языке (см. словарную статью *вода* в "Проекте Архангельского словаря". М., 1970, с. 166–174).

Поскольку материалом для настоящей работы служат данные разных словарей (словарей одного говора и словарей многих говоров), т.е. записи устной разговорной речи[10] в ее непосредственном оформлении, то ее объектом является исключительно слово устной речи, чем в значительной степени определяется специфический характер всего круга лексикологических вопросов, освещаемых в исследовании.

В письменной речи, независимо от того, является ли она синхронной письменной формой языка или же отражает язык прошлого, слово как лексическая единица имеет относительно четкие семантические границы, оно употреблено семантически более точно, чем в устной речи; каждое написанное слово представляет собой результат отбора, оно является как бы победителем конкурса синонимов, претендующих на наиболее адекватное выражение того, что хочет сказать автор. Каждый пишущий проводит первичную редакторскую обработку своего материала, хотя и не имеет в виду будущих лексикологов, для которых когда-нибудь написанное им превратится в языковой материал исследования. Исследователь, для которого материалом является письменная речь, может отобрать из всей массы материала именно такой, в котором слова употребляются в максимально точном соответствии со своим значением, т.е. он может выбирать наиболее совершенные образцы письменной речи[11], в том числе и художественной. Однако влияние языка художественной литературы на формирование литературного языка на разных этапах истории его развития было очень неодинаковым. Как общую закономерность можно отметить постепенное уменьшение этого влияния, потому что в формировании литературного языка все бóльшую и бóльшую роль начинает играть его бытование среди непрерывно расширяющегося круга его носителей. На современном этапе его развития литературный язык обрабатывается, шлифуется и обогащается главным образом не в художественной литературе, а в широкой речевой практике современных его носителей, представляющих самые разнообразные социальные группы населения. Уменьшается также удельный вес художественной литературы в общей массе печатной продукции за счет бурного развития публицистиче-

---

[10] Имеется в виду реальная устная речь как особая самостоятельная форма существования языка, со всеми ее специфическими качествами, а не отраженная в письменной художественной литературе и фрагментарно и случайно показанная в толковых словарях русского литературного языка. Письменная фиксация диалектной разговорной устной речи в момент полевой записи не превращает ее в ту форму языка, которая известна под общим названием "письменная речь", поскольку перед этой фиксацией ставится задача максимально возможной фотографичности.

[11] Трудность однако состоит в том, чтó считать образцом литературного письменного языка. Широко распространено мнение, что таким образцом является язык лучших писателей (ср., например: *Щерба Л.В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. – Изв. АН СССР. ОЛЯ. М. – Л., 1931, с. 12), однако такая точка зрения в наше время, по-видимому, требует пересмотра. Ведь язык художественного произведения в соответствии с замыслом писателя может включать в себя фрагменты маргинальных подсистем (просторечия, диалектов и т.д.), находящихся за пределами кодифицированных норм литературного языка; кроме того, высокое художественное качество литературного произведения далеко не всегда является надежной гарантией образцовости его языка. В этом отношении даже более надежными представляются произведения средних писателей, которые осторожно придерживаются апробированного литературного стандарта.

ских жанров, а также за счет научной и научно-популярной литературы.

Устная диалектная речь в связи со спонтанным ее характером имеет меньшую степень избирательности форм выражения, чем письменная форма языка, однако это не значит, что ее фонд синонимических средств беднее. Выбор этих средств тоже очень велик[12], но этот выбор отчасти случаен.

Большое влияние на употребление лексики в устной диалектной речи оказывает синтаксическая организация последней, характеризующаяся неподготовленностью, ассоциативным характером соположения частей, ситуативной обусловленностью и мн. др.

Несомненно, что и в устной речи происходит отбор языковых средств говорящим, первичное редактирование высказывания, однако такой отбор здесь менее тщателен, чем в письменной речи, изобилует бо́льшим количеством разовых, единичных употреблений, а также многими окказиональными языковыми фактами.

В устной речи как литературной, так и особенно диалектной, слово часто употреблено неточно в смысловом отношении, в ней возможны всевозможные отклонения и нарушения норм. Особенно это характерно для реплик, типичных для устной диалектной речи. "Очевидно, что структура реплик (диалога) и структура монолога (литературного языка) будут совершенно разные, – пишет Л.В. Щерба. – Репликам абсолютно не свойственны сложные предложения, которые являются уделом лишь монолога. Зато в монологе обыкновенно не бывает неполных предложений, из которых нормально состоят все реплики. Кроме того, – и это собственно и является самым важным – репликам свойственны всевозможные фонетические сокращения и неожиданные формообразования, и непривычные словообразования, и странное на первый взгляд словоупотребление и, наконец, всякие нарушения синтаксических норм"[13].

В устной речи отсутствует зрительный образ слова, который наглядно отражает этимологические связи слова. Поэтому в устной речи может появиться тенденция к разрыву этимологических связей между производящим и производными словами, которая сначала реализуется в изменении фонемного состава слова, а затем может реализоваться и в разрыве семантических связей. Однако необходимо тут же подчеркнуть, что деформация звукового вида слова если и может послужить толчком к деэтимологизации, то во всяком случае не является единственной и главной причиной этого процесса, причины которого до конца не выяснены.

В южнорусских говорах фонологической деформации слова может способствовать сильная редукция безударных гласных. Ср. такие примеры из говора д. Деулино как *бо́знать* (*-кто, -где, када́*) <*бог знаеть (*-кто, -где, када́*), *попли́ще* <*пепелище, *просу́к* <*поросу́к и под. Забвение внутренней формы слова может привести к дальнейшему изменению фонемного состава слова, уже с вовлечением в этот процесс согласных; семантические связи еще могут сохраняться, однако, движение в сторону деэтимологизации уже наметилось. Ср. такие примеры из говора д. Деулино как *ломша́к*

---

[12] *Блинова О.И.* Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973, с. 165–166.

[13] *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык. – Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 115.

<*лоньшак 'жеребенок, которому пошел второй год', *коси́мка* 'косынка', *санопря́ха* 'самопрялка', *станара́нний* 'тот, кто рано встает' и под.

Исследователь диалектной лексики познает ее в индивидуальной интерпретации каждого носителя говора, от которого записывался материал, письменная же форма литературного языка предоставляет в распоряжение исследователя значительно более упорядоченный лексический материал. Все это определяет специфические условия процесса познания говора и в частности его лексики, которые усложняют отделение в диалектном лексическом материале закономерного и регулярного от случайного, общеупотребительного от единичного, нормативного в широком смысле слова от стоящего вне нормы, кодифицированного от некодифицированного. Существенным образом меняются соотношения и взаимосвязь между значением и употреблением слова.

Картотека словаря, который строится на материале письменной речи, включает в себя тексты самых разнообразных стилей речи, поэтому на основе материала такого словаря значительно легче вскрыть в слове его "чистое" значение, свободное от субъективной окраски в составе различных в стилевом отношении текстов. Исследователь же диалектной лексики, пользующийся записями устной разговорной речи, располагает материалом стилистически более однородным, не позволяющим определить значение слова с той степенью объективности, которую дает письменная речь. Если при этом учесть, что кодификация лексических норм устной разговорной речи колеблется в очень широких пределах, то трудности, связанные с изучением диалектного лексического материала, становятся очевидными[14].

В настоящей работе не ставится задача исследования всего комплекса различительных признаков устной диалектной речи, в ней лишь затрагиваются некоторые лексикологические аспекты этой проблемы, имеющие прямое отношение к изучению лексики диалектной речи вообще.

В каждой конкретной лексической системе наблюдается сложное и противоречивое взаимодействие тенденции к регулярности и тенденции к экспрессивности[15]. Это взаимодействие, которое можно охарактеризовать как единство противоположностей, обеспечивает в каждой такой системе движение во времени. Соотношение активности этих тенденций неодинаково в разных формах реализации общенародного языка, оно зависит от степени осознаваемой упорядоченности языкового материала, от "давления" нормы и степени ее кодификации. По-видимому, можно наметить такую закономерность: чем выше кодифицированная нормативность данной формы реализации общенародного языка, тем бо́льшую силу приобретает тенденция к регулярности, подавляя тенденцию к экспрессивности, и наоборот.

---

[14] Нужно заметить, что устная диалектная речь все же вовсе не однородна в стилевом отношении. См., например, точку зрения Л.И. Баранниковой, которая в устной диалектной речи различает три функционально-стилевые единицы: разговорно-бытовую речь, народно-поэтическую речь и элементы публичной речи (*Баранникова Л.И.* Указ. соч., с. 20). Признавая объективное существование в говорах этих функциональных стилей, все же заметим, что они неоднозначны: в отличие от других стилей народно-поэтическая речь выходит далеко за пределы отдельных говоров и даже за пределы диалектного языка.

[15] Русский язык и советское общество. М., 1968, с. 121–122, раздел "Лексика современного русского литературного языка".

Давно замечено, что устная разговорная форма литературного языка характеризуется значительно большей экспрессивностью, чем ее письменная форма. С полным основанием то же можно утверждать и в отношении устной диалектной речи, что тоже уже неоднократно обращало на себя внимание исследователей. Повышенная по сравнению с письменной формой экспрессия устной разговорной речи и особенно речи диалектной формирует особый фонд лексики, в которой эмоциональный заряд начинает доминировать над логическим содержанием. Такой фонд в говорах достаточно широк по объему, составляющая его лексика характеризуется тем, что теряет четкость семантических границ, размываемых экспрессией.

В этот фонд легко втягиваются слова, которые затем отчасти переосмысляются. Экспрессивному преобразованию семантики в основном подвергаются глаголы, имена прилагательные и наречия. Семантическая структура экспрессивной лексики повышенно проницаема, внутри парадигмы слов с повышенной экспрессивностью значения отдельных ее членов отрываются от них и как бы мигрируют по всей парадигме. Типологически такие семантические процессы внутри экспрессивной парадигмы аналогичны процессам внутри парадигмы нейтральной лексики, но протекают они более интенсивно, внутри парадигмы экспрессивных слов внутренняя форма может быть полностью снята экспрессией. В результате образуются определенные группы слов, объединенные не семантикой, а экспрессией.

Возобладание экспрессивной окраски слова над его лексическим значением приводит к тому, что семантическая структура слова становится абстрактно-эмоциональной и диффузной, она теряет свои конкретные и точные предметные очертания. Такое слово обозначает прежде всего не саму реалию, а ее экспрессивную характеристику, значение такого слова почти полностью подчинено коннотации. Например, в говоре д. Деулино прилагательные *невыноси́мый, нена́казáнный, ненаме́рный, непривúдный, нерассказа́нный, несказа́нный, несосве́тный, несуди́мый,неугаси́мый* являются экспрессивными синонимами и обозначают, примерно, одно и то же: не конкретное качество, а крайнюю степень проявления этого качества или свойства, это и является главным семантическим содержанием этих прилагательных, независимо от значения корней, которые у большинства этих прилагательных разные[16]. Такое специфическое изменение семантической структуры этих слов расширяет до очень широких пределов их синтагматику, потому что делает ее почти независимой от лексического значения корня. В некоторых случаях расширение синтагматики доходит до кажущегося противоречия между значением корня такого прилагательного и значением корня того слова, с которым оно сочетается. Например: *крик несуди́мый, мох ненаказа́нный, дожжа́ неугаси́мая, трава неугаси́мая, пузыри́ невыноси́мые* (на лужах от дождя) и др.[17].

[16] Можно отметить, что эти прилагательные имеют также и аналогичный план выражения: они построены по одной и той же словообразовательной модели (*не* + прилагательное), их второй компонент в подавляющем большинстве случаев генетически восходит к страдательному причастию; употребляются, как правило, в постпозиции.

[17] Типологически аналогичные прилагательные в древнерусском языке рассмотрены В.Н. Виноградовой (*Виноградова В.Н.* Значение и употребление образований на *-ьный* (*-тьный*) с отрицательными приставками в древнерусском языке. – Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969);

У экспрессивных глаголов побледнение лексического значения может привести к неодинаковым результатам, это зависит от степени деэтимологизации, которой подвергается глагол в процессе втягивания в фонд экспрессивной лексики. Если лексическое значение данного глагола стерлось не окончательно, то его коннотативное значение в известной степени соотносимо с номинативным значением. Ср., например, глагол *накуде́лить* в говоре д. Деулино 'оттаскать кого-л., оттрепать': значение этого глагола частично сохраняет семантические реминисценции значения названия процесса обработки льна. В других глаголах значение интенсивности действия решительно преобладает над номинацией самого действия, поэтому синтагматика таких глаголов расширяется до чрезвычайно широких пределов. Таковы, например, глаголы в говоре д. Деулино, обозначающие какое-либо очень интенсивное действие: *набрыля́ть, бу́здать, навато́жить* и мн. др. (см. соответствующие словарные статьи в ДС). По этой модели создаются и новые глаголы, которые, по-видимому, уже и генетически не были соотнесены с каким-либо конкретным действием. Ср. такие глаголы, как *намулы́ндаться* 'настеться, нажраться' (говор д. Деулино), *пильбульбу́хнуть* 'выпить (чаще спиртного)', *хворы́здать* 'есть, хлебать', *наве́рбать* 'сильно побить' СРМ и мн. др. Подобные глаголы благодаря неопределенности обозначения действия и сходству коннотативных признаков образуют ряды экспрессивных синонимов и свободно замещают друг друга в сходных по значению текстах одной и той же диалектной моносистемы[18].

Одной из центральных лексикологических и лексикографических проблем, с которыми сталкивается исследователь диалектной лексики, является проблема соотношения и взаимозависимости значения и употребления слова в данной частной лексической системе. Значение диалектного слова в данной работе понимается более или менее традиционно (если можно говорить о традиции в определении этого понятия) и используется в качестве рабочего термина. Значение данного комплекса фонем определяется его соотнесенностью с действительностью, реальной или мнимой, соотнесенностью с конкретными фонологическими и грамматическими категориями, а также парадигматическими, синтагматическими и деривационными связями в пределах данной частной системы. Значение того или иного слова данной частной диалектной системы включает в себя также и соотношение со словами других частных диалектных систем, вместе с которыми данное слово составляет соответственное явление, различаясь с ними или в плане выражения, или в плане содержания, или в обоих этих планах одновременно. Некоторые такие соотношения являются реальными, например соотношение с соответственными словами соседних контактирующихся говоров или с литературным языком; другие соотношения представляют собой абстрактную категорию диалектного языка, вводимую в процесс исследо-

ее наблюдения и материал свидетельствуют о том, что в древнерусском языке процесс деэтимологизации и связанное с ним усиление экспрессии протекал менее интенсивно, чем в современных говорах; видимо, это объясняется исключительно устной формой существования последних.

[18] Любопытно отметить, что в диалектной речи имена существительные, по-видимому, обнаруживают более слабую тенденцию к образованию особого фонда слов, почти лишенных лексического содержания, наличие которого исследователи отмечают в разговорной форме литературного языка. Речь идет об именах существительных типа *вещь, штука, дело, история* и под. (Русская разговорная речь, с. 451).

вания диалектной лексики. Значение слова включает в себя также и обязательный стилистический аспект[19], одинаковый или для всей семантической структуры слова в целом, или только для отдельных его значений. Вне стилистической тональности слово в лексической системе функционировать вообще не может, ведь даже так называемое стилистически нейтральное слово определяется как таковое только в сопоставлении с другими, стилистически маркированными словами и, таким образом, тоже приобретает стилистический признак, хотя и негативный.

Среди значений слова существует определенная иерархия, одни значения в большей степени зависят от контекста, другие меньше[20], но и те, и другие формируют семантическую структуру данного слова. Однако наметить определенные и достаточные критерии для установления иерархии значений объективно очень трудно, если не невозможно. Иерархия значений, представленная в толковых словарях, часто не имеет объективного реально-языкового фундамента.

Значение слова идиоматично в каждой моносистеме, потому что в пределах каждой из них оно формируется факторами, специфичными именно для данной системы: синтагматическими связями со специфичным для данной системы набором слов, парадигматикой, определяемой именно данной системой, разной "проекцией на действительность", потому что в разных моносистемах наблюдается неодинаковое лингвистическое членение действительности (ср., например, обозначение цвета в разных говорах и в литературном языке) и многим другим (см. гл. II).

Отдельные значения слов говора, совпадающие со значениями соответствующих слов литературного языка, — это тоже диалектные значения; такое их совпадение не делает слово в целом литературным, потому что каждое значение диалектного слова, выделяемое "словарно", не свободно от тонких и разветвленных ассоциативных связей с другими "словарными" значениями этого же слова и потому не вполне идентично с совпадающим, хотя такие различия не всегда легко обнаружить. Семантика слова (лексемы) в целом вообще носит диффузный характер, расчленение ее на отдельные значения в значительной степени представляет собой факт лексикографической техники, применение которой к конкретному языковому материалу всегда отчасти субъективно.

Проблема многозначности слова занимала многих ученых. Решение этой сложной проблемы не входит непосредственно в задачи настоящей работы, можно только заметить, что эту проблему, вероятно, надо рассматривать как в аспекте языка, так и в аспекте речи. В языке многозначность лек-

---

[19] Некоторые исследователи исключают экспрессивно-эмоциональный элемент из лексического значения слова (см.: *Звегинцев В.А.* Семасиология. М., 1957, с. 180).

[20] "По нашему мнению, самое важное – г л а в н о е значение, то, которое не определяется контекстом, в то время как о с т а л ь н ы е (ч а с т н ы е) значения к семантическим элементам главного значения добавляют еще и элементы контекста. Обогащая этот контекст, мы получаем дальнейшие частные оттенки частных значений и т.п. Известно, что это семантическое разветвление иногда довольно усложнено" (*Курилович Е.* Заметки о значении слова. – Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 246). См. также: *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 211–258.

семы – это система ее значений, комплекс семантико-стилистических вариантов, а в речи реализуется лишь один семантический аспект лексемы, который определяет значение данного конкретного слова. В свое время эту мысль отчетливо сформулировал А.А. Потебня[21].

Проблема многозначности определенного комплекса фонем в диалектном языке приобретает дополнительные трудности, так как в диалектном языке у этого комплекса появляются новые семантико-стилистические величины, идущие от отдельных говоров и часто даже противоречивые и не корреспондирующие друг с другом. В этих случаях единство семантико-стилистических вариантов такого комплекса фонем может быть познано лишь на уровне абстракции, такое единство представляет собой теоретически моделируемый конструкт. Реально лексема познаваема только в одном из ее семантико-стилистических аспектов в пределах частной моносистемы[22]. Такой единичный аспект семантической структуры лексемы познается в процессе ее употребления[23]. В устной диалектной речи конкретное употребление есть единственная реальность, с которой имеет дело исследователь лексики диалекта. Обобщение всех конкретных употреблений лексемы и определяет ее семантическую структуру.

Значение и употребление слова – это единство общего и частного, где частное обусловлено общим, а общее реально существует и реально воспринимается только в форме частного. Между значением и употреблением слова нет механической противопоставленности, которую склонны отмечать многие лексикологи и особенно лексикографы, одно и другое органически и естественно связано друг с другом и взаимно проникает друг в друга; значение и употребление – это два неразрывных аспекта одной и той же сущности. Связь между значением и употреблением особенно наглядна в устной разговорной речи, где значение слова само по себе, как таковое, словарно нигде не зафиксировано и не сформулировано, но представляет собой реальную основу всего ряда конкретных употреблений слова в потоке речи. Поэтому так трудна лексикографическая интерпретация слова в диалектном словаре, который строится на материале именно устной речи. В процессе непринужденного говорения, реализующегося чаще всего в диалоге с его эллиптичными репликами, значения и употребления слов сближаются и не так противостоят друг другу, как в письменном языке, где, впрочем, разделение значения и употребления тоже далеко не так функционально прозрачно и объективно по своему характеру, как это выглядит в толковых словарях литературного языка. Это в основном обусловлено невозможностью разграничения значения и употребления по самому сущест-

---

[21] "Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения" (*Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике, т. I–II. М., 1958, с. 15). Ср. также: *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Л., 1958, с. 78.

[22] Ср.: *Курилович Е.* Указ. соч., с. 238.

[23] "Под употреблением понимается реализация языковой системы и языковой нормы в каждом акте коммуникации. Связь между языковой системой, языковой нормой и употреблением является двусторонней, ибо в употреблении могут возникать варианты, вовсе не предусмотренные ни языковой системой, ни нормой" (*Макаев Э.А.* Понятие деления системы и иерархия языковых единиц. – ВЯ, 1962, № 5, с. 48).

ву языкового материала. Вместе с тем между значением и употреблением слова есть известные противоречия: употребление подвергнуто всякого рода индивидуальным интерпретациям, зависящим и от контекста, и от конкретной речевой ситуации, и от многих других причин. Семантическое варьирование слова имеет относительно широкие границы, но отдельные случаи употребления слова могут выйти за пределы средней амплитуды его семантических колебаний, и данное употребление слова станет необычным. Большинство таких употреблений, недостаточно мотивированных общей семантической структурой слова, оказывается непрочным и тут же забывается, но некоторые из них закрепляются, начинают терять свой окказиональный характер, в свою очередь воздействуя на инвариантное значение, изменяют его, внося в него новые семантические оттенки.

Проблема соотношения значения слова и его употребления в устной диалектной речи в общем так же актуальна, как и проблема этого соотношения в письменном литературном языке, но в устной речи она имеет свои особенности, потому что в диалектной речи с ее относительно большей, чем в литературном языке, свободой номинации и непринужденностью процесса протекания значение слова может незакономерно реализоваться в случайных единичных употреблениях индивидуального типа. Соотношение нормального и индивидуального в диалекте и в литературном языке неодинаково.

Семантическая структура лексемы представляет собой абстракцию, поскольку в реальном потоке речи реализуется лишь один ее семантический аспект. Дальнейшей ступенью абстракции, представляющей собою категорию науки о языке, является система значений данного комплекса фонем в диалектном языке; семантика этого комплекса интегрируется из значений этого же комплекса фонем в отдельных частных моносистемах. Такое семантико-стилистическое содержание данного комплекса фонем можно интерпретировать как общее значение, которое относительно четко вырисовывается при сопоставлении двух или нескольких частных и близких между собою систем, частично налагающихся друг на друга, например, при сопоставлении соответствующих слов какого-либо говора и литературного языка или какого-либо говора с другими говорами. Такое обобщенное значение представляет собой теоретически моделируемую абстрактную семантическую величину, которую можно определить как суперлексему. Суперлексема обобщает все значения данного корня, осложненные значениями аффиксов. Вот некоторые иллюстрации. В слове *голо́дный* в говоре д. Деулино отмечено два значения: одно совпадает с литературным, а второе определено как 'трезвый, не пьяный'[24]. Общее значение, выводимое из значений этого комплекса фонем в частных моносистемах, примерно, можно определить как 'желающий принять что-либо в себя (пищу или питье)'. Это значение в основном совпадает с этимологическим. Ср. церковно-славянское *жьлѣдѣти* 'жаждать, страстно стремиться'[25].

Однако общее значение необязательно должно совпадать с этимологическим. Например, в том же говоре слово *тре́звый* имеет значение 'крепкий,

---

[24] *Кадá галóднаи д'е́'и и́дут', у м'ин'е́ с'е́р'ца рáдуйицца, а кадá п'йа́наи – лу́ч'ч'и н'и хад'и́л'и ба. П'йа́наму суда́ н'е́ту, а галóднаму сут ие́сь*'. ДС 120.

[25] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. 1, с. 430.

здоровый, выносливый; подвижный'[26]; общее значение этого комплекса фонем можно примерно определить как 'не утративший физической полноценности'.

Семантическое содержание суперлексемы в диалектном языке может концентрироваться вокруг не одного, а двух и даже более семантических центров, каждый такой центр имеет много сходных, но неодинаковых семантических аспектов; так формируется многозначность суперлексемы, сформулировать такое значение можно лишь в самом общем виде. Возможно, что такие частные значения развились из одного общего источника, однако их общая основа в синхронном ряде уже неразличима. Вот некоторые примеры.

Все значения суперлексемы *красный* концентрируются вокруг двух семантических центров: цвет и качество.

Цвет: 1. 'красный': *Мухомо́р красный, н'ет'о́нышк'има* МСВ; *Пр'а́ма къч'атóк нап'и́сан* [на полотенце]: *тут гриб'ан'óк кра́снай з'д'е́лан, а тут ч'о́рным рашшы́т* ДС 249; 2. 'красновато-бурый, рыжевато-коричневый, рыжий и под.': *И там каро́вы фс'е адно́й мас'т'и: кра́снаи, бу́рыи* ДС 249; *Т'о́лъч'ка... харо́шын'к'ийа шéр'с'т'у-а... кра́снъйа... так ры́жъйа фс'а* ДС 249; 3. 'слишком яркий, не соответствующий по цвету чему-л. (возрасту, ситуации и т.д.)': *Пам'р'óт', у нас ф ч'о́рнам ход'ут', ф кра́снам н'а ход'ут'* ДС 249; *З'ил'о́най платóк мн'е кра́с'ан* ДС 249; *Ба́йус' ад'ава́т' плат'йа... ч'о́рнайа, атла́снайа... Дъ ба́йус', красна́, скáжут', плат'йа* ДС 249.

Качество: 1. 'красивый, хороший': *Ку́ры кра́снаи, а тóка йайц н'ет* ... [–Какие?] – *Харо́шыи* ДС 249; *Скоа' красна́* [о кошке] МСВ[27]; 2. 'пригожий': *И кра́снаи д'ен' и суро́вай – с'о купа́йуцца* [о внуках] ДС 249; *Ны́н'и д'ен' сóлн'ишнай, кра́снай* ДС 249; 3. 'крепкий, сильный': *Су́шат, йед'а́т, каг зу́бы кра́сны* МСВ; *Ба́пка-то красна́* МСВ; 3. 'умелый, способный, умеющий хорошо что-л. делать': *Мужы́к-то у м'ен'а́ кра́сный был рóбит'-то* МСВ; *Он кра́сный на лы́жахката́ц'е* МСВ; *Кра́сныйе ку́сат'* [комары] МСВ; *Вот Антóша, говоря́т, задóрный был п'е́т-то, гóрлом кра́сный* МСВ.

Любопытна семантическая структура суперлексемы диалектного языка *место*; ее общее значение концентрируется вокруг, примерно, двух семантических центров: пространственного и предметно-событийного.

Пространство: 1. 'место': *Ума́ р'а́хн'ис'с'и – пакóс ф тр'ох м'аста́х* ДС 292; 2. 'Участок, занимаемый домом и огородом; усадьба': *Ва вр'е́м'а д'ил'о́шк'и мы астáл'ис' тут, на стóрам м'е́с'т'и, а йа́му м'е́ста куп'и́л'и* ДС 292; 3. 'местность': *А на́шего м'е́ста забáан'ейе н'ет* МСВЛ; *Атажн'е́мс'и, пъклад'е́м* [снопы]; *гъвар'а́т', в м'аста́х* [в других местностях] *уд'е́й-та с н'им* [первым или последним снопом] *ход'ут'* ДС 292.

Предмет, вещь, явление, событие: вообще то, что реально существует: *Кашм'и́рка* [ткань] *шерст'анó м'е́сто/. Маст'ера́ п'е́цк'и кладу́т, э́т'им м'е́стом йа н'и занима́йус'/. Сóрок годóф было тому́ м'е́сту* [революции]. *Б'е́лку да куп'и́ц'у да, м'идве́д'а, фс'а́ко м'е́сто ишшу́т* МСВЛ.

---

[26] *Хто р'е́звай – тот тр'е́звай... н'и нъзав'óш в'ит' тр'е́звань, хто – др'оп, др'оп... Ка́кайа тр'е́звайа нъ хаду́-та...* ДС 564; значение 'не пьяный' объясняется влиянием литературного языка.

[27] Ср. лит. *прекрасный*.

Некоторые значения этой суперлексемы сохранились только во фразеологических единицах, например, *ста́рое ме́сто:* в говоре д. Деулино так говорят о старом человеке (*С'е'ин'йу́ – на́да за н'е́й хад'и́т', с пърас'ят'ъм'и – на́да пъ машы́н'и йе́хат'* [на базар], *а – ста́райа м'е́ста – куда́ йа пайе́ду*, с. 540). Ср. также *эко ме́сто* 'много' в одном из говоров Пермской области[28].

У суперлексемы диалектного языка *жить* СРНГ отмечено 27 значений[29], некоторые из них сверх того включены в разветвленные фразеологически связанные значения. Представляется затруднительным определить те смысловые центры, вокруг которых располагается этот сложный семантический континуум.

В каждой лексической системе отдельные слова объединяются в структурно-тематические группы, значения таких объединенных слов заполняют собой определенное семантическое пространство. "Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но с о е д и н я ю т с я (в нашей душе), н е з а в и с и м о о т н а ш е г о с о з н а н и я в р а з л и ч н ы е г р у п п ы, п р и ч е м о с н о в а н и е м д л я г р у п п и р о в к и с л у ж и т с х о д с т в о и л и п р я м а я п р о т и в о п о л о ж н о с т ь п о о с н о в н о м у з н а ч е н и ю. Понятно уже a priori, что такие слова имеют сходные или параллельные семасиологические изменения и в своей истории влияют одно на другое; понятно также, что эти слова употребляются в сходных синтаксических сочетаниях"[30]. Такие объединения слов образуют определенные лексико-тематические группы, в которых взаимно перекрещиваются и частично налагаются друг на друга разные, иногда и очень далекие семантические зоны. Такие объединения слов можно определить как лексико-тематические группы или лексические парадигмы. Лексические парадигмы представляют собой объективную языковую категорию, специфичную для каждой частной лексической системы. "Каждый язык и диалект, – пишет Ф.П. Филин, – отличаются от других языков и диалектов не только особенностями состава словаря, но и особенностями лексико-семантических групп, их составом и структурой, причем изучение лексико-семантических групп должно получить особенное значение для теоретической лексикологии родственных языков и диалектов"[31].

Лексические парадигмы каждой частной языковой системы объединяются в пределах лексического уровня, который можно интерпретировать как сверхпарадигму[32].

Сходные семантические элементы обобщенного характера обеспечивают членам парадигмы более или менее однотипное лексическое окружение[33].

Тематический принцип, в соответствии с которым лексические единицы

[28] О лексеме *место* см. также: *Ивашко Л.А.* О значении слова *место* в севернорусских говорах. Из истории слов и словарей. – Очерки по лексикологии и лексикографии. Л., 1963.
[29] Словарь русских народных говоров, вып. 9, с. 194–197.
[30] *Покровский М.М.* Семасиологические исследования в области древних языков. – В кн.: *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. М., 1958, с. 82.
[31] *Филин Ф.П.* О лексико-семантических группах слов. – Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957, с. 538.
[32] *Солнцев В.М.* О понятии уровня языковой системы. – ВЯ, 1972, № 3.
[33] Лексика современного русского литературного языка. – Русский язык и советское общество, с. 52, прим. 3.

данной системы объединяются в определенные парадигмы, по своему существу очень широк и относительно неопределенен, поэтому лексико-тематические группы слов или лексические парадигмы, хотя и представляют собой объективные языковые категории, однако не имеют достаточно точно очерченных границ и поэтому не очень четко противостоят друг другу[34].

Определение понятия лексической парадигмы не может быть универсальным и единственно верным, потому что связи слов в лексической системе настолько многообразны, сложны и перекрывают друг друга, что каждое определение этого понятия помогает выяснить лишь часть этих связей. Ведь в конечном счете в частной лексической системе все слова в какой-то степени связаны между собой.

В реальном бытовании лексика очень подвижна и объединяется в те или иные группы на основе целого комплекса классификационных признаков, причем некоторые такие группы и объединяющие их связи могут быть и окказиональными, поэтому группы лексики могут быть очень нестойкими и характерными только для данного текста.

Лексика реализует семантический уровень языковой системы, поэтому при объединении лексических единиц в тематические группы семантический признак является доминирующим. Тем не менее, кроме этого признака основой для группировки могут служить и другие признаки, например, словообразовательный (см. ниже), стилистический (ср. группы лексики, объединенные экспрессией) и т.п. Очень часто многие объединяющие признаки сочетаются в отдельных лексико-тематических группах.

Обобщенное значение лексической парадигмы, которое интегрируется из семантических компонентов частных семантических структур ее членов, тоже можно интерпретировать как один из видов общего значения определенной лексико-тематической группы. Такое обобщенное значение в свою очередь оказывает влияние на значения каждого из членов этой группы: каждый член лексической парадигмы концентрирует обобщенное значение, присущее всей парадигме. Исконная диффузность семантики диалектного слова отчасти объясняется синтезом в каждом конкретном слове частного и парадигматического значения.

Соотношение этих значений в конкретном слове может быть неодинаковым. Во многих случаях в диалектной речи парадигматическое значение может сильно воздействовать на частное конкретное значение, отчасти деформируя его, а отчасти способствуя его забвению. В пределах одной парадигмы под давлением обобщенной семантики значения одного члена парадигмы в известной степени десемантизируются, приобретают синтагматическую подвижность, контаминируются, в результате этого процесса происходит деэтимологизация, и слово приобретает новое значение. Побледнение

[34] "Под с е м а н т и ч е с к о й классификацией понимается группировка слов какого-нибудь языка соответственно их корневым, собственно лексическим значениям. Трудности такой собственно лексической семантической классификации слов, которую можно назвать т е м а т и ч е с к о й классификацией, огромны и отчасти, может быть, непреодолимы... Установить границы между отдельными темами, т.е. семантическими областями, почти невозможно, так как эти области незаметно переходят друг в друга" (*Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М., 1956, с. 174).

исконного лексического значения слова, связанное с деэтимологизацией, влечет за собой расширение его парадигматики, включение слова в новые лексико-тематические группы с более абстрактным содержанием, потому что деэтимологизация слова расширяет сферу его переносных употреблений, иногда с сохранением прямого значения, а иногда и с утратой его; в последнем случае переносные значения, возникшие на основе одного прямого, в свою очередь, становятся прямыми, а в дальнейшем тоже могут послужить основой для образования новых переносных значений. Изменение семантики слова изменяет и его синтагматику, слово начинает включаться в новые синтагматические ряды. Например, слово *лохмо́тый* в говоре д. Деулино в прошлом, вероятно, имело только значение 'рваный' и по преимуществу входило в сочетания с именами существительными, обозначавшими какие-либо предметы из ткани: *лохмо́тый сарафа́н, лохмо́тое одея́ло* и под. Это слово входит в парадигму прилагательных, имеющих примерное значение 'уже неполноценный, ветхий, пришедший в негодность' (*плохо́й* 'слабый, больной', *разваля́тый, неоку́ненький* 'хилый, невзрачный, плохонький' и под.). Под давлением парадигматического значения слово *лохмо́тый* утратило свою конкретную прикрепленность и расширило свое значение, которое приблизилось к общему значению всей парадигмы, и в ее пределах стало свободно замещать другие ее члены; в результате в говоре наряду со старыми словосочетаниями появились новые, обусловленные новым значением: *лохмо́тый двор, лохмо́тый дом, лохмо́тый сапог, лохмо́тое ведро* и др. (см. словарную статью *лохмо́тый* в ДС). Слова *обло́мный, осыпно́й, огребно́й, обро́дный, обломя́щий, осыпу́щий, огребу́щий* и под. образуют в говоре д. Деулино парадигму с общим значением 'имеющийся в большом количестве'. Внутренняя форма этих прилагательных достаточно прозрачна, она указывает на конкретные предметы, имеющиеся в большом количестве (*осыпна́я брусни́ка, обломя́щая ряби́на, я́блоки, обро́дные грибы́, карто́шки* и т.д.). Тем не менее парадигматическое значение начинает теснить частные значения, как следствие, меняется синтагматика этих прилагательных, возникают новые сочетания типа *лягу́шки осыпны́е, мы́ши огребны́е, трава́ обло́мная, зме́и огребу́щие* и многие подобные, которые уже прочно входят в синхронную лексико-синтаксическую норму говора (см. соответствующие словарные статьи в ДС).

Хорошей иллюстрацией семантических процессов внутри определенной лексической парадигмы может служить динамика семантики терминов родства. Изменение семантики этой лексики в основном обусловлено экстралингвистическими причинами, главным образом процессом распада больших неразделенных семей, существовавших в деревне почти до периода коллективизации. Память об этих семьях и связанных с ними терминах родства еще сохранилась у старшего и отчасти среднего поколения. Многие термины родства уже выходят из употребления (ср. в рязанских говорах термины "уровня дедов": *пратёта* 'сестра бабки', *праддя* 'брат деда', *оте́ц ста́рый* 'дедушка', *ма́ма ста́рая, мать ста́рая* 'бабушка'), другие еще продолжают употребляться, но уже с унифицированной семантикой, стирающей прежние различия; таковы, например, термины *сноха́* 'жена сына, жена брата мужа, жена племянника', *зять* 'муж дочери, муж сестры, муж сестры жены, муж племянницы, муж внучки'. Теряют определенность семантических

контуров термины *своя́к* и *шу́рин*, часто заменяющие друг друга в сходных контекстах[35].

Сближение значений членов одной парадигмы может получить и внешнее выражение. Например, в одном из рязанских говоров термины родства со значениями 'пасынок' и 'падчерица' деэтимологизировались, между ними произошел "взаимообмен" значениями, детерминированный общим значением 'неродной ребенок', и это реализовалось уже и в плане выражения: грамматический род этих инноваций оформился в соответствии с родом реальным, а это повлекло за собой соответствующее переоформление и грамматической парадигмы. Ср. *па́дчерок* 'пасынок' и *па́сынка* 'падчерица'[36].

Обобщенное значение синтаксической конструкции тоже иногда подавляет значения ее компонентов, в результате чего данная конструкция может вступать и в такие нормативные для данной моносистемы синтагматические связи, которые невозможны в этой же моносистеме для каждого из компонентов конструкции. Эта общеязыковая закономерность особенно отчетливо выступает в говорах, что в значительной степени обусловлено спецификой их устного бытования. Такова, например, конструкция с творительным тавтологическим в говоре д. Деулино, выражающая категорию усиления. Значение этой конструкции расширяется и в некоторых употреблениях не может быть сведено к сумме значений ее компонентов. Ср.: *дождь дождём* 'дружно, все сразу'[37], *верх верхо́м* 'наполненный чем-л. до верху'[38], *дура́к дурако́м* (о женщине) и др.

Лексическая парадигма с общим значением может сформироваться и на словообразовательной основе. Таковы, например, многочисленные группы слов с именным суффиксом *-ове́нь* в южнорусских говорах (в частности, в говоре д. Деулино) и аналогичная группа слов с суф. *-оте́нь* в говорах севернорусских. Общее значение этих парадигм – обозначение интенсивности действия. Семантика лексической парадигмы, определяемая общим аффиксом ее членов, в силу своей меньшей семантической весомости и насыщенности не может подавить конкретного значения образующих ее членов, хотя тенденция к этому и заметна. Значение каждого члена такой парадигмы определяется семантикой корня, суффикс же привносит в эти частные значения общий оттенок интенсификации: *стукове́нь* 'громкий стук', *громове́нь* 'грохот'[39], *вискове́нь* 'громкий визг', *гудове́нь* 'шум, гудение'[40], *ломове́нь* 'толкотня'[41], *хохове́нь, хлехове́нь* 'хохот'[42], *пискове́нь*[43], *плескове́нь*[44], *толкове́нь*[45], *хрястове́нь* 'хруст, треск'[46]; *трескоте́нь, плеско-*

[35] *Шарапова И.М.* Терминология родства в рязанских говорах Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 5, 11.

[36] Там же, с. 11.

[37] *Б'а'у́т'рош'ш' дож'жём р'аб'а́тъ* ДС 144.

[38] *Нал'ůет' в'ер'х в'ер'хо́м* [ведро с молоком] ДС 79.

[39] *Ана́ пъдала́ на ткач'и́ху* [учиться], *дъ йей атсав'е́тъвал'и: стукав'е́н', гръмав'е́н', гълав'а́ разло́м'ицца* ДС 546, 127.

[40] *Рас къмар'е́й мно́гъ, то и бал'ша́йъ гудав'е́н* ДС 131.

[41] *Ч'о наро́ду! Лъмав'е́н' и'исис'и'е́тинъйа* ДС 281.

[42] *Бро́в'и нач'ар'н'и́л'и... над на́м'и р'аб'а́тъ хъхав'е́н' падн'и́л'и. Хл'ихав'е́н' падо́мут', убо́ръд'и* ДС 588, 583.

[43] *Спа́с'ибъ уйе́хъл'и* [с поросятами на базар]*: п'искав'е́н', п'искав'е́н' – с'в'ет кане́ц!* ДС 402.

[44] *Бры́ж'ж'уща, пл'аска́йуща на р'ик'е́ – пл'искав'е́н' ид'о́т'* ДС 404.

[45] *Там были тълкав'е́н'-тъ, давил'и ч'ерʼаз уо́лицы* ДС 559.

[46] *Как ид'о́т' бал'ша́йъ ба́рка* [льдина], *как тълкан'о́т' вот и хр'искав'е́н'* ДС 580.

те́нь, свискоте́нь 'сильный свист', *брекоте́нь* 'бряцание, грохот', *хрупоте́нь, чикоте́нь* 'тиканье', *ширкоте́нь* 'сильный шорох, шелест, шум трения' Гранд.; *брякоте́нь* 'стук, треск, грохот' СГП; *хряпоте́нь* 'стук', *стукоте́нь* МСВЛ.

Парадигматическое значение в определенных условиях решающим образом перекрывает частные значения ее членов.

Развитие семантической структуры слова, т.е. зарождение и развитие его новых значений, по большей части детерминируется семантическим потенциалом корня, такое развитие обычно не выходит за пределы этого потенциала, за пределы более или менее определенной семантической зоны слова, которая в своих основных чертах вырисовывается при сопоставлении лексем двух или более моносистем, а в пределах одной моносистемы реализует не все свои семантические возможности[47].

Каждое слово обладает определенным семантическим содержанием, которое в речи каждый раз реализуется в каком-либо одном своем аспекте, остальные же аспекты, кроме реализованного, сохраняются потенциально. Все семантические аспекты диалектного слова представляют собой части единого целого, определяемого всей лексической системой данного говора, поэтому все они связаны друг с другом и влияют друг на друга, и все это обусловливает диффузность всех значений данной лексемы. Семантика многозначного диалектного слова складывается не из четко отграниченных друг от друга значений, которые логично выстраиваются в иерархическом порядке, а из семантических аспектов единого целого, переходящих друг в друга и реализуемых в речи в разных контекстах. Эти аспекты отчасти налагаются друг на друга, затрудняя членимость ее семантической структуры и усиливая диффузность. Представление о семантике лексем как о четкой системе отдельных значений в значительной степени объясняется "гипнозом" словарных статей в различных словарях. По-видимому, значительно более близким к реальной языковой действительности является представление о семантике лексемы как о единой и целостной системе[48].

Сложность и трудность расчленения общей семантики слова на отдельные значения в диалектах усугубляется давлением литературного языка и вторжением в семантическую структуру диалектного слова семантических аспектов соответствующего слова литературного языка; во многих диалектных словах объединены исконно диалектные значения и значения соответствующих слов литературного языка, такие значения часто могут почти совпадать, поскольку и у диалекта, и у литературного языка одна общерусская основа, однако, такое все же неполное совпадение близких по значению слов создает дополнительные условия для усиления диффузности диалектного слова. В семантическую структуру диалектного слова

---

[47] Например, у лексемы *хороший* в литературном языке не реализуется значение 'красивый' (это значение реализуется в *хорошенький, прихорашиваться*), а в говоре д. Деулино это значение полностью включено в семантическую структуру этого слова.

[48] "Многие факты реального мира непрерывны. Поэтому и в семантике, как это неоднократно отмечалось в литературе... господствующим типом является не дискретная, а непрерывная система, своеобразный семантический континуум, в котором мало закрытых областей" (*Апресян Ю.Д.* Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. – Проблемы структурной лингвистики. М., 1963, с. 119).

могут проникать и те аспекты семантики литературного слова, которые развились в литературном языке уже самостоятельно и поэтому отсутствуют у слова диалектного. Кроме того, диалектная лексика каждого говора испытывает влияние и соответствующей лексики диалектного языка, включая в семантику своих лексем фрагменты семантики соответствующих лексем соседних контактирующих говоров.

В устной разговорной форме литературного языка встречается много слабооформленных синтаксических конструкций[49], которые в еще большей степени свойственны диалектной речи. В составе таких конструкций, часто включающих в себя и окказиональные лексические образования, исконная семантическая диффузность диалектной лексики усиливается.

Степень диффузности семантики слов в известной степени определяется и экстралингвистическими факторами, в частности качеством кодификации лексических норм: чем шире рамки кодификации, тем больше амплитуда семантических колебаний, тем выше диффузность семантики слова.

Одна и та же лексема может употребляться и в более узком и в более широком значении, причем часто дифференциация между ними выражена не очень отчетливо. Зыбкость семантических границ между отдельными значениями выражается и в известной неопределенности парадигматических противопоставлений с другими лексемами.

Диффузность семантической системы слова как следствие взаимного наложения его значений является одной из основных характеристик лексических единиц языковой системы, в диалектных же системах диффузность значений лексических единиц приобретает особый дополнительный аспект, обусловленный характером их территориального распространения. Одним из основных признаков диалектного слова является территориальная ограниченность его семантического ареала, который не совпадает ни с ареалом соответствующего слова литературного языка, ни с ареалом соответствующих слов других диалектных моносистем.

Вычленение лексической системы отдельного говора как целого, а также и отдельных ее единиц, т.е. отдельных слов, в их конкретных значениях, определяемых в пределах целостной лексической системы, возможно только в территориальном плане, потому что понятие территориальности языковых явлений представляет собой существенный аспект всей общей проблемы значений диалектного слова и его развития. В отличие от фактов литературного языка языковые факты говора нельзя рассматривать вне аспекта территории, потому что ареал слова во многих случаях является одним из важных факторов формирования семантической структуры диалектного слова. Диалектные лексические различия, реализующиеся на ограниченной территории, определяют диалектное слово как таковое, как отличное не только от соответствующего слова литературного языка, но и от слов других говоров. Семантическая структура многих диалектных слов имеет вполне определенный территориальный аспект, а сама территория получает возможность лингвистической интерпретации при рассмотрении всей специфики диалектного слова.

Неодинаковые номинации одних и тех же реалий в разных говорах влекут за собой интерференцию ареалов этих номинаций, в этом случае

---

[49] *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис, с. 120.

4. Зак. 1649

взаимодействие ареалов обусловлено общим денотатом. При этом наблюдается затухание употребления одного слова и возрастание частотности употребления другого. В пограничной зоне, где сталкиваются ареалы обеих номинаций, иногда наблюдается тенденция к их семантической дифференциации. Так, например, реалия 'сосед' в русских говорах обозначается словами *сосе́д* и *шабёр*. Слово *шабёр* употребляется в северо-восточной части картографированной в диалектологическом атласе территории, а в юго-западной ее части ему соответствует слово *сосе́д* с тем же значением[50]. Таким образом, по направлению с северо-востока на юго-запад наблюдается затухание употребления слова *шабёр*. Наложение семантических ареалов слов *шабёр* и *сосе́д* и сосуществование этих слов приводит к их семантической дифференциации, впрочем, не очень четкой: *сосе́д* – 'односельчанин', *шабёр* – 'сосед, живущий рядом'; *сосе́ди* – 'живут рядом', *шабры́* – 'напротив'[51].

Аналогичная картина наблюдается при взаимодействии ареалов названий ухвата (*ухва́т, вы́хватень, ро́гач, емо́к, отъём, подъём, рушни́к, руча́к*)[52], сковородника (*сковоро́дник* и производные, *ча́пельник* и производные, *пешни́к, клю́шка*[53], тропинки (*тропи́нка* и производные, *стёжка, головни́к, свёрток, ле́тник*)[54] и мн. др.

На территории распространения многих диалектных слов можно отметить центр этой территории и ее периферию. Понятия центра и периферии ареала диалектного слова определяются частотностью употребления данного слова и относительной определенностью его семантических границ. В населенных пунктах, расположенных в центральной части ареала диалектного слова, данное слово находится в активном употреблении всех носителей говора, оно достаточно определенно в смысловом отношении, и его объективное значение относительно легко зафиксировать, в населенных же пунктах, расположенных на периферии ареала данного диалектного слова, оно употребляется реже, его значение менее определенно, диффузно и с трудом поддается точному определению. Граница распространения того или иного диалектного слова редко представляет собой четкую линию, резко обрывающую территорию этого распространения; чаще всего такая граница представляет собой более или менее широкую полосу, в пределах которой значение слова как бы постепенно затухает или деформируется по мере удаления от центра.

В говоре д. Деулино тоже есть такие слова с недостаточно ясным значением, причем в каждом конкретном случае установить объективную причину некоторой семантической неопределенности очень трудно, а иногда и невозможно. Например, слово *чу́ять* во многих русских говорах имеет значение 'слышать'; в говоре д. Деулино оно имеет более общее значение 'ощущать, воспринимать' и довольно неопределенный оттенок значения 'слышать'. Слово *гоня́ть* помимо значения, соответствующего литературному, имеет значения 'быть пастухом, пасти скот', причем в этом значении

[50] Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Карты. Вступ. статьи и коммент. М., 1957, карта № 241.
[51] Там же. Вступ. статьи, с. 1085–1086.
[52] Там же, карта № 192. Вступ. статьи, с. 977.
[53] Там же, карта № 193. Вступ. статьи, с. 978–979.
[54] Там же, карта № 231. Вступ. статьи, с. 1064 – 1065.

глагол *гоня́ть* является непереходным; однако оба эти значения не очень четко разграничены друг с другом. У глагола *ходи́ть* отмечено несколько значений: 1. ходить; 2. ухаживать, заботиться о ком-л.[55]; 3. распространяться (об эпидемических заболеваниях)[56]; 4. вступать в брак (чаще без слова 'замуж')[57]; одеваться каким-л образом[58]; 6. занимать какую-л. должность[59], пастись[60].

Слово *пого́да* обозначает состояние атмосферы вообще, а также плохую погоду. Первое значение, по-видимому, заимствовано из литературного языка, для его отграничения от второго значения оно всегда употребляется с уточняющим определением, что свидетельствует о недостаточной разграниченности этих двух значений. Кроме того, *пого́да* имеет значение 'снег' [61], а также 'снегопад, метель'[62]. Эти значения слабо расчленены между собой, слово *пого́да* в этом значении обозначает и причину и следствие.

Свой ограниченный ареал могут иметь не только лексемы в единстве их семантики, звуковой оболочки и лексико-грамматических значений, но и отдельные фрагменты этого целого, т.е. либо звуковой вид, либо отдельные значения, либо та или иная грамматическая характеристика. У всех этих компонентов лексемы может быть свой ареал, не совпадающий с другими ареалами. Кроме того, тот или иной лексический факт данного говора может быть сформирован наложением друг на друга не двух, а трех ареалов. Взаимное наложение ареалов, близких по ряду различительных признаков слов, воздействует также и на самый механизм их образования, поэтому, в частности, влияние лексики соседних говоров на лексику данного говора нельзя расценивать как только внешнее, выражающееся в борьбе слов с последующим вытеснением одного из них. Во многих случаях влияние интерференции ареалов лексики окружающих говоров реализуется не в заимствованиях, а в активизации стимулов развития лексики заимствующего говора, что представляет собой следствие такой интерференции.

Размытость семантических границ ареала диалектных лексем, обусловленная интерференцией их ареалов, является одной из причин спонтанного изменения их значений. Интерференция ареалов грамматических характеристик лексем тоже ведет к их изменению, которое может начаться с деэтимологизации. Например, в южнорусских говорах широко распространено согласование прилагательных с существительными среднего рода в именительном падеже единственного числа по женскому роду (тип

[55] *За ним хо́д'ит', йа ч'ай, так н'ихто́ зъ мужы́м'и н'ъ хо́д'ит', уважы́т' йаму́, во как хо́д'ит'* ДС 585.
[56] *Д'е́ўкъ, ч'о ш ты хвара́иш? – Ды ана́ такы́ъ паска́л'* [болезнь] *хо́д'ит'* ДС 585.
[57] *Н'ет, жыва́'й, рад'и́мкъ, адна́, н'и хад'й* ДС 585.
[58] *А хо́д'ут' ан'и́ о́ба хърашо́, и абу́ты и ад'е́ты* ДС 585.
[59] *Анá . . . ф пъстухáх хад'и́ли* ДС 585.
[60] *Никóл'ич'к'и н'а хо́д'ит' хо́д'бы кро́хатку какýйу хад'и́л . . . ид'о́т' и ид'о́т' дамо́й* [боров] ДС 583–586. Все эти значения так или иначе связаны с первым значением и не всегда четко отграничены от него. Кроме того, нужно учесть и фразеологически ограниченные значения этого глагола, тоже связанные с первым значением: *ходи́ть по ста́ду, ходи́ть по коше́лкам* и др. (см. соответствующую словарную статью в ДС).
[61] *А ш'ш'ас вот а бс'ин' жд'еш, па́гъда ны́н'и – зáўтр'а пъл'ат'и́т'* ДС 414.
[62] *А ф'ч'ара́ н'и́иш, какáйа пагóдъ-тъ н'аслá* ДС 414.

худая ведр[illegible] *[illegible]ватье* и под). Это явление отмечено в юго-западной
части карт[illegible]мой в атласе территории[63]. В северной и северо-
восточной [illegible] территории отмечено согласование по среднему роду
(как в лит[illegible] языке). В небольшом количестве населенных пунк-
тов, распол[illegible] на территории столкновения этих ареалов, отмечено
согласовани[illegible]скому роду (*худой ведро, сухой сено*). Видимо, в
этих говора[illegible]кло слово *полон* в значении 'очень много кого-, чего-
либо', соот[illegible]щее значению литературного *полно*. В таком виде
наречие про[illegible] в соседние говоры, где частично отмечены колебания
в типе этог[illegible]вания, но в основном отмечено согласование по жен-
скому роду. [illegible] говорах слово *полон*, не поддержанное категорией
грамматиче[illegible]да, теряет некоторые свои грамматические характе-
ристики и н[illegible]потребляться без согласования в роде и числе: *Йа йей*
[свинье] *да-ла*[illegible] *в'адро полан. Там мужук'й полън изба. Ой, там*
полан, пола[illegible] [на свадьбе]. [– Воды много было?] – *У-у, в'идз'е*
полан ДС 433[illegible] способствует деэтимологизации, и в результате всех
этих процесс[illegible]кает лексикализованная конструкция с тем же значе-
нием, включа[illegible]ссматриваемое слово уже с другим составом фонем[64].
То, что те или [illegible] параметры диалектного слова имеют тот или иной
ареал, предста[illegible] собой факт экстралингвистический, но то, что интер-
ференция ареал[illegible]зных параметров диалектного слова оказывает суще-
ственное влияни[illegible] формирование диалектной лексики в целом и прежде
всего на фор[illegible]ние ее семантической структуры, представляет собой
уже собственно [illegible]ковое явление. Точно так же внешний по отношению
к языку факт [illegible]ториального распространения того или иного говора
приобретает лин[illegible]тическую значимость в тех случаях, когда отдельный
говор как мо[illegible]ма определяется не на основании комплекса струк-
турно лингвисти[illegible]ких данных, а на основе географического критерия
("говор такого-[illegible]селенного пункта").

Интерференци[illegible]ареалов диалектных слов создает сложнейшие лексико-
грамматические [illegible]ношения между словами на такой территории, где слова
связаны между [illegible]бой системными отношениями. Этим объясняется, в
частности, то, что [illegible] каждом говоре отмечаются слова, в отношении которых
данный говор нах[illegible]дится на периферии их ареала. Употребление таких слов
не всегда быва[illegible]семантически точным, связь значения и употребления
у них не так о[illegible]нна, как у других слов. Если к тому же такое слово
обозначает не ко[illegible]кретную реалию, а какое-нибудь абстрактое понятие,
то собирателю по[illegible] невозможно схватить и объективно отразить в мате-
риале колебани[illegible]чения такого слова. При этом, как уже упоминалось,
затухать и менят[illegible]ся может не весь круг значений слова, а только одно
какое-нибудь его [illegible]значение. Анализ семантической структуры таких слов

[63] Атлас русских на[illegible]ных говоров, карта № 116. Вступ. статьи, с. 740–748.
[64] Ср. *полым, пол*[illegible] В *юр'н'ицы полым мышей. Нъ двар'е полам мух-та. Р'ека*
полам, канаем ф[illegible] *по*[illegible]*лам. ат'арй фс'е полам. Камар'ъ галку'щцъ, полым мост наб'-*
уйща, полам изъ[illegible] ДС 434. Наличие такой конструкции в говоре д. Деулино может
указывать и на т[illegible] в этом говоре тоже в прошлом была тенденция к замене
среднего рода му[illegible]ским, уступившим место другой тенденции – замене среднего
рода женским по[illegible]нием близко расположенных других южнорусских говоров,
где указанное явление наблюдается очень широко.

представляется очень сложным, поскольку при этом приходится преодолевать не только всегда неизбежную неполноту языкового материала, но и объективные трудности, обусловленные самим существом этого материала. Выше было приведено достаточно примеров, к ним можно добавить такие слова говора д. Деулино, как *барка – икра* 'льдина'[65], *вихорка-навёха* 'тонкая жердь (несколько таких жердей, связанных вершинами, располагают радиально по стогу сена для его укрепления)', *задорга – держалка* 'деревянная планка по краю печи', *язать – сулить* 'обещать'; ср. также фразеологическую единицу *не хуже*, имеющую разную употребительность и неодинаковую по объему систему значений в говоре д. Деулино и в соседнем говоре д. Веретье, которые относятся к одной и той же Восточной (рязанской) группе говоров южного наречия: г о в о р д. Д е у л и н о: 'присоединяет предложение, в котором содержится известное обоснование мысли первого предложения': *Мы надыс' ббуу мал'ил'ис', а н'а хужы жарка, д'в'ер' атвар'ил'и*; г о в о р д. В е р е т ь е: а) то же значение, что и в говоре д. Деулино; б) употребляется в значении, которое соответствует значению наречия *уже, уж*: *Ана уш сталъ старъйа, сталъ н'а хужы забываицъ*; в) употребляется примерно в значении частицы *тоже, также*: (Отец умер], *а стар'шай брат астаіс'а* ... [потом] *н'а хужы ум'ар*; г) употребляется в значении частицы для подчеркивания, усиления значения высказывания в целом: *Ана уйд'от' ф п'ат' ч'асоф н'а хужы и да в'еч'ира. Он па ет'им н'а хужы пъ машынам инжын'ерам.*

Не все диалектные слова ограничены территориально, в каждом говоре есть значительный фонд общенародных слов, распространенных повсеместно, но и территориально ограниченные и территориально неограниченные слова говора образуют единую лексическую систему говора, где все они вступают друг с другом в определенные парадигматические и синтагматические отношения, которые представляют собой один из существенных элементов семантической структуры слова. Следовательно, и слова общенародного фонда, ареал которых совпадает с ареалом всего русского языка, тем не менее тоже косвенно испытывают воздействие территориального фактора, вступая в системные отношения с теми словами, семантическая структура которых в широком смысле слова детерминирована их ареалом. Можно констатировать, что вне воздействия фактора территории нет ни одного слова, входящего в лексическую систему того или иного говора. Большой и очень ценный материал, имеющий отношение к проблеме связи ареала диалектного слова с его значением, содержат диалектологические атласы русского языка, однако с этой точки зрения этот материал почти не изучался, отчасти и по той причине, что из всех составленных диалектологических атласов опубликован только один.

В аспекте диалектной лексикологии специального рассмотрения заслуживает проблема синонимии. Эта лексическая категория требует к себе принципиально различного подхода, в зависимости от того, привлекаются ли к исследованию синонимы диалектного языка или же синонимы частной лексической системы конкретного говора.

Диалектные лексические системы соотносятся друг с другом в извест-

[65] См. также карту № 232 "Названия льдин" (Атлас русских народных говоров ...), где отмечены слова *льдины, икры, глыбы, чки, очки, чкары, крыги.*

ном иерархическом порядке, система одного говора входит составной частью в объединения более высокого уровня – в лексические системы групп говоров, диалектных зон, наречий и, наконец, в систему диалектного языка.

Эта последняя вместе с лексикой литературного языка образует лексическую систему общенародного языка, представленную в разного объема фрагментах в каждой из систем низшего уровня. Кроме лексической системы одного говора (и литературного языка), которая представляет собой реальную конкретную языковую действительность, все остальные образуют теоретически мыслимое построение с большей или меньшей степенью абстракции. Именно это обстоятельство и обязывает исследователей строго различать истинные синонимы в пределах одной конкретной моносистемы, репрезентируемые в речи каждого носителя данного говора и так или иначе взаимодействующие друг с другом, и синонимы диалектного языка в целом или его фрагментов, которые не вступают друг с другом в непосредственные реальные отношения и являются одним из факторов, формирующих семантическую структуру каждого непосредственно контактирующихся синонимов.

В пределах лексической системы одного говора истинные синонимы обладают всеми характеристиками этой лексической категории, их принципиальная характеристика такая же, как и характеристика синонимов литературного языка. Они частично различаются между собой в плане выражения, в плане же содержания между ними сохраняется различие, гораздо более значительное, чем у синонимов диалектного языка; это различие в плане содержания и удерживает их в одной реальной лексической системе, без него было бы непонятно сосуществование таких слов в говоре. Ср. такие синонимы в говоре д. Деулино как *шӧметом* (*и ше́метом*) – *полошмя́* 'опрометью'[66], *большо́й – лоба́стый*[67], *нато́рный – на́янный* 'нахальный'[68], *поя́зать – посули́ть* 'пообещать'[69] и мн. др. Сосуществование подобных синонимов в частной лексической системе доказывает, что они не образуют соответственного явления в разных говорах.

Употребление синонима и их рядов в каждом говоре детерминируется также спецификой языковой сферы, в частности, употребление некоторых синонимов в говоре может быть обусловлено спецификой синтаксиса именно устной разговорной речи. В качестве примера можно указать на так называемую конструкцию добавления, широко распространенную как в устной литературной речи, так и в речи диалектной. Эта синтаксическая модель образуется путем ассоциативного нанизывания однородных в семантическом отношении компонентов[70], которые и образуют синонимы. В такую синтаксическую модель могут вовлекаться разные части речи, в конкретной речевой деятельности она реализуется в соположении синонимов. Вот некоторые примеры из говора д. Деулино: *присту́пки – ступе́ньки*[71], *мёлкий – ма́ленький*[72], *чини́ть – платить*[73], *потаза́ть – поруга́ть*[74], *потури́ть – погна́ть*[75], *натре́сть – натраха́ть*[76], *закрыва́ть – закута́ть*[77] и др.

66 *Йа байлас' йаоб об с'м'ер'т'и... скажу́ чаво-н'ибут' и шо́м'итъм б'агу́* ДС 605. *А на́ буд'ит' б'еч' пълашм'а́, слам'а́ гълавы́* [скотина от оводов] ДС 434.

67 *У н'аво́ кам'инный дом, лабастий, бал'шо́й* ДС 279.

68 *Найанный, ч'о хош выпрьс'ит', ч'о задумыит' – аддай... нато́рный* ДС 331.

69 *Пайазалъ мн'е д'ен'г'и дат', а н'и дали* ДС 454. *Но́н'и он им пьсул'ил м'ашок йаблак* ДС 448.

70 *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис, с. 274–275.

Каждый современный русский народный говор испытывает влияние литературного языка, под воздействием которого в говор поступают разного уровня единицы литературного языка, вытесняя исконные. Проникновение литературной лексики в лексическую систему говора в современных условиях протекает непрерывно и какой-то период времени одна и та же реалия одновременно обозначается и исконно диалектным словом и заимствованным словом литературного языка. Такие двойные наименования реалий типичны для современных русских народных говоров. Ср., например, такие синонимические пары в говоре д. Деулино как *прожо́г – проу́лок, виски́–во́лосы, уходи́ться – утону́ть* и многие другие.

В каждом современном народном говоре наблюдается очень сложная языковая ситуация, которая усиливается непрерывным и достаточно динамичным развитием говора в целом и особенно его лексики. Вовлечение иносистемных лексических единиц в сферу реальной лексической системы конкретного говора сопровождается стремлением дифференцировать эти единицы в семантико-стилистическом аспекте, что, однако, происходит не сразу. Непрерывность этого процесса, а также высокая проницаемость лексического уровня приводят к такому положению, когда количество проникающих в данную лексическую систему единиц превышает ее адаптирующие возможности; заимствованная лексика в течение относительно длительного периода начинает функционировать параллельно с исконной, создавая временную избыточность синонимических средств, когда между ними трудно подметить какие-либо семантико-стилистические различия.

Иносистемные лексические единицы, включенные в исконные для данного говора синхронные синонимические ряды, благодаря общей языковой основе всех говоров и литературного языка, становятся на каждом данном этапе развития говора полноправными в семантико-стилистическом отношении членами этих рядов. Поэтому не все они легко отличимы от общей массы исконных лексических единиц говора; во всяком другом случае заимствования не из литературного языка, а из других говоров почти всегда никак не маркированы и полностью сливаются с лексикой заимствующей системы в одно целое. Употребление заимствованных слов в одном ряду с исконными в ряде случаев тоже можно объяснить втягиванием и тех и других в общую синтаксическую модель конструкции добавления, о которой говорилось выше.

Среди синонимов, образовавшихся в результате проникновения в данный говор иносистемных лексических единиц, наиболее четко выделяются заимствования из литературного языка, которые или отличаются той или иной степенью стилистической маркированности, или же просто нейтраль-

71 *Дъ пр'исту́пак, да сваих дъ ступ'ен'ак дашла да м'е́сте и врас упа́ла.*

72 *Р'аб'а́ты ш'ишь м'ёлк'ии был'и, мал'ин'к'ии* ДС 292.

73 *Нъдайе́л мн'е съ сваим'и обр'ишкам'и. Тр'и дн'а пахо́д'ит' – ап'а́т' ч'ин'и́ плат'и́* [стань заплаты] ДС 403.

74 *Ну, кан'ешнъ, пътаза́л'и нас пъругал'и* ДС 448.

75 *С'в'ин'й́у ил' каро́ву пътур'ит' на́гнат'* ДС 450.

76 *Пайд'ом йаблък ш'ш'ас натр'ис'ом нътраха́им* ДС 329.

77 *У м'ин'а́ тъ акно́ раскрыта, йа ийо н'и зъкута́йу н'и зъкрыва́йу* ДС 185.

ГЛАВА III

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО В ЕГО РАЗВИТИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В советскую эпоху русские народные говоры, в разной степени сохраняющие свои различительные признаки, являются основным средством общения для значительной части населения нашей страны. Это прежде всего русское население сельских местностей, еще не овладевшее литературным языком, а также те двуязычные представители других национальностей Советского Союза, которые говорят не только на родном языке, но и по-русски, пользуясь при этом местными разновидностями русского языка, т.е. народными говорами.

Для многих русских, еще не овладевших полностью русским литературным языком, средством коммуникации является тот или иной говор, уже значительно поколебленный как целостная система под влиянием литературного языка и в сущности представляющий собой уже не говор, а в известной степени индивидуализированный неопределенный языковой этап на пути коренной перестройки говора по модели литературного языка. Процесс перехода от диалектного говорения к литературному протекает неравномерно в разных ярусах языковой системы, потому что они характеризуются разной степенью проницаемости и разной степенью устойчивости в отношении внешних воздействий и, в первую очередь, – воздействия литературного стандарта. В этом отношении особенно проницаема лексика, причем процесс отхода от диалектной лексики тоже очень неравномерен и противоречив и с разной степенью интенсивности протекает в разных звеньях лексической системы отдельного говора.

Социальный статус лексических систем говоров и системы литературного языка неодинаков: лексические системы говоров занимают иерархически подчиненное положение, они испытывают давление со стороны лексической системы литературного языка и частично деформируются под влиянием этого давления. Взаимоотношения лексических систем отдельных говоров с лексической системой литературного языка представляют собой сложный и противоречивый процесс взаимодействия социально неравноправных участников, который детерминирован как интралингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, например, неодинаковостью исторических условий, в которых развивались и развиваются русский литературный язык и русские народные говоры.

Общий характер изменения диалектной лексики говора зависит от специфики самой этой лексики, а также и от социально-исторических условий бытования того или иного говора. Поэтому при изучении процессов изменения и развития лексики современных русских народных говоров, необходимо строго различать факторы, имманентно определяющие эти процессы, и факторы внешние, например, территорию распространения того или иного говора, характер контактов с литературным стандартом или другими говорами, а также возможные контакты с другими языками.

Каждый отдельный говор русского языка имеет исторически общую основу со всеми другими говорами, а также и с литературным языком, поэтому диалектные различия между данным говором и литературным языком, а также между отдельными говорами, представленные в каждом говоре на всех его уровнях в свойственном только ему комплексе соответственных явлений, могут быть незначительными. Между всеми говорами русского языка, а также между говорами и литературным языком больше сходства, чем различия, что и позволяет данные языковые системы считать диалектами данного языка, а не отдельными языками. Поэтому во многих случаях очень трудно, а иногда и невозможно провести четкую грань между факторами, определяющими спонтанное развитие говоров, и факторами внешними, которые выражаются в воздействии на данный говор соседних говоров и литературного языка. Особенно трудно провести такую грань при рассмотрении процессов изменения лексики говора в аспекте междиалектных контактов, потому что в данном случае приходится иметь дело со взаимодействием близких языковых систем при их очень глубоком проникновении друг в друга. Внешнее влияние на говор определеннее всего можно обнаружить в том случае, если оно выражается в заимствовании слов из другой лексической системы и если при этом есть возможность по тем или иным объективным признакам квалифицировать то или иное слово именно как заимствованное, а не исконное для данного говора. Но заимствование слов – это лишь одна из форм реализации внешнего влияния на лексику заимствующего говора, наиболее непосредственная; другие, более сложные, формы этого влияния осуществляются в других звеньях лексической системы заимствующего говора и реализуются не только в процессах вытеснения исконной лексики заимствованиями.

Влияние лексики литературного языка на говор представляет собой взаимодействие синхронных языковых систем, т.е. влияние современного русского литературного языка на современные же русские народные говоры. При этом понятие современности в отношении литературного языка и в отношении народных говоров имеет не совсем одинаковое содержание, главное различие коренится в объеме понятия, в степени его широты, в степени включения в синхронную систему элементов диахронии.

В русском языкознании не выработано конкретного понятия современного русского литературного языка, которое опиралось бы на структурно-семантические характеристики языковых фактов; это понятие определяется только хронологически, т.е. экстралингвистически. Например, в толковых словарях современного русского языка понятие современного русского литературного языка определяется чисто внешними хронологическими рамками – "от Пушкина до наших дней"[1]. Понятие современного русского народного говора определяется более узкими хронологическими рамками, потому что в народных говорах отсутствует мощный слой устаревающей лексики, который в литературном языке зафиксирован и поддерживается, например, классической художественной литературой и который включается в понятие современного языка. Кроме того, в хронологическом, а также в структурно-семантическом и стилистическом аспектах современные русские народные говоры соотносимы не со всем современным русским литературным языком в целом, а только с его устной разговорной формой.

Спонтанное изменение диалектной лексики вообще и лексики каждого

---

[1] ССРЛЯ, т. I. Введение. с. V.

отдельного говора в частности в общем определяется исторически сложившимися тенденциями их развития. Те же тенденции в значительной степени определяют собой и развитие лексики литературного языка. Однако эти общие тенденции могут привести и приводят к неодинаковым результатам в зависимости от того, в какой среде и в каких условиях они реализуются, потому что варьирование условий и среды приводит и к варьированию конечных результатов их реализации, несмотря на общность исходного материала. При этом нужно отметить, что многие фонетико-морфологические процессы изменения, обусловленные общими тенденциями развития языка, реализуются лексически, охватывая неодинаковые списки слов в разных частных лексических системах. Например, тенденция к упрощению групп согласных в русском языке реализуется, в частности, в изменении групп согласных *бв* в *б*. ср. слова литературного языка *обещать, обитать, облако, область, обязанность* и мн. др. Эта же тенденция реализуется и в говоре д. Деулино, но с охватом и этой и другой лексики; ср. *обали́ть* 'обвалить, обрушить', *обали́ться* 'обвалиться', *оба́ливаться* 'обваливаться'[2] и др.

В языковых системах современных русских народных говоров все ярусы языка находятся в активном движении, такая динамичность находится в сложных отношениях с тенденциями исторического развития говоров, то поддерживая их, то вступая с ними в противоречие. Это создает многочисленные предпосылки для производства индивидуальных, единичных фактов и в первую очередь лексических, часть которых закрепляется и входит в лексическую систему говора. Устная форма бытования говора, а также его ограниченный ареал и, как следствие этого, частичное наложение ареалов друг на друга создают условия для широкой вариативности, которая непрерывно нарушает равновесие в лексической системе, вносит в нее элемент нестабильности. Все это создает внутренние предпосылки для развития и изменения лексики говора (см. гл. I).

Слово современного русского народного говора не имеет зрительного образа, закрепленного графически и привычного, например, для носителя литературного языка. Такой зрительный образ корректирует, как это наблюдается в литературном языке, фонематический состав слова и служит сдерживающим началом, сопротивляющимся внешним, случайным ассоциациям, которые могут возникнуть при быстром и небрежном воспроизведении звукового образа слова в потоке речи. Амплитуда колебаний этого рода может быть и очень значительной, особенно в южнорусских говорах с их сильной редукцией безударных гласных. Ср., например, такие слова в говоре д. Деулино как *попли́ще* 'отчий дом', *просу́к* 'поросенок, кабан', *ка́жный, бо́знать* и др. (см. гл. II).

Вследствие только устного существования диалектного слова может измениться его фонемный состав, вначале без изменения его лексического значения. Например, позиционный вариант фонемы в ее слабом положении, при условии, что формы, где бы встречалось звучание фонемы в сильной позиции, менее употребительны, может в дальнейшем восприниматься как самостоятельная фонема, в связи с чем возникает уже новое слово с тем же значением, но с другим фонемным составом. Такой процесс тоже в значи-

[2] *У нас но́вай двор, зба́ку тут-тъ абал'и́л'и; Дом у нас абал'и́лс'и; Там ну́жъ н'и было́, там калбд'иц был, фс'о абал'ивъйицъ* ДС 351.

тельной степени обусловлен отсутствием зрительного образа и различием звукового образа разных словоформ одного и того же слова. Например, в качестве самостоятельной фонемы в слове может закрепиться позиционный вариант звонкой согласной фонемы, т.е. глухой согласный, который начинает звучать и в сильном положении, например: *груэд* 'груздь'; *ɣруст – ɣрусти́; блаз* 'призрак, привидение'; *блас – бла́са* и др. Наблюдаются и колебания, которые свидетельствуют о незавершенности процесса, например: *юбка: йу́пка – йу́бак* и *йу́пак; коло́дезь: кало́д'ис' – кало́д'из'а* и *кало́д'ис'а; насе́дка: нас'е́тка – нас'е́дъч'ка* и *нас'е́тъч'ка* и др.[3]. Так возникают фонетико-фонологические инновации, иногда неустойчивые, а иногда такие, которые приводят к изменению в слове этимологически мотивированного стабильного состава фонем и тем самым к образованию новых слов.

В других случаях в слове происходит мена соотносительных фонем, обусловленная артикуляционной близостью их звуковых реализаций, хотя слово может при этом сохранять свое прямое значение. Иногда такая мена приводит к затемнению этимологии слова, значение которого уже представляется немотивированным из-за изменения фонемного состава. Особенно наглядно это прослеживается на примере сложных слов, например: *санопря́ха* 'самопрялка'; *слабохо́тный* (*словоохо́тный*) 'словоохотливый; приятный, доставляющий удовольствие', и др.

Встречаются случаи сокращения количества фонем в слове за счет отпадения конечных фонем, первоначально, вероятно, в связи с быстрым и небрежным говорением, например: *небо́* 'небось', *недосу́* 'недосуг', *домо́* 'домой' и др. Ср. литературное *спасибо*. В большинстве случаев такие изменения звуковой оболочки слова вначале не меняют заметным образом лексического содержания слова, однако нередко они приводят к разрыву семантических связей слова, опирающихся на этимологию, а это уже содержит в себе возможность дальнейшего изменения слова как целого, потому что в слове его звуковая оболочка и лексическое содержание находятся в диалектическом единстве. Всякое изменение одного из компонентов этого единства в конце концов приводит к изменению всего целого, изымает данное слово из его круга исторически сложившихся парадигматических отношений и полностью или частично включает его в другой круг. При этом меняются и синтагматические отношения слова.

Фонетические процессы, происходящие в говорах, приводят не только к процессам изменения отдельных слов говора, но и к процессам изменения его лексической системы в целом. Рассмотрение механизма фонетических процессов и конкретных путей их реализации не входит в нашу задачу, хотелось бы лишь подчеркнуть, что фонетические процессы гораздо сильнее связаны с возникновением собственно лексических изменений, чем это принято считать, так как многие из них протекают в составе ограниченного круга слов. Различие между отдельными процессами фонетических изменений в говоре состоит в том, что набор слов, в которых реализуется то или иное фонетическое изменение, может охватывать в говоре разное количество слов, от такого, которое легко обозримо, до такого, которое практически представлено незамкнутым рядом либо определенными морфологи-

[3] Ср.: *Филин Ф.П.* О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах. – Лексика русских народных говоров. М. – Л., 1966.

ческими категориями, причем в разных говорах охват этих категорий разный. В качестве примера можно привести такое широко известное явление русского языка как переход исконного *é* в *'ó* под ударением (см. гл. II).

Аналогичным образом можно интерпретировать и некоторые процессы изменения грамматики говора, тоже создающие стимулы изменения лексики говора. Грамматические категории реализуются в определенных словах и при этом тоже лексически ограниченно, что приводит к оформлению в лексической системе говоров особых лексико-грамматических групп слов. Поэтому всякого рода изменения грамматической структуры говора влекут за собой и изменения набора и характера слов, репрезентирующих данную грамматическую категорию. Например, изменение системы именного склонения влечет за собой и изменение набора соответствующих падежных словоформ, изменение системы глагольных времен тоже реализуется лексически.

При рассмотрении причин изменения грамматического строя говоров иногда трудно отличить такие, которые представляют собой реализацию самостоятельного развития тенденций, исторически заложенных в основе говора и свойственных всему русскому языку в целом (например, упомянутая унификация типов именного склонения или изменение системы глагольных времен), от таких, которые происходят в говоре под влиянием литературного языка в процессе подравнивания к грамматической системе последнего.

Процесс развития грамматического строя русского языка по отдельным говорам (и в литературном языке), а также процесс лексикализации прежних регулярных реализаций грамматической системы протекает неравномерно; например, в грамматическую парадигму слова определенного современного типа склонения могут быть включены лексикализованные словоформы прежних, уже исчезнувших типов склонения. Ср., например, упоминавшуюся выше словоформу *свекры́* (*свекры́ – свекро́ви – свекро́ви* и т.д.) и под. Ср. также "грамматическую судьбу" слов *путь, зверь, мышь, соба́ка, ветло́, звездо́, стрело́* и др. в разных говорах, где эти слова имеют разный грамматический род.

Спонтанная эволюция фонетического и грамматического строя народных говоров, приводящая к изменению лексики, создает в системе последней явления вторичного порядка. По существу это фиксация на лексическом уровне и перевод в словарь тех изменений, которые протекают на других уровнях. Вполне понятно, что значительно бо́льшие изменения лексики можно отметить при непосредственном развитии самой лексической системы. В первую очередь это относится к изменению значения диалектных слов. Подобные изменения происходят в народных говорах, как и во всякой языковой системе, медленно, но непрерывно. Типы семантических изменений могут быть самыми разнообразными. Очень часто, например, процесс изменения семантики слова выражается в расширении его значения, в некоторых случаях даже можно проследить ход этого процесса, потому что данное слово во многих случаях продолжает употребляться в говоре и в своем первоначальном значении и со своими прежними лексическими связями. Расширение семантического объема слова и включение его в новый круг семантических ассоциаций первоначально основываются на каком-либо употреблении слова в переносном значении, причем такое употребле-

ние первоначально, по-видимому, представляет собой индивидуальный акт. В дальнейшем при повторении таких употреблений непрямые значения слова превращаются в прямые, слово разрывает прежние семантические связи, деэтимологизируется, у него проявляются новые парадигматические и синтагматические отношения в пределах той же лексической системы, которые для этого слова в его исходном значении были прежде невозможны (см. гл. II, примеры *лоба́стый, лохмо́тый* и др.).

Когда слово употребляется и в обычном исходном значении, сохраняя прозрачные семантические связи со своим кругом слов, и одновременно в новом более широком значении, то оно вступает в новые лексические связи, которые затемняют его этимологию и даже первоначально вступают с ней как бы в противоречие, которое, однако, в данной лексической системе с синхронной точки зрения уже сглаживается, потому что новое значение слова и его новые связи закрепляются в говоре и прочно входят уже во всеобщее употребление. Противоречивым такое употребление слова кажется с точки зрения носителей другой, очень близкой, но не тождественной лексической системы, где данное слово не приобрело ни аналогичного нового значения, ни аналогичных новых связей. Таково, например, восприятие тех или иных словосочетаний говора носителями литературного языка. Например, в говоре д. Деулино слово *огребу́щий* 'обильный' употребляется не только в сочетании со словами *карто́шка, я́годы, комари́, ры́ба, де́ти* и т.п., но и в сочетании *огребу́щая вода́*[4]; слово *развя́зкой* имеет значение не только 'без платка', но и 'без головного убора вообще', поэтому это слово употребляется также и в применении к мужчинам[5].

В некоторых случаях расширение значения слова осуществляется в особых синтаксических условиях. Например, в говоре д. Деулино слово *де́вка* имеет прямое значение 'девушка или девочка, а также дочь', но в обращении (нередко в аллегровой форме *девк!*, *дефк!*) может употребляться в отношении а) к девушке, б) к замужней женщине любого возраста (употребляется между сверстницами или при обращении старшей к младшей), в) к животному, г) к неодушевленному предмету[6].

Приведенные примеры раскрывают один из аспектов процесса изменения значения слова, который обусловлен его бытованием в данной лексической системе. Этот процесс вызывается и стимулируется фактом конкретной реализации значения слова первоначально, по-видимому, в индивидуальном контексте. Такая конкретная реализация значения слова приводит к противоречию между его значением и употреблением, которое в дальнейшем снимается, начальная случайная и частная реализация значения слова в индивидуальном аспекте стабилизируется и превращается из случайной в регулярную. Противоречия между значением слова и его употребле-

---

4 Возможно, что в этом случае сыграла роль семантическая индукция глагола *огреба́ться*, который имеет не только значение 'освобождаться, отряхиваться от чего-либо' (*огребу́тся от комаре́й*), но и значение 'грести по воде'.

5 *Баб'и на галоьку ад'инайут' платок, а мужы́к – раз'в'а́скъй* [так кладут в гроб] ДС 479.

6 *Мо́жът', ты д'е́фка, а мо́жът', ты мужавба, хто йе знайт'; Иоу́, м'ин'е́ фстр'ав'а́йут'; Ох, д'е́ўка, ох, д'е́ўка,. Па́шка* [сын] . . . *н'ит' ум'е́рша́йа пр'ишол; Ды брыс', накайъ ты д'е́фкъ, с'ил'отку пайе́ на́дъ* [кошке]; *Дь, д'е́фкъ, ч'о ш ты так н'а́ма́шыс'с'и* [очень долго сбивает масло] ДС 138.

1/2 11. Зак. 1649

нием можно квалифицировать как внутреннюю движущую силу изменения и развития лексики говора. Подвижные и многообразные отношения значения и употребления слова в устной диалектной речи, их противоречивое единство создают очень благоприятные условия для стимулирования внутренней динамики развития словарного состава говора. Можно также констатировать, что проблема взаимоотношения значения и употребления слова в устной диалектной речи в известной степени более усложнена, чем аналогичная проблема в письменной форме литературного языка.

Процесс изменения и развития лексической системы говора частично обусловлен также устареванием части лексического фонда и связанным с ним процессом образования лексических инноваций. Устаревание части лексики говора и замена ее другой при условии сохранения реалии иногда происходит без заметной связи с какими-либо внешними причинами. Устаревающая лексика переходит сначала в пассивный лексический фонд говора, а затем полностью выпадает из него. Ср. такие слова говора д. Деулино, как *за́дорга* 'деревянная планка по краю русской печи, за которую держатся при влезании на печь', *рожа́лый* 'большой', *я́зать* 'обещать', *живо́т* 'жизнь' и др. Процесс устаревания слов в разных говорах протекает неравномерно: одно и то же слово, обозначающее одну и ту же реалию, в одном говоре является устарелым и почти у всех носителей говора заменено другим, а в других говорах сохраняется в активном лексическом фонде. Например, упоминавшееся слово *за́дорга* в говоре д. Деулино известно уже очень немногим лицам, они с трудом могли припомнить его значение, это слово почти полностью заменено словом *держа́лка*, а в других рязанских мещерских говорах оно является общеупотребительным; это же слово отмечено и в одном из архангельских говоров: *за́дорога*. Такое изменение номинации реалий осознается и носителями говора, которые замечают это явление и дают ему свое субъективное истолкование ("раньше называли так, а теперь – так").

Многие из рассмотренных выше процессов спонтанного развития диалектных лексических систем характерны для русских говоров на всех этапах их существования, в том числе и на современном. Последнее объясняется тем, что многие из описанных процессов свойственны (хотя в ряде случаев и в ином конкретном выражении) устной речи вообще, а их диалектная специфика объясняется главным образом отсутствием в настоящее время у русских народных говоров письменной формы.

По мере укрепления структуры русского языка как национального, особенно в советскую эпоху, решающим фактором в развитии народных говоров становится влияние литературного языка. Это влияние приводит к победе центростремительных тенденций в развитии всех местных разновидностей языка. Этим и определяется дальнейшая судьба всех местных инноваций, возникающих в результате спонтанного развития говора; в этот период устранение или стабилизация инноваций любого типа детерминируется их большей или меньшей близостью к системе литературного языка. Особенно отчетливо сила воздействия литературного языка прослеживается при изучении охарактеризованной выше вариантности диалектного слова: в говоре отбираются те компоненты вариантного ряда, которые обладают наибольшим сходством с аналогичными фактами литературного языка.

Сближению с литературным языком способствует также и то, что в тен-

денциях спонтанного развития всех частных систем русского языка есть много общего. Это объясняется единством русских народных говоров и литературного языка, сохраняющимся на протяжении всего их исторического развития, и преобладанием в них элементов сходства над элементами различия; последнее особенно характерно именно для говоров русского языка. С этим связан и тот факт, что диалектные лексические инновации в меньшей степени противостоят друг другу в разных говорах, чем в говорах и в литературном языке. В самих диалектных языковых системах имеются также тенденции, объективно ведущие к унификации средств выражения: возникающая в говорах по ряду рассмотренных выше причин лексическая "избыточность" всегда была связана в них с тенденцией выравнивания.

Лишь часть собственно местных диалектных инноваций может войти и входит в общенародный лексический фонд. Для такого вхождения то или иное диалектное слово должно отвечать определенным потребностям общенародного языка. В настоящее время не представляется возможным определить эти потребности более или менее конкретно и доказательно. Существующие теории пока не дают удовлетворительного ответа на этот вопрос: "Нелегко ответить на вопрос: чем определяется выбор вовлекаемой в литературное употребление диалектной, просторечной, жаргонной и тому подобной лексики? Ведь в этом выборе чрезвычайно трудно проследить какие-либо закономерности, продиктованные системными языковыми отношениями"[7].

Весьма интенсивно протекают в современных народных говорах процессы изменения и развития, обусловленные внешними факторами. Эти процессы играют едва ли не доминирующую роль в направлении развития говоров, а также определяют собой качество и темпы этого развития.

Русские народные говоры представляют собой современное, но исторически преходящее средство массовой коммуникации. В советскую эпоху условия существования народных говоров вообще и их лексики в частности в первую очередь характеризуются мощным воздействием на них литературного языка[8]. Однако возникающие при этом процессы изменения определяются в современных условиях не только взаимодействием с литературным языком и его интенсивным влиянием на говоры, но и более общими причинами социального характера и в первую очередь глубокими социально-экономическими процессами перестройки советской колхозной деревни. Эти процессы коренным образом изменяют всю социальную действительность деревни, в своей конечной цели они направлены к ликвида-

[7] *Крысин Л.П.* Пополнение литературного языка заимствованиями. – Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968, с. 62.

[8] Воздействие литературного языка на говоры отмечалось уже и в дореволюционную эпоху (ср., например, наблюдения А. Грандилевского: "При указании всякой особенности холмогорского говора следует иметь в виду, что рядом с нею стоит и правильная форма слова: очень часто своеобразное произношение бывает одинаково употребляемое, как и правильное; иногда преобладает правильное, иногда наоборот; встречаются факты или полного отсутствия правильного употребления чего-либо или же исключительно одна верная форма слова" (*Грандилевский А.* Родина М.В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. – Сборник ОРЯС, 1907, т. 83, № 5, с. 11–12).

ции различий и противоречий между городом и деревней и выражаются в перестройке материальных условий жизни и в изменении социальных условий существования жителей деревни со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такой глубинный, охватывающий все стороны деревенской жизни процесс перестройки не может не сказаться на изменении народных говоров и их лексики, причем эти изменения частично осуществляются не через посредство литературного языка, а непосредственно под влиянием изменяющейся действительности. Имеются в виду такие лексические факты, которые обозначают реалии, специфичные именно для деревни и исчезающие в процессе перестройки ее жизненного уклада. Лексика, обозначающая такие реалии, не имеет и не может иметь соответствий в литературном языке, она никак не корреспондирует с его лексикой и поэтому полностью остается вне ее влияния. Изменения такой лексики обусловлены всем комплексом социально-экономических причин, но не воздействием литературного языка. Такова, например, лексика, связанная со старыми методами ведения сельского хозяйства[9], с некоторыми производственными процессами и с ремеслами, лексика, отражающая исчезающие социально-бытовые институты, обозначающая исчезающие реалии, например детали русской национальной одежды, и т.п. Утрата той или иной реалии в деревенском быту ведет к тому, что у слов, обозначающих такие реалии, круг бытования неуклонно сужается, значения их становятся все более и более неопределенными, сбитыми и постепенно забываются. Такие слова непрерывно выпадают из говоров, не заменяясь другими. Утрата реалий неизбежно ведет к утрате слов в говоре в течение периода времени, примерно соответствующему периоду жизни одного поколения носителей данного говора. Однако, если реалия остается, но по каким-либо причинам перестает отчетливо противостоять другим, то специальное слово, обозначающее эту реалию, может забыться, а данная реалия будет обозначена лексической инновацией. Таковы, например, в говоре д. Деулино слова *снош́ельница* и *снóшница* 'жены братьев по отношению друг к другу'[10]. Эти новообразования заменили какое-то более старое слово (ср. древнерусское *ятры* 'невестка, жена брата'[11], которое в говоре д. Деулино неизвестно). Замена, видимо, произошла потому, что этот термин старой патриархальной семьи отчасти потерял свою актуальность в связи с распадом этой семьи как хозяйственной единицы, однако второстепенное родство все же продолжало пережиточно отмечаться в старой крестьянской семье и в наше время. Для обозна-

[9] "Можно считать, что ... в основе сельскохозяйственной терминологии лежит специальная производственная терминология общего распространения, не знающая территориальных границ. Старая диалектная терминология сохранилась частично, в отдельных звеньях, а в основном перешла в пассивный языковой запас или исчезла полностью" (*Баранникова Л.И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967, с. 84); в качестве иллюстрации Л.И. Баранникова приводит терминологию, связанную с сохой и при этом замечает, что "происходит не перестройка микросистемы, связанной с названием сохи и ее частей, а разрушение этой системы, ее утрата. Поэтому обычно наблюдается утрата отдельных звеньев системы, а не замещение одних другими" (там же, с. 85).

[10] *Мой муш и иво́ муш – брат'йа, а мы сно́х'и ... сношéл'н'ица ано́ мн'е. – Сно́шн'ицы мы с йей был'и, мало́ д'ив'ир'а жона́* ДС 530.

[11] *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, с. 1673–1674.

чения этого второстепенного и в новых условиях уже не актуального родства был употреблен материал близкого по значению слова *сноха́*, но с особыми суффиксами для различения этих степеней родства. На относительно позднее происхождение этой инновации указывает ее нестабильность, выражающаяся в колебании в выборе суффикса.

Уходящая и даже ушедшая лексика может частично сохраняться в различного рода фразеологических единицах, а отдельные морфемы сохраняются в производных словах. Некоторые слова сохраняются только в языке фольклора, например, *пóшлый* – в песне (говор д. Деулино; значения не знают); ср. *пóшлый* 'плохой, никудышный' в говоре соседнего населенного пункта.

В лексической системе говора нет историзмов, как в литературном языке, где они удерживаются письменностью (ср. такие слова, как *боярин, князь, барщина* и мн. др.), устаревшие слова в говоре частично удерживаются только в памяти носителей говора и выпадают из него уже при жизни следующего поколения. Для современной лексической системы говоров характерно наличие такого рода лексики, которая уже не имеет опоры в окружающей действительности и сохраняется только в памяти старшего поколения, причем уже нередко со сбитой семантикой. Именно в таком состоянии зафиксированы в говоре д. Деулино такие слова как *токови́ще* 'место, где жгут древесный уголь на продажу', *мутóяз* 'плетеный шерстяной шнур красного цвета для отделки нарядной женской одежды; шнурок, завязка, веревочка', *мастю́шка* 'глиняный горшочек для хранения масла', *бахи́лы* 'род обуви', *наби́лки* 'деталь ткацкого стана', *кочеты́г* 'небольшой плоский стержень применяется при плетении лаптей', *восьму́ха, девя́тина, деся́тина, оди́нщик, двена́шник* – 'разновидности берда по ширине' и мн. др. Процесс выпадения такого типа лексики из говора и последующего ее забвения связан с процессом изменения условий деревенской жизни, он не имеет никакого отношения к воздействию на говор литературного языка.

В процессе наблюдаемой в настоящее время трансформации диалектных систем решающее значение имеют некоторые предпосылки особого типа, характерные именно для современного этапа общественного развития, без их учета трудно было бы объяснить наличие новых по своему качеству и интенсивности симптомов отхода от диалектной речи, постоянно наблюдаемых в настоящее время. Симптомы эти связаны с сознательно осуществляемым стремлением носителей говоров пользоваться в определенных случаях речью, которая в силу возможностей того или иного говорящего максимально приближалась бы к речи литературного типа. Нередко при этом можно наблюдать, что стремление этого рода связывается у лица, говорящего на диалекте, с оценкой своей местной диалектной речи как речи низшего типа, менее грамотной; это указывает на появление очень важной для перестройки диалектных систем субъективной предпосылки, а именно на появление сознательного отношения к своей речевой практике. В истории существования говоров русского языка это характерно именно для современного этапа их существования, когда говоры все больше и больше вовлекаются в структуру высокоразвитого национального языка.

Важнейшими стимулами, вызывающими к жизни сознательное стремление перейти от говора к литературному языку, является резкое усиление

В современных условиях существования русских народных говоров скорее можно говорить не о развитии народных говоров при близком участии литературного языка, а об их перестройке по модели литературного языка. В большинстве говоров происходит бурное развитие и изменение лексических систем, а не их медленная эволюция. Можно с уверенностью предсказать, что в течение жизни ближайших одного-двух поколений лексика населения тех даже исконных мест, где сейчас распространены территориальные говоры, мало чем будет отличаться от лексики носителей литературного языка. Достаточно сравнить хотя бы речь лиц, имевших большую практику общения с городским населением, чтобы получить подлинное представление о темпах этого процесса. К тому времени характер противопоставления литературной лексики лексике диалектной будет качественно иным. Правда, результаты воздействия литературного языка на говоры, как уже указывалось, отчасти зависят также и от качества самого говора (его языковой специфики, условий его бытования, территориальной прикрепленности), но это уже частные аспекты общей темы, которые не влияют существенным образом на общую модель взаимодействия литературного языка и народных говоров, сообщая ей только отдельные локальные черты.

В данной главе рассматриваются соотношения и соответствия лексики конкретных говоров, объединенных в реальную лексическую систему, с лексикой литературного языка. Выполняя это условие, мы вовлекаем в процесс сопоставления такие объекты, которые не могут быть сопоставлены на базе другого лексического материала, потому что слово говора соотносится с тем или иным словом литературного языка не только как единичный факт, но и как член самых разнообразных структур внутри лексической системы, как отдельное звено, точка пересечения самых разнообразных рядов как в плане содержания, так и в плане выражения. Такие многоплановые соотношения слов приобретают необходимую достоверность только в аспекте сопоставления слов как членов лексической системы, а не как набора разрозненных никак не связанных друг с другом фактов.

Соотношение лексической системы говора и лексической системы литературного языка представляет собой соотношение переменной и постоянной величин, где переменной величиной является лексика разных конкретных говоров, сопоставляемая с одним и тем же константным объектом — с лексикой литературного языка. Соотносимые конкретные факты могут различаться по говорам, тем не менее тип соотношений лексики говора и лексики литературного языка примерно один и тот же. Поэтому привлекаемый к исследованию материал при всей его конкретной локальной характеристике обладает и общими свойствами, позволяющими делать наблюдения обобщающего характера.

Лексический материал, на котором приходится прослеживать ход процесса перестройки лексики говоров, не всегда является достаточно полным, потому что он извлекается из диалектных словарей дифференциального типа; полные словари в русской диалектной лексикографии отсутствуют. Поэтому иногда приходится говорить не о завершившихся процессах перестройки того или иного звена лексической системы говора, а о возможном характере их протекания и о результатах этих процессов как об их логиче-

ском завершении, хотя материал такого рода в силу ук[illegible]азанных
причин может отсутствовать. Точно так же, говоря о лекси[illegible]ческой си[illegible]
говора, приходится лишь перечислить ее отдельные призна[illegible]ки, потом[illegible]
понятие лексической системы языка до сих пор не получ[illegible]ило поли[illegible]
всестороннего раскрытия, хотя бы такого, как понятие фо[illegible]нети[illegible]ческо[illegible]
темы или системы морфологической. Лексическая система [illegible]пок[illegible]а что о[illegible]
вается в ряде ее хотя и существенных признаков, но все [illegible]же не да[illegible]
исчерпывающего представления о системе тех единичных ф[illegible]акт[illegible]ов, ка[illegible]
являются слова.

Взаимодействие диалектной и литературной лексики ре[illegible]ализ[illegible]уется [illegible]
ренной перестройке лексических систем конкретных гово[illegible]ров, а так[illegible]
в изменении лексики самого литературного языка. В этом п[illegible]роц[illegible]ессе уч[illegible]
литературного языка и говоров неодинаково, оно определя[illegible]ется [illegible]общи[illegible]
правлением этого процесса, который в основном идет от [illegible]ли[illegible]ератур[illegible]
языка к говорам. При изучении взаимодействия народных [illegible]гов[illegible]оров и [illegible]
ратурного языка важно учитывать, что в целостную лексич[illegible]еск[illegible]ую сис[illegible]
конкретного говора попадают фрагменты лексической систе[illegible]мы [illegible]литер[illegible]
ного языка в виде отдельных слов и словосочетаний, котор[illegible]ые [illegible]ключа[illegible]
в лексическую систему говора, входя в качестве ее членов [illegible]во м[illegible]ногочи[illegible]
ные лексические ряды говора. Слово из литературного язы[illegible]ка [illegible]приобр[illegible]
в говоре диалектные различительные признаки и иначе про[illegible]тив[illegible]остоит [illegible]
гим словам говора, чем прежде в составе литературного я[illegible]зык[illegible]а. Вме[illegible]
тем слово из литературного языка попадает в говор как член [illegible]др[illegible]угой ле[illegible]
ческой системы, поэтому его новое семантическое содержан[illegible]ие [illegible]можно [illegible]
нить с прежним, в составе исходной лексической системы.

Изменения отдельных звеньев лексической системы гов[illegible]ора [illegible]под в[illegible]
нием лексики литературного языка неодинаковы по сво[illegible]ему [illegible]качес[illegible]
Например, изменения, наблюдаемые в звене знаменательных [illegible]слов[illegible], являя[illegible]
изменениями лексической системы, потому что эти изменен[illegible]ия [illegible]прони[illegible]
в семантическую структуру слов, способствуют возникн[illegible]овен[illegible]ию но[illegible]
лексических оппозиций слова (например, синонимических, ан[illegible]тон[illegible]имичес[illegible]
и мн. др.), могут выражаться в заимствовании новых лексиче[illegible]ских [illegible]х факт[illegible]
вытеснении старых и т.п. Изменения в звене служебных сл[illegible]ов [illegible]— это [illegible]
изменения лексико-грамматические, так как при этом и[illegible]зм[illegible]еняются [illegible]
только отдельные слова, но и синтаксические конструкц[illegible]ии, [illegible]напри[illegible]
предложные.

Подобные виды изменения лексической системы говора [illegible]под [illegible]влиян[illegible]
лексики литературного языка в реальном ходе взаимодейств[illegible]ия [illegible]перекр[illegible]
ваются, вступают друг с другом в разветвленные многоступен[illegible]чат[illegible]ые отно[illegible]
ния и в значительной степени обусловливают друг друга. В[illegible]се [illegible]это вм[illegible]
взятое создает очень сложную картину реального процесса вз[illegible]аим[illegible]одейст[illegible]
отдельных звеньев лексической системы литературного язы[illegible]ка [illegible]и данн[illegible]
конкретного говора. Предпосылками такого взаимодейст[illegible]вия [illegible]являю[illegible]
различия в звуковой оболочке слов, различия в их семантиче[illegible]ской [illegible]струк[illegible]
ре, различия в наборе словообразовательных моделей и м[illegible]ног[illegible]ое дру[illegible]
Из всех возможных результатов имманентного развития лек[illegible]сик[illegible]и говор[illegible]
при прочих равных условиях имеют более высокие шансы н[illegible]а [illegible]закрепле[illegible]
те лексические инновации, которые совпали с теми или ин[illegible]ыми [illegible]факта[illegible]
литературного языка. Таким образом, отбор имманентных [illegible]лекс[illegible]